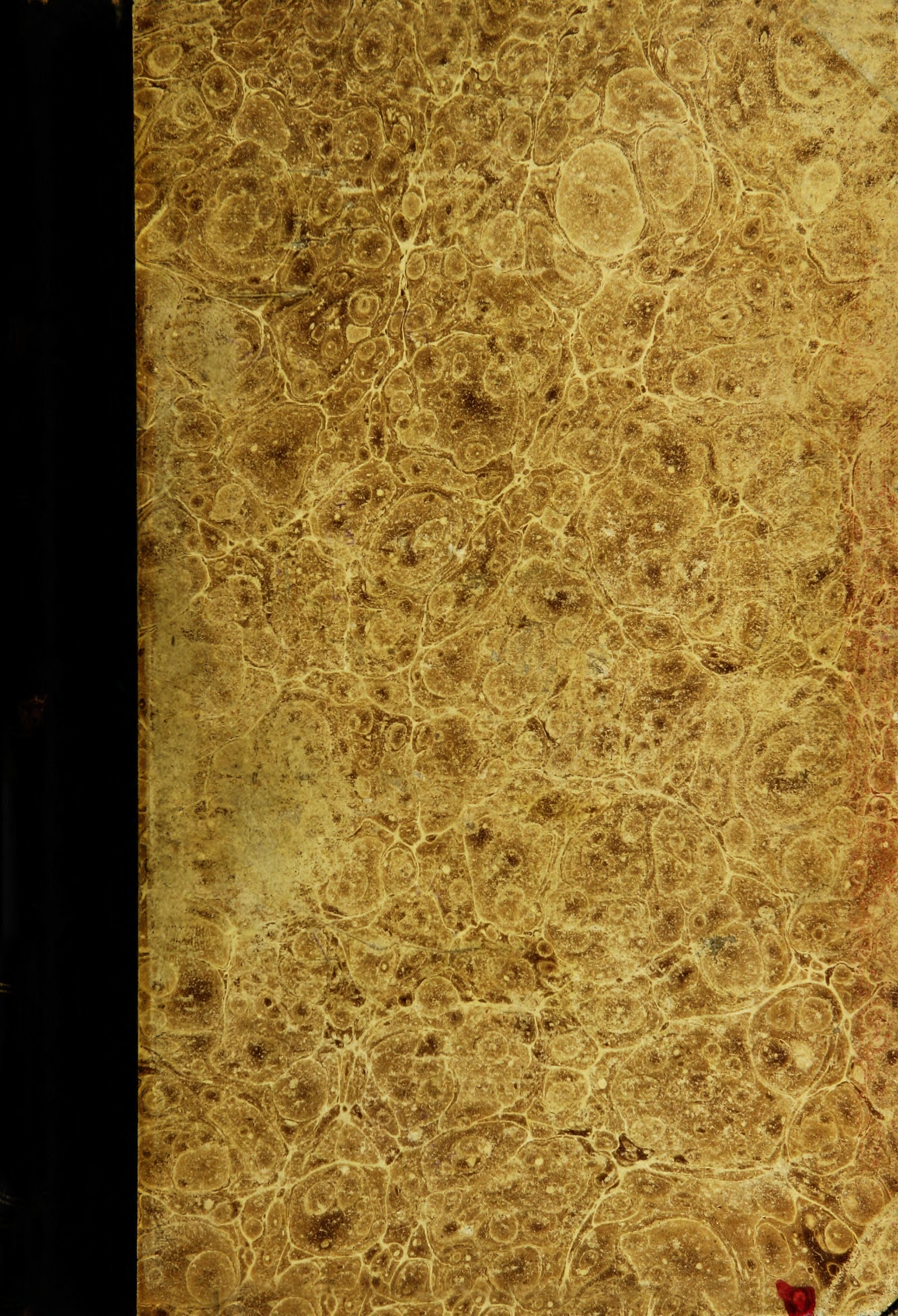


F I 15657

А. И. Боргманъ

F II 15657.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

(ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ)

2.

ЧАСТЬ II

3361

СЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Учен. Ком. М. Нар. Пр. допущена въ качествѣ необязат. пособія для старшихъ классовъ средних ъ учебныхъ заведеній.

БИБЛІОТЕКА ... С.ПЕТЕРБ... ...ЕТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Т-ВА А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ»
1913

А. И. Боргманъ

F II 15657

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

(ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ)

ЧАСТЬ II

СЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

19279

Переинв. 1950

Учен. Ком. М. Нар. Пр. допущена въ качествѣ необязат. пособія для старшихъ классовъ средних учебныхъ заведеній.

Учебнымъ Ком. Вѣдомства Императрицы Маріи ОДОБРЕНО для ученич. библіотекъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Т-ВА А. С. СУВОРИНА — «НОВОЕ ВРЕМЯ»
1913

А. И. Боргманъ

F II 15657

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

(ПОСОБІЕ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ)

ЧАСТЬ II

СЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

19279

Переинв. 1950

Учен. Ком. М. Нар. Пр. допущена въ качествѣ необязат. пособія для старшихъ классовъ средних учебныхъ заведеній.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Т-ВА А. С. СУВОРИНА—«НОВОЕ ВРЕМЯ»
1913

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ V.

Петербургскій періодъ русской исторіи.

ЧАСТЬ I.

Восемнадцатый вѣкъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе Петра Великаго.

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ 1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Жизнь и дѣятельность Петра I до Великой Сѣверной войны.

§ 1. Младенческіе годы Петра 2
§ 2. Избраніе Петра на царство и интриги Милославскихъ 2
§ 3. Правленіе Софіи 8
§ 4. Юность царя Петра Алексѣевича 11
§ 5. Конецъ правленія Софіи 13
§ 6. Первые годы самостоятельнаго правленія Петра 15

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Великая Сѣверная война и война съ Персіей.

§ 7. Причина и поводъ къ войнѣ 26
§ 8. Начало войны 28
§ 9. Успѣхи русскихъ 31
§ 10. Окончаніе войны 38
§ 11. Персидская война 41

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Преобразовательная дѣятельность императора Петра I.

§ 12. Зависимость преобразованій отъ войны 42
§ 13. Военная реформа 43
§ 14. Преобразованія служилаго класса 45

СТРАН.
§ 15. Преобразованія сельскаго класса 47
§ 16. Финансовыя преобразованія 50
§ 17. Административныя реформы 54
§ 18. Просвѣтительныя мѣропріятія 66
§ 19. Церковныя мѣропріятія 77

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отношеніе къ Петру I современниковъ, послѣдующихъ поколѣній и исторической науки.

§ 20. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, какъ глава противниковъ Петровскихъ преобразованій 83
§ 21. Отношеніе современниковъ къ Петру I 89
§ 22. Сужденія о Петрѣ Великомъ послѣдующихъ поколѣній и исторической науки 97
§ 23. Характеристика Петра Великаго 103

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпоха ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго.

§ 24. Общій обзоръ ея 107

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Измѣненія административной системы Петра Великаго.

§ 25. Царствованіе Екатерины I 111
§ 26. Царствованіе Петра II 115

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Попытки измѣненія государственнаго строя и ихъ послѣдствія.

§ 27. Замыслы верховниковъ 118
§ 28. Оппозиція верховникамъ 122
§ 29. Пріѣздъ императрицы Анны и возстановленіе самодержавія 125
§ 30. Общій характеръ царствованія Анны Іоанновны 129
§ 31. Управленіе при Аннѣ Іоанновнѣ 132
§ 32. Положеніе сословій при Аннѣ Іоанновнѣ 133
§ 33. Внѣшняя политика при Аннѣ Іоанновнѣ 136

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Борьба между русской и нѣмецкой партіями.

§ 34. Дѣло Волынскаго 136
§ 35. Регентство Бирона 138
§ 36. Регентство государыни принцессы Анны Леопольдовны и заговоръ въ пользу царевны Елизаветы Петровны 139

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Возвышеніе дворянства.

СТРАН.
§ 37. Общій характеръ царствованія Елизаветы и ея сотрудники 142
§ 38. Внутренняя политика Елизаветы Петровны 146
§ 39. Просвѣщеніе при императрицѣ Елизаветѣ 149
§ 40. Внѣшняя политика императрицы Елизаветы Петровны 154
§ 41. Характеристика Петра Ѳеодоровича и Екатерины Алексѣевны 156
§ 42. Царствованіе императора Петра III 160

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эпоха императрицы Екатерины Великой.

ВВЕДЕНІЕ. 163

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Періодъ широкихъ начинаній.

§ 43. Положеніе Екатерины II при вступленіи на престолъ 165
§ 44. Заботы объ образованіи человѣка и гражданина 169
§ 45. Заботы о составленіи идеальнаго свода законовъ 173

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Періодъ сословныхъ реформъ.

§ 46. Учрежденія для управленія губерній 191
§ 47. Дворянство при императрицѣ Екатеринѣ II 194
§ 48. Крестьянство при императрицѣ Екатеринѣ II и Пугачевскій бунтъ . . . 196
§ 49. Городской классъ при Екатеринѣ II 209
§ 50. Экономическая политика Екатерины II 211
§ 51. Просвѣтительныя мѣропріятія второй половины царствованія Екатерины II. 213
§ 52. Общественная жизнь при Екатеринѣ II 216
§ 53. Сподвижники императрицы Екатерины II 221

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Внѣшняя политика императрицы Екатерины II.

§ 54. Общій ходъ политики 224
§ 55. Восточный вопросъ и вмѣшательство въ дѣла Западной Европы 227
§ 56. Польскій вопросъ 234

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Измѣненіе правительственной системы императрицы Екатерины II.

§ 57. Жизнь и характеръ великаго князя Павла Петровича 244
§ 58. Внутренняя политика императора Павла I 248
§ 59. Внѣшняя политика императора Павла I 256

ЧАСТЬ II.

Девятнадцатый вѣкъ.

СТРАН.

ВВЕДЕНІЕ 259

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе императора Александра I Павловича.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Планы коренныхъ реформъ.

§ 60. Воспитаніе и юность Александра Павловича 263
§ 61. Вступленіе на престолъ императора Александра I 266
§ 62. Интимный Комитетъ 267
§ 63. Учрежденіе министерствъ 271
§ 64. Просвѣтительныя мѣропріятія 272
§ 65. Крестьянскій вопросъ 275
§ 66. Внѣшняя политика перваго періода 277

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Участіе Россіи въ коалиціи противъ Наполеона.

§ 67. Война 1805—1806 гг. 278
§ 68. Война 1806—1807 гг. 280

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Союзъ съ Наполеономъ и новыя попытки реформъ.

§ 69. Внѣшняя политика 1807—1812 гг. 284
§ 70. Возобновленіе преобразовательной дѣятельности 287
§ 71. Общественное настроеніе 1808—1812 гг. и паденіе Сперанскаго 294

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отечественная война и война за освобожденіе Европы.

§ 72. Отечественная война 300
§ 73. Освободительная война 1813—1814 гг. 309

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Эпоха реакціи.

§ 74. Измѣненіе характера императора Александра I въ послѣднее десятилѣтіе царствованія 314
§ 75. Аракчеевъ 316
§ 76. Военныя поселенія 317
§ 77. Проявленія мистицизма во внѣшней политикѣ 319
§ 78. Народное просвѣщеніе, администрація и сословный вопросъ 321
§ 79. Польскій вопросъ 324

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Общественное настроеніе 20-хъ годовъ.

§ 80. Развитіе національзма, масонство и «вольномысліе» 326
§ 81. Тайныя общества 329

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи и кончина императора Александра I.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царствованіе императора Николая I Павловича.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Внутреннія событія.

СТРАН.

§ 82. Вступленіе на престолъ императора Николая I 335
§ 83. Общій характеръ правительственной дѣятельности императора Николая I. 340
§ 84. Польское возстаніе 344
§ 85. Кодификація и административныя мѣры 347
§ 86. Сословныя мѣры 348
§ 87. Экономическая политика 354
§ 88. Народное просвѣщеніе 356
§ 89. Общественное настроеніе въ эпоху императора Николая I 358
§ 90. Церковная политика 362

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Внѣшняя политика императора Николая I.

§ 91. Принципы ея 364
§ 92. Персидская война 367
§ 93. Первая война съ Турціей 368
§ 94. Восточная война 370

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царствованіе императора Александра II Николаевича.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха великихъ реформъ.

§ 95. Характеръ и воспитаніе Александра Николаевича 375
§ 96. Вступленіе на престолъ и первыя мѣропріятія 376
§ 97. Крестьянская реформа 377
§ 98. Земская реформа, городское самоуправленіе, устройство окраинъ . . . 387
§ 99. Судебная реформа 390
§ 100. Просвѣтительныя мѣропріятія 395
§ 101. Финансовыя реформы 397
§ 102. Военная реформа 399

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Внѣшняя политика императора Александра II.

§ 103. Общій ходъ политики 401
§ 104. Покореніе Кавказа 402
§ 105. Расширеніе русскихъ владѣній въ Средней и Дальневосточной Азіи . 402
§ 106. Русско-Турецкая освободительная война 404

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

§ 107. Общественное настроеніе до 1863 г. 409
§ 108. Польское возстаніе 1863—64 гг. 412
§ 109. Общественное настроеніе послѣ 1863 г. и внутренняя смута 414
§ 110. Кончина императора Александра II 416

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствованіе императора Александра III Александровича.

СТРАН.
§ 111. Общій характеръ царствованія 417
§ 112. Областныя преобразованія 418
§ 113. Заботы о дворянствѣ и крестьянствѣ 419
§ 114. Экономическая и финансовая политика 420
§ 115. Просвѣтительныя мѣропріятія 420
§ 116. Отношеніе къ окраинамъ 421
§ 117. Внѣшняя политика 422

ПРИЛОЖЕНІЯ: I — Родословная таблица царствующаго дома со времени царя Алексѣя Михайловича; II — Перечень хронологическихъ датъ, помѣщенныхъ въ I и II части; III — Краткій списокъ важнѣйшихъ трудовъ по русской исторіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ вторую часть своего курса, авторъ прежде всего приноситъ глубочайшую благодарность всѣмъ рецензентамъ первой части за ихъ доброжелательные отзывы и цѣнныя указанія; онъ горячо проситъ и впредь не оставлять его труда безъ вниманія и приметъ дальнѣйшія замѣчанія съ такою же искреннею благодарностью. Нѣкоторыми общими указаніями, высказанными въ печати [1]), авторъ успѣлъ воспользоваться при окончательномъ просмотрѣ выпускаемой теперь книги; остальными онъ будетъ руководствоваться въ слѣдующемъ изданіи.

Подобно первой, и вторая часть курса издается въ двухъ видахъ: въ полномъ—подъ заглавіемъ «Русская исторія»—и въ сокращенномъ—подъ заглавіемъ «Учебная книга по Русской исторіи». Первая книга, въ которой по возможности использована вся важнѣйшая литература, задумана въ качествѣ пособія для любознательныхъ учениковъ и вообще для лицъ, интересующихся исторіей и желающихъ подготовиться къ чтенію спеціальныхъ научныхъ трудовъ. Вторая—представляетъ собою руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

---

[1]) Автору извѣстны рецензіи, помѣщенныя въ слѣдующихъ журналахъ и газетахъ: «Историческій Вѣстникъ» (сентябрь 1912 г.); «Новый журналъ для всѣхъ» (ноябрь 1912 г.); «Народное Образованіе» (декабрь 1912 г.); «Педагогическій Сборникъ» (январь 1913 г.); «Школа и Жизнь» (№ 27, 1912 г.); «Россія» (26 іюля 1912 г.); «Новое Время» (15 октября 1912 г.); «St. Petersburger Zeitung» (12 декабря 1912 г.) и нѣк. др.

Это руководство по числу страницъ немного превышаетъ размѣры большинства учебниковъ русской исторіи. Произошло это потому, что авторъ включилъ въ него такіе отдѣлы, которые, какъ, напр., общія введенія къ изучаемымъ эпохамъ, помѣщаются далеко не во всѣхъ школьныхъ руководствахъ. Кромѣ того, число страницъ увеличилось и вслѣдствіе дробности оглавленія: обозначенія главъ, отдѣловъ, параграфовъ и боковыхъ подзаголовковъ заняли не мало мѣста. Чтобы облегчить учащимся усвоеніе обширнаго матеріала, авторъ старался излагать его по возможности просто и въ строгой логической послѣдовательности.

ОЧЕРКЪ V.

Петербургскій періодъ русской исторіи.

ЧАСТЬ I.

Восемнадцатый вѣкъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе Петра Великаго (1682—1725).

Введеніе. Петру Алексѣевичу, младшему сыну царя Алексѣя Михайловича и преемнику Ѳеодора Алексѣевича, суждено было стать Великимъ Преобразователемъ Русской земли. Его преобразовательная дѣятельность заключалась, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) онъ сдѣлалъ Россію великой военной и морской державой, способной играть важную международную роль, 2) значительно ускорилъ тотъ процессъ культурнаго развитія, который намѣчался, какъ извѣстно, уже со второй половины XVII вѣка и состоялъ въ пріобщеніи Руси къ западно-европейской духовной жизни, 3) усовершенствовалъ управленіе, 4) способствовалъ поднятію производительности страны и разработкѣ ея естественныхъ богатствъ, 5) положилъ не мало силъ на распространеніе въ широкихъ слояхъ населенія западно-европейскаго техническаго образованія. Характеръ дѣятельности Петра обусловливался отчасти его воспитаніемъ и впечатлѣніями дѣтства и юности, въ особенности же той энергичной внѣшней политикой, которую пришлось ему вести: почти все его царствованіе прошло въ войнахъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Жизнь и дѣятельность Петра I до Великой Сѣверной войны.

§ 1. Младенческіе годы Петра.

Петръ родился 30 мая 1672 года. Младшій въ большой семьѣ (онъ былъ четырнадцатымъ ребенкомъ Алексѣя Михайловича), сынъ Наталіи Кирилловны, къ которой царь Алексѣй питалъ сердечную привязанность, живой, здоровый, красивый и необыкновенно одаренный мальчикъ былъ любимцемъ и баловнемъ отца. Дѣтская царевича заполнялась заморскими игрушками; на первомъ планѣ были такія, которыя имѣли отношеніе къ военному дѣлу: страсть къ послѣднему проявлялась у Петра уже съ первыхъ лѣтъ жизни. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, смѣнившій на престолѣ Алексѣя Михайловича, не былъ расположенъ къ своей мачехѣ, но къ маленькому брату относился съ большою нѣжностью и позаботился о пріисканіи ему учителя. Выборъ его (по рекомендаціи боярина Соковнина) палъ на подъячаго Никиту Зотова, человѣка «житія благого и разумѣющаго божественное писаніе». Этотъ въ высшей степени скромный, застѣнчивый и не блиставшій ученостью наставникъ съ благоговѣніемъ принялся за порученное ему дѣло и довольно умѣло выполнялъ его: обычное старомосковское сухое и скучное преподаваніе, состоявшее въ заучиваніи наизусть Часослова, Псалтыри, Евангелія и Апостола, онъ оживлялъ разсказами изъ русской исторіи и рисунками изъ книгъ богатой дворцовой библіотеки. Усиленіе вліянія Милославскихъ при дворѣ Ѳеодора неблагопріятно сказалось, какъ извѣстно, на Матвѣевѣ и на матери Петра, но самъ онъ мало пострадалъ отъ этого: вдали отъ двора и пышнаго дворцоваго церемоніала (при дворѣ Ѳеодора установилась, по словамъ современника, «политессъ съ манеру польскаго», т. е. польская обстановка) царевичъ чувствовалъ себя свободнѣе и непринужденнѣе. Безпечное дѣтство Петра омрачено было на время событіями, случившимися вскорѣ послѣ кончины Ѳеодора Алексѣевича и вызванными споромъ о престолонаслѣдіи.

§ 2. Избраніе Петра на царство и интриги Милославскихъ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи.

Порядокъ престолонаслѣдія опредѣлялся въ Московской Руси не закономъ, а лишь обычаемъ, въ силу котораго государю наслѣдовалъ его старшій сынъ. Но въ 1682 г. (годъ смерти Ѳеодора) этотъ обычай не могъ быть примѣненъ: Ѳеодоръ не оставилъ послѣ себя

дѣтей. Приходилось избирать ему преемника. Естественными претендентами на престолъ были два его брата: Іоаннъ — единственный оставшійся теперь въ живыхъ сынъ Алексѣя Михайловича отъ Милославской, и Петръ—сынъ Алексѣя Михайловича отъ Нарышкиной. Въ пользу избранія Іоанна говорило его старшинство (въ 1682 г. ему было 15 лѣтъ, а Петру—только 10), противъ—его крайняя болѣзненность, почти совершенная слѣпота и полная неспособность къ самостоятельному правленію, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которой явилось бы сосредоточеніе всѣхъ государственныхъ дѣлъ въ теченіе всего его царствованія въ рукахъ его родственниковъ Милославскихъ. Между тѣмъ здоровый и богато одаренный Петръ нуждался бы въ опекѣ лишь въ дѣтскіе годы. Очевидно, при такомъ положеніи, когда старшій изъ претендентовъ былъ болѣзненнымъ и умственно-недоразвитымъ юношей, а младшій — десятилѣтнимъ ребенкомъ, вопросъ о престолонаслѣдіи могъ быть рѣшенъ не ими самими, а тѣми придворными партіями, которыя поддерживали каждаго изъ нихъ. На сторонѣ Іоанна были: его сестра Софія, умная, талантливая, прекрасно образованная (подобно Ѳеодору, она была ученицей Симеона Полоцкаго), властная, отличавшаяся чисто мужской энергіей, Милославскіе, среди которыхъ выдѣлялся своими способностями ловкій интриганъ Иванъ Михайловичъ, и двое вельможъ: любимецъ Софіи кн. В. В. Голицынъ, западноевропеецъ по своимъ вкусамъ и привычкамъ и наиболѣе просвѣщенный передовой москвичъ по своимъ понятіямъ, и кичливый, смѣлый, но мало дальновидный кн. Хованскій (Гедиминовичъ по происхожденію). Однако большинство знати, не желая уступать политическаго вліянія неродовитымъ Милославскимъ, держало сторону Петра, такъ какъ родственники его матери—Нарышкины, хотя и не блистали знатностью, зато не отличались и заносчивостью, свойственною Милославскимъ. Къ партіи Нарышкиныхъ примкнули и два вліятельнѣйшихъ лица послѣднихъ годовъ царствованія Ѳеодора—Языковъ и Лихачевъ; наконецъ, перевѣсъ далъ ей и патріархъ Іоакимъ. Послѣдній вмѣстѣ съ большинствомъ боярства твердо рѣшилъ возвести на престолъ именно Петра. Созывать земскій соборъ для избранія царя не сочли нужнымъ и удовольствовались приглашеніемъ на дворцовую площадь «всѣхъ чиновъ» московскихъ людей. Къ этой разночиновной и въ сущности совершенно случайной толпѣ патріархъ обратился съ крыльца съ вопросомъ, «кому изъ двухъ царевичей быть на царствѣ?» Большинство собравшихся криками высказалось за Петра. Въ такомъ же смыслѣ подали свои мнѣнія стоявшіе на крыльцѣ бояре и представители духовенства. Основываясь на этомъ, Іоакимъ благословилъ Петра на царство. Вслѣдъ за этимъ ему была принесена присяга.

«Такая форма избранія, по словамъ историка (проф. Платонова), мало давала гарантій для будущаго». Еще неблагопріятнѣе было то, что

лица, въ руки которыхъ, за малолѣтствомъ царя, перешли дѣла правленія, были мало подготовлены къ отвѣтственной роли и не сумѣли противодѣйствовать козням своихъ недоброжелателей, не миривщихся съ избраніемъ Петра.

Правленіе Наталіи Кирилловны и планы Софіи.

Опекуншей десятилѣтняго государя сдѣлалась, конечно, его мать, окружившая себя своею роднею — Нарышкиными, среди которыхъ не имѣлось выдающихся людей. Опорой для Нарышкинской партіи могъ стать только просвѣщенный и опытный политикъ Матвѣевъ. Къ нему были посланы гонцы, чтобы поторопить его съ пріѣздомъ въ Москву (въ концѣ царствованія Өеодора ссылка Матвѣева была облегчена, но въ столицу онъ еще не допускался). Однако еще въ то время, когда Матвѣевъ былъ на пути, въ Москвѣ быстро созрѣвалъ заговоръ. Душой его была Софія Алексѣевна, а ловкимъ ея пособникомъ—И. М. Милославскій.

Господство Нарышкиныхъ сулило Софіи обычную судьбу московской царевны, вѣчное затворничество въ терему, полное обособленіе отъ міра. А между тѣмъ властная, кипучая натура Софіи влеклась изъ душнаго терема на широкій просторъ; она мечтала о политическомъ вліяніи, ей грезилась роль византійской принцессы Пульхеріи, правившей государствомъ за своего брата. Всего этого надѣялась достигнуть Софія, если бы царемъ былъ избранъ Іоаннъ; избраніе же Петра и торжество Нарышкинской партіи обрекали на крушеніе всѣ ея планы. Царевна была не изъ тѣхъ, которые сдаются безъ боя. Уже на погребеніи Өеодора она, какъ разсказываютъ, старалась всячески подчеркнуть свою скорбь и очернить своихъ противниковъ: на пути изъ церкви она громко причитала, будто Өеодора «отравили враги зложелательные», жаловалась на то, что ея братъ Иванъ не избранъ на царство, указывала на полную беззащитность свою и своихъ сестеръ.

Настроеніе стрѣльцовъ.

Не довольствуясь словами, Софія не замедлила приступить и къ дѣйствіямъ, чтобы расчистить себѣ дорогу къ власти. Опору своимъ притязаніямъ она надѣялась найти въ многочисленномъ стрѣлецкомъ войскѣ, квартировавшемъ въ Москвѣ. Мало дисциплинированные и плохо управляемые какъ высшимъ начальствомъ (главное управленіе стрѣльцами сосредоточивалось въ Стрѣлецкомъ приказѣ), такъ и своими полковниками, стрѣльцы волновались уже въ концѣ царствованія Өеодора, проявляли крайнюю распущенность и засыпали правительство жалобами на своихъ начальниковъ. Слабое правительство Өеодора и еще болѣе слабая и неопытная партія Нарышкиныхъ высказывали полную непослѣдовательность по отношенію къ стрѣльцамъ, то жестоко наказывая жалобщиковъ, то, напротивъ, карая безъ суда у нихъ же на глазахъ оговоренныхъ ими лицъ. Вслѣдствіе этого

стрѣльцы привыкли смотрѣть на себя какъ на силу, передъ которой трепещетъ правительство; стрѣлецкая распущенность переходила въ полную разнузданность, вмѣсто жалобъ они стали обращаться къ самосуду надъ неугодными имъ лицами. Нарышкины все болѣе и болѣе робѣли передъ стрѣльцами, не только принося въ жертву ихъ прихотямъ многихъ изъ ихъ полковниковъ, но и подвергая опалѣ въ угоду имъ даже такихъ видныхъ лицъ, какъ Языковъ и Лихачевъ.

Создавшимся ненормальнымъ положеніемъ и воспользовалась Софія, чтобы обратить ярость разнузданныхъ стрѣлецкихъ полковъ на самихъ главарей Нарышкинской партіи. Для этого клевреты царевны убѣждали стрѣльцовъ въ незаконности избранія Петра, въ несправедливости устраненія Іоанна, въ преступныхъ замыслахъ Нарышкиныхъ. Воспламеняя такими убѣжденіями и всевозможными вздорными слухами стрѣлецкое войско, заговорщики поджидали только пріѣзда самаго опаснаго своего соперника Матвѣева, чтобы дать сигналъ къ открытому бунту.

Стрѣлецкій бунтъ 15—18 мая 1682 г.

Этотъ сигналъ былъ данъ 15-го мая 1682 г.: стрѣльцамъ внушили, будто царевичъ Іоаннъ задушенъ Нарышкиными, и вручили имъ списокъ «измѣнниковъ», въ которомъ среди 46 именъ красовалось также имя только что вернувшагося Матвѣева. Огромная ватага остервенѣлыхъ вооруженныхъ стрѣльцовъ ворвалась въ Кремль и послѣ пререканій съ боярами, старавшимися усовѣстить ихъ, вломилась во дворецъ и дерзко хозяйничала въ немъ, избивая мнимыхъ измѣнниковъ и наводя на всѣхъ ужасъ своими неистовствами. Дикій мятежъ, рѣдкій по своей жестокости, продолжался въ теченіе трехъ дней. Въ числѣ жертвъ стрѣлецкой ярости, погибшихъ во дворцѣ и въ разныхъ мѣстахъ Москвы, были Матвѣевъ, нѣсколько Нарышкиныхъ, ихъ родныхъ и даже вовсе непричастныхъ къ нимъ лицъ. Нарышкинская партія была совершенно разгромлена, такъ какъ уцѣлѣвшіе ея члены думали только о спасеніи своей жизни, а не объ удержаніи за собою политическаго вліянія.

Страшные размѣры стрѣлецкаго бунта въ значительной степени объясняются тѣмъ, что Нарышкины, чуя надвигавшуюся бѣду, не сумѣли однако достаточно подготовиться къ ней и были застигнуты врасплохъ. Утромъ 15 мая во дворцѣ происходило обычное засѣданіе боярской думы. Когда здѣсь услышали набатный звонъ и крики приближавшихся стрѣльцовъ и узнали, какое внушеніе побудило ихъ къ мятежу, царица Наталія Кирилловна, по совѣту близкихъ, вывела на крыльцо Петра и Іоанна, и послѣдній сказалъ стрѣльцамъ, что никто его не изводитъ и жаловаться ему не на кого. Стрѣльцы опѣшили, увидѣвъ царевича живымъ и здоровымъ. Ихъ мятежный пылъ сталъ остывать подъ вліяніемъ уговоровъ патріарха, бояръ и находчиваго, умнаго Матвѣева. Казалось, все могло окончиться благополучно, но потухавшій пожаръ воспламенился со страшной

силой вслѣдствіе грубаго окрика, съ которымъ обратился къ стрѣльцамъ кн. М. Ю. Долгорукій, одинъ изъ начальниковъ Стрѣлецкаго приказа. Взбѣшенные этимъ окрикомъ, стрѣльцы сбросили Долгорукаго съ крыльца на копья и растерзали его. Видъ крови опьянилъ толпу, и она съ яростью бросилась на Матвѣева, выхватила его изъ рукъ царицы и Петра и умертвила несчастнаго старика. Царицѣ не оставалось ничего другого, какъ искать вмѣстѣ съ сыномъ и родными спасенія во дворцѣ. Стрѣльцы проникли туда, съ крикомъ и бранью наводнили дворцовые хоромы, шарили по всѣмъ закоулкамъ, отыскивая лицъ, отмѣченныхъ въ спискѣ «измѣнниковъ». Нѣкоторые были тутъ же убиты, другихъ выволакивали на площадь и здѣсь разсѣкали на части, требуя одобрительныхъ криковъ со стороны народа. Опьянѣвшіе отъ кровопролитія стрѣльцы сопровождали свои звѣрства дикими издѣвательствами. Такъ напр., они направились къ боярину Салтыкову извиняться за нечаянное убіеніе его сына и принудили его угостить ихъ виномъ и пивомъ. Такого же угощенія потребовали они и отъ отца убитаго ими Долгорукаго—князя Юрія. Дряхлый старикъ Юрій Долгорукій исполнилъ ихъ желаніе, но, когда они ушли, онъ въ кругу своихъ домашнихъ предрекъ имъ гибель на висѣлицѣ. Стрѣльцамъ кто-то донесъ объ этомъ. Они вернулись къ Долгорукому, разорвали его на части и выбросили его останки на навозную кучу. Чтобы придать своему движенію еще болѣе страшный характеръ, стрѣльцы пытались привлечь на свою сторону холоповъ и начали громить Холопій приказъ, уничтожая крѣпостные акты. Однако холопы не только не пристали къ нимъ, но даже старались усмирить ихъ и грозили имъ гибелью.

Бунтъ, стихшій къ вечеру 15 мая, возобновился на слѣдующій день, когда стрѣльцы пришли ко дворцу требовать выдачи одного изъ братьевъ царицы—Ивана Кирилловича, на котораго они взводили нелѣпое обвиненіе, будто онъ примѣрялъ на себя царскую корону. Они искали его повсюду, но не могли найти, такъ какъ онъ сумѣлъ искусно укрыться отъ нихъ. Взбѣшенные этимъ, мятежники пригрозили истребить всѣхъ бояръ, если имъ не выдадутъ Нарышкина. Свое требованіе они съ еще большею настойчивостью повторили 17 мая. Трепетавшіе за свою жизнь бояре стали убѣждать царицу пожертвовать братомъ ради спасенія другихъ. Софія тоже лицемѣрно говорила Наталіи Кирилловнѣ: «брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него». Было рѣшено принести страшную жертву: несчастный Иванъ Кирилловичъ вышелъ изъ своего убѣжища, причастился въ церкви и трогательно простился съ сестрой. Одинъ перетрусившій бояринъ торопилъ его даже съ прощаніемъ, побуждая скорѣе идти на гибель. И 23-хъ-лѣтній Нарышкинъ смѣло пошелъ на нее: держа на груди икону, онъ отдался въ руки озвѣрѣвшимъ мятежникамъ, которые послѣ неистовыхъ пытокъ умертвили его. Насладившись мученіями Нарышкина, стрѣльцы приняли видъ вѣрныхъ

царскихъ подданныхъ и стали кричать: «теперь мы довольны. Дай Богъ здоровье Царю-Государю. Пусть онъ управится съ остальными, а мы рады умереть за него, за государынь, за царевича и царевенъ».

Установленіе двоецарствія и провозглашеніе Софіи правительницей.

18 мая мятежъ прекратился, но хозяевами положенія продолжали быть стрѣльцы, дерзко и смѣло диктовавшіе свою волю разгромленному, почти не существовавшему правительству. Мѣсто правительства заняла въ сущности одна Софія, которая, по словамъ историка (Соловьева), «выдвинулась сама собою на первый планъ». Она охотно исполняла желанія мятежниковъ. По ихъ челобитью, отецъ Наталіи Кирилловны былъ постриженъ, а многіе вельможи сосланы; по ихъ требованію, стрѣльцамъ была раздана огромная сумма якобы недополученнаго ими жалованія да еще по 10 рублей добавочныхъ на каждаго человѣка (чтобы выплатить всю эту сумму, пришлось дѣлать экстренный сборъ и перечеканивать въ деньги серебряную посуду); бунтовскому стрѣлецкому войску даровано было почетное названіе «надворной пѣхоты» и во главѣ его поставленъ клевретъ царевны кн. Хованскій. Стрѣльцы позаботились не только о собственномъ благополучіи, но, руководимые опытной рукой, хотѣли выступить также вершителями политическихъ судебъ Россіи: 23 мая стрѣлецкіе выборные выразили отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ и многихъ чиновъ московскаго государства пожеланіе, чтобы вмѣстѣ съ Петромъ царствовалъ и братъ его Іоаннъ, и въ случаѣ несогласія на это грозили возобновленіемъ мятежа. По поводу этого пожеланія созванъ былъ во дворцѣ совѣтъ изъ вельможъ, духовенства и выборныхъ отъ московскаго населенія, на которомъ одобрили и приняли предложеніе объ установленіи двоецарствія: Іоаннъ провозглашенъ былъ царемъ-соправителемъ своего младшаго брата. Стрѣльцы пошли дальше и настояли на томъ, чтобы Іоаннъ значился первымъ царемъ, а Петръ вторымъ. Оставался еще одинъ послѣдній шагъ: 29 мая, по требованію стрѣльцовъ, бояре должны были, за молодостью царей, вручить правленіе ихъ сестрѣ Софіи Алексѣевнѣ, которая, послѣ лицемѣрныхъ отказовъ, согласилась взять на себя роль правительницы. За свои попеченія объ интересахъ царевны стрѣльцы были щедро вознаграждены: какъ дорогихъ гостей, угощали ихъ во дворцѣ. Все это еще болѣе разнуздало ихъ: они убѣдились, что неистовства, совершенныя ими, не только остались безнаказанными, но подчинили государство ихъ волѣ, и они рѣшили добиться, чтобы правительство офиціально признало ихъ какъ бы «спасителями отечества». Съ этою цѣлью они обратились съ челобитьемъ, въ которомъ 1) утверждали, что майскій мятежъ поднятъ былъ за «домъ Пречистыя Богородицы и за государей», 2) перечисляли «вины» убитыхъ ими лицъ, 3) требовали, чтобы на Красной площади былъ поставленъ столпъ, т. е. памятникъ, на которомъ были бы обозначены эти вины, а всѣмъ стрѣлецкимъ пол-

камъ были бы выданы особыя грамоты съ запрещеніемъ кому-либо называть стрѣльцовъ бунтовщиками и измѣнниками. Правительство согласилось и на это: въ память событія 15 мая воздвигнутъ былъ монументъ.

§ 3. Правленіе Софіи.

Торжествовала Софія, торжествовали стрѣльцы. Но торжество, купленное такою цѣной, не могло быть продолжительнымъ: правительница очень скоро убѣдилась, сколь ненадежно связывать свою судьбу съ буйной стрѣлецкой ватагой, а стрѣльцы своей разнузданностью какъ бы подписали самимъ себѣ смертный приговоръ въ глазахъ малолѣтняго Петра, который никогда не могъ забыть майскаго мятежа, погубившаго его родню и поставившаго во главѣ правленія непріязненно относившуюся къ нему сестру. О страшныхъ волненіяхъ, пережитыхъ десятилѣтнимъ Петромъ во время этого мятежа, свидѣтельствовала судорога мускуловъ лица, которою онъ страдалъ потомъ всю жизнь, а его отношеніе къ стрѣльцамъ ярко обнаружилось, какъ увидимъ, тогда, когда онъ избавился отъ опеки Софіи.

Волненіе раскольниковъ. Оказавшись вершителями государственныхъ дѣлъ, стрѣльцы очень скоро послѣ майскаго мятежа добрались и до дѣлъ церковныхъ: по призыву нѣкоторыхъ раскольниковъ они задались цѣлью возстановить на Руси древнее благочестіе. Ободренные обѣщаніемъ помощи стрѣльцовъ, многіе изъ которыхъ клялись «умереть за старую вѣру», и сочувствіемъ кн. Хованскаго, расколоучители, во главѣ съ суздальскимъ священникомъ Никитою, воспрянули духомъ: они требовали, чтобы вѣнчаніе царей происходило по старымъ обрядамъ, дерзко бесѣдовали съ патріархомъ о «никоніанскихъ ересяхъ», открыто проповѣдывали свое ученіе въ Москвѣ, не останавливаясь даже передъ грубыми насиліями надъ своими противниками и, наконецъ, при содѣйствіи Хованскаго, настояли на устройствѣ торжественнаго спора съ никоніанами. Споръ этотъ происходилъ (5 іюля 1682 г.) въ Грановитой палатѣ въ присутствіи царицы Наталіи Кирилловны, Софіи и двухъ другихъ царевенъ. Расколоучители и стрѣльцы были настолько возбуждены, настолько шумѣли и кричали, что многіе бояре опасались повторенія 15 мая. Къ счастью, до открытаго бунта дѣло не дошло. Однако Софіи пришлось выслушать нѣсколько непріятныхъ вещей: въ рѣзкихъ осужденіяхъ Никоновской реформы она усмотрѣла обидные намеки на неправославіе своего отца и брата, а въ отвѣтъ на угрозу Софіи уѣхать вмѣстѣ съ царями изъ Москвы, если волненія не прекратятся, раздались кое-гдѣ крики: «Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ-то мутить; намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ». Споръ

закончился тѣмъ, что расколоучители стали громко хвастаться, что переспорили никоніанъ.

Казнь Хованскаго.

Встревоженной правительницѣ удалось различными милостями отвлечь стрѣльцовъ отъ раскольниковъ и затѣмъ строго покарать вождей послѣднихъ (ихъ главарь Никита былъ казненъ, нѣкоторые другіе сосланы). И впослѣдствіи въ теченіе всего правленія Софіи ревнители старой вѣры подвергались страшнымъ преслѣдованіямъ. Правительница, старавшаяся нѣсколько смягчить жестокія наказанія, установленныя Соборнымъ Уложеніемъ, была однако безпощадна къ раскольникамъ: ихъ безжалостно пытали, сжигали или доводили до «красной смерти», т. е. добровольнаго самосожженія. Итакъ, надежды ихъ на стрѣлецкую помощь не оправдались. Но, отставъ отъ раскольниковъ, стрѣльцы и Хованскій продолжали держать Софію какъ бы въ порабощеніи. Все лѣто 1682 г. стрѣльцы были въ возбужденномъ состояніи, устрашали населеніе и часто требовали у правительства казни лицъ, злоумышлявшихъ будто бы противъ нихъ. Хованскій дѣлалъ видъ, что только онъ одинъ можетъ сдерживать порывы стрѣлецкаго войска, что «безъ него въ Москвѣ будутъ ходить по колѣна въ крови», а потому онъ велъ себя совсѣмъ независимо, выказывалъ неповиновеніе Софіи и лелѣялъ какіе-то свои планы. Справедливо или нѣтъ, но правительницѣ доносили, будто Хованскій, опираясь на помощь стрѣльцовъ и на свое происхожденіе отъ Гедимина, мечтаетъ о царской коронѣ и готовитъ страшное возстаніе.

Въ виду всего этого Софія рѣшилась наконецъ наложить узду на стрѣльцовъ и прежде всего отдѣлаться отъ Хованскаго. Подъ осень 1682 года вся царская семья выѣхала изъ Москвы, порабощенной стрѣльцами, и остановилась въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ. Сюда въ числѣ прочей знати пригласили и Хованскаго, не подозрѣвавшаго, что правительство на основаніи доноса вмѣняетъ ему въ вину множество преступленій. На пути онъ былъ схваченъ и вмѣстѣ со своимъ сыномъ (Андреемъ) преданъ казни. Вслѣдъ за тѣмъ царскій дворъ переѣхалъ въ Троицкій монастырь, куда стали стягивать служилыхъ людей, чтобы найти въ нихъ противовѣсъ стрѣльцамъ. Узнавъ о внезапной казни Хованскаго и о готовности правительства на рѣшительныя мѣры, стрѣльцы совершенно растерялись и послѣ недолгихъ колебаній принесли повинную: они послали къ Софіи своихъ выборныхъ просить прощенія, соглашались подчиняться самой суровой дисциплинѣ, принесли присягу «желать государямъ добра» и, наконецъ, подали челобитье объ уничтоженіи пресловутаго «столпа» на Красной площади, отказываясь этимъ отъ своихъ майскихъ «подвиговъ».

Царская семья вернулась въ Москву, и во главѣ стрѣлецкаго войска поставленъ былъ преданный правительницѣ дьякъ Шакловитый. Другой ея вѣрный сподвижникъ—благородный и просвѣщен-

ный кн. В. В. Голицынъ приставленъ былъ къ дипломатическимъ и военнымъ дѣламъ.

Внѣшняя политика.

Правительству Софіи приходилось считаться во внѣшней политикѣ прежде всего съ послѣдствіями малороссійскаго вопроса. Въ этомъ вопросѣ, какъ извѣстно, были заинтересованы Польша и Турція, находившіяся въ это время во враждѣ, и Московской Руси было очень трудно соблюдать нейтралитетъ между ними. Польскій король отличный полководецъ Янъ Собѣскій понималъ, что торжество турокъ надъ Австріей, владѣнія которой они опустошали, подступая къ самой Вѣнѣ, грозитъ неминуемой опасностью и Польшѣ. Поэтому онъ энергично помогалъ императору въ борьбѣ съ Турціей и старался всѣми силами втянуть въ эту борьбу и Московское государство. Ослабленіе Турціи было, конечно, очень важно для Руси, такъ какъ обезпечивало ее отъ хищническихъ набѣговъ крымцевъ, но съ другой стороны московское правительство мало довѣряло польскому, тѣмъ болѣе, что малороссійскій гетманъ Самойловичъ былъ рьянымъ противникомъ нарушенія Бахчисарайскаго мира съ турками. Поэтому лишь послѣ долгихъ колебаній московская дипломатія рѣшилась вступить въ «священный союзъ» противъ Турціи (въ которомъ, кромѣ Имперіи и Польши, участвовала также Венеція) и въ 1686 году заключила «вѣчный миръ» съ Польшей, по условіямъ котораго послѣдняя соглашалась на окончательную уступку Кіева (какъ извѣстно, временно уступленнаго по Андрусовскому перемирію), а московское правительство обязывалось начать враждебныя дѣйствія противъ Крыма. Московскія войска дважды—въ 1687 и 1689 г.г.—посылались на Крымъ подъ начальствомъ кн. Голицына. Однако онъ не стяжалъ военныхъ лавровъ: въ первый разъ его войско, измученное степными пожарами, должно было начать отступленіе уже изъ южнорусскихъ степей, и дѣятельность Голицына въ этомъ походѣ ограничилась въ сущности тѣмъ, что подъ его руководствомъ козацкая старшина смѣстила мирволившаго туркамъ Самойловича и замѣнила его Мазепою; во второй походъ голицынское войско оттѣснило татаръ изъ степей въ самый Крымъ, но, дойдя до Перекопскаго перешейка, повернуло обратно. Софія всѣми силами старалась представить своего любимца побѣдителемъ; однако многіе, въ особенности Петръ Алексѣевичъ, не раздѣляли ея мнѣнія объ успѣшности крымскихъ походовъ.

§ 4. Юность царя Петра Алексѣевича.

Отношенія Петра къ Софіи.

Царь Петръ очень несочувственно относился къ правленію сестры. Иначе и быть не могло: «второй» царь видѣлъ въ ней похитительницу своей власти и росъ среди людей, ненавидѣвшихъ всей душой Софію, росъ вдали отъ двора, въ совершенно необычной для московскаго царя обстановкѣ. Послѣ майскаго мятежа царица Наталія Кирилловна съ сыномъ переѣхала въ подмосковное село Преображенское. Сюда послѣдовали за ней родственники и тѣ немногіе придворные, которые не побоялись раздѣлить горестную судьбу обиженной и опальной царицы. Среди нихъ первое мѣсто занимали Л. К. Нарышкинъ и просвѣщенный, высокообразованный, но, къ сожалѣнію, страдавшій пристрастіемъ къ вину кн. Б. А. Голицынъ (двоюродный братъ любимца Софіи). Устраненный отъ всякаго вліянія, поневолѣ замкнувшійся въ себѣ Преображенскій дворъ горѣлъ ненавистью къ правительницѣ, сѣтовалъ на ея неправды, мечталъ объ отмщеніи за переживаемыя униженія. Молодой царь естественно проникался такимъ же настроеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его живой натурѣ докучали постоянныя жалобы и печальныя рѣчи, которыя онъ слышалъ вокругъ. Его тянуло на просторъ къ рѣзвымъ юношескимъ забавамъ; энергія клокотала въ немъ. Освободившись волею судебъ изъ пышнаго кремлевскаго терема, онъ не хотѣлъ заглохнуть и въ теремѣ угрюмаго опальнаго Преображенскаго двора. «Огненный ребенокъ», по словамъ историка (Соловьева), «безъ оглядки бѣжитъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ и потому способнымъ окружить себя новыми людьми».

Царскія «потѣхи».

Такихъ новыхъ людей онъ искалъ, во-первыхъ, въ средѣ своихъ «потѣшныхъ», во-вторыхъ, въ средѣ обитателей сосѣдней съ Преображенскимъ «Нѣмецкой слободы». «Потѣшными» назывались тѣ молодые люди изъ придворныхъ чиновъ и придворныхъ служителей, которые раздѣляли съ царемъ его военныя потѣхи. Страсть къ военнымъ забавамъ, присущая Петру съ младенчества, крѣпла все больше и больше по мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получала все болѣе серьезное значеніе: игры обращались въ военныя упражненія, потѣшныя дружины—въ регулярные полки (получившіе впослѣдствіи названія Преображенскаго и Семеновскаго), обмундированные по иноземному образцу, снабженные артиллеріей, имѣвшіе свое управленіе и казну, свою крѣпость (Пресбургъ) на р. Яузѣ. Итакъ, дѣтскія забавы подготовили Петра къ роли организатора новой регулярной арміи, которую можно было противопоставить стрѣльцамъ.

Случайная находка имъ (въ амбарѣ его родственника Н. И. Романова) стараго англійскаго ботика и нѣсколькихъ моделей кораблей, задуманныхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сдѣлали его создателемъ русскаго флота. Вода стала любимой стихіей Петра. Съ тѣсной Яузы уплылъ онъ на просторное Переяславское озеро, съ рѣдкимъ увлеченіемъ сталъ строить тамъ флотъ, съ восторгомъ мечталъ о морѣ. Новое дѣло настолько захватило Петра, настолько пріучило его къ непосѣдливой жизни, что царица Наталія, мало стѣснявшая раньше сына, стала тревожиться и поспѣшила женить его въ 1689 г. на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, надѣясь, что, женившись, онъ остепенится. Однако мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы Петръ снова ускакалъ на Переяславское озеро и ласково, но упрямо отписывался на всѣ призывы матери и жены, приглашавшихъ его домой.

Вліяніе Нѣмецкой Слободы.

Организація потѣшныхъ полковъ и постройка флота требовали, конечно, руководителей. Петръ искалъ ихъ въ Нѣмецкой слободѣ. Ея обитатели были не только наставниками молодого царя въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, но и его учителями, довершавшими образованіе, полученное имъ на урокахъ Зотова. Такъ напр., у голландца Тиммермана Петръ съ увлеченіемъ изучалъ ариѳметику, геометрію и фортификацію. Тиммерманъ, Брантъ, а впослѣдствіи и веселый, безшабашный женевецъ Лефортъ и многіе другіе иноземцы были неизмѣнными сотоварищами Петра. Съ необыкновенною легкостью схватывая на ходу всякія знанія и ремесла, безпрерывно развивая свой умъ самообразованіемъ, царь любилъ отдохнуть и повеселиться въ Нѣмецкой слободѣ за кружкой пива, въ дыму трубки крѣпкаго табаку, среди веселыхъ танцевъ, въ шумной, разгульной обстановкѣ.

Такъ проходили первые юношескіе годы царя. Что же дали они ему? Они дали развиться его самодѣятельности, не стѣсняемой условностями строгаго этикета и стѣнами затхлаго терема, сдѣлали изъ него отличнаго солдата, вдохнули въ него безудержное стремленіе къ морю, воспитали въ немъ практика-самоучку, который не могъ пройти мимо какого либо ремесла или дѣла, не принявшись самъ за него, пріучили его за-просто, по-товарищески относиться къ людямъ всякаго званія, внушили ему горячую привязанность къ нѣмцамъ и ихъ образу жизни, укрѣпили въ немъ ту непріязнь къ московской старинѣ, которая проистекала изъ естественнаго раздраженія противъ сестры-соперницы.

§ 5. Конецъ правленія Софіи.

Тревоги и интриги царевны.

Пока на широкихъ поляхъ села Преображенскаго и на волнахъ Переяславскаго озера Петръ вырабатывалъ свой богатырскій характеръ, Софія въ кремлевскомъ дворцѣ трепетала за свою власть. По мѣткому выраженію историка (Соловьева), «положеніе Софіи было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили договоръ съ злымъ духомъ — пользоваться до извѣстнаго времени всевозможными наслажденіями жизни, но по прошествіи срока сдѣлаться добычею ада». Срокъ приближался къ концу: правительница чувствовала, что возмужавшій Петръ скоро протянетъ руку къ власти, и судорожно старалась удержать ее за собою. Прямого пути для этого не было. Оставались только окольные: интриги и заговоры. Но лучшій сподвижникъ Софіи — кн. Голицынъ не былъ способенъ къ нечистымъ средствамъ. Другой ея сотрудникъ — безпринципный выскочка Шакловитый готовъ былъ на все, но для приведенія въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ противъ царицы Наталіи Кирилловны, ея приближенныхъ и самого Петра нуждался въ силѣ. Такой силою могли быть только подчиненные ему стрѣльцы. Но самъ Шакловитый послѣ дѣла Хованскаго постарался въ интересахъ Софіи обуздать ихъ и пріучить къ дисциплинѣ. Подавленные его властною рукою, стрѣльцы уже не годились для бунта: въ качествѣ мятежниковъ они какъ бы обветшали, истрепались, выдохлись. Очень туго отзывались они на призывы Софіи и Шакловитаго. Такъ напр., когда Софія, титуловавшаяся уже самодержицей и писавшая свое имя рядомъ съ царскими, захотѣла (въ 1687 г.), для упроченія своего положенія, вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, и когда Шакловитый сталъ убѣждать стрѣльцовъ подать объ этомъ челобитную, они не выразили никакого сочувствія этому. Равнымъ образомъ они совершенно безучастно выслушивали жалобы Софіи на замыслы противъ нея уцѣлѣвшихъ Нарышкиныхъ, на обиды, чинимыя будто бы царю Іоанну, не раздѣляли сожалѣній Шакловитаго, что въ 1682 г. вмѣстѣ съ другими не погибла и царица Наталія; равнодушно относились они и къ сѣтованіямъ на недостатокъ набожности у Петра. Не произвело на нихъ впечатлѣнія даже то, что однажды ночью какой-то подъячій, выдававшій себя за Л. К. Нарышкина, приказалъ избить до смерти одного стрѣльца. Какъ ни поощрялъ Шакловитый стрѣльцовъ къ мятежу, какъ ни сулилъ имъ надежду на успѣхъ, увѣряя, что въ случаѣ противодѣйствія можно будетъ смѣстить патріарха и легко расправиться съ боярствомъ, которое представляетъ собою «отпадшее, зяблое дерево», они оставались спокойными.

Открытый разрывъ между Петромъ и Софiей и ея удаленiе въ монастырь.

Софiи и ея клеврету приходилось поэтому съ злыми мыслями, но съ пустыми руками ждать приближенiя грозы. А съ 1689 г. предвѣстники ея стали уже замѣтны: въ началѣ iюля Петръ разсорился съ сестрой изъ-за того, что она вопреки обычаю приняла участiе въ крестномъ ходѣ, въ концѣ iюля онъ отказывался наградить кн. В. В. Голицына за второй крымскiй походъ, затѣмъ подвергъ аресту, впрочемъ очень кратковременному, Шакловитаго. Софiя страшно встревожилась изъ за всего этого и 7 августа 1689 г. приказала вооруженнымъ стрѣльцамъ собраться въ Кремлѣ, увѣряя, будто потѣшные полки готовятся къ выступленiю изъ Преображенскаго, чтобы убить ее, царя Ивана и всѣхъ ея сестеръ. Шакловитому удалось наконецъ найти въ средѣ стрѣльцовъ небольшую группу, готовую къ враждебнымъ дѣйствiямъ противъ Петра. Однако въ противовѣсъ ей создалась другая группа его сторонниковъ, и въ ночь съ 7 на 8 августа 1689 г. два стрѣльца явились въ Преображенское предупредить царя объ опасности. Петръ этою же ночью ускакалъ верхомъ въ Троицкiй монастырь; сюда же затѣмъ явились его близкiе, преданные ему вельможи и потѣшные полки. Повторилось нѣчто въ родѣ того, что было семь лѣтъ назадъ, когда московское правительство искало въ Троицкой обители оплота противъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Но теперь Софiя была не въ монастырѣ, а въ Москвѣ.

Между монастыремъ и Москвою, въ которыхъ засѣли два враждебныхъ другъ другу правительства, готовыя вступить въ борьбу, начались долгiе томительные переговоры, продолжавшiеся свыше мѣсяца. Петръ требовалъ присылки стрѣльцовъ, выдачи Шакловитаго, звалъ къ себѣ изъ Нѣмецкой слободы служилыхъ иноземцевъ подъ начальствомъ Гордона. Растерявшаяся Софiя запрещала стрѣльцамъ подъ угрозою смертной казни идти на службу къ Петру, обращалась къ нимъ и ко всѣмъ москвичамъ съ пылкими рѣчами, въ которыхъ восхваляла свое правленiе. Но и угрозы и рѣчи плохо дѣйствовали, симпатiи были на сторонѣ Петра. Царевна попыталась примириться съ братомъ: послала къ нему въ качествѣ посредника патрiарха, который однако не вернулся къ ней; поѣхала сама въ монастырь, но не была туда допущена; выдала на казнь Шакловитаго и нѣсколькихъ стрѣльцовъ, но не спасла этимъ своего положенiя. Даже кн. В. В. Голицынъ считалъ дѣло безнадежнымъ; онъ отправился къ Петру и послѣ допроса поплатился тяжкой ссылкой; третiй приближенный царевны—священникъ Сильвестръ Медвѣдевъ (котораго обвиняли между прочимъ въ сочувствiи къ латинству) былъ пойманъ и казненъ. Самой Софiи приказано было поселиться въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

§ 6. Первые годы самостоятельнаго правленія Петра.

«Марсовы» и «нептуновскія» потѣхи и развлеченія.

Устраняя сестру, Петръ нисколько не посягалъ однако на права своего старшаго брата и, извѣщая его о злоумышленіяхъ Софіи, писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Милостію Божіей врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія... а о третьей особѣ (т. е. Софіи), чтобы быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу (т. е. Софіи) государствомъ владѣть мимо насъ. Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобы тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ... а я тебя, государя брата, яко отца почитать готовъ». Іоаннъ считался царемъ до самой своей кончины въ 1697 г., но совершенно не вмѣшивался въ дѣла правленія.

Впрочемъ, и Петръ не сразу послѣ 1689 г. принялся за нихъ: онъ слишкомъ былъ увлеченъ своими «марсовыми» и «нептуновскими» потѣхами, получившими теперь характеръ серьезныхъ маневровъ, и отважныхъ плаваній по Бѣлому морю, одно изъ которыхъ едва не стоило жизни самому Петру. Чѣмъ серьезнѣе дѣлались его военныя упражненія, тѣмъ шумнѣе становились развлеченія, вызывавшія своимъ бурнымъ, иногда не совсѣмъ пристойнымъ характеромъ жестокія нареканія со стороны старозавѣтныхъ, благочестивыхъ москвичей, сѣтовавшихъ на то, что царь «связался съ нѣмцами и бражничаетъ съ ними». Петра дѣйствительно окружала компанія, представлявшая, по словамъ историка (Ключевскаго) «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній». Изъ иноземцевъ выдѣлялись здѣсь: другъ царя душа-человѣкъ женевскій выходецъ Лефортъ, шотландецъ Гордонъ, Виніусъ, Шафировъ, Брюсъ и др.; изъ русскихъ: «Алексашка» Меньшиковъ, жестокій, но горячо-преданный Петру Ромодановскій, Бутурлинъ, Апраксинъ, Головкинъ, Куракинъ, Репнинъ. Всѣ эти люди много работали, но не мало и веселились.

Главнымъ устроителемъ развлеченій, состоявшихъ въ битвахъ съ «Бахусомъ» и съ «Ивашкою Хмельницкимъ» (т. е. въ попойкахъ) и въ разныхъ шутовскихъ празднествахъ, былъ весельчакъ Лефортъ, «дебошанъ французскій», какъ называетъ его одинъ изъ современниковъ. Видное участіе въ разгулѣ принималъ и прежній наставникъ Петра—Зотовъ, получившій насмѣшливое прозваніе: «Всешутѣйшій отецъ Іоаникита, пресбургскій, кокуйскій и всеяузскій патріархъ». Различныя прозвища были вообще въ ходу въ этой пестрой компаніи: Ромодановскій титуловался княземъ-кесаремъ и королемъ

Пресбургскимъ, Бутурлинъ—королемъ польскимъ и царемъ Семеновскимъ. Подъ веселую руку компанія тѣшилась странными забавами: такъ, однажды шумно справлялась свадьба одного шута, при чемъ придворные, разодѣтые въ самые невѣроятные костюмы, шествовали верхомъ на быкахъ, козлахъ, свиньяхъ и собакахъ. Порою забавы принимали такой характеръ, который могъ оскорблять религіозное чувство ихъ невольныхъ зрителей.

Правительственный кружокъ.

Погрузившись въ «потѣхи», Петръ предоставилъ правленіе своей матери и ея приближеннымъ, среди которыхъ не было сколько-нибудь талантливыхъ людей. Наиболѣе даровитый изъ нихъ, кн. Б. А. Голицынъ утратилъ свое вліяніе, такъ какъ ему не могли простить его родства съ опальнымъ Вас. Вас. Голицынымъ. Братъ царицы, Левъ Нарышкинъ не блисталъ никакими талантами, другой возвысившійся царскій родственникъ Стрѣшневъ составилъ себѣ репутацію злого «интриганта двороваго»; «людьми злыми и ябедниками скупыми умовъ самыхъ низкихъ» были, по словамъ современника, и многочисленные Лопухины—родня молодой царицы, не сумѣвшей овладѣть симпатіей своего супруга. Важныхъ событій въ правленіе Наталіи Кирилловны не произошло: дѣятельность правительственнаго кружка ограничивалась безуспѣшной борьбой съ многочисленными злоупотребленіями и разбоями, которыми запятнали себя даже представители знати, преслѣдованіемъ раскольниковъ да распутываніемъ всевозможныхъ интригъ, ведшихся въ Малороссіи и Польшѣ противъ гетмана Мазепы. Наталія Кирилловна скончалась въ 1694 г. Но и послѣ этого Петру было не до внутренняго управленія: онъ замыслилъ «великое дѣло», предвѣстницами котораго были прежнія военныя «игры», именно онъ вознамѣрился отвоевать у турокъ крѣпость Азовъ, служившую ключомъ къ Азовскому и Черному морямъ.

Азовскіе походы.

Нѣсколько причинъ побуждало Петра къ войнѣ съ Турками: 1) обязательства по отношенію къ другимъ участницамъ «священнаго союза», т. е. Австріи и Польшѣ; 2) увѣщанія восточныхъ патріарховъ, совѣтовавшихъ на то, что въ Святой землѣ турки предоставили всѣ преимущества своимъ союзникамъ—французамъ и тѣснятъ тамъ православныхъ; 3) стремленіе доказать пользу и необходимость «потѣхъ», какъ подготовительныхъ средствъ для серьезной войны, желаніе опровергнуть упреки старозавѣтныхъ москвичей, видѣвшихъ въ «потѣхахъ» и въ сближеніи съ нѣмцами только забаву, недостойную русскаго царя.

Для пріобрѣтенія Азова предпринято было два похода въ 1695 и въ 1696 г.г. Первый сухопутный походъ (войска находились подъ главнымъ начальствомъ Головина, Лефорта и Гордона) былъ неудаченъ: азовскій гарнизонъ, получая постоянныя подкрѣпленія съ

моря отъ турецкаго флота, отбилъ всѣ штурмы русскаго войска, и послѣднее должно было отступить послѣ безрезультатной осады. Неудача не обезкуражила однако Петра, а лишь подстрекнула его гигантскую энергію, побудила его къ усовершенствованію русской артиллеріи и къ созданію не «потѣшнаго», а настоящаго флота, который могъ бы противостоять турецкому и обложить Азовъ съ моря. Съ лихорадочною поспѣшностью готовился Петръ въ теченіе зимы 1695—1696 г. ко второму походу: изъ-за границы выписывались инженеры, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно на р. Воронежѣ, строился флотъ подъ непосредственнымъ руководствомъ самого царя. Работа кипѣла, и, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій (какъ, напр., бѣгство рабочихъ, лѣсные пожары, отвратительная погода), весною 1696 г. удалось предпринять новый походъ: сухопутными войсками начальствовалъ Шеинъ, морскими силами—адмиралъ Лефортъ. На этотъ разъ Азовъ, умѣло осажденный съ суши и отрѣзанный со стороны моря, не устоялъ: 18 іюля 1696 г. онъ сдался на капитуляцію.

Впечатлѣніе этого перваго торжества русскихъ надъ турками было огромно; въ Польшѣ за показными восторгами по поводу побѣды рускихъ таилось чувство зависти и опасенія, что Московское государство, сознавъ свою силу, обратится со временемъ на Польское. Петръ ликовалъ и отпраздновалъ взятіе Азова блестящимъ тріумфомъ въ Москвѣ: аллегорическія фигуры, картины и надписи прославляли побѣду русскихъ; на одной изъ картинъ изображенъ былъ самъ властитель морей богъ Нептунъ, изъявлявшій свою покорность русскому оружію. Насколько подчеркивалъ Петръ огромное значеніе «никогда не бываемаго дѣла» (т. е. взятія Азова), настолько же онъ съ удивительною скромностью старался затушевать свои личныя заслуги въ немъ. Будучи душою и руководителемъ всего предпріятія, подвергая свою жизнь во время обоихъ походовъ страшнымъ опасностямъ, онъ отводилъ себѣ самую скромную роль: въ первый походъ онъ выступилъ въ качествѣ простого бомбардира, а во время московскихъ празднествъ шелъ въ капитанскомъ мундирѣ за тріумфальною колесницею Шеина и Лефорта. На свое участіе въ войнѣ съ турками онъ смотрѣлъ только какъ на службу. Это онъ отмѣтилъ въ своемъ послужномъ спискѣ слѣдующими словами: «зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ»; въ заслугу себѣ онъ ставилъ только свое усердіе: «въ Марсовомъ ярмѣ непрестанно труждаемся», писалъ онъ, «въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой»; этимъ усердіемъ онъ объяснялъ и удачу: «Господь Богъ, писалъ онъ, двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ; достоинъ есть дѣлатель мзды своея».

Судостроеніе.

Какъ неудача перваго похода не смутила Петра, такъ удача второго не побудила его почить на лаврахъ; и въ ней онъ усмотрѣлъ только стимулъ къ дальнѣйшей

19279
...Гос. Унив...
НАУЧН. БИБЛИОТ...

работѣ. Тотчасъ же послѣ взятія Азова въ окрестностяхъ его, преимущественно у мыса Таганрога, стали возводить крѣпости и устраивать гавань для флота. Судостроеніе получило правильную организацію: именно, завѣдываніе имъ поручено было Владимірскому судному приказу (во главѣ котораго стоялъ «адмиралтеецъ» окольничій Протасьевъ), средства на сооруженіе кораблей должны были давать духовные и свѣтскіе землевладѣльцы въ зависимости отъ числа имѣющихся у нихъ крестьянскихъ дворовъ (духовенство должно было строить одинъ корабль съ 8.000 дворовъ, а служилые люди — съ 10.000), а также посадскіе люди. Для этого землевладѣльцы соединялись въ «кумпанства» (т. е. общества или компаніи), при чемъ каждое изъ нихъ содержало извѣстное число плотниковъ и мастеровъ русскихъ и иностранныхъ (изъ Венеціи, Голландіи, Даніи и Швеціи), строя корабли согласно росписямъ и чертежамъ, доставляемымъ Владимірскимъ приказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ много русскихъ дворянъ послано было за границу (въ Венецію, Англію и Голландію) учиться «архитектурѣ и управленію корабельному», а также всевозможнымъ мастерствамъ.

Путешествіе царя за границу.

Чтобы быть вѣрнымъ оцѣнщикомъ степени выучки своихъ подданныхъ, знатокомъ и руководителемъ всякаго нужнаго дѣла и чтобы закрѣпить тѣсныя связи съ Западной Европой, самъ царь (какъ говорятъ, по совѣту Лефорта) въ мартѣ 1697 года собрался въ заграничное путешествіе [1]), предоставивъ управленіе государствомъ боярамъ.

Какъ въ Азовскій походъ Петръ выступилъ въ качествѣ простого бомбардира, такъ и за границу онъ рѣшилъ ѣхать подъ именемъ простого дворянина Петра Михайлова, приписавшагося въ качествѣ волонтера (т. е. добровольца) къ великому посольству, отправляемому

---

[1]) Выѣздъ за границу назначенъ былъ первоначально на Февраль, но его пришлось нѣсколько отложить, такъ какъ въ началѣ 1697 года открытъ былъ заговоръ противъ государя. Во главѣ этого заговора стояли стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ и двое вельможъ: Алексѣй Соковнинъ и Ѳедоръ Пушкинъ. Цыклеръ поднялся противъ Петра изъ за своего уязвленнаго честолюбія и обманутыхъ надеждъ на быстрое повышеніе по службѣ: первоначально онъ хотѣлъ сдѣлать блестящую карьеру ревностной защитой интересовъ Софіи въ 1682 г., затѣмъ попытался сыграть на переходѣ на сторону Петра въ 1689 году. Однако и въ томъ, и въ другомъ случаѣ беззастѣнчивый карьеристъ ошибся въ расчетахъ; тогда онъ рѣшился на преступленіе: онъ привлекъ на свою сторону старозавѣтныхъ москвичей, негодовавшихъ на петровскія новшества—Соковнина и Пушкина, и они стали подговаривать стрѣльцовъ умертвить Петра. Но стрѣльцы выдали преступниковъ. На допросѣ выяснилось, что заговорщики мечтали даже о возведеніи Цыклера на московскій престолъ. Петръ усмотрѣлъ въ ихъ замыслахъ наслѣдіе козней теперь уже покойнаго Ивана Милославскаго. Поэтому казнь заговорщиковъ и ихъ приверженцевъ соединена была съ издѣвательствомъ надъ памятью Милославскаго: гробъ его былъ вырытъ изъ могилы, привезенъ на свиньяхъ на мѣсто казни и поставленъ былъ такъ, что кровь казнимыхъ стекала въ него.

къ цесарю (т. е. императору Священно-Римской имперіи Германской націи), къ королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, курфюрсту бранденбургскому, въ Голландію и въ Венецію. Во главѣ посольства были Головинъ, Лефортъ и Возницынъ; при нихъ состояло свыше 20 дворянъ и 35 волонтеровъ. Цѣль посольства была дипломатическая: «подтвержденіе древней дружбы и любви» и составленіе союза для ослабленія «враговъ креста Господня», т. е. мусульманскихъ государствъ. Но за этою показною дипломатическою цѣлью таилась другая — чисто-учебная: посольству, по словамъ историка (Ключевскаго), было предписано «все нужное высмотрѣть, вызнать, перенять европейское мастерство, сманить европейскаго мастера». Волонтерамъ посольства прямо вмѣнялось въ обязанность «въ Европѣ присмотрѣться новымъ воинскимъ искусствамъ и поведеніямъ, обучиться математикѣ, астрономіи, морскимъ наукамъ, механикѣ, фортификаціи, кораблестроенію» и т. д.

Усерднѣйшій служака подъ Азовомъ — царь собирался быть самымъ прилежнымъ ученикомъ и рабочимъ за границей. Онъ ѣхалъ туда съ девизомъ: «азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую» (слова на печати Петра, прилагаемой къ его письмамъ изъ-за границы); на Западную Европу онъ смотрѣлъ какъ на мастерскую, въ которой нужно поработать, не покладая рукъ. Такой учебной цѣли вполнѣ соотвѣтствовала и форма поѣздки инкогнито, т. е. подъ чужимъ именемъ: московскій самодержецъ превращался въ Петра Михайлова, чтобы избѣжать всякихъ условностей, всякихъ церемонныхъ и оффиціальныхъ встрѣчъ и пріемовъ. Впрочемъ, инкогнито плохо соблюдалось, и за границей скоро узнали, кто скрывается подъ именемъ любознательнаго Петра Михайлова, который, увлекаемый своею кипучею натурою, рвался все время впередъ и часто опережалъ чинное московское посольство. Да и самъ царь во время своего пятнадцатимѣсячнаго путешествія не всегда умѣлъ сохранять инкогнито. Учебнымъ цѣлямъ Петръ посвящалъ больше всего времени: въ Ригѣ онъ пытался высмотрѣть укрѣпленія, чѣмъ вызвалъ большое неудовольствіе ея шведскаго губернатора; въ Кенигсбергѣ изучалъ артиллерію и удостоился диплома, аттестовавшаго его какъ «исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника»; въ Голландіи, сначала въ Саардамѣ, а затѣмъ въ Амстердамѣ, въ теченіе свыше 4 мѣсяцевъ въ качествѣ «плотника Петра» изучалъ практику кораблестроенія, а въ Англіи (преимущественно въ мѣстечкѣ Дептфордъ) его теорію; вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ осматривалъ все, что только встрѣчалось на пути: и госпитали, и воспитательные дома, и фабричныя мастерскія, и анатомическіе кабинеты; слушалъ лекціи, принималъ участіе въ препарированіи труповъ, увлекался всякими «раритетами» (т. е. рѣдкостями), съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на изученіи различныхъ техническихъ усовершенствованій и,

напротивъ, довольно равнодушно проходя мимо памятниковъ чистаго искусства. Но, когда было нужно, царь превращался изъ волонтера-ученика въ искуснаго руководителя дипломатическихъ переговоровъ: онъ скрѣпилъ дружбу съ бранденбургскимъ курфюрстомъ, умѣло содѣйствовалъ избранію на польскій престолъ курфюрста саксонскаго Фридриха-Августа, настоявъ на устраненіи кандидатуры его соперника—ставленника французовъ, дружившихъ съ Турціей, и такой поддержкой Фридриха-Августа сдѣлалъ послѣдняго своимъ союзникомъ; далѣе Петръ энергично противился заключенію мира между Австріей и Турціей, о которомъ хлопотали Англія и Голландія, стремившіяся развязать Австріи руки для предстоящей войны съ Франціей «за испанское наслѣдство»; царь весьма искусно доказывалъ въ Вѣнѣ австрійскому правительству, что миръ съ турками ненадеженъ, что интересы самой же Австріи должны побуждать ее не оставлять Московское государство одинокимъ въ борьбѣ съ Турціей и способствовать прочному утвержденію русскаго вліянія на берегахъ Чернаго моря. Дипломатическими переговорами въ Вѣнѣ Петру пришлось закончить свое путешествіе, не посѣтивъ, какъ онъ предполагалъ, Италіи: лѣтомъ 1698 года царь получилъ донесеніе о новыхъ стрѣлецкихъ волненіяхъ и поспѣшилъ въ обратный путь въ Москву, чтобы навсегда покончить со стрѣльцами, которые уже въ третій разъ становились ему поперекъ дороги (въ первый разъ это было въ 1682 году, во второй—передъ самымъ отправленіемъ за границу, когда былъ раскрытъ заговоръ стрѣлецкаго полковника Цыклера, злоумышлявшаго противъ Петра). Въ стрѣльцахъ царь видѣлъ «сѣмя» ненавистнаго ему интригана Милославскаго, видѣлъ въ нихъ оплотъ бунтующей и противящейся всякимъ нововведеніямъ старины. Съ этою косною стариною и хотѣлъ раздѣлаться Петръ, который во время своей поѣздки еще болѣе укрѣпился въ своихъ симпатіяхъ къ западно-европейской культурѣ. Дипломатическая цѣль поѣздки не была достигнута въ той мѣрѣ, какъ этого желалъ Петръ: составить прочнаго союза христіанскихъ государствъ противъ турокъ не удалось. Но для достиженія учебной цѣли многое было сдѣлано: за границей нанято было не мало всевозможныхъ мастеровъ и нужныхъ людей, русскіе волонтеры «розданы по мѣстамъ», т. е. въ выучку; царь почерпнулъ массу свѣдѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ заинтересовалъ Западную Европу своимъ малознакомымъ ей ранѣе народомъ и оставилъ по себѣ неизгладимое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе слагалось изъ разныхъ чувствъ: съ одной стороны преклонялись передъ исключительнымъ умомъ русскаго царя, его огромными способностями и рѣдкою любознательностью, съ другой стороны недоумѣвали по поводу его застѣнчивости, неумѣнья держаться въ обществѣ и грубости его привычекъ и характера.

О пребываніи Петра за-границей сохранилось не мало воспоминаній современниковъ. Разсказываютъ, напр., что, въ началѣ путеше-

ствія Петръ, проѣзжая по большой городской площади, требовалъ, чтобы съ нея удалили глазѣвшую на него толпу, или прикрывалъ лицо руками. Такое же смущеніе проявилъ онъ и при встрѣчѣ съ двумя нѣмецкими курфюрстинами (ганноверской и бранденбургской), пріѣхавшими издалека со спеціальною цѣлью посмотрѣть его. Петръ едва рѣшился выйти къ нимъ, страшно конфузился, закрывалъ лицо рукой и твердилъ, что онъ не можетъ говорить. Однако за ѣдой онъ оправился, много и весело бесѣдовалъ, а затѣмъ съ увлеченіемъ принялся за танцы, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ. И та и другая курфюрстины сочли своимъ долгомъ описать свои впечатлѣнія: обѣ онѣ восхищаются наружностью и умомъ царя, но одна упрекаетъ его въ грубости и скорбитъ, что «его не научили ѣсть опрятно», а другая приходитъ къ слѣдующему заключенію: «это — государь, очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной... Если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ».

Какъ натура непосредственная, Петръ вообще не любилъ и не умѣлъ сдерживать себя. Такъ, напр., однажды онъ, раздосадованный тѣмъ, что курфюрстъ бранденбургскій не пришелъ къ нему въ гости, довольно безцеремонно вытолкалъ отъ себя одного бранденбургскаго придворнаго, явившагося съ извиненіями отъ имени своего государя. Въ Саардамѣ царь ревниво соблюдалъ свое инкогнито, щеголялъ въ простонародномъ голландскомъ костюмѣ и жилъ въ лачугѣ какого-то кузнеца. Но несмотря на это, его инкогнито было раскрыто, такъ какъ жившіе въ Москвѣ голландскіе мастера сообщили своимъ соотечественникамъ его примѣты: «ростомъ — великанъ, на щекѣ — бородавка, трясетъ головой, машетъ на ходьбѣ руками». Взбѣшенный назойливымъ любопытствомъ саардамцевъ, Петръ разгонялъ глазѣвшихъ на него уличныхъ ребятъ, а какъ-то разъ далъ увѣсистую пощечину одному особенно надоѣвшему ему зѣвакѣ. Непосредственность сказывалась во всемъ: увидѣвъ въ анатомическомъ театрѣ хорошо препарированный трупъ ребенка, Петръ расцѣловалъ его. Когда же онъ замѣтилъ, что его спутники брезгливо относятся къ препарированію, онъ заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы труповъ. Если его что-нибудь заинтересовывало, онъ не стѣснялся ни временемъ, ни мѣстомъ, чтобы удовлетворить свою любознательность: иногда во время пути среди глубокой ночи онъ поднималъ на ноги провожавшихъ его лицъ и требовалъ у нихъ объясненій. Интересовался онъ, какъ сказано, преимущественно техническими вопросами. Впрочемъ, въ бытность свою въ Англіи онъ однажды посѣтилъ и парламентъ и нашелъ, что «весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду; вотъ чему, прибавилъ онъ, надо учиться у англичанъ». Въ Англіи же онъ принималъ епископовъ и велъ съ ними получасовую бесѣду. Повидимому, онъ не совсѣмъ

удовлетворилъ своихъ чопорныхъ собесѣдниковъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ съ упрекомъ отзывается о его грубости и необузданности и выражаетъ даже сомнѣніе въ его правительственныхъ талантахъ. Не мало удивило англичанъ и то, что, когда Петръ со своей свитой выѣхалъ изъ занимаемаго ими помѣщенія въ Дептфордѣ, оно представляло собою картину полнаго разрушенія: постояльцы настолько безцеремонно обращались съ обстановкой своей квартиры, что потребовалось 5.000 рублей на исправленіе сдѣланныхъ ими поврежденій.

Стрѣлецкій розыскъ.

Если Петру трудно было сдерживать порывистость своей натуры за-границей, гдѣ онъ старался выучиться привлекавшему его «новому», то тѣмъ менѣе могъ онъ это сдѣлать тогда, когда примчался обратно въ Москву, чтобы вести борьбу съ ненавистнымъ ему «старымъ»— съ мятежнымъ стрѣлецкимъ войскомъ. Дни стрѣлецкаго «розыска» и послѣдовавшихъ за нимъ казней были одними изъ самыхъ мрачныхъ дней петровскаго царствованія, такъ какъ царь проявилъ въ это время чрезмѣрную жестокость. Волненіе стрѣльцовъ, оторвавшее Петра отъ дипломатическихъ переговоровъ въ Вѣнѣ, выразилось въ слѣдующемъ:

Стрѣльцы, раздраженные тѣмъ, что потѣшныя войска оттѣсняли ихъ какъ бы на второй планъ, истомленные продолжительной и трудной службой вдали отъ Москвы (часть стрѣльцовъ должна была охранять Азовъ, другая—послана была на литовскую границу) и встревоженные различными вздорными слухами, распространяемыми приверженцами Софіи, двинулись въ числѣ нѣсколькихъ полковъ лѣтомъ 1698 года на столицу съ намѣреніемъ истребить неугодныхъ бояръ и передать правленіе вновь въ руки царевнѣ.

Стрѣлецкое волненіе подготовлялось исподволь. Петръ, отчетливо помнившій ужасы 1682 года, не могъ, конечно, питать добрыхъ чувствъ къ стрѣльцамъ, невольно считалъ ихъ «сѣменемъ» Милославскаго, подчеркивалъ ихъ военную отсталость. На маневрахъ, устраиваемыхъ Петромъ, стрѣльцы ставились обыкновенно подъ начальство «польскаго короля» Бутурлина и посрамлялись потѣшными полками, которыми командовалъ самъ царь. Во время азовскихъ походовъ царь выказывалъ неудовольствіе по поводу дѣйствій стрѣльцовъ. Если Петръ не могъ забыть мятежа стрѣльцовъ, то и они въ свою очередь не забыли той рѣшающей политической роли, какую играли они при Софіи, и злобились, что царь держитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, злобились на потѣшныхъ, въ особенности же на «еретика» «иноземца» «Францка» Лефорта, видя въ немъ виновника всѣхъ своихъ бѣдъ, предвѣстника своей гибели. Недруги Петра подзадоривали раздраженіе стрѣльцовъ, увѣряя, что «имъ все равно пропадать», и они стали съ величайшей подозрительностью относиться ко всѣмъ распоряженіямъ правительства, касавшимся ихъ: имъ казалось, напр., что во время осады Азова Лефортъ намѣренно ста-

вилъ ихъ на самыя опасныя мѣста. Послѣ долгой службы подъ Азовомъ четыре стрѣлецкихъ полка, вмѣсто возвращенія въ Москву, отправлены были къ литовской границѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать кандидатуру Фридриха-Августа, а на смѣну имъ въ Азовъ и его окрестности двинуты были изъ Москвы остальные стрѣлецкіе полки. Такимъ образомъ стрѣльцовъ вовсе удалили изъ столицы, оторвали отъ семей и привычныхъ занятій. Съ этимъ они никакъ не могли примириться, и раннею весною въ 1698 году въ Москвѣ появилось не мало бѣглецовъ изъ стрѣлецкихъ отрядовъ, стоявшихъ на литовской границѣ. Въ столицѣ они встрѣтили различный пріемъ. Люди, враждебно относившіеся къ Петру, морочили ихъ всякими нелѣпыми слухами: говорили имъ, будто стрѣльцамъ уже никогда больше «не видать Москвы», будто царь «невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ», царица — въ полномъ униженіи, а царевича Алексѣя (сына Петра отъ Евдокіи) бояре собираются задушить; вмѣстѣ съ тѣмъ Софія и ея сестра Марѳа вступили въ оживленныя сношенія со стрѣлецкими бѣглецами и посылали имъ грамоты, въ которыхъ убѣждали всѣхъ стрѣльцовъ идти въ Москву и требовать провозглашенія Софіи правительницей. Напротивъ, бояре, которымъ Петръ поручилъ правленіе въ свое отсутствіе, настаивали на томъ, чтобы бѣглецы вернулись на мѣсто службы, и, когда они не послушались, силою выгнали ихъ изъ Москвы. Вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ указъ, повелѣвавшій стрѣлецкимъ полкамъ оставаться на мѣстѣ и назначавшій наказанія бѣглецамъ. Однако стрѣльцы не только не выдали виновныхъ, но двинулись, какъ сказано, на Москву съ криками: «Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить, а стрѣльцамъ жить въ домахъ своихъ... Если царевна въ правительство не вступится и пока не возмужаетъ царевичъ, взять (въ правители) князя Василія Голицына».

Навстрѣчу мятежнымъ стрѣльцамъ высланы были Шеинъ и Гордонъ съ 4.000 солдатъ и артиллеріей. Противники сошлись у Воскресенскаго монастыря. Шеинъ и Гордонъ пытались усовѣщевать стрѣльцовъ. Но переговоры не увѣнчались успѣхомъ; пришлось прибѣгнуть къ оружію, и послѣ недолгой битвы мятежники были разсѣяны. Такимъ образомъ ко времени возвращенія Петра изъ-за границы волненіе было подавлено и, по увѣренію Виніуса, «ни одинъ изъ виновныхъ не ушелъ отъ наказанія». Но Петръ взглянулъ на дѣло иначе. Въ лицѣ стрѣльцовъ онъ хотѣлъ дать жестокій урокъ всѣмъ своимъ противникамъ, всѣмъ приверженцамъ «старины».

Съ сентября начался стрѣлецкій «розыскъ» (т. е. слѣдствіе), въ которомъ принимали участіе самъ царь и близкія къ нему лица. Наступили страшные дни чудовищныхъ пытокъ, а затѣмъ казней: стрѣльцовъ казнили сотнями въ теченіе нѣсколькихъ дней. Трупы ихъ пять мѣсяцевъ оставались на мѣстѣ казни: три трупа съ челобитьями въ рукахъ висѣли у самыхъ оконъ кельи царевны Софіи.

Уцѣлѣвшіе стрѣльцы были распущены съ запрещеніемъ жительства въ Москвѣ и поступленія въ солдаты. Такимъ образомъ стрѣлецкое войско покончило свое существованіе.

Софія и ея сестра Мареа, признанныя причастными къ дѣлу стрѣльцовъ, должны были принять постриженіе въ монахини (до этого времени Софія проживала въ монастырѣ безъ постриженія). Около этого же времени царь принудилъ къ постриженію и свою супругу Евдокію. Въ стрѣлецкомъ движеніи она была неповинна, но Петръ уже давно разошелся во взглядахъ и съ нею и съ ея родными, враждовавшими съ Лефортомъ, и еще въ бытность свою за границей рѣшилъ развестись съ нелюбимой женою, въ бракъ съ которой онъ вступилъ только въ угоду своей покойной матери. Сынъ отъ этого брака болѣзненный царевичъ Алексѣй Петровичъ отданъ былъ на воспитаніе сестрѣ Петра Наталіи.

Первыя нововведенія: брадобритіе, нѣмецкое платье и реформа календаря.

Въ стрѣльцахъ Петръ видѣлъ оплотъ бунтующей «старины», символомъ же косной, пассивно противящейся преобразованіямъ «старины» онъ считалъ самый внѣшній обликъ современнаго ему москвича— его длинную бороду и длинную одежду. Вслѣдствіе этого тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы царь установилъ обязательное брадобритіе для всѣхъ русскихъ людей, кромѣ духовенства и крестьянъ, а спустя нѣкоторое время издалъ указъ о ношеніи всѣми (также кромѣ духовенства и крестьянъ) платья венгерскаго и нѣмецкаго «для славы и красоты государства». Наконецъ, 20 декабря 1699 г., въ цѣляхъ сближенія Русской земли съ Западной Европой, произведена была реформа календаря: лѣтосчисленіе устанавливалось отъ Р. Х. (а не отъ сотворенія міра), а празднованіе новаго года переносилось съ 1 сентября на 1 января. Съ реформированнымъ календаремъ московское государство вступило въ XVIII вѣкъ.

Борьбу съ «символами» старины царь началъ своеобразнымъ способомъ: на другой день послѣ своего пріѣзда изъ-за границы (26 августа) онъ сталъ собственноручно стричь бороды своимъ боярамъ. Такимъ образомъ царь узаконялъ брадобритіе (за сохраненіе бороды взималась впослѣдствіи особая пошлина), которое понемногу распространялось на Руси еще со времени Бориса Годунова, но противъ котораго упорно возставало духовенство (въ томъ числѣ и современникъ Петра—патріархъ Адріанъ), видя въ немъ «еллинскій, блудническій, гнусный обычай, уподобляющій человѣка котамъ и псамъ, уподобляющій православныхъ обритымъ еретикамъ». Борода, говоритъ историкъ (Соловьевъ), стала на Руси «знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ» (т. е. въ борьбѣ приверженцевъ старины и сторонниковъ преобразованій). Понятно поэтому, что для Петра, по словамъ другого историка (Ключевскаго), «древне-русская борода была не физической подробностью мужской физіономіи, а выставкой по-

литическаго настроенія, знакомъ государственнаго бунтовщика». По внѣшнему облику человѣка—по его прическѣ и одеждѣ—Петръ судилъ о его сочувствіи или несочувствіи преобразованіямъ. Этимъ и объясняется, почему, говоря словами историка (Ключевскаго), «русское законодательство вмѣшалось въ вѣдомство парикмахера и портного».

Общественное недовольство и борьба съ нимъ.

Зная (изъ исторіи раскола) приверженность русскихъ людей къ вѣковымъ обычаямъ и старымъ формамъ, легко понять, что указанныя мѣры, сближавшія русскихъ людей съ «еретиками»-нѣмцами, вызывали большое недовольство. Оно подавлялось жестокими мѣрами, а послѣднія ставились въ упрекъ царю и правительству. Особеннымъ обвиненіямъ въ жестокости и даже неистовой кровожадности подвергался кн. Ѳ. Ромодановскій, спеціальностью котораго былъ допросъ политическихъ преступниковъ. Допрашивались они обыкновенно въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ и образовался особый Преображенскій приказъ, наводившій ужасъ своими страшными пытками. Самъ Ромодановскій не скрывалъ, что ему приходится «всегда въ крови омываться». Дѣйствительно, въ то время была необыкновенно распространена съ одной стороны преступность, съ другой—страсть къ доносамъ, часто лживымъ и нелѣпымъ. Ромодановскому приходилось имѣть дѣло не только со стрѣльцами или съ политическими преступниками (на которыхъ сказывали «слово и дѣло», т. е. обвиняли въ замыслахъ противъ государя), но и съ различными волшебниками, напускавшими будто бы всевозможныя болѣзни, съ разбойниками изъ всякихъ чиновъ людей, а также съ должностными лицами, позволявшими себѣ чудовищныя злоупотребленія, «насилія и убійства», въ особенности въ далекой Сибири. Царь, раздражаемый общественнымъ недовольствомъ и преступностью, тревожимый «облакомъ сомнѣній» въ возможности достиженія задуманныхъ плановъ, отлично понималъ однако, что однѣми жестокостями не искоренить злоупотребленій. Безпощадно карая виновныхъ, щедро награждая достойныхъ, онъ издавалъ указы, опредѣлявшіе до мелочей дѣятельность областныхъ правителей, а съ другой стороны старался пріучить и общество самостоятельно отстаивать свои интересы, если они совпадали съ интересами государства.

Организація городского самоуправленія.

Съ этой цѣлью онъ, по примѣру Западной Европы и Малороссіи, ввелъ въ 1699 г. городское самоуправленіе. Именно, торгово-промышленное населеніе городовъ было изъято изъ вѣдѣнія воеводскихъ и приказныхъ людей, а для завѣдыванія городскими дѣлами должно было выбирать изъ своей среды бурмистровъ, которые находились подъ надзоромъ Московской Бурмистрской палаты, сносившейся непосредственно съ государемъ. Введеніе самоуправленія отвѣчало, по мысли Петра, интересамъ какъ самихъ горожанъ, такъ и казны, которая, освободивъ городское населеніе отъ воеводскихъ поборовъ, могла взимать съ него бо̀льшіе налоги.

Миръ съ Турціей. Въ то время, какъ проводились указанныя мѣры, русскіе послы трудились надъ заключеніемъ мира съ Турціей. Петръ считалъ невозможнымъ продолжать борьбу съ нею, такъ какъ его планъ — создать союзъ христіанскихъ государей противъ Турокъ — окончился, какъ извѣстно, неудачей, и Австрія, готовясь къ войнѣ за испанское наслѣдство, спѣшила прекратить войну съ Турціей. Положеніе русскихъ уполномоченныхъ (сперва Возницына, а затѣмъ Украинцева) на конгрессѣ, собравшемся для заключенія мира, было очень тяжелымъ, такъ какъ Турція, щедро удовлетворивъ требованія Венеціи и Австріи, стремилась возмѣстить свои убытки на Польшѣ и Московскомъ государствѣ, и такъ какъ представители другихъ державъ не только не поддерживали русскихъ дипломатовъ, но даже вредили имъ. Послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ миръ былъ заключенъ лѣтомъ 1700 г.; по условіямъ его, Петръ удерживалъ за собою Азовъ и пограничныя крѣпости, но соглашался на срытіе укрѣпленій, построенныхъ имъ въ низовьяхъ Днѣпра[1]). Стремленіе царя къ миру съ Турціей объясняется не только тѣмъ, что Московское государство оказалось одинокимъ въ борьбѣ съ нею, но и тѣмъ, что царь какъ разъ въ это время задумалъ новую войну—войну со Швеціей. Эта война, получившая названіе Великой Сѣверной и продолжавшаяся 21 годъ (1700—1721 г.г.), является славнѣйшимъ подвигомъ Петра: въ ней, какъ увидимъ,—главный смыслъ его царствованія, первопричина и разгадка всѣхъ его реформъ, такъ какъ война эта, по словамъ историка (Ключевскаго), «была главнымъ движущимъ рычагомъ преобразовательной дѣятельности Петра, указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы».

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Великая Сѣверная война (1700—1721 г.г.) и война съ Персіей.

§ 7. Причина и поводъ къ войнѣ.

Основная причина Великой Сѣверной войны коренилась въ давнишнемъ соперничествѣ русскихъ со шведами, въ исконномъ стремленіи московскихъ государей къ обладанію Балтійскимъ моремъ, къ пріобрѣтенію его торговыхъ портовъ. Тяготѣніе къ Балтійскому морю было столь же завѣщано Петру предшествующей русской исто-

[1]) Такія условія были, конечно, невыгодными, такъ какъ Азовъ открывалъ русскимъ доступъ лишь къ Азовскому морю, а не къ Черному и не былъ достаточнымъ оплотомъ для борьбы съ Крымомъ. Польша получала отъ Турціи правобережную Украйну.

ріей, какъ и тяготѣніе къ Черному. Ближайшимъ же поводомъ къ войнѣ были побужденія со стороны польскаго и датскаго королей, враждебныхъ къ Швеціи, которая расширила на ихъ счетъ свои владѣнія при воинственныхъ короляхъ Густавѣ-Адольфѣ и Карлѣ X Густавѣ и получила преобладаніе на сѣверѣ Европы.

Главнымъ устроителемъ союза противъ Швеціи сдѣлался лифляндскій аристократъ фонъ-Паткуль, задавшійся цѣлью отмстить шведскому правительству за «редукцію», произведенную при Карлѣ XI. Редукція состояла въ томъ, что шведское правительство для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ и для ослабленія дворянства отобрало у послѣдняго какъ въ самой Швеціи, такъ и въ Лифляндіи (отвоеванной отъ Польши) всѣ земли, принадлежавшія нѣкогда государству, а со временемъ перешедшія въ частное владѣніе, оставивъ дворянамъ лишь тѣ земельные участки, на обладаніе которыми они имѣли неоспоримыя права.

Энергичный, мстительный и безпокойный Паткуль ожесточенно возставалъ противъ редукціи и за свою противоправительственную дѣятельность приговоренъ былъ къ смертной казни, отъ которой спасся лишь бѣгствомъ. Во время своихъ продолжительныхъ скитаній почти по всей Европѣ онъ составилъ планъ отторженія Лифляндіи отъ Швеціи. Возстановить ее въ видѣ прежняго самостоятельнаго Ливонскаго ордена онъ не считалъ возможнымъ. Наилучшимъ исходомъ онъ считалъ присоединеніе ея къ Польшѣ: шляхетскій строй послѣдней соотвѣтствовалъ дворянскимъ воззрѣніямъ Паткуля; ея король, какъ нѣмецъ по происхожденію, былъ его единоплеменникомъ. Понятно поэтому, что взоры Паткуля, подготовлявшаго враговъ противъ Швеціи, остановились прежде всего на Польшѣ.

Уже съ конца 1698 г. Паткуль сталъ подговаривать польскаго короля Августа (онъ же саксонскій курфюрстъ Фридрихъ-Августъ) къ войнѣ со Швеціей и, въ качествѣ уполномоченнаго отъ лифляндскаго рыцарства, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Лифляндія присоединялась на вѣчныя времена къ Польшѣ. Однако Августъ могъ располагать только войсками своего Саксонскаго курфюршества, такъ какъ польское правительство (въ лицѣ сената) противилось войнѣ. Поэтому Паткуль позаботился о пріисканіи союзниковъ для Августа. Къ союзу противъ Швеціи привлечены были датскій король (Христіанъ V, а затѣмъ, послѣ его смерти, Фридрихъ IV), заинтересованный въ увеличеніи своихъ владѣній насчетъ гольштинскаго герцога (Фридриха), родственника шведскаго короля, а также царь Петръ. Правда, Паткуль во время своихъ переговоровъ съ Августомъ совѣтовалъ относиться очень осторожно къ могущественному московскому царю, не давать ему ни въ коемъ случаѣ овладѣть Нарвой, представляющей собою ключъ ко всей Эстляндіи и Лифляндіи, и убѣдить его удовольствоваться Кареліей и Ингерманландіей (соотвѣтствую-

щей прежней новгородской Водьской пятинѣ). Съ тѣмъ большимъ жаромъ старался онъ (въ сентябрѣ 1699 г.) доказать Петру, какія огромныя политическія и культурныя выгоды пріобрѣтаетъ Московское государство отъ присоединенія этихъ двухъ областей, дающихъ возможность утвердиться на Балтійскомъ морѣ. Царь согласился (11 ноября 1699 г.) принять участіе въ союзѣ[1]), но обѣщалъ начать военныя дѣйствія не раньше, какъ заключитъ миръ съ Турціей. До заключенія же его онъ поддерживалъ дружественныя сношенія съ шведскимъ правительствомъ и всячески подчеркивалъ свое миролюбіе.

§ 8. Начало войны.

Надѣясь на скорую помощь царя, союзники въ началѣ 1700 г. открыли военныя дѣйствія: Августъ послалъ свои саксонскія войска въ Лифляндію, датскій король Фридрихъ IV изгналъ гольштинскаго герцога изъ его владѣній.

Характеристика Карла XII.

Всѣ были убѣждены, что война приметъ крайне неблагопріятный оборотъ для шведскаго короля Карла XII (преемника Карла XI), такъ какъ этотъ 18-ти-лѣтній властелинъ Швеціи составилъ себѣ весьма печальную славу своими легкомысленными, ребяческими выходками, и никто не могъ подозрѣвать, что въ своенравномъ чудакѣ-юношѣ проснется геній великаго полководца-завоевателя.

До 1700 г. Карлъ XII извѣстенъ былъ только своими дикими продѣлками, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе его зять и пріятель гольштинскій герцогъ. Друзья устраивали охоту на зайцевъ въ залѣ сейма, рубили головы баранамъ и телятамъ, пригоняемымъ для этой цѣли во дворецъ, сокрушали дворцовую мебель и всячески потѣшались надъ пажами, съ крикомъ и шумомъ полураздѣтые носились по улицамъ Стокгольма, били стекла въ стокгольмскихъ домахъ, а какъ-то разъ переломали всѣ скамьи въ одной изъ церквей. Всѣ эти забавы дѣлали короля притчей во языцѣхъ и вызывали рѣзкое осужденіе въ Швеціи. Но лишь только возгорѣлась война, необузданный и неугомонный Карлъ XII нашелъ примѣненіе своимъ силамъ. Онъ весь отдался войнѣ, несмотря на то, что шведскій государственный совѣтъ старался избѣжать ея. Изгнанному гольштинскому герцогу Карлъ обѣщалъ свое покровительство, хотя бы это стоило ему короны. Узнавъ о дѣйствіяхъ Августа въ Лифляндіи, онъ съ полною увѣренностью заявилъ, что заставитъ польскаго ко-

[1]) Союзъ Московскаго государства съ Польшей для борьбы со шведами предсказывался, какъ извѣстно, еще Ординымъ-Нащокинымъ, который отлично понималъ, что Москва не можетъ вести одновременно борьбу на три фронта: съ Польшей, со Швеціей и съ Турціей.

роля «убраться во-свояси» и что, «покончивъ съ однимъ врагомъ, онъ сумѣетъ поговорить съ другимъ».

Успѣхи Карла.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ Карлъ началъ войну побѣдоносно: прежде всего онъ съ небольшимъ отрядомъ устремился на датскаго короля и, подступивъ къ самой его столицѣ, принудилъ его къ миру въ Травендалѣ, по условіямъ котораго Фридрихъ IV долженъ былъ признать полную самостоятельность Гольштиніи и уплатить ея герцогу денежное вознагражденіе. Итакъ, одинъ изъ противниковъ былъ мгновенно уничтоженъ. Не теряя времени, Карлъ двинулся противъ русскаго царя, который, получивъ извѣстіе о благополучномъ окончаніи переговоровъ съ Турціей, объявилъ войну Швеціи какъ разъ въ тотъ самый день, когда былъ заключенъ Травендальскій миръ.

Въ числѣ предлоговъ къ войнѣ указывалась между прочимъ обида, нанесенная русскому посольству, отправлявшемуся въ 1697 г. за-границу, рижскимъ губернаторомъ (какъ было сказано, онъ помѣшалъ Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія). Царь началъ военныя дѣйствія именно тамъ, гдѣ опасался увидѣть его Паткуль: при Нарвѣ. Многочисленное (отъ 35 до 40 т. человѣкъ), но еще плохо обученное и мало сплоченное русское войско подъ руководствомъ царя приступило съ конца сентября 1700 года къ осадѣ этой крѣпости. Въ серединѣ ноября въ русскомъ лагерѣ узнали о приближеніи шведовъ подъ предводительствомъ самого короля. Получивъ преувеличенныя свѣдѣнія о силахъ Карла XII (у него было на самомъ дѣлѣ около 8.500 человѣкъ), Петръ поспѣшилъ передать командованіе нѣмецкому генералу фонъ-Круи, а самъ удалился изъ-подъ Нарвы, чтобы озаботиться присылкой подкрѣпленій и принять необходимыя мѣры на случай неудачи русскихъ, которымъ предстояло встрѣтиться съ отлично-обученными противниками, опьяненными успѣхомъ блестящаго датскаго похода. Битва произошла 19 ноября. Вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій (какъ, напр., чрезмѣрной растянутости линіи русскаго войска, несогласій между нѣмецкими и русскими военачальниками, отсутствія единства дѣйствій отдѣльныхъ полковъ, а также страшной вьюги, мѣшавшей русскимъ больше, чѣмъ шведамъ) русскіе потерпѣли пораженіе: значительная часть войска обратилась въ бѣгство; однако Преображенскій и Семеновскій (бывшіе потѣшные) полки, а также отрядъ ген. Вейде оказали мужественное сопротивленіе шведамъ. Русскіе генералы, подавленные неудачей, не воспользовались возможностью возобновить нападеніе на враговъ, когда тѣ ночью увлеклись грабежомъ русскаго лагеря, и вступили въ переговоры съ королемъ. Карлъ отобралъ у русскихъ артиллерію, взялъ около сотни знатныхъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ, а солдатамъ разрѣшилъ отступить съ оружіемъ въ рукахъ. Нарвская побѣда Карла произвела огромное впечатлѣніе во всей Европѣ.

Побѣдителю удивлялись, прославляли его, изображали на медаляхъ съ надписью: «дѣйствительность превосходитъ вѣроятіе». Въ сущности эти восторги были въ значительной степени преувеличенными: Нарвскую битву Карлъ выигралъ не столько благодаря своимъ несомнѣннымъ талантамъ, сколько благодаря тому, что русскіе, растерявшись отъ стремительнаго натиска враговъ, стали подозрѣвать въ измѣнѣ своего главнокомандующаго Круи, а послѣдній не нашелъ ничего лучшаго, какъ поскорѣе отдаться въ плѣнъ врагамъ. Однако и послѣ пораженія русской арміи Карлъ настолько не считалъ себя въ безопасности, что приказалъ строить новый мостъ черезъ р. Нарову вмѣсто обрушившагося и поспѣшилъ переправить на другой берегъ рѣки всѣхъ побѣжденныхъ, которые были страшны ему своею многочисленностью. Если похвалы, расточаемыя Карлу, слѣдуетъ признать преувеличенными, то тѣмъ болѣе незаслуженными были нападки, сыпавшіеся за-границей на Петра. Его упрекали въ трусости, изображали бѣгущимъ отъ Нарвы и горько плачущимъ. Трусость никогда не была свойственна Петру, а изъ нарвскаго лагеря онъ уѣхалъ, конечно, не для слезъ, а для того, чтобы подготовить отпоръ Карлу въ случаѣ его похода на Московское государство. Петръ имѣлъ полное основаніе ожидать этого похода, да и многіе изъ приближенныхъ Карла совѣтовали ему тотчасъ же послѣ Нарвской побѣды идти на Москву и искать опоры себѣ въ недовольныхъ правленіемъ Петра, чтобы такимъ образомъ ослабить Московское государство не только внѣшней войной, но и внутренними смутами. Но воинственный король не отличался дальновидностью: его прельщали не долгіе походы, а жаркія битвы, онъ руководился не разсудкомъ, а чувствомъ. Два чувства овладѣли имъ послѣ Нарвской побѣды: съ одной стороны пренебреженіе къ русскимъ, въ которыхъ онъ не хотѣлъ видѣть достойныхъ соперниковъ, съ другой стороны—пламенная ненависть къ польскому королю, «поведеніе котораго было, по его словамъ, такъ позорно и гнусно, что заслуживаетъ мщенія отъ Бога и презрѣнія всѣхъ благомыслящихъ людей». Такая ненависть объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію Карла, у Августа, который началъ войну не какъ польскій король, а какъ саксонскій курфюрстъ, не было никакихъ основаній для вражды къ Швеціи.

Отмстить Августу лишеніемъ его польскаго престола сдѣлалось завѣтной мечтою Карла и, увлеченный ею, онъ надѣлалъ, какъ увидимъ, не мало промаховъ. Такимъ образомъ, по словамъ историка (Соловьева), «Августъ былъ драгоцѣнный союзникъ для Петра не силою оружія, но тѣмъ, что возбудилъ къ себѣ такую ненависть и такое недовѣріе шведскаго короля; онъ отвлекъ этого страшнаго въ то время врага отъ русскихъ границъ и далъ царю время ободрить свои войска и выучить ихъ побѣждать шведовъ».

Карлъ былъ твердо убѣжденъ, что однимъ Нарвскимъ сраженіемъ онъ совершенно уничтожилъ военныя силы русскихъ. Поэтому, во-

преки совѣтамъ многихъ приближенныхъ, онъ отказался отъ преслѣдованія ихъ и отъ похода на Москву и спѣшилъ обратиться противъ самаго ненавистнаго своего врага Августа, въ распоряженіи котораго были саксонскія и вспомогательныя русскія войска. Невдалекѣ отъ Риги (лѣтомъ 1701 года) они потерпѣли еще болѣе страшное пораженіе, чѣмъ подъ Нарвой. Упоенный своими побѣдами, Карлъ, по словамъ Петра, «увязъ въ Польшѣ»: онъ сосредоточилъ все вниманіе на преслѣдованіи Августа, оставивъ въ Лифляндіи лишь небольшой отрядъ подъ командой Шлиппенбаха.

§ 9. Успѣхи русскихъ.

Успѣхи русскихъ въ Прибалтійскомъ краю.

Этимъ и воспользовался Петръ. Послѣ Нарвы онъ проявилъ такую же энергію, какъ послѣ первой неудачи подъ Азовомъ. Спѣшно собирались денежныя средства, изъ церковныхъ и монастырскихъ колоколовъ отливалась новая артиллерія, къ работѣ надъ укрѣпленіями привлекались даже духовныя лица и женщины. Въ Ливонію было послано русское войско подъ начальствомъ Шереметева, и онъ въ теченіе двухъ лѣтъ (въ 1701 и 1702 г.г.) одержалъ надъ шведскимъ отрядомъ двѣ крупныя побѣды (при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ) и страшно опустошилъ всю Лифляндію. Апраксинъ удачно дѣйствовалъ въ Ингерманландіи. Вскорѣ сюда прибыли самъ Петръ и Шереметевъ и приступили къ осадѣ крѣпости Нотебургъ (прежній русскій Орѣшекъ), лежавшей у истока Невы. Осенью 1702 г. послѣ трудной осады она была взята и получила названіе «Шлиссельбургъ» (т. е. Ключъ-городъ—ключъ къ морю). Затѣмъ русскія войска спустились по Невѣ до ея устья, гдѣ взяли крѣпость Ніеншанцъ и одержали морскую побѣду надъ шведами. 16 мая 1703 г. на одномъ изъ невскихъ островковъ былъ заложенъ Петербургъ, сдѣлавшійся десять лѣтъ спустя столицей Россіи. Военные успѣхи русскихъ на Балтійскомъ побережьѣ не прекращались. Взятіе Шереметевымъ Яма и Копорья отдало въ его власть всю Ингрію. Въ то же время онъ продолжалъ свои опустошительныя развѣдки въ Лифляндіи и Эстляндіи, обращая города въ груды пепла. Въ 1704 г. взяты были Дерптъ (древній Юрьевъ), Нарва, Иванъ-Городъ, но въ слѣдующемъ году Шереметевъ потерпѣлъ неудачу въ битвѣ съ Левенгауптомъ (битва дана была при Гемауертгофѣ).

Дипломатическіе переговоры.

Пока русскія войска «учились бить шведовъ», русскіе дипломаты тщетно пытались побудить иностранныя правительства къ союзу или, по крайней мѣрѣ, къ посредничеству въ борьбѣ со Швеціей: и Австрія, и Англія съ Голландіей, и Пруссія, и Франція отвѣчали отговорками на всѣ настоятельныя и часто очень искусныя приглашенія русской дипломатіи.

Положеніе московскихъ пословъ было не легкимъ: заброшенные на чужбину, постоянно нуждавшіеся въ денежныхъ средствахъ, они вели за-границей «многоскучную и многоскорбную жизнь» и тѣмъ не менѣе очень добросовѣстно исполняли свои обязанности, всячески боролись съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое существовало въ Западной Европѣ противъ русскихъ. Даже въ Голландіи извѣстіе о Нарвскомъ пораженіи вызвало, по донесенію московскаго посланника, «несказанную радость». Еще сильнѣе была непріязнь къ русскимъ при чопорномъ дворѣ Людовика XIV. Правда, французское правительство живо интересовалось внутренними преобразованіями Петра, желая, по словамъ русскаго уполномоченнаго, «знать не только всеславное начинаніе воинскихъ отправленій по сухому и морскому пути, но и доброе и сладкое управленіе, которымъ присно хвалительный суверенъ (т. е. Петръ) начальствуетъ надъ тако многочисленными народами». Однако вмѣстѣ съ тѣмъ французскіе министры придерживались невысокаго мнѣнія о Московскомъ государствѣ и приписывали Петру самую острую ненависть къ Франціи, доходившую до того, что онъ будто бы на пиру нарочно выплескивалъ шампанское, такъ какъ оно шло изъ Франціи. Въ общемъ московскій дипломатъ (А. А. Матвѣевъ) составилъ себѣ весьма выгодное впечатлѣніе о Парижѣ, найдя въ немъ «людства множество неописанное и народа уборъ, забавы и веселіе несказанныя», но пришелъ къ выводу, что союзъ съ Франціей невозможенъ: «дружба здѣшняя, писалъ онъ, чрезъ сладость комплиментовъ своихъ безполезная, въ прибыльномъ дѣлѣ малый случай намъ кажетъ; смѣнять дружбу англичанъ и голландцевъ на французскую не обѣщаетъ намъ прибытку». Труднѣе всѣхъ было, пожалуй, положеніе умнаго русскаго дипломата П. А. Толстого, посланнаго въ Константинополь. Неурядицы, происходившія въ Портѣ, и частая смѣна визирей тяжко отзывались на немъ: изъ дипломата ему приходилось порою превращаться чуть ли не въ арестанта, котораго держали подъ строгимъ надзоромъ и впроголодь, запрещая иногда ему и его свитѣ выходить изъ занимаемаго ими дома даже за покупкой съѣстныхъ припасовъ.

Въ дипломатическихъ переговорахъ съ западно-европейскими державами принималъ участіе и Паткуль, состоявшій въ это время на русской службѣ. Однако этотъ узкій нѣмецкій патріотъ и страшно-напыщенный человѣкъ умѣлъ только критиковать распоряженія своихъ русскихъ сотоварищей и хвастаться своими мнимыми успѣхами.

Стремленіе Петра найти въ Западной Европѣ помощь для борьбы со Швеціей въ значительной степени объясняется тѣмъ, что Августъ польскій оказался очень ненадежнымъ союзникомъ.

Злоключенія Августа.

Преслѣдуемый Карломъ, онъ мечталъ о мирѣ и продолжалъ войну только потому, что шведскій король требовалъ свerженія его съ престола. Въ средѣ польскаго правительства царили неурядицы и продажность: сеймъ высказывался то за поддержку короля, то за лишеніе его короны. Въ 1704 году Карлу удалось принудить часть поляковъ провозгласить королемъ угоднаго ему Станислава Лещинскаго. Но этотъ незнатный панъ, сдѣлавшійся «милостью Карла» королемъ, имѣлъ мало приверженцевъ: большинство оставалось на сторонѣ Августа, и въ томъ же самомъ 1704 г. Польша вступила въ союзъ съ Россіей для общей борьбы противъ шведскаго короля (до этого времени Августъ воевалъ только какъ саксонскій курфюрстъ; впрочемъ, Карлъ XII не считался съ этой формальностью и съ самаго начала войны опустошалъ польскія владѣнія). Послѣ этого Петръ двинулъ въ Литву большое войско и въ Гроднѣ передалъ его подъ команду Августа. Но, когда въ январѣ 1706 г. сюда внезапно явился Карлъ XII, Августъ покинулъ войско, и оно болѣе трехъ мѣсяцевъ оставалось въ бездѣйствіи. Ему угрожала опасность быть вовсе отрѣзаннымъ отъ русскихъ границъ. Страшась этого, Петръ былъ въ большой тревогѣ и посылалъ гродненскимъ военачальникамъ увѣщанія поскорѣе отступать, бросивъ даже, если будетъ нужно, артиллерію.

Это отступленіе русскихъ начато было лишь въ концѣ марта и сошло благополучно: Карлъ недолго преслѣдовалъ ихъ. Онъ снова предпочелъ войну съ Августомъ и вторгся теперь въ его саксонскія владѣнія. Чтобы не допустить полнаго разоренія Саксоніи, Августъ согласился на миръ. По условіямъ договора, подписаннаго въ 1706 г. въ Альтранштадтѣ, онъ отказывался отъ польскаго престола, признавалъ королемъ Лещинскаго, выдавалъ Карлу Паткуля, который былъ арестованъ саксонскимъ правительствомъ, и разрывалъ союзъ съ Петромъ. Царь оставался теперь одинокимъ въ борьбѣ. Сознавая всю трудность своего положенія, угрожаемый волненіями внутри государства (въ 1705 г. вспыхнулъ бунтъ въ Астрахани, вызванный протестомъ противъ нововведеній, въ слѣдующіе годы—въ 1707 и 1708—возстали башкиры и донскіе козаки подъ предводительствомъ Булавина, старавшагося подражать Разину), Петръ тщетно искалъ посредниковъ на Западѣ [1]) для заключенія мира и

[1]) Особенно домогался Петръ, черезъ своего уполномоченнаго А. А. Матвѣева, посредничества Англіи, предлагая англійскому правительству союзъ и выгодный торговый договоръ и обѣщая англійскому временщику Мальборо цѣлое княжество въ Россіи (Кіевское, Владимірское или Сибирское на выборъ). Но изъ переговоровъ своихъ Матвѣевъ вынесъ только отрицательное впечатлѣніе объ Англіи: англійскій парламентъ съ его раздѣленіемъ на виги и тори представлялся ему «многоличнымъ», а англійское министерство—преисполненнымъ «тонкостей и пронырствъ». Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Англіи Матвѣевъ получилъ жестокое оскорбленіе: по чьему то

соглашался на самыя скромныя условія его. Онъ готовъ былъ уступить Карлу всѣ свои завоеванія, лишь бы сохранить хоть одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но Карлъ XII и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ надѣялся заключить миръ съ Петромъ «по-саксонски», т. е. свергнувъ его съ престола и поставивъ въ Москвѣ государя по своему усмотрѣнію.

Карлъ въ Литвѣ и Малороссіи.

Въ августѣ 1707 г. Карлъ XII съ 45-ти тысячнымъ войскомъ двинулся изъ Саксоніи въ Литву. Къ счастью для русскихъ, онъ теперь не торопился. Четыре мѣсяца оставался онъ на берегу Вислы, надолго задержался въ Радошковичкахъ, а затѣмъ въ Могилевѣ. Медлительность короля дала возможность царю выработать опредѣленный планъ борьбы и принять подготовительныя мѣры. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что, избѣгая генеральнаго сраженія и ограничиваясь мелкими стычками, царь старался завлечь противника въ глубь страны, разоряя въ то же время всѣ тѣ мѣстности, по которымъ ему приходилось идти, чтобы лишить его всякаго продовольствія. Уже въ Могилевѣ армія Карла XII страдала отъ голода и болѣзней и съ нетерпѣніемъ ждала Левенгаупта, который шелъ изъ Лифляндіи съ свѣжимъ войскомъ и большимъ количествомъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ. Но легкомысленный король вдругъ двинулся въ Малороссію, не дождавшись Левенгаупта и этимъ обрекши на гибель его отрядъ. Лишенный помощи Карла, Левенгауптъ при дер. Лѣсной (близъ Пропойска) настигнутъ былъ Петромъ и 28 сентября 1708 г. потерпѣлъ страшное пораженіе: онъ потерялъ всю артиллерію, весь обозъ и привелъ къ королю лишь жалкіе лохмотья своего отряда. Около этого же времени другой шведскій командиръ (Любекеръ) былъ разбитъ Апраксинымъ въ Ингерманландіи.

Петръ торжествовалъ... Но очень скоро на него обрушилась новая тяжкая забота: въ концѣ октября 1708 г. онъ убѣдился въ измѣнѣ малороссійскаго гетмана Мазепы, который, обманувъ безграничное довѣріе царя, перешелъ на сторону Карла XII и Лещинскаго.

Умный, образованный, прошедшій польскую школу, краснорѣчивый и вкрадчивый Мазепа уже смолоду былъ ловкимъ карьеристомъ, умѣвшимъ приспособляться къ обстоятельствамъ и угождать тѣмъ, кто въ данное время былъ въ силѣ: онъ служилъ сперва польскому королю, потомъ Дорошенкѣ, затѣмъ Самойловичу, снискалъ расположеніе лицъ, близкихъ къ царевнѣ Софіи, не безъ подкупа добился гетманства и не безъ хитрости завоевалъ довѣріе Петра, выказывая себя горячимъ сторонникомъ нововведеній и противникомъ неуря-

наущенію, онъ былъ избитъ на улицѣ въ Лондонѣ и заключенъ въ тюрьму. Къ счастью, за него вступились всѣ другіе иностранные послы и настояли на его освобожденіи.

дицъ, царившихъ на Украйнѣ. Привыкнувъ всегда служить силѣ и видя силу въ Карлѣ XII, Мазепа съ 1707 г. завелъ сношенія съ клевретами его ставленника—Лещинскаго. Къ измѣнѣ побуждала его не только увѣренность въ неминуемомъ пораженіи Петра и нежеланіе раздѣлять съ нимъ послѣдствія такого пораженія, но и личныя честолюбивыя стремленія. Онъ надѣялся также, что малороссійскіе козаки, тяготившіеся трудной военной службой и стѣсненіемъ ихъ вольностей, охотно пойдутъ съ нимъ «подъ протекцію непобѣдимаго шведскаго короля».

О преступныхъ замыслахъ Мазепы московское правительство было увѣдомлено еще осенью 1707 г. малороссійскимъ генеральнымъ судьей Кочубеемъ и однимъ бывшимъ полковникомъ Искрою. Однако ихъ заявленію не было дано вѣры 1) потому, что уже раньше на Мазепу неоднократно подавались доносы, оказывавшіеся при провѣркѣ ложными, 2) потому, что показанія Кочубея и Искры не вполнѣ сходились и были довольно неопредѣленными и 3) потому, что, будучи подвергнуты пыткѣ, Кочубей и Искра объявили, будто они сдѣлали на Мазепу ложный доносъ по личной злобѣ къ нему. (Вражда между гетманомъ и Кочубеемъ возгорѣлась изъ-за того, что послѣдній отказался выдать дочь свою Матрену за Мазепу, а затѣмъ сталъ разглашать, будто Мазепа насильно похитилъ ее. Такое обвиненіе было несправедливо: Мазепа не только не похищалъ Матрены, но даже убѣдилъ ее вернуться въ отчій домъ, когда она добровольно явилась къ нему). Признавъ Кочубея и Искру злостными клеветниками, сѣющими смуту, царь приговорилъ ихъ къ смерти, и (14 іюля 1708 г.) они были казнены въ гетманской стоянкѣ. Послѣ этого Мазепа сдѣлался болѣе осторожнымъ и рѣшилъ выжидать исхода борьбы между Карломъ и Петромъ. Однако движеніе Карла XII въ Малороссію должно было вывести его изъ выжидательнаго положенія: ему представлялось два выхода — или идти на соединеніе съ русскими войсками, какъ этого требовалъ царь, или открыто стать на сторону враговъ. Но, и находясь уже между двухъ огней, Мазепа пытался оттягивать свое рѣшеніе: на всѣ призывы Меншикова, командовавшаго русскимъ войскомъ, онъ отговаривался своими немощами, «подагричными и головными болѣзнями», и даже соборовался въ ожиданіи скорой кончины. Меншиковъ очень скорбѣлъ о болѣзни «такого добраго человѣка» и счелъ своимъ долгомъ спровѣдать его, но послѣдній всячески укрывался отъ встрѣчи съ Меншиковымъ. Убѣдившись, наконецъ, что больше медлить невозможно, Мазепа съ отрядомъ въ 2000 козаковъ помчался въ королевскую стоянку, объявивъ козацкой старшинѣ, что онъ «не для приватной своей пользы, но для общаго добра цѣлой отчизны и войска Запорожскаго принялъ протекцію короля шведскаго».

Узнавъ отъ Меншикова въ концѣ октября 1708 г. объ измѣнѣ Мазепы, царь не растерялся. Меншикову немедленно было приказано

взять и разрушить Батуринъ, гдѣ заперлись приверженцы Мазепы; послѣдній преданъ былъ анаѳемѣ, о преступленіи его оповѣщена вся Украйна, на гетманство былъ избранъ угодный Петру человѣкъ (Скоропадскій), царскіе манифесты напоминали козакамъ о милостяхъ московскаго правительства и призывали ихъ къ борьбѣ съ врагомъ. Правда, и Карлъ XII не скупился на манифесты, обѣщая въ нихъ всякія милости. Но Украйна не послѣдовала примѣру Мазепы: шведы встрѣтили въ Малороссіи холодное и даже враждебное отношеніе со стороны населенія. Они встрѣтили здѣсь къ тому же страшные морозы, сильно препятствовавшіе военнымъ дѣйствіямъ, которыя въ концѣ 1708 и началѣ 1709 г.г. ограничивались лишь отдѣльными стычками, не имѣвшими важнаго значенія. Изъ украинскаго населенія только запорожцы приняли сторону Карла и жестоко поплатились за это: въ маѣ 1709 г. Меншиковъ, по повелѣнію Петра, совершилъ экспедицію на Запорожскую Сѣчь и совершенно разорилъ, «весьма выкоренилъ» «оное измѣнническое гнѣздо». Въ общемъ положеніе Карла на Украйнѣ было столь не блестящимъ, что хитрый Мазепа (еще съ конца 1708 г.) сталъ помышлять о возвращеніи на сторону Петра и завелъ съ нимъ переговоры, не приведшіе, впрочемъ, ни къ какому результату. Дѣйствительно, хотя шведскій король былъ все тѣмъ же великимъ полководцемъ, какъ и прежде, однако армія его была уже другой: она была изнурена долголѣтней войной, терпѣла острую нужду въ жизненныхъ припасахъ; среди солдатъ росло недовольство, падала дисциплина, развивалось дезертирство; среди командировъ не было прежней бодрости.

Полтавская битва.

Возлагая надежды на помощь со стороны турокъ и татаръ, Карлъ весною 1709 г. сосредоточилъ свои силы между Ворсклой и Псломъ и приступилъ къ осадѣ Полтавы. Сама по себѣ Полтава была незначительной, слабо защищенной крѣпостью съ небольшимъ гарнизономъ (подъ начальствомъ полковника Келлина), но ея трехмѣсячная осада имѣла огромное нравственное значеніе. Карлъ считалъ взятіе этой крѣпости вопросомъ чести и не жалѣлъ солдатъ на частые штурмы ея.

Царь, неутомимо носившійся до этого времени по своей обширной странѣ, принимавшій мѣры для обороны противъ шведовъ и для отраженія возможнаго нападенія турокъ, предусматривавшій всякія случайности, готовился теперь къ «главному дѣлу». Онъ расположилъ свои войска на лѣвомъ берегу Ворсклы и внимательно слѣдилъ за обороной Полтавы, считая ея паденіе опаснымъ въ томъ отношеніи, что оно могло воодушевить шведовъ и вызвать смятеніе въ малороссійскомъ народѣ. Поэтому онъ старался оказать помощь осажденнымъ и отвлечь вниманіе шведовъ отъ крѣпости, гдѣ въ геройской оборонѣ истощалъ свои силы мужественный гарнизонъ. Однако его попытки оказывались безуспѣшными. Было очевидно, что

участь Полтавы, а также судьба всей войны должна рѣшиться генеральнымъ сраженіемъ.

Обѣ стороны готовились къ нему и подсчитывали свои силы. Численность русскаго и шведскаго войска была неодинакова: ко дню Полтавской битвы русскіе имѣли около 42 тысячъ солдатъ и 72 орудія, у шведовъ было менѣе 27 тысячъ и только 4 орудія. Хотя одежда, вооруженіе и обученіе арміи у шведовъ были въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у русскихъ, зато воинственный пылъ ихъ несомнѣнно потухалъ: почти всѣ шведскіе генералы настоятельно совѣтовали Карлу отступить передъ превосходными силами непріятеля, но ихъ совѣты разбивались объ упорство короля, твердившаго, что, если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то онъ бы и тогда не отступилъ. Отвага Карла граничила съ дѣтскимъ безразсудствомъ. За десять дней до битвы онъ выѣхалъ на развѣдку и, несмотря на всѣ предостереженія своего спутника, прогуливался подъ свистомъ непріятельскихъ пуль, находя въ этомъ особенное наслажденіе. Одной изъ пуль онъ былъ раненъ въ ногу и ко дню сраженія былъ совсѣмъ больнымъ, такъ что передалъ главное командованіе Реншильду. Итакъ, на сторонѣ шведовъ замѣтны были упадокъ духа и изнуреніе арміи, сомнѣнія генераловъ и самонадѣянная, безумная отвага короля. На сторонѣ русскихъ царило величавое спокойствіе. Петръ объѣзжалъ полки и разъяснялъ солдатамъ громадное значеніе предстоящей битвы. 26 іюня войскамъ былъ прочитанъ его знаменитый приказъ: «Воины... се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти вы сами побѣдами своими надъ ними неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того Единаго, яко всесильнаго въ бранѣхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего».

Воодушевляя войско, царь въ то же время проявлялъ кипучую дѣятельность въ разработкѣ плана сраженія и въ устройствѣ укрѣпленій: имъ была впервые примѣнена система отдѣльныхъ укрѣпленій вмѣсто обычныхъ непрерывныхъ цѣпныхъ, и изобрѣтеніе этой системы, дававшей возможность подвергать непріятеля перекрестному огню, обнаруживаетъ въ Петрѣ великолѣпнаго военачальника. Царь готовилъ сраженіе на 29 іюня, чтобы кровавымъ пиромъ отпраздновать день своихъ именинъ, но наступленіе шведовъ ускорило его, и въ 2 часа ночи 27 іюня 1709 года «грянулъ бой».

И царь, и король оказались достойными другъ друга соперниками. Петръ носясь по всему фронту своей арміи, подвергалъ себя ужас-

ной опасности: одна пуля пробила ему сѣдло, другая—прострѣлила шляпу, третья—ударила въ крестъ, висѣвшій у него на груди. Не уступалъ въ мужествѣ Петру и Карлъ: раненый и больной, онъ приказывалъ носить себя въ качалкѣ на самыя опасныя мѣста. Носилки его были раздроблены ядромъ, изъ 24 спутниковъ его осталось въ живыхъ только трое, лошадь, на которую усадили впавшаго въ безпамятство короля, была также убита. Почти насильно увезли Карла съ поля сраженія, когда битва была окончательно проиграна шведами.

Король, Мазепа, нѣкоторые генералы, спасшіеся отъ плѣна, и остатки шведской арміи бѣжали и къ 30 іюня достигли Переволочны на Днѣпрѣ. Карлъ готовился дать новое сраженіе: онъ ни за что не хотѣлъ переправляться за Днѣпръ; смерть и плѣнъ предпочиталъ онъ бѣгству. Но все же его принудили бѣжать и искать пріюта у турокъ. У Переволочны осталась армія подъ начальствомъ Левенгаупта. 30 іюня она сдалась въ плѣнъ нагнавшему ее Меншикову. Плѣнныхъ шведовъ было свыше 16 тысячъ. Плѣнены были и всѣ генералы. Шведской арміи не стало. Вотъ результатъ Полтавской битвы. Другимъ ея результатомъ было то, что и Августъ и датскій король поспѣшили возобновить союзъ съ царемъ.

§ 10. Окончаніе войны.

Прутскій походъ. Въ 1710 г. Петръ взялъ Выборгъ, Кексгольмъ, Ригу и Ревель и породнился съ герцогомъ Курляндскимъ, выдавъ замужъ за него свою племянницу Анну Іоанновну. Блестящіе успѣхи царя на сѣверѣ омрачились однако огромной опасностью, грозившей ему съ юга, со стороны турокъ. Карлъ XII послѣ полтавскаго пораженія поселился въ Бендерахъ и всѣми силами старался побудить султана къ войнѣ съ царемъ. Петръ въ свою очередь властно требовалъ высылки шведскаго короля изъ предѣловъ Турціи и выдачи находившихся при немъ козаковъ (Мазепы въ это время не было уже въ живыхъ). Турецкое правительство послѣ нѣкоторыхъ колебаній отказалось удовлетворить требованія царя, прервало съ нимъ дипломатическія сношенія (заключивъ русскаго посла П. А. Толстого въ Семибашенный замокъ) и въ ноябрѣ 1710 г. объявило Россіи войну. Царь смѣло принялъ вызовъ: онъ имѣлъ полныя основанія разсчитывать на помощь христіанскихъ подданныхъ Турціи, въ особенности же на союзъ ея вассаловъ—господарей Молдавіи и Валахіи. Поэтому русскимъ войскамъ весною 1711 г. приказано было придвинуться къ южнымъ границамъ; корпусъ Шереметева перешелъ затѣмъ Днѣстръ и вступилъ въ Молдавію. На соединеніе съ нимъ лѣтомъ 1711 г. двинулся и самъ

царь, сосредоточивъ свои силы на берегу рѣки Прута. Но здѣсь русское войско оказалось въ крайне тяжеломъ положеніи: оно изнемогало въ знойныхъ степяхъ, терпѣло острую нужду въ провіантѣ и не находило ожидаемой помощи, такъ какъ лишь молдавскій господарь Кантемиръ рѣшился открыто стать на сторону царя. Между тѣмъ наступали турки, успѣвшіе заблаговременно перейти Дунай, а съ тыла двигались татары. 9 іюля 1711 г. русское войско (численностью менѣе 39 тыс. человѣкъ) было окружено огромными полчищами турокъ и татаръ (достигавшими 200 тысячъ). Послѣ жестокаго боя царь, сознавая всю безнадежность продолженія борьбы, рѣшилъ искать спасенія въ переговорахъ съ турецкимъ визиремъ. Русскому уполномоченному приказано было въ случаѣ необходимости заключить миръ хотя бы на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, согласившись не только на уступку Азова и сосѣднихъ съ нимъ крѣпостей, но и на возвращеніе Швеціи всѣхъ русскихъ завоеваній, за исключеніемъ одного лишь юго-восточнаго побережья Балтійскаго моря (взамѣнъ его предполагалось уступить Швеціи Псковъ). Не будучи увѣренъ, что даже такія ужасныя условія будутъ приняты, царь, по преданію, послалъ въ Москву сановникамъ письмо, въ которомъ просилъ ихъ не исполнять тѣхъ требованій, съ которыми ему, быть можетъ, придется обращаться къ нимъ изъ турецкаго плѣна, а въ случаѣ его смерти избрать на царство достойнѣйшаго изъ своей среды.

Мрачныя предчувствія царя, къ счастью, не оправдались. Успѣху переговоровъ помогли съ одной стороны продажность визиря, не устоявшаго передъ богатыми дарами, предложенными русскимъ дипломатомъ Шафировымъ, съ другой стороны—отсутствіе воинственнаго духа у турецкихъ солдатъ, тяготившихся степнымъ походомъ. Визирь не только согласился на миръ, но проявилъ даже извѣстную умѣренность. Именно онъ потребовалъ отъ Петра слѣдующихъ обязательствъ: 1) возвратить Турціи Азовъ и разорить построенныя близъ него крѣпости, 2) не вмѣшиваться въ польскія дѣла, 3) предоставить Карлу XII свободный проѣздъ въ Швецію. Цѣною такихъ тяжкихъ (обрекающихъ, какъ видно, на гибель весь южный русскій флотъ), но не безнадежныхъ условій покупался миръ, избавлявшій русское войско отъ неминуемаго плѣна. Русскіе генералы и офицеры считали предложенныя условія блестящимъ выходомъ изъ создавшагося отчаяннаго положенія, царь принялъ ихъ съ горькимъ чувствомъ: не легко было ему отступать отъ Азовскаго и Чернаго моря. Русское войско было свободно, однако Прутскій миръ не сразу подтвержденъ былъ турецкимъ правительствомъ вслѣдствіе цѣлаго ряда затрудненій: 1) царь долгое время не соглашался уступить Азовъ раньше высылки Карла изъ Турціи, 2) русскія войска, вопреки договору, продолжали оставаться въ предѣлахъ Польши, 3) турецкое правительство вслѣдствіе этого предъявляло новыя требованія, напр.,

объ уступкѣ всей Малороссіи, 4) Карлъ, несмотря на всѣ увѣщанія султана, не соглашался покинуть турецкіе предѣлы. Все это обостряло до крайности русско-турецкія отношенія: русскіе заложники (Шафировъ и Шереметевъ—сынъ фельдмаршала) не разъ подвергались въ Турціи тяжкому заключенію и угрозамъ смертной казни, а Порта бряцала оружіемъ, готовясь возобновить войну. Прочный миръ былъ заключенъ только лѣтомъ 1713 г. послѣ того, какъ Петръ отдалъ, наконецъ, Азовъ, а султанъ окончательно разсорился съ Карломъ XII: между шведскимъ королемъ и турками дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія; коронованный гость оказался на время даже въ турецкой тюрьмѣ и лишь въ 1714 г. выѣхалъ изъ предѣловъ Турціи, гостепріимствомъ которой такъ долго злоупотреблялъ.

Успѣхи въ Финляндіи и Сѣв. Германіи.

Неудача Прутскаго похода не остановила успѣховъ Петра въ Великой Сѣверной войнѣ: въ 1713—1715 г.г. онъ завоевалъ Финляндію и разбилъ въ 1714 г. большой шведскій флотъ въ морскомъ сраженіи при Гангудѣ. Одновременно съ этимъ онъ вмѣстѣ со своими союзниками (къ числу которыхъ примкнули властители Ганновера и Бранденбурга [1]) вытѣснялъ шведовъ изъ ихъ сѣверо-германскихъ владѣній (т. е. изъ Помераніи). Однако военныя удачи омрачились дипломатическими недоразумѣніями: властное вмѣшательство Петра въ дѣла Сѣверной Германіи (въ частности въ дѣла герцога Мекленбургскаго, съ которымъ онъ породнился), его стремленіе утвердить здѣсь свое политическое вліяніе и его участіе въ распряхъ различныхъ нѣмецкихъ партій возбудили тревогу и недоброжелательство въ средѣ его союзниковъ. Вслѣдствіе этого царь пришелъ къ мысли заключить отдѣльно отъ нихъ миръ съ Карломъ XII (который съ 1714 г. принималъ снова личное участіе въ войнѣ и послѣ неудачи въ 1715 г. при Штральзундѣ бѣжалъ въ Швецію); вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ искалъ также сближенія съ враждебной до сихъ поръ Франціей и, пріѣхавъ въ Парижъ, завелъ даже переговоры о заключеніи брака своей дочери Елизаветы съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV. Но сношенія съ Франціей не привели ни къ какому осязательному результату, а переговоры съ Карломъ были прерваны смертью послѣдняго. (Въ 1718 г. онъ былъ убитъ въ битвѣ при норвежской крѣпости Фридрихсгаллѣ). Шведская аристократія, руководившая дѣлами правленія при его преемницѣ — сестрѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ, рѣшила продолжать войну и, чтобы принудить ее къ миру, царь долженъ былъ (одинъ, безъ помощи союзниковъ) дважды—въ 1719 г. и 1720 г.— посылать свои войска для опустошенія самой Швеціи. Наконецъ, 30 августа 1721 г. въ Ништадтѣ (близъ Або) заключенъ былъ миръ, по условіямъ котораго Россія получала огромныя пріобрѣтенія: Лиф-

---

[1]) Первый изъ нихъ незадолго до этого сдѣлался англійскимъ королемъ, а второй съ 1701 г. титуловался королемъ прусскимъ.

ляндію, Эстляндію, Ингерманландію (или Ингрію), нѣсколько островов, часть Кареліи, часть Финляндіи съ Выборгомъ; остальная Финляндія была уступлена Швеціи; послѣдней выплачивалась, сверхъ того, извѣстная сумма денегъ (два милліона ефимковъ) какъ бы въ возмѣщеніе за ея земельныя уступки.

Условія этого мира вводили Россію въ кругъ великихъ военныхъ державъ и предоставляли ей политическое главенство на сѣверѣ Европы, принадлежавшее ранѣе Швеціи. На торжественномъ праздновании окончанія войны Петръ, по настоянію своихъ свѣтскихъ вельможъ и высшихъ духовныхъ лицъ, принялъ титулъ Императора Всероссійскаго.

§ 11. Персидская война.

Утвердившись на Балтійскомъ побережьѣ, Петръ обратился къ добыванію Каспійскаго. Сюда влекли его естественныя богатства прикаспійскихъ странъ, для ознакомленія съ которыми онъ уже раньше посылалъ своихъ развѣдчиковъ. Между прочимъ, изученіе Персіи поручено было талантливому сотруднику Петра—А. Волынскому. Особенно заманчивымъ казалось царю сосредоточить въ русскихъ рукахъ торговлю персидскимъ шелкомъ и проложить удобный торговый путь въ Индію. Поэтому, окончивъ Сѣверную войну, Петръ сталъ спѣшно строить флотъ на Волгѣ и стягивать сюда войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возобновилъ дѣятельныя сношенія съ грузинскимъ царемъ, который обѣщалъ ему сильную помощь противъ Персіи. Предлогъ къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла послѣдней Петръ нашелъ въ томъ, что въ ней происходило въ это время возстаніе противъ шаха, и мятежники ограбили русскихъ купцовъ въ Шемахѣ. Въ 1722 г. Петръ повелъ свои военныя силы въ Дагестанъ. Русскимъ удалось овладѣть нѣсколькими персидскими крѣпостями и занять города Дербентъ и Баку. Однако отчаянное сопротивленіе дагестанскихъ горцевъ, бури, уничтожившія флотъ, повальныя болѣзни, опустошавшія ряды войска, и отсутствіе ожидаемой помощи со стороны Грузіи побудили Петра спѣшить окончить войну. По условіямъ мира, заключеннаго въ 1723 г., западное побережье Каспійскаго моря съ городами Дербентомъ и Баку осталось за Россіей, но, какъ увидимъ, эти завоеванія оказались непрочными. Вообще Персидская война ни по своему значенію, ни по результатамъ не можетъ равняться съ Великой Сѣверной.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Преобразовательная дѣятельность императора Петра I.

§ 12. Зависимость преобразованій отъ войны.

Значеніе Великой Сѣверной войны. Великая Сѣверная война, рѣшившая вѣковой споръ за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ, оказала огромное вліяніе какъ на внѣшнюю, такъ и на внутреннюю политику Русскаго государства.

I. Она вывела Московскую Русь изъ ея прежней политической обособленности и превратила ее въ Россійскую Имперію, которая, вступивъ въ ряды великихъ державъ, стала играть видную, дѣятельную и часто рѣшающую роль въ дипломатической и военной исторіи всей Европы; иными словами, война осложнила внѣшнюю политику Россіи, поставила передъ ней новыя военныя задачи, помимо потребностей государственной обороны.

Въ этомъ смыслѣ важнѣйшій эпизодъ Великой Сѣверной войны—Полтавскій бой—былъ «русскимъ воскресеніемъ», какъ называли его современники. Также смотрятъ на полтавскую битву и историки. «При громѣ Полтавской побѣды, говоритъ Соловьевъ, родился для Европы, для общей европейской жизни новый великій народъ». «Полтава, по словамъ Ключевскаго, выводила Петра на большую европейскую дорогу, грозившую новыми расходами; его стали бояться на Западѣ».

II. Великая Сѣверная война, по словамъ историка (Ключевскаго), «превратила Петра изъ корабельнаго мастера и войскового организатора въ многосторонняго преобразователя; указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы». Войну эту Петръ считалъ главнымъ своимъ дѣломъ.

Общая связь преобразованій. Понятно поэтому, что его внутреннія преобразованія обусловливались именно потребностями войны. Военная реформа занимала первое мѣсто. Она требовала увеличенія количества и улучшенія качества служилыхъ людей и умноженія государственныхъ доходовъ. Значитъ, она влекла за собою сословныя и финансовыя реформы. Онѣ въ свою очередь, видоизмѣняя замѣтнымъ образомъ общественный распорядокъ, обусловливали необходимость перестройки управленія, приспособленія его къ новымъ нуждамъ государства и общества, иными словами, вызывали административныя преобразованія. Для обновляемой Россіи нужны были и новые люди, — отсюда проистекали просвѣтительныя мѣропріятія Петра. Все это вмѣстѣ взятое вносило въ русскую жизнь не мало новшества, вызывая недовольство приверженцевъ старины. Оплотъ послѣднимъ могла дать духовная

власть, стоявшая на стражѣ старинныхъ устоевъ русской жизни. Чтобы избѣжать противодѣйствія реформамъ со стороны духовенства, Петръ постарался подчинить Русскую Церковь государству и съ этой цѣлью провелъ нѣсколько церковныхъ мѣропріятій. Таковъ смыслъ петровской реформы. На практикѣ его преобразованія проводились, однако, далеко не всегда въ указанномъ выше порядкѣ. Петръ проводилъ ихъ не по заранѣе обдуманному систематическому плану, а подъ диктовку неотложныхъ нуждъ войны не только внѣшней (со шведами), но и внутренней (съ противниками преобразованій).

Война сообщила реформѣ, по словамъ историка (Ключевскаго), «лихорадочный пульсъ, болѣзненно-ускоренный ходъ». Она не осуществлялась послѣдовательно и постепенно, а «шла среди суматохи, какой обычно сопровождается война, шла поэтому по разнымъ областямъ одновременно, урывками и вперемежку». Вслѣдствіе этого очень трудно слѣдить за петровскими преобразованіями въ ихъ хронологической послѣдовательности. Полезнѣе представить ихъ въ систематическомъ законченномъ видѣ согласно указанному плану.

§ 13. Военная реформа.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и въ правленіе Софіи огромное большинство русскихъ военныхъ силъ состояло изъ такъ наз. полковъ «иноземнаго строя», набранныхъ изъ людей разныхъ сословій (а не однихъ дворянъ) посредствомъ вербовки «охотниковъ» (т. е. добровольцевъ) или «даточныхъ» людей (такъ назывались солдаты, поставляемые либо съ извѣстнаго числа дворовъ, либо съ извѣстнаго числа душъ въ семьѣ). Эти полки представляли собою уже регулярную армію, рядомъ съ которой, хотя и въ ничтожномъ уже количествѣ, существовало старое московское дворянское ополченіе. Однако послѣ низложенія Софіи, въ правленіе царицы Наталіи, какъ разъ въ то время, когда Петръ былъ занятъ своими «потѣшными», полки иноземнаго строя пришли въ полное разстройство и почти отсутствовали въ Азовскомъ походѣ. Поэтому въ первые годы борьбы со шведами Петру пришлось сызнова реформировать русское войско по образцу своихъ «гвардейскихъ» (бывшихъ «потѣшныхъ») полковъ: Преображенскаго и Семеновскаго. Непрерывная война въ этомъ случаѣ благопріятствовала реформѣ, такъ какъ дѣлала армію постоянной, давала ей хорошую школу и указывала способы пополненія ея состава. Армія пополнялась людьми всѣхъ сословій, при чемъ для тяглыхъ (горожанъ и крестьянъ) были установлены правильные ежегодные рекрутскіе наборы (по одному рекруту съ опредѣленнаго числа тяглыхъ дворовъ). Рекруты до вступленія въ регулярные полки проходили извѣстную военную выучку. Полки трехъ родовъ оружія—пѣхотные, конные (такъ наз. драгунскіе) и артиллерійскіе—получили опредѣленную организа-

цію, особое обмундированіе и вооруженіе. Управленіе и хозяйственная часть всего войска вѣдались цѣлою сѣтью учрежденій и нѣсколькими генералами различныхъ наименованій (напр., генералъ-фельдцейхмейстеръ, провіантмейстеръ и др.). Въ руководство имъ и для поддержанія строжайшей дисциплины составленъ былъ «воинскій артикулъ» (т. е. уставъ), источникомъ котораго служили военные уставы западно-европейскихъ государствъ. Общая численность регулярной арміи, въ которой преобладала пѣхота, къ концу царствованія Петра превышала 200.000 человѣкъ; козаковъ и нерегулярныхъ было около 100.000 человѣкъ. Офицерамъ и солдатамъ назначено было денежное жалованье. Одновременно съ регулярной арміей создавался и флотъ, неизвѣстный, какъ мы знаемъ, Московской Руси. Вмѣсто первоначальнаго Азовскаго флота, прекратившаго свое существованіе послѣ Прутскаго похода, выросъ Балтійскій, выстроенный, главнымъ образомъ, на верфяхъ петербургскаго Адмиралтейства и состоявшій къ концу царствованія изъ 48 большихъ кораблей и 787 галеръ и мелкихъ судовъ съ 28.000 человѣкъ экипажа.

Отлично-задуманная Петромъ военная реформа нерѣдко искажалась вслѣдствіе злоупотребленій должностныхъ лицъ. Особенно часто встрѣчались они при наборѣ рекрутъ. Въ рекруты часто брали больныхъ и увѣчныхъ вмѣсто сильныхъ и здоровыхъ. На службу рекрутъ вели въ оковахъ, до опредѣленія на мѣсто службы держали «въ великой тѣснотѣ, по тюрьмамъ и острогамъ», всячески изнуряли въ пути, отчего они массами гибли. Чрезмѣрною жестокостью отличались также наказанія, налагавшіяся на солдатъ: малѣйшее упущеніе по службѣ влекло за собою битье шпицрутенами, состоявшее въ томъ, что виновнаго нѣсколько разъ прогоняли между двумя шеренгами солдатъ, каждый изъ которыхъ долженъ былъ ударять его особыми палками; за болѣе важныя преступленія отрубали уши, носъ, четвертовали, разстрѣливали, прожигали языкъ раскаленнымъ желѣзомъ и т. п. Понятно, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ службы очень часто встрѣчались случаи бѣгства солдатъ, и бѣглые солдаты превращались въ хорошо вооруженныхъ разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на населеніе. Послѣднее не мало страдало и отъ полковъ, расквартировываемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ; полковое начальство совершенно подавляло мѣстныя гражданскія власти, а солдаты заводили нерѣдко распри съ мирными жителями, которые разорялись притомъ отъ поборовъ на содержаніе стоявшихъ въ ихъ поселеніяхъ полковъ. Что касается любимаго дѣтища Петра—флота, то и онъ не свободенъ былъ отъ существенныхъ недостатковъ: красиво-сооруженные русскіе корабли не отличались прочностью, такъ какъ строились слишкомъ поспѣшно и не всегда изъ хорошаго лѣса. Экипажъ содержался очень дурно: матросы жили въ полузатопленныхъ трюмахъ, питались подмокшей и прогнившей провизіей, пили испорченную воду, вслѣдствіе чего смертность въ рус-

скомъ флотѣ, по словамъ современника, была вдвое больше, чѣмъ въ иностранныхъ. Несмотря на всѣ эти отрицательныя стороны, невозможно отрицать огромнаго значенія военной реформы Петра, измѣнившей не только международное положеніе Россіи, но и оказавшей важное вліяніе на сословныя отношенія.

§ 14. Преобразованія служилаго класса.

Возведенное Петромъ въ правило распространеніе воинской повинности и на неслужилые классы (именно, на холоповъ, тяглыхъ, вольно-гулящихъ и даже церковныхъ людей[1]) было важной сословной мѣрой, имѣвшей цѣлью увеличить количество войска. Петръ стремился также къ тому, чтобы улучшить его качество, особенно качество командного, офицерскаго состава, пополнявшагося преимущественно дворянствомъ или шляхетствомъ. Такое названіе (дворянство или шляхетство) объединило и вытѣснило прежнія московскія наименованія: «бояре, дворяне и дѣти боярскія разныхъ разрядовъ и статей» и стало употребляться для обозначенія класса, предназначеннаго, главнымъ образомъ, къ службѣ въ офицерскихъ чинахъ. Для улучшенія служебной годности дворянства приняты были слѣдующія мѣры: 1) раздѣленіе военной и гражданской службы, 2) введеніе обязательнаго обученія, 3) установленіе служебной подготовки и постепеннаго прохожденія службы, 4) достаточное обезпеченіе служащихъ дворянъ.

Первая мѣра обусловливалась тѣмъ, что при усложненіи служебныхъ обязанностей, требующихъ спеціальныхъ познаній, совмѣстительство однимъ и тѣмъ же лицомъ военной и гражданской службы (практиковавшееся, какъ извѣстно, въ Московской Руси) становилось невозможнымъ. Однако дворянамъ не было предоставлено право выбирать себѣ родъ службы: по усмотрѣнію правительства, треть членовъ каждой дворянской семьи опредѣлялась на «штатскую» службу, двѣ трети привлекались къ военной. До поступленія на службу дворяне въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ должны были пройти извѣстный курсъ наукъ (правда, очень немногосложный, ограничивавшійся цыфирью и начатками геометріи), и не выдержавшіе соотвѣтствующаго экзамена не могли жениться. Для распредѣленія дворянъ на мѣста или въ ученіе и для производства экзаменовъ устраивались смотры, на которыхъ часто присутствовалъ и дѣйствовалъ самъ царь. Неявка на смотръ каралась «шельмованіемъ» или «политической смертью», т. е. объявленіемъ даннаго лица внѣ покровительства

[1]) Къ вольно-гулящимъ людямъ причислялись, какъ извѣстно, отпущенные холопы, вышедшіе изъ тягла посадскіе и крестьяне, безпомѣстные служилые; въ составъ церковныхъ людей входили родственники духовныхъ лицъ и всѣ, пользовавшіеся покровительствомъ Церкви.

законовъ и внѣ общества добрыхъ людей, и конфискаціей его имущества въ пользу донесшаго на него.

Выдержавшій экзаменъ и достигшій 15 лѣтъ дворянинъ переставалъ быть недорослемъ и, если предназначался къ военной службѣ, опредѣлялся солдатомъ обыкновенно въ гвардейскій, а иногда и въ армейскій полкъ (кромѣ двухъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ, въ концѣ царствованія Петра былъ устроенъ и кавалерійскій «лейбъ-региментъ», преобразованный впослѣдствіи въ конно-гвардейскій полкъ; въ немъ было около 300 рядовыхъ изъ княжескихъ фамилій). Только получивъ извѣстную подготовку въ качествѣ солдата, дворянинъ производился въ младшій офицерскій чинъ или рангъ и затѣмъ постепенно выслуживалъ высшіе чины [1]). Всего чиновъ или ранговъ, носящихъ разныя наименованія, установлено было 14 какъ на военной, такъ и на гражданской службѣ; младшимъ былъ 14-й, старшимъ — 1-ый.

Роспись или перечень ихъ называлась «Табелью о рангахъ» и была издана въ 1722 г. Табель давала перевѣсъ выслугѣ надъ происхожденіемъ, подчеркивая, что «знатность безъ службы ничего не значитъ», и открывая доступъ къ дворянству выслужившимся не-дворянамъ: именно, каждый не-дворянинъ, дослужившійся до младшаго офицерскаго ранга на военной службѣ или до 8 ранга (чинъ коллежскаго асессора) на гражданской, становился потомственнымъ дворяниномъ. Высшими наградами за службу были пожалованія княжескихъ, графскихъ и баронскихъ титуловъ или возведеніе въ кавалеры учрежденнаго Петромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Для поддержанія служебной годности дворянства Петръ позаботился и о матеріальномъ обезпеченіи хотя бы нѣкоторой части его и съ этой цѣлью въ 1714 году издалъ законъ о единонаслѣдіи. Этотъ законъ уничтожалъ различіе между вотчинами и помѣстьями [2]), обращая и тѣ и другія въ наслѣдственную, неотчуждаемую (за исключеніемъ опредѣленныхъ случаевъ) и притомъ недѣлимую собственность: именно, землевладѣлецъ (какъ и вообще всякій владѣлецъ недвижимаго имущества) долженъ былъ завѣщать все свое недвижимое имущество (т.-е. землю) только кому-нибудь одному изъ своихъ сыновей (при отсутствіи ихъ— одной дочери), остальныхъ же дѣтей могъ надѣлять лишь движимостью (если землевладѣлецъ умиралъ безъ завѣщанія, недвижимость переходила къ старшему сыну). Законъ о единонаслѣдіи долженъ былъ, по мысли Петра, 1) предотвратить упадокъ и обнищаніе дво-

---

[1]) Гвардейскіе полки были такимъ образомъ какъ бы практическими школами для подготовки офицеровъ. Пока дворянинъ служилъ солдатомъ, онъ независимо отъ того, къ какой бы знатной фамиліи ни принадлежалъ, отправлялъ всѣ безъ исключенія солдатскія обязанности и работы: князья-солдаты стояли на караулѣ, чистили сами оружіе и амуницію, возили провіантъ и т. д.

[2]) Процессъ сближенія помѣстій съ вотчинами начался, какъ извѣстно, очень давно, и къ началу XVIII вѣка разница между ними стерлась сама собой.

рянскихъ фамилій вслѣдствіе дробленія ихъ имѣній, 2) способствовать благосостоянію крестьянъ, которымъ легче живется у крупнаго помѣщика, чѣмъ у мелкаго, 3) побуждать дворянскихъ дѣтей, не получившихъ недвижимости, добывать средства къ жизни «службою, ученіемъ, торгами и прочимъ». Такимъ образомъ безземельнымъ дворянамъ, такъ называемымъ «кадетамъ» (т. е. младшимъ), предоставлялось право не служить, а заниматься чѣмъ угодно. На практикѣ оно однако не осуществилось, такъ какъ и кадетовъ забирали на службу.

Какъ видно изъ изложеннаго, въ основу мѣропріятій Петра, касавшихся дворянства, былъ положенъ прежній московскій принципъ: прикрѣпленіе всѣхъ дворянъ къ обязательной службѣ. Только она сдѣлалась теперь безсрочной, постоянной и болѣе трудной, вслѣдствіе чего и были введены нѣкоторыя частныя новшества: именно, раздѣленіе службы на военную и «штатскую», обязательное обученіе, постепенное прохожденіе служебныхъ ступеней и связанныя съ этимъ повышенія только по заслугамъ.

§ 15. Преобразованія сельскаго класса.

Изложенныя постановленія о дворянствѣ обусловливались, какъ сказано, стремленіемъ поднять его служебную годность. Преобразованія же сельскаго класса, совершенныя Петромъ, имѣли своей цѣлью не только увеличить количество войска (распространеніемъ воинской повинности на крестьянъ, холоповъ и другихъ неслужилыхъ людей), но и усилить средства казны. Важнѣйшею мѣрою Петра, касавшеюся сельскаго населенія, была замѣна прежней подворной подати подушною. Подушная подать задумана была имъ въ 1718 году для покрытія расходовъ на содержаніе войска. Чтобы опредѣлить число плательщиковъ ея, съ 1719 года производилась перепись и провѣрка (такъ называемая «ревизія») населенія. Изъ сельскихъ обывателей въ подушный окладъ записывались не только крестьяне черносошные, дворцовые и владѣльческіе (монастырскіе и помѣщичьи), но и близкіе къ нимъ по положенію классы. Такъ, вмѣстѣ съ государственными (т. е. черносошными и мало отличавшимися отъ нихъ дворцовыми) крестьянами въ подушный окладъ попали и однодворцы (т. е. потомки мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ прежнее время московскимъ правительствомъ на югѣ Россіи для обороны границы), а также инородцы сѣвера Сибири (такъ наз. ясашные крестьяне). Вмѣстѣ съ владѣльческими крестьянами въ «ревизскія сказки» (т. е. подушныя записи) внесли (въ 1723 г.) всѣхъ холоповъ, полныхъ и кабальныхъ, пашенныхъ (т. е. посаженныхъ на пашню) и непашенныхъ.

Такимъ образомъ холопство превращалось въ податной классъ, сливалось съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Съ другой стороны нѣко-

торые свободные прежде классы попали въ неволю: такъ, напр., дѣти и родственники неслужащихъ духовныхъ лицъ—такъ, вмѣстѣ съ внесеніемъ въ подушный окладъ, были закрѣпощены (въ 1722 г.) за тѣми господами, на земляхъ которыхъ они жили. Вольно-гулящіе люди также утратили свою свободу: (въ 1721 г.) по указу Петра, строго слѣдившаго за тѣмъ, чтобы «безъ службы никто не мотался», они должны были идти или въ солдаты, или въ услуженіе. Такимъ образомъ, «подушная подать, по словамъ историка (Ключевскаго), была средствомъ упрощенія общественнаго состава»; «всѣ промежуточные слои были вдвинуты въ два основныхъ сельскихъ состоянія: государственныхъ крестьянъ и «крѣпостныхъ людей», наслѣдственно и потомственно крѣпкихъ господамъ, какъ прежніе полные холопы, и подлежащихъ государственному тяглу, какъ прежніе крѣпостные крестьяне».

Такое преобразованіе являлось лишь естественнымъ завершеніемъ давнишняго процесса: какъ извѣстно, московское правительство издавна стремилось къ прикрѣпленію всѣхъ слоевъ населенія къ немногимъ сословнымъ группамъ съ вполнѣ опредѣленными обязанностями и всегда непріязненно относилось къ такимъ промежуточнымъ классамъ, какъ, напр., вольно-гулящіе люди или закладчики. Явившееся слѣдствіемъ этого преобразованія сліяніе холопства съ владѣльческимъ крестьянствомъ также не вносило чего-нибудь существенно новаго: уже во второй половинѣ XVII вѣка крѣпостные крестьяне, такъ сказать, охолопились, т. е. фактически мало чѣмъ отличались отъ холоповъ; съ другой стороны холопы, вслѣдствіе распространявшагося обычая сажать ихъ на пашню, «окрестьянились», т. е. сблизились по своимъ занятіямъ съ крестьянами. Различія между холопами и крестьянами стирались въ XVII вѣкѣ исподоволь. Хотя Соборное Уложеніе, установившее крѣпостное состояніе, отнюдь не смотрѣло на крестьянъ, какъ на рабовъ, однако оно не обезпечивало ихъ свободы: предоставивъ господамъ значительную власть надъ крѣпостными и не опредѣливъ при этомъ точнымъ образомъ ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей, Уложеніе открывало широкій просторъ помѣщичьему произволу и допускало наличность рѣзкихъ противорѣчій въ крестьянской жизни. Лично-свободный по закону, пользовавшійся имущественными правами и судебною защитою государства и участвовавшій въ своемъ сословномъ общинномъ самоуправленіи, крестьянинъ въ то же время могъ быть проданъ помѣщикомъ, отвѣчалъ своими «животами» за его долги и подлежалъ на практикѣ безконтрольному суду господина и его приказчика. Занимая среднее положеніе между свободнымъ гражданиномъ, охраняемымъ закономъ, и рабомъ-холопомъ, составляющимъ господскую собственность, крестьянинъ уже давно сталъ отдаляться отъ перваго и приближаться ко второму, такъ какъ защита закона слабѣла, а помѣщичья власть росла. Происходило это не только въ силу жи-

тейской практики и экономическихъ условій, ставившихъ крестьянина, какъ неоплатнаго должника, на одну доску съ кабальнымъ холопомъ, но и въ силу того, что само правительство, по словамъ историка (Ключевскаго), «расширяло или допускало расширеніе полицейской власти помѣщика надъ крѣпостными, чтобы сдѣлать его своимъ финансовымъ агентомъ, податнымъ инспекторомъ крѣпостного труда и блюстителемъ тишины и порядка въ готовой разбѣжаться деревнѣ». Насколько необезпечены были имущественныя права крестьянъ, видно изъ словъ жившаго въ эпоху петровскихъ преобразованій Посошкова, который пишетъ: «многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его какъ овцу, до-гола; и, тако говоря, царство пустошатъ, понеже такъ крестьянъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ». «Помѣщики», жалуются крестьяне въ одной челобитной Петру, «яко львы челюстями своими пожираютъ насъ, біютъ насъ, яко немилостивіи Пилаты». Едва ли въ этихъ жалобахъ много преувеличеній: въ концѣ XVII вѣка часто случалось, что помѣщики и ихъ приказчики обращались съ крестьянами, какъ съ рабами: сажали ихъ въ тюрьму, въ желѣзо и колодки, били батогами и кнутомъ, подвергали пыткамъ. Одинъ вельможа-землевладѣлецъ такъ осерчалъ на крестьянина, писавшаго челобитную на приказчика, что велѣлъ «бить этого челобитчика нещадно, только лишь чуть душу оставить». И такихъ жестокосердыхъ господъ было не мало. Рабская зависимость отъ помѣщика стирала всякую разницу между владѣльческими крестьянами и холопами, тѣмъ болѣе, что послѣдніе давно сажались на пашню въ качествѣ «дѣловыхъ» (т. е. работавшихъ на господской запашкѣ) и «задворныхъ» (получавшихъ особые дворы и участки) людей, при чемъ послѣдніе еще до Петра несли тягло, т. е. платили подати.

Итакъ, сельско-сословная реформа Петра только выяснила и окончательно опредѣлила тѣ черты московскаго крѣпостного строя, которыя не успѣли выкристаллизоваться раньше.

Правда, Петръ старался нѣсколько ограничить вопіющія злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ и предписалъ (въ 1721 году) «продажу людемъ пресѣчь, а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то продавали бы цѣлыми семьями, а не порознь». Но, конечно, эта единичная и плохо соблюдавшаяся мѣра не облегчила правового быта крѣпостныхъ. Однако ихъ экономическое положеніе нѣсколько улучшилось, такъ какъ со времени введенія подушной подати крестьяне перестали сокращать свою запашку (какъ это было при поземельномъ обложеніи) и скучиваться по нѣскольку семей въ одномъ дворѣ (это имѣло мѣсто при подворномъ окладѣ), а старались распахивать какъ можно больше земли для увеличенія своихъ доходовъ. Въ этомъ отношеніи подушная подать была, по словамъ историка (Ключевскаго), «важнымъ переворотомъ въ народномъ хозяйствѣ». Однако сборъ ея, поручаемый полковымъ командамъ, производился

жестокимъ и неразумнымъ способомъ. «Она собиралась, говоритъ тотъ же историкъ, по третямъ года и каждая экспедиція длилась два мѣсяца: шесть мѣсяцевъ въ году села и деревни жили въ паническомъ ужасѣ отъ вооруженныхъ сборщиковъ, содержавшихся при этомъ насчетъ обывателей, среди взысканій и экзекуцій». Сборщики бывали иногда столь безпощадны, что доводили крестьянъ до полнаго разоренія, побуждали ихъ спасаться «за чужія границы». Несправедливо было и то, что многосемейному крестьянину приходилось платить гораздо больше, чѣмъ малосемейному (такъ какъ подушная подать взималась съ каждой души мужского пола, «не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца», а не только съ работоспособныхъ людей). Наконецъ, подушная подать ставила крѣпостныхъ крестьянъ въ худшее положеніе, чѣмъ государственныхъ: хотя послѣдніе были обложены дополнительнымъ сборомъ въ 40 коп. и платили поэтому не 74 коп. (размѣръ подати съ души), а 1 р. 14 к. (городскіе тяглые платили еще больше — 1 р. 20 коп.), однако эта надбавка была ничтожна по сравненію съ тѣмъ оброкомъ, который взимали помѣщики со своихъ крѣпостныхъ. По приблизительному подсчету, крѣпостная крестьянская семья въ 4 души платила помѣщику свыше 7 р. (около 60 р. на наши деньги), что составляло чуть ли не упятеренную сумму дополнительнаго сбора, вносимаго соотвѣтствующей семьей государственнаго крестьянина. Весьма понятно, что подушная подать вызывала большое недовольство: даже поклонникъ Петра — крестьянинъ Посошковъ возмущается ею: «понеже душа—вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имѣющая».

§ 16. Финансовыя преобразованія.

Налоги. Подушная подать, взимавшаяся съ тяглаго населенія (численность котораго въ 1724 г. достигала 5.570.468 душъ мужского пола, въ томъ числѣ крѣпостныхъ—4.364.653, государственныхъ крестьянъ—1.036.389 и посадскихъ—169.426), давала въ концѣ царствованія Петра ежегодно 4.614.637 р. (деньги въ то время стоили приблизительно въ восемь разъ дороже, чѣмъ теперь), что составляло около половины (53%) всего государственнаго дохода. Другую половину приносили иные источники, главнымъ образомъ косвенные налоги (т. е. налоги на предметы потребленія). Стремясь къ увеличенію ихъ, Петръ всячески поощрялъ «прибыльщиковъ», т. е. изобрѣтателей новыхъ источниковъ государственнаго дохода. Профессія прибыльщиковъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность «сидѣть и чинить государю прибыли», получила характеръ оффиціальной должности, спеціальнаго финансоваго вѣдомства съ особыми канцеляріями, и прибыльщики проявляли удивительную на-

ходчивость въ своемъ стремленіи не упустить изъ виду ничего, что можно было обложить извѣстнымъ налогомъ.

За первымъ прибыльщикомъ Курбатовымъ, по предложенію котораго еще въ 1699 г. была введена въ Россіи «орленая» (т. е. гербовая) бумага, потянулся рядъ подражателей. По ихъ указаніямъ, устанавливалась цѣлая масса сборовъ, напр., поземельный, помѣрный и вѣсчій (при продажѣ), хомутейный, шапочный и сапожный (отъ клейменія хомутовъ, шапокъ и сапогъ), пчельный, банный, мельничный, ледокольный, погребной, водопойный, трубный (съ печи), привальный и отвальный (съ судовъ), съ продажи овощей, фруктовъ и другихъ съѣстныхъ припасовъ, съ найма домовъ и угловъ, съ постоялыхъ дворовъ и т. д. Установленъ былъ также особый налогъ на бороды, неодинаковый для всѣхъ сословій (даже крестьянинъ при каждомъ въѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ него долженъ былъ уплачивать по 1 коп. за свою бороду). Предлагалось взыскивать пошлину при заключеніи браковъ и рожденіи дѣтей [1]).

Покровительственная система.

Чрезмѣрное нагроможденіе налоговъ приводило къ тому, что съ теченіемъ времени все росъ и росъ недоборъ ихъ, государство не получало того, на что оно разсчитывало по смѣтѣ, а народъ бѣднѣлъ. Петръ отлично понималъ, что прежде, чѣмъ отягощать народъ налогами, необходимо поднять производительность его труда, использовать естественныя богатства страны, развить промышленность и торговлю. Будучи убѣжденъ въ томъ, что его государство изобилуетъ всякими богатствами, онъ приложилъ все стараніе къ тому, чтобы «Божіе благословеніе «подъ землею втуне не оставалось»,

---

[1]) Изыскивая новые источники доходовъ, Петръ не забывалъ и тѣхъ финансовыхъ операцій, которыя были особенно излюбленными въ Московской Руси, а именно, установленія казенной монополіи (т. е. исключительнаго права казны) на продажу всѣхъ прибыльныхъ товаровъ и перечеканки монеты. Казна сосредоточила въ своихъ рукахъ торговлю не только солью и табакомъ, но и всѣми мало-мальски ходкими товарами: «русскій дворъ, по словамъ современника-англичанина, превратился въ купеческій». Деньги, вырученныя отъ продажи, казна перечеканивала въ болѣе легковѣсную монету, придавая послѣдней повышенную, т. е. не соотвѣтствующую дѣйствительной цѣнности содержащагося въ ней металла, стоимость. Такъ, напр., серебряныя деньги выпускали по цѣнѣ 17½ коп. золотникъ, тогда какъ въ дѣйствительности золотникъ серебра обходился казнѣ 13—14 коп. Вслѣдствіе этого получалась прибыль («наддача») свыше 20%. Особенно выгадывало правительство отъ мѣдныхъ денегъ: изъ пуда мѣди, стоившаго 8 рублей, чеканилось монетъ на 20 рублей, иными словами, прибыль достигала 150%. Но, конечно, выгода была только призрачной, такъ какъ, насколько выигрывала казна, расплачиваясь легковѣсной монетой, настолько же она и проигрывала, получая съ населенія налоги новыми обезцѣненными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе такого обезцѣненія денегъ всѣ товары вздорожали. Какъ видно, перечеканка монеты была въ сущности очень неудачной операціей. Лишь неотложная нужда въ средствахъ побуждала не задумываться надъ ея послѣдствіями. Эта же нужда внушила Петру мысль пригласить въ Россію Джона Ло, финансовая операція котораго потерпѣла, какъ извѣстно, во Франціи полное крушеніе. Впрочемъ, переговоры съ нимъ кончились ничѣмъ.

чтобы всякая отрасль народнаго хозяйства (земледѣліе, скотоводство, рыболовство, садоводство, винодѣліе и т. д.) стояли на должной высотѣ, чтобы Россія производила все, что нужно для нея, и чтобы вывозъ товаровъ изъ нея преобладалъ надъ ввозомъ. Всего этого онъ надѣялся достигнуть посредствомъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь страны. Иными словами, онъ придерживался протекціонизма или покровительственной системы. Онъ усвоилъ ее не только потому, что со времени Кольбера она господствовала въ Западной Европѣ, но и потому, что онъ былъ убѣжденъ, будто русскіе люди «безъ принужденія» не сдѣлаютъ и добраго дѣла, если только оно ново, и поэтому правительство должно побуждать ихъ «неволею».

Покровительственныхъ мѣръ предпринято было много. Петръ приглашалъ иностранныхъ мастеровъ и фабрикантовъ, всячески награждалъ и одаривалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они «учили русскихъ людей безъ всякой скрытности и прилежно». Однако, такъ какъ это условіе далеко не всегда соблюдалось, то приходилось цѣлыми партіями отправлять русскихъ за-границу для обученія навигаціи, механикѣ, инженерству, артиллеріи, живописному искусству, экипажеству, всевозможнымъ ремесламъ и производствамъ до самыхъ мелочныхъ включительно. Торговать разрѣшено было всѣмъ, а не однимъ посадскимъ. Русскихъ капиталистовъ царь всячески побуждалъ составлять компаніи для совмѣстной торговли и организаціи промышленныхъ предпріятій, соблазнялъ ихъ щедрыми вспомоществованіями и ссудами, а также освобожденіемъ отъ повинностей, съ любовью поддерживалъ всякую фабрику, заботился, чтобы она не терпѣла недостатка въ рабочихъ рукахъ (для чего разрѣшилъ, напр., фабрикантамъ и заводчикамъ пріобрѣтать населенныя земли и запретилъ возвращать помѣщикамъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, если они поступали въ фабричные рабочіе), и очень часто устраивалъ какое-нибудь предпріятіе (фабрику или заводъ) на казенныя средства, а затѣмъ передавалъ его для эксплоатаціи частнымъ лицамъ, не останавливаясь даже передъ прямымъ принужденіемъ, придавая торгово-промышленной дѣятельности характеръ какой-то обязательной службы. Не мало сдѣлалъ Петръ и для развитія торговли, перемѣстивъ центръ внѣшней торговли изъ Архангельска въ Петербургъ и облегчивъ внутреннюю улучшеніемъ путей сообщенія, въ особенности-же—прорытіемъ каналовъ (при немъ были устроены Вышневолоцкая и Ладожская системы и задумано нѣсколько другихъ).

Старанія царя увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ: государственный бюджетъ возросъ за его царствованіе болѣе, чѣмъ въ три раза (по сравненію съ царствованіемъ Ѳеодора Алексѣевича; на наши деньги съ 20 до 70 милл.); было создано свыше 200 фабрикъ; нѣкоторыя отрасли производства, особенно, горное дѣло (лучше всего процвѣтавшее на заводахъ Демидова въ Приуральскомъ краѣ) до-

стигли высокаго развитія; удалось добиться превышенія вывоза надъ ввозомъ. Однако финансовая политика Петра все же не дала тѣхъ результатовъ, на которые разсчитывалъ онъ. Причины этого коренятся, во-первыхъ, въ беззастѣнчивыхъ злоупотребленіяхъ лицъ, вѣдавшихъ финансовымъ дѣломъ, во-вторыхъ, въ томъ, что искусственное насажденіе промышленности далеко не всегда давало хорошіе жизнеспособные плоды и, въ-третьихъ, въ томъ, что самъ царь, несмотря на свою большую бережливость, далеко не всегда могъ избѣгнуть колоссальныхъ затратъ. Массу жизней и массу денегъ поглотила Великая Сѣверная война; не мало стоило и основаніе столицы на негостепріимныхъ берегахъ Невы.

Злоупотребленія многихъ дѣльцовъ Петровскаго времени доходили до чудовищныхъ размѣровъ. По мнѣнію современниковъ, менѣе половины средствъ, предназначавшихся для казны, дѣйствительно поступало туда: большая часть ихъ застревала въ рукахъ канцеляристовъ разныхъ ранговъ. Не мало было также злоупотребленій по безпечности или по незнанію дѣла. Такъ, напр., нерѣдко сановные люди, заручившись сочувствіемъ царя и очень щедрой субсидіей, составляли торговыя компаніи, устраивали промышленныя предпріятія или начинали грандіозныя сооруженія, которыя затѣмъ кончались полнымъ крушеніемъ, принеся лишь убытокъ казнѣ. Нисколько не стѣсняясь съ казенными средствами, многіе вельможи заботливо переводили свои деньги въ иностранные банки, и тамъ онѣ лежали мертвымъ капиталомъ, а между тѣмъ простые, нечиновные люди подвергались немилости, если отказывались пускать свои средства въ торговый оборотъ, и даже преслѣдованіямъ, если утаивали свои доходы. Такъ, напр., строжайше запрещались клады (нашедшій кладъ получалъ одну треть его себѣ, остальная часть отбиралась въ казну); бывали случаи, когда правительство, узнавъ по доносу, что кто-нибудь неправильно показалъ цифру своего капитала и тѣмъ уменьшилъ прибыль казны (съ оборота взимался 5%-й сборъ), конфисковало у оговореннаго лица все необъявленное имущество.

Всячески поощряя частную предпріимчивость, самъ царь иногда увлекался несбыточными планами, стоившими огромныхъ денегъ (такъ, напр., были сдѣланы совсѣмъ непроизводительныя затраты при попыткѣ устроить рейдъ въ Рогервикѣ—близъ Ревеля). Не мало пропало заготовокъ различныхъ припасовъ и оттого, что война велась на огромномъ пространствѣ и изобиловала различными неожиданностями. А между тѣмъ Петръ всѣми силами стремился къ бережливости: его домашній обиходъ отличался трогательною простотою,—царь ходилъ въ поношенномъ кафтанѣ, въ заштопанныхъ чулкахъ и старыхъ башмакахъ и не имѣлъ приличнаго экипажа, такъ что въ торжественныхъ случаяхъ бралъ его на прокатъ. Такую же бережливость, даже въ мелочахъ, онъ хотѣлъ завести и въ народномъ хозяйствѣ. Такъ, напр., сберегая лѣсъ, онъ запрещалъ даже дѣлать гробы изъ цѣльныхъ деревьевъ, въ особенности же изъ дубовъ.

§ 17. Административныя реформы.

Военными и финансовыми нуждами обусловливались въ значительной степени и административныя реформы Петра, важнѣйшими изъ которыхъ были: 1) учрежденіе въ 1711 году Правительствующаго Сената, замѣнившаго собою московскую боярскую думу, 2) открытіе въ 1719 году «Коллегій» взамѣнъ прежнихъ «приказовъ», 3) преобразованіе въ 1708 и 1719 г.г. областного управленія посредствомъ раздѣленія Россіи на губерніи и установленія губернскихъ учрежденій, 4) усовершенствованіе въ 1720-хъ годахъ городского самоуправленія посредствомъ созданія особыхъ органовъ его—такъ называемыхъ «магистратовъ».

Сенатъ. Отлучаясь постоянно изъ столицы вслѣдствіе военныхъ нуждъ, Петръ естественно нуждался въ такомъ учрежденіи, которое замѣняло бы его во время отсутствія, исполняло его многосложныя порученія, преимущественно финансоваго характера, наблюдало за порядкомъ въ управленіи и судопроизводствѣ. Боярская дума не могла играть такой роли, такъ какъ къ началу XVIII вѣка она пришла въ полное разстройство по многимъ причинамъ: 1) изъ-за оскудѣнія стараго родовитаго боярства, 2) изъ-за того, что большинство уцѣлѣвшихъ представителей его пристроено было къ военной службѣ, 3) изъ-за того, что создалась необычная для думы обстановка: въ прежнее время она почти всегда дѣйствовала при государѣ, а теперь государь почти постоянно отлучался изъ столицы. Разрушавшаяся боярская дума въ первые годы XVIII вѣка превращалась въ тѣсный боярскій или «министерскій» совѣтъ (или «конзилій»), въ которомъ вершили текущія дѣла нѣкоторые изъ ближайшихъ сподвижниковъ Петра (напр., Ѳ. Ромодановскій, Т. Стрешневъ и др.). Такъ какъ дѣла эти касались, главнымъ образомъ, финансовъ, то совѣтъ засѣдалъ обыкновенно въ учрежденной въ 1699 г. «Ближней канцеляріи», контролировавшей казенные доходы и расходы. Однако этотъ совѣтъ, вслѣдствіе случайности своего состава и несовершенства своей внѣшней организаціи, не удовлетворялъ царя. Поэтому, отправляясь въ 1711 году въ Прутскій походъ, Петръ создалъ новое учрежденіе—Сенатъ—изъ 9 лицъ (трое изъ нихъ были членами прежней боярской думы, остальные не блистали особенной знатностью и высокимъ положеніемъ). Сенатъ учреждался, какъ говорилось въ указѣ Петра, «для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ»; въ отсутствіе царя онъ долженъ былъ вполнѣ замѣнять его; Сенату обязаны были повиноваться всѣ лица и учрежденія, какъ самому царю, вполнѣ безпрекословно; онъ являлся высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, объединяющимъ собою всѣ другія какъ центральныя, такъ

и областныя, контролирующимъ ихъ дѣятельность и приводящимъ въ исполненіе царскіе указы, онъ постоянно находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ царемъ и былъ отвѣтственъ передъ нимъ.

Такимъ образомъ, Сенатъ представлялъ собою съ одной стороны, по словамъ историка (Владимірскаго-Буданова), «регентство, вполнѣ замѣняющее царя въ его отсутствіе и получавшее широкія полномочія» (Петръ говорилъ о сенаторахъ: «теперь все на нихъ положено, все у нихъ въ рукахъ»); съ другой стороны, онъ былъ, по словамъ историка (Ключевскаго), распорядительно-исполнительнымъ учрежденіемъ, обязаннымъ «разработать лаконическій царскій указъ въ понятное и исполнимое распоряженіе и властно присмотрѣть за его исполненіемъ». При самомъ учрежденіи Сената ему было вмѣнено въ обязанность «судъ имѣть нелицепріятный, смотрѣть за расходами и стараться о собираніи денегъ, преслѣдовать укрывающихся отъ службы»; сверхъ того, ему было дано множество частныхъ порученій, списокъ которыхъ постоянно пополнялся. По однимъ дѣламъ Сенатъ только распоряжается, по другимъ обсуждаетъ нужныя мѣры, по третьимъ занимается подготовкой ихъ. Рѣшенія свои онъ отправляетъ на утвержденіе государя, или же, въ случаѣ неотложности вопроса, приводитъ ихъ въ исполненіе, дѣлая затѣмъ соотвѣтствующій докладъ.

Явившись на свѣтъ въ качествѣ временнаго учрежденія, Сенатъ становится постояннымъ, и постепенно въ теченіе всего царствованія Петра измѣняется и его вѣдомство, и составъ состоящихъ при немъ лицъ, и составъ самихъ сенаторовъ, и находящейся при Сенатѣ канцеляріи, и его дѣлопроизводство. Такъ, кромѣ первоначальныхъ своихъ правительственныхъ обязанностей, Сенатъ получаетъ значеніе судебное (по многимъ дѣламъ онъ является высшей инстанціей) и вмѣстѣ съ тѣмъ становится хранителемъ и толкователемъ законовъ.

Изъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при Сенатѣ, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія:

I. Оберъ-фискалъ, избиравшійся Сенатомъ и являвшійся, по словамъ историка (Ключевскаго), «органомъ активнаго контроля». На обязанности его лежало «надъ всѣми дѣлами надсматривать и провѣдывать про неправый судъ», про злоупотребленія при сборѣ казны и прочемъ, привлекать виновныхъ къ отвѣтственности и обличать ихъ передъ Сенатомъ. Надзоръ свой онъ осуществлялъ при помощи подчиненныхъ ему фискаловъ, дѣйствовавшихъ повсемѣстно и приставляемыхъ къ различнымъ частямъ управленія (число фискаловъ достигало нѣсколькихъ сотъ человѣкъ [1]). Съ теченіемъ времени для нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей дѣла учреждены были особыя должностныя лица, именно:

---

[1]) Должность фискаловъ учреждена была въ 1711 году, а въ 1714 году былъ точнымъ образомъ опредѣленъ кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ имъ.

II. Генералъ-рекетмейстеръ, имѣвшій своей задачей искоренять неправду и волокиту въ судахъ и избавлять государя отъ массы челобитныхъ.

III. Герольдмейстеръ, вѣдавшій списки дворянъ, обязанный имѣть кандидатовъ на различныя должности и наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ каждой дворянской семьи опредѣлялось на гражданскую службу не болѣе $^{1}/_{3}$.

При помощи указанныхъ лицъ Сенатъ осуществлялъ свои контрольныя обязанности. Однако Петръ считалъ необходимымъ подчинить надзору и дѣятельность самого Сената. Первоначально онъ лично наблюдалъ за нею: требовалъ у сенаторовъ списки рѣшенныхъ ими дѣлъ, грозно попрекалъ ихъ за медлительность и волокиту, не останавливался даже передъ наложеніемъ на нихъ штрафовъ, издавалъ правила, опредѣлявшія сенаторское дѣлопроизводство (такъ, напр., предписывалось, чтобы «все было сдѣлано порядочно и суетныхъ разговоровъ, крика и прочаго не было», чтобы «дѣла, за исключеніемъ лишь самыхъ трудныхъ, не обдумывались болѣе получаса»). Считая однако личный контроль недостаточнымъ, царь поручалъ его различнымъ лицамъ: сначала роль наблюдателя игралъ «генеральный ревизоръ» Вас. Зотовъ (сынъ Никиты), затѣмъ сенаторскій оберъ-секретарь (т.-е. правитель канцеляріи Сената), позже два штабъ-офицера, которые, подъ угрозой лишенія правъ состоянія и имущества и даже смертной казни, должны были поддерживать порядокъ и арестовывать провинившихся сенаторовъ. Наконецъ, въ 1722 году для надзора за сенатомъ была учреждена должность генералъ-прокурора.

IV. Генералъ-прокуроръ, являвшійся «окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ», т.-е. (по словамъ историка Ключевскаго) «представителемъ верховной власти и государства передъ Сенатомъ», былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы президентомъ послѣдняго. Черезъ него Сенатъ сносился со всѣми подчиненными учрежденіями, отъ него получалъ указанія, имъ пріостанавливались сенатскія рѣшенія, наконецъ, въ зависимость отъ него поставлены были органы сенатскаго надзора (фискалы) и сенатская канцелярія. Съ учрежденіемъ должности генералъ-прокурора (первымъ занималъ ее Ягужинскій) значеніе самого Сената нѣсколько понизилось; кругъ же дѣлъ, подвѣдомственныхъ ему, сократился вслѣдствіе образованія «коллегій», замѣнившихъ собою московскіе приказы.

Коллегіи.

Подобно боярской думѣ, и приказы къ началу XVIII вѣка пришли въ полное разстройство (между прочимъ, вслѣдствіе реформы областного управленія, передавшей, какъ увидимъ, областнымъ учрежденіямъ многія изъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдались раньше приказами). А между тѣмъ Сенатъ не имѣлъ возможности самъ вершить всѣ правительственныя дѣла и нуждался въ подчиненныхъ органахъ. Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія Петръ рѣшилъ устроить ихъ по шведскому образцу

въ видѣ коллегій, т.-е. учрежденій, каждое изъ которыхъ вѣдаетъ опредѣленный кругъ дѣлъ во всемъ государствѣ и состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, рѣшающихъ вопросы по большинству голосовъ. Этими двумя признаками коллегіи и отличались отъ приказовъ, которые, какъ извѣстно, далеко не всегда вѣдали спеціальной отраслью дѣлъ всей Московской Руси, а занимались чаще всѣми дѣлами какой-нибудь области, и въ которыхъ мнѣніе начальника всегда преобладало надъ мнѣніемъ другихъ приказныхъ людей. Третьимъ отличіемъ было то, что кругъ вѣдомства коллегій былъ, по большей части, шире, чѣмъ у приказовъ: послѣднихъ было свыше 40, а коллегій — сперва 9, а затѣмъ 10. Именно: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) военная, 3) морская, 4) юстицъ-коллегія (вѣдавшая судопроизводство), 5) камеръ-коллегія (вѣдавшая доходы), 6) штатсъ-коллегія (вѣдавшая расходы), 7) коммерцъ-коллегія (вѣдавшая торговыя дѣла), 8) бергъ-коллегія (вѣдавшая горное дѣло), 9) мануфактуръ-коллегія (вѣдавшая промышленность), 10) ревизіонъ-коллегія (контролировавшая финансы). Впрочемъ, не всѣ дѣла удалось размѣстить по коллегіямъ: наряду съ ними существовали еще канцеляріи. Коллегія состояла изъ 11 лицъ: президента, вице-президента, 4-хъ совѣтниковъ и 4-хъ ассесоровъ и иностранца (обыкновенно шведа), на обязанности котораго лежало обучать своихъ сотоварищей чиновничьей работѣ (очень часто и вице-президентъ коллегіи, а также одинъ изъ ея секретарей назначался изъ иностранцевъ).

Областная реформа.

Еще раньше центральныхъ преобразованій начались областныя: въ 1708 году Россія была раздѣлена на 8 губерній (скоро къ нимъ присоединилась девятая), подчиненныхъ губернаторамъ и раздѣлявшихся на провинціи, уѣзды и доли (въ долю должно было входить 5.536 дворовъ). При губернаторѣ состояло нѣсколько должностныхъ лицъ (вице-губернаторъ, ландрихтеръ и оберъ-провіантмейстеръ). Петръ хотѣлъ приставить къ нимъ и выборныхъ отъ мѣстнаго дворянства — «ландратовъ», чтобы и въ управленіе губерніями ввести коллегіальное начало. Однако этотъ планъ не осуществился: ландраты сдѣлались назначаемыми, а не избираемыми лицами, управлявшими сельскимъ населеніемъ «долей» и отвѣчавшими за правильное поступленіе съ него платежей.

Въ 1719 году произведено было новое раздѣленіе Россіи на 11 губерній, дробившихся на провинціи (подвластныя воеводамъ) и дистрикты (не болѣе 2000 дворовъ; подчиненные земскимъ комиссарамъ). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ учреждены были надворные суды (одно время, кромѣ нихъ, существовали еще нижніе суды: провинціальные и городовые). Учрежденіемъ особыхъ судовъ Петръ какъ бы проводилъ принципъ раздѣленія властей. Однако этотъ принципъ далеко не всегда осуществлялся, такъ какъ предсѣдателями судовъ были обыкновенно представители мѣстной администраціи.

Городское управленіе. Для завѣдыванія городскими дѣлами (хозяйствомъ, образованіемъ, полиціей и судомъ надъ горожанами) учреждены были въ 1720-хъ годахъ магистраты, зависѣвшіе отъ Главнаго Петербургскаго Магистрата. Ихъ члены (президентъ, бургомистръ и ратманы) выбирались мѣстнымъ населеніемъ. Однако въ выборахъ участвовали только «регулярные» граждане, дѣлившіеся на двѣ гильдіи (къ 1-й принадлежали банкиры, богатые купцы и мастера, ко 2-ой—мелкіе торговцы и ремесленники, распредѣлявшіеся по цехамъ); рабочіе отнесены были къ нерегулярнымъ гражданамъ. (Къ послѣднимъ причислялись также проживавшіе въ городахъ дворяне и духовныя лица).

Областное и городское управленіе создалось по шведскому образцу.

Смыслъ административныхъ преобразованій. Однако главнымъ побужденіемъ къ областнымъ преобразованіямъ были опять таки военныя и финансовыя нужды.

Преобразованія эти начались, какъ сказано, еще въ 1699 году, когда царь, чтобы обуздать воеводъ и получать больше доходовъ съ городского класса, предоставилъ послѣднему самоуправленіе. Первоначально оно предлагалось за очень дорогую цѣну: города за избавленіе отъ воеводской власти должны были вносить подати въ двойномъ размѣрѣ. Такъ какъ лишь ничтожное число городовъ откликнулось на такое предложеніе, то пришлось, отказавшись отъ удвоенія податного бремени, сдѣлать самоуправленіе обязательнымъ. Именно, рѣшено было сосредоточить всѣ дѣла горожанъ (судъ и расправу надъ ними, взиманіе денежныхъ сборовъ и т. д.) въ рукахъ земскихъ избъ, состоявшихъ изъ избираемыхъ на годичный срокъ бурмистровъ. Онѣ отдавались въ вѣдѣніе Московской Бурмистрской Палаты или Ратуши, которая такимъ образомъ становилась, по словамъ историка (Ключевскаго), «высшимъ центральнымъ мѣстомъ по управленію торгово-промышленнымъ классомъ всей Россіи, дѣлалась чѣмъ-то въ родѣ «министерства городовъ и городскихъ сборовъ». Въ нее, какъ въ главное казначейство, стекались изо всѣхъ городовъ доходы, которые расходовались затѣмъ на содержаніе войска; недоимки взыскивались самымъ жестокимъ образомъ съ бурмистровъ, а при полной несостоятельности послѣднихъ—съ ихъ избирателей. Вообще отношеніе правительства къ городскому самоуправленію ясно показывало, что Ратуша и земскія избы оцѣнивались преимущественно съ финансовой точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія благосостоянія горожанъ. Послѣдніе едва ли много выиграли отъ реформы: уже черезъ самое короткое время послѣ введенія ея стали раздаваться жалобы на то, что «бурмистры варварства чинятъ», что отъ нихъ «явились многія кражи казнѣ», что «книги по сборамъ ведутся фальшиво», что «превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство». Да и само правительство скоро разочаровалось въ реформѣ: сперва появляется при Ра-

тушѣ и земскихъ избахъ наблюдатель - инспекторъ, смѣло изобличающій множество злоупотребленій, затѣмъ сокращаются обязанности бурмистровъ, далѣе изъ вѣдѣнія Ратуши изъемлется рядъ городовъ и посадовъ и, наконецъ, правительство лишаетъ ее всякаго объединяющаго значенія своей губернской реформой 1708 г.

Вызванная также военно-финансовыми нуждами, эта реформа основывалась на началахъ, противоположныхъ тѣмъ, на которыхъ зиждилось городское самоуправленіе. Послѣднее, какъ видно, имѣло цѣлью централизацію финансовъ, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ поступленій съ городовъ въ Московской Ратушѣ. Губернская реформа, напротивъ, децентрализовала ихъ, т. е. вмѣняла въ обязанность каждому губернатору сбирать доходы съ населенія своей губерніи и тутъ же расходовать ихъ на расквартированное въ ней войско. Губерніи въ первоначальномъ своемъ видѣ (сперва ихъ было 9: Московская, Ингерманландская, названная впослѣдствіи С.-Петербургской, Кіевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская, Воронежская; затѣмъ прибавилась Рижская) были, по словамъ историка (Князькова), какъ бы «военными округами», а ихъ начальники—«генералъ-губернаторами», командующими войсками даннаго округа. Но, кромѣ того, губернаторы должны были «о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ присматриваться». Очевидно, обладая столь всеобъемлющей властью (одинъ историкъ сравниваетъ ихъ съ сатрапами), они вполнѣ подчинили себѣ городское самоуправленіе. Спѣшно проведенная въ разгаръ войны, губернская реформа (спѣшность сказывалась хотя бы въ томъ, что не было правильнаго раздѣленія губерній на части: ея частями могли считаться только очень мелкія единицы—доли; названіе «уѣздъ» стало постепенно исчезать, а провинціи, подвластныя комендантамъ или оберъ-комендантамъ, были собственно не подраздѣленіями губерній, а соединеніями нѣсколькихъ уѣздовъ, отдаленныхъ отъ губернскаго города и составлявшихъ «опредѣленный хозяйственный и административный округъ») и разстроенная ею городская реформа подверглись пересмотру, когда Великая Сѣверная война подходила къ концу, и царь обратился къ «гражданству», т. е. къ внутренней политикѣ.

Особенно занимала его въ это время организація центральныхъ учрежденій—коллегій. О коллегіяхъ Петръ сталъ думать очень давно, съ самаго начала XVIII вѣка; когда же военныя дѣйствія нѣсколько затихли, онъ дѣятельно принялся за подготовку ихъ, повсемѣстно собирая самыя тщательныя справки о заграничныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, отыскивая и привлекая къ себѣ на службу видныхъ иноземныхъ бюрократовъ (напр., гольштинца Фика, силезца Любераса), просматривая сотни регламентовъ, подбирая служащихъ для коллегій изъ шведскихъ «арестантовъ» (т. е. плѣнниковъ), изъ «капабельныхъ субъектовъ» иностраннаго происхожденія и т. д. Уже въ

1717 г. онъ утвердилъ реестръ и штатъ коллегій, устроенныхъ на подобіе шведскихъ, и назначилъ президентовъ, однако дѣйствовать онѣ начали лишь 2—3 года спустя. Особыми указами царь разъяснялъ своимъ подданнымъ преимущества коллегіальнаго начала надъ единоличнымъ («извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ, но се наипаче полезно, что въ коллегіумъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду», «коллегіумъ имѣетъ въ себѣ свободнѣйшій духъ къ правосудію»), опредѣлялъ до мелочей не только вѣдомство каждой коллегіи и порядокъ ея дѣлопроизводства, но и обязанности чиновъ состоящей при ней канцеляріи (напр., секретаря, нотаріуса, актуаріуса, переводчика, регистратора и т. д.).

Реформа центральнаго управленія повлекла за собою, какъ сказано, новое преобразованіе областного, начатое въ 1718 г. И здѣсь за образецъ было принято шведское устройство. Это весьма понятно: 1) московское правительство практически познакомилось съ нимъ въ тѣхъ прибалтійскихъ областяхъ, которыя были отвоеваны отъ Швеціи, 2) послѣднюю царь считалъ страною, наиболѣе похожей на Россію по своимъ природнымъ бытовымъ условіямъ, 3) плѣнные шведы могли много помочь въ дѣлѣ введенія шведскихъ областныхъ учрежденій. Однако рѣшено было не просто пересаждать ихъ на русскую почву, а дѣлать это «съ русскимъ сложа», т. е. не довольствоваться слѣпымъ подражаніемъ, а приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ. За территоріальную единицу признавалась провинція, во главѣ которой ставился воевода и которая дѣлилась на дистрикты, управляемые земскими комиссарами. Нѣсколько провинцій входили въ составъ губерніи, сохранившей характеръ военнаго округа: губернаторъ былъ начальникомъ воеводы лишь по военнымъ дѣламъ.

Дѣятельность воеводы опредѣлялась широковѣщательной инструкціей: ему вмѣнялось въ обязанность быть и представителемъ государственной власти («во всемъ царскаго величества интересъ и государственную пользу тщательно оберегать»), и военнымъ стражемъ провинціи, и охранителемъ внутренней безопасности («чтобы никому насилія и грабежа чинено не было, а воровство бы и всякіе разбои и преступленія весьма были прекращены и по достоинству наказаны»), и заступникомъ крѣпостныхъ отъ «непотребныхъ и безпутныхъ разорителей», и опытнымъ руководителемъ экономической жизни провинціи («всякіе заводы, какіе гдѣ есть, въ добромъ состояніи содержать», представлять записки объ улучшеніи торговли и промышленности), и защитникомъ православія («чтобы прямая каѳолическая вѣра твердо была содержана»), и завѣдующимъ благотворительной частью («имѣть попеченіе о госпиталяхъ, сиротскихъ домахъ, народномъ здравіи и т. д.), и насадителемъ просвѣщенія и культурности (устраивать академіи, школы, театры), и ученымъ архиваріусомъ (разыскивать «куріозныя историческія письма» и древнія

грамоты) и, наконецъ, чиновникомъ особыхъ порученій, исполняющимъ всѣ предписанія правительства.

Очень сложныя обязанности возлагались и на второе послѣ воеводы должностное лицо въ провинціи—камерира, главнымъ дѣломъ котораго было завѣдываніе финансовою частью: онъ долженъ былъ наблюдать за дѣятельностью другихъ финансовыхъ чиновниковъ (напр., рентмейстера—казначея и провіантмейстера), вести самую строгую отчетность и непрестанно сноситься съ различными центральными и мѣстными учрежденіями. Необыкновенно хлопотливой была также должность начальника дистрикта—земскаго комиссара. На него, по словамъ историка (Князькова), «возлагалось широкое попеченіе о благосостояніи и просвѣщеніи населенія его дистрикта». Онъ начальствовалъ надъ мѣстной полиціей, заботился о благоустройствѣ путей сообщенія, слѣдилъ за продовольствіемъ и благонравіемъ на постоялыхъ дворахъ, исполнялъ всевозможныя порученія начальства какъ центральнаго, такъ и областного, оповѣщалъ во всеобщее свѣдѣніе о правительственныхъ указахъ и распоряженіяхъ, давалъ самыя разнообразныя справки, наконецъ, что важнѣе всего, заботился о своевременномъ поступленіи всякаго рода казенныхъ повинностей и о расквартированіи и продовольствіи войска, при чемъ ему же вмѣнялось въ обязанность «запрещать и не допускать всѣ насильства и своевольства, которыя жителямъ при такихъ случаяхъ могутъ приключаться».

Надѣляя многосложными инструкціями представителей администраціи, царь не оставилъ безъ наставленій и судебныя учрежденія, общій характеръ которыхъ былъ заимствованъ тоже изъ Швеціи. Наставленія звучали очень гуманно: суды должны были «призирать бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ безгласныхъ и безпомощныхъ, которымъ самъ его царское величество всемилосерднымъ защитителемъ есть и взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ, несмотря ни на какое лицо»; «въ цѣлости правду содержать съ всесовершенной вѣрностью и со всемѣрной прилежностью»; «обидимымъ всегда оказывать правосудіе и безволокитное рѣшеніе»; «лучше повиннаго оправдать, нежели неповиннаго безосмотрительно осуждать». Гарантіей правосудія должно было служить также установленіе нѣсколькихъ судебныхъ инстанцій. Первоначально ихъ было четыре и шли онѣ въ такой постепенности: 1) провинціальный или городовой судъ, 2) надворный (надворныхъ судовъ учреждено было во всей Россіи 11), 3) юстицъ-коллегія, 4) Сенатъ.

Торгово-промышленное городское населеніе не было подсудно общимъ судамъ и вѣдалось магистратами[1]) (замѣнявшими для него

---

[1]) Магистраты существовали только въ многолюдныхъ городахъ; въ небольшихъ—вмѣсто полнаго присутствія магистрата выбиралось лишь нѣсколько бурмистровъ.

надворные суды) и Главнымъ Магистратомъ (соотвѣтствовавшимъ, какъ судебное учрежденіе, юстицъ-коллегіи).

Но роль магистратовъ далеко не ограничивалась судомъ. Магистратъ, по словамъ историка (Князькова), «обнималъ въ свое вѣдѣніе и полицію, благоустройство и благотворительность, заботы о народномъ здравіи и просвѣщеніи, о благочестіи, добропорядочномъ поведеніи гражданъ и т. д.». Главная же цѣль городского самоуправленія заключалась въ томъ, чтобы «купечество и мануфактуры размножать», завести торговыя дѣла «по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ», однимъ словомъ, создать въ Россіи богатую буржуазію.

Изъ изложеннаго видно, что подъ диктовку военныхъ и финансовыхъ нуждъ Петръ вознамѣрился соорудить стройное административное зданіе, въ основу котораго были положены слѣдующія начала: 1) разграниченіе управленія центральнаго (которому былъ приданъ бюрократическій характеръ, т. е. оно ввѣрялось назначеннымъ должностнымъ лицамъ различнаго происхожденія, а не какого-либо опредѣленнаго сословія, обязаннымъ руководствоваться въ своей дѣятельности исключительно взглядами высшаго правительства) и областного (видное участіе въ которомъ было предоставлено представителямъ дворянства и гильдейскаго гражданства, и которое такимъ образомъ имѣло сословный характеръ), 2) распредѣленіе вѣдомствъ по роду дѣлъ, 3) отдѣленіе администраціи отъ суда, 4) коллегіальное начало. Большинство учрежденій и приставленныхъ къ нимъ должностей къ концу царствованія Петра получило особые регламенты и инструкціи, опредѣлившіе точнымъ образомъ характеръ ихъ дѣятельности.

Петровская администрація на практикѣ.

Таково было управленіе при Петрѣ въ теоріи, въ идеѣ. Но практика далеко отстояла отъ этого: между учрежденіями не было желанной стройности — они сталкивались другъ съ другомъ, выходили изъ указанныхъ имъ границъ, вѣдомства ихъ перепутывались; центральное управленіе плохо согласовалось съ мѣстнымъ; между администраціей, городскимъ самоуправленіемъ и судомъ происходили постоянныя тренія; инструкціи не соблюдались по недостатку какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ средствъ для исполненія ихъ; и въ административной и въ судебной области царилъ большой произволъ и процвѣтали злоупотребленія, несмотря на то, что почти ко всѣмъ учрежденіямъ приставлены были прокуроры для явнаго надзора, фискалы — для тайнаго [1]) и различные военные чины для чрезвычайнаго; чрезвычайныя военныя ревизіи

[1]) Установленіе такого надзора доказываетъ, что, какъ выражается ученый (Градовскій), у Петра велико было довѣріе къ коллегіальной системѣ, но не менѣе велико недовѣріе къ членамъ коллегій.

приводили къ тому, что военная власть совершенно подавляла гражданскую.

Гармонія петровскаго административнаго зданія нарушалась во всѣхъ частяхъ сверху донизу. За спиною высшаго учрежденія — Правительствующаго Сената — дѣйствовала въ ущербъ его вліянію полуоффиціальная, неопредѣленная «министерская консилія», т. е. съѣздъ «начальниковъ важнѣйшихъ отраслей управленія». Коллегіи, представлявшія собою въ идеѣ какъ бы равныя колонны, на которыя опирался Сенатъ, переростали одна другую (понятно, что выше всѣхъ возносились военная и адмиралтейская), переплетались своими вѣдомствами. Послѣднее можно ярко прослѣдить на судьбѣ Камеръ-коллегіи. Въ теоріи она должна была завѣдывать всѣми доходами, на практикѣ же важнѣйшія отрасли ихъ (напр., подушная подать, доходы съ государственныхъ имуществъ) были переданы въ вѣдѣніе другихъ коллегій: военной, коммерцъ, мануфактуръ и т. д. Въ общемъ, по словамъ современника, «только больше путаницы можно ожидать отъ коллегій въ дѣлопроизводствѣ, а не порядка и не точности». Если центральныя учрежденія не могли размежеваться другъ съ другомъ, если между ними были «безсоюзства, разности и свары», если въ нихъ, по словамъ Петра, «происходило много диковинокъ», то легко себѣ представить, въ какихъ отношеніяхъ находились они къ мѣстному управленію, и какая путаница была въ послѣднемъ. «Колеса въ новыхъ машинахъ, по словамъ историка (Соловьева), не пошли вдругъ хорошо: вмѣсто того, чтобы приводить взаимно другъ друга въ движеніе, они иногда зацѣплялись другъ за друга и мѣшали общему дѣйствію». Даже самъ полномочный Сенатъ не могъ добиться присылки изъ мѣстныхъ учрежденій денегъ и отчетовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на то, что виновныхъ въ промедленіи чиновниковъ предписано было бить на правежѣ дважды въ недѣлю или «сковать за ноги и на шею положить цѣпь и держать въ приказѣ потамѣстъ, пока не изготовятъ нужныя вѣдомости».

Между административной и судебной властями случались постоянныя столкновенія: по словамъ современника, онѣ «съ яростью и презрѣніемъ тщатся уничтожить другъ друга». Перевѣсъ оставался почти всегда на сторонѣ администраціи, такъ какъ законъ предоставлялъ воеводѣ право дѣлать «припоминанія» суду, а послѣдній долженъ былъ «воспріять за благо воеводскіе доклады и резоны»; далѣе, воевода, какъ представитель мѣстной власти, имѣлъ фактическую возможность подчинить себѣ судъ въ буквальномъ смыслѣ «измором», напр., отказать ему въ помѣщеніи или отвести такое, гдѣ «помирали отъ духоты» или гдѣ «кровля развалилась и течь отъ дождя великая и окончинъ нѣтъ». Чтобы устроить себѣ сносное существованіе, судья долженъ былъ иной разъ просто-напросто дѣлиться съ воеводой, т. е. предоставлять ему рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ или составлять свой приговоръ подъ его

диктовку. Не отъ одной администраціи страдали суды: они терпѣли всякія утѣсненія и отъ своихъ же собственныхъ высшихъ инстанцій, которыя безпощадно штрафовали низшихъ судей, если не соглашались съ ихъ приговорами, и отъ самихъ же тяжущихся, которые «поднимали многій крикъ и въ дверяхъ судейской конторы стукъ и ломились съ крикомъ и съ бранью и съ дракою». Терроризованные судьи, конечно, не могли произносить приговоръ по совѣсти, спѣшили передать щекотливыя дѣла въ другія инстанціи или тянули ихъ до безконечности (иной разъ въ теченіе 27 лѣтъ), нагромождая цѣлые вороха бумаги; они оказывались вполнѣ безсильными, если въ процессѣ была замѣшана какая-нибудь важная персона, озлоблялись и отводили душу на безотвѣтномъ населеніи. Такое же озлобленіе замѣчалось и въ средѣ многихъ другихъ должностныхъ лицъ, положительно грызшихся другъ съ другомъ, трепетавшихъ передъ сильными, притѣснявшихъ слабыхъ, творившихъ имъ «обиды и разоренія», подвергавшихъ ихъ истязаніямъ.

Гуманныя, пространныя и широковѣщательныя инструкціи оставались, конечно, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: даже при всемъ желаніи невозможно было исполнять ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ какую пылкую фантазію нужно было имѣть воеводѣ, чтобы мечтать объ устройствѣ госпиталей, пріютовъ, театровъ и академій, если земскіе комиссары, подъ угрозой быть закованными въ цѣпи, не могли цѣлыми годами собрать съ населенія недоимокъ, если не было указано даже, на какія средства должно существовать управленіе дистрикта, если вся администрація сплошь и рядомъ получала жалованье съ опозданіемъ чуть ли не на нѣсколько лѣтъ, или въ половинномъ размѣрѣ, или не деньгами, а мѣхами! Безденежье, недостатокъ средствъ въ буквальномъ смыслѣ на пропитаніе были одной изъ причинъ, побуждавшихъ должностныхъ лицъ къ чудовищнымъ злоупотребленіямъ: по словамъ одного современника-иностранца, «честный и неподкупный комиссаръ встрѣчается такъ же рѣдко, какъ трилистникъ о четырехъ листкахъ». Но безденежье было не единственной причиной: хищеніями запятнали себя также очень богатыя и сановныя лица. Даже магистраты, состоявшіе изъ выборныхъ «лучшихъ людей», прославили себя «несытостью» и «скорымъ простираніемъ рукъ ко взяткамъ», «чинили превеликое воровство» и «варварства» по отношенію къ горожанамъ. Царь боролся съ злоупотребленіями мѣрами устрашенія и надзора. Жесточайшія наказанія не щадили и очень высокопоставленныхъ людей. Такъ напр., два сенатора подверглись позорному публичному наказанію, сибирскій губернаторъ былъ повѣшенъ, а самъ оберъ-фискалъ Нестеровъ, уличенный во взяткахъ, колесованъ. Не довольствуясь надзоромъ прокуроровъ и фискаловъ, царь посылалъ для ревизіи военныхъ: штабъ-офицеры, какъ сказано, наблюдали за поведеніемъ сенаторовъ, простые «расторопные» солдаты посылались въ надворные суды для ус-

коренія судопроизводства и для контроля надъ воеводами; не на однихъ земскихъ комиссаровъ надѣвались оковы: извѣстенъ случай, когда энергичный рядовой преображенецъ, обревизовавъ московскую администрацію, посадилъ на цѣпь вице-губернатора, носившаго высокій бригадирскій чинъ. При такихъ условіяхъ не было, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что не только генералы, но и самые обыкновенные оберъ-офицеры били «смертнымъ боемъ» и истязали бургомистровъ и ратмановъ.

Со времени введенія подушной подати и расквартированія войскъ по губерніямъ гражданскія власти были совершенно заслонены военными: на первый планъ выступили полковники, получившіе полицейскую и судебную власть, и право «смотрѣть» за губернаторами и воеводами, и право привлекать къ отвѣтственности гражданскихъ чиновниковъ. Даже областное дѣленіе претерпѣло измѣненія: появилась еще новая очень неопредѣленная единица — полковой дистриктъ, отданный въ вѣдѣніе выбираемаго дворянствомъ комиссара отъ земли (котораго слѣдуетъ отличать отъ назначеннаго земскаго). Въ общемъ, по словамъ историка, «постепенно свелись на нѣтъ всѣ благія пожеланія, вложенныя Петромъ въ тѣ инструкціи, какими снабжались сначала чины его новаго областного устройства; эти пожеланія остались на бумагѣ, а вся дѣятельность новой администраціи Петра свелась въ концѣ концовъ къ задачамъ старой — быть простой исполнительницей указовъ свыше».

Перечисленныя слабыя стороны административныхъ преобразованій Петра объясняются не только чрезмѣрною торопливостью въ проведеніи ихъ, не только отсутствіемъ денежныхъ средствъ для удовлетворительной организаціи сложныхъ и дорого-стоющихъ учрежденій, но и недостаткомъ подходящихъ людей для несенія новыхъ нелегкихъ обязанностей. На различныхъ гражданскихъ должностяхъ въ концѣ царствованія Петра состояло свыше 5.000 человѣкъ. Но многочисленный по количеству этотъ классъ не блисталъ высокими качествами.

Сотрудники Петра.

Даже ближайшіе сотрудники царя, «птенцы гнѣзда Петрова», выдвинувшіеся благодаря своимъ способностямъ изъ всевозможныхъ классовъ общества и даже изъ разныхъ національностей и занимавшіе самыя отвѣтственныя военныя и гражданскія мѣста, далеко не всѣ могли похвастаться честностью, хотя многіе изъ нихъ отличались крупными талантами. Несомнѣнно даровитымъ полководцемъ и дѣятельнымъ администраторомъ былъ красивый и щеголеватый Меншиковъ, начавшій жизнь свою «Алексашкой», сыномъ придворнаго конюха и, по преданію, продавцомъ пироговъ, вознесенный судьбою до титула свѣтлѣйшаго князя и герцога Ижорскаго, до роли правой руки Петра и временщика и тѣмъ не менѣе оставившій по себѣ въ исторіи самую громкую память своимъ безудержнымъ лихоимствомъ, не знавшимъ никакихъ предѣловъ. Въ качествѣ опытныхъ и дѣль-

ныхъ военачальниковъ заслужили извѣстность фельдмаршалы Шереметевъ, Репнинъ, кн. Мих. Мих. Голицынъ. Братъ послѣдняго кн. Димитрій Михайловичъ прославился какъ просвѣщенный, отлично-образованный администраторъ. Сенаторъ кн. Як. Ѳеод. Долгорукій, по словамъ историка (проф. Платонова), «сталъ героемъ историческихъ преданій, какъ образецъ высокой честности и безстрашія». Онъ открыто говорилъ Петру, что царь Алексѣй Михайловичъ больше его сдѣлалъ въ области внутренняго управленія и правосудія. Хорошими дипломатами были канцлеръ Головкинъ, послы при иностранныхъ дворахъ—Толстой, Матвѣевъ, Неплюевъ, наконецъ, обрусѣвшій иностранецъ, соперникъ и личный врагъ Головкина, бар. Шафировъ. Изъ другихъ иностранцевъ слѣдуетъ упомянуть также дипломата Остермана, президента бергъ-коллегіи Брюса и инженера Миниха.

Цѣня способности и знанія иноземцевъ, Петръ однако ставилъ ихъ обыкновенно въ подчиненіе русскимъ и лишь вполнѣ обрусѣлыхъ выдвигалъ на первыя мѣста. Такъ, напр., не русскимъ по происхожденію былъ генералъ-прокуроръ Сената Ягужинскій, энергичный и даровитый, но очень беззастѣнчивый человѣкъ. Если «птенцы» Петра не всегда могли удерживаться отъ злоупотребленій, то легко себѣ представить, какъ процвѣтали они въ средѣ второстепенной администраціи. Царь боролся съ ними, какъ сказано, всякими средствами: и внушеніями, переходившими часто въ побои (царская дубинка не разъ прохаживалась по спинѣ его любимца Меншикова), и установленіемъ строжайшаго контроля, и ревностнымъ поощреніемъ доносовъ (доносчики щедро награждались, получая чуть ли не все имущество оговореннаго лица), и безпощадными наказаніями. Однако поощреніе доносовъ развращало общество, а жестокія наказанія притупляли его чувствительность. Царь отлично понималъ, что для искорененія злоупотребленій необходимо также просвѣщеніе.

§ 18. Просвѣтительныя мѣропріятія.

Духовная школа. Московское государство дожило до послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка съ очень небольшимъ и притомъ одностороннимъ запасомъ научныхъ познаній. «Древне-русская школа, по словамъ историка (проф. Рождественскаго), служила исключительно орудіемъ церковнаго просвѣщенія и въ распространенныхъ своихъ типахъ обычно не поднималась выше уровня элементарнаго образованія». Въ концѣ XVII вѣка, когда, какъ извѣстно, въ связи съ церковной реформой Никона началось пріобщеніе нѣкоторой части русскаго общества къ западно-европейской культурѣ, въ Москвѣ учреждена была высшая школа—Славяно-Греко-Латинская Академія, устроенная по образцу Кіевской Академіи. Послѣдняя, сыгравшая, какъ мы знаемъ, огромную роль въ исторіи

южной Руси, по своей программѣ и по составу учащихся далеко не была только профессіональнымъ учебнымъ заведеніемъ, имѣющимъ своей цѣлью подготовлять лишь пастырей и служителей Церкви, а носила общеобразовательный характеръ: ея курсъ не исчерпывался богословскими предметами, и въ ней обучались люди самыхъ разнообразныхъ сословій. Такой же точно характеръ, не исключительно духовно-профессіональный, а общеобразовательный и всесословный («для ученья всякаго чина людей») предполагалось придать и Славяно-Греко-Латинской Академіи. Именно, ея проектъ (такъ-называемый «привилей»), относящійся къ 1682 году, имѣлъ въ виду ввести въ ея курсъ «науки гражданскія и духовныя, ученіе правосудія духовнаго и мірского и прочія всѣ свободныя науки» и подготовлять ея питомцевъ къ государственной службѣ. Въ архіерейскихъ школахъ, устраивавшихся епископами и весьма разнообразныхъ по объему преподаванія (лучшія изъ нихъ, напр., новгородская, поднимались почти до уровня Академіи, большинство же ограничивалось элементарнымъ курсомъ), общеобразовательный элементъ также не поглощался профессіональнымъ. Неудивительно поэтому, что Петръ въ первое время своего царствованія надѣялся найти въ духовныхъ школахъ, особенно въ высшей, т.-е. Академіи, лицъ, пригодныхъ для всевозможныхъ занятій—«въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство».

Отношеніе Петра къ просвѣщенію.

Но царь скоро разочаровался въ своихъ надеждахъ: Московская Академія на практикѣ не вполнѣ соотвѣтствовала первоначальному проекту, такъ какъ церковные интересы получили въ ней преобладаніе надъ свѣтскими, и она обращалась, по словамъ историка (Соловьева), въ «цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная Церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ»; къ тому же схоластическая философія, господствовавшая въ ней, далеко не отвѣчала практическимъ требованіямъ Царя-Плотника. На первомъ планѣ для Петра стоялъ государственный интересъ, государственная польза. Государство, ведущее тяжелую войну и преобразовывающееся во всѣхъ частяхъ, нуждалось, по его мнѣнію, прежде всего въ техникахъ, спеціалистахъ по разнымъ отраслямъ службы. Сдѣлавъ послѣднюю обязательной, царь, очевидно, долженъ былъ сдѣлать обязательнымъ, особенно для дворянства, и образованіе. При преобладаніи военныхъ потребностей надъ другими онъ особенную энергію проявлялъ въ насажденіи военнаго образованія. Но такъ какъ война изобиловала всякими случайностями и сообщала всѣмъ петровскимъ мѣропріятіямъ «лихорадочный пульсъ», то, понятно, и его система народнаго просвѣщенія подвергалась колебаніямъ.

Изъ изложеннаго ясно, что образованіе должно было получить при Петрѣ утилитарный (т.-е. разсчитанный на принесеніе пользы),

практическій (т.-е. оцѣниваемый съ точки зрѣнія выгоды), профессіонально-сословный (а не всесословно-общій), преимущественно военный, принудительный, но при всемъ этомъ недостаточно выдержанный характеръ. Царь цѣнилъ не столько чистую науку, сколько прикладную, онъ не призывалъ народъ къ просвѣщенію, а принуждалъ къ нему; обученію онъ придавалъ характеръ не нравственной обязанности, а государственной, служебной повинности. Большинство русскихъ людей не успѣло еще освоиться съ мыслью о необходимости просвѣщенія, а оно насильственнымъ образомъ внѣдрялось въ нихъ. Въ этой насильственности и принудительности слѣдуетъ искать одну изъ причинъ неудачи, постигшей, какъ увидимъ, петровскія просвѣтительныя преобразованія. Другая причина заключалась въ тяжелыхъ условіяхъ быта учащихся, страдавшихъ и отъ чрезмѣрно суровой дисциплины, и отъ матеріальной необезпеченности школъ. Третья причина—въ томъ, что характеръ самихъ учебныхъ заведеній, которыя, по мѣткому выраженію историка (Ключевскаго), «служили преддверіемъ къ казармѣ или канцеляріи», не встрѣчалъ сочувствія въ современномъ обществѣ.

Профессіональное образованіе.

Первыя учебныя заведенія, основанныя Петромъ, имѣли своей цѣлью обученіе техническимъ навыкамъ, подготовленіе спеціалистовъ для государственной службы. Такова была открытая въ 1701 г. въ Москвѣ «школа математическихъ и навигацкихъ наукъ» для «добровольно хотящихъ, паче же съ принужденіемъ набираемыхъ» молодыхъ людей. Это «единственное правительственное свѣтское училище» на практикѣ являлось, по словамъ историка (проф. Рождественскаго), «своего рода политехникумомъ: изъ него выходили, кромѣ моряковъ, инженеры, артиллеристы, учителя въ другія новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря, мастеровые и проч.». Черезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторыя спеціальныя отрасли знанія обособились: такъ, основаны были инженерная и артиллерійская школы и морская академія (въ 1715 г.) въ Петербургѣ; дѣлались попытки, впрочемъ, неудачныя, учрежденія юридическихъ школъ для приготовленія гражданскихъ чиновниковъ.

Цыфирныя школы.

Для элементарнаго обученія и для предварительной подготовки къ поступленію въ указанныя учебныя заведенія и на службу, съ 1714 года стали открываться въ провинціяхъ низшія, такъ называемыя, цыфирныя школы, отличавшіяся узко-математическимъ и первоначально тоже профессіональнымъ характеромъ. Заполнять ихъ приходилось насильно: одинъ рачительный воевода разсылалъ даже по уѣзду солдатъ, которые хватали всѣхъ пригодныхъ для школы дѣтей и сажали за букварь; чтобы не дать ученикамъ разбѣжаться, ихъ держали за карауломъ, чуть ли не на цѣпи, а за пропуски уроковъ штрафовали. И тѣмъ не менѣе цыфирныя школы все пу-

стѣли и пустѣли и сокращались въ числѣ. Объясняется это съ одной стороны тѣмъ, что правительство постепенно освобождало отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ различные классы общества, съ другой стороны тѣмъ, что никакія строгости не могли остановить повальнаго бѣгства учениковъ.

Доступъ въ цыфирныя школы былъ закрытъ прежде всего для тѣхъ, для кого онѣ первоначально предназначались, именно,—для дворянъ. Находя, что элементарное обученіе отвлекаетъ ихъ отъ болѣе серьезнаго и отъ службы, Петръ въ 1716 г. запретилъ дворянскимъ дѣтямъ поступать въ цыфирныя школы, послѣ чего онѣ, по словамъ историка (проф. Рождественскаго), «изъ приготовительныхъ школъ для дѣтей служилаго класса, прежде всего для дворянъ, должны были превратиться въ элементарныя общеобразовательныя школы для всякаго чина людей, кромѣ дворянъ» и крестьянъ (крѣпостные крестьяне отданы были всецѣло «на воспитаніе» помѣщикамъ). Однако очень скоро отъ цыфирныхъ школъ стали отпадать и другіе «чины»: въ 1720 г. посадскіе люди обратились въ Сенатъ съ челобитьемъ, въ которомъ доказывали, что посѣщеніе школъ отвлекаетъ ихъ дѣтей отъ занятій торговлей и промысломъ и тѣмъ наноситъ имъ существенный ущербъ, и добились указа, повелѣвавшаго «посадскихъ людей къ наукѣ не понуждать, дабы не было убытка торговымъ людямъ и царскимъ доходамъ». Въ слѣдующемъ году церковники (т. е. дѣти духовно- и церковно-служителей) отпросились въ развивавшіяся въ это время архіерейскія школы; сюда же стали поступать многія лица не духовнаго званія. Послѣ этого цыфирныя школы стали быстро хирѣть: это явствуетъ изъ очень краснорѣчивыхъ цыфръ. Первоначально предполагалось создать 42 школы. Однако около трети посланныхъ учителей вернулось обратно за неимѣніемъ учениковъ, такъ что въ 1726 г. дѣйствовало только 25 школъ. Изъ общаго числа состоявшихъ въ нихъ 2.000 (приблизительно) учениковъ налицо въ этомъ году было только около 500: остальные выбыли по разнымъ причинамъ. Такъ, напр., посадскихъ и церковныхъ ушло—37%, бѣжало—20%, скорбныхъ, въ ученіе негодныхъ и за непонятіе наукъ отпущенныхъ—15%, взято въ разныя должности до окончанія курса—6%, выучено—только 20%. Къ 1744 г. осталось только 8 школъ съ 709 учащимися, состоявшими почти исключительно изъ дѣтей военно-служащихъ офицерскаго и солдатскаго ранга. Понятно поэтому, что цыфирныя школы совершенно утрачивали свой смыслъ въ качествѣ самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, и правительство, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ соединить ихъ съ архіерейскими школами, рѣшилось въ 1744 году (при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ) на соединеніе ихъ съ образовавшимися къ этому времени гарнизонными школами для солдатскихъ дѣтей, имѣвшими спеціальный военно-ремесленный характеръ.

Измѣненіе характера профессіональнаго образованія; школьная жизнь.

Въ то время, какъ цыфирныя школы хирѣли и умирали, а духовныя учебныя заведенія мало-по-малу изъ общеобразовательныхъ превращались въ духовно-профессіональныя, другія перечисленныя выше спеціальныя школы (напр., морская, инженерная, артиллерійская), страдая отъ матеріальной необезпеченности, продолжали однако развиваться въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны ихъ программа расширялась, вслѣдствіе чего первоначальное узкопрофессіональное образованіе сближалось съ общимъ, съ другой стороны составъ учащихся сужался: заполняемыя на первыхъ порахъ лицами различныхъ общественныхъ классовъ, эти школы постепенно дѣлались односословными, дворянскими или шляхетскими, иными словами, пріобрѣтали сословную замкнутость. Такой процессъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что правительство естественно должно было научиться предпочитать разносторонне-образованныхъ людей узкимъ спеціалистамъ, а во-вторыхъ тѣмъ, что само общество, преобладающее положеніе въ которомъ все болѣе и болѣе получало дворянство, стремилось къ сословно-общему шляхетскому образованію, составлявшему, по словамъ историка (проф. Рождественскаго), «промежуточное звено между чисто-профессіональнымъ и общимъ образованіемъ».

Положеніе первыхъ петровскихъ школъ было очень незавиднымъ, особенно изъ-за недостатка средствъ. Такъ, напр., жалованье (т. е. стипендіи), назначенное ученикамъ навигацкой школы, сплошь и рядомъ задерживалось, вслѣдствіе чего учащіеся «не только проѣли кафтаны, но истинно босыми ногами ходя, просятъ милостыни у оконъ». Донося объ этомъ, завѣдующій школой резонно добавлялъ, что «ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше (учениковъ) распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости». Такія «плутости» не ограничивались кражей съѣстныхъ припасовъ на рынкѣ, а принимали иногда характеръ «разбойныхъ» нападеній на обывательскіе погреба и кладовыя. Незавидно было также положеніе питомцевъ Морской академіи, носившихъ громкое названіе «гвардейцевъ». Такъ, напр., въ 1724 г. 85 учениковъ «за босотою и неимѣніемъ дневного пропитанія» не ходили въ школу больше 5 мѣсяцевъ, при чемъ 55 человѣкъ изъ нихъ «кормились вольною работой», а остальные «побирались, волочась межъ дворъ». Такое нищенское существованіе дѣлалось еще болѣе тягостнымъ вслѣдствіе свирѣпой дисциплины, царившей въ учебныхъ заведеніяхъ. Блюстителями порядка въ классѣ сдѣланы были отставные солдаты съ хлыстами въ рукахъ, безпощадно наказывавшіе провинившихся; своимъ режимомъ школы напоминали тюрьмы. По словамъ историка (Князькова), «виновныхъ били нещадно батогами или, по молодости

лѣтъ, драли нещадно же кошками (короткими плетками изъ морскихъ снастей); за значительные проступки гоняли сквозь строй. За побѣгъ изъ школы навигатору грозила смертная казнь, а роднымъ за одно только ходатайство у государя объ «отбывательствѣ» ихъ питомцевъ отъ школы—каторжная работа». За манкировки учениковъ штрафовали въ среднемъ по 10 р. въ день (свыше ста рублей на наши деньги). Суровой дисциплинѣ подчинялись, впрочемъ, не только учащіеся, но и учащіе: преподаватели «должны были подъ угрозой наказанія обучать со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ вразумительнымъ образомъ». Даже, когда Петръ въ концѣ своего царствованія задумалъ учредить Академію наукъ, то и академиковъ онъ хотѣлъ поставить подъ самый строгій надзоръ: такъ, напр., уставъ предписывалъ «нанять для академиковъ эконома и кормить ихъ въ томъ же домѣ, дабы, ходя въ трактиры и другіе мелкіе дома, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно, не сдѣлались бы роскошниками и пьяницами и не учинили государственнаго убытку».

Проекты по народному просвѣщенію.

Очевидно, что преподаваніе въ первыхъ петровскихъ школахъ было очень неудовлетворительнымъ (изъ учителей навигацкой школы, повидимому, одинъ только математикъ Леонтій Магницкій отличался недюжинными педагогическими способностями). А между тѣмъ ходъ государственныхъ преобразованій естественно дѣлалъ царя все болѣе и болѣе требовательнымъ. «Дѣйствительно, Петръ, выражаясь словами историка (проф. Рождественскаго), цѣнилъ въ своихъ работникахъ не одно техническое мастерство, не однѣ золотыя руки, но и свѣтлую голову, самостоятельный взглядъ, предпріимчивость... Типичный дѣятель Петровской эпохи—не узкій спеціалистъ, достигшій совершенства въ техникѣ своей спеціальности, но въ ней одной и замкнувшійся; это—мастеръ на всѣ руки, способный самостоятельно взяться за новое непривычное дѣло»... Повышающимися требованіями государства и объясняется развитіе первоначальнаго узкопрофессіональнаго образованія въ сторону сближенія съ общимъ. Кромѣ того, какъ сказано, само общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ вдумчивыхъ представителей, доходило постепенно до сознанія цѣнности науки самой по себѣ, а не только въ ея практическомъ примѣненіи. Впрочемъ, въ чистомъ видѣ такое сознаніе почти не проглядываетъ въ проектахъ по народному просвѣщенію, составлявшихся современниками Петра: обыкновенно оно смѣшивается съ идеей государственной пользы, духовно-нравственнаго просвѣщенія или сословныхъ интересовъ. Такъ, напр., извѣстный прибыльщикъ Курбатовъ, ревнуя о государственной пользѣ, предлагалъ устроить въ Петербургѣ и Москвѣ учебныя заведенія съ широкой общеобразовательной программой—именно, «академіи свободныхъ разныхъ наукъ,

на разныхъ діалектахъ, какъ церковныхъ, гражданскихъ, такъ и военныхъ». Ѳ. Салтыковъ составилъ планъ «всенароднаго обученія» посредствомъ основанія особыхъ закрытыхъ мужскихъ и женскихъ («чтобъ и женской нашъ народъ уравнялся съ европскими государствами равно») учебныхъ заведеній; сюда люди всякихъ чиновъ, принудительно, подъ угрозой штрафа, должны отдавать своихъ дѣтей на весьма долгій срокъ: ученики находятся тамъ отъ 6 до 23 лѣтъ, а ученицы отъ 6 до 15. Продолжительное пребываніе въ закрытыхъ заведеніяхъ имѣетъ, по мнѣнію Салтыкова, важное воспитательное значеніе: «когда то молодыхъ людей собраніе, пишетъ онъ, отъ юности своей купно всегда между собою будетъ, тогда они будутъ натуры свои обощрять безпрестаннымъ своимъ обхожденіемъ лучше, нежели какъ нынѣ дворянскія дѣти свое воспитаніе имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому, какъ лѣсъ нечищенный растетъ», а дѣвицы, будучи вмѣстѣ, «гораздо будутъ умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужества, не знавъ обхожденія людского и разговоровъ». По мысли Салтыкова, такія академіи должны содержаться на монастырскія средства, а преподавателями въ нихъ слѣдуетъ приглашать иностранцевъ; программа—чрезвычайно пространная: въ мужскихъ академіяхъ—5 языковъ, около 20 наукъ и всевозможныя искусства (архитектура, музыка, пиктура, скульптура, миніатюра, танцы), въ женскихъ—предметы «для домоводства», «для изящества въ языкахъ», «для забавы», для «въ компаніяхъ веселаго обхожденія». Весьма любопытенъ также проектъ неизвѣстнаго автора, относящійся къ 1715 г., «о учрежденіи въ Россіи академіи политики для пользы государственныхъ канцелярій». Указанной чисто практической цѣли (подготовка чиновниковъ) вовсе не соотвѣтствуетъ предполагаемая общеобразовательная программа академіи, которая должна вмѣщать всевозможныя самыя сложныя науки до медицины и астрологіи включительно. Интересно отмѣтить, что авторъ проекта является противникомъ приглашенія иностранныхъ учителей и разсчитываетъ приспособить къ преподаванію «особъ изъ чиновъ монастырскихъ».

О привлеченіи духовныхъ лицъ къ просвѣщенію народа мечтаютъ также авторы очень незатѣйливыхъ и простыхъ образовательныхъ плановъ—крестьянинъ Посошковъ и Аврамовъ. Оба они стоятъ на почвѣ стараго церковнаго міровоззрѣнія и видятъ во всенародномъ обязательномъ обученіи посредствомъ пастырской проповѣди и распространенія полезныхъ книжекъ (нравоученій, прилагаемыхъ къ требникамъ, и спеціально издаваемыхъ «малыхъ тетрадочекъ») прежде всего религіозно-нравственное совершенствованіе, насажденіе правды Господней и путь къ спасенію души. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ умный Посошковъ отлично сознаетъ и ту огромную практическую пользу, которую крестьянство можетъ извлечь изъ всеобщаго обученія.

Иначе смотритъ на народное образованіе наиболѣе яркій представитель дворянской интеллигенціи первой половины XVIII вѣка ученый географъ и историкъ В. Н. Татищевъ. Просвѣщеніе онъ оцѣниваетъ не съ религіозной, а съ чисто-свѣтской раціоналистической точки зрѣнія. Въ самопознаніи онъ видитъ высшую цѣль человѣка, а въ образованности—его «истинное благополучіе», духовное и физическое совершенствованіе. Ему принадлежитъ остроумная классификація наукъ на нужныя, полезныя, щегольскія или увеселяющія, любопытныя и вредительныя, распредѣленіе ихъ по цикламъ низшаго, средняго и высшаго образованія, проектъ созданія особаго учрежденія для завѣдыванія школьнымъ дѣломъ и очень вдумчивая критика существовавшихъ въ его время учебныхъ заведеній. Но при всей широтѣ и интеллигентности своихъ взглядовъ Татищевъ является типичнымъ и убѣжденнымъ представителемъ шляхетства. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы дворянство «особно отъ подлости (т. е. простого народа) отдѣлено было», нападаетъ на тѣ школы, гдѣ шляхетскія дѣти, «имѣя съ подлостью безъ призрѣнія родительскаго обхожденіе, могутъ скорѣе пристойность и благонравіе погубить»; на обученіе крестьянъ онъ смотритъ съ помѣщичьей точки зрѣнія, рекомендуя сообщать имъ такія знанія, которыя способствуютъ лучшему исполненію ихъ обязанностей по отношенію къ господину и содѣйствуютъ благоустройству господскаго хозяйства. Такимъ образомъ Татищевъ защищаетъ общее, но сословное и притомъ приноровленное къ интересамъ шляхетства образованіе.

Проекты по народному образованію составлялись не только передовыми русскими людьми, но и иностранцами, радѣвшими о прогрессѣ Россіи. Такъ, напр., знаменитый нѣмецкій философъ Лейбницъ, живо интересовавшійся преобразованіями Петра, представлялъ ему свои просвѣтительные планы. Высоко цѣня абсолютное и моральное значеніе науки («истинная цѣль ея есть блаженство людей») и проектируя учрежденіе цѣлаго ряда ученыхъ обществъ для развитія ея, Лейбницъ однако также не оставался на почвѣ чистаго общаго образованія, а приспособлялъ его къ профессіональнымъ, практическимъ цѣлямъ. Сознавая необходимость устройства центральной учебной администраціи («ученой коллегіи») для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ, онъ думалъ возложить на нее цѣлый рядъ вполнѣ практическихъ заботъ (напр., объ улучшеніи соляного и мыловареннаго промысловъ и т. д.). Другой иноземецъ, Люберасъ, предлагалъ учредить особую «полицейскую коллегію» и вмѣнить ей въ обязанность возбуждать въ народѣ потребность къ образованію, а также заботиться о подготовкѣ чиновниковъ.

Изъ изложеннаго видно, что даже тѣ лица, которыя умѣли цѣнить значеніе общаго образованія, приноровляли его однако къ практическимъ нуждамъ государства, къ «государственной пользѣ».

Попытки насажденія общаго образованія.

Сознаніе важности общаго образованія приводило не только къ расширенію программы профессіональныхъ шляхетскихъ учебныхъ заведеній, но и къ попыткамъ учрежденія новыхъ школъ. Такъ, напр., при Петрѣ приказано было священникамъ «строить школы и учить разнымъ наукамъ». Но такъ какъ при этомъ не указывалось, на какія средства должны создаваться подобныя училища, и что именно слѣдуетъ преподавать въ нихъ, то, очевидно, этотъ приказъ остался мертвой буквой. Немного болѣе удачны были попытки нѣкоторыхъ иностранцевъ заводить при матеріальной поддержкѣ правительства «разноязычныя школы» (имѣвшія характеръ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній). Изъ нихъ наибольшую извѣстность заслужила школа, основанная плѣннымъ маріенбургскимъ пасторомъ Глюкомъ «для общія всенародныя пользы и для тѣхъ людей, которые своею охотою приходятъ». Уроки продолжались въ ней по 12 часовъ въ день. Программа была очень широковѣщательной. По словамъ историка (проф. Ключевскаго), въ нее входили: «географія и этика, и политика, и латинская риторика съ ораторскими упражненіями, и философія, и языки: французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій, танцовальное искусство, «тѣлесное благолѣпіе» и «комплименты нѣмецкіе и французскіе». Едва ли, конечно, эта программа исполнялась, да и сама школа существовала не болѣе десяти лѣтъ, такъ что важной роли въ исторіи русскаго просвѣщенія она не играла.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ занятъ былъ выработкой проекта академіи наукъ, при которой должны были состоять университетъ и гимназія. Такое соединеніе представлялось ему выгоднымъ и полезнымъ: академія — собраніе ученыхъ, разрабатывающихъ научные вопросы, университетъ — «собраніе ученыхъ, преподающихъ младымъ людямъ высокія науки», гимназія — подготовительная ступень къ университету. Царь надѣялся при помощи этихъ учрежденій «расплодить въ своей странѣ науки», «людей своихъ елико мощно скорѣе обучити», «водворить художества и ремесла». Петру не удалось дожить до открытія Академіи, которая съ нѣсколько измѣненнымъ уставомъ начала дѣйствовать лишь при его преемницѣ.

Средства внѣшкольнаго образованія.

Царь не мало заботился также о внѣшкольномъ образованіи и даже о воспитаніи своихъ подданныхъ. Такъ, напр., образовательнымъ цѣлямъ должно было служить устройство кунстъ-камеры (т. е. музея), изданіе газеты, а также цѣлаго ряда книгъ научнаго и наставительнаго характера, воспитательнымъ — организація такъ называемыхъ ассамблей, т.-е. періодическихъ собраній для танцевъ, разныхъ развлеченій и свѣтскихъ бесѣдъ (эти собранія напоминали нынѣшніе журъ-фиксы).

Съ любопытствомъ разсматривая въ заграничныхъ музеяхъ всякія диковинки, царь заботливо собиралъ и у себя на родинѣ коллекціи разныхъ «раритетовъ, монстровъ и куріозите». По этому поводу былъ даже изданъ специальный указъ, повелѣвавшій доставлять въ петербургскую кунстъ-камеру различныхъ «монстровъ, т.-е. уродовъ человѣческой, звѣрской и птичьей породы», живыхъ и мертвыхъ, за что назначалась довольно высокая плата. Посѣщать кунстъ-камеру могли всѣ безплатно: «чтобы люди смотрѣли и учились», Петръ находилъ нужнымъ «охотниковъ пріучать, подчивать и угощать, а не деньги съ нихъ брать».

Съ января 1703 г. начала правильно выходить въ свѣтъ первая русская газета «Вѣдомости». По словамъ историка (Князькова), «на свое газетное предпріятіе Петръ сознательно возложилъ большую культурную работу. «Вѣдомости» должны были не только проводить и распространять новыя знанія въ народѣ, но и, знакомя русскихъ людей постоянно съ иностранной жизнью, тѣмъ самымъ способствовать ихъ сближенію съ образованнымъ Западомъ». Поэтому царь не только подбиралъ и редактировалъ статьи для этой газеты, но даже сплошь и рядомъ правилъ ея корректуру. Онъ же просматривалъ переводы издаваемыхъ по его распоряженію иностранныхъ книгъ, посвященныхъ политическимъ, философскимъ и историческимъ вопросамъ. Не оставленъ былъ безъ вниманія и простой народъ. Для просвѣщенія его издавались «нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть», и которыя должны читаться «по частямъ въ недѣльные и праздничные дни въ церкви передъ народомъ».

Придавая огромное значеніе распространенію печатнаго слова, Петръ позаботился также о типографской реформѣ: трудный и неудобный церковно-славянскій шрифтъ былъ значительно упрощенъ и, сблизившись по своему начертанію съ латинскимъ, превратился въ новый такъ называемый гражданскій шрифтъ, который въ нѣсколько измѣненномъ видѣ существуетъ и донынѣ. (Упрощеніе прежняго шрифта производилось исподволь голландскими наборщиками, печатавшими русскія книги, окончательно же онъ установленъ самимъ царемъ). Первая набранная имъ книга: «Геометрія, славенски землемѣріе» появилась въ 1708 г. Тогда же была напечатана и другая книга: «Приклады, како пишутся комплименты разные поздравительные и сожалѣтельные и иные». Это сочиненіе имѣло своей цѣлью привить столичному русскому обществу западно-европейскую «людскость», т.-е. свѣтскость. Еще большій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ». Оно является какъ бы кодексомъ свѣтскихъ обычаевъ и благопристойныхъ манеръ и содержитъ, напр., такія предписанія: громко не смор-

каться и не чихать, перстомъ носа не чистить, губъ рукой не утирать, руками по столу не колобродить, перстовъ не облизывать и т. д.

Практически упражняться въ «людскости» столичные жители должны были на ассамблеяхъ. Какъ и все другое, задуманное Петромъ, онѣ вводились также принудительнымъ способомъ. Изданъ былъ указъ устраивать въ разныхъ домахъ попеременно собранія, «куда вольно всякому придти, какъ мужскому, такъ и женскому», и гдѣ можно провести время не только за танцами и забавами, но и за дѣловыми разговорами. Здѣсь не требовалось ни изысканнаго угощенія, ни встрѣчъ, ни проводовъ, ни этикета: со всѣми обходились запросто, даже съ самимъ царемъ, который былъ очень усерднымъ посѣтителемъ ассамблей, оживленнымъ собесѣдникомъ, изобрѣтателемъ замысловатыхъ развлеченій и неутомимымъ дирижеромъ танцевъ. Благодаря энергіи царя, ассамблеи, очень смущавшія на первыхъ порахъ русскихъ дамъ, не привыкшихъ къ мужскому обществу, къ шумнымъ удовольствіямъ и моднымъ платьямъ, мало-по-малу привились: натянутость и грубость, свойственныя имъ вначалѣ, исчезли, въ высшихъ слояхъ столичнаго общества стала устанавливаться «свѣтская жизнь и тонкій вкусъ».

Ассамблеи были, конечно, не у всѣхъ одинаковыми. Въ нѣкоторыхъ домахъ онѣ далеко не отличались изысканностью: въ одной и той же комнатѣ и плясали и пѣли; атмосфера была прокопчена табачнымъ дымомъ, пропитана запахомъ пива и колбасы. Въ дворцахъ же вельможъ задавались благоухающіе балы, не уступавшіе роскошнымъ версальскимъ торжествамъ. Столь же различно было и времяпрепровожденіе: чинные минуеты и полонезы смѣнялись порою дикими шутовскими выходками. Такъ, напр., распространенъ былъ обычай налагать оригинальный штрафъ на провинившихся гостей, на тѣхъ, «кто лишнее вралъ и другихъ задиралъ»: ихъ заставляли залпомъ осушать огромный кубокъ «орла». За соблюденіемъ этого обычая всегда слѣдилъ самъ царь, который, впрочемъ, не останавливался и передъ другими, еще менѣе деликатными наказаніями для «вралей» и хвастуновъ. Вообще Петръ не всегда былъ веселымъ изобрѣтателемъ замысловатыхъ па и непринужденнымъ собесѣдникомъ: иногда онъ наводилъ ужасъ на присутствующихъ своимъ мрачнымъ настроеніемъ, и только его второй супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ удавалось нѣсколько успокоить и разсѣять его. Случалось и такъ, что царь, чувствуя себя усталымъ и раздраженнымъ, уходилъ на время отъ гостей, чтобы выспаться, и возвращался затѣмъ привѣтливымъ и веселымъ. Любопытно, что во время его отдыха гостямъ не позволялось расходиться, для чего къ дверямъ дома, гдѣ происходила ассамблея, приставлялся иногда часовой.

Ассамблеи были обычнымъ, такъ сказать, регулярнымъ развлеченіемъ. Въ особо же торжественныхъ случаяхъ устраивались затѣй-

ливые фейерверки и шумные маскарады. Петръ былъ большимъ любителемъ ихъ и даже въ пожиломъ возрастѣ не чуждался тѣхъ потѣхъ, которыми забавлялся когда-то въ селѣ Преображенскомъ въ началѣ своего царствованія. Такъ, напр., въ 1714 г. праздновалась съ разными шутовскими церемоніями свадьба престарѣлаго «кокуйскаго патріарха» Никиты Зотова. Затѣмъ его вдову выдали замужъ за «князь-папу» Бутурлина, причемъ во время свадебной процессіи этотъ «папа» вмѣстѣ съ «кардиналами», набранными изъ горчайшихъ пьяницъ, долженъ былъ плавать въ огромномъ чанѣ съ пивомъ.

Очевидно, что, какъ прежде, такъ и теперь, подобныя увеселенія вызывали большое негодованіе, особенно со стороны духовенства, неодобрявшаго вообще всей правительственной дѣятельности Петра.

§ 19. Церковныя мѣропріятія.

Отношеніе Петра I къ духовенству.

Нововведенія Петра, задѣвавшія интересы многихъ его современниковъ, пристрастно-оцѣниваемыя ими и казавшіяся имъ поэтому полной ломкой древнихъ русскихъ устоевъ и безповоротнымъ отказомъ отъ старины, вызывали почти что всенародное недовольство. Петръ работалъ въ полномъ смыслѣ на раскаленной почвѣ; онъ, по словамъ одного преданнаго ему современника (Посошкова), «самъ-десятъ въ гору тянулъ, а подъ-гору милліоны тянули». Однако царь благодаря своей желѣзной энергіи справлялся съ этими милліонами, хотя для этого ему приходилось не останавливаться ни передъ какими мѣрами жестокости. Но онъ страшился, что разсѣянныя повсемѣстно искры протеста, направляемыя одной одушевляющей силой, могутъ слиться въ огромный пожаръ, который испепелитъ его дѣло; онъ боялся, что разрозненно дѣйствующіе его противники могутъ объединиться вокругъ одного главы и получить вслѣдствіе этого огромную мощь. Силу, одушевляющую недовольныхъ, Петръ видѣлъ въ приверженномъ къ старинѣ духовенствѣ; ихъ возможнаго главу — въ патріархѣ. Отсюда—его стремленіе подчинить Церковь свѣтской власти, завершившееся уничтоженіемъ патріаршества и замѣной его въ 1721 г. Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, который, по мысли Петра, долженъ быть вполнѣ зависимымъ отъ государя. На Церковь онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, какъ онъ ихъ понималъ. Къ этому побуждалъ его и личный характеръ и наблюденія надъ окружающимъ. Хотя царь былъ начитанъ въ Священномъ Писаніи, любилъ цитировать его въ своей перепискѣ и указахъ, любилъ выступать чтецомъ во время богослуженія, однако истинное религіозное чувство было чуждо ему. Къ тому же современное духовенство его не удовлетворяло. Да и нельзя отрицать, что въ его время религіозно-нравственная жизнь какъ духовенства, такъ

и мірянъ не стояла на должной высотѣ. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что къ началу XVIII вѣка Русская Церковь еще не вполнѣ оправилась отъ тѣхъ потрясеній, которыя связаны были съ происхожденіемъ раскола. Рядовое духовенство, въ особенности сельское, не освоилось еще съ ново-исправленными книгами. Пожеланія собора 1667 г. о поднятіи его просвѣщенія, по большей части, остались неисполненными, и при Петрѣ сплошь и рядомъ полуграмотные и даже безграмотные люди рукополагались въ священники. Очень дурно поставленные въ матеріальномъ отношеніи, третируемые свысока епископами (относившимися къ нимъ по-никоновски), тѣснимые епархіальными приказными людьми, приходскіе священники часто влачили жалкое существованіе, едва не нищенствовали, ссорились изъ-за требъ, вели недостойный образъ жизни, не останавливаясь порою и передъ преступленіями. Вслѣдствіе этого падалъ ихъ нравственный авторитетъ въ глазахъ паствы: простонародье выражало это уклоненіемъ отъ исполненія религіозныхъ обязанностей (бывали случаи, что крестьяне до самой старости не говѣли), а люди побогаче и повліятельнѣе не стыдились оскорблять священниковъ даже въ облаченіи и во время совершенія требъ. «Паства, по словамъ историка (Князькова), опускалась до глубинъ невѣжества, грубости, безнравственности, равнодушія къ вопросамъ вѣры, суевѣрнаго отношенія къ нимъ». Все это отлично замѣчали и современники. Одинъ изъ нихъ—св. Димитрій Ростовскій въ слѣдующихъ словахъ выражалъ свое негодованіе: «Окаянное наше время, въ которое такъ пренебрежено сіяніе слова Божія! и не знаю, кого прежде надобно винить: сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ; іереи небрегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ». Петръ также еще въ годы юности упрекалъ патріарха Адріана въ томъ, что «священники ставятся малограмотные, надобно ихъ сначала научить таинствамъ, а потомъ ужъ ставить въ священный чинъ». Чуждый глубокой религіозности и неудовлетворенный духовенствомъ, царь корилъ его за тунеядство, не стѣснялся вышучивать на своихъ пирушкахъ церковныя церемоніи. Къ этому вышучиванію присоединялось и озлобленіе. Съ ранней юности, со времени стрѣлецкаго бунта и соперничества съ сестрой, Петръ считалъ духовныхъ лицъ своими противниками. Съ особенной непріязнью относился онъ къ монашеству. «Монастырь, по словамъ историка, въ глазахъ Петра — совершенно лишнее учрежденіе и къ тому же очагъ смутъ и бунтовъ». Мало дружелюбны были также отношенія къ патріарху. Адріанъ (преемникъ Іоакима) роптал на бурныя юношескія забавы Петра, осуждалъ брадобритіе и другія нововведенія, пытался вступиться за стрѣльцовъ во время страшнаго розыска 1698 г. Встрѣтивъ однако рѣзкій от-

поръ со стороны Петра, онъ замкнулся въ себѣ и замолкъ, замолкъ съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Даже такой молчаливый пассивный протестъ слабовольнаго и покладливаго Адріана раздражалъ царя.

Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Поэтому, когда въ 1700 г. Адріанъ скончался, Петръ, по совѣту одного близкаго человѣка (Курбатова), рѣшилъ повременить съ избраніемъ ему преемника. Трудно сказать, надѣялся ли онъ подыскать соотвѣтствующаго своимъ взглядамъ патріарха, или уже теперь рѣшилъ вовсе уничтожить этотъ санъ, опасаясь, что на патріаршемъ престолѣ можетъ появиться такая властная натура, какъ Никонъ. Пока же блюстителемъ патріаршаго престола сдѣланъ былъ малороссъ по происхожденію, питомецъ Кіевской Академіи, только что избранный рязанскимъ митрополитомъ Стефанъ Яворскій. Впрочемъ, за нимъ были оставлены исключительно духовныя обязанности, всѣ же мірскія и хозяйственныя дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи патріарха, переданы возстановленному въ 1701 г. Монастырскому приказу (во главѣ его стоялъ Мусинъ-Пушкинъ, очень властно, прямо по-начальнически относившійся къ блюстителю). Петръ остановился на Яворскомъ, какъ на человѣкѣ, получившемъ блестящее по тому времени богословское образованіе, и какъ на малорусскомъ уроженцѣ, который очень недавно пріѣхалъ въ Россію и, слѣдовательно, былъ чуждъ непріятнымъ Петру старомосковскимъ традиціямъ. И дѣйствительно Яворскій усердно насаждалъ схоластику, поставлялъ въ архіереи малороссіянъ, старательно прославлялъ Петра въ своихъ холодныхъ напыщенныхъ рѣчахъ. Однако ему не чужды были теократическіе взгляды, и онъ не могъ примириться съ воззрѣніемъ Петра на Церковь, какъ на покорное орудіе въ рукахъ государственной власти. Поэтому, чѣмъ сильнѣе волна государственныхъ преобразованій вторгалась въ область Церкви, тѣмъ рѣзче дѣлались намеки Стефана на непозволительность петровской реформы. Конечно, все это не представляло особенной опасности, тѣмъ болѣе, что колеблющійся и половинчатый Стефанъ, выступая противъ Петра, тотчасъ же отступалъ назадъ, заметывалъ слѣды своихъ намековъ, перетолковывалъ ихъ въ смягченномъ смыслѣ и въ своихъ посланіяхъ выражалъ безпредѣльную преданность царю, уснащая свою подпись самыми покорными эпитетами: «недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій». Тѣмъ не менѣе Стефанъ не избѣжалъ преслѣдованій: стѣсняемый въ правѣ проповѣди, подвергаемый частымъ допросамъ, подозрѣваемый въ заговорахъ, онъ въ концѣ концовъ потерялъ всякое значеніе, а въ 1721 г. почти что насильно сдѣланъ былъ президентомъ новаго учрежденія, окончательно замѣнившаго собою патріаршество — Синода.

Надъ разработкой устава Синода, изложеннаго въ такъ называемомъ «Духовномъ Регламентѣ», трудился другой, тоже пріѣзжій іерархъ Русской Церкви—епископъ Псковскій Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Прошлое его очень интересно: окончивъ Кіевскую Академію, онъ, переселившись въ Польшу, сдѣлался уніатомъ, затѣмъ для окончанія образованія отправился въ Римъ, едва не поступилъ въ іезуитскій орденъ, потомъ вернулся въ православіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникся извѣстной симпатіей къ протестантизму. Въ противоположность Яворскому онъ былъ противникомъ теократіи и считалъ «терномъ, змѣинымъ жаломъ и папскимъ духомъ взглядъ, будто священство и монашество могутъ не повиноваться государственной власти». «Священство, по его мнѣнію, есть особое сословіе въ государствѣ, а не особое государство». Петра и Меншикова Прокоповичъ очаровалъ своею хвалебной рѣчью по поводу Полтавской битвы, и съ этого времени онъ сдѣлался главнымъ сотрудникомъ царя во всѣхъ его церковныхъ мѣропріятіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ и искреннимъ истолкователемъ и защитникомъ всякихъ петровскихъ преобразованій. Обладая широкимъ образованіемъ, большой практической смѣткой, сильнымъ краснорѣчіемъ и отличною наблюдательностью, Ѳеофанъ безукоризненно исполнялъ свою роль. Вышедшій изъ-подъ его пера «Духовный Регламентъ» вѣрно отражалъ взгляды преобразователя на церковное управленіе и на задачи Церкви. Сущность церковной реформы Петра сводилась къ слѣдующему:

Синодъ. Единоличная власть патріарха замѣнялась Св. Синодомъ, т. е. коллегіальнымъ учрежденіемъ, соборнымъ правительствомъ, «установленнымъ монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ» и «поставленнымъ такимъ образомъ въ непосредственную зависимость отъ верховной власти»: члены [1]) Синода назначались исключительно повелѣніемъ государя и при вступленіи въ должность обязывались «исповѣдывать крайняго судью духовныя сея коллегіи быти самаго всероссійскаго монарха».

Побужденія къ такой реформѣ были откровенно высказаны въ «Духовномъ Регламентѣ».

«Простой народъ, говорится тамъ, не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, удивляемый великою честью и славою высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. Простыя сердца такъ развращаются этимъ мнѣніемъ, что не столько смотрятъ на самодержца, сколько на верховнаго пастыря. И, когда случится между ними распря, всѣ сочувствуютъ больше духовному правителю,

---

[1]) Первоначально членамъ Синода даны были тѣ же названія, какъ и должностнымъ лицамъ коллегій: именно: президентъ (Яворскій), 2 вице-президента (пользовавшійся дурной славой среди современниковъ типичный карьеристъ и придворный льстецъ Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ), четыре совѣтника и четыре ассесора. Впослѣдствіи эти названія замѣнены были слѣдующими: первоприсутствующій, члены Синода и присутствующіе въ Синодѣ.

чѣмъ мірскому... А что, если и самъ пастырь, возгордившись такимъ о себѣ мнѣніемъ, не будетъ дремать».

Отъ соборнаго же правленія, по мысли Регламента, «можно не опасаться отечеству мятежей и смущенія, такъ какъ, когда народъ увидитъ, что оно установлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ».

Помимо такого отрицательнаго основанія противъ возстановленія патріаршества у Петра было и положительное. Увлекаясь вообще коллегіальной системой и распредѣливъ отрасли государственнаго управленія между коллегіями, онъ надѣялся внести и въ церковное дѣло большій порядокъ, поручивъ его коллегіальному учрежденію. Есть извѣстіе, что первоначально, по мысли Петра, Синодъ, учрежденный 1 января 1721 года, и приравнивался къ коллегіямъ, подчиненнымъ Сенату, и лишь, когда въ первомъ торжественномъ засѣданіи 14 февраля члены Синода указали на неудобство такого приниженія его, Петръ разрѣшилъ ему именоваться Святѣйшимъ и Правительствующимъ и юридически (но не фактически) приравнялъ его къ Правительствующему Сенату.

Синоду, по словамъ историка (проф. Горчакова), принадлежитъ власть законодательная, административная и судебная. Первая бываетъ трехъ родовъ. Въ однихъ случаяхъ Синодъ дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно. Это—исключительно «предметы ученія вѣры, религіозной нравственности, богослуженія, истолкованіе каноновъ вселенской Церкви». Въ другихъ случаяхъ постановленія Синода утверждаются верховной властью. Въ эту область входятъ обыкновенно «проекты законовъ касательно такихъ установленій, которыя относятся исключительно къ составу вѣдомства православнаго исповѣданія и не подлежатъ вѣдѣнію иныхъ учрежденій государства», именно это—«проекты узаконеній относительно учрежденій вѣдомства Свят. Синода» (приходовъ, монастырей, духовныхъ учебныхъ заведеній и т. д.). Наконецъ, Синодъ приглашается къ участію въ законодательной дѣятельности другихъ вѣдомствъ, поскольку она касается церковныхъ вопросовъ. Административная власть Синода заключается въ завѣдываніи «всѣми учрежденіями русской Церкви по всѣмъ сторонамъ и предметамъ церковнаго управленія» и представленіи или назначеніи соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ. Какъ судебной инстанціи, Синоду подвѣдомственны «преступленія противъ вѣроученія, постановленій Церкви, нравственности, правилъ и законовъ о бракѣ,—преступленія духовныхъ лицъ противъ должности, благочинія и благоповеденія,—споры о церковныхъ правахъ и отношеніяхъ» и проч. Синодъ налагаетъ и высшія церковныя наказанія. Наконецъ, ему принадлежитъ также надзоръ за религіозно-нравственнымъ состояніемъ православнаго населенія Россіи; онъ можетъ обна-

подывать грамоты по случаю государственныхъ событій, назначать молитвословія и т. д.

Изъ всего сказаннаго видно, что дѣятельность Синода носитъ совершенно церковный характеръ, и отъ проявленій ея нельзя ждать столкновенія съ государственной властью. Къ тому же для надзора за нею учреждена была особая должность оберъ-прокурора.

Оберъ-прокуроръ Свят. Синода долженъ былъ, по мысли Петра, являться «государевымъ окомъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ» въ Синодѣ. Юридическая власть его была очень велика. Онъ долженъ былъ быть живѣйшимъ посредникомъ между монархомъ и Синодомъ, строго наблюдать за законностью дѣйствій послѣдняго и, въ случаѣ нарушенія ея, представлять протесты или дѣлать доклады государю, имѣлъ право предлагать на разсмотрѣніе Синода тѣ или другія дѣла. Такимъ образомъ, по положенію оберъ-прокуроръ не уступалъ генералъ-прокурору Сената, и инструкціи имъ были даны одинаковыя. Однако, на самомъ дѣлѣ оберъ-прокуроры долго не имѣли такого значенія, и не мало было потрачено ими времени и труда, чтобы сначала превратить свою юридическую независимость отъ Синода въ фактическую, а затѣмъ и подчинить себѣ его.

Подчиняя Церковь государству, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ стремился сократить расходы на нее и воспользоваться ея средствами для государственныхъ нуждъ. Съ этою цѣлью сокращено было число духовныхъ лицъ установленіемъ особыхъ штатовъ для приходовъ (на извѣстное число дворовъ полагалось не болѣе опредѣленнаго количества священниковъ и діаконовъ). Многіе церковные люди, какъ сказано выше, были записаны въ подушный окладъ; право постриженія въ монашество было сильно ограничено «для избѣжанія въ государственной службѣ умаленія». Стѣснялась постройка новыхъ церквей и монастырей (особенныя гоненія воздвигнуты были на такъ называемые скиты и пустыни: «Духовный Регламентъ» доказывалъ, что «пустынямъ прямымъ быть въ Россіи холоднаго ради воздуха невозможно»). Существующіе монастыри приспособлялись для помѣщенія больныхъ и инвалидовъ, для устройства училищъ, однимъ словомъ, для того, что Петръ считалъ полезнымъ съ государственной точки зрѣнія. На духовенство возлагалась обязанность оправдывать и защищать передъ мірянами всѣ петровскія преобразованія и оповѣщать правительство о злоумышленникахъ (священникъ, узнавъ на исповѣди о какомъ-нибудь государственномъ преступленіи, долженъ былъ подъ страхомъ казни довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства).

Изъ другихъ мѣропріятій церковной политики Петра слѣдуетъ отмѣтить установленіе терпимаго отношенія къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ (разрѣшены были, напр., смѣшанные браки) и прекращеніе преслѣдованій старообрядцевъ за приверженность къ расколу. Однако эти преслѣдованія возобновились со страшной силой, когда царь убѣдился, что раскольники являются главными противниками его преобразовательной дѣятельности.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отношенiе къ Петру I современниковъ, послѣдующихъ поколѣнiй и исторической науки.

§ 20. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, какъ глава противниковъ Петровскихъ преобразованiй.

Воспитанiе и личность Алексѣя Петровича.

Въ то время, какъ Петръ готовился къ уничтоженiю патрiаршества, надѣясь этимъ лишить недовольныхъ объединяющаго ихъ центра, въ его собственной семьѣ росъ человѣкъ, на котораго противники преобразованiй смотрѣли какъ на своего вождя и единую надежду. Это былъ сынъ его отъ перваго брака съ Евдокiей Лопухиной—царевичъ Алексѣй Петровичъ, родившiйся въ 1690 году. До 8-ми-лѣтняго возраста онъ жилъ при своей матери и очень рѣдко видѣлся съ отцомъ: Петръ скоро охладѣлъ къ Евдокiи, избѣгалъ встрѣчъ съ нею и потому мало обращалъ вниманiя на сына нелюбимой жены. Въ свою очередь послѣднiй, живя среди опальныхъ людей, не могъ искренно привязаться къ отцу и, повидимому, съ первыхъ проблесковъ сознанiя болѣе «боялся» его, чѣмъ любилъ. Съ наступленiемъ отроческихъ лѣтъ царевичъ былъ отнятъ отъ матери (которая, какъ сказано, удалена была въ монастырь) и отданъ на попеченiе тетки (родной сестры Петра) Наталiи Алексѣевны и наставниковъ, русскаго—Вяземскаго и нѣмцевъ: сперва Нейгебауэра (постоянно ссорившагося съ Вяземскимъ), затѣмъ Гюйсена. Отцовскаго влiянiя попрежнему не было, такъ какъ въ это время гремѣла Сѣверная война, всецѣло поглощавшая Петра... и Алексѣй Петровичъ выросъ полною противоположностью отцу. Онъ проявлялъ большой умъ, но умъ медлительный, теоретическiй, чуждавшiйся практики и неумѣвшiй схватывать на-лету. Онъ отличался чисто русскою набожностью, былъ начитанъ, но лишь въ области наукъ гуманитарныхъ: техника, восторгавшая его отца, претила ему. Къ этому присоединилось еще слабое здоровье, разстроенное притомъ раннимъ пристрастiемъ къ вину, неподвижность, нелюбовь къ дѣятельности, отвращенiе къ суетливости, въ чемъ бы она ни проявлялась, и замкнутый, нерѣшительный, колеблющiйся и въ то же время упрямый характеръ, дѣлавшiй его неспособнымъ къ смѣлому отстаиванiю своихъ взглядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неподатливымъ къ чужимъ убѣжденiямъ, если они противорѣчили его собственнымъ. Въ общемъ Алексѣй Петровичъ несравненно болѣе походилъ на своего дѣда и старшаго дядю—Өеодора, чѣмъ на отца. Своими симпатiями онъ тяготѣлъ не къ Петербургу, а къ Москвѣ, обвѣянной западно-русскимъ просвѣщенiемъ и прiобщаемой къ культурѣ, но не затро-

нутой той ломкой, которую онъ, подобно большинству современниковъ, видѣлъ въ преобразованіяхъ Петра.

Причины охлажденія между отцомъ и сыномъ.

Петръ не имѣлъ ни времени, ни охоты разбираться въ сложной психологіи сына и своимъ отношеніемъ не привлекалъ, а все больше отталкивалъ его. Привыкнувъ дѣйствовать всегда принужденіемъ и строгостью, онъ также поступалъ и съ царевичемъ. Не имѣетъ охоты къ работѣ—нужно *приневолить* къ ней; чуждается нѣмецкой культуры — *надо послать заграницу и женить* на *нѣмецкой* принцессѣ,—таковы были педагогическіе пріемы, примѣнявшіеся Петромъ. На болѣзненнаго юношу, не получившаго притомъ никакой практической подготовки, онъ сталъ возлагать сложныя военныя порученія и жестоко взыскивать за плохое исполненіе ихъ. Убѣдившись, что бранью и побоями многому не научишь, онъ обратился къ излюбленному своему средству—отправилъ сына на выучку въ Германію, гдѣ подыскалъ ему и невѣсту—принцессу Бланкенбургъ-Вольфенбюттельскую Софію-Шарлотту. Этотъ бракъ, хотя и заключенный по чужой указкѣ, могъ бы быть счастливымъ, если бы самъ царь не испортилъ его: постоянно отвлекая сына разными порученіями отъ жены, оставляя послѣднюю безъ всякихъ средствъ, чуть не на голодную смерть, онъ невольно разстраивалъ этимъ семейное счастье царевича.

Алексѣй Петровичъ, попрежнему грозно понукаемый къ работѣ отцомъ, успѣлъ къ этому времени окончательно проникнуться чувствомъ глубокаго молчаливаго протеста противъ него, граничащаго съ пламенной ненавистью. Въ кругу своихъ близкихъ онъ горько жаловался на Петра, не останавливаясь передъ желаніемъ ему смерти. Дальше глухихъ стоновъ и сдавленныхъ проклятій онъ, впрочемъ, не шелъ, такъ какъ питалъ къ отцу прямо животный страхъ и, конечно, чувствовалъ себя безсильнымъ къ борьбѣ съ нимъ. Но иначе думали безчисленные противники Петра: въ ихъ глазахъ опальный царевичъ былъ единымъ оплотомъ, и они инстинктивно льнули къ нему. Особенно тяготѣло къ нему наиболѣе обиженное Петромъ духовенство, и протопопъ Яковъ Игнатьевъ постарался занять при Алексѣѣ Петровичѣ такое же мѣсто, какое нѣкогда занималъ Никонъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Довѣреннымъ другомъ царевича былъ также Кикинъ. Къ его кружку примыкало много другихъ старозавѣтныхъ москвичей, какъ свѣтскихъ, такъ особенно священниковъ и чернецовъ. Тайнымъ приверженцемъ Алексѣя былъ почти весь русскій народъ—отъ большинства членовъ царской семьи и родовитыхъ петровскихъ птенцовъ, въ родѣ князей Долгорукаго и Голицына, до простого крестьянина; отъ мѣстоблюстителя патріаршаго—Яворскаго до послѣдняго загнаннаго въ лѣса раскольника. Всѣ недовольные реформой явно или тайно, прямо или косвенно побуждали царевича къ той роли, къ которой онъ по свойствамъ своей натуры былъ

вовсе неспособенъ—къ роли главы оппозиціи, старались сдѣлать изъ забитаго, охваченнаго молчаливымъ протестомъ сына активнаго борца съ великаномъ-отцомъ.

Петръ сознавалъ это. Предъ нимъ вставалъ тревожный вопросъ. Онъ могъ считать слабаго сына неопаснымъ для себя лично, но содрогался при мысли о томъ, какой вредъ послѣ его смерти можетъ принести этотъ слабый сынъ его дѣлу—той «государственной пользѣ», о которой такъ радѣлъ Преобразователь. Вѣдь Алексѣй былъ неоспоримымъ наслѣдникомъ престола. Занявъ его, онъ, конечно, долженъ былъ, по мнѣнію Петра, «повернуть назадъ» изъ XVIII вѣка въ XVII. Такое опасеніе и было одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ царя поднять въ 1715 году вопросъ о престолонаслѣдіи. Другой причиной были соображенія не *политическія*, а *личныя*.

Вопросъ о престолонаслѣдіи и бѣгство царевича за границу.

Именно, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ развода съ Евдокіей, Петръ познакомился съ литовской уроженкой Мартой Скавронской, воспитывавшейся въ домѣ пастора Глюка, вмѣстѣ съ нимъ взятой въ плѣнъ и принявшей православіе подъ именемъ Екатерины Алексѣевны (ея крестнымъ отцомъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ). Она сумѣла понравиться царю, дѣлила его радости и горести (она была, напр., въ прутскомъ походѣ), разгоняла его тоску, успокаивала гнѣвъ, выказывала интересъ къ его дѣятельности и планамъ и скоро сдѣлалась царицей: (въ 1712 году) царь повѣнчался съ Екатериной, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Анну и Елизавету и надѣялся имѣть сына-наслѣдника, которымъ можно было бы замѣнить нелюбимаго Алексѣя.

Въ силу указанныхъ соображеній политическихъ и личныхъ царь въ октябрѣ 1715 года вступилъ въ переписку съ Алексѣемъ Петровичемъ, побуждая его исправиться или отречься отъ правъ на престолъ. Царевичъ какъ разъ въ это время лишился жены, оставившей послѣ себя двухъ дѣтей: дочь Наталію и новорожденнаго сына Петра. И вотъ въ такой тяжелый моментъ царь обратился къ сыну съ суровымъ пространнымъ письмомъ. Петръ разсуждаетъ въ немъ о значеніи своихъ побѣдъ надъ шведами, толкуетъ объ обязанностяхъ государя, горько сѣтуетъ на то, что Алексѣй неспособенъ къ выполненію ихъ, осыпаетъ его упреками, ставитъ ему въ примѣръ и Людовика XIV и себя и даже своего брата Іоанна, скорбитъ о будущности Россіи и въ заключеніе предлагаетъ ему «обратиться», т.-е. исправиться, грозя въ противномъ случаѣ лишить его наслѣдства. «За мое отечество и люди, заканчиваетъ посланіе Петръ, я живота своего не жалѣлъ, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

Царевичъ отвѣтилъ отцу краткимъ и униженнымъ письмомъ, въ которомъ всячески подчеркивалъ свою болѣзненность и неспособность къ правленію и отказывался отъ правъ на наслѣдство, наме-

кая при этомъ, что престолонаслѣдіе теперь обезпечено (у царя именно въ это время родился сынъ, нареченный Петромъ). Алексѣй Петровичъ написалъ это посланіе по совѣту близкихъ людей, доказывавшихъ ему, что оно ни къ чему не обязываетъ въ будущемъ. Неизвѣстно, зналъ ли объ этомъ Петръ или просто усмотрѣлъ неискренность въ отвѣтѣ сына, но во всякомъ случаѣ онъ не удовлетворился имъ и обратился къ царевичу съ новымъ письменнымъ предложеніемъ — «или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ». Отвѣта царь требовалъ немедленно, грозя иначе поступить съ сыномъ какъ съ злодѣемъ.

По настоянію Кикина и другихъ, твердившихъ, что монашескій «клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ» и что, когда понадобится, можно будетъ его снять, Алексѣй лаконично отвѣтилъ отцу: «Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія».

Итакъ царевичъ согласился на безусловное отреченіе отъ своихъ правъ и даже на постриженіе въ монашество. Озадаченный такимъ категорическимъ заявленіемъ и снова не вѣря его искренности, Петръ далъ сыну на размышленіе полгода, а самъ уѣхалъ за границу и по прошествіи назначеннаго срока прислалъ Алексѣю изъ Копенгагена приказъ пріѣхать туда или же, не медля болѣе, принять монашество. Этимъ приказомъ царевичъ рѣшилъ воспользоваться для осуществленія своего давнишняго плана—скрыться отъ отца гдѣ-нибудь за границей. Кикинъ успѣлъ заблаговременно присмотрѣть для него убѣжище, и осенью 1716 года Алексѣй, объявивъ, что ѣдетъ къ отцу въ Данію, примчался въ Вѣну, гдѣ царствовалъ его родственникъ (мужъ сестры его покойной супруги — Софіи) императоръ Карлъ VI, и сталъ умолять его о протекціи, т.-е. покровительствѣ, о спасеніи отъ гнѣва Петра, грозящаго будто бы его жизни.

Создавалось опасное положеніе: наслѣдникъ русскаго престола апеллировалъ императору на незаконныя требованія и преступныя намѣренія своего отца. Послѣдній, въ свою очередь, догадавшись, что Алексѣй бѣжалъ къ Карлу, настаивалъ на его выдачѣ. Карлъ VI находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны онъ не рѣшался отказать въ гостепріимствѣ несчастному царевичу, съ другой стороны не хотѣлъ ссориться изъ-за него съ Петромъ. Поэтому, хотя онъ и укрылъ Алексѣя сперва въ тирольскомъ замкѣ Эренбергѣ, а затѣмъ въ Неаполѣ (въ замкѣ Сентъ-Эльмо), тѣмъ не менѣе не рѣшился помѣшать петровскимъ посланцамъ Румянцеву и Толстому обнаружить мѣстопребываніе царевича и вступить съ нимъ въ переговоры послѣ того, какъ Петръ клятвенно обѣщалъ не налагать на сына никакого наказанія, если онъ вернется. Румянцевъ оказался очень ловкимъ сыщикомъ, сумѣвшимъ прослѣдить весь путь царевича, а Толстой былъ, какъ извѣстно, искуснымъ дипломатомъ. Онъ старался подѣйствовать на Алексѣя Петровича и обѣщаніемъ отцовскихъ ми-

лостей и угрозами, что царь будетъ добывать его съ оружіемъ въ рукахъ, не останавливаясь передъ объявленіемъ войны Карлу VI. Очень некрасивую роль при этихъ переговорахъ игралъ неаполитанскій вице-король, графъ Даунъ, который, по донесенію Толстого Петру, «великое прилежаніе чинилъ, чтобы царевичъ къ Вашему Величеству поѣхалъ». Дѣйствительно Даунъ не постѣснился заявить Алексѣю, будто императоръ выдастъ его отцу, если онъ не вернется добровольно, не постыдился задѣть самое больное его мѣсто, пригрозивъ отнять у него его спутницу, привезенную подъ видомъ пажа—крестьянскую дѣвушку Евфросинью, которую царевичъ горячо любилъ и на которой мечталъ жениться. На этой чувствительной струнѣ души Алексѣя Петровича сталъ играть и Толстой: онъ ручался, что царь въ случаѣ его возвращенія согласится на этотъ бракъ. Дѣйствительно Петръ въ своемъ письмѣ на имя Толстого и Румянцева разрѣшалъ сыну жениться на Евфросиньѣ, какъ только онъ пріѣдетъ домой, еще разъ обѣщалъ простить ему все и позволялъ ему жить гдѣ угодно въ Россіи.

Слѣдствіе и судъ.

Долгіе переговоры окончились тѣмъ, что царевичъ согласился вернуться и къ концу января 1718 года прибылъ въ Москву. Царь встрѣтилъ сына градомъ упрековъ, однако обѣщалъ «показать ему милость». Но эта милость была обставлена двумя суровыми условіями: 1) Алексѣй Петровичъ «былъ прощенъ, но наслѣдія лишенъ» и долженъ былъ торжественно поклясться «наслѣдства никогда, ни въ какое время (хотя бы ни единой персоны царской фамиліи не оставалось) не искать, и не желать, и не принимать его ни подъ какимъ предлогомъ»; вмѣсто Алексѣя наслѣдникомъ объявленъ былъ недавно родившійся сынъ Петра отъ Екатерины, Петръ Петровичъ; 2) подъ страхомъ лишенія жизни царевичъ долженъ былъ безъ всякой утайки; письменно, по пунктамъ изложить все, «что къ сему дѣлу» (т. е. побѣгу за границу) касается и выдать всѣхъ своихъ «согласниковъ» (т. е. сообщниковъ), которые присовѣтывали ему бѣжать къ цесарю».

Алексѣй вполнѣ исполнилъ первое условіе, принеся соотвѣтствующую клятву, и почти вполнѣ второе: выдавъ всѣхъ своихъ сторонниковъ (напр., Кикина, Вяземскаго, князя Василія Долгорукаго и друг.), онъ постарался однако кое въ чемъ выгородить себя и скрылъ, что объ его побѣгѣ извѣстно было инокинѣ Еленѣ (бывшей царицѣ Евдокіи). Между тѣмъ оговоренныя царевичемъ лица, преданныя чудовищнымъ пыткамъ, а затѣмъ страшнымъ казнямъ, показали все, что утаилъ Алексѣй Петровичъ и, вѣроятно, прибавили не мало лишняго, небывалаго. Такъ, напр., они утверждали, будто царевичъ желалъ насильственной смерти отца, будто онъ надѣялся взбунтовать противъ него чернь и войска и побудить Карла VI къ войнѣ съ нимъ, однимъ словомъ, они приписали Алексѣю Петровичу рядъ

преступныхъ намѣреній. Преступныхъ дѣйствій не было [1]). Перепуганный царевичъ призналъ справедливость всѣхъ этихъ показаній и погубилъ себя такимъ признаніемъ. Основываясь на томъ, что онъ при первомъ допросѣ, вопреки обѣщанію, не сообщилъ полной правды, Петръ взялъ назадъ свое прощеніе, подвергъ сына пыткамъ, надѣясь вывѣдать у него еще что-нибудь новое, снарядилъ надъ нимъ верховный судъ и предложилъ духовенству и вельможамъ высказаться по поводу его «малослыханнаго на свѣтѣ преступленія».

Обращеніе къ духовенству составлено было въ выспреннихъ выраженіяхъ. Не берясь быть безпристрастнымъ судьей въ распрѣ своей съ сыномъ, «ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, чѣмъ другіе въ ихъ», Петръ заклиналъ духовенство «безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія» показать ему отъ Св. Писанія «истинное наставленіе и разсужденіе, какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ Св. Писанія прикладамъ и по законамъ достойно».

Свѣтскихъ вельможъ царь также просилъ, «дабы истиною сіе дѣло вершили, не смотря на лицо, дѣлали бы правду и не погубили душъ своихъ и его (т. е. царской), чтобы совѣсти остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество безбѣдно».

Духовенство отвѣтило уклончиво, предоставивъ царю руководствоваться или Ветхимъ Завѣтомъ и тогда казнить сына, или Новымъ и тогда помиловать его, памятуя притчу о блудномъ сынѣ. Верховный судъ (состоявшій изъ 127 человѣкъ, начиная съ сенаторовъ и кончая неграмотнымъ лейтенантомъ) оказался рѣшительнѣе и вынесъ страшный приговоръ: «царевичъ Алексѣй за всѣ вины свои и преступленія противъ государя и отца своего, яко сынъ и подданный его величества, достоинъ смерти». Въ вину царевичу поставлены были тѣ преступныя намѣренія (разные коварные вымыслы и «притворы», т. е. притворство, надежда на чернь и упованіе на чужестранную цесарскую помощь), которыя выяснены были во время

[1]) Самыя убійственныя для Алексѣя Петровича показанія дала столь любимая имъ «Афросиньюшка». Беззастѣнчивой клеветой на него она купила себѣ весьма сносное существованіе (по словамъ иностранцевъ, царь и царица относились очень милостиво къ Ефросиньѣ; впослѣдствіи она вышла замужъ за офицера). Другія женщины, такъ или иначе причастныя къ дѣлу царевича, поплатились очень жестоко: кнутъ и батоги не пощадили многихъ титулованныхъ представительницъ московской знати и, какъ говорятъ, даже самой инокини Елены; въ вину ей можно было поставить только то, что, будучи замуравлена въ монастырѣ, она нѣкоторое время вела переписку съ сыномъ, а затѣмъ съ маіоромъ Глѣбовымъ, котораго горячо полюбила. Еще болѣе страшныя наказанія постигли мужчинъ: Кикинъ и епископъ Досифей (предсказывавшій будто бы скорую смерть Петра) были колесованы, маіоръ Глѣбовъ посаженъ на колъ и промучился на немъ полтора дня, Афанасьеву (камердинеру царевича) отрубили голову и т. д. Слѣдствіе по дѣлу Алексѣя напоминало ужасы стрѣлецкаго розыска.

слѣдствія. Впрочемъ, судъ не считалъ своего приговора окончательнымъ, а повергалъ его на утвержденіе государя («въ Самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе его царскаго величества, всемилостивѣйшаго монарха»). Формально приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ несчастный Алексѣй Петровичъ не вынесъ тѣхъ пытокъ, которымъ трижды подвергали его (19, 22 и 24 іюня), и скончался 26 іюня 1718 года.

Оффиціальное сообщеніе объясняло смерть царевича «апоплексіей», которой онъ подвергся будто бы, слушая чтеніе приговора. Но этому сообщенію плохо вѣрили, и обстоятельства трагической смерти Алексѣя Петровича окутывались цѣлымъ рядомъ легендъ, записанныхъ иностранцами: одни разсказывали, будто царевичъ былъ обезглавленъ, другіе, что онъ отравленъ, или задушенъ, или что ему вскрыли вены. Нѣкоторые высказывали даже предположеніе, будто Петръ самъ стегалъ кнутомъ сына во время допроса. Достовѣрно извѣстно только то, что тѣло царевича было перенесено въ Троицкій соборъ и оставалось тамъ въ теченіе 8 дней «съ дозволеніемъ всѣмъ видѣть его, чтобы каждый могъ убѣдиться, что онъ умеръ естественною смертью». Многія данныя убѣждаютъ также въ томъ, что Петръ послѣ кончины сына сохранялъ полное присутствіе духа и не измѣнилъ своихъ привычекъ: 27 іюня въ его присутствіи происходило торжественное празднованіе въ память Полтавской битвы, въ слѣдующіе дни царь справлялъ свои именины, участвовалъ въ торжествѣ спуска корабля. Когда, спустя нѣкоторое время, до Петра дошли (едва ли правдоподобные) слухи, будто Алексѣй, въ бытность свою въ Неаполѣ, пытался вступить въ сношенія со шведскимъ правительствомъ, царь взглянулъ, вѣроятно, на нихъ какъ на новую, наиболѣе тяжкую улику противъ своего несчастнаго сына.

Алексѣя Петровича не стало, но память о немъ долго не умирала въ народѣ; распространились слухи объ его чудесномъ спасеніи, появились самозванцы, принимавшіе его имя. И послѣ смерти, какъ при жизни, онъ былъ, по словамъ историка «знаменемъ и символомъ» всѣхъ недовольныхъ Петромъ современниковъ.

§ 21. Отношеніе современниковъ къ Петру I.

Огромное большинство современниковъ, какъ уже много разъ было упомянуто, относилось къ преобразовательной дѣятельности Петра очень враждебно. Это имѣло свои глубокія причины. Сужденія современниковъ о томъ, что разыгрывается передъ ихъ глазами, въ чемъ они принимаютъ непосредственное участіе, бываютъ почти всегда пристрастными, такъ какъ основываются не столько на разсудкѣ, сколько на чувствѣ, на личныхъ переживаніяхъ. Если даже обыденныя событія оцѣниваются современниками пристрастно, то тѣмъ болѣе

это можно сказать о событіяхъ реформаціонной эпохи, въ особенности такой порывистой, бурной и мало понятной народу, какъ петровская: каждая реформа задѣваетъ чьи-нибудь интересы и вызываетъ поэтому чье-нибудь противодѣйствіе. Реформа Петра была всеобъемлющей; естественно, что и протестъ оказался всестороннимъ. Онъ принималъ притомъ самыя разнообразныя формы.

Уже въ началѣ самостоятельнаго правленія Петра вспыхнулъ, какъ извѣстно, стрѣлецкій бунтъ, имѣвшій своимъ лозунгомъ защиту старины и противодѣйствіе нововведеніямъ.

Волненія въ Астрахани, булавинскій и башкирскій бунты.

Въ 1705 году заволновались астраханцы. Они возстали противъ брадобритія (жалуясь, будто власти «усы и бороды рвутъ имъ насильствомъ»), противъ табаку, нѣмецкаго платья мужского и женскаго, противъ поклоненія «болванамъ, кумирскимъ богамъ» (за такихъ боговъ они принимали манекены для париковъ), противъ онѣмеченія Русской земли (отъ кого-то они прослышали, будто правительство намѣрено выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ замужъ за нѣмцевъ, выписанныхъ изъ-за границы); возмущали ихъ также многочисленныя новыя подати. Ко всему этому присоединились слухи, будто царя уже нѣтъ въ живыхъ, и всѣмъ верховодятъ ненавистные бояре,—и въ Астрахани вспыхнулъ открытый мятежъ: правительственныя и должностныя лица были убиты или смѣщены и замѣнились выборными «умными» людьми, какъ во времена Разина; ходоки изъ Астрахани призывали къ бунту окрестныя мѣста. Насколько опаснымъ считалъ Петръ это движеніе, видно изъ того, что онъ приказалъ вывезти деньги и оружіе изъ Москвы, такъ какъ не былъ увѣренъ, что мятежъ не перекинется и въ нее изъ далекой окраины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ для усмиренія Астрахани фельдмаршала Шереметева, поручивъ ему постараться уладить дѣло мирными средствами («всяко тщиться, чтобъ ласкою ихъ привлечь и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспрінимать»). Мирные переговоры сперва пошли успѣшно: астраханцы, по приглашенію правительства, прислали въ началѣ 1706 года своихъ челобитчиковъ въ Москву и добились полнаго прощенія; но затѣмъ въ Астрахани восторжествовала крайняя партія, возбуждавшая народъ уже противъ самого царя (его упрекали въ томъ, что онъ «ересями силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и облатынилъ»). Въ концѣ концовъ Шереметеву пришлось прибѣгнуть къ оружію, и весною 1706 года мятежная Астрахань была взята, ея жители, распростершись на землѣ, встрѣчали побѣдителя. Зачинщики въ числѣ свыше 350 человѣкъ подверглись жестокимъ казнямъ.

Астраханское движеніе было легко подавлено потому, что оно не нашло отклика въ другихъ мѣстахъ: донскіе козаки, на которыхъ астраханцы возлагали особенныя надежды, не чувствовали себя еще

подготовленными къ борьбѣ съ правительствомъ и не поднялись вовремя на ихъ призывъ. Но прошелъ лишь годъ, и на Дону разразился жестокій булавинскій бунтъ, названный такъ по имени своего вождя Кондратія Булавина. По своимъ причинамъ и цѣлямъ, общему характеру и ходу этотъ бунтъ является какъ бы повтореніемъ возстанія Стеньки Разина. То противорѣчіе между козацкими вожделѣніями и государственными потребностями, которое вызывало противоправительственныя движенія козаковъ въ XVII вѣкѣ, не прекратилось и въ XVIII. «Козачество, по словамъ историка (Соловьева), усилилось на счетъ государства, вытягивая изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы» (т.-е. принимая въ свою среду бѣглыхъ). «Государство не могло позволить козачеству похищать у себя эти силы». Чѣмъ сильнѣе становилась правительственная власть, тѣмъ болѣе нажимала она на козацкую вольность, тѣмъ сильнѣе возбуждала недовольство. Уже въ самомъ началѣ Великой Сѣверной войны козаки роптали, идеализировали въ противовѣсъ Петру покойнаго царя Ивана Алексѣевича, жаловались, что имъ «на Дону отъ государя тѣсно становится», и грозили «прибрать его въ руки и отдать турецкому султану». «Тѣснота» стала особенно ощутительной, когда Петръ началъ разселять козаковъ по своему усмотрѣнію и прислалъ на Донъ въ 1707 году кн. Юрія Долгорукаго для разыскиванія и возвращенія на мѣста жительства недавнихъ бѣглецовъ. Въ отвѣтъ на это «голытьба» подняла открытый бунтъ подъ предводительствомъ Булавина и нѣсколькихъ его товарищей (напр., Некрасова, Голаго, Драного, Хохлага и Лоскута — прежняго сподвижника Стеньки) и уничтожила цѣликомъ весь отрядъ кн. Долгорукаго. Козацкая старшина, состоявшая изъ домовитыхъ козаковъ и не рѣшавшаяся на разрывъ съ правительствомъ, сочла своимъ долгомъ наказать бунтарей: нѣкоторые изъ нихъ были казнены, другіе наказаны плетьми или разрываніемъ ноздрей. Однако самъ Булавинъ съ ближайшими соратниками успѣлъ бѣжать въ Сѣчь и, пользуясь покровительствомъ кошевого атамана («древняго вора и бунтовщика» Гордѣенка), въ началѣ 1708 года сталъ готовиться къ упорной борьбѣ съ правительствомъ. Онъ звалъ къ себѣ всѣхъ, «кто похочетъ погулять, сладко попить, да поѣсть», и объявлялъ, что онъ идетъ «за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя противъ князей, бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры отвратили своими знаменьми и чудесами прелестными». Дѣла Булавина пошли вначалѣ успѣшно: онъ нанесъ пораженіе царскому войску (при Лисковаткѣ), переманилъ на свою сторону много козацкихъ поселеній (въ томъ числѣ Черкасы), истребилъ старшину и добился провозглашенія себя атаманомъ. Но затѣмъ, подобно Разину, онъ надѣлалъ рядъ военныхъ ошибокъ, сталъ терпѣть неудачи и былъ отбитъ отъ Азова, которымъ пытался овладѣть. Обаяніе его личности быстро исчезло: ему пришлось окру-

жить себя тѣлохранителями, чтобы спасаться отъ заговоровъ своихъ же козаковъ, упрекавшихъ атамана въ измѣнѣ, грозившихъ ему смертью или выдачей правительству. Въ концѣ концовъ Булавинъ (въ іюлѣ 1708 г.) подвергся открытому нападенію взбунтовавшихся противъ него соратниковъ и, не желая живымъ отдаться имъ въ руки, покончилъ самоубійствомъ. Послѣ этого правительственному войску подъ начальствомъ кн. Василія Долгорукаго (братъ убитаго ранѣе Юрія) и кн. Хованскаго не представляло уже особеннаго труда расправиться съ отдѣльными шайками, тѣмъ болѣе, что Долгорукій, слѣдуя указаніямъ Петра, воздерживался отъ излишней жестокости. Но, щадя приносившихъ повинную людей, онъ не щадилъ селеній: берега Дона и его притоковъ были выжжены и опустошены. Въ борьбѣ съ возставшими козаками правительству помогали калмыки. Они же помогали кн. П. Хованскому въ усмиреніи башкирскаго бунта, разгорѣвшагося почти одновременно съ булавинскимъ. Башкирцы возстали въ концѣ 1707 года и въ началѣ 1708 г., вслѣдствіе притѣсненій, чинимыхъ имъ русскими должностными лицами (въ частности, уфимскимъ комиссаромъ Сергѣевымъ), и нашли себѣ вождя, старавшагося придать движенію общемагометанскій характеръ: онъ привлекъ на свою сторону жителей Кубани, кавказскихъ горцевъ и нѣсколько сотъ татаръ (любопытно, что къ этимъ магометанамъ примкнули нѣкоторые раскольники—козаки), двинулся къ Казани, но не устоялъ противъ правительственнаго войска и калмыковъ. Къ лѣту 1708 года бунтъ, стоившій огромныхъ жертвъ (за время его сожжено было свыше 300 деревень и селъ, погибло и плѣнено свыше 12.000 человѣкъ), утихъ, но башкирцы продолжали, по словамъ казанскаго губернатора, «стоять въ злодѣйственномъ своемъ упорствѣ и воровствѣ».

Нападки на Петра и вздорныя легенды о немъ.

Кромѣ указанныхъ крупныхъ мятежей и возстаній, при Петрѣ было не мало другихъ менѣе значительныхъ мѣстныхъ волненій. Нерѣдко раскрывались также заговоры противъ него, обнаруживались покушенія на его жизнь. Все это были открытыя выступленія, имѣвшія характеръ активнаго протеста. Еще болѣе упорнымъ былъ пассивный протестъ, выражавшійся въ глухомъ, ожесточенномъ ропотѣ, въ распространеніи слуховъ, порочащихъ имя Петра, въ созданіи разныхъ вздорныхъ легендъ о немъ, въ превратномъ толкованіи его мѣропріятій: народное недовольство, обрушивавшееся въ прежнее время, главнымъ образомъ, на головы бояръ и приказныхъ, направлялось теперь противъ самого царя. Петра укоряли въ жестокости и даже кровожадности, говорили, что онъ «обасурманился», находили, что онъ вовсе непохожъ на настоящаго царя, и отсюда дѣлали выводъ, будто онъ самозванецъ, которымъ тайкомъ подмѣнили дѣйствительнаго Петра; вопросъ же о томъ, кто такой на самомъ дѣлѣ этотъ самозванецъ, разрѣшался различно:

одни, какъ, напр., донскіе козаки, считали его «Лефортовымъ сыномъ», другіе — какимъ нибудь иноземцемъ (нѣмчиномъ или латышомъ), третьи—въ частности раскольники—додумались до признанія его самимъ антихристомъ.

Богатый матеріалъ для сужденія о такихъ вздорныхъ слухахъ даютъ ведшіяся въ Преображенскомъ Приказѣ записи показаній доносчиковъ и оговоренныхъ ими лицъ, допрашивавшихся подъ страшными пытками. Такъ, напр., изъ этихъ записей явствуетъ, что Петра упрекали въ томъ, что отъ него «тягота на міръ», что крестьяне съ начала его царствованія «свѣтлыхъ дней не видали, что онъ ихъ разорилъ, всѣхъ побралъ въ солдаты, ихъ женъ и дѣтей осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ», что и дворянъ царь «всѣхъ выволокъ на службу, и нигдѣ отъ него не уйдешь». Недовольные называли Петра міроѣдомъ, который весь «міръ переѣлъ», говорили, будто онъ «веселъ только тогда, когда крови изопьетъ, а когда не изопьетъ крови, то и хлѣбъ ему не ѣстся», желали ему скорѣйшей смерти, такъ какъ, если онъ долго станетъ жить, то «всѣхъ переведетъ», безъ него же и «служба минуетъ и черни будетъ легче». Непривычный для русскихъ людей образъ жизни царя, его шумныя забавы и нѣмецкія симпатіи, его топоръ и трубка, объяснялись тѣмъ, что «нѣмцы его обошли», что онъ «обасурманился», «ожидовился», сталъ «Лефортовымъ зятемъ». Многимъ такое объясненіе казалось недостаточнымъ: московскій царь, по ихъ мнѣнію, не могъ измѣниться настолько, чтобы усвоить замашки Петра. Оставалось, слѣдовательно, признать, что на Руси царя не стало, а тотъ, кто владѣетъ государствомъ, вовсе не истинный Петръ, а подмѣненный. Астраханцы передъ бунтомъ разсказывали, напр., что дѣйствительный Петръ во время своего заграничнаго путешествія заточенъ въ Стекольномъ (т. е. въ Стокгольмѣ), «закладенъ въ столбъ» или «въ бочку закованъ и въ море пущенъ», а на Москвѣ—«не прямой (т. е. не настоящій) государь». Донскіе козаки шли еще дальше: они увѣряли, будто у царицы Наталіи родилась дѣвица, но ту дѣвицу бояре «своровали» и подмѣнили сыномъ Франца Лефорта, рожденнымъ отъ «нѣмки беззаконной». Нѣмецкое происхожденіе Петра они доказывали между прочимъ тѣмъ, что онъ «велитъ носить нѣмецкое платье, съ нѣмцами табакъ носомъ пьетъ, съ нѣмками танцуетъ». Наиболѣе пылкіе изъ недовольныхъ увѣряли, будто Петръ никто иной, какъ самъ антихристъ. Это доказывалъ, напр., нѣкій книгописецъ Григорій Талицкій въ своихъ тетрадяхъ (своего рода прокламаціяхъ), предназначенныхъ для распространенія въ народѣ; онъ убѣждалъ не повиноваться царю-антихристу и не платить ему податей. Талицкій былъ сожженъ, но мнѣніе его оказалось далеко не единоличнымъ: оно раздѣлялось многими современниками, особенно изъ раскольничьей среды, значительная часть которой (именно безпоповщина) уже съ самаго собора 1666—1667 годовъ ждала пришествія антихриста и вычи-

стяла срокъ наступленія кончины міра. Ее ждали, напр., въ 1669 году, но напрасно. Тогда на основаніи хитростныхъ соображеній перенесли время появленія антихриста на 1699 годъ, и на этотъ разъ, по мнѣнію раскольниковъ, оказались налицо всѣ признаки его. Именно, въ 1698 году вернулся изъ заграничнаго путешествія Петръ Великій и своими новшествами, своимъ пренебреженіемъ къ старинѣ и обычаямъ предковъ навелъ ужасъ не только на раскольниковъ, но и на правовѣрныхъ никоніанъ. Если однѣ изъ его мѣръ, по мнѣнію ревнителей старины, заставляли подозрѣвать въ немъ антихриста, то другія побуждали думать, что онъ всѣми силами старается скрыть свою роль, но этимъ еще больше выдаетъ себя. Именно, онъ реформировалъ календарь, установивъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра; далѣе, отъ сотворенія міра до Рождества Христова онъ приказалъ считать не 5500 лѣтъ, какъ думали раскольники, а 5508. Наконецъ, празднованіе новаго года было перенесено съ 1 сентября на 1 января. Послѣднее представлялось многимъ особенно нелѣпымъ: міръ не могъ быть сотвореннымъ въ январѣ, потому что въ январѣ — зима, слѣдовательно, яблоки не зрѣлы, и змій не могъ искусить Еву яблокомъ. Вся перемѣна календаря объяснялась раскольниками желаніемъ антихриста скрыть свое пришествіе. Но они считали себя не столь наивными, чтобы обмануться этимъ, и были совершенно озадачены тѣмъ, что кончина міра не наступила. Несмотря на это, раскольники продолжали считать Петра антихристомъ, изображая, напр., послѣдняго въ своихъ иллюстрированныхъ книгахъ похожимъ на Петра и представляя слугъ антихристовыхъ въ видѣ петровскихъ солдатъ. И въ преобразованіяхъ царя и даже въ его побѣдахъ они хотѣли видѣть только знаменія пришествія антихриста; политическій протестъ осложнился у нихъ религіознымъ и получалъ поэтому особенную остроту. Она еще больше увеличивалась по мѣрѣ того, какъ Петръ измѣнялъ своему первоначальному терпимому отношенію къ расколу. Въ первые годы самостоятельнаго правленія онъ относился къ нему очень мягко: «пусть вѣруютъ, чему хотятъ, говорилъ онъ; когда ихъ уже нельзя обратить изъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть,—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ»; «съ противниками церкви надлежитъ съ кротостью поступать по апостолу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ». Однако въ силу указанныхъ причинъ (именно, вслѣдствіе рѣзкаго противодѣйствія раскольниковъ реформамъ) Петръ самъ сталъ прибѣгать не только къ жестокимъ словамъ, но и къ жестокимъ мѣрамъ: раскольникамъ дана была особая одежда «какъ бы въ посмѣяніе надъ ними», ихъ обложили двойнымъ подушнымъ окладомъ да еще особой пошлиной за невѣнчаніе у православныхъ священниковъ; распространеніе раскола каралось самыми строгими наказаніями, богослуженіе стѣсня-

лось; старообрядцы не только не имѣли права занимать общественныхъ должностей, но даже свидѣтельствовать въ судѣ противъ православныхъ. Значительная часть этихъ ограниченій внушалась Петру нижегородскимъ епископомъ Питиримомъ, которому было поручено увѣщевать раскольниковъ, но который оказался неудачнымъ литературнымъ полемистомъ и плохимъ проповѣдникомъ и больше всего старался выставить раскольниковъ людьми вредными для государства. Въ помощь ему данъ былъ гвардейскій капитанъ Ржевскій, уполномоченный подвергать раскольниковъ самымъ жестокимъ карамъ (напр., ссылкѣ на каторгу или на галеры, вырѣзыванію ноздрей и т. д.), однако не за одно исповѣданіе раскола, а за какуюнибудь «явную вину», т. е. преступленіе противъ правительства. Очевидно, что дружныя совмѣстныя дѣйствія епископа-миссіонера и гвардіи-капитана, прибѣгавшаго къ чисто полицейскимъ мѣрамъ, не способствовали примиренію старообрядцевъ ни съ православною церковью, ни съ петровскою реформою, и они продолжали оставаться отъявленными врагами послѣдней.

Приверженцы Петра.

Конечно, не всѣ современники были недовольны Петромъ. Среди нихъ встрѣчались и пламенные приверженцы его. Богатырская личность Царя-Работника, Царя-Преобразователя могла производить обаятельное впечатлѣніе, внушать чувства благоговѣнія и поклоненія. Людей, безавѣтно преданныхъ Петру, охваченныхъ идеей безкорыстнаго служенія ему, славословившихъ его дѣло, было не слишкомъ много по количеству, но въ качественномъ отношеніи это были лучшіе люди. Какъ яркія звѣзды свѣтились они на темномъ фонѣ недовольныхъ приверженцевъ старины. Убѣжденные поклонники Петра встрѣчались притомъ въ самыхъ различныхъ слояхъ общества: и въ сонмѣ его «птенцовъ», вознесенныхъ имъ на высоту, и среди людей, занимавшихъ скромное служебное положеніе, и даже въ крестьянской средѣ. Можно, конечно, считать преувеличенными восторги, расточаемые по поводу подвиговъ Петра въ оффиціальныхъ, торжественныхъ рѣчахъ, напр., въ рѣчи, произнесенной при заключеніи Ништадтскаго мира канцлеромъ Головкинымъ, который утверждалъ, что «неусыпными трудами и руковожденіемъ Петра русскіе люди изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта и, тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены». Но нельзя сомнѣваться въ искренности отзывовъ о Петрѣ, хранящихся въ частной перепискѣ или воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ скромныхъ его сподвижниковъ: они дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Такъ, напр., одинъ преданный ему человѣкъ Нартовъ, горячо защищая Петра отъ упрековъ въ жестокости, съ горечью восклицаетъ: «ахъ, если бы многіе знали то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его». «Мы, говоритъ Нартовъ, имѣвшіе счастье находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и

горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою». Другой вѣрный служака Петра—Неплюевъ, узнавъ о его кончинѣ, «былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ»: «да иначе мнѣ, пишетъ Неплюевъ, и грѣшно было бы: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научивъ насъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ». Впрочемъ, не одинъ Неплюевъ ужаснулся смерти Петра; по словамъ современника, за панихидой «учинился такой вой, крикъ, вопль слезный, что нельзя женщинамъ больше того выть и горестно плакать». Исключительное трудолюбіе царя, который «даромъ хлѣба не ѣлъ», обаятельнымъ образомъ дѣйствовало и на нѣкоторыхъ крестьянъ. Онъ какъ бы заражалъ ихъ своею энергіей, любознательностью, страстью къ техническимъ занятіямъ. Любопытный случай произошелъ, напр., въ 1694 году. Одинъ мужикъ, по словамъ историка (Соловьева), «закричалъ караулъ», и сказалъ за собою государево слово (т. е. дѣло, касающееся государя); онъ приведенъ былъ въ Стрѣлецкій Приказъ и въ разспросѣ сказалъ: «сдѣлалъ онъ крылья, станетъ летать, какъ журавль». По указу великихъ государей (Петра и Іоанна), сдѣлалъ онъ себѣ крылья слюденныя; стали они 18 рублей изъ государевой казны. Въ назначенный день бояринъ И. Б. Троекуровъ вышелъ посмотрѣть, какъ полетитъ журавль; мужикъ надѣлъ крылья, перекрестился и началъ подымать мѣхи, но никакъ не могъ подняться: «тяжелы сдѣлалъ крылья», говорилъ онъ, билъ челомъ, чтобъ ему сдѣлать другія крылья, стоющія всего пять рублей. Но бояринъ раскручинился и вмѣсто крыльевъ учинено мужику наказаніе: «бить батоги, снявъ рубашку, и деньги 18 рублей велѣно доправить на немъ, продавъ все имѣніе». Какъ видно, этотъ ранній авіаторъ оказался неудачникомъ. Однако изъ крестьянской среды выходили при Петрѣ и очень талантливые люди, какъ, напр., не разъ упомянутый глубокомысленный писатель Посошковъ, отлично понимавшій условія современности, не закрывавшій глазъ на нѣкоторые недостатки преобразованій Петра, но глубоко и искренно преданный ему. Приверженцы помогали царю не только своей службой и восторженными отзывами, но и составленіемъ цѣлаго ряда преобразовательныхъ проектовъ, которыми Петръ нерѣдко пользовался какъ матеріаломъ для своей законодательной дѣятельности. Эта помощь «лучшихъ и сильнѣйшихъ» людей была, наряду съ желѣзной энергіей царя, одной изъ причинъ, давшихъ возможность дѣлу Петра устоять противъ ожесточеннаго натиска недовольныхъ. Другой еще болѣе важной причиной было то, что преобразовательная дѣятельность Петра была уже подготовлена, какъ извѣстно, предшествующимъ временемъ и, значитъ, въ существѣ своемъ являлась исторически необходимой.

§ 22. Сужденія о Петрѣ Великомъ послѣдующихъ поколѣній и исторической науки.

Общій смыслъ ихъ.

Историческая необходимость петровской реформы плохо сознавалась, однако, не только современниками, ослѣпленными чувствомъ вражды или благоговѣнія къ Петру, но и послѣдующими поколѣніями и даже въ теченіе долгаго времени самой исторической наукой. Личность Преобразователя была слишкомъ крупной: она какъ бы заслонила собой дѣятелей, предшествовавшихъ ему; трудно было поэтому уловить связь между ихъ замыслами и начинаніями съ одной стороны и дѣлами Петра съ другой. Послѣдній невольно казался единственнымъ творцомъ всѣхъ измѣненій, пережитыхъ русскимъ государствомъ къ концу первой четверти XVIII вѣка, представлялся какъ бы «революціонеромъ на престолѣ», совершившимъ крутой переворотъ въ русской жизни. Далѣе, многіе изъ наблюдателей какъ современныхъ, такъ и послѣдующихъ, не умѣли вдуматься въ сущность петровскихъ преобразованій, а скользили лишь по ихъ поверхности, сосредоточивая свое вниманіе на показной внѣшности ихъ; а такъ какъ въ этой внѣшности (напр., въ названіяхъ учрежденій, должностныхъ лицъ и т. д.) было много иноземнаго, то и самая реформа ошибочно принималась за противонаціональную ломку русскихъ устоевъ. Тѣ, которые были привержены къ нимъ, осуждали ее; тѣ же, которые благоговѣли передъ западноевропейской культурой, неправильно думали, что пріобщеніе къ ней началось только со времени Петра, и прославляли его какъ перваго государя, «прорубившаго окно въ Европу». Однимъ словомъ, очень долго эпоха Петра изображалась въ видѣ «рѣзкой грани», отдѣлившей старую Русь отъ новой, а русская исторія—въ видѣ ломаной линіи, при чемъ направленіе, данное ей Петромъ, истолковывалось, въ зависимости отъ личныхъ симпатій, въ смыслѣ перехода или отъ положительнаго къ отрицательному или наоборотъ. Такъ судили о дѣятельности Петра вплоть до половины XIX вѣка.

Культъ Петра.

Сужденія ближайшихъ потомковъ петровской эпохи такъ же, какъ сужденія современниковъ, окрашены чувствомъ. Но послѣ смерти Преобразователя, когда взволнованныя страсти улеглись, когда русскимъ государствомъ правили люди, съ трудомъ справлявшіеся съ наслѣдіемъ Петра, во многомъ искажавшіе его дѣло и очень непохожіе на него, чувство непріязни стало вытѣсняться преклоненіемъ. Отодвинутый въ недалекое прошлое, Петръ всячески идеализировался: «Петра», по словамъ историка (проф. Платонова), «считали творцомъ всего, что находили хорошаго вокругъ себя». Мнѣніе Головкина, что Петръ перевелъ Россію изъ «небытія въ бытіе», получило какъ бы оффи-

ціальное признаніе; въ придворныхъ одахъ Преобразователь воспѣвался какъ «земной богъ», и за нимъ навсегда установилось прозваніе «*Великій*».

Моральная и публицистическая критика Петровскихъ преобразованій.

Но прошло нѣсколько времени, и во второй половинѣ XVIII вѣка появились критики петровской реформы, чуждые, конечно, фанатизма современниковъ, старавшіеся обсуждать ее спокойно и безпристрастно, но не облеченные, къ сожалѣнію, достаточнымъ для этого запасомъ знаній. Къ числу такихъ критиковъ относятся нѣкоторые писатели—современники императрицы Екатерины II (напр., кн. Щербатовъ и друг.). Ихъ критика не столько научная, сколько публицистическая и моралистическая: они склонны упрекать Петра за его пренебреженіе къ патріархальной московской старинѣ; измѣнѣ ей они приписываютъ поврежденіе русскихъ нравовъ; западно-европейская культура усвоена, по ихъ мнѣнію, русскими людьми только внѣшнимъ образомъ и принесла будто бы съ собою не мало иноземныхъ пороковъ, не искоренивъ русскихъ недостатковъ. Насколько ненормально - ускоренной признавали люди екатерининскаго времени петровскую реформу, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ (историкъ-публицистъ кн. Щербатовъ) разсчиталъ, что «при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ Россія сама собою безъ самовластія Петра могла бы дойти до такого состоянія, въ какомъ она нынѣ (т. е. въ концѣ XVIII вѣка) есть» лишь къ исходу XIX вѣка.

Мнѣніе Карамзина.

Публицистическая и моральная тенденція проглядываетъ также и въ оцѣнкѣ, даваемой Петру знаменитымъ исторіографомъ начала XIX вѣка Н. М. Карамзинымъ. Желчность моралиста особенно замѣтна въ запискѣ «о древней и новой Россіи», составленной Карамзинымъ въ 1811 году. Онъ не отрицаетъ огромныхъ заслугъ и величія Петра, но находитъ, что онъ «могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей». «Вредную сторону его блестящаго царствованія» Карамзинъ видитъ не только въ его «порокахъ личныхъ», но особенно въ томъ, что «Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государства, подобно физическому, нужное для ихъ твердости»; что, «искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ россіянъ въ собственныхъ ихъ сердцахъ»; что «честью и достоинствомъ россіянъ сдѣлалось при Петрѣ подражаніе»; «что пылкій монархъ съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ сдѣлать Россію Голландіей». Карамзинъ рѣзко нападаетъ на отдѣльныя мѣропріятія Петра, напр., на уничтоженіе патріаршества (находя, что «со временъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи, и первосвятители наши

были уже только угодниками царей и на каѳедрѣ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя, а для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ»); онъ считаетъ вреднымъ перенесеніе столицы въ Петербургъ, «основанный на слезахъ и трупахъ», высмѣиваетъ «безсмысленную» перемѣну названій учрежденій и должностныхъ лицъ; признаетъ «беззаконнымъ насиліемъ» принудительное измѣненіе русскихъ обычаевъ, народныхъ особенностей и образа жизни, достигавшееся посредствомъ «пытокъ и казней», при чемъ «многіе гибли за одну честь русскихъ кафтановъ и бороды». Въ общемъ разсужденія Карамзина сводятся къ слѣдующему: со времени Петра, все «перемѣнилось», и по винѣ его «мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи». Во всѣхъ приведенныхъ нападкахъ больше публицистическаго чувства, чѣмъ исторической правды. Но, какъ историкъ, Карамзинъ отмѣтилъ то, что упускали изъ виду его предшественники, оцѣнивавшіе дѣятельность Петра. Именно, онъ справедливо указалъ, что «постепенное и тихое» измѣненіе русской жизни по образцу западно-европейской началось задолго до Петра, что послѣдняго нельзя считать единственнымъ «творцомъ нашего величія государственнаго», и что не слѣдуетъ забывать князей московскихъ, которые, можно сказать, «изъ ничего воздвигли державу сильную». Такъ взглянулъ на Петра историкъ-моралистъ.

Взгляды западниковъ и славянофиловъ.

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка русская исторія и въ частности петровская эпоха подверглась оцѣнкѣ съ точки зрѣнія распространенныхъ въ это время въ русской интеллигентной средѣ нѣмецкихъ философскихъ системъ Шеллинга и Гегеля. Ихъ сложныя и мудреныя ученія русскіе мыслители истолковывали примѣнительно къ исторіи слѣдующимъ образомъ. Всемірная исторія представляетъ собою не случайное сцѣпленіе разнородныхъ фактовъ, а единый стройный процессъ, посредствомъ котораго міровой разумъ — абсолютъ — достигаетъ своего воплощенія. Однако въ этомъ процессѣ участвуютъ только такіе народы, которые въ своей исторіи осуществляютъ какую-нибудь идею, напр., красоты, добра и т. д.; только они могутъ быть названы историческими; тѣ же націи, жизнь которыхъ лишена самостоятельнаго содержанія, должны считаться неисторическими и находятся «въ духовномъ рабствѣ у другихъ народовъ». Совершеннѣйшей выразительницей мірового разума и высшей ступенью прогресса Гегель считалъ германскую культуру; славянъ же онъ не помѣщалъ въ перечень историческихъ народовъ. Русскіе мыслители 40-хъ годовъ, признавшіе такое воззрѣніе Гегеля, стали утверждать, что лишь со времени пріобщенія Россіи къ западной культурѣ, совершеннаго Петромъ Великимъ, она сдѣлалась страною историческою, а что до него она не имѣла ни исторіи, ни культуры, представляла собою косную «азіатщину», пу-

стыню, ничто. Иными словами, западники (такъ назывались приверженцы указаннаго мнѣнія за свое преклоненіе передъ культурой Зап. Европы) видѣли въ петровской эпохѣ поворотъ отъ отрицательнаго къ положительному, отъ минуса къ плюсу. Однако взгляды западниковъ встрѣтили сильныя возраженія. Значительная часть образованныхъ русскихъ людей 40-хъ годовъ не хотѣла мириться ни съ исключительнымъ притязаніемъ германцевъ на культурное первенство, ни съ «неисторичностью» славянъ. Но чтобы дать славянамъ право на самостоятельное и видное мѣсто среди другихъ историческихъ народовъ, необходимо было найти тѣ идеи, которыя осуществлялись въ ихъ жизни, или выяснить отличительныя особенности славянской культуры. Выясненію ихъ и посвятили свои силы такъ называемые «славянофилы». Естественно, они должны были обратиться къ изученію русскаго прошлаго, но серьезности и безпристрастности такого изученія много помѣшали ихъ полемическіе выпады противъ западниковъ. Въ противоположность послѣднимъ они признавали реформу Петра вредной, такъ какъ она насильственнымъ образомъ вывела русскую исторію изъ ея естественнаго русла, замѣнила славянскія начала, достигшія своего полнаго развитія въ Московской Руси, чуждыми германскими. Сходясь въ этомъ взглядѣ очень близко съ Карамзинымъ, славянофилы считаютъ дѣятельность Петра поворотомъ отъ положительнаго къ отрицательному, отъ плюса къ минусу.

Но между взглядомъ на исторію какъ на стройный закономѣрный процессъ и признаніемъ переворотовъ въ ней коренится, очевидно, глубокое противорѣчіе. Это противорѣчіе было мало-по-малу сознано, и въ половинѣ XIX вѣка въ среду русскихъ историковъ проникаютъ взгляды «германской исторической школы», которая, отказавшись отъ философскихъ предпосылокъ Шеллинга и Гегеля, усвоила, однако, идею закономѣрности историческаго процесса и стала представлять себѣ развитіе человѣческаго общества подобно развитію организма. Такія воззрѣнія побуждали, конечно, искать внутреннюю органическую связь между петровской эпохой и предшествующимъ временемъ. Но, чтобы доказать ее, необходимо было основательное знакомство съ послѣднимъ.

Мнѣніе Соловьева.

Лишь всестороннее и глубокое изученіе исторіи Россіи дало возможность великому историку С. М. Соловьеву доказать историческую необходимость петровской реформы, связавъ ее съ условіями прошлой русской жизни. Однако и онъ не сразу, и не вполнѣ отказался отъ взгляда на эпоху Петра какъ на «страшный переворотъ», «болѣзненный «переломъ», «революцію», вызванную тѣмъ, что Московская Русь изжила будто бы свои начала, пришла въ состояніе разложенія.

Въ гл. II т. XIV своей «Исторіи Россіи» Соловьевъ пишетъ, напр., слѣдующее: «Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка

русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ, поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій... Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ Западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исключительность одного направленія необходимо условливали крайность противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ называемому преобразованію характеръ революціонный... Мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностью плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общій законъ, если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ—Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностью извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіей, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что не потребно и невозможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу; но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чуждая воля».

Связывая дѣятельность Петра съ условіями его времени, Соловьевъ признаетъ, однако, что «Петръ съ своими сподвижниками заканчиваетъ, собственно говоря, древній, богатырскій отдѣлъ русской исторіи», что «онъ послѣдній и величайшій изъ богатырей», и что «только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то не совсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ миѳическихъ

[library stamp]

представленій о подвигахъ этого геркулеса». Защищая Петра отъ упрековъ въ томъ, что онъ «насильно и преждевременно цивилизовалъ русскихъ», Соловьевъ указываетъ, что и введеніе христіанства во многихъ странахъ «не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую». Оправданіе же личныхъ недостатковъ «исполина» онъ находитъ въ «неудовлетворительности нравственнаго состоянія древняго русскаго общества», особенно въ переходное время, каковымъ была вторая половина XVII вѣка.

Въ приведенныхъ строкахъ Соловьевъ, какъ видно, доказываетъ не столько подготовленность и естественность петровской реформы, сколько необходимость и неизбѣжность ея бурнаго революціоннаго характера.

Взгляды современной исторической науки.

Однако, чѣмъ глубже и самъ Соловьевъ и послѣдующіе изслѣдователи вникали въ содержаніе исторіи XVII вѣка и въ сущность преобразованій Петра, тѣмъ ярче выяснялась связь между ними, тѣмъ болѣе стиралась рѣзкая грань между Московскимъ и Петербургскимъ періодами, тѣмъ отчетливѣе послѣдній представлялся естественнымъ продолженіемъ и порожденіемъ перваго. Общій ходъ русской исторіи изображается въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ не въ видѣ ломаной линіи (съ переломомъ въ началѣ XVIII вѣка), а въ видѣ прямой, имѣющей лишь ускореніе, падающее на эпоху Петра Великаго. Такъ, профессоръ Ключевскій въ своемъ курсѣ устанавливаетъ, что Петръ не родился, а сталъ Преобразователемъ, при чемъ сталъ имъ «какъ-то невзначай, какъ будто нехотя, поневолѣ. Война привела его и до конца жизни толкала къ реформамъ». Далѣе проф. Ключевскій показываетъ, что реформа была «достаточно подготовлена», что «уже до Петра начертана была довольно цѣльная преобразовательная программа, во многомъ совпадавшая съ реформой Петра, въ иномъ шедшая даже дальше ея» (вспомнимъ проекты Крижанича, Ордина-Нащокина, князя В. В. Голицына), что послѣдняя «сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа». Сущность ея представляется проф. Ключевскому въ слѣдующемъ видѣ: «Петръ взялъ изъ старой Руси государственныя *силы*, верховную власть, право, сословія, а у Запада заимствовалъ техническія *средства* для устройства арміи, флота, государственнаго и народнаго хозяйства, правительственныхъ учрежденій». Сближеніе съ Европой было въ глазахъ Петра только средствомъ для достиженія цѣли, а не самой цѣлью. Западно-европейскій міръ имѣлъ для него лишь значеніе учителя, съ которымъ разстаются по окончаніи выучки. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Ключевскій не отрицаетъ «враждебнаго отношенія Петра къ отечественной старинѣ, къ народному быту, тенденціознаго гоненія нѣкоторыхъ его особенностей» (напр., бороды, русскаго платья, въ которыхъ онъ видѣлъ «признаки оппозиціи,

символъ протеста») и подчеркиваетъ, какъ уже было упомянуто, «нервозный, лихорадочный пульсъ, болѣзненно-ускоренный ходъ» реформы. Объясняется это, по мнѣнію проф. Ключевскаго, личнымъ характеромъ Петра, его политическимъ воспитаніемъ, а особенно тѣмъ, что «обстановка реформы создана была внѣшней войной и внутренней борьбой». «Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная къ перестройкѣ военныхъ силъ и къ расширенію финансовыхъ средствъ государства... усвоила характеръ и пріемы насильственнаго переворота, своего рода революціи. Она была революціей не по своимъ цѣлямъ и результатамъ, а только по своимъ пріемамъ и по впечатлѣнію, какое произвела на умы и нервы современниковъ».

Указанные взгляды проф. Ключевскаго вполнѣ опредѣлили отношеніе современной науки къ преобразовательной дѣятельности Петра. Профессоръ Платоновъ въ своемъ курсѣ формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: «Петръ—продолжатель стараго движенія, знакомаго древней Руси. Въ его реформѣ и направленіе и средства не новы,—они даны предшествовавшей эпохой. Нова въ его реформѣ только страшная энергія Петра, быстрота и рѣзкость преобразовательнаго движенія, беззавѣтная преданность идеѣ, безкорыстное служеніе дѣлу до самозабвенія. Ново только то, что внесъ въ реформу личный геній, личный характеръ Петра».

§ 23. Характеристика Петра Великаго.

Отдѣльныя черты личнаго характера Петра выяснены уже отчасти въ предыдущемъ изложеніи, дать же полную характеристику его почти невозможно: исполинская фигура Петра слишкомъ крупна, ея не охватишь цѣликомъ мысленнымъ взоромъ, къ ней не подойдешь съ обычной мѣркой; личность его представляетъ такое причудливое сочетаніе самыхъ различныхъ, часто противоположныхъ свойствъ, привычекъ, побужденій и способностей, что она можетъ одновременно и очаровывать и отталкивать. Недаромъ онъ былъ, какъ мы знаемъ, загадкой для своихъ современниковъ, кумиромъ для однихъ, страшилищемъ для другихъ, былъ предметомъ ожесточеннаго спора историковъ, любимымъ сюжетомъ художественной литературы. Петръ, по словамъ историка (Соловьева),—«герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видѣли много въ туманной дали при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ». Дѣйствительно, всѣ черты Петра представлены въ какомъ-то увеличенномъ масштабѣ. Богатырь по внѣшнему виду, геній—по способностямъ, огонь—по подвижности, вихрь—по стремительности, бурный потокъ—по неукротимой энергіи, камень—по твердости, бездонный колодецъ—по воспріимчивости. Когда слѣдишь за ежедневной

дѣятельностью Петра, то кажется, что точно законы пространства и времени неприложимы къ нему; кажется, будто вѣчно мятущійся, вѣчно спѣшащій царь способенъ одновременно находиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ, одновременно трудиться надъ массою дѣлъ: воевать, самолично строить флотъ и укрѣпленія, вести дипломатическіе переговоры, писать всевозможные проекты, законы, инструкціи, приказы, въ каждомъ образномъ словѣ которыхъ свѣтится острая мысль, входить во всѣ тонкости управленія, регламентировать всѣ мелочи домашняго быта своихъ подданныхъ, увлекаться всякими ремеслами (онъ зналъ до 14 ремеслъ, въ которыхъ могъ поспорить съ любымъ мастеромъ), хватать на-лету техническія знанія, заниматься даже сущими пустяками... и подолгу шумно веселиться.

И этотъ геніальный человѣкъ никогда не гонялся за призракомъ славы, никогда не драпировался въ тогу величія. Воюя почти всю жизнь, онъ не мечталъ о лаврахъ полководца, преобразовывая государство, онъ лишь въ концѣ своего царствованія представлялъ себя въ видѣ ваятеля, работающаго надъ каменной глыбой. Неуклонный исполнитель своего царственнаго долга передъ родиной, онъ сознавался въ своихъ ошибкахъ, но не отчаивался изъ-за нихъ, а находилъ въ нихъ лишь стимулъ для болѣе усердной работы. Безстрашный, «не жалѣвшій живота своего для отечества» человѣкъ, онъ не скрывалъ своихъ опасеній, если они находили на него. Простота и искренность—замѣтнѣйшія свойства Петра: Мозолистыя руки, потертый кафтанъ, стоптанные башмаки, трубка съ дешевымъ табакомъ, низенькая комната скромненькаго дворца, веселая товарищеская бесѣда или игра въ шахматы съ простыми матросами, закуска въ домѣ плотника, беззаботные танцы на ассамблеяхъ, распорядительство на брачномъ пиру, черная работа на верфи, конфузливость на пріемѣ иностранныхъ пословъ... все это штрихи, трогательно характеризующіе Царя-Работника. Но наряду съ этимъ — природная рѣзкость, несдерживаемая грубость и большая, часто безпощадная, жестокость. Грубость забавъ Петра часто смущала даже его непритязательныхъ, видавшихъ всякіе виды птенцовъ; и они трепетали при видѣ кубка «большого орла» или ушатовъ съ сивухой, которою гвардейцы принудительно угощали всѣхъ, не исключая дамъ, и они поражались затѣями царя на ассамблеяхъ. Церемоніи «сумасброднѣйшаго, всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», уставъ котораго былъ выработанъ Петромъ и который, по словамъ историка (Ключевскаго), являлся «неприличнѣйшей пародіей церковной іерархіи и церковнаго богослуженія», превосходили своимъ кощунствомъ «опричнинскія покаянія» Іоанна Грознаго и вызывали полное недоумѣніе у иностранцевъ. Непонятна была большинству и жестокость Петра, омрачавшая обликъ Великаго Преобразователя, заставлявшая содрогаться и современниковъ и потомство: въ его указахъ такъ и сыплются, такъ и мелькаютъ угрозы самыми страшными казнями. «За все, по

словамъ историка (Ключевскаго), за подачу прошенія государю помимо подлежащихъ мѣстъ, за порубку мѣрнаго дуба (указныхъ размѣровъ) или мачтовой ели, за неявку дворянина на смотръ, за торговлю русскимъ платьемъ—конфискація имущества, лишеніе всѣхъ правъ, каторга, висѣлица, политическая или физическая смерть». Каторга и конфискація грозили даже всякому, кто выдѣлывалъ юфть или точалъ сапоги не такъ, какъ предписывалось. И эти угрозы не оставались одними словами, а часто переходили въ страшныя, кошмарныя, не поддающіяся описанію дѣла. Съ нравственной точки зрѣнія трудно подыскать какое-нибудь оправданіе этой жестокости, но объяснить ее возможно. Петръ преслѣдовалъ въ лицѣ личныхъ своихъ противниковъ тѣхъ, кого онъ считалъ врагами государства. Государство было для него тѣмъ божествомъ, которому онъ беззавѣтно служилъ, какъ никто до него, которому отдавалъ свои огромныя силы. Въ «благѣ всенародномъ», какъ онъ его понималъ, онъ видѣлъ цѣль, для которой все является средствомъ и орудіемъ. И на подданныхъ своихъ онъ смотрѣлъ какъ на орудіе, и потому мало щадилъ ихъ трудъ, ихъ спокойствіе, ихъ личное благосостояніе и счастье и самую ихъ жизнь, налагалъ «бремена неудобоносимыя» на исполнителей своей воли, пугалъ ослушниковъ призракомъ мучительной смерти. Петра часто упрекаютъ въ самовластіи, переходящемъ въ деспотизмъ. Однако нельзя забывать, что онъ жилъ въ такую эпоху, когда въ Западной Европѣ и теоретически обосновывалась и практически укрѣплялась абсолютная монархія, что его современниками были такіе абсолютисты, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I Прусскій и Людовикъ XIV Французскій, что господствующимъ типомъ на Западѣ было такъ называемое полицейское государство (Pollizeistaat), которое считало своей прямой задачей во все вмѣшиваться, непрестанно опекать и направлять своихъ подданныхъ, регламентировать всѣ проявленія ихъ жизни. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Петръ былъ даже гораздо меньшимъ деспотомъ, чѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ I и Людовикъ XIV: ему было совершенно чуждо излюбленное правило прусскаго короля: «nicht resonieren» (не разсуждать), и онъ совершенно иначе смотрѣлъ на свою власть, чѣмъ «король-Солнце». Петръ требовалъ отъ подданныхъ не безотчетнаго рабскаго повиновенія, а разумнаго «разсужденія», сознательнаго проникновенія своими взглядами. По словамъ историка (Князькова), «онъ всегда сначала объясняетъ, «яко отецъ дѣтямъ», мотивы своихъ распоряженій и потомъ ужъ только грозитъ нещадными наказаніями за «неисполненіе или неповиновеніе». Власть свою Петръ, конечно, считалъ вполнѣ неограниченной, самодержавной въ томъ смыслѣ, какъ она понималась еще Іоанномъ IV и какою дѣйствительно сдѣлалась къ концу XVII вѣка. Онъ далъ ей и точное опредѣленіе, напр., въ слѣдующихъ словахъ «Воинскаго Устава»: «Его Величество—есть самовластный монархъ, который никому въ свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не

долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять». Обосновывая такимъ образомъ свое самодержавіе, Петръ никогда, однако, не прибѣгалъ къ тѣмъ напыщеннымъ самообожествляющимъ разсужденіямъ о монархической власти, которыя такъ любилъ Людовикъ XIV, никогда не пользовался его девизомъ: «государство—это я». Напротивъ, Петръ установилъ отдѣльную присягу государю и государству, раздѣливъ эти два понятія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ падать передъ государемъ ницъ и подписывать прошенія уменьшительными именами. Все это доказываетъ отсутствіе у него сознательнаго стремленія къ деспотизму. Не государство, по мнѣнію Петра, существуетъ для монарха, а монархъ для государства; интересы послѣдняго должны преобладать надъ частными, чьими бы ни были они. Въ этомъ отношеніи онъ не дѣлалъ исключенія ни для себя, ни для своей семьи. Его драма съ сыномъ имѣла, какъ извѣстно, одной изъ своихъ причинъ государственныя соображенія. Когда вскорѣ послѣ трагической кончины Алексѣя Петровича сошелъ въ могилу назначенный наслѣдникомъ Петръ Петровичъ, и царь остался безъ сыновей, онъ, руководствуясь также государственными соображеніями, издалъ свой знаменитый законъ 5 февраля 1722 года. Въ силу него царствующій монархъ могъ назначить своимъ наслѣдникомъ кого захочетъ, могъ также, «видя какое непотребство», лишить назначенное лицо правъ на наслѣдованіе и передать ихъ другому. Этотъ законъ, предоставлявшій на личное усмотрѣніе царствующаго государя распоряженіе престолонаслѣдіемъ, продиктованъ былъ Петру, очевидно, стремленіемъ къ тому, чтобы престолъ замѣщался достойнѣйшими лицами, но, по существу своему, законъ 1722 года былъ какъ бы возвращеніемъ къ господствовавшему въ Московской Руси до XVII вѣка обычаю передачи престола по духовной, замѣнившемуся въ XVII вѣкѣ соборнымъ избраніемъ: дѣйствительнымъ (имѣвшимъ мѣсто при воцареніи Бориса и Михаила Ѳеодоровича), или фиктивнымъ (какъ это было при вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодора III, Петра и Іоанна). Какъ увидимъ, онъ послужилъ причиной немалыхъ смутъ [1]). Самъ творецъ его не успѣлъ

[1]) Законъ 1722 года вызвалъ недовольство и даже открытое возмущеніе нѣкоторыхъ современниковъ. Въ немъ видѣли прямой выпадъ противъ малолѣтняго Петра Алексѣевича (сына покойнаго Алексѣя Петровича); въ народной массѣ толковали его какъ желаніе Петра передать престолъ «шведу или нѣмчину». Чтобы успокоить общественное мнѣніе и пояснить значеніе новаго закона, Петръ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу составить цѣлый трактатъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Правда воли монаршей» и представляетъ собою теоретическое обоснованіе самодержавія. Ѳеофанъ исходитъ изъ теоріи договорнаго происхожденія верховной власти, при чемъ понимаетъ договоръ въ смыслѣ полнаго отказа народа отъ своихъ правъ и безусловной передачи ихъ на вѣчныя времена лицу, призванному властвовать, и его преемникамъ. Указывая далѣе на то, что воля народная есть «проявленіе воли Божіей» и что «нѣсть власть, аще не отъ Бога», Ѳеофанъ связываетъ такимъ образомъ

воспользоваться имъ. Уже давно надорванное здоровье Петра сильно пошатнулось въ 1724 году, между прочимъ, отъ простуды, которую онъ схватилъ позднею осенью, спасая тонувшихъ у Лахты солдатъ. Во второй половинѣ января 1725 года Императоръ окончательно слегъ, исповѣдался, причастился и 27 января приступилъ къ составленію завѣщанія, но смогъ отчетливо написать только два слова: «отдайте все...». Его попытка устно изъяснить свою волю также не удалась ему: языкъ отказывался служить. Рано утромъ 28 января 1725 года Петръ Великій скончался, не назвавъ того, кому онъ хотѣлъ оставить государство, не рѣшивъ вопроса о престолонаслѣдіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эпоха ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго. (1725—1762 г.г.).

§ 24. Общій обзоръ ея.

Семья Петра I.

Послѣ смерти Петра Великаго единственнымъ мужскимъ представителемъ династіи оставался девятилѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ покойнаго Алексѣя Петровича. Представительницъ женскаго пола было нѣсколько: супруга покойнаго Императора—Екатерина, двѣ дочери: Анна, помолвленная за герцога Гольштинскаго, и Елизавета (которой Петръ хотѣлъ составить блестящую партію, сватая ее, между прочимъ, за короля французскаго Людовика XV, но которую такъ и не успѣлъ выдать замужъ); двѣ племянницы — дочери Іоанна Алексѣевича: герцогиня Мекленбургская Екатерина и вдовствующая герцогиня Курляндская Анна; внучка—Наталія—сестра Петра Алексѣевича,—и, наконецъ, родная бабка послѣднихъ—почти забытая всѣми и замурованная въ монастырь инокиня Елена (прежняя царица Евдокія Ѳеодоровна). Изъ среды этихъ лицъ, съ присоединеніемъ къ нимъ родившагося въ 1728 году сына Анны Петровны—Гольштинскаго герцога Карла-Петра-Ульриха и родившагося въ 1740 году внука Екатерины Іоанновны—Мекленбургъ-Брауншвейгскаго принца Іоанна Антоновича, и выступали претенденты на россійскій престолъ въ теченіе первыхъ 37 лѣтъ послѣ кончины Преобразователя. Именно, какъ увидимъ, преемницей Петра была провозглашена его супруга Екатерина I (1725—1727), завѣщавшая престолъ Петру II Алексѣевичу (1727—1730), послѣ смерти котораго онъ достался Аннѣ Іоанновнѣ Кур-

---

съ договорной теоріей божественное происхожденіе власти. Онъ утверждаетъ, что подданные обязаны безпрекословно повиноваться велѣніямъ самодержавной власти и не могутъ не только осуждать ихъ, но даже судить о нихъ.

ляндской (1730—1740); наслѣдника послѣдней Іоанна VI Антоновича (1740—1741) свергла съ престола Елизавета Петровна (1741—1761) и сдѣлала наслѣдникомъ племянника своего Карла-Петра-Ульриха, который сталъ царствовать подъ именемъ Петра III Ѳеодоровича (1761—1762), но вынужденъ былъ уступить власть супругѣ своей Екатеринѣ II (рожденной принцессѣ Ангальтъ-Цербтской).

Дворцовые перевороты.

Большинство названныхъ лицъ достигало престола не столько въ силу своихъ правъ на него, сколько въ силу придворныхъ интригъ или дворцовыхъ переворотовъ. Явными или закулисными руководителями послѣднихъ были, особенно въ первое время, видные сановники, большею частью, изъ числа прежнихъ петровскихъ сподвижниковъ; рѣшающая же дѣятельная роль въ такихъ переворотахъ предоставлялась тому классу, который являлся главной силой въ государствѣ—именно, гвардіи, состоявшей, какъ извѣстно, изъ шляхетства (т. е. дворянства). Такимъ образомъ затѣянная въ правительственныхъ или придворныхъ сферахъ интрига, сумѣвшая вызвать сочувствіе или открытое выступленіе гвардіи, сдѣлалась главнымъ условіемъ, опредѣлявшимъ порядокъ престолонаслѣдія въ ближайшую эпоху послѣ смерти Петра I, почему это время принято называть въ исторической наукѣ «эпохой дворцовыхъ переворотовъ». Въ этомъ—одна изъ особенностей указаннаго 37-ми-лѣтняго періода.

Временщики.

Другая особенность заключается въ томъ, что названные монархи, или вслѣдствіе малолѣтства, или вслѣдствіе недостатка надлежащихъ способностей, правили не самостоятельно, а при посредствѣ любимцевъ, пользовавшихся всею полнотою власти. Поэтому данный періодъ можно назвать также «эпохой временщиковъ». Составъ ихъ нѣсколько разъ мѣнялся: при Екатеринѣ I и въ началѣ царствованія Петра II дѣлами верховодили выслужившіеся петровскіе дѣльцы, затѣмъ на короткое время они должны были уступить мѣсто старинной, родовой знати, которая въ свою очередь была вытѣснена при Аннѣ Іоанновнѣ и Іоаннѣ VI нѣмецкими выходцами (1730 — 1741 года обозначаются даже названіемъ «господство нѣмцевъ»); Елизавета Петровна призвала къ власти русскихъ людей различнаго сословнаго происхожденія, а Петръ III вновь попытался дать перевѣсъ временщикамъ-нѣмцамъ. Указанныя особенности отразились не только на придворной жизни и на характерѣ управленія, но оказали также чрезвычайно важное вліяніе на общественный, экономическій и политическій строй Россіи въ это время.

Возвышеніе шляхетства.

Общественныя послѣдствія не трудно угадать. Гвардія, дававшая своими выступленіями перевѣсъ одному претенденту надъ другимъ и вліявшая на составъ правительственной среды, невольно привыкала смотрѣть на себя не только какъ на военную, но и какъ на поли-

тическую силу, считать себя вершительницей судебъ отечества. Съ другой стороны преемники Петра Великаго, обязанные властью подчасъ только вмѣшательству гвардейскихъ полковъ, видѣвшіе въ нихъ главную свою опору и опасавшіеся новыхъ переворотовъ, естественно должны были ласкать гвардію и считаться съ нуждами и сословными желаніями питавшаго ее шляхетства. Въ общемъ, эти желанія сводились къ облегченію служебныхъ повинностей, къ обезпеченію землевладѣнія и къ расширенію правъ надъ крѣпостными. Шляхетству удалось достигнуть этого: 1) Установленная Петромъ I тяжелая безсрочная и обязательная служба, какъ увидимъ, за время отъ 1727 до 1762 года сдѣлалась сперва болѣе легкой, затѣмъ срочной и, наконецъ, необязательной. 2) Правительство позаботилось объ улучшеніи экономическаго положенія дворянства; исключительно изъ его среды оно стало назначать должностныхъ лицъ и проектировало даже сосредоточить мѣстное управленіе въ рукахъ его выборныхъ. 3) Что важнѣе всего, дворянству (и притомъ только ему одному) предоставлена была «надъ людьми и крестьяны своими и надъ имѣніемъ ихъ полная власть безъ изъятія, кромѣ отнятія живота». Такимъ образомъ, по словамъ историка (Ключевскаго), «по мѣрѣ облегченія служебныхъ обязанностей сословія, расширялись его владѣльческія права, на этихъ обязанностяхъ основанныя».

Развитіе крѣпостного права.

Параллельно этому процессу раскрѣпощенія дворянства и обращенія его изъ служилаго сословія въ привилегированное, однимъ словомъ, параллельно росту «дворяновластія» естественно долженъ былъ идти другой обратно-пропорціональный ему процессъ — закрѣпощенія крестьянства и ограниченія его правъ. Чѣмъ болѣе расширялись дворянскія права, тѣмъ болѣе сокращались крестьянскія какъ имущественныя, такъ и юридическія, и крѣпостные даже на оффиціальномъ языкѣ превращались изъ подданныхъ государства въ «подданныхъ» помѣщиковъ. Особенно характерно, по мнѣнію профессора Ключевскаго, то, что усиленіе крѣпостного права началось именно въ то время, когда оно лишилось своего историческаго оправданія: вѣдь, какъ извѣстно, крестьяне въ Московской Руси были прикрѣплены къ землевладѣльцамъ только потому, что послѣдніе, въ свою очередь, были прикрѣплены къ службѣ; слѣдовательно, освобожденіе дворянства отъ обязательной службы должно было повести къ уничтоженію крѣпостного права: на практикѣ же, какъ сказано, оно повело лишь къ усиленію его.

Такая историческая и логическая несообразность объясняется не только тѣмъ, что правительство шло навстрѣчу дворянскимъ интересамъ, но также полицейскими и финансовыми соображеніями его: чтобы обезпечить спокойствіе государства и податную, а также рекрутскую исправность крестьянъ, правительство возложило отвѣтственность за нихъ всецѣло на помѣщиковъ, поручивъ имъ и самый сборъ по-

душной подати, и надѣлило ихъ для этого полицейскими правами. Такимъ образомъ крѣпостное право получало съ этого времени новый, по словамъ профессора Ключевскаго, «фискально-полицейскій» (т. е. обусловленный финансовыми и полицейскими интересами) или «откупной» (передававшій доходъ съ крестьянъ какъ бы на откупъ помѣщикамъ) характеръ. Интересы крестьянства приносились, значитъ, въ жертву не только шляхетству, но и казнѣ, которая испытывала острую нужду въ деньгахъ, значительно увеличившуюся послѣ кончины Петра. Такая нужда весьма понятна: та огромная работа надъ поднятіемъ производительности страны, которою занятъ былъ Преобразователь, замерла послѣ него; его финансовая политика, въ частности покровительственная система, во многомъ претерпѣла измѣненія; правительственная среда была хуже, чѣмъ при немъ, и допускала еще большія злоупотребленія; народъ испытывалъ тяжелыя послѣдствія наложеннаго имъ непосильнаго податного бремени; возросшія въ нѣсколько разъ траты на дворъ, характеризующія это время пышности дворцовъ и оскудѣнія народа, не искупались той экономіей, которая достигалась упрощеніемъ петровской административной системы.

Нарушеніе завѣтовъ Петра.

Послѣднее сказывалось въ уничтоженіи нѣкоторыхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, въ соединеніи въ однѣхъ рукахъ судебной и административной власти, въ ограниченіи городского самоуправленія. Происходившія изъ-за этого измѣненія петровскаго правительственнаго механизма коснулись и самаго центра его. Именно, какъ увидимъ, надъ Сенатомъ нагромождались новыя высшія учрежденія — Верховный Тайный Совѣтъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II, Кабинетъ Министровъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Онѣ не столько удовлетворяли насущнымъ государственнымъ нуждамъ, сколько обусловливались второю особенностью указаннаго періода, — господствомъ временщиковъ. Изъ изложеннаго видно, что внутренняя политика Петра Великаго значительно исказилась при его преемникахъ. Не осталась безъ измѣненія и внѣшняя. Правда, руководители ея старались удержать за Россіей ту важную международную роль, которая завоевана была Петромъ. Однако войны, ведшіяся въ это время и поглощавшія массу жертвъ, а также обязательства, принятыя Россіею передъ другими державами, далеко не всегда, какъ увидимъ, соотвѣтствовали русскимъ интересамъ. Къ тому же не было достигнуто и существенныхъ успѣховъ отчасти изъ-за дипломатическихъ промаховъ, отчасти же изъ-за того, что и русская армія и особенно флотъ приходили въ упадокъ. Такъ преемники Великаго Преобразователя, думая сохранить въ неприкосновенности его историческіе завѣты, на самомъ дѣлѣ во многомъ нарушали ихъ. Сказалось это уже при Екатеринѣ I.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Измѣненія административной системы Петра Великаго.

§ 25. Царствованіе Екатерины I.

(1725—1727).

Споръ о престолонаслѣдіи.

Петръ I, упразднивъ закономъ 5 февраля обычный въ Московской Руси порядокъ престолонаслѣдія и не назначивъ себѣ преемника, тѣмъ самымъ невольно предоставилъ выборъ его своимъ сподвижникамъ—сенаторамъ и другимъ вельможамъ, собравшимся во дворецъ на совѣщаніе въ ночь на 28-ое января.

На этомъ совѣщаніи мнѣнія раздѣлились. Споръ шелъ о двухъ лицахъ: о Петрѣ Алексѣевичѣ и объ Екатеринѣ. Сторону перваго держала родовитая, дорожившая старыми традиціями знать, представленная князьями Голицыными и Долгорукими; сторону второй—выслужившіеся безродные петровскіе дѣльцы, вдохновляемые Меншиковымъ, Толстымъ и Ягужинскимъ — людьми, имѣвшими основанія опасаться воцаренія сына Алексѣя Петровича. Они не соглашались даже на компромиссъ, предложенный имъ знатью — возведя на престолъ Петра, сдѣлать регентшей до его совершеннолѣтія Екатерину. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончился споръ, еслибы въ него не вмѣшалась гвардія: проникшіе въ залъ совѣщанія офицеры стали шумно выражать свое сочувствіе возведенію на престолъ Екатерины, а на площади передъ дворцомъ показались и солдаты, явившіеся сюда, по словамъ ихъ командира, «по волѣ Императрицы, которой всѣ подданные обязаны повиноваться». Итакъ, гвардія, всегда расположенная къ Екатеринѣ, уже признала ее. Сенату пришлось считаться съ этимъ и единогласно провозгласить ее императрицей, сославшись на то, что въ 1724 году Петръ короновалъ ее и этимъ будто предназначилъ себѣ въ преемницы.

Вмѣшательство гвардіи въ данномъ случаѣ разрубило Гордіевъ узелъ, развязать который было очень трудно. Конечно, самымъ естественнымъ наслѣдникомъ былъ Петръ Алексѣевичъ, но законъ 1722 года еще при жизни Петра Великаго, какъ мы знаемъ, былъ понятъ именно въ смыслѣ подчеркиванія необязательности его кандидатуры. Примѣненіе другого петровскаго закона о единонаслѣдіи (1714), въ силу котораго, при отсутствіи сыновей, отцу наслѣдуютъ дочери, также встрѣчало затрудненія. Дѣло въ томъ, что Анна Петровна, при обрученіи съ гольштинскимъ герцогомъ, отказалась за себя и за свое потомство отъ всякихъ притязаній на русскій престолъ. Кромѣ того, какъ ея права, такъ и права ея сестры Елизаветы не всѣми признавались, такъ какъ обѣ онѣ родились до вступленія Петра въ законный бракъ съ Екатериной. Но нельзя отрицать,

что и права послѣдней были сомнительны, такъ какъ на Руси при существованіи дѣтей вдова никогда не наслѣдовала мужу. Ея воцареніе вызвало немалый ропотъ въ народѣ: кое-гдѣ отказывались даже отъ присяги, говоря, что «если женщина царемъ, то пусть и крестъ бабы цѣлуютъ». Энергичное содѣйствіе гвардіи воцаренію Екатерины французскій посланникъ объясняетъ тѣмъ, что она тотчасъ по смерти Петра распорядилась выдать офицерамъ и солдатамъ недополученное ими жалованье да еще наградила ихъ деньгами изъ своихъ личныхъ средствъ.

Верховный Тайный Совѣтъ.

За свое двухлѣтнее царствованіе Екатерина I не выказала государственныхъ способностей; она царствовала, думая лишь о развлеченіяхъ, править же всѣмъ хотѣлъ Меншиковъ, сдѣлавшійся настоящимъ временщикомъ. Соперничество его съ другими добивавшимися вліянія людьми и, особенно, съ сенаторами имѣло своимъ слѣдствіемъ образованіе въ 1726 году (8 февраля) новаго учрежденія, «Верховнаго Тайнаго Совѣта», ставшаго выше Сената. Верховный Тайный Совѣтъ предназначался «для государственныхъ важныхъ дѣлъ», имѣлъ также законодательный характеръ и, подобно московской боярской думѣ, долженъ былъ представлять собою какъ бы нераздѣльное цѣлое съ верховной властью (въ немъ обсуждались Высочайшія повелѣнія до ихъ обнародованія). Меншиковъ надѣялся найти въ Совѣтѣ средство для избавленія себя отъ сенатскаго контроля. Его партійный соперникъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, ранѣе тщетно пытавшійся возвысить роль Сената, разсчитывалъ, напротивъ, сдѣлать изъ новаго законодательнаго учрежденія противодѣйствіе злоупотребленіямъ Меншикова, защиту отъ произвола. Голицыну, правда, удалось попасть въ Совѣтъ. Допущеніе его туда имѣло цѣлью успокоить обиженную знать, но онъ тамъ потонулъ среди 5-ти другихъ членовъ — выслужившихся дѣльцовъ (Меншикова, Толстого, Ѳ. М. Апраксина, Головкина и Остермана [1]). Помимо партійныхъ побужденій, созданіе Верховнаго Совѣта вызвано было и практическими, — уже въ концѣ царствованія Петра многіе его приближенные, руководствуясь чисто дѣловыми соображеніями, проектировали образованіе особаго совѣщанія высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта до извѣстной степени отвѣчало этимъ проектамъ и должно было служить, какъ оффиціально объяснялось, облегченіемъ императрицѣ. По словамъ историка (Ключевскаго) Верховный Совѣтъ

---

[1]) Меншиковъ былъ президентомъ Военной Коллегіи, Апраксинъ—Адмиралтейской, Головкинъ—Иностранныхъ Дѣлъ. Въ засѣданіяхъ Совѣта видное участіе принималъ также Кабинетъ-Секретарь Макаровъ, завѣдывавшій Кабинетомъ Императорскаго Величества. Послѣднее учрежденіе, не имѣя опредѣленной компетенціи, пріобрѣло, однако, громадное значеніе, стянуло къ себѣ важнѣйшія дѣла, касавшіяся губерній и грозило сдѣлаться соперникомъ Совѣта. Послѣ смерти Екатерины Кабинетъ былъ уничтоженъ.

представлялъ собою «какъ бы расширенiе единоличной верховной власти въ коллегiальную форму»: «верховная власть, сохраняя свои титулы, изъ личной воли превращалась въ государственное учрежденiе». «Никакое важное дѣло не могло быть доложено императрицѣ помимо Верховнаго Тайнаго Совѣта, никакой законъ не могъ быть обнародованъ безъ предварительнаго обсужденiя и рѣшенiя въ немъ». (Иностранные наблюдатели видѣли, поэтому, въ образованiи Совѣта ограниченiе самодержавiя; такъ смотрятъ на дѣло и нѣкоторые историки). Учрежденiе Верховнаго Тайнаго Совѣта проф. Ключевскiй считаетъ результатомъ устроенной Толстымъ сдѣлки между Меншиковымъ и знатью, стремившейся оградить себя отъ произвола, упрочить свое положенiе въ управленiи надежными учрежденiями; въ отказѣ верховной власти «отъ единоличнаго дѣйствiя въ порядкѣ законодательства» названный историкъ видитъ «устраненiе происковъ, подходовъ къ ней тайными путями, временщичества, фаворитизма въ управленiи»; въ принятiи въ составъ Совѣта кн. Д. М. Голицына — «средство для успокоенiя оскорбленнаго чувства старой знати, устраняемой отъ верховнаго управленiя неродовитыми выскочками». По мнѣнiю другихъ историковъ, Совѣтъ, напротивъ, долженъ былъ замаскировать произволъ Меншикова. Авторъ спецiальнаго изслѣдованiя о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (кн. Вяземскiй), не соглашаясь съ этимъ, старается доказать, что учрежденiе его вызвано было *необходимостью*, а не *личными* счетами, что онъ заполнялъ собою пробѣлъ между Сенатомъ и Верховною властью, являлся тою связью между послѣдней и стройнымъ государственнымъ механизмомъ, какую при Петрѣ I представлялъ собою генералъ-прокуроръ, а по характеру своему былъ сходенъ съ боярской думой; подобно ей, онъ дѣйствовалъ какъ-бы неразрывно съ монархомъ, и его судебныя и административныя постановленiя, имѣвшiя общiй характеръ, прiобрѣтали силу закона, если они были скрѣплены подписями Монарха и всѣхъ (а впослѣдствiи только большинства) членовъ. Впрочемъ, засѣданiя Совѣта въ Высочайшемъ присутствiи были очень рѣдки; не всегда присутствовали и всѣ члены. Ни мѣсто засѣданiй, ни порядокъ дѣлопроизводства не были строго опредѣлены. Значенiе Верховнаго Тайнаго Совѣта Вяземскiй усматриваетъ въ его работѣ надъ поднятiемъ матерiальнаго благосостоянiя Россiи, истощенной податнымъ напряженiемъ при Петрѣ I, отмѣчаетъ нѣсколько полезныхъ финансовыхъ мѣропрiятiй его, а также его добросовѣстность и стремленiе къ законности въ области судопроизводства.

Правительственныя распоряженiя.

Однако какъ бы ни смотрѣть на значенiе Верховнаго Тайнаго Совѣта, нельзя все же отрицать, что его учрежденiе внесло значительныя перемѣны въ петровскую административную систему, особенно въ положенiе Сената. Послѣднiй лишился своего первенствующаго значенiя, утратилъ названiе «Правительствующiй» (вмѣсто

этого онъ сталъ называться «Высокимъ») и былъ приравненъ къ тремъ важнѣйшимъ Коллегіямъ (Военной, Адмиралтейской и Иностранныхъ Дѣлъ). Кругъ вѣдомства его былъ ограниченъ; отъ него отошли дѣла не только законосовѣщательнаго характера (въ области законодательства за Сенатомъ оставлено было только право обнародывать и толковать законы), но также многія административныя и судебныя. Нѣкоторыя должности, состоявшія при немъ, были упразднены: такъ, должность генералъ-прокурора была вовсе уничтожена (23 мая 1726 г.), генералъ-рекетмейстера — совмѣщена съ другой; мало-по-малу исчезли фискалы. Штатъ служащихъ въ сенатской канцеляріи и число самихъ сенаторовъ были сокращены (одно время составъ Сената исчерпывался тремя лицами). Синодъ также временно лишился наименованія «Правительствующій» (оставшись только Святѣйшимъ) и должности оберъ-прокурора. Составъ членовъ коллегій уменьшался вдвое, равенство между коллегіями было окончательно уничтожено; нѣкоторыя изъ нихъ преобразованы. Надворные суды упразднялись съ передачей судопроизводства воеводамъ; имъ же были подчинены и городовые магистраты, а между тѣмъ само правительство называло воеводъ «волками».

Большинство указанныхъ мѣръ, проведенныхъ Верховнымъ Совѣтомъ, оправдывалось стремленіемъ къ экономіи. Ради нея отказались и отъ постройки новыхъ большихъ судовъ. Отчаянное финансовое состояніе государства выдвигало передъ правительствомъ заботу объ улучшеніи экономическаго положенія крестьянъ, которое было столь ужаснымъ, что, по словамъ Ягужинскаго, грозило государству «конечной гибелью и бѣдствіемъ» тѣмъ болѣе, что, какъ прибавлялъ Меншиковъ, «если крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата». Рѣшено было нѣсколько облегчить подушную подать и, главное, жестокій способъ ея сбора, изъявъ послѣдній изъ вѣдѣнія военныхъ командъ и выведя войска изъ деревень въ города. Для облегченія дворянской службы, часть офицеровъ и рядовыхъ изъ дворянъ отпущена была на побывку въ свои деревни.

Недостатокъ денежныхъ средствъ побуждалъ правительство Екатерины I придерживаться мирной политики. Лишь съ Персіей продолжались столкновенія, бывшія отзвукомъ войны, которую велъ съ ней Петръ Великій.

Такъ измѣнялась петровская система при его любимой женѣ, руководившейся указаніями Верховнаго Тайнаго Совѣта, который состоялъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова» и вдохновлялся «правой рукой» Преобразователя — Меншиковымъ.

Завѣщаніе Екатерины I.

Чтобы сохранить свое первенствующее положеніе и послѣ смерти императрицы, временщикъ постарался побудить ее распорядиться престолонаслѣдіемъ такъ, какъ было удобно ему. Лично Екатерина I хотѣла назначить себѣ преемницей одну изъ своихъ дочерей. Но сдѣлать это бы-

ло очень трудно, такъ какъ огромное большинство сановниковъ и гвардейскихъ офицеровъ видѣло законнаго наслѣдника въ лицѣ Петра Алексѣевича. Неизбѣжность его кандидатуры долженъ былъ признать самъ Меншиковъ, и онъ постарался даже сблизиться съ царевичемъ. Чтобы примирить желанія императрицы съ общимъ мнѣніемъ, Остерманъ предложилъ женить Петра на Елизаветѣ Петровнѣ. Однако Меншиковъ, при содѣйствіи двухъ иностранныхъ пословъ (австрійскаго и датскаго), придумалъ болѣе удобную для себя сдѣлку. Именно, онъ взялся убѣдить императрицу назначить наслѣдникомъ Петра съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній со временемъ вступилъ въ бракъ съ его дочерью. Такой планъ возносилъ Меншикова на огромную высоту, обезпечивая ему исключительное положеніе и дѣлая его въ будущемъ тестемъ императора. Не безъ большихъ затрудненій удалось склонить къ этому Екатерину, тѣмъ болѣе, что противъ меншиковской затѣи возстали и обѣ царевны (Анна и Елизавета) и такой вліятельный и умный царедворецъ, какъ Толстой (вскорѣ поплатившійся ссылкой за свое противодѣйствіе). Но какъ бы то ни было, желаніе временщика исполнилось, и заѣзжимъ гольштинскимъ дипломатомъ (Бассевичемъ) было составлено завѣщаніе императрицы Екатерины I. Престолъ она передавала Петру Алексѣевичу съ его потомствомъ; въ случаѣ его бездѣтной кончины къ наслѣдованію призывалась Анна Петровна съ потомствомъ, затѣмъ Елизавета Петровна и, наконецъ, Наталія Алексѣевна (обѣ также съ потомствомъ, если оно будетъ у нихъ). Такимъ образомъ, въ отмѣну закона 1722 года, предоставлявшаго каждому монарху назначать себѣ преемника, Екатерина составила какъ бы основной законъ о престолонаслѣдіи, указавъ послѣдовательный рядъ своихъ возможныхъ преемниковъ, каждый изъ которыхъ принимаетъ власть, въ случаѣ бездѣтной кончины своего предшественника.

§ 26. Царствованіе Петра II.

(1727 — 1730).

Величіе и паденіе Меншикова.

Въ силу этого завѣщанія, по смерти Екатерины I, 7 мая 1727 года вступилъ на престолъ 12-ти-лѣтній Петръ II. По волѣ покойной императрицы до его совершеннолѣтія регентство поручалось Верховному Совѣту. Однако фактическимъ правителемъ и опекуномъ государя былъ «генералиссимусъ» Меншиковъ; онъ помѣстилъ императора въ своемъ дворцѣ, слѣдилъ за каждымъ его шагомъ и поручилъ его воспитаніе умному и добросовѣстному, но замкнутому и хитрому Остерману, который не пользовался ничьимъ искреннимъ расположеніемъ въ придворной средѣ, стоялъ всегда особнякомъ и былъ чуждъ партійности,

но не двуличія. Однако при всей своей предусмотрительности Меншиковъ сдѣлалъ одну большую оплошность: онъ не только допускалъ, но даже поощрялъ дружбу Петра II съ Долгорукими. Какъ это часто бываетъ у людей, вознесшихся на высоту изъ неизвѣстности, у Меншикова было какое-то тяготѣніе къ знати. Онъ думалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ добился положенія будущаго тестя императора, родовитая знать забыла его темное происхожденіе. Но онъ жестоко ошибался въ этомъ: Долгорукіе черезъ посредство своего родственника кн. Ивана Алексѣевича—неразлучнаго друга императора—рыли яму надменному временщику. Успѣть въ этомъ было нетрудно: своенравный и несдержанный Петръ II сильно тяготился опекой Меншикова, который вмѣшивался во всѣ мелочи его жизни, стѣснялъ его въ удовольствіяхъ и даже въ карманныхъ расходахъ. Искусная интрига скоро привела къ желанному результату. Воспользовавшись выѣздомъ Меншикова изъ Петербурга, Долгорукіе своими разсказами о беззастѣнчивости временщика, о превышеніи имъ власти, объ его покушеніяхъ на права, принадлежащія только монарху, такъ настроили императора, что онъ переѣхалъ въ свой дворецъ и запретилъ допускать къ себѣ Меншикова. Послѣдній, вернувшись, такъ и не могъ добиться пріема, какъ ни унижался передъ придворными. Ему приказано было 10 сентября 1727 года ѣхать въ ссылку въ свое имѣніе въ Рязанской губерніи. Какъ владѣтельный князь, выѣзжалъ онъ изъ столицы, разставивъ чуть ли не на нѣсколько верстъ повозки съ имуществомъ. Но скоро отъ всего этого великолѣпія не осталось и слѣда. Обвиняемый во всевозможныхъ преступленіяхъ, какихъ числилось за нимъ не мало, Меншиковъ лишенъ былъ всего состоянія и сосланъ съ семьей въ Сибирь (Березовъ), гдѣ изъ «полудержавнаго властелина» превратился въ трудолюбиваго и энергичнаго, стойкаго въ своихъ невзгодахъ русскаго мужика. Онъ скончался осенью 1729 года; его дѣти возвращены были изъ ссылки уже въ слѣдующее царствованіе.

Возвышеніе Долгорукихъ.

Съ паденіемъ Меншикова составъ правительственнаго кружка перемѣнился. Временщиками сдѣлались Долгорукіе, потянувшіе за собой свою родню. Двое изъ нихъ засѣли въ Верховномъ Совѣтѣ, гдѣ, такимъ образомъ, знать, представленная ими и княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, возобладала надъ выслужившимися дѣльцами. Вмѣсто Маріи Меншиковой невѣстой императора сдѣлалась надменная Екатерина Алексѣевна Долгорукая (сестра Ивана Алексѣевича). Большимъ вниманіемъ при дворѣ пользовалась освобожденная, наконецъ, изъ монастырскихъ стѣнъ царица Евдокія, особенную же дружбу питалъ императоръ къ своей сестрѣ Наталіи, которая, какъ говорятъ, поражала всѣхъ «зрѣлостью ума, широтой взглядовъ и необычайной добротой». (Она скончалась въ концѣ 1728 года).

Современники думали, что перемѣнится и правительственная си-

стема, что Петръ II повернетъ къ старинѣ. Но этого не случилось. Правда, Петръ II переѣхалъ на житье въ Москву и сказалъ будто-бы, что онъ «не хочетъ гулять по морю, какъ дѣдушка». Однако самъ императоръ, обладавшій способностями, умомъ и большой кротостью (при немъ былъ уничтоженъ страшный Преображенскій Приказъ), но лишенный всякаго воспитанія, не могъ замѣтнымъ образомъ вліять на политику, такъ какъ Долгорукіе непрерывными развлеченіями намѣренно отвлекали его отъ дѣлъ (чуть не треть своего царствованія онъ провелъ на охотѣ); правительственный же кружокъ едва справлялся и съ текущими дѣлами, ведя ихъ въ томъ же духѣ, какъ при Екатеринѣ I. Наиболѣе замѣтно проявила себя задуманная еще при ней Комиссія о коммерціи подъ предсѣдательствомъ Остермана. Не отвергая въ принципѣ петровской покровительственной системы, она, однако, внесла въ нее измѣненія, ограничивъ монополіи, откупа и чрезмѣрную регламентацію промышленности, понизивъ пошлины и выработавъ нѣсколько мѣръ для развитія «вольной торговли». Еще при Екатеринѣ I разрѣшена была внѣшняя торговля черезъ Архангельскъ, стѣсняемая при Петрѣ I для искусственнаго поднятія торговаго значенія Петербурга. Главный магистратъ, который, по мысли Петра Великаго, долженъ былъ создать въ Россіи богатую буржуазію, былъ уничтоженъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что при Петрѣ II продолжались начатыя еще Екатериной I измѣненія малороссійской политики Петра Великаго. Послѣдній хотѣлъ сплотить Малороссію съ остальными русскими областями и съ этою цѣлью учредилъ особую Малороссійскую Коллегію, которая контролировала гетмана и старшину. Когда же гетманъ (Полуботокъ) началъ борьбу съ Коллегіей, Петръ I вызвалъ его въ Петербургъ и заключилъ въ крѣпость. При Екатеринѣ I и при Петрѣ II, по настоянію Меншикова, который былъ богатѣйшимъ малороссійскимъ землевладѣльцемъ, дѣлались уступки въ пользу самостоятельности Малороссіи: такъ, напр., при Петрѣ II признавались возстановленными тѣ условія, на которыхъ она перешла въ подданство Россіи. Однако вновь избранный гетманъ (Д. Апостолъ) долженъ былъ состоять въ подчиненіи у фельдмаршала и руководствоваться «совѣтами» представителя правительства.

Петръ II, едва достигшій пятнадцати лѣтъ, скончался въ Москвѣ отъ оспы 19 января 1730 года, не успѣвъ вступить въ бракъ и не назначивъ себѣ преемника.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Попытки измѣненія государственнаго строя и ихъ послѣдствія.

§ 27. Замыслы верховниковъ.

Вопросъ о преемникѣ Петра II не долженъ былъ вызывать никакихъ сомнѣній, такъ какъ имѣлось налицо завѣщаніе Екатерины I, опредѣлявшее, какъ извѣстно, самымъ точнымъ образомъ порядокъ престолонаслѣдія. Однако съ этимъ завѣщаніемъ вовсе не хотѣли считаться вліятельные люди и прежде всего *«верховники»*, т.-е. члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и его политическіе идеалы.

Руководителемъ послѣднихъ былъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (двоюродный братъ знаменитаго Василія Васильевича—любимца Софіи), одинъ изъ интереснѣйшихъ людей этого времени. Хорошо знавшій его англичанинъ (Рондо) такъ характеризуетъ его: «Голицынъ — человѣкъ необыкновенныхъ природныхъ дарованій, развитыхъ работой и опытомъ. Это человѣкъ духа дѣятельнаго, глубоко предусмотрительный, проницательный, разума основательнаго, превосходящій всѣхъ знаніемъ русскихъ законовъ и мужественнымъ краснорѣчіемъ: онъ обладаетъ характеромъ живымъ, предпріимчивымъ; исполненъ честолюбія и хитрости, замѣчательно умѣренъ въ привычкахъ, но высокомѣренъ, жестокъ и неумолимъ. Духовенство и простой народъ глубоко почитаютъ князя, а низшее дворянство скорѣе его боится, чѣмъ любитъ». Умѣнье вѣрно и исключительно честно служить дѣлу Петра сочеталось у Голицына съ рѣзкимъ критическимъ отношеніемъ къ способу петровскихъ преобразованій, который онъ считалъ жестокимъ, деспотическимъ и грубо оскорбляющимъ родную старину. Горячую привязанность къ послѣдней онъ соединялъ съ блестящимъ западно-европейскимъ образованіемъ (въ его библіотекѣ было до 6.000 книгъ, посвященныхъ историческимъ, политическимъ и философскимъ вопросамъ) и глубокимъ, серьезнымъ интересомъ къ политической жизни и государственному строю западно-европейскихъ странъ. Аристократъ по происхожденію и привычкамъ, ревностный приверженецъ законности и врагъ временщичества, Голицынъ былъ твердо убѣжденъ, что лишь господствомъ родовитой знати можно обезпечить отсутствіе произвола и политическую свободу. Такія воззрѣнія навѣяны были ему въ значительной степени наблюденіями надъ жизнью Швеціи, гдѣ большимъ значеніемъ пользовалась аристократія. (Со шведской административной системой онъ былъ отлично знакомъ, такъ какъ принималъ дѣятельное участіе въ проведеніи

реформы центральнаго и областного управленія, въ основу которой полагались, какъ извѣстно, шведскіе образцы. Государственное же право Швеціи онъ изучилъ, благодаря своей дружбѣ со знатокомъ его—нѣмцемъ Фикомъ [1]).

Пользуясь своимъ вліяніемъ, Голицынъ надѣялся установить аристократическіе порядки въ Россіи. Однако задуманный имъ планъ преобразованія русскаго государственнаго строя вылился, какъ увидимъ, въ такую форму, которая вызвала упреки въ узости, въ подмѣнѣ господства аристократическаго сословія самовластіемъ нѣсколькихъ вельможныхъ лицъ, однимъ словомъ, въ олигархичности. Осуществленіе своего плана Дмитрій Михайловичъ Голицынъ хотѣлъ поставить въ связь съ избраніемъ преемника Петру II.

Избраніе Анны Іоанновны и условія его.

Тотчасъ по смерти императора, въ одной изъ дворцовыхъ залъ собрались на совѣщаніе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ засѣданіе его приглашены были теперь три новыхъ лица,—двое принадлежали къ фамиліи Долгорукихъ, третій былъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, братъ Дмитрія Михайловича, пользовавшійся большимъ расположеніемъ солдатъ. Въ другихъ дворцовыхъ покояхъ толпились сенаторы, генералы и прочіе высшіе сановники, не приглашенные верховниками на совѣщаніе и обиженные этимъ. Царило жуткое, неопредѣленное настроеніе. Сами верховники не сразу могли столковаться: было названо нѣсколько кандидатовъ на престолъ, въ томъ числѣ царица Евдокія и княжна Екатерина Долгорукая, какъ невѣста покойнаго императора [2]). Видя общую растерянность, Дмитрій Михайловичъ Го-

---

[1]) Этотъ Фикъ былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, однимъ изъ составителей проекта учрежденія Верховнаго Совѣта и оказывалъ не мало вліянія на Голицына: послѣдній составилъ свой планъ, о которомъ будетъ сказано ниже, при несомнѣнномъ участіи Фика.

[2]) Еще во время болѣзни Петра II нѣкоторые изъ Долгорукихъ задумали добиться признанія княжны Екатерины его преемницей. Залогъ успѣшности своего плана они видѣли въ томъ, что многіе изъ членовъ ихъ семьи состояли офицерами гвардіи и, слѣдовательно, могли опереться на послѣднюю. Послѣ смерти императора Долгорукіе стали распускать слухи, будто онъ завѣщалъ престолъ своей невѣстѣ. (Князь Иванъ Алексѣевичъ составилъ даже подложное завѣщаніе отъ имени Петра II). Однако приверженцы княжны Екатерины не могли особенно энергично настаивать на ея кандидатурѣ, такъ какъ возведенію ея на престолъ не сочувствовалъ не только кн. Голицынъ, но даже кое-кто изъ Долгорукихъ. Поэтому все ограничилось лишь разговоромъ, и не было предпринято попытки перейти отъ словъ къ дѣлу. Какъ бы то ни было, но самая возможность выдвиганія кандидатуры Долгорукой или царицы Евдокіи показываетъ, насколько приближенные Петра II пренебрегали завѣщаніемъ императрицы Екатерины I. Объясняется это тѣмъ, что одни сомнѣвались въ его подлинности, считая его подложнымъ, другіе, какъ, напр., кн. Голицынъ, придерживались взгляда, будто Екатерина I вслѣдствіе незнатности своего происхожденія не имѣла права занимать престолъ, а тѣмъ болѣе распоряжаться имъ.

лицынъ взялъ дѣло въ свои руки. Онъ краснорѣчиво доказалъ своимъ сотоварищамъ, что, вслѣдствіе прекращенія мужской линіи династіи Романовыхъ, права на престолъ должны перейти къ старшей (ведущей происхожденіе отъ царя Іоанна Алексѣевича) женской линіи, естественной представительницей которой является вдовствующая и бездѣтная герцогиня Курляндская Анна (ея старшая сестра Екатерина была признана Голицынымъ неподходящей для роли русской императрицы, такъ какъ она состоитъ въ супружествѣ съ иностраннымъ герцогомъ). Мнѣніе Голицына восторжествовало: избраніе Анны Іоанновны рѣшено было верховниками единогласно. Ободренный этимъ Голицынъ осторожно намекнулъ на свой планъ ограниченія самодержавной власти. «Надобно себя полегчить», сказалъ онъ и, когда его стали спрашивать, что это значитъ, добавилъ: «такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить: надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты». Подъ «пунктами» или «кондиціями» Голицынъ разумѣлъ условія, ограничивающія власть будущей императрицы въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта, иными словами, отмѣняющіе самодержавіе. Верховники встрѣтили предложеніе о «пунктахъ» съ недоумѣніемъ, но затѣмъ, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми другими сановниками, приняли его, и уже на другой день (19 января) желанныя для Голицына «кондиціи» были окончательно выработаны, написаны и посланы въ Митаву Аннѣ Іоанновнѣ для подписи. Эти кондиціи дѣлали совершенно призрачной власть императрицы, такъ какъ ея личная воля связывалась во всемъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, состоящимъ изъ «восьми персонъ», совмѣстно съ которыми она должна была править: всѣ важнѣйшія ея распоряженія, касавшіяся какъ внѣшней политики (объявленіе войны и заключеніе мира), такъ и внутренней (начиная съ введенія новыхъ налоговъ и расходованія казенныхъ средствъ, кончая производствомъ въ придворные чины) обусловливались согласіемъ верховниковъ. Кромѣ того, императрица должна была обязаться не вступать въ бракъ и не назначать себѣ преемника. Никакой фактической опоры она не имѣла, такъ какъ гвардія и прочія войска отдавались «въ вѣдѣніе» Верховнаго Тайнаго Совѣта. Нарушеніе «кондицій» влекло за собой лишеніе короны.

Пункты.

Точный текстъ предложеннаго Аннѣ для подписи документа читается такъ: «Понеже по волѣ Всемогущаго Бога и по общему желанію всероссійскаго народа Мы по преставленіи всепресвѣтлѣйшаго державнѣйшаго великаго государя Петра Второго Императора и Самодержца всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго государя племянника, императорскій всероссійскій престолъ воспріяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное вначалѣ къ прославленію божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло. Того ради чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что I) наиглав-

нѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія; II) такожде по принятіи короны россійской въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; III) еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать, и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія: 1) ни съ кѣмъ войны не вчинять, 2) миру не заключать, 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта, 5) у шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отъимать, 6) вотчины и деревни не жаловать, 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить, 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской». (По указанію историковъ, источниками «кондицій» послужили шведскіе государственные акты, именно «форма правленія» 1720 года и «Королевская присяга». Однако верховники заимствовали изъ нихъ только то, что касается государственнаго совѣта, не упомянувъ совершенно о правахъ «риксдага», т.-е. собранія выборныхъ отъ сословій).

Изъ приведеннаго текста видно, что кондиціи, замѣнявшія самодержавіе полновластіемъ наличнаго состава Верховнаго Тайнаго Совѣта (верховники не указывали, какимъ способомъ будетъ пополняться онъ въ случаѣ выбытія кого-нибудь изъ его членовъ), изложены были въ такой формѣ, какъ будто императрица по собственному почину предлагала ихъ для блага народа, какъ будто она сама добровольно связывала себя волей Верховнаго Совѣта, «понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ». Поэтому на торжественномъ собраніи членовъ Синода, сенаторовъ, генераловъ и прочихъ сановниковъ, состоявшемся также 19 января, верховники сообщили только объ избраніи Анны, на что не послѣдовало никакихъ возраженій, но не объявили оффиціально о тѣхъ условіяхъ, какими обставлено оно. Однако, кое-кто уже зналъ объ этомъ, и верховникамъ сразу же пришлось встрѣтиться съ самыми серьезными препятствіями.

§ 28. Оппозиція верховникамъ.

Противники верховниковъ. Многіе сановники, непричастные къ Верховному Совѣту, гвардейцы и просто представители шляхетства, собравшіеся въ огромномъ количествѣ въ Москвѣ по случаю ожидаемой свадьбы Петра II (эта свадьба, по странной случайности, была назначена какъ разъ на 19 января, въ ночь на которое императоръ, какъ извѣстно, скончался), встрѣтили очень спокойно и сочувственно извѣстіе о воцареніи Анны, но страшно возмутились, лишь только прослышали о «затѣйкѣ верховниковъ» (такъ названы были ограничительные замыслы послѣднихъ). Возмущеніе это обусловливалось различными причинами. Одни, преимущественно сановные люди, негодовали на то, что верховники «въ дружество свое ихъ не призвали», а обладили дѣло безъ ихъ вѣдома и совѣта. Типичнѣйшимъ представителемъ такихъ недовольныхъ былъ прежній генералъ-прокуроръ Ягужинскій, который самъ просилъ верховниковъ въ ночь на 19 января «прибавить воли», а когда его не пригласили на совѣщаніе объ этой «волѣ», пришелъ въ такое раздраженіе, что поспѣшилъ тайкомъ дать знать будущей императрицѣ, чтобы она не довѣряла посланцамъ Верховнаго Совѣта. Другіе, энергичнымъ вдохновителемъ которыхъ сдѣлался Ѳеофанъ Прокоповичъ, не могли примириться съ отмѣной самодержавія, стремясь «старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно». Третьи, соглашаясь на такую отмѣну, стремились, однако, къ тому, чтобы верховная власть была ограничена не въ пользу отдѣльныхъ лицъ—олигарховъ, какими они считали наличныхъ членовъ Совѣта, а въ пользу учрежденій, состоящихъ изъ представителей шляхетства.

Возбужденіе шляхетства. Кондиціи верховниковъ побуждали вождей этой третьей партіи къ политическому творчеству, т. е. составленію своихъ проектовъ. Однако послѣдніе выказали полную и крайнюю разноголосицу: въ какой только западно-европейской странѣ ни искали они образца для государственнаго строя Россіи, какую только форму правленія, не исключая республиканской, ни предлагали они для нея. Но при всемъ несходствѣ побужденій, при всей неурядицѣ и даже фантастичности взглядовъ, не всегда притомъ отчетливо представляемыхъ, огромное большинство чиновнаго и руководимаго имъ рядового шляхетства сходилось въ одномъ—въ непріязни къ верховникамъ, выступившимъ въ роли вершителей судебъ отечества и поставившимъ «вмѣсто одного самодержавнаго государя нѣсколько самовластныхъ и сильныхъ фамилій» (такъ именно толковались ихъ намѣренія). Эта непріязнь рѣзко выражалась на многочисленныхъ и многолюдныхъ собраніяхъ, устраивавшихся въ Москвѣ для обсужденія политическихъ вопросовъ. По словамъ Прокоповича, всюду слышались «только

горестныя нареканія на осьмиличныхъ оныхъ затѣйщиковъ. Всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и сластолюбіе»; наиболѣе «дерзкіе» собирались будто бы перебить верховниковъ. Послѣдніе были «не безъ страха» и тщетно грозили недовольнымъ всякими карами.

Тревожное настроеніе не успокоилось и тогда, когда 2 февраля пришли изъ Митавы и были оффиціально объявлены на собраніи всѣхъ сановныхъ людей (до бригадирскаго чина) собственноручно подписанные Анной пункты и подтверждающее ихъ письмо: никто изъ присутствующихъ не вѣрилъ, чтобы императрица добровольно принимала на себя обязательства; сторонники самодержавія возмущались фактомъ отмѣны его; сторонники ограниченія — формой. Выспреннія и восторженныя слова Голицына о будущемъ благоденствіи Россіи встрѣчены были съ недоумѣніемъ и убійственной холодностью.

Новый планъ Голицына и шляхетскіе проекты.

Общее недовольство побудило Голицына попытаться пойти навстрѣчу шляхетству, по крайней мѣрѣ, той его части, которая стояла за ограниченія: онъ предложилъ присутствующимъ, «чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучія, написали проектъ отъ себя» (т. е. высказались бы о желательной для нихъ формѣ правленія) и представили его въ Совѣтъ. Черезъ нѣсколько дней такое предложеніе сдѣлано было и всему знатному шляхетству. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ работать надъ новымъ планомъ государственнаго устройства, дополняющимъ и видоизмѣняющимъ кондиціи. Этотъ планъ, надѣляя щедрыми льготами дворянство и купечество, а также устанавливая сословныя учрежденія изъ выборныхъ отъ этихъ классовъ, могъ бы удовлетворить нѣкоторыхъ недовольныхъ, такъ какъ по смыслу его политическое вліяніе какъ бы дѣлилось между верховниками и чиновнымъ шляхетствомъ.

Сущность этого плана сводится къ слѣдующему: императрица самостоятельно распоряжается только своимъ дворомъ и отрядомъ тѣлохранителей. Во главѣ же государства и его военныхъ силъ ставится вмѣстѣ съ нею Верховный Совѣтъ, въ которомъ она имѣетъ только два голоса, и который состоитъ изъ 10 или 12 родовитѣйшихъ вельможъ. Всѣ дѣла до внесенія ихъ въ Совѣтъ разсматриваются Сенатомъ, состоящимъ изъ 30—36 сановниковъ и представляющимъ собою высшую судебную инстанцію. Палата низшаго шляхетства изъ 200 выборныхъ отъ дворянства охраняетъ права этого сословія, а палата городскихъ представителей имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи торговыя дѣла и заботится объ интересахъ простонародья.

Щедрая уступка Голицына оказалась, однако, и безтактной и запоздалой: дозволеніе составлять проекты лишь подчеркнуло то, что̀ подозрѣвали и раньше, именно, что «кондиціи» навязаны императрицѣ, а̀ не дарованы ею (въ послѣднемъ случаѣ онѣ не могли

подлежать пересмотру); это же дозволеніе дѣлало запоздалымъ и излишнимъ новый голицынскій планъ; кромѣ того, оно только еще больше разжигало страсти, узаконяя ту политическую борьбу, которая велась въ шляхетской средѣ. Охваченные непривычной политической горячкой, вліятельные и сановные дворяне спѣшно составляли проекты (ихъ составлено было не менѣе 13-ти), энергично предлагали ихъ для подписи своимъ единомышленникамъ и подчиненнымъ (на извѣстныхъ проектахъ имѣется въ общей сложности 1.100 подписей, больше половины которыхъ принадлежатъ офицерамъ, дѣйствовавшимъ, вѣроятно, по указанію начальства) и представляли ихъ въ Верховный Совѣтъ. Всѣ они отличаются узко-сословнымъ духомъ. При большомъ разнообразіи въ частностяхъ сущность ихъ общественныхъ требованій сводится къ тому, чтобы была сокращена и облегчена служба, и отмѣненъ стѣснительный законъ о единонаслѣдіи; въ области политики проекты больше всего добиваются того, чтобы шляхетскимъ представителямъ предоставлено было право дѣйствительнаго участія въ выработкѣ основъ новаго государственнаго строя [1]), а также право выбора членовъ (или кандидатовъ въ члены) Верховнаго Совѣта, Сената и другихъ учрежденій, и чтобы для обсужденія «важныхъ государственныхъ дѣлъ» созывалось особое собраніе, въ которомъ наряду съ сановниками присутствовало бы и шляхетство [2]).

---

[1]) Голицынъ признавалъ за шляхетскими проектами только *совѣщательное* значеніе.

[2]) Наиболѣе обстоятельнымъ считается обыкновенно проектъ, составленный извѣстнымъ историкомъ и географомъ Татищевымъ. (Онъ называется также проектомъ «генералитета», такъ какъ поданъ былъ отъ имени сенаторовъ и генераловъ, или проектомъ князя Черкасскаго--оффиціальнаго руководителя партіи генералитета). Однако Татищевъ при всемъ своемъ знакомствѣ съ западной политической литературой, развивавшей въ это время теорію «естественнаго права», очень неясно представляетъ себѣ различіе между неограниченной и конституціонной монархіей, подъ «общенародіемъ» склоненъ разумѣть собраніе *сотни* выборныхъ отъ шляхетства и своеобразно понимаетъ народное представительство. «Для помощи Ея Величеству на время, доколѣ намъ Всевышній мужскую персону на престолъ даруетъ», Татищевъ предлагаетъ учредить «высшее правительство» или Сенатъ изъ 21 члена и «низшее правительство» изъ 100 членовъ. Они пользуются большою властью, выбираютъ высшихъ должностныхъ лицъ и сами пополняютъ свой составъ. Такимъ образомъ члены этихъ «правительствъ»—отнюдь не выборные отъ населенія, а тѣ же вельможи, что и верховники, только въ большемъ количествѣ. Нѣкоторые другіе проекты, какъ выше сказано, наряду съ сановниками, упоминаютъ и представителей шляхетства въ качествѣ избирателей и выборныхъ. Однако вообще въ политическихъ вопросахъ огромное большинство современниковъ разбиралось весьма смутно. Этимъ и объясняется, почему очень скоро тѣ, которые считались конституціоналистами (т. е. сторонниками ограниченій), напр., князь Черкасскій, Татищевъ и другіе, вступили въ соглашеніе со сторонниками самодержавія. Лозунгомъ такого соглашенія было уничтоженіе Верховнаго Совѣта и надежда добиться у самодержавной власти сословныхъ привилегій.

§ 29. Пріѣздъ императрицы Анны и возстановленіе самодержавія.

Партія приверженцевъ самодержавія.

По мѣрѣ того, какъ составители шляхетскихъ проектовъ ослабляли другъ друга взаимными несогласіями, а верховники теряли почву подъ ногами, крѣпла та партія, которая съ самаго начала противилась отмѣнѣ самодержавія. Чтобы дать ей перевѣсъ надъ другими, нужны были только опытные вожаки, сочувствіе гвардіи, да извѣстное искусство императрицы. Вожаки нашлись: къ энергичному Ѳеофану Прокоповичу примкнулъ хитрый Остерманъ, дипломатично хворавшій, пока положеніе дѣлъ было неопредѣленнымъ, и выздоровѣвшій, какъ только можно было угадать чутьемъ, на чьей сторонѣ окажется побѣда; примкнули родственники императрицы съ материнской стороны, а также нѣкоторые обиженные верховниками вельможи, напр., кн. Трубецкой (единственный изъ трехъ фельдмаршаловъ, не приглашенный въ Совѣтъ) и кн. Черкасскій, считавшійся ранѣе однимъ изъ вождей сторонниковъ ограниченій. Колеблющихся привлекали убѣжденіями, что отъ самодержавной власти скорѣе можно ждать милостей и служебныхъ льготъ, чѣмъ отъ верховниковъ. Доказать это постаралась сама императрица, пріѣхавшая въ серединѣ февраля въ Москву. Какъ ни зорко слѣдили за каждымъ ея шагомъ верховники [1]), она все-таки успѣла вникнуть въ истинное положеніе дѣлъ, поняла, что шляхетство не на сторонѣ Верховнаго Совѣта. Поэтому Анна Іоанновна стала держаться независимо по отношенію къ верховникамъ и, напротивъ, всячески старалась заручиться симпатіями гвардіи. Этимъ императрица скоро достигла блестящихъ для себя результатовъ.

Именно, 25 февраля, когда во дворецъ явилась большая толпа сановниковъ и простого шляхетства просить императрицу о разсмотрѣніи представленныхъ въ Верховный Совѣтъ проектовъ, и когда вслѣдствіе такой просьбы произошло замѣшательство, гвардейскіе офицеры стали кричать, что «государыня должна быть самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи», и что «если она прикажетъ, они принесутъ ей головы ея злодѣевъ». Вслѣдъ затѣмъ ей подана была письменная просьба (со 150 подписями) возстановить самодержавіе, уничтожить кондиціи, упразднить Верховный Тайный Совѣтъ, вернуть Сенату его прежнее значеніе, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ даровать шляхетству право выбирать сенаторовъ и вообще высшихъ должностныхъ лицъ. Вслѣдствіе всего этого, а также энергичнаго заявленія

---

[1]) Самымъ бдительнымъ стражемъ былъ «ловкій и двуличный» кн. Василій Лукичъ Долгорукій. Онъ поселился даже во дворцѣ по сосѣдству съ императрицей. Противники называли его «какъ бы нѣкіимъ дракономъ», изъ-за надзора котораго государыня «насилу дышитъ».

всѣхъ присутствующихъ, что пункты составлены не по желанію народа, Анна разорвала ихъ и «учинилась въ суверенствѣ» (т. е. самодержавіи). Народъ вторично принесъ присягу ей, какъ самодержавной императрицѣ (въ первый разъ, 15 февраля, присягали «государынѣ и отечеству»).

Событія, разыгравшіяся во дворцѣ 25 февраля, вовсе не являлись неожиданностью, а были заблаговременно подготовлены. Еще 23 февраля, при посредничествѣ Татищева, состоялось соглашеніе между двумя вліятельными шляхетскими группами: «конституціонной» во главѣ съ княземъ Черкасскимъ и «монархической», собиравшейся у князя Барятинскаго. Результатомъ соглашенія было намѣреніе подать императрицѣ 25 февраля челобитную о возстановленіи самодержавія (она написана была извѣстнымъ Антіохомъ Кантеміромъ и собрала много подписей). Анна Іоанновна была прекрасно освѣдомлена объ этомъ черезъ Салтыкову (свою родственницу) и на случай какихъ-либо неожиданностей приняла даже предохранительныя мѣры, расположивъ войска возлѣ дворца. Верховники также не обрѣтались въ невѣдѣніи. Чувствуя, что ихъ замыслы окончательно повисли въ воздухѣ, они пытались даже забѣжать впередъ и, какъ разсказываютъ, съ одной стороны сами предлагали императрицѣ самодержавіе, съ другой стороны убѣждали ее арестовать важнѣйшихъ представителей шляхетства, въ которыхъ видѣли своихъ враговъ. Такимъ образомъ событія 25-го февраля предугадывались всѣми, но начались они все-таки не такъ, какъ ожидали. Лишь только во дворцѣ собрались сановники и представители шляхетства, выступилъ князь Черкасскій. Онъ прочелъ однако не челобитную о возстановленіи самодержавія (ее, вѣроятно, рѣшили прочесть потомъ), а ходатайство о томъ, чтобы императрица всемилостивѣйше разрѣшила «всему генералитету, офицерамъ и шляхетству, по одному или по два отъ фамилій» собраться для разсмотрѣнія поданныхъ раньше проектовъ и для «сочиненія формы правленія государственнаго», которая затѣмъ будетъ представлена на утвержденіе государыни. Итакъ, Черкасскій просилъ въ сущности о созывѣ какъ бы учредительнаго собранія изъ сановниковъ и шляхетства. Очевидно, такая просьба должна была привести въ замѣшательство и Анну Іоанновну и многихъ присутствующихъ. В. Л. Долгорукій попытался воспользоваться имъ, чтобы побудить императрицу обсудить представленное ходатайство въ Верховномъ Совѣтѣ. Но энергично вмѣшавшаяся въ дѣло сестра Анны Іоанновны — герцогиня Мекленбургская Екатерина — убѣдила ее вовсе не считаться съ Совѣтомъ и самостоятельно положить на челобитной Черкасскаго резолюцію «быть по сему». Затѣмъ начались громкіе возгласы гвардейцевъ и многихъ другихъ объ уничтоженіи пунктовъ и какихъ-либо ограниченій. Быть можетъ, отчасти подъ вліяніемъ этихъ возгласовъ, въ составленной затѣмъ новой челобитной о возстановленіи самодержавія лишь очень глухо намекается на созывъ собранія, о

которомъ говорилъ кн. Черкасскій. Послѣ подачи этой челобитной верховникамъ оставалось лишь молча и смущенно считаться съ свершившимися фактами, присутствуя при разорваніи пунктовъ.

Мнѣнія исторической науки о замыслахъ верховниковъ.

Одной изъ причинъ крушенія плановъ верховниковъ было, по мнѣнію историка (проф. Ключевскаго), то, что «самый замыселъ кн. Д. Голицына не имѣлъ ни внутренней силы, ни внѣшней опоры. Онъ ограничивалъ верховную власть не постояннымъ закономъ, а учрежденіемъ съ неустойчивымъ составомъ и случайнымъ значеніемъ; чтобы придать ему устойчивость, Голицынъ хотѣлъ сдѣлать его органомъ и оплотомъ родовой аристократіи, класса, котораго уже не существовало: оставались только немногія знатныя фамиліи, разрозненныя и даже враждебныя другъ другу (противниками верховниковъ были не только многіе равные имъ по родовитости люди, какъ напр., Шереметевъ, Бутурлины, князья Черкасскіе, Трубецкіе, Куракины, Одоевскіе и Барятинскіе, но и нѣкоторые родственники самихъ же Голицыныхъ и Долгорукихъ, не попавшіе въ Верховный Совѣтъ). Голицынъ строилъ монархію, ограниченную призракомъ. Далѣе Верховный Тайный Совѣтъ со своимъ случайнымъ и непопулярнымъ составомъ, упрямо удерживая за собою монополію верховнаго управленія, оттолкнулъ отъ себя большинство правительственнаго класса (татищевскій проектъ поданъ былъ отъ имени Сената и генералитета) и вызвалъ оппозицію съ участіемъ гвардіи и шляхетства, перевернувъ дѣло, превративъ вопросъ объ ограниченіи самодержавія въ протестъ противъ собственной узурпаціи». Проф. Ключевскій указываетъ также, что вожаки оппозиціонныхъ кружковъ вслѣдствіе «розни и политической неподготовленности не могли выработать цѣльнаго и удобопріемлемаго плана государственнаго устройства», а «шляхетство рядовое выступало не дѣятелемъ, а статистомъ, выводимымъ на сцену, чтобы произвести впечатлѣніе количественной силы».

Другой изслѣдователь (Милюковъ), не отрицая, что «взятыя сами по себѣ кондиціи, конечно, производили то впечатлѣніе, что составители ихъ только заботились объ огражденіи личности и имущества членовъ Верховнаго Совѣта», утверждаетъ однако, что это впечатлѣніе было «очень преувеличеннымъ», и что въ сущности проектъ «Голицына не только не имѣлъ своекорыстно-личнаго характера но не имѣлъ даже и своекорыстно-сословнаго». Въ доказательство этого приводятся между прочимъ слова одного современника, который говоритъ, будто верховники заявляли, что они предложили кондиціи лишь съ цѣлью узнать, какъ отнесется императрица къ ограниченію самодержавія, «а то увидавъ, имѣютъ они намѣреніе всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства». Современникъ, принадлежащій къ враждебной Голицыну партіи, считаетъ эти заявленія «обманнымъ

ловительствомъ». Однако названный изслѣдователь указываетъ, что Голицынъ дѣйствительно не остановился на «пунктахъ», а очень скоро приступилъ къ составленію другого болѣе широкаго плана государственнаго строя (по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ принялся за выработку своего новаго проекта еще до того времени, какъ обнаружилось рѣзкое оппозиціонное настроеніе шляхетства). Далѣе приводятся данныя, показывающія, что замыслы верховниковъ встрѣчали сочувствіе и кое-гдѣ внѣ ихъ среды, что авторы нѣкоторыхъ проектовъ, шедшихъ отъ шляхетства, «пытались найти почву для дальнѣйшаго соглашенія съ Совѣтомъ», и что самъ Голицынъ, признавая за шляхетствомъ совѣщательное значеніе, шелъ на извѣстныя уступки ему. Такъ, въ текстъ присяги, которую, по мысли Голицына, должны были принести по пріѣздѣ императрицы, онъ внесъ теоретическія положенія изъ нѣкоторыхъ шляхетскихъ проектовъ (напр., фразу, направленную противъ олигархіи: «не персоны управляютъ закон, но законъ управляетъ персонами») и многія ихъ практическія пожеланія, особенно, сословнаго характера (напр., освобожденіе отъ обязательной службы, производство служащихъ дворянъ прямо въ офицеры, минуя нижніе чины, льготы купцамъ, недопущеніе крестьянъ ни на какія должности и т. д.). Что касается роли шляхетства въ событіяхъ начала 1730 года, то названный изслѣдователь не склоненъ считать ее слишкомъ пассивной и видѣть въ рядовыхъ дворянахъ только статистовъ, машинально подписывающихъ проекты, которые подсовываются имъ вожаками или начальствомъ. Не отрицая «политической неподготовленности тогдашней московской интеллигенціи», онъ подчеркиваетъ, однако, «напряженный интересъ, съ какимъ шляхетство слѣдило за быстро развивавшимися событіями и старалось къ нимъ приспособиться» и стойкость его въ своихъ главныхъ требованіяхъ.

Подводя итогъ изложенному, можно сказать, что, если князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, бывшій, какъ извѣстно, отъявленнымъ противникомъ временщичества, и не заслуживаетъ упрековъ въ сознательномъ стремленіи къ олигархіи, то во всякомъ случаѣ его проектъ составленъ былъ въ такой формѣ, которая давала много поводовъ къ подобнымъ упрекамъ. Самъ Голицынъ склоненъ былъ объяснять ихъ непониманіемъ со стороны современниковъ. Говорятъ, что послѣ крушенія своихъ плановъ онъ сказалъ: «Пиръ былъ готовъ, но званые оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дѣла; такъ и быть, пострадаю за отечество; мнѣ ужъ и безъ того остается немного жить, но тѣ, кто заставляетъ меня плакать, будутъ плакать больше моего».

§ 30. Общій характеръ царствованія Анны Іоанновны.

Послѣдствія замысла верховниковъ.

«Затѣйка» верховниковъ разсѣялась какъ дымъ, но оставила однако самыя тяжелыя послѣдствія. Ихъ испытали на себѣ не только люди, такъ или иначе причастные къ ней, но и весь русскій народъ, страшно изстрадавшійся за царствованіе Анны Іоанновны, которое продолжалось съ 1730 до 1740 года. Послѣдствія эти не трудно угадать. Императрица, обманутая верховниками, выдавшими «кондиціи» за выраженіе народной воли, прониклась острымъ недовѣріемъ ко всей русской знати и перенесла его и на русскихъ вообще. Вслѣдствіе этого она искала себѣ опоры преимущественно въ нѣмцахъ, которыми была окружена еще въ Курляндіи, и прежде всего въ своемъ любимцѣ курляндскомъ уроженцѣ Биронѣ. Ея царствованіе называется поэтому «господствомъ нѣмцевъ» и «бироновщиной». Правящая нѣмецкая среда выказывала пренебреженіе ко всему русскому, жестоко тѣснила русскій народъ, приносила въ жертву иноземцамъ экономическіе интересы Россіи, вела безполезную внѣшнюю политику. Однако, опираясь на временщиковъ-нѣмцевъ, Анна Іоанновна не могла забыть тѣхъ услугъ, которыя оказаны были ей при воцареніи шляхетствомъ, не могла не считаться съ желаніями, высказанными въ его проектахъ. Поэтому дворянство, какъ увидимъ, получило при ней кое-какія льготы, но положеніе крестьянъ сдѣлалось особенно тяжелымъ.

Въ общемъ политика этого царствованія можетъ быть охарактеризована, какъ суровая, антинаціональная, неблагопріятная для Россіи и считавшаяся до извѣстной степени лишь съ дворянскими интересами.

Дворъ Анны Іоанновны

Суровости политики способствовалъ и самъ характеръ Анны Іоанновны. Угрюмая по природѣ, не получившая сколько-нибудь основательнаго образованія, раздраженная безотрадной и тоскливой жизнью въ Курляндіи и тревожной обстановкой своего вступленія на русскій престолъ, императрица не принесла съ собою мягкости ни въ придворную жизнь, ни въ управленіе. Ея придворныя забавы отличались грубымъ характеромъ: на первомъ планѣ — шутихи и шуты, среди которыхъ наряду съ Балакиревымъ и какимъ-нибудь португальскимъ евреемъ, встрѣчались отпрыски знатнѣйшихъ фамилій; странныя затѣи, въ родѣ свадьбы придворнаго шута съ калмычкой (для новобрачныхъ былъ воздвигнутъ ледяной домъ), поражали народъ еще больше, чѣмъ въ свое время подобныя забавы Петра; необычайной казалась также страсть Анны къ охотѣ. Правда, императрица любила и, повидимому, цѣнила хорошую музыку и пѣнье, но больше всего увлекалась нарядами и не жалѣла колоссальныхъ тратъ на дворъ. Одинъ иностранный дипломатъ изумляется, «до какого вели-

колѣнія дошелъ русскій дворъ въ настоящее царствованіе, несмотря на то, что въ казнѣ нѣтъ ни гроша, а потому никому ничего не платятъ, что тоже много способствуетъ общимъ жалобамъ». Если неплатежъ жалованья вызывалъ жалобы, то еще бòльшій ропотъ поднимался изъ-за безжалостнаго взысканія податей и недоимокъ, положительно разорявшаго страну. Ропотъ переходилъ въ недовольство, недовольство возбуждало подозрительность правительства, подозрительность питала безпощадную, изысканную жестокость.

Прежде всего, какъ и можно было ожидать, подъ подозрѣніе попали верховники. Правда, императрица не сразу воспользовалась своею побѣдою надъ ними: уничтоживъ Верховный Совѣтъ, она перевела его членовъ въ Сенатъ, который снова сталъ именоваться Правительствующимъ, и куда назначены были также выдающіеся представители шляхетства—авторы проектовъ (согласно пожеланіямъ многихъ проектовъ число сенаторовъ доведено было до 21). Однако очень скоро Долгорукіе подверглись ссылкѣ въ свои деревни, или дальніе города, а черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1739 году) [1]) трое изъ нихъ были казнены, остальные же заточены въ Соловецкій монастырь. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ нѣсколько лѣтъ пробылъ сенаторомъ (правительство Анны порою обращалось къ нему за дѣловыми совѣтами), но затѣмъ заключенъ былъ въ крѣпость, гдѣ и скончался (въ 1738 г.).

Бироновщина. Жертвою подозрительности новаго правительства пали не одни верховники: никто не былъ обезпеченъ отъ нея. Чѣмъ шире распространялось недовольство нѣмецкимъ режимомъ, тѣмъ больше поощрялось шпіонство, тѣмъ чаще возникали обвиненія въ страшномъ «словѣ и дѣлѣ» (т.-е. за-

[1]) Возобновленіе слѣдствія о Долгорукихъ, приведшее къ трагической развязкѣ, вызвано было дѣломъ князя Ивана Алексѣевича. Уже весною 1730 года онъ былъ сосланъ сперва въ касимовскія деревни, а затѣмъ въ Березовъ. За нимъ послѣдовала въ изгнаніе только что обвѣнчанная съ нимъ его жена Наталія Борисовна (рожденная Шереметева), «красавица, умница, съ чуткой любящей душой, олицетвореніе физической и душевной красоты», съ необыкновеннымъ терпѣніемъ раздѣлявшая всѣ невзгоды своего безумно-любимаго мужа. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Березовѣ, Иванъ Алексѣевичъ имѣлъ неосторожность поссориться съ однимъ тобольскимъ подъячимъ. Послѣдній сдѣлалъ на него доносъ, повлекшій за собою страшныя пытки. Обезумѣвъ отъ нихъ, Иванъ Алексѣевичъ признался, что въ 1730 году онъ, по соглашенію съ нѣкоторыми своими родственниками, составилъ подложное завѣщаніе Петра II. Результатомъ этого признанія было колесованіе Ивана Алексѣевича, обезглавленіе Василія Лукича и Сергѣя Григорьевича, заточеніе въ Соловки Василія и Владиміра Владиміровичей Долгорукихъ. (Отецъ Ив. Алекс. и Екатерины Алекс.—Алексѣй Григ. скончался въ Березовѣ въ 1734 году). Одинъ историкъ (Покровскій), основываясь на донесеніи иностраннаго дипломата, склоненъ думать, что Долгорукіе пали жертвой не столько своего участія въ составленіи подложнаго завѣщанія, сколько своего заговора въ пользу возведенія на престолъ Елизаветы Петровны.

мыслахъ противъ правительства), тѣмъ усерднѣе работала безпощадная Тайная Канцелярія (въ видѣ которой возродился Преображенскій Приказъ). Всенародное наказаніе кнутомъ не щадило даже чиновныхъ дворянокъ; примѣнялись изощренныя пытки; тысячами считались ссыльные и заключенные (въ ихъ числѣ были и епископы); за десятилѣтній періодъ ихъ набралось больше 20.000 человѣкъ; многихъ ссылали подъ вымышленными именами, чѣмъ лишали всякой надежды на возвращеніе. Кромѣ явныхъ пытокъ и казней, совершались и тайныя въ тиши неприступныхъ подземелій.

Всѣ эти жестокости, а также хищническое взиманіе податей и недоимокъ приписывались современниками преимущественно любимцу императрицы герцогу Бирону (собственно его фамилія была Бюренъ; по настоянію императрицы онъ въ 1737 году избранъ былъ герцогомъ Курляндіи). Этотъ временщикъ несомнѣнно относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ Россіи, но трудно сказать, былъ ли онъ главнымъ виновникомъ всѣхъ приписываемыхъ ему ужасовъ, трудно потому, что личность этого баловня счастья еще не достаточно разгадана[1]). Повидимому, сфера его дѣятельности была

[1]) Большинство современниковъ изображаетъ Бирона какимъ-то злымъ геніемъ анненскаго царствованія, чуть не исчадіемъ ада, отъявленнымъ злодѣемъ, грубіяномъ, надменнымъ честолюбцемъ, который изъ конюшни (нѣкоторые считаютъ его внукомъ конюха) добрался до высоты герцогскаго престола. Подчеркивая страсть Бирона къ лошадямъ, одинъ нѣмецкій дипломатъ такъ характеризуетъ его замашки: «Когда Биронъ говоритъ о лошадяхъ или съ лошадьми, онъ говоритъ по-человѣчески, но когда ему приходится говорить съ людьми, онъ говоритъ по-лошадиному». Во всѣхъ этихъ отзывахъ много преувеличеній и односторонности. Невѣрно, напримѣръ, указаніе на низменное происхожденіе Бирона (родъ его восходитъ къ XVI вѣку), преувеличена и грубость его: по словамъ одного историка (Долгорукова), Биронъ былъ «тонко-хитеръ, необычайно вкрадчивъ, умѣлъ неотразимо нравиться въ тѣхъ случаяхъ, когда терроризировать было нельзя. Въ этомъ странномъ и сложномъ субъектѣ было три человѣка: Биронъ—вкрадчивый, Биронъ—властитель, и Биронъ—злобный; первый былъ очарователенъ, второй—невыносимъ, третій—ужасенъ». Можетъ быть, преувеличивается также жестокость Бирона и его вліяніе на дѣла: новѣйшій изслѣдователь (Строевъ), опираясь на рядъ фактовъ, стремится доказать, что Биронъ былъ мягче императрицы, заступался передъ нею за опальныхъ, былъ непричастенъ къ ужасамъ Тайной Канцеляріи, скорѣе уклонялся отъ дѣлъ, чѣмъ стремился къ власти, не имѣлъ безграничнаго вліянія на Анну. Впрочемъ, названный изслѣдователь (Строевъ) старается вообще защитить правительство Анны Іоанновны отъ всего того, что обычно ставится ему въ упрекъ. Такъ онъ утверждаетъ, будто нельзя говорить о «нѣмецкой» партіи въ это царствованіе, такъ какъ нѣмцы часто ссорились другъ съ другомъ и, преслѣдуя личныя цѣли, дѣйствовали заодно съ русскими противъ своихъ же сородичей. Далѣе онъ оспариваетъ примѣненіе къ этому времени термина «господство нѣмцевъ» на томъ основаніи, что въ арміи было много иноземцевъ уже при Петрѣ; въ коллегіяхъ при Аннѣ служили преимущественно русскіе, а главные дѣятели—Минихъ и Остерманъ — достаточно обрусѣли. Указывается также, что при Аннѣ замѣтно было стремленіе вернуться къ завѣтамъ Петра Великаго, развить нѣкоторыя его начинанія, что при ней проведено было нѣсколько полезныхъ, хотя и не крупныхъ мѣропріятій и

довольно узкой, исключительно придворной: въ дѣла управленія и въ политику онъ мало вмѣшивался и во всякомъ случаѣ не онъ одинъ былъ творцомъ того, что названо его именемъ. Рядомъ съ нимъ стояли и другіе иноземцы: напр., два беззастѣнчивыхъ, запятнанныхъ всевозможными злоупотребленіями графа Левенвольда, интриганъ баронъ Менгденъ, нелишенный дипломатическихъ способностей гр. Кейзерлингъ, Бисмаркъ, бароны Корфы и многіе другіе. Среди нихъ встрѣчались люди очень способные, талантливые, даже безкорыстные, но всѣ они составляли нѣмецкую партію, правда не всегда единодушную, но все же оттѣснявшую русскихъ отъ вліянія. Главными же дѣльцами анненскаго царствованія были Минихъ и Остерманъ, тоже иностранцы, но уже нѣсколько лѣтъ прожившіе въ Россіи. Фельдмаршалъ Минихъ всталъ во главѣ войскъ (другимъ виднымъ военачальникомъ былъ популярный среди солдатъ Ласси), Остерманъ сдѣлался душою дипломатіи и гражданскаго управленія.

§ 31. Управленіе при Аннѣ Іоанновнѣ.

Важнѣйшими административными реформами Анны Іоанновны были: 1) преобразованіе Сената, 2) учрежденіе Кабинета Министровъ.

Уже первые дни самодержавнаго правленія императрицы ознаменовались возрожденіемъ «Правительствующаго Сената»; онъ пополненъ былъ выдающимися людьми и раздѣленъ на 5 департаментовъ; возстановлены были нѣкоторыя упраздненныя должности. Но это продолжалось недолго: блестящій составъ сенаторовъ быстро порѣдѣлъ изъ-за опалъ, департаменты и возстановленныя должности просуществовали лишь короткое время, а самъ Сенатъ скоро утратилъ руководящее значеніе, сохранивъ лишь дѣловое, такъ какъ былъ заслоненъ новымъ высшимъ учрежденіемъ—Кабинетомъ Министровъ, появившимся уже осенью 1731 года.

Учрежденный «для лучшаго и порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ» Кабинетъ постепенно получилъ точно такое же значеніе, какое имѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ.

Цѣль Кабинета, по смыслу донесенія англійскаго дипломата, заключалась именно въ томъ, чтобы «изъять изъ вѣдѣнія Сената важнѣйшія дѣла». Его тождество съ Верховнымъ Совѣтомъ под-

---

наконецъ, что главную заслугу ея царствованія составляло обузданіе злоупотребленій чиновниковъ.

Другой изслѣдователь «законодательства Анны Іоанновны» (Парамоновъ) смотритъ на дѣло иначе. Оправдывая во всемъ императрицу, признавая ее мягкой и сострадательной, онъ обвиняетъ во всѣхъ ужасахъ Бирона и находитъ въ законодательствѣ этого царствованія презрѣніе къ личности и правамъ подданныхъ, непониманіе финансовой политики, сбивчивость указовъ.

Большинство историковъ также смотритъ на это время, какъ «на одну изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи» (слова проф. Ключевскаго).

тверждается словами современника, который говоритъ: «хотя имена (этихъ учрежденій) разныя, а дѣйство почти одно въ обоихъ было». Различіе между ними историкъ (Покровскій) усматриваетъ только въ томъ, что въ дѣятельности В. Совѣта замѣтна была «яркая, опредѣленная, сознательная политика», а въ дѣятельности Кабинета — лишь «куча бюрократическихъ мелочей». Спеціальный изслѣдователь Кабинета (Строевъ) дѣлитъ его исторію на два періода: отъ 1731 до 1735 и отъ 1735 до 1740 г. Въ первый періодъ это учрежденіе было очень сходно съ существовавшимъ еще при Петрѣ I Кабинетомъ Его Величества (вѣдавшимъ Высочайшую корреспонденцію) и занималось всевозможными дѣлами, восходящими до Анны Іоанновны, собирало свѣдѣнія о дѣятельности государственныхъ учрежденій, наблюдало за производствомъ слѣдствій (напр., по обвиненію Долгорукихъ), имѣло и спеціальный кругъ дѣлъ, однако дѣйствовало всегда отъ имени императрицы. Но мало-по-малу Кабинетъ изъ посредника между Сенатомъ и государыней превратился въ Совѣтъ при ней и съ лѣта 1735 г. сталъ какъ бы надстройкой надъ Сенатомъ, замѣняя своими резолюціями подпись императрицы; иными словами, указы, подписанные кабинетъ-министрами, получали такую же силу, какъ Высочайшіе. Однако, слѣдя за всѣми колесами государственной машины, Кабинетъ не получилъ вполнѣ опредѣленной компетенціи, и характеръ его дѣятельности во многомъ зависѣлъ отъ его личнаго состава.

Кабинетъ-министрами, т.-е. членами Кабинета, назначены были кн. Черкасскій, канцлеръ Головкинъ и вице-канцлеръ Остерманъ. Послѣдній, по словамъ историка (Ключевскаго), былъ «полновластнымъ и негласнымъ вдохновителемъ своихъ ничтожныхъ товарищей».

Изъ другихъ административныхъ мѣръ Анны Іоанновны слѣдуетъ отмѣтить упорядоченіе коллегій (онѣ получили лучшую организацію, составъ ихъ былъ увеличенъ, нѣкоторыя изъ упраздненныхъ возстановлены). Въ Малороссіи вновь учреждена была Малороссійская Коллегія (взамѣнъ гетмана), которая должна была придерживаться политики Петра I по отношенію къ этому краю. Состояніе его было очень плачевнымъ: тяжелая война съ Турціей, ведшаяся, какъ увидимъ, при Аннѣ, привела Малороссію въ полное разореніе. Такое же разореніе постигло и большую часть коренной Россіи вслѣдствіе безпощаднаго взыскиванія податей и недоимокъ.

§ 32. Положеніе сословій при Аннѣ Іоанновнѣ.

Крестьянство. Изобрѣтеніемъ способовъ взиманія недоимокъ исчерпывалась, въ сущности, сословная политика правительства Анны Іоанновны по отношенію къ крестьянству. Для этого создавались спеціальныя учрежденія (Доимочная Канцелярія, Доимочный Приказъ, Доимочная Комиссія); сборъ подушной подати

опять, какъ при Петрѣ I, порученъ былъ военному начальству; затѣмъ его передали самимъ помѣщикамъ, однако въ деревни неисправныхъ плательщиковъ посылались для насильственнаго взысканія недоимокъ «экзекуціонныя» военныя команды, прибѣгавшія къ самымъ безпощаднымъ наказаніямъ: конфискаціи имуществъ, правежу, заключенію въ тюрьмы, ссылкѣ, заковыванію въ цѣпи. Этому подвергались не одни крестьяне и старосты, но также помѣщики и даже областное начальство. На такіе ужасы, не уступавшіе вражескимъ нашествіямъ, крестьяне отвѣчали повальнымъ бѣгствомъ въ Польшу, Молдавію и другія мѣста, отъ чего пустѣли цѣлыя деревни (въ одномъ уѣздѣ оказалось 68 заброшенныхъ селъ). Правительство въ концѣ концовъ не могло не обратить вниманія на совершенное разореніе крестьянъ, повлекшее за собою страшный голодъ, тѣмъ болѣе, что нашелся энергичный защитникъ ихъ въ лицѣ оберъ-прокурора Сената Маслова, который былъ, по словамъ историка (Ключевскаго), «неутомимымъ ходатаемъ крестьянскихъ нуждъ».

Какъ оберъ-прокуроръ, Масловъ боролся съ злоупотребленіями, какъ человѣкъ, причастный къ сбору недоимокъ, видѣлъ всю гибельность положенія крестьянъ. Для улучшенія ихъ быта онъ проектировалъ рядъ энергичныхъ мѣръ, настаивая, напр., на томъ, чтобы крестьянскіе оброки и работы на господъ опредѣлялись закономъ, чтобы изобрѣтенъ былъ способъ неотяготительнаго сбора подушной и т. д.

Однако практическіе результаты его стараній были невелики: (въ 1739 году) появился указъ, которымъ правительство обязывало помѣщиковъ кормить крестьянъ въ неурожайные годы и ссужать ихъ сѣменами. Остальные указы, касавшіеся крестьянскаго вопроса, были жестоки: (въ 1736 году) помѣщикамъ предоставлялось право наказывать бѣглыхъ по своему усмотрѣнію; нѣсколькими другими узаконеніями ограничивались имущественныя права крестьянъ.

Дворянство. Болѣе благосклоннымъ было законодательство по отношенію къ дворянству: оно считалось съ желаніями, изложенными въ шляхетскихъ проектахъ. Въ 1731 году былъ отмѣненъ непріятный для дворянъ и постоянно нарушаемый ими законъ о единонаслѣдіи, при чемъ вотчины и помѣстья окончательно сливались подъ наименованіемъ «недвижимыя имѣнія вотчины», которыя могли дѣлиться между дѣтьми поровну. Тогда же учрежденъ былъ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, окончаніе котораго открывало доступъ прямо въ офицерскіе чины (минуя нижніе). Такъ какъ это дворянское учебное заведеніе преслѣдовало не только военно-профессіональныя, но и общеобразовательныя цѣли («дабы шляхетство отъ малыхъ лѣтъ къ тому въ теоріи обучены, а потомъ и въ практикѣ годны были»), то поступавшіе въ него, смотря по природнымъ склонностямъ, изучали «воинскія» или «гражданскія» науки. Не попавшіе въ него, не будучи освобождены отъ

образованія, которое продолжало считаться обязательнымъ, могли, однако, получать его или въ другихъ школахъ или же дома, подвергаясь въ установленные сроки государственнымъ экзаменамъ. Такимъ образомъ учебная система Петра, сущность которой заключалась въ насажденіи техническаго образованія, посредствомъ принудительнаго опредѣленія дворянъ въ правительственныя профессіональныя школы, нѣсколько измѣнилась: образованіе, оставшись обязательнымъ, стало болѣе свободнымъ и общимъ. Равнымъ образомъ служба, не утративъ обязательности, сдѣлалась болѣе легкой не только потому, что нѣкоторые начинали ее въ офицерскихъ чинахъ, но и потому, что (закономъ 1736 года) она была ограничена 25-ти-лѣтнимъ срокомъ, при чемъ одинъ изъ сыновей въ семьѣ вовсе освобождался отъ службы, оставаясь дома для присмотра за хозяйствомъ. (Любопытно, что эти неслужащіе дворяне не освобождались отъ обученія, «понеже и имъ ариѳметику и геометрію наипаче знать надлежитъ, дабы въ домашней экономіи порядочные счеты и въ земляхъ своихъ по дачамъ мѣру знали и едино свое право защищали, не уклоняясь невѣжествомъ въ богомерзкія ябеды и отъ того происходящіе напрасные убытки и разоренія»). Впрочемъ, законъ о 25-ти-лѣтней службѣ не всегда соблюдался правительствомъ, слѣдовательно не принесъ дворянству обѣщанныхъ выгодъ. Мало выиграло оно и отъ образованія двухъ новыхъ гвардейскихъ полковъ: Измайловскаго и Коннаго, такъ какъ офицерскіе чины въ нихъ замѣщались преимущественно нѣмцами. Такимъ образомъ эти полки не сдѣлались выгоднымъ пристанищемъ для дворянства, а скорѣе стали угрозой для старой гвардіи.

Купечество.

Если дворянство, несмотря на нѣкоторыя полученныя льготы, имѣло основаніе быть недовольнымъ, то тѣмъ болѣе можно сказать это о купечествѣ: экономическіе интересы Россіи, вслѣдствіе своекорыстія временщиковъ, систематически приносились въ жертву западно-европейскимъ капиталистамъ. Такъ, напр., англичанамъ дѣлались всевозможныя таможенныя послабленія, имъ поручена была поставка сукна на войска, наконецъ, что наносило наибольшій ущербъ русскимъ, англійской торговой компаніи удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ крайне выгодный вывозъ шелка изъ Персіи. Еще раньше (въ 1732 г.) правительство Анны Іоанновны уступило Персіи прикаспійскія земли, завоеванныя Петромъ Великимъ. Отказываясь отъ этихъ завоеваній, оно не избѣгло, однако, разорительныхъ и малооправдываемыхъ русскими интересами войнъ.

§ 33. Внѣшняя политика при Аннѣ Іоанновнѣ.

Въ 1733 году, когда по смерти Августа II на польскій престолъ былъ избранъ ставленникъ Франціи Станиславъ Лещинскій (въ свое время поддерживаемый Карломъ XII), русскія войска въ числѣ 50.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Ласси, двинуты были въ Польшу, чтобы изгнать его и доставить корону сыну Августа II, которому покровительствовала Австрія (ея содѣйствіе нужно было Бирону для пріобрѣтенія герцогскаго титула въ Курляндіи; поэтому онъ хлопоталъ о войнѣ). Цѣною гибели массы русскихъ солдатъ и долговременной трудной осады Данцига (осадою руководилъ сперва Левенвольдъ, затѣмъ самъ Минихъ) цѣль была достигнута: Лещинскій уступилъ престолъ Августу III, курфюрсту Саксонскому. Еще болѣе тяжкихъ жертвъ стоила война съ Турціей (1735—1739 г.г.). Поводъ къ ней найденъ былъ въ набѣгахъ Крымскихъ татаръ, цѣлью поставлено уничтоженіе невыгодныхъ условій Прутскаго мира. Но, повидимому, главнымъ основаніемъ для войны было желаніе полководцевъ Анны Іоанновны, особенно Миниха, увѣнчать себя побѣдными лаврами. Блеска было не мало: полный разгромъ Крыма, взятіе сильнѣйшихъ турецкихъ крѣпостей (напр., Очакова, Хотина и Азова), занятіе Молдавіи, приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай. Однако вслѣдствіе чудовищной смертности солдатъ и очень неудачной помощи Австріи, войну пришлось закончить, удовольствовавшись смѣшными по своей ничтожности результатами: по Бѣлградскому миру 1739 года Россія пріобрѣтала небольшой кусокъ степи у Буга и Донца и обязала турокъ срыть Азовскія укрѣпленія. Такъ растаяли честолюбивыя мечты Миниха о походѣ на Константинополь и его планы сооруженія флота на Черномъ морѣ. Пока шли приготовленія къ осуществленію этого плана, забытый Балтійскій флотъ, надъ созданіемъ котораго такъ много трудился Петръ I, приходилъ въ полную негодность. Итакъ, своей внѣшней политикой дѣятели анненскаго царствованія только лишній разъ подчеркнули свое непониманіе задачъ и интересовъ Россіи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Борьба между русской и нѣмецкой партіями.

§ 34. Дѣло Волынскаго.

Весьма понятно, что и внутренняя и внѣшняя политика Анны Іоанновны, направляемая иноземцами, вызывала, какъ уже отмѣчалось, сильный ропотъ. Онъ объединялъ всѣ классы общества: доведенныхъ до голодной смерти крестьянъ, разорявшихся изъ-за иностранной конкуренціи купцовъ, обиженное такимъ же суровымъ

отношеніемъ, какъ при Петрѣ I, духовенство, оттѣсняемое отъ вліянія шляхетство. На всѣхъ лицахъ изображенъ былъ, по словамъ современника, «страхъ, уныніе, отчаяніе». Всѣ бѣды современники склонны были приписывать только господству нѣмцевъ и готовились къ борьбѣ съ нимъ. Такимъ борцомъ и въ то же время страстнымъ защитникомъ шляхетскихъ интересовъ выступилъ въ концѣ царствованія Анны Артемій Волынскій, далеко не безупречный, но очень талантливый дѣлецъ, стяжавшій извѣстность еще при Петрѣ Великомъ, умѣвшій угодить Аннѣ Іоанновнѣ и назначенный ею кабинетъ-министромъ (весною въ 1738 году — на мѣсто умершаго Головкина). Достигнувъ такого высокаго положенія и снискавъ полное довѣріе императрицы, Волынскій началъ дѣйствовать не только противъ Остермана, съ которымъ не ладилъ Биронъ, но и противъ него самого. Однако борьба съ Бирономъ оказалась не подъ силу Волынскому; обвиненный въ цѣломъ рядѣ преступленій, дѣйствительныхъ и вымышленныхъ, смѣлый кабинетъ-министръ послѣ мучительныхъ пытокъ сложилъ голову на плахѣ вмѣстѣ съ двумя своими «конфидентами» (т.-е. довѣренными, близкими людьми—Еропкинымъ и Хрущевымъ). Артемій Волынскій (состоявшій въ родствѣ съ Петромъ I, какъ мужъ двоюродной сестры послѣдняго—А. Л. Нарышкиной), былъ очень любопытной личностью, типичнымъ продуктомъ петровской преобразовательной эпохи со всѣми ея достоинствами и недостатками. Съ одной стороны это — практикъ-энциклопедистъ, мастеръ на всѣ руки: онъ и отличный администраторъ (губернаторствовалъ сперва въ Астрахани, затѣмъ въ Казани), и военачальникъ (участвовалъ въ Персидской войнѣ), и разносторонній дипломатъ (великолѣпно изучилъ Персію, былъ на конгрессѣ, обсуждавшемъ мирный договоръ съ Турціей), и искусный царедворецъ (занималъ должность егермейстера при Аннѣ, имѣвшей страсть къ охотѣ), и образцовый по дѣловитости чиновникъ (въ качествѣ кабинетъ-министра онъ упорядочилъ дѣлопроизводство Кабинета), и, наконецъ, плодовитый авторъ многихъ разсужденій и проектовъ, посвященныхъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ; въ нихъ онъ развиваетъ настроенія части шляхетства 1730 года, предлагая, напримѣръ, рядомъ съ Сенатомъ поставить «нижнее правительство» изъ представителей низшаго и средняго дворянства, но при этомъ онъ выказываетъ большую широту взглядовъ, не забывая и другія сословія и удѣляя огромное вниманіе вопросамъ народнаго образованія (онъ стремится къ всеобщему обученію) и правосудія. Съ другой стороны, Волынскій—беззастѣнчивый взяточникъ и жестокій самоуправецъ: при всѣхъ правительствахъ, которымъ онъ служилъ, онъ попадалъ подъ слѣдствіе, подвергался временно опалѣ и болѣе существеннымъ карамъ за свои хищническія злоупотребленія и грубыя выходки. Одна изъ такихъ выходокъ и послужила «началомъ конца» Волынскаго въ царствованіе Анны: просвѣщенный кабинетъ-министръ, ра-

товавшій объ учрежденіи академій и университетовъ, жестоко избилъ академика Тредьяковскаго за то, что тотъ замѣшкался съ сочиненіемъ стиховъ по случаю шутовского празднества, устраиваемаго Волынскимъ («ледяной домъ»). При грубыхъ нравахъ того времени такое избіеніе само-по-себѣ сошло бы, конечно, ему безнаказанно, но оно произведено было въ домѣ Бирона, и послѣдній воспользовался оскорбленіемъ своего гостя (т.-е. Тредьяковскаго) для того, чтобы припомнить обидчику все, чѣмъ онъ уязвилъ самого хозяина. (Какъ-то разъ въ присутствіи Бирона Волынскій многозначительно сказалъ, что онъ «не помѣщикъ и не вассалъ Польши», намекая этимъ на вассальное положеніе герцога Курляндскаго; далѣе онъ, какъ говорятъ, разстроилъ предполагавшуюся женитьбу сына Бирона на племянницѣ императрицы Аннѣ Леопольдовнѣ; наконецъ, въ своихъ запискахъ, подававшихся Аннѣ Іоанновнѣ, Волынскій не воздерживался отъ иносказательныхъ, но довольно прозрачныхъ намековъ на вредъ «бироновщины»). Однако, чтобы побудить императрицу предать Волынскаго суду, Бирону, по преданію, пришлось обратиться къ крайнему средству, предложивъ ей на выборъ: «либо я,—либо онъ». На судѣ обнаружились многочисленныя злоупотребленія кабинетъ-министра, но въ особенную вину были поставлены ему его намѣренія, о которыхъ повѣдали разные свидѣтели. По всей вѣроятности эти вымученныя пыткой показанія были лживы: такъ, напр., Волынскаго обвиняли не только въ покушеніи на государственный переворотъ, но даже въ стремленіи овладѣть престоломъ. Судъ приговорилъ—Волынскаго посадить на колъ, вырѣзавъ у него предварительно языкъ, его «конфидентовъ» четвертовать и затѣмъ обезглавить, дѣтей Волынскаго отправить въ вѣчную ссылку. Императрица нѣсколько смягчила приговоръ: Волынскій, Еропкинъ и Хрущовъ (эти двое—образованнѣйшіе люди своего времени) были обезглавлены, другіе, напр., Мусинъ-Пушкинъ и Соймоновъ сосланы.

§ 35. Регентство Бирона.

Послѣ побѣды надъ Волынскимъ Биронъ одержалъ еще одну блестящую побѣду: онъ добился у императрицы своего назначенія регентомъ на время малолѣтства ея наслѣдника — Іоанна Антоновича. Послѣдній былъ сыномъ ея племянницы Анны Леопольдовны (дочери Екатерины Іоанновны Мекленбургской) и Брауншвейгъ-Люнебургскаго принца Антона-Ульриха. Назначая преемникомъ своего двоюроднаго внука, Анна Іоанновна руководствовалась стремленіемъ сохранить престолъ за потомствомъ своего отца (Іоаннъ Антоновичъ приходился прямымъ правнукомъ царя Іоанна V Алексѣевича—брата и соправителя Петра I). Но такъ какъ наслѣдникъ былъ новорожденнымъ младенцемъ (онъ родился въ 1740 году), то возникалъ вопросъ о регентствѣ. Родители Іоанна совершенно не

подходили къ такой роли: Анна Леопольдовна поражала всѣхъ своей полной безпомощностью, бездѣятельностью и лѣнью, а объ Антонѣ-Ульрихѣ даже приверженцы его не могли сказать ничего другого, кромѣ того, что «онъ—добрый малый» и только. Пользуясь этимъ, Биронъ и выдвинулъ свою кандидатуру въ регенты. Изъ страха или изъ своекорыстныхъ расчетовъ его поддержали другіе вельможи (даже изъ русскихъ), и Анна Іоанновна, хотя и не безъ колебаній, согласилась исполнить желаніе своего любимца.

Поэтому, когда въ октябрѣ 1740 года, послѣ кончины Анны, императоромъ объявленъ былъ младенецъ Іоаннъ VI (нѣкоторые историки называютъ его Іоанномъ III, какъ третьяго царя, носящаго такое имя, или Іоанномъ I, какъ императора), вся полнота власти перешла къ Бирону. Очевидно, долго продолжаться это не могло; ужъ слишкомъ смѣлый вызовъ сдѣланъ былъ этимъ общественному мнѣнію и національному чувству русскихъ людей. Однако интрига противъ регента начата была не русскими, а нѣмцемъ, правда обрусѣвшимъ, Минихомъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Биронъ деспотически относился къ матери императора, энергичный фельдмаршалъ предложилъ ей свою помощь противъ регента и, получивъ согласіе, безъ всякаго труда, при содѣйствіи лишь нѣсколькихъ гвардейцевъ, арестовалъ его. Такимъ образомъ Биронъ меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ начала своего регентства, лишенъ былъ власти, осужденъ и сосланъ въ Сибирь (въ Пелымъ). Поплатились также нѣкоторые его приверженцы.

§ 36. Регентство государыни принцессы Анны Леопольдовны и заговоръ въ пользу царевны Елизаветы Петровны.

Регентшей сдѣлалась Анна Леопольдовна, окружившая себя еще болѣе ничтожными иноземцами, вѣчно ссорившаяся со своимъ мужемъ «генераллиссимусомъ» Антономъ-Ульрихомъ и боявшаяся всего и всѣхъ, особенно же Миниха. На этомъ ея страхѣ сталъ очень ловко играть Остерманъ, возведенный теперь въ званіе генералъ-адмирала (хотя къ морскому дѣлу онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія; неудивительно, что при немъ флотъ пришелъ въ такое состояніе, что ни одинъ почти корабль не могъ выйти въ плаваніе). Негодуя на возроставшее вліяніе Остермана, Минихъ рѣшилъ припугнуть правительницу своимъ прошеніемъ объ отставкѣ, но, къ великому своему изумленію, получилъ ее. Такъ мѣнялись временщики, подкапывавшіеся другъ подъ друга. Режимъ оставался прежнимъ по существу, но не по силѣ: нѣмецкая правящая среда ослабила себя взаимными интригами и распрями; этимъ самымъ она какъ бы облегчила успѣхъ широко разроставшагося русскаго національнаго движенія, которое особенно замѣтно проявлялось въ гвардіи

и имѣло своей цѣлью положить конецъ господству нѣмцевъ и возвести на престолъ дочь Петра Великаго—Елизавету, извѣстную своими чисто русскими взглядами и привычками и любимую народомъ.

Съ прекрасною, обаятельною внѣшностью Елизавета Петровна соединяла добрый, привѣтливый, ласковый и въ то же время вспыльчивый характеръ, мечтательный, лѣнивый умъ и веселое, легкомысленное, нѣсколько капризное настроеніе духа. Систематическаго образованія она не получила, но французы-учителя дали ей внѣшнюю шлифовку, научили иностраннымъ языкамъ и танцамъ (въ исполненіи ихъ она въ свое время не знала соперницъ), внушили страсть къ баламъ и пышнымъ торжествамъ, которыми такъ блисталъ современный Версаль. Это наносное, поверхностное западно-европейское вліяніе сообщило ей, какъ и огромному большинству ея современниковъ, большое легкомысліе и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ устоевъ, но не искоренило въ ней чисто-русскихъ наклонностей, не потушило старозавѣтной московской набожности. По словамъ историка (Ключевскаго), «отъ вечерни она шла на балъ, а съ бала поспѣвала къ заутрени, благоговѣйно чтила святыни и обряды русской церкви, выписывала изъ Парижа описаніе придворныхъ банкетовъ и фестивалей и до тонкости знала всѣ гастрономическіе секреты русской кухни». Избалованная своими родителями, пользовавшаяся горячимъ расположеніемъ своего племянника Петра II, Елизавета не озлобилась и въ тѣ тяжелые годы, которые выпали ей на долю въ царствованіе Анны Іоанновны, державшей ее подъ строгимъ надзоромъ, грозившей ей монастыремъ или супружествомъ съ какимъ нибудь незначительнымъ нѣмецкимъ княземъ. Царевна только замкнулась въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, стараясь развлеченіями заглушить свои тревоги. На судьбу она не жаловалась, жаловалась только на недостатокъ средствъ, очень скупо отпускавшихся ей. Любя спокойную и беззаботную жизнь, чуждая властолюбивыхъ мечтаній, она не только не вмѣшивалась сама въ политику, но даже пугалась, когда другіе впутывали ее въ эту страшную для нея область. А между тѣмъ, это случалось все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ росло недовольство нѣмецкимъ режимомъ. Давленіе на Елизавету Петровну оказывалось съ двухъ сторонъ: съ одной стороны были гвардейцы, съ другой—шведская и французская дипломатія. Гвардейцы видѣли въ Елизаветѣ единственную вполнѣ русскую представительницу династіи, дочь Великаго Создателя гвардіи, популярную въ народѣ царевну, наконецъ, свою всегда привѣтливую «куму» (Елизавета Петровна крестила дѣтей въ семьяхъ многихъ гвардейцевъ). Уже въ царствованіе Анны Іоанновны носились слухи о заговорахъ въ пользу нея. Когда же нѣмецкій режимъ сталъ ослабѣвать, гвардейцы толпой являлись къ Елизаветѣ Петровнѣ, окружали ее на улицѣ, шумно выражая свои симпатіи, свою полную готовность къ совершенію переворота. Не менѣе настойчиво дѣйствовали дипломаты. Шведское пра-

вительство надѣялось, возведя на русскій престолъ Елизавету Петровну, добиться у нея уступки тѣхъ пріобрѣтеній, которыя были сдѣланы Петромъ I по Ништадтскому миру. Оно поспѣшило даже объявить войну Аннѣ Леопольдовнѣ, чтобы этимъ окончательно обезсилить ее. Французской дипломатіи необходимо было отвлечь Россію отъ традиціоннаго союза съ Австріей, чего трудно было достигнуть въ правленіе родственной австрійскому дому Брауншвейгской династіи. Шведскій посланникъ (Нолькенъ) и французскій (маркизъ де-ла-Шетарди) дѣйствовали согласно и нашли отличнаго посредника для переговоровъ съ Елизаветой Петровной въ лицѣ ея придворнаго доктора француза Лестока. Шведско-французская интрига не укрылась отъ англійскаго дипломата, и онъ обстоятельно донесъ о ней русскому правительству. Однако Остерманъ, не имѣвшій никакой опоры въ гвардіи, такъ растерялся, что ограничился лишь «наблюденіемъ» за Елизаветой Петровной, а Анна Леопольдовна не нашла ничего лучшаго, какъ сообщить ей о полученномъ донесеніи. Очевидно, такой наивный разговоръ, за которымъ могъ однако послѣдовать арестъ, побудилъ колеблющуюся Елизавету Петровну оставить выжидательный образъ дѣйствій: 24 ноября 1741 года она рѣшилась, наконецъ, хотя и не безъ большой робости, на государственный переворотъ.

Въ ночь на 25 ноября она явилась съ крестомъ въ рукахъ въ казарму гренадерской роты Преображенскаго полка, была восторженно встрѣчена солдатами и пригласила ихъ слѣдовать за собою во дворецъ, стража котораго также привѣтствовала ее. Здѣсь она арестовала Анну Леопольдовну и младенца-императора, а гвардейцы тѣмъ временемъ хватали Антона-Ульриха, Миниха, Остермана, Левенвольда и другихъ представителей нѣмецкой партіи. Такъ, безъ всякаго противодѣйствія и кровопролитія, при восторженныхъ кликахъ толпы, высыпавшей на улицу несмотря на ночное время, при бурныхъ и даже рѣзкихъ проявленіяхъ національнаго чувства рухнуло «господство нѣмцевъ», провозглашена была императрицей Елизавета Петровна. Щедро вознаградивъ гвардію, въ особенности же гренадерскую роту, которая переименована была въ лейбъ-компанію, и всѣ солдаты которой произведены были въ офицеры, Елизавета старалась обойтись очень мягко съ дѣятелями павшаго правительства: солдатамъ запрещено было кого-либо убивать или обижать (однако они не могли удержаться отъ того, чтобы не «помять» нѣсколько Миниха и Остермана), а смертный приговоръ, вынесенный судомъ Остерману, Миниху и ихъ приспѣшникамъ, замѣненъ былъ ссылкой въ Сибирь [1]) (по преданію, царевна передъ совершеніемъ переворота поклялась никого

[1]) Остерманъ скончался въ Березовѣ въ 1747 г., а Минихъ, выдержавъ въ Пелымѣ двадцатилѣтнюю ссылку, возвращенъ былъ, какъ увидимъ, преемникомъ Елизаветы и игралъ при немъ важную роль.

не казнить); Елизавета Петровна припомнила также, что въ царствованіе Анны Іоанновны Биронъ былъ единственнымъ расположеннымъ къ ней иноземцемъ и поспѣшила вызвать его изъ Сибири на житье въ Ярославль; наконецъ, на первыхъ порахъ она хотѣла выказать мягкость и по отношенію къ Брауншвейгской фамиліи: Аннѣ Леопольдовнѣ со всей семьей разрѣшено было выѣхать за границу. Однако внушенныя Елизаветѣ опасенія, что низвергнутый императоръ можетъ найти поддержку въ Западной Европѣ побудили ее отказаться отъ первоначальнаго намѣренія и сослать членовъ Брауншвейгской фамиліи въ Холмогоры, гдѣ они подверглись тяжкому заключенію и были совершенно отрѣзаны отъ міра. Антонъ-Ульрихъ и Анна протомились тамъ до самой смерти. Бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ, самое имя котораго новое правительство хотѣло какъ бы изгладить изъ памяти народной, черезъ нѣсколько лѣтъ переведенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ впалъ въ полное слабоуміе; его сестры послѣ долговременнаго пребыванія въ Холмогорахъ получили, въ концѣ концовъ, дозволеніе поселиться въ Германіи. Трудно объяснить, почему императрица, отличавшаяся природной добротой, не хотѣла найти болѣе гуманнаго способа сдѣлать безопаснымъ для себя безвиннаго Іоанна Антоновича.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Возвышеніе дворянства.

§ 37. Общій характеръ царствованія Елизаветы и ея сотрудники.

Императрица Елизавета Петровна принесла на русскій престолъ свой мягкій характеръ, сообщившій извѣстную гуманность всему управленію, искреннее стремленіе къ національной политикѣ и желаніе возродить порядки, заведенные Петромъ I, продолжить его начинанія. Однако обстановка ея воцаренія и обусловленный въ значительной степени этой обстановкой составъ сотрудниковъ, а также неподготовленность самой императрицы къ самостоятельной творческой дѣятельности помѣшали осуществиться такому желанію: политика Елизаветинскаго царствованія лишена была широты и энергіи, свойственныхъ петровской правительственной системѣ, и получила, по преимуществу, узко-дворянскій характеръ. Тѣмъ не менѣе просвѣтительныя мѣропріятія Елизаветы, ея гуманное и національное направленіе сообщили ея царствованію немаловажное культурное значеніе. Гуманность политики выразилась, напримѣръ, въ томъ, что указомъ 1744 г. отмѣнена была смертная казнь, что изъ судебнаго обихода стала постепенно исчезать пытка, что прекратился гнетущій сыскъ бироновщины, сказалась, наконецъ, въ общей мягкости режима. «Съ правленія царевны Софіи (по словамъ историка Ключев-

скаго) никогда не жилось на Руси такъ легко (какъ при Елизаветѣ) и ни одно царствованіе до 1762 года не оставило по себѣ такого пріятнаго воспоминанія». Объясняется это въ значительной степени его національнымъ характеромъ. Послѣдній выразился прежде всего въ томъ, что на всѣхъ отвѣтственныхъ постахъ русскіе замѣнили иностранцевъ. (Иноземцы уцѣлѣли кое-гдѣ лишь въ качествѣ дипломатовъ; такъ, напр., русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ былъ Кейзерлингъ, на котораго возложена была трудная миссія умиротворить австрійское правительство, возмущенное сверженіемъ Іоанна Антоновича, состоящаго, какъ сказано, въ родствѣ съ австрійской династіей; Кейзерлингъ добился этого, способствуя возведенію на императорскій престолъ супруга Маріи-Терезіи — Франца-Стефана Лотарингскаго, кромѣ того, благодаря его стараніямъ, вѣнскій дворъ оффиціально призналъ за русскими государями право на императорскій титулъ, оспариваемое ранѣе). Своихъ сотрудниковъ императрица Елизавета Петровна брала отчасти изъ русскихъ дѣятелей анненскаго царствованія, главнымъ же образомъ изъ среды лицъ, которыхъ она хорошо знала еще въ бытность свою царевной. Изъ числа первыхъ слѣдуетъ упомянуть оффиціальнаго главу русской дипломатіи, неспособнаго и нерѣшительнаго князя Черкасскаго (прежняго кабинетъ-министра) и руководившаго имъ, а затѣмъ и вовсе его замѣнившаго А. П. Бестужева-Рюмина. Послѣдній исполнялъ многочисленныя дипломатическія порученія при Петрѣ I, въ концѣ царствованія Анны снискалъ расположеніе и довѣріе Бирона и замѣнилъ собою въ Кабинетѣ казненнаго Волынскаго, затѣмъ отправленъ былъ въ ссылку вслѣдъ за Бирономъ и возвращенъ при воцареніи Елизаветы Петровны. Обладая недюжинными дипломатическими способностями, стараясь въ вопросахъ внѣшней политики слѣдовать завѣтамъ Петра Великаго, Бестужевъ-Рюминъ умѣлъ стойко защищать интересы Россіи, хотя, быть можетъ, и не отличался такою неподкупностью, какую любилъ выказывать и какую часто признаютъ въ немъ. Изъ людей новыхъ, поддерживавшихъ Елизавету Петровну въ тяжелые для нея годы и способствовавшихъ ея воцаренію, наиболѣе замѣтными были двое Разумовскихъ: Алексѣй и Кириллъ Григорьевичи и двое Шуваловыхъ: Иванъ и Петръ Ивановичи.

А. Г. Разумовскій, простой малороссійскій козакъ по происхожденію, попавшій случайно въ придворный хоръ, вознесенъ былъ судьбою до степени самаго близкаго человѣка къ Елизаветѣ Петровнѣ (по преданію, она состояла въ негласномъ бракѣ съ Разумовскимъ). Его самолюбіе было вполнѣ удовлетворено такою близостью къ императрицѣ, исключительнымъ почетомъ, массою орденовъ, пышными титулами, богатствомъ и роскошной обстановкой. Поэтому онъ не проявлялъ никакихъ притязаній на политическое вліяніе и не домогался роли временщика. Братъ его Кириллъ, получившій отличное образованіе за границей, тоже довольствовался только высокими титулами: онъ

былъ и «графомъ Римской имперіи» (получивъ такой титулъ отъ германскаго императора), и генералъ-фельдмаршаломъ, и гетманомъ Малороссіи (для него возстановлено было это званіе, уничтоженное, какъ извѣстно, Анной). Съ 18 лѣтъ онъ состоялъ, кромѣ того, президентомъ Академіи наукъ, будучи поставленъ такимъ образомъ какъ бы во главѣ народнаго просвѣщенія. Однако для успѣха послѣдняго несравненно болѣе, чѣмъ онъ, сдѣлалъ графъ И. И. Шуваловъ, посвятившій свои силы изученію наукъ и распространенію образованія въ народѣ, поощрявшій всякое стремленіе къ знанію, меценатъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и безукоризненный по своимъ нравственнымъ достоинствамъ человѣкъ. По словамъ историка (проф. Платонова), «на немъ не лежитъ ни одного пятна, напротивъ, это была личность замѣчательно привлекательная, представитель гуманности и образованности, лучшій продуктъ петровскихъ культурныхъ преобразованій и украшеніе Елизаветинской эпохи». Въ нравственномъ отношеніи ему много уступалъ гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ, въ которомъ, по словамъ того же историка, «властолюбивый интриганъ и нечестный стяжатель затмевали государственнаго дѣятеля». Преслѣдуя своекорыстныя цѣли, онъ запятналъ себя массою злоупотребленій. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ талантливѣйшимъ представителемъ правительственной среды и мастеромъ на всѣ руки: онъ составлялъ глубокомысленные проекты, провелъ много полезныхъ мѣръ, былъ свѣдущъ во всемъ и руководилъ дѣятельностью Сената, въ которомъ собрались другіе видные сподвижники Елизаветы, и который, какъ увидимъ, пользовался въ ея царствованіе исключительнымъ вліяніемъ.

Предоставивъ дѣла правленія своимъ приближеннымъ, императрица, вслѣдствіе отсутствія энергіи и крупныхъ политическихъ способностей, не умѣла объединять ихъ взгляды, примирять несогласія по многимъ государственнымъ вопросамъ. Этимъ историческая наука объясняетъ одну изъ особенностей ея царствованія—«отсутствіе руководящей программы, преобладаніе частичныхъ мѣръ надъ общими». Дѣятели его, разъединенные различіемъ своего образованія, правительственнаго опыта, воззрѣній и личныхъ качествъ, сходились лишь въ одномъ — въ поддержаніи интересовъ шляхетства, къ которому принадлежали всѣ они. Это-то общее стремленіе и дало политикѣ Елизаветинскаго царствованія вторую особенность — сословное, дворянское направленіе. Императрица не противилась ему, такъ какъ обстановка воцаренія побуждала ее не только править при помощи лицъ, которыя способствовали ея возведенію на престолъ, но и считаться съ ихъ желаніями. Правда, она дѣлала это лишь постольку, поскольку это не противорѣчило, по ея мнѣнію, національной политикѣ и не переходило извѣстныхъ границъ. Такъ, напр., со своими иноземными покровителями она не считалась. Шведское правительство, начавшее войну до ея воцаренія какъ бы въ защиту ея

правъ на престолъ, на самомъ же дѣлѣ — для возвращенія своихъ уступокъ 1721 г., должно было, какъ увидимъ, сдѣлать Елизаветѣ Петровнѣ новыя уступки. Французскій посолъ Шетарди, пытавшійся въ началѣ царствованія играть роль временщика и распорядителя внѣшней политики, въ 1748 г. былъ высланъ за-границу, послѣ того какъ канцлеръ Бестужевъ показалъ императрицѣ одно секретное его донесеніе съ очень нелестными отзывами о ней; посредникъ же Шетарди—докторъ Лестокъ, возомнившій себя также дипломатомъ и заручившійся вдобавокъ пенсіей отъ англійскаго правительства (такимъ образомъ онъ одновременно служилъ двумъ враждебнымъ въ это время государствамъ: Франціи и Англіи), поплатился даже наказаніемъ кнутомъ и ссылкой. Итакъ, Елизавета Петровна отнюдь не приспособляла интересовъ Россіи къ желаніямъ державъ, способствовавшихъ заговору въ ея пользу. Далѣе она приняла нѣкоторыя мѣры для обузданія слишкомъ зазнавшихся лейбъ-компанцевъ, которые такъ энергично помогали ей въ ночь на 25 ноября, и содѣйствіе которыхъ успѣху переворота было оффиціально признано Высочайшимъ указомъ и манифестомъ. Своеволіе этихъ щедро осыпанныхъ всякими милостями солдатъ преступало всякія границы. Когда одинъ изъ нихъ за буйное поведеніе былъ подвергнутъ аресту, его сотоварищи въ знакъ протеста перестали посѣщать дворецъ и этимъ добились его освобожденія. По словамъ англійскаго дипломата, «они явно сплотились въ строгій союзъ, дабы стоять одному за всѣхъ и всѣмъ за одного, что, пожалуй, не позволитъ ея величеству осуществить предположенное удаленіе наиболѣе распущенныхъ изъ ихъ среды; ея величество, пожалуй, признаетъ себя зависимой отъ нихъ: здѣшняя знать, по крайней мѣрѣ, чувствуетъ ихъ господство надъ собою» (Слова англійскаго посланника Финча, приводимыя историкомъ Покровскимъ). Понятно, Елизавета Петровна сдѣлала все, что могла, чтобы не дать лейбъ-компанцамъ превратиться въ римскихъ преторіанцевъ, турецкихъ янычаръ или стрѣльцовъ времени правленія Нарышкиныхъ. Но въ шляхетствѣ она не могла не видѣть большой политической силы. Вѣдь на ея глазахъ шляхетство въ лицѣ гвардіи принимало рѣшающее участіе во всѣхъ переворотахъ вплоть до послѣдняго, когда она сама, въ сопутствіи нѣсколькихъ гвардейцевъ, морозной ночью шла арестовывать Анну Леопольдовну; вѣдь никто лучше ея не зналъ, какъ росло недовольство шляхетства, когда правительство Анны Іоанновны, недостаточно удовлетворивъ его желанія, отгородилось отъ него нѣмцами. Поэтому Елизавета Петровна во все свое царствованіе считалась съ дворянскими желаніями.

§ 38. Внутренняя политика Елизаветы Петровны.

Возвышеніе Сената.

Первой уступкой, сдѣланной ею шляхетству, было возвышеніе Сената. О возстановленіи прежняго, петровскаго значенія Сената хлопотали, какъ извѣстно, шляхетскіе проекты еще при воцареніи Анны Іоанновны. Послѣдняя возстановила его, но только на бумагѣ, такъ какъ очень скоро Сенатъ подавленъ былъ Кабинетомъ Министровъ. Елизавета Петровна уничтожила Кабинетъ, вернула Сенату всѣ прежнія его права и на практикѣ предоставила ему даже гораздо большее значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ при Петрѣ. Елизаветинскій Сенатъ не только не заслонялся какимъ-нибудь чрезвычайнымъ учрежденіемъ (образованная впослѣдствіи Конференція при Высочайшемъ Дворѣ не заслонила его, такъ какъ занималась лишь вопросами внѣшней политики и состояла изъ сенаторовъ же), а скорѣе самъ приблизился къ типу такихъ учрежденій, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ все управленіе и присвоивъ себѣ законодательную власть, а также въ значительной мѣрѣ и завѣдываніе арміей (по крайней мѣрѣ, ея хозяйственной частью). Поэтому историкъ (Градовскій) характеризуетъ правленіе Елизаветы Петровны какъ «управленіе важнѣйшихъ сановниковъ, собранныхъ въ Сенатѣ». Этотъ-то вліятельный Сенатъ, вдохновляемый Петромъ Ив. Шуваловымъ, и сдѣлался проводникомъ сословной дворянской политики.

Желанія дворянства въ общемъ сводились къ слѣдующему: оно хотѣло обособиться отъ другихъ классовъ общества въ привилегированное, замкнутое сословіе, облегчить свою службу и учебную повинность, упорядочить свое землевладѣніе, расширить власть надъ крѣпостными, но въ то же время ограничить тѣ ихъ повинности, отвѣтственность за которыя лежала на помѣщикахъ, а происходящій отъ этого убытокъ казны возмѣстить изъ другихъ источниковъ. Разсмотримъ подробнѣе эти желанія и тѣ указы, которыми они были осуществлены.

Обособленіе потомственнаго дворянства и расширеніе его правъ.

Сознаніе своей политической роли и постепенное усвоеніе западно-европейскихъ понятій о дворянской чести пріучали шляхетство смотрѣть на себя какъ на «благородное сословіе», отличающееся отъ «подлыхъ» (т. е. низшихъ) своими правами. Прежде всего оно постаралось монополизировать въ своихъ рукахъ (т. е. присвоить исключительно себѣ) право владѣнія крѣпостными: нѣсколько елизаветинскихъ указовъ запрещало всѣмъ, кромѣ дворянъ, пріобрѣтать населенныя земли или крестьянъ безъ земли, повелѣвая тѣмъ не-дворянамъ, которые владѣютъ ими, продать ихъ въ установленный срокъ. Этого права лишены были, между прочимъ, и дворяне личные (т. е. лица недворян-

скаго происхожденія, состоящія на службѣ въ чинѣ ниже VIII ранга, который сообщалъ уже потомственное дворянство). Такимъ образомъ дворяне потомственные (т. е. происходящіе отъ предковъ-дворянъ и передающіе свое званіе потомкамъ) обособлялись отъ личныхъ (не передающихъ этого званія своимъ дѣтямъ), при чемъ принадлежность къ потомственному дворянству должна была доказываться соотвѣтствующими документами. Елизаветинское дворянство не чуждо было также притязаній на самостоятельное участіе въ управленіи. Такъ, напр., П. И. Шуваловъ составилъ проектъ, въ которомъ доказывалъ необходимость предоставить управленіе губерніями, провинціями и городами дворянамъ (очевидно выборнымъ, а не назначеннымъ, такъ какъ областные правители и безъ того назначались почти исключительно изъ дворянъ), чтобы подготовить людей «къ главному правительству». Освободиться отъ обязательной службы дворянству при Елизаветѣ не удалось, но оно нашло способъ нѣсколько облегчить ее: именно, съ этого времени вошло въ обычай, особенно въ знатныхъ семьяхъ, записывать дѣтей на службу съ самыхъ малыхъ лѣтъ: не неся никакихъ обязанностей, они числились однако служащими, получали чины и такимъ образомъ начинали дѣйствительную службу уже офицерами. Далѣе, какъ увидимъ, елизаветинскія просвѣтительныя мѣропріятія, подобно анненскимъ, тоже облегчали дворянскую службу; наконецъ, смягчены были прежніе строгіе законы о недоросляхъ, т. е. не сдавшихъ въ установленный срокъ экзамена. Особенное вниманіе удѣляло елизаветинское дворянство землевладѣнію и крестьяновладѣнію. Для упорядоченія перваго въ 1754 году начато было «генеральное» межеваніе земель. Въ томъ же году открылся дворянскій земельный банкъ, въ которомъ землевладѣльцы подъ залогъ своей недвижимой собственности могли брать 6%-ныя ссуды (впрочемъ, такой же заемный банкъ учрежденъ былъ и для купечества).

Власть помѣщиковъ надъ крѣпостными усилилась; на послѣднихъ правительство стало смотрѣть какъ на подданныхъ первыхъ. Это проявилось, напр., въ томъ, что при вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны крестьяне не были приведены къ присягѣ (въ этомъ, быть можетъ случайно, промелькнулъ взглядъ на нихъ какъ на подданныхъ не государства, а помѣщиковъ, которые присягаютъ и за себя и за своихъ людей). Многіе изъ землевладѣльцевъ составляли для своихъ «подданныхъ» особые законники. Продажа крѣпостныхъ съ землею и безъ земли ничѣмъ не ограничивалась. Покупать крѣпостныхъ могли даже безземельные дворяне. Множество государственныхъ (свободныхъ) крестьянъ роздано было въ крѣпостную неволю любимцамъ Елизаветы или приписано къ заводамъ. Въ 1760 году господамъ предоставлено было право ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь, при чемъ такіе ссыльные засчитывались помѣщику въ число рекрутовъ, которыхъ онъ обязанъ

былъ поставить съ своей земли. Такое право, жестокое само по себѣ, приводило сверхъ того къ страшнымъ злоупотребленіямъ: чтобы не терять рабочихъ рукъ отдачей крестьянъ въ рекруты, помѣщики безвинно ссылали въ Сибирь крѣпостныхъ, неспособныхъ къ военной службѣ и мало пригодныхъ къ полевымъ работамъ. Эти злоупотребленія доказываются словами одного губернатора: «вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству, произвольно, по усмотрѣнію отправлять въ ссылку ему подвластныхъ, при чемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло, ежедневно совершаются самыя возмутительныя дѣла. Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другого какого недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось противъ подобной привилегіи. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому же Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути». (Донесеніе Сиверса, приводимое историкомъ Покровскимъ). Другая проведенная при Елизаветѣ мѣра, касавшаяся рекрутскаго набора, была благодѣтельна не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ: именно, рѣшено было производить наборъ не со всего государства одновременно, а лишь съ одной изъ пяти полосъ, на которыя оно было раздѣлено для этой цѣли и которыя ежегодно чередовались. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ правительство лишило крестьянъ единственнаго законнаго выхода изъ крѣпостной неволи, запретивъ имъ добровольно поступать въ солдаты, что разрѣшалось при Петрѣ I. Дворянство заинтересовано было не только въ сохраненіи рабочихъ рукъ, но и въ облегченіи податного бремени крѣпостныхъ, такъ какъ, при отвѣтственности господъ за ихъ платежную исправность, подушная подать превратилась какъ бы «въ подать, платимую каждымъ помѣщикомъ со своихъ крестьянъ». Поэтому она вызывала большія нареканія со стороны дворянства. Такъ, напр., П. И. Шуваловъ выражалъ пожеланіе, чтобы народъ, «который есть главная сила государственная, былъ отъ подушнаго платежа совсѣмъ свободенъ». Для «удовольствованія всѣхъ помѣщиковъ» правительство Елизаветы Петровны постановило производить черезъ каждыя 15 лѣтъ ревизіи, чтобы опредѣлить точное число плательщиковъ (по ревизіи 1743 года сосчитано было 6.643.335 податныхъ душъ мужского пола, по ревизіи 1761 года 7.363.348 [1]), снимало недоимки, уменьшало размѣры подушнаго оклада.

---

[1]) Общая численность населенія при Елизаветѣ Петровнѣ достигала 20 милліоновъ (При Петрѣ I было только 13). Для увеличенія народонаселенія, особенно на южныхъ степныхъ окраинахъ, правительство Елизаветы усиленно приглашало туда колонистовъ-сербовъ.

Финансовыя мѣры.

Для возмѣщенія происходящаго отсюда ущерба для казны (финансы въ Елизаветинское царствованіе были далеко не блестящи: Сенатъ, при всемъ своемъ могуществѣ, не могъ добиться сколько нибудь правильной отчетности отъ Камеръ-Коллегіи; казенные платежи сплошь и рядомъ прекращались, такъ какъ «губерніи высылкою денегъ всеконечно безнадежны», а между тѣмъ роскошная придворная жизнь требовала колоссальныхъ тратъ) изыскивались П. Шуваловымъ иные источники: старые и новые. Къ числу старыхъ можно отнести повышеніе цѣнъ соли и вина и перечеканку монеты на болѣе легковѣсную. Къ числу новыхъ — уничтоженіе въ 1753 году обременительныхъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ и увеличеніе въ $2^1/_2$ раза пограничныхъ. По словамъ историка (проф. Ключевскаго), «это была самая удачная, едва ли не единственная удачная финансовая мѣра на протяженіи шести царствованій послѣ Петра». Очевидно, она должна была отозваться самымъ благопріятнымъ образомъ на развитіи русской торговли и промышленности. Для улучшенія положенія торгово-промышленнаго класса были возстановлены въ прежнемъ (петровскомъ) видѣ городскіе магистраты, а также, какъ уже упомянуто, учрежденъ Купеческій заемный банкъ.

§ 39. **Просвѣщеніе при императрицѣ Елизаветѣ.**

Изъ общеполезныхъ мѣропріятій царствованія Елизаветы Петровны, кромѣ уничтоженія внутреннихъ таможенъ, слѣдуетъ отмѣтить еще заботы о народномъ просвѣщеніи. Главнымъ дѣятелемъ по народному просвѣщенію былъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, а блестящимъ свѣточемъ его — геніальный Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Важнѣйшими просвѣтительными мѣропріятіями этого царствованія были преобразованіе (въ 1747 г.) Академіи Наукъ и основаніе въ 1755 году Московскаго Университета.

Судьба Академіи Наукъ, академическаго университета и гимназіи.

Задуманная Петромъ Великимъ Академія Наукъ открыта была, какъ упомянуто, послѣ смерти его не совсѣмъ въ такомъ видѣ, какъ онъ предполагалъ. Именно, по мысли Петра, съ Академіей должны быть соединены университетъ и гимназія, однако такъ, чтобы каждая изъ этихъ трехъ частей представляла собою нѣчто самостоятельное. Когда же въ 1726 году Академія начала дѣйствовать, то она сливалась съ университетомъ, иными словами, превращалась въ академическій университетъ. Судьба его, какъ учебнаго заведенія, была очень печальной вслѣдствіе измѣнчиваго состава академиковъ, происходящей отъ этого случайности курсовъ, смѣшенія общеобразовательныхъ и профессіональныхъ задачъ и, въ особенности, вслѣдствіе недостатка слушателей (въ 1747 г. при 12 профессорахъ было 12 слушателей).

Первые академики были приглашены, конечно, изъ-за границы. Оттуда пришлось выписать и первыхъ студентовъ, за неимѣніемъ своихъ. Когда они выбыли, университетъ на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ опустѣлъ, такъ что профессорамъ пришлось или прекратить чтеніе лекцій или слушать другъ друга. Затѣмъ вакансіи стали заполнять учащимися другихъ учебныхъ заведеній, въ частности Московской Академіи (бывшей Славяно-греко-латинской). И все же недостатокъ слушателей сильно ощущался, такъ какъ, съ одной стороны, само правительство отвлекало студентовъ различными служебными порученіями, съ другой стороны, было мало желающихъ посвящать себя «академической службѣ», т. е. ученой профессіи, подготовку къ которой университетъ часто ставилъ себѣ спеціальной цѣлью. Главная же причина недостатка студентовъ заключалась въ томъ, что гимназія не доставляла подходящаго для университета матеріала. Академическая гимназія также не процвѣтала. Правда, учениковъ было достаточно, но лишь ничтожное меньшинство ихъ проходило полный гимназическій курсъ (въ основѣ котораго лежало изученіе латинскаго языка). Большинство обучалось только какой-нибудь опредѣленной группѣ предметовъ или даже одному изъ нихъ. Когда былъ открытъ Шляхетскій Корпусъ, то дворянская молодежь стала отливать туда, такъ какъ надѣялась тамъ съ большимъ успѣхомъ обучиться «учтивости», «пріятному обхожденію», танцамъ и «дворянскимъ наукамъ» (подъ которыми разумѣлись тѣлесныя упражненія).

Неудача учебной системы побуждала правительство къ неоднократнымъ попыткамъ реформировать ее. Наконецъ, въ 1747 году изданъ былъ новый регламентъ, преобразовывавшій всю Академію. По смыслу его, университетъ превращался въ самостоятельное, хотя и тѣсно связанное съ Академіей, учрежденіе и получалъ «особливыхъ профессоровъ»; доступъ въ него имѣли всѣ, кромѣ записанныхъ въ подушный окладъ (противъ такого ограниченія горячо ратовалъ знаменитый Ломоносовъ); для привлеченія студентовъ были учреждены казенныя стипендіи и обѣщаны служебныя привилегіи окончившимъ курсъ. И тѣмъ не менѣе университетъ по прежнему пустовалъ, въ него вербовали кого попало, большею частью молодежь, не имѣющую никакой подготовки. Такимъ образомъ въ то время, какъ Академія, въ качествѣ ученаго учрежденія, развивалась и заполнялась русскими учеными, безсмертнымъ представителемъ которыхъ былъ М. В. Ломоносовъ, извѣстный, между прочимъ, своей борьбой съ нѣмецкимъ академическимъ начальствомъ, академическій университетъ постепенно умиралъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Елизаветы Петровны, оставшись съ 2—3 студентами, вовсе прекратилъ свое существованіе.

Причины гибели университета ясны изъ словъ самого Ломоносова: совершенно правильно отмѣчая, что университетъ безъ гимназіи «пашня безъ сѣмянъ», онъ указываетъ, что «ни одинъ школьникъ (т. е. ученикъ гимназіи) въ студенты изъ ней не выпущенъ», иными

словами, что академическая гимназія вовсе неспособна была давать подготовку къ университету. Одна изъ причинъ печальнаго состоянія гимназіи заключалась въ томъ, что она приспособлялась преимущественно къ интересамъ учениковъ изъ дворянъ (что, впрочемъ, очень понятно для того времени), между тѣмъ большинство учащихся въ ней принадлежало къ разночинцамъ (т. е. дѣтямъ мелкихъ чиновниковъ, писарей, солдатъ, дворовыхъ людей и т. д.). Для того, чтобы дворяне могли избѣжать общенія «съ подлыми», предполагалось даже раздѣлить каждый классъ на два отдѣленія: для шляхества и для «подлѣйшихъ» или «плебеевъ». Правда, это не было сдѣлано, но зато дѣти знатныхъ родителей получили «особенные столы», обитые сукномъ. Наконецъ, что̀ важнѣе всего, дворяне, по прежнему, имѣли право изучать только избранныя ими науки, а это вносило полную разруху въ учебные планы. По словамъ историка (проф. Рождественскаго), «такое приспособленіе къ образовательнымъ интересамъ и вкусамъ сравнительно небольшой группы учащихся, искавшихъ въ гимназіи не того образованія, какое составляло ея главную цѣль, возможность не подчиняться общему учебному плану, но изучать по собственному выбору отдѣльные предметы, должно было, конечно, въ корнѣ разрушать всякую попытку внести единство и систематичность въ учебный строй академической гимназіи». Другая причина неудачи и университета и гимназіи заключалась въ не разъ уже упоминавшемся смѣшеніи въ ихъ преподаваніи общеобразовательныхъ и профессіональныхъ цѣлей. Наконецъ, третья—въ отсутствіи стремленія къ образованію въ современномъ обществѣ.

Основаніе Московскаго университета и гимназій.

Неудачи, постигшія академическій университетъ, не обезкуражили Ив. Ив. Шувалова: (въ 1755 г.) онъ представилъ проектъ учрежденія университета и гимназіи въ Москвѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1760 г.) составилъ планъ повсемѣстнаго открытія гимназій и начальныхъ школъ. Такимъ образомъ Шуваловъ имѣлъ въ виду создать цѣльную учебную систему, которая слагалась изъ трехъ степеней образованія: низшаго, средняго и высшаго. Этого онъ не вполнѣ достигъ: его мечты объ организаціи низшаго образованія остались неосуществленными. Но открытый въ 1755 году Московскій университетъ (кураторомъ, т. е. попечителемъ, котораго сдѣлался самъ Шуваловъ) и состоявшія при немъ двѣ гимназіи, одна для дворянъ, другая для разночинцевъ (а также возникшая вскорѣ гимназія въ Казани), не избѣжавъ на первыхъ порахъ недостатковъ академическихъ учебныхъ заведеній, въ концѣ-концовъ наладились и сыграли немаловажную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Идея общаго образованія возобладала въ нихъ постепенно надъ профессіональными цѣлями.

Принципъ сословности, вносившій полное разстройство въ учебный планъ академической гимназіи, сильно сказывался первоначально

и въ жизни московскихъ гимназій: дворяне и разночинцы и содержались, и наказывались, и обучались различно. Такъ, напр., дворянамъ полагались бо̀льшія порціи мяса, лучшее масло къ кашѣ (маковое, а не конопляное) и лучшій хлѣбъ (ситный, а не рѣшетный), чѣмъ разночинцамъ; дворянъ наказывали линейками, разночинцевъ—розгами; наконецъ, дворянамъ предоставлено было право выбирать по своему усмотрѣнію научные предметы изъ цѣлаго множества читавшихся разными преподавателями курсовъ (въ 1757 г. въ дворянской гимназіи состояло около 30 преподавателей, при чемъ каждый изъ нихъ обучалъ нѣсколькимъ предметамъ, большинство которыхъ имѣло характеръ «начатковъ», т. е. поверхностныхъ, общихъ понятій о данной наукѣ), тогда какъ разночинцы должны были подчиняться одному обязательному учебному плану. Однако съ теченіемъ времени (въ 60-хъ годахъ) такая двойственность учебнаго строя исчезаетъ: обѣ гимназіи получаютъ одинаковый планъ занятій, въ основу котораго полагаются языки: латинскій и новые, затѣмъ, какъ второстепенные предметы, математика, исторія и географія; главной задачей гимназическаго курса становится не приспособленіе къ разнообразнымъ дворянскимъ вкусамъ, а подготовленіе слушателей для университета. Посредствующимъ звеномъ между гимназіей и университетомъ былъ такъ называемый ректорскій классъ—высшій въ гимназіи. Прохожденіе университетскаго курса (въ Московскій университетъ такъ же, какъ и въ академическій, допускались только свободные и не записанные въ подушный окладъ) начиналось съ философскаго факультета, по окончаніи котораго студентъ, сообразно своимъ склонностямъ, избиралъ ту или иную группу наукъ (главныхъ группъ было три: общая, юридическая и медицинская). Такимъ образомъ въ университетѣ принята была предметная система.

Кромѣ гимназій, возникали и другія учебныя заведенія. Такъ, напр., къ Сухопутному Шляхетскому Корпусу прибавились еще два другихъ. Конечно, всѣ эти правительственныя школы обслуживали лишь небольшую часть дворянъ: огромное большинство шляхетства, особенно провинціальнаго, коснѣло еще въ невѣжествѣ.

Бытъ провинціальнаго дворянства и духовенства.

Жизнь провинціальнаго дворянства половины XVIII вѣка, по словамъ историка (Чечулина), была «грубая, чуть не первобытная»; въ рѣдкомъ домѣ можно было найти книгу; большинство провинціальнаго общества считало опаснымъ слишкомъ прилежное чтеніе, такъ какъ оно «сводитъ съ ума». Дворяне, желавшіе дать дѣтямъ кое-какое домашнее образованіе, должны были преодолѣвать неимовѣрныя затрудненія въ прiисканіи учителей и часто попадались впросакъ: въ учителя нанимались иной разъ бѣглые каторжники, наказывавшіе дѣтей «самыми мучительными, даже неблагопристойными штрафами». Чухонцы нанимались за французовъ и выучивали дѣтей чухонскому языку вмѣсто фран-

цузскаго. Пономари и отставные нѣмецкіе унтеръ-офицеры считались еще лучшими преподавательскими силами.

Далеко не на должной высотѣ стояло также образованіе духовенства, несмотря на то, что императрица, всей душой преданная интересамъ православной церкви, много заботилась о распространеніи духовнаго просвѣщенія.

Если таково было состояніе просвѣщенія въ средѣ провинціальнаго дворянства и духовенства, то легко себѣ представить, какой мракъ царилъ въ крестьянской средѣ. А между тѣмъ именно изъ нея вышелъ М. В. Ломоносовъ (1711—1763 г.г.).

М. В. Ломоносовъ.

Это былъ по-истинѣ великій человѣкъ, великій ученый, который «создалъ первый русскій университетъ и самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ». Дѣйствительно, умъ Ломоносова — огромный, всеобъемлющій, геніальный; его натура — широкая русская, отзывавшаяся на всѣ запросы жизни, всѣмъ увлекавшаяся. Трудно указать отрасль знанія или искусства, въ которую Ломоносовъ не внесъ бы своего цѣннаго вклада: онъ и «отецъ новой русской литературы», вдохновенно выступавшій на всѣхъ ея поприщахъ, онъ—и глубокомысленный философъ, умѣвшій сочетать теплую вѣру съ проникновеннымъ знаніемъ; онъ—блестящій физикъ, химикъ и механикъ, астрономъ, не уступавшій западно-европейскимъ свѣтиламъ бросившій своимъ потомкамъ нѣсколько руководящихъ идей, разработкой которыхъ гордится новѣйшая наука; онъ—одинъ изъ родоначальниковъ серьезнаго изученія исторіи Россіи; онъ — пѣвецъ Елизаветинскаго царствованія; онъ—знатокъ мозаичной живописи; наконецъ, онъ—чуткій публицистъ. Всѣми силами ратуетъ онъ за распространеніе просвѣщенія, стремясь сдѣлать его достояніемъ всѣхъ, горячо настаивая на необходимости развитія благосостоянія народа и поднятія его культурнаго уровня...

Искусство.

Другимъ виднымъ писателемъ Елизаветинскаго времени былъ Сумароковъ, драматургъ, издатель періодическаго журнала и директоръ петербургскаго общественнаго театра, открытаго въ 1757 году для постановки русскихъ пьесъ (при дворѣ Анны Іоанновны подвизались иностранныя труппы: нѣмецкая и итальянская). Возникъ этотъ театръ первоначально въ Ярославлѣ по почину частнаго лица — купеческаго сына Волкова, который затѣмъ вмѣстѣ съ набранными имъ актерами приглашенъ былъ императрицей въ столицу, гдѣ и образовалась казенная русская труппа, дававшая публичныя представленія. Изъ другихъ искусствъ наибольшаго совершенства достигла при Елизаветѣ архитектура, благодаря приглашенію превосходныхъ западно-европейскихъ зодчихъ; изъ нихъ особенно прославился итальянецъ Растрелли, построившій великолѣпный Зимній дворецъ и еще нѣсколько зданій, которыя до нашихъ дней являются лучшимъ украшеніемъ Петер-

бурга. Для подготовки своихъ, русскихъ служителей искусства изъ Академіи Наукъ выдѣлена была Академія Художествъ.

Вообще за время, протекшее отъ кончины Великаго Преобразователя до царствованія его жизнерадостной дочери, многое измѣнилось въ столичной жизни. Микроскопическій домикъ Петра Великаго и тѣсныя лачуги на болотистыхъ берегахъ Невы заслонились дивными сооруженіями Растрелли и его подражателей. Скучныя и грубыя ассамблеи смѣнились благоухающими придворными балами, на которыхъ блистала императрица (оставившая послѣ своей смерти до 15.000 бальныхъ платьевъ), и которые не уступали версальскимъ празднествамъ. Придворные наперерывъ старались блеснуть великолѣпіемъ своей обстановки и устраивали какой-то конкурсъ роскоши и мотовства. (П. Шуваловъ, имѣя около полумилліона годового дохода, оставилъ послѣ себя только неоплатные долги). Въ столицѣ процвѣтала «свѣтскость и людкость»; столичное общество перелицевалось на западный, преимущественно французскій, образецъ. Французскій свѣтскій обиходъ былъ тѣмъ идеаломъ, которому старались подражать щеголи Елизаветинскаго времени.

§ 40. Внѣшняя политика императрицы Елизаветы Петровны.

Французское вліяніе чувствовалось и во внѣшней политикѣ первыхъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны. Проводниками его были Шетарди и Лестокъ. Шетарди не помѣшалъ императрицѣ продолжать начавшуюся еще въ правленіе Анны Леопольдовны войну со Швеціей, съ посланникомъ которой (Нолькеномъ) онъ такъ единодушно дѣйствовалъ до переворота 24—25 ноября. Война эта, послѣ ряда понесенныхъ шведами пораженій, окончилась въ 1743 году миромъ въ Або, по условіямъ котораго Россія пріобрѣтала часть Финляндіи до рѣки Кюмень. Однако маркизу Шетарди удалось удержать русское правительство отъ подачи вооруженной помощи Австріи, когда послѣдняя подверглась нападенію Пруссіи (это такъ называемая война «за австрійское наслѣдство», изъ которой Пруссія вышла съ пріобрѣтеніемъ Силезіи). По мѣрѣ ослабленія вліянія Шетарди росло значеніе канцлера Бестужева. Онъ хотѣлъ слѣдовать завѣтамъ Петра Великаго, настаивая на союзѣ съ морскими державами— Англіей и Голландіей — и на поддержаніи традиціонной сосѣдской дружбы съ Австріей. Чтобы вести политику въ такомъ духѣ, онъ прежде всего добился удаленія отъ двора Шетарди и Лестока, а затѣмъ (въ 1750 г.) разорвалъ дипломатическія сношенія съ Пруссіей, къ создателю военнаго могущества которой — королю Фридриху II Великому—онъ самъ и императрица питали чувство вражды. Опасенія чрезмѣрнаго усиленія Пруссіи (грозившаго, какъ въ то время выражались, «политическому равновѣсію Европы») съ одной стороны и вновь окрѣпшая дружба съ Австріей съ другой—побудили «ученика Петра I»—

Бестужева — къ такому шагу, котораго, вѣроятно, не одобрилъ бы его учитель,—именно, къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла Западной Европы безъ всякой пользы для русскихъ интересовъ.

Участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ.

Это вмѣшательство выразилось въ томъ, что Россія вступила въ коалицію (т. е. въ союзъ) державъ, которую составила Австрія противъ Пруссіи, и въ теченіе 5 лѣтъ принимала дѣятельное участіе въ такъ называемой Семилѣтней войнѣ (1756—1763 г.г.). Расположеніе участвующихъ въ ней державъ было очень любопытно: на одной сторонѣ находились Австрія, недавно враждовавшая съ ней Франція, Россія, Швеція и Саксонія, на другой—Пруссія и Англія, которую Бестужевъ только что считалъ вѣрной союзницей Россіи. Командовавшій русскими войсками графъ Апраксинъ началъ военныя дѣйствія съ запозданіемъ, а затѣмъ, разбивъ пруссаковъ при Гроссъ-Егерсдорфѣ, началъ отступать, вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ. Свою медлительность и отступленіе онъ объяснилъ недостаткомъ припасовъ и неудовлетворительнымъ состояніемъ войска. Но правительство не повѣрило этому и приписало дѣйствія Апраксина его желанію угодить наслѣднику русскаго престола, племяннику императрицы Петру Ѳеодоровичу, который, какъ увидимъ, былъ страстнымъ поклонникомъ Фридриха II. (Въ это время, вслѣдствіе постигшей Елизавету Петровну болѣзни, ожидали скораго воцаренія Петра, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненія всей внѣшней политики). Поэтому Апраксинъ былъ преданъ суду, а Бестужевъ, признанный его соумышленникомъ, уволенъ отъ должности и высланъ изъ столицы. Мѣсто канцлера занялъ малодаровитый и лишенный самостоятельныхъ взглядовъ графъ М. И. Воронцовъ, а Апраксина замѣнилъ Ферморъ. Послѣдній (въ 1758 г.) далъ пруссакамъ кровопролитную битву при Цорндорфѣ, не имѣвшую однако успѣха. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ блестящихъ удачъ: при Кунерсдорфѣ Салтыковъ нанесъ страшное пораженіе прусскому войску; вся восточная Пруссія стала владѣніемъ Россіи, въ Кенигсбергѣ заводилось русское управленіе; въ теченіе нѣкотораго времени русскія войска занимали даже Берлинъ. Король Фридрихъ Великій, едва избѣгшій плѣна въ Кунерсдорфскомъ сраженіи, готовъ былъ отказаться отъ престола или покончить жизнь самоубійствомъ. Но судьба спасла его: въ концѣ 1761 года (25 декабря) императрица Елизавета Петровна скончалась, а ея преемникъ Петръ III Ѳеодоровичъ тотчасъ же вернулъ Фридриху всѣ завоеванія и даже заключилъ съ нимъ союзъ. Итакъ, тяжелая, стоившая массы жертвъ и дававшая надежды на большія пріобрѣтенія война привела къ самому неожиданному концу. Подобное окончаніе войны, несомнѣнно, еще гораздо менѣе соотвѣтствовало насущнымъ интересамъ Россіи, чѣмъ необусловленное необходимостью вмѣшательство въ дѣла Западной Европы. Такъ странно началось царствованіе новаго императора, изобиловавшее вообще многими

странностями и отличавшееся, въ противоположность Елизаветинскому, рѣзкимъ антинаціональнымъ направленіемъ. Такое направленіе въ значительной степени объясняется личными свойствами Петра III.

§41. Характеристика Петра Ѳеодоровича и Екатерины Алексѣевны.

Петръ Ѳеодоровичъ (до принятія православія носившій имя Карла-Петра-Ульриха) былъ сыномъ сестры Елизаветы Петровны— герцогини Гольштинской Анны—и такимъ образомъ по женской линіи приходился роднымъ внукомъ Петру Великому, по мужской же линіи былъ внукомъ сестры Карла XII. Однако онъ не унаслѣдовалъ ни одного таланта своихъ великихъ дѣдовъ: природныя его способности были ограничены, а невозможное воспитаніе совершенно разстроило ихъ. Воспитателемъ рано осиротѣвшаго герцога былъ грубый гольштинскій царедворецъ Брюмеръ, убивавшій чувство нравственнаго достоинства въ своемъ питомцѣ жестокими и унизительными наказаніями, мучившій его неразумнымъ обученіемъ. Слабый, болѣзненный, неуравновѣшенный, переучившійся, а потому лишенный основательныхъ знаній и нетерпѣвшій науки, ребенокъ имѣлъ лишь одну глубокую привязанность—любовь къ своей маленькой Гольштиніи, а между тѣмъ судьба сдѣлала его наслѣдникомъ еще двухъ престоловъ: шведскаго и русскаго. Сперва онъ готовился къ первому, но затѣмъ долженъ былъ избрать второй, получивъ въ 1742 году приглашеніе явиться къ русскому двору. Императрица Елизавета Петровна, видѣвшая столько дворцовыхъ переворотовъ, одной изъ причинъ которыхъ была неопредѣленность вопроса о престолонаслѣдіи, хотѣла уже въ началѣ своего царствованія упрочить его. Естественно, что своимъ наслѣдникомъ она назначила именно своего племянника, такъ какъ, кромѣ нея, онъ былъ единственнымъ (если не считать Іоанна Антоновича) представителемъ царствующей фамиліи. Четырнадцатилѣтній герцогъ ѣхалъ въ Россію со страхомъ, съ предчувствіемъ бѣдъ, съ непріязнью и даже пренебреженіемъ къ своей новой родинѣ (повидимому, и это пренебреженіе было внушено ему тѣмъ же Брюмеромъ). Онъ принялъ православіе и сталъ учиться русскому языку, но не усвоилъ ни того, ни другого: внукъ Великаго Преобразователя, онъ оставался по всѣмъ своимъ взглядамъ совершенно чуждымъ Россіи; идеаломъ себѣ онъ поставилъ не Петра I, а прусскаго короля Фридриха II. Но и этотъ идеалъ былъ, конечно, недостижимъ, такъ какъ великій князь Петръ Ѳеодоровичъ не выказывалъ ни охоты, ни способностей къ серьезному дѣлу, а проводилъ время въ странныхъ забавахъ, носившихъ характеръ или дѣтскихъ игръ и шалостей, совсѣмъ уже несвойственныхъ его лѣтамъ, или кутежей, разстраивавшихъ его здоровье. Въ выборѣ приближенныхъ онъ былъ очень непритязателенъ. Такъ, къ участію въ своихъ ребяческихъ увеселеніяхъ онъ привлекалъ придворныхъ служителей. Впо-

слѣдствіи же неизмѣнными гостями его Ораніенбаумскаго дворца сдѣлались солдаты и офицеры приглашеннаго имъ изъ-за границы гольштинскаго отряда. Страсть къ военному дѣлу, которою онъ кичился, не имѣла никакой серьезной подкладки, а между тѣмъ онъ считалъ себя знатокомъ его и проникся большимъ самомнѣніемъ. Питая нѣкоторое уваженіе только къ императрицѣ, онъ относился свысока ко всѣмъ другимъ, не хотѣлъ пользоваться ничьими совѣтами, даже совѣтами своей супруги, отличавшейся исключительнымъ тактомъ, выдающимся умомъ и крупными способностями.

Супругою Петра Ѳеодоровича была принцесса Ангальтъ-Цербтская Софія-Августа-Фредерика, принявшая въ православіи имя Екатерины Алексѣевны. Дочь незначительнаго и небогатаго нѣмецкаго принца, добывавшаго средства къ жизни военною службою прусскому королю, Софія-Фредерика приглашена была къ петербургскому двору вскорѣ послѣ вызова Петра Ѳеодоровича, такъ какъ на нее палъ выборъ императрицы Елизаветы, искавшей невѣсты для своего племянника (ея браку съ наслѣдникомъ русскаго престола содѣйствовалъ, между прочимъ, Фридрихъ II, надѣявшійся такимъ брачнымъ союзомъ отвлечь русскую дипломатію отъ дружбы съ Австріей). Принцесса-бесприданница, привыкшая къ скромной, почти бѣдной буржуазной обстановкѣ, 14-ти лѣтъ очутилась при великолѣпнѣйшемъ дворѣ... и нисколько не растерялась среди необычайнаго блеска, среди чужихъ, присматривавшихся къ каждому ея шагу людей. Правда, она пріѣхала въ Россію не одна, а съ матерью. Но послѣдняя скорѣе мѣшала ей, чѣмъ помогала, такъ какъ тотчасъ же завела придворныя интриги, проявляла непрошенныя притязанія на политическое вліяніе, и вскорѣ должна была покинуть Петербургъ. Въ противоположность своей нетактичной матери, молоденькая принцесса отличалась рѣдкимъ тактомъ: онъ то и послужилъ для нея той путеводною нитью, которая вывела ее изъ придворнаго лабиринта. Прежде всего она, не имѣя въ себѣ ни одной капли русской крови, задалась цѣлью казаться и дѣйствительно стать русской: она очень серьезно отнеслась къ перемѣнѣ религіи, выказывала полное вниманіе къ урокамъ православнаго священника, приложила всѣ свои старанія, чтобы безукоризненно усвоить русскій языкъ, и мало-по-малу овладѣла имъ въ совершенствѣ (читая литературныя произведенія императрицы Екатерины II, трудно повѣрить, что они написаны иностранкой). Она сумѣла заручиться симпатіями своего легкомысленнаго и дѣтски-капризнаго мужа (бракъ заключенъ былъ въ 1745 году), довольно своенравной императрицы и ея высокомѣрныхъ любимцевъ, безропотно снесла свое устраненіе отъ воспитанія сына—Павла Петровича, попеченіе о которомъ всецѣло взяла въ свои руки Елизавета Петровна, терпѣливо приспособлялась къ той неудобной, затворнической и скучной жизни, на которую была обречена. Во дворцѣ, гдѣ было такъ много просторныхъ, сверкающихъ своимъ великолѣпіемъ залъ,

она жила въ проходной комнатѣ съ сырыми стѣнами, съ полуразвалившейся печью, по сосѣдству съ людской, гдѣ ютилось семнадцать человѣкъ прислуги, или же, во время странствованій двора, ночевала въ палаткѣ, рискуя быть чуть не затопленной дождевой водой (въ то время очень много думали о роскоши, не заботясь о комфортѣ). Въ выборѣ знакомствъ она была крайне стѣснена: въ придворныхъ дамахъ, по ея словамъ, она «смѣла видѣть только горничныхъ», въ другихъ окружающихъ могла подозрѣвать надсмотрщиковъ, слѣдившихъ за тѣмъ, какъ бы она въ ущербъ чьему-нибудь вліянію не вмѣшалась въ политику. Семейная жизнь, конечно, не удовлетворяла ее. Правда, мужъ вначалѣ относился къ ней добродушно, такъ какъ она не только не подчеркивала его безтактностей, но очень часто вызволяла его изъ неловкаго положенія. Но мало-по-малу между ними разверзлась пропасть: инстинктивно чувствуя умственное превосходство жены, Петръ Ѳеодоровичъ сталъ непріязненно относиться къ ней и предпочиталъ ея обществу компанію своихъ грубыхъ и непритязательныхъ друзей; Екатерина въ свою очередь понимала, что играть роль единомышленницы мужа и покрывать его затѣи и неблагоразумно, и невозможно. Поэтому она замкнулась въ себѣ и заполняла свои одинокіе досуги самообразованіемъ. Въ такомъ стремленіи къ самообразованію у ней очень много общаго съ Петромъ Великимъ: и онъ, и она самостоятельно сковали свой характеръ, заполнили богатымъ содержаніемъ свой умъ. Но способы самообразованія у нихъ совсѣмъ различны: Петръ I, какъ извѣстно, хваталъ знанія на-лету, на просторныхъ поляхъ села Преображенскаго, на людныхъ улицахъ Нѣмецкой слободы, среди шума и гама своихъ потѣшныхъ полковъ; Екатерина медленно впитывала ихъ въ себя въ тиши задней комнатки дворца, просиживая долгіе часы за чтеніемъ греческихъ и латинскихъ историковъ (напр., Плутарха и Тацита) и особенно современныхъ представителей такъ называемой «просвѣтительной литературы» (Вольтера, Монтескье, Дидро, Беккарія и друг.), съ которыми она поддерживала переписку и ученицей которыхъ называла себя (многимъ изъ нихъ она оказывала къ тому же матеріальную поддержку). Изъ Петра I вышелъ порывистый практикъ, дѣйствовавшій съ-плеча, изъ Екатерины—глубокомысленный теоретикъ, вооруженный тонкою, разсчетливою разсудочностью и умѣвшій подъ маскою холодной сдержанности скрывать свой горячій темпераментъ. Обогативъ свой большой природный умъ, изощривъ до совершенства тактъ, овладѣвъ искусствомъ производить на всѣхъ, даже недруговъ, неотразимое, обаятельное впечатлѣніе и незамѣтно подчинять ихъ своему вліянію, Екатерина въ концѣ царствованія Елизаветы приблизилась уже къ политической сценѣ, предпочитая, однако, пока оставаться еще за кулисами и не столько играть самой, сколько направлять игру другихъ. Приближенные прихварывавшей въ это время императрицы и дипломаты почуяли въ Екатеринѣ

большую надвигавшуюся политическую силу, которая хочетъ и можетъ стать поперекъ дороги слабому и недальновидному Петру Ѳеодоровичу, съ которою необходимо считаться. Любимцы Елизаветы выказывали теперь великой княгинѣ почтительное, хотя и осторожное вниманіе, дипломаты стремились использовать ее въ своихъ цѣляхъ; генералъ Апраксинъ (командовавшій въ Семилѣтней войнѣ) поддерживалъ съ нею оживленную переписку, Бестужевъ посвящалъ ее въ свои замыслы (Екатерина не сочувствовала Семилѣтней войнѣ, и почти только въ этомъ она раздѣляла взгляды своего мужа, исходя, конечно, совершенно изъ другихъ соображеній, чѣмъ онъ; происходившую войну она просто считала безполезной для Россіи). Политическое вліяніе Екатерины не укрылось ни отъ Петра Ѳеодоровича, ни отъ Елизаветы Петровны. Но Петръ, почувствовавъ въ женѣ соперницу, повелъ себя въ высшей степени неумѣло: онъ все больше и больше вооружалъ ее противъ себя и заставлялъ ее думать о самооборонѣ. Именно, увлекшись племянницей канцлера Елизаветой Воронцовой, онъ не скрывалъ своего намѣренія жениться на ней, разведясь съ Екатериной и тѣмъ лишивъ послѣднюю всякаго вліянія. Что касается самой императрицы, то хотя она уже давно поняла полную неспособность своего наслѣдника и, какъ говорятъ, не могла прямо выносить его присутствія, тѣмъ не менѣе замѣнить его Екатериной она не хотѣла. Возможенъ былъ, конечно, другой исходъ — передать престолъ малолѣтнему сыну Петра Ѳеодоровича — Павлу Петровичу, назначивъ правительницей до его совершеннолѣтія Екатерину Алексѣевну. Такой исходъ предусматривался большинствомъ придворныхъ, сочувствовала ему, повидимому, и императрица. Но все же она не рѣшалась на него, вслѣдствіе той неприязни, которую она стала питать къ великой княгинѣ съ тѣхъ поръ, какъ послѣдняя начала вмѣшиваться въ политику. Вмѣшательство это открыто обнаружилось во время слѣдствія надъ Апраксинымъ и Бестужевымъ: и тотъ и другой признаны были дѣйствовавшими подъ ея внушеніемъ. Подозрѣваемая императрицей, угрожаемая мужемъ, Екатерина попала въ опасное положеніе и, чтобы спасти себя, начала смѣлую игру, вникнуть въ которую не сумѣла Елизавета Петровна. Чтобы доказать свое полное безкорыстіе, Екатерина стала просить императрицу отпустить ее навсегда за границу. Елизавета Петровна, усмотрѣвъ въ этомъ какой-то хитрый замыселъ, отказала ей. Этого только и надо было великой княгинѣ. Она осталась въ Россіи, и къ тому времени, когда императрица скончалась, не замѣнивъ своего наслѣдника другимъ лицомъ, она успѣла создать себѣ цѣлую партію беззавѣтно преданныхъ людей. Ей нужно было только ждать, пока ея супругъ-императоръ своимъ страннымъ поведеніемъ не расшатаетъ подъ собою престола.

§ 42. Царствованіе императора Петра III (1761—1762).

Популярные указы. Первые указы Петра III, вступившаго на престолъ въ концѣ декабря 1761 года, разсчитаны были, впрочемъ, на снисканіе популярности и вызваны, вѣроятно, внушеніями лицъ, связавшихъ съ нимъ свою судьбу. Къ числу такихъ лицъ принадлежали отчасти прежніе сподвижники Елизаветы Петровны, напр., Шуваловы, Воронцовы, Кириллъ Разумовскій и князь Трубецкой, старавшіеся приспособиться къ привычкамъ Петра, отчасти новые любимцы, какъ изъ русскихъ, такъ, особенно, изъ среды пріѣзжихъ гольштинцевъ. Наибольшимъ вліяніемъ пользовался дядя царя принцъ Жоржъ, ставшій настоящимъ временщикомъ; дѣлами внѣшней политики руководилъ прусскій посланникъ Гольцъ (т. е. представитель державы, съ которой Россія только что вела войну). Весь этотъ разнородный и плохо спѣвшійся кружокъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы упрочить положеніе императора. Прежде всего объявлена была самая широкая амнистія, т.-е. прощеніе, лицамъ, подвергшимся наказаніямъ въ царствованіе Елизаветы Петровны. Въ числѣ возвращенныхъ изъ ссылки былъ и старый, но неизмѣнно бодрый Минихъ, съ прежней энергіей начавшій службу новому императору. Уничтожалась Тайная Канцелярія, наводившая ужасъ при Аннѣ Іоанновнѣ и нѣсколько затихшая при Елизаветѣ Петровнѣ. Появился указъ, приглашавшій раскольниковъ, бѣжавшихъ за границу, вернуться на родину и запрещавшій преслѣдованіе раскола. Но наиболѣе крупнымъ распоряженіемъ Петра III (подсказаннымъ, по однимъ извѣстіямъ Воронцовымъ, по другимъ барономъ Николаемъ Корфомъ) былъ изданный 18 февраля 1762 года манифестъ «о вольности дворянской». Этотъ манифестъ предоставлялъ дворянамъ право служить лишь столько времени, сколько они пожелаютъ; желающимъ (за исключеніемъ военныхъ во время кампаніи или незадолго до нея) дана была возможность подавать въ отставку; неслужащіе могли распоряжаться собою какъ угодно, даже поступать на службу къ иностраннымъ государямъ. Лишь «при особливой надобности» правительство оставляло за собою право требовать обязательной службы дворянъ. Однако, снимая съ дворянъ служебную повинность, манифестъ выражалъ убѣжденіе, что дворяне будутъ служить по своей охотѣ, безъ принужденія, и предписывалъ имъ не оставлять безъ школьнаго или домашняго обученія своихъ дѣтей, приглашая всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества «презирать и уничижать, къ двору не принимать и въ публичныхъ собраніяхъ не терпѣть тѣхъ дворянъ, которые нигдѣ не станутъ служить и ничему не обучать своихъ дѣтей». Такимъ образомъ этотъ манифестъ освобождалъ дворянство отъ обязательной службы и обязательнаго обученія, придавая имъ характеръ лишь нравственнаго долга, а не государственной повинности.

Причины общественнаго недовольства.

Однако и такими популярными распоряженіями Петръ III не примирилъ съ собою общественнаго мнѣнія. Недовольство все росло и росло. Своимъ несерьезнымъ, вовсе недостойнымъ государя поведеніемъ онъ оттолкнулъ отъ себя придворные круги и столичное общество; манифестомъ о вольности дворянской онъ всполошилъ крестьянство, которое, тщетно ожидая освобожденія отъ крѣпостной зависимости, начало сильно волноваться; непростительнымъ пренебреженіемъ къ православію и стремленіемъ «облютеранить»русскую церковь императоръ нажилъ себѣ недруговъ въ средѣ духовенства; онъ возвышалъ иноземцевъ, оказывалъ всяческое предпочтеніе гольштинскому отряду и относился высокомѣрно и непріязненно къ русской гвардіи, которую къ тому же преобразовалъ по прусскому образцу, изводилъ прусской муштровкой и грозилъ раскассировать по провинціальнымъ полкамъ. Всѣмъ этимъ онъ вооружилъ противъ себя гвардейцевъ тѣмъ болѣе, что собирался заставить русскія войска служить прусскимъ и гольштинскимъ интересамъ; такъ, онъ не только заключилъ союзъ съ Фридрихомъ II, но еще приказалъ русскимъ войскамъ, бившимся передъ этимъ съ пруссаками, соединиться съ ними, чтобы дѣйствовать противъ австрійцевъ; затѣмъ онъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Даніею, обидѣвшей его Гольштинію; наконецъ, своимъ безтактнымъ, грубымъ и угрожающимъ отношеніемъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ онъ заставилъ и ее и ея партію выйти изъ выжидательнаго положенія и начать дѣйствовать. Успѣхъ дѣйствій облегчался большимъ легкомысліемъ Петра III. Непристойность его поведенія выражалась въ почти каждодневныхъ пирахъ, въ вышучиваніи окружающихъ, въ разныхъ чудачествахъ, въ разглашеніи государственныхъ тайнъ. Все это дѣлалось настолько открыто, что было извѣстно не однимъ придворнымъ, которые порою не могли удержаться отъ выраженія недоумѣнія или негодованія, но и столичному населенію и проникало даже въ народъ. Особенно оскорбительнымъ было подчеркиваемое неуваженіе Петра III къ православной религіи. Не ограничиваясь вышучиваніемъ богослуженія, онъ поднялъ гоненіе на домовыя церкви и отдалъ приказъ Синоду упростить церковную обрядность, признать необязательность постовъ, не вмѣнять въ грѣхъ нарушеніе 7-ой заповѣди и облачить русское духовенство по образцу нѣмецкихъ пасторовъ. Далѣе онъ составилъ проектъ секуляризаціи (т. е. обращенія изъ духовныхъ въ государственныя) всѣхъ церковныхъ земель, рѣшивъ передать управлявшую ими Коллегію Экономіи изъ вѣдѣнія Синода въ вѣдѣніе Сената. Духовенство отвѣчало на такое намѣреніе императора письменнымъ протестомъ, къ которому онъ отнесся вполнѣ безучастно. Не придавалъ онъ значенія также негодованію гвардіи и даже какъ бы подзадоривалъ ее. Русскихъ военныхъ одѣлъ въ прусскій мундиръ, старыхъ генераловъ, какъ новобранцевъ,

училъ прусской муштровкѣ; бюстъ и портретъ Фридриха II онъ считалъ какими-то кумирами. Изъ всего сказаннаго видно, что Петръ III неминуемо шелъ къ катастрофѣ. Почти всѣ предвидѣли ее, но на исходъ ея смотрѣли различно. Представители правительственной среды хотѣли добиться передачи престола Павлу Петровичу, объявивъ его мать Екатерину только регентшей; преданная Екатеринѣ гвардейская молодежь, среди которой выдѣлялись братья Алексѣй и Григорій Орловы, Пассекъ, Бредихинъ, Рославлевъ, Хитрово, Потемкинъ, думала иначе. Она надѣялась провозгласить Екатерину не правительницей за сына, а самодержавной императрицей. О такой роли мечтала и сама Екатерина. Положеніе ея становилось крайне опаснымъ: мужъ открыто оскорблялъ ее, грозилъ ей монастыремъ или арестомъ и однажды уже собрался привести свой замыселъ въ исполненіе, но затѣмъ одумался. Объ его враждебныхъ намѣреніяхъ Екатерина была прекрасно освѣдомлена черезъ свою приближенную фрейлину Дашкову, рожденную Воронцову.

Переворотъ 28-го іюня.

Опасность съ одной стороны, ожиданіе скораго отправленія гвардіи въ датскій походъ, съ другой — побуждали приверженцевъ Екатерины, разсчитывавшихъ на поддержку всей гвардіи, торопиться съ государственнымъ переворотомъ, а произведенный 27 іюня 1762 года арестъ правительствомъ одного изъ заговорщиковъ (Пассека), который подъ пыткой могъ бы выдать своихъ соумышленниковъ, заставилъ дѣйствовать немедленно. Переворотъ совершенъ былъ съ большою легкостью 28 іюня 1762 года. Утромъ этого дня Екатерина изъ Петергофа явилась въ Петербургъ и объѣхала гвардейскія казармы, гдѣ ее встрѣтили такъ же восторженно, какъ нѣкогда преображенцы встрѣчали Елизавету Петровну. Итакъ, гвардія оказалась на ея сторонѣ, вслѣдъ за этимъ къ ней примкнули и вельможи; въ ихъ присутствіи на торжественномъ богослуженіи въ Казанскомъ соборѣ она была провозглашена самодержавной императрицей, а ея сынъ — наслѣдникомъ престола. Въ соотвѣтствующемъ смыслѣ принесли ей присягу Сенатъ, Синодъ и столичное населеніе. Народу читался манифестъ, рѣзко осуждавшій политику Петра III. Затѣмъ приняты были мѣры предосторожности на тотъ случай, если бы Петръ III, проводившій этотъ день въ Петергофѣ, сдѣлалъ попытку защищать свои права вооруженной силой. Но онѣ оказались напрасными: императоръ, узнавъ о происшедшемъ, выказалъ полную растерянность. Сперва онъ послалъ своихъ приближенныхъ уговаривать Екатерину — они не вернулись обратно къ нему; затѣмъ поѣхалъ въ Кронштадтъ, надѣясь защищаться тамъ, но эта крѣпость уже присягнула императрицѣ и не допустила высадки Петра; не рискнувъ, несмотря на убѣжденія Миниха, плыть въ Ревель, чтобы потомъ двинуть на Екатерину русскія войска, находившіяся въ Помераніи (т. е. участвовавшія въ Семилѣтней войнѣ), императоръ не нашелъ ничего луч-

шаго, какъ возвратиться въ Петергофъ. Здѣсь онъ вынужденъ былъ подписать заготовленный Екатериной актъ якобы добровольнаго своего отреченія отъ престола, а 29 іюня въ Ораніенбаумѣ отдался въ плѣнъ войску, посланному Екатериной. Его заключили въ Ропшинскій замокъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько дней скончался. Смерть его была объяснена внезапной болѣзнью. Впослѣдствіи найденъ былъ документъ, изъ котораго видно, что онъ погибъ во время ссоры съ лицомъ, приставленнымъ къ нему для надзора. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что Екатерина была невиновна въ его смерти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эпоха Императрицы Екатерины Великой (1762—1796 г.).

ВВЕДЕНІЕ.

Царствованіе императрицы Екатерины II, продолжавшееся 34 года (1762—1796 г.), богато содержаніемъ. Императрица исправила немало недостатковъ русской жизни, внесла существенныя измѣненія во внутреннюю политику и превосходно разрѣшила завѣщанныя ей предшествующей исторіей исконныя задачи внѣшней политики: борьбу на югѣ—съ Крымомъ и съ Турціей, а на западѣ—съ Рѣчью Посполитою—и обезпечила такимъ образомъ Россіи безопасныя естественныя границы, создавъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ блестящее международное положеніе. Какъ исполнительница этихъ двухъ національныхъ задачъ, Екатерина II можетъ считаться талантливѣйшей продолжательницей дѣла своихъ предшественниковъ—собирателей русской земли,—особенно же Петра Великаго, прославившагося, какъ извѣстно, рѣшеніемъ третьей задачи—побѣдой надъ сѣвернымъ врагомъ—шведами,—и, подобно Петру, она удостоена эпитета «Великой». Рядомъ съ Петромъ она можетъ быть поставлена и какъ преобразовательница, успѣшно заботившаяся о распространеніи просвѣщенія, о народномъ благосостояніи, объ организаціи хорошаго мѣстнаго управленія и объ опредѣленіи правъ отдѣльныхъ сословій. Однако возведенная на престолъ при содѣйствіи гвардіи и окруженная сподвижниками-дворянами, Екатерина II въ свою сословную политику не внесла новыхъ началъ, а лишь завершила тотъ процессъ развитія «дворяновластія», который характеризовалъ время ея ближайшихъ предшественниковъ. Поэтому изъ всѣхъ классовъ общества при ней было существенно улучшено только положеніе дворянства (составлявшаго 1% населенія, а вмѣстѣ съ личнымъ дворянствомъ $1\frac{1}{2}$%) и купечества (тоже около 1%); бытъ крѣпостного крестьянства (значительно больше 50%) лишь ухудшился: крѣпостное право достигло своего апогея. Но не слѣдуетъ думать, чтобы просвѣщенная императрица вовсе пренебрегала, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего царствованія, крестьянскимъ

училъ прусской муштровкѣ; бюстъ и портретъ Фридриха II онъ считалъ какими-то кумирами. Изъ всего сказаннаго видно, что Петръ III неминуемо шелъ къ катастрофѣ. Почти всѣ предвидѣли ее, но на исходъ ея смотрѣли различно. Представители правительственной среды хотѣли добиться передачи престола Павлу Петровичу, объявивъ его мать Екатерину только регентшей; преданная Екатеринѣ гвардейская молодежь, среди которой выдѣлялись братья Алексѣй и Григорій Орловы, Пассекъ, Бредихинъ, Рославлевъ, Хитрово, Потемкинъ, думала иначе. Она надѣялась провозгласить Екатерину не правительницей за сына, а самодержавной императрицей. О такой роли мечтала и сама Екатерина. Положеніе ея становилось крайне опаснымъ: мужъ открыто оскорблялъ ее, грозилъ ей монастыремъ или арестомъ и однажды уже собрался привести свой замыселъ въ исполненіе, но затѣмъ одумался. Объ его враждебныхъ намѣреніяхъ Екатерина была прекрасно освѣдомлена черезъ свою приближенную фрейлину Дашкову, рожденную Воронцову.

Переворотъ 28-го іюня.

Опасность съ одной стороны, ожиданіе скораго отправленія гвардіи въ датскій походъ, съ другой — побуждали приверженцевъ Екатерины, разсчитывавшихъ на поддержку всей гвардіи, торопиться съ государственнымъ переворотомъ, а произведенный 27 іюня 1762 года арестъ правительствомъ одного изъ заговорщиковъ (Пассека), который подъ пыткой могъ бы выдать своихъ соумышленниковъ, заставилъ дѣйствовать немедленно. Переворотъ совершенъ былъ съ большою легкостью 28 іюня 1762 года. Утромъ этого дня Екатерина изъ Петергофа явилась въ Петербургъ и объѣхала гвардейскія казармы, гдѣ ее встрѣтили такъ же восторженно, какъ нѣкогда преображенцы встрѣчали Елизавету Петровну. Итакъ, гвардія оказалась на ея сторонѣ, вслѣдъ за этимъ къ ней примкнули и вельможи; въ ихъ присутствіи на торжественномъ богослуженіи въ Казанскомъ соборѣ она была провозглашена самодержавной императрицей, а ея сынъ — наслѣдникомъ престола. Въ соотвѣтствующемъ смыслѣ принесли ей присягу Сенатъ, Синодъ и столичное населеніе. Народу читался манифестъ, рѣзко осуждавшій политику Петра III. Затѣмъ приняты были мѣры предосторожности на тотъ случай, если бы Петръ III, проводившій этотъ день въ Петергофѣ, сдѣлалъ попытку защищать свои права вооруженной силой. Но онѣ оказались напрасными: императоръ, узнавъ о происшедшемъ, выказалъ полную растерянность. Сперва онъ послалъ своихъ приближенныхъ уговаривать Екатерину — они не вернулись обратно къ нему; затѣмъ поѣхалъ въ Кронштадтъ, надѣясь защищаться тамъ, но эта крѣпость уже присягнула императрицѣ и не допустила высадки Петра; не рискнувъ, несмотря на убѣжденія Миниха, плыть въ Ревель, чтобы потомъ двинуть на Екатерину русскія войска, находившіяся въ Помераніи (т. е. участвовавшія въ Семилѣтней войнѣ), императоръ не нашелъ ничего луч-

шаго, какъ возвратиться въ Петергофъ. Здѣсь онъ вынужденъ былъ подписать заготовленный Екатериной актъ якобы добровольнаго своего отреченія отъ престола, а 29 іюня въ Ораніенбаумѣ отдался въ плѣнъ войску, посланному Екатериной. Его заключили въ Ропшинскій замокъ, гдѣ онъ черезъ нѣсколько дней скончался. Смерть его была объяснена внезапной болѣзнью. Впослѣдствіи найденъ былъ документъ, изъ котораго видно, что онъ погибъ во время ссоры съ лицомъ, приставленнымъ къ нему для надзора. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что Екатерина была невиновна въ его смерти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Эпоха Императрицы Екатерины Великой (1762—1796 г.).

ВВЕДЕНІЕ.

Царствованіе императрицы Екатерины II, продолжавшееся 34 года (1762—1796 г.), богато содержаніемъ. Императрица исправила немало недостатковъ русской жизни, внесла существенныя измѣненія во внутреннюю политику и превосходно разрѣшила завѣщанныя ей предшествующей исторіей исконныя задачи внѣшней политики: борьбу на югѣ—съ Крымомъ и съ Турціей, а на западѣ—съ Рѣчью Посполитою—и обезпечила такимъ образомъ Россіи безопасныя естественныя границы, создавъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ блестящее международное положеніе. Какъ исполнительница этихъ двухъ національныхъ задачъ, Екатерина II можетъ считаться талантливѣйшей продолжательницей дѣла своихъ предшественниковъ—собирателей русской земли,—особенно же Петра Великаго, прославившагося, какъ извѣстно, рѣшеніемъ третьей задачи—побѣдой надъ сѣвернымъ врагомъ—шведами,—и, подобно Петру, она удостоена эпитета «Великой». Рядомъ съ Петромъ она можетъ быть поставлена и какъ преобразовательница, успѣшно заботившаяся о распространеніи просвѣщенія, о народномъ благосостояніи, объ организаціи хорошаго мѣстнаго управленія и объ опредѣленіи правъ отдѣльныхъ сословій. Однако возведенная на престолъ при содѣйствіи гвардіи и окруженная сподвижниками-дворянами, Екатерина II въ свою сословную политику не внесла новыхъ началъ, а лишь завершила тотъ процессъ развитія «дворяновластія», который характеризовалъ время ея ближайшихъ предшественниковъ. Поэтому изъ всѣхъ классовъ общества при ней было существенно улучшено только положеніе дворянства (составлявшаго 1% населенія, а вмѣстѣ съ личнымъ дворянствомъ 1½%) и купечества (тоже около 1%); бытъ крѣпостного крестьянства (значительно больше 50%) лишь ухудшился: крѣпостное право достигло своего апогея. Но не слѣдуетъ думать, чтобы просвѣщенная императрица вовсе пренебрегала, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего царствованія, крестьянскимъ

вопросомъ: въ первые годы правленія она относилась неодобрительно къ крѣпостному праву и поощряла публичное обсужденіе его, къ которому привлекались и иностранные авторитеты. Такимъ образомъ при ней началась теоретическая разработка крестьянскаго вопроса. Правда, она не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ, какъ не привели къ нимъ и многіе другіе поднятые Екатериной вопросы, напр., о «перевоспитаніи» русскаго народа или о составленіи «новаго уложенія», т. е. свода законовъ. Однако въ самой постановкѣ такихъ широкихъ вопросовъ нельзя не видѣть заслуги императрицы. Другая ея несомнѣнная заслуга заключается въ томъ, что, ведя частыя и трудныя войны, она не придавала имъ исключительнаго значенія, не приспособляла къ ихъ нуждамъ (какъ это дѣлалъ Петръ I) своихъ внутреннихъ преобразованій; къ послѣднимъ она относилась какъ къ цѣлямъ, а не какъ къ средствамъ, иными словами, придавала имъ самоцѣнное значеніе; равнымъ образомъ за своими подданными она признавала не только обязанности (какъ это дѣлалъ опять-таки Петръ I), но и права, хотѣла видѣть въ нихъ «не рабовъ, а людей, повинующихся законамъ», такъ какъ, по ея мнѣнію, «свобода — душа всего на свѣтѣ... безъ нея—все мертво», поэтому она старалась дѣйствовать не принужденіемъ, а убѣжденіемъ; наконецъ, цѣлью своей первоначальной дѣятельности она ставила коренное исправленіе замѣченныхъ недостатковъ государственной жизни, «блаженство всѣхъ и каждаго», считая, что «всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены»... Въ началѣ своего царствованія она вѣрила въ достижимость этой цѣли, вѣрила въ свои силы. Такая вѣра была укрѣплена въ ней ея самообразованіемъ. Какъ упомянуто выше, Екатерина, въ бытность свою великой княгиней, много занималась, но не столько изученіемъ русской дѣйствительности, сколько чтеніемъ современныхъ французскихъ философовъ. Отъ нихъ она усвоила либеральные принципы, планы идеальнаго государственнаго устройства, а также крѣпкую вѣру въ могущество разума человѣческаго и въ силу личности. Подобно другимъ «представителямъ просвѣщеннаго абсолютизма» (къ ихъ числу нѣкоторые историки относятъ Екатерину II начала ея царствованія), императрица въ годы юности раздѣляла мнѣніе писателей-раціоналистовъ, что усиліями личности, облеченной властью и руководящейся разумомъ, можно въ самое короткое время видоизмѣнить укоренившійся вѣками складъ народной жизни, составить идеальное законодательство, основанное на началахъ гуманности, и пересоздать даже самый народъ. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ окружающей обстановки, внушеній и событій, она убѣдилась въ недостижимости этого и, забывъ первоначальные идеалы, стала приноравливать свою политику къ интересамъ того класса, который въ силу историческихъ условій сдѣлался самымъ сильнымъ, именно, къ интересамъ дворянства. Поэтому царствованіе императрицы Екатерины II можно раздѣлить на два періода: первый

(довольно краткій) характеризуется широкими начинаніями и попытками общихъ реформъ, часть которыхъ осуществляется затѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ мѣръ; характерною чертою второго періода является преобладаніе сословной политики. Внѣшнюю политику можно разсмотрѣть отдѣльно, такъ какъ она, какъ уже упомянуто, не была слишкомъ тѣсно связана съ внутренней. На послѣдней она сказывалась главнымъ образомъ тѣмъ, что съ одной стороны войны тяжко отражались на финансахъ, но съ другой стороны завоеванія плодородныхъ пространствъ благопріятствовали развитію народнаго благосостоянія и тѣмъ искупали сдѣланныя затраты.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Періодъ широкихъ начинаній.

§ 43. Положеніе Екатерины II при вступленіи на престолъ.

Манифестъ о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II возвѣщалъ, что она приняла власть, чтобы «стать на защиту православной русской церкви, русской побѣдной славы и внутреннихъ порядковъ, совсѣмъ ниспроверженныхъ». Для возстановленія этихъ ниспроверженныхъ порядковъ императрица считала нужнымъ прежде всего укрѣпить свою власть, затѣмъ ознакомиться со всѣми «чувствительными (т. е. важными) недостатками», узнать нужды народа, просвѣтить его и, наконецъ, попытаться создать новое уложеніе (т. е. сводъ законовъ), основанное на такихъ принципахъ, которые обезпечивали бы «блаженство всѣхъ и каждаго». Этому она и посвятила первые годы. По словамъ историка (Ключевскаго), «она принесла съ собой на престолъ гибкость ума, энергію характера и крѣпкую волю, житейскій опытъ, сообщившій ей тотъ закалъ души, которымъ она такъ гордится въ своихъ запискахъ, чутье среды и умѣнье къ ней примѣняться, значительную выработку политическаго мышленія и обильный запасъ политическихъ идей, не успѣвшихъ еще отлиться въ твердыя убѣжденія». При всемъ этомъ вначалѣ положеніе ея было нелегкимъ: не получившая практической подготовки къ государственной дѣятельности, поставленная у власти переворотомъ, законность котораго не всѣ могли признавать, она не имѣла надежныхъ сотрудниковъ, хотя и не ощущала недостатка въ самыхъ горячихъ приверженцахъ. Наиболѣе преданныхъ изъ нихъ—гвардейскихъ офицеровъ—она не могла сразу ввести въ составъ правительственной среды, вслѣдствіе ихъ молодости и неопытности; съ вельможами же Елизаветинскаго царствованія она расходилась во взглядахъ; къ тому же многіе изъ нихъ, какъ упомянуто, были сторонниками возведенія на престолъ Павла Петровича. Голоса въ его пользу

Нетвердость власти.

раздавались и въ военной-армейской средѣ. Даже люди, содѣйствовавшіе успѣху Екатерины, были не безъ претензій на политическое вліяніе и давленіе на ея волю. Такъ, по утвержденію одного иностраннаго дипломата, придворные съ большой свободой и надоѣдливостью заставляли императрицу прислушиваться къ своимъ толкамъ и мнѣніямъ. Такъ, воспитатель Павла Петровича гр. Н. И. Панинъ, которому Екатерина выказывала довѣріе, предлагалъ ей учредить «императорскій совѣтъ», который долженъ былъ бы явиться какъ бы возрожденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Любопытно, что Панинъ руководствовался тѣми же самыми мотивами, какъ и князь Дм. Мих. Голицынъ, когда послѣдній настаивалъ на созданіи Верховнаго Совѣта. Мотивы, по словамъ историка (проф. Платонова), сводились къ слѣдующему: «доказывая съ ѣдкой ироніей несовершенства прежняго управленія, допускавшаго широкое вліяніе фаворитизма на дѣла, Панинъ настаивалъ на учрежденіи «верховнаго мѣста», совѣта изъ немногихъ лицъ съ законодательнымъ характеромъ дѣятельности. Это законодательное «верховное мѣсто», стоя у верховной власти въ качествѣ ея ближайшаго помощника, одно было бы въ состояніи, по словамъ Панина, «оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя», т. е. временщиковъ. Совѣтъ при императрицѣ въ то же время былъ бы лучшимъ средствомъ противъ безпорядка и произвола въ управленіи». Екатерина II согласилась было не такое предложеніе, но затѣмъ взяла свое согласіе обратно, послѣ того, какъ ей разъяснили, «что Панинъ тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію: обязательный и государственнымъ закономъ установленный императорскій совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей».

«Императорскій Совѣтъ» въ томъ видѣ, какъ проектировалъ его Панинъ, не былъ учрежденъ (возникшій нѣсколько лѣтъ спустя совѣтъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ императрицы подобно Елизаветинской Конференціи не получилъ оффиціальнаго политическаго значенія), зато Сенатъ стремился удержать ту исключительную власть, которой пользовался въ Елизаветинское царствованіе. Чтобы ограничить ее, поставить Сенатъ на должное мѣсто и улучшить его крайне несовершенное и медленное дѣлопроизводство, императрица очень осторожно реформировала его (въ 1763 г.): Сенатъ раздѣленъ былъ на 6 департаментовъ, каждый изъ которыхъ вѣдалъ строго опредѣленный кругъ дѣлъ; значеніе генералъ-прокурора кн. Вяземскаго было усилено, при чемъ секретной инструкціей ему вмѣнялось въ обязанность не допускать законодательной дѣятельности Сената. Такимъ образомъ послѣдній обратился въ центральное административно - судебное учрежденіе и лишенъ былъ возможности притязать на участіе въ законодательствѣ [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, упрочивъ вполнѣ свою власть, Екатерина II не разъ прини-

Заговоръ Мировича.

Помимо тайныхъ притязаній (придворныхъ, Панина, Сената) на политическое вліяніе, императрицѣ въ первые годы правленія пришлось встрѣтиться и съ открытымъ покушеніемъ на свою власть, не имѣвшимъ, правда, серьезнаго значенія. Покушеніе это было сдѣлано армейскимъ поручикомъ Мировичемъ, который въ 1764 г. вознамѣрился освободить изъ Шлиссельбургской крѣпости бывшаго императора Іоанна Антоновича и для этого привлекъ на свою сторону часть крѣпостной стражи. Однако другая часть ея, исполняя данный еще Елизаветой Петровной приказъ умертвить «секретнаго узника» (такъ называли оффиціально Іоанна VI) при первой вспышкѣ движенія въ пользу него, заколола несчастнаго, безумнаго Іоанна Антоновича прежде, чѣмъ заговорщики успѣли приблизиться къ мѣсту его заключенія. Мировича постигла жестокая кара: онъ былъ преданъ смертной казни. Очень строго поступила Екатерина II и съ архіепископомъ ростовскимъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, который выступилъ съ открытымъ и очень несдержаннымъ протестомъ противъ ея церковной политики.

Протестъ Мацѣевича.

Вступая на престолъ, императрица, какъ извѣстно, намѣревалась «встать на защиту русской православной церкви». Она дѣйствительно выказывала всегда видимое уваженіе къ православію, но не хотѣла признавать за церковью исключительнаго и независимаго отъ государства положенія: какъ ученица Вольтера, она была глубоко проникнута его духомъ вѣротерпимости, какъ послѣдовательница Петра I, стремилась подчинить церковные интересы государственнымъ. Вѣротерпимость она ярко обнаружила въ вопросахъ, касавшихся раскола: вскорѣ послѣ вступленія на престолъ она обратилась къ раскольникамъ, бѣжавшимъ за границу, съ предложеніемъ вернуться назадъ въ Россію и на первое время освободила ихъ отъ всякихъ податей. Гражданскія права ихъ были отчасти возстановлены. Такъ, они получили право быть избираемыми на общественныя должности и выступать свидѣтелями въ судахъ и были отданы подъ вѣдѣніе общихъ присутственныхъ мѣстъ (съ уничтоженіемъ въ 1763 г. раскольничьей конторы). Ихъ освободили отъ установленнаго Петромъ I особаго платья, и названіе «раскольникъ» временно исчезло изъ оффиціальнаго языка. Хотя послѣдующими указами (1768 и 1778 г.г.) старообрядцамъ запрещалось строить церкви и часовни, однако именно при Екатеринѣ II возникли главные центры раскола какъ въ Москвѣ (Преображенское и Рогожское кладбища), такъ и на окраинахъ (Ир-

---

малась за проектъ преобразованія Сената. Такъ, напр., она намѣревалась учредить при немъ Расправную Палату изъ выборныхъ отъ населенія (дворянъ, горожанъ и поселянъ). Въ 1787 г. она составила манифестъ, расширяющій права Сената и предоставляющій ему нѣкоторую законодательную власть. Однако все это осталось лишь въ области предположеній.

тизъ)[1]). Какъ видно, къ раскольникамъ она относилась такъ же терпимо, какъ и ея мужъ. Ему слѣдовала она и въ своемъ отношеніи къ церковному землевладѣнію, осуществивъ въ 1764 году подготовленную Петромъ III секуляризацію (т. е. отобраніе отъ Церкви и передачу государству) всѣхъ церковныхъ земель и крестьянъ и отдавъ ихъ въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи. «Экономическіе» (такъ стали называться прежніе церковные) крестьяне, въ числѣ около 1 милліона человѣкъ, поставлены были въ одинаковое положеніе съ государственными и обложены особымъ сборомъ. Меньшая часть доходовъ съ нихъ тратилась, соотвѣтственно вновь составленнымъ штатамъ, на содержаніе церквей и монастырей, большая же шла на общенародныя (преимущественно благотворительныя) нужды. Такимъ образомъ Екатерина II окончательно и безповоротно рѣшила вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи, къ которому приступали почти всѣ русскіе государи съ Іоанна III, дѣйствуя, какъ извѣстно, полумѣрами. Выразителемъ протеста противъ такого рѣшенія и выступилъ энергичный Арсеній Мацѣевичъ. Рѣзко осуждая проведенную мѣру, онъ сравнивалъ ее съ дѣяніями Юліана Отступника и не остановился передъ анаѳематствованіемъ лицъ, виновныхъ въ похищеніи церковной собственности. Лишенный за это архіерейства и заточенный въ монастырь, онъ окончилъ потомъ дни свои въ тяжкомъ заключеніи въ крѣпости. Синодъ не вступился за Мацѣевича: въ царствованіе Екатерины II онъ былъ въ полномъ подчиненіи у свѣтской власти и долженъ былъ сносить частые уколы со стороны своего деспотичнаго и даже грубаго оберъ-прокурора Мелиссино.

Состояніе государства при воцареніи Екатерины II.

Церковная политика Екатерины II показываетъ, что императрица не остерегалась раздражать такой вліятельный классъ общества, какимъ было высшее духовенство. Слѣдовательно, она уже черезъ 2-3 года послѣ своего воцаренія считала власть свою достаточно упрочившейся. За это же время она успѣла хорошо ознакомиться съ «чувствительными недостатками» государства, положеніе котораго при вступленіи ея на престолъ было очень безотраднымъ: и въ финансахъ и въ администраціи замѣчалось полное разстройство; расходы не покрывались доходами, армія не получала жалованья, торговля сильно упала, заграничнаго кредита не было (иностранные капиталисты не вѣрили въ платежеспособность Россіи); народъ не оправился еще отъ послѣдствій чрезмѣрнаго податного бремени и безпощаднаго правленія временщиковъ; присутственныя мѣста завалены были кипами нерѣшенныхъ дѣлъ и кишѣли чудовищными злоупотребленіями.

---

[1]) Императрица выказывала полную терпимость вообще по отношенію ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, преслѣдуя лишь вредныя секты.

§ 44. Заботы объ образованіи человѣка и гражданина.

Увеличеніе численности населенія.

Императрица близко ознакомилась со всѣми недостатками государства, такъ какъ наблюдала за управленіемъ не только съ высоты престола, но предпринимала также частыя и продолжительныя поѣздки по Россіи для изученія быта провинціи. Она спѣшила исправить зло. На неотложныя государственныя нужды она отпустила деньги изъ личныхъ императорскихъ средствъ; для облегченія народа уменьшила налоги. Первая изъ русскихъ государей, она обратила серьезное вниманіе на «народное здравіе», учредивъ въ 1763 г. Медицинскую Коллегію, на обязанности которой лежала организація повсемѣстной врачебной помощи и устройство аптекъ, больницъ и богоугодныхъ заведеній для неизлѣчимо-больныхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ введено было оспопрививаніе. Считая одной изъ главнѣйшихъ государственныхъ заботъ увеличеніе численности населенія, Екатерина приглашала на льготныхъ условіяхъ чужеземцевъ-колонистовъ, заселивъ ими, главнымъ образомъ, Поволжье между Астраханью и Саратовымъ. Въ общемъ, за время царствованія Екатерины народонаселеніе Россіи возросло съ 20 до 29 милліоновъ, не включая сюда обитателей присоединенныхъ и завоеванныхъ въ это царствованіе областей. Для сохраненія населенія, массами гибнущаго въ дѣтскомъ возрастѣ, императрица позаботилась объ учрежденіи «воспитательныхъ домовъ» (одного въ Москвѣ, другого — въ Петербургѣ), въ которыхъ находили себѣ пріютъ, воспитаніе и образованіе безпризорныя дѣти; при этомъ Екатерина II имѣла и спеціальную цѣль — создать со временемъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома «третій чинъ» или «средній родъ» людей, соотвѣтствующій западно-европейской буржуазіи.

Перевоспитаніе народа.

Учрежденіе Воспитательнаго Дома для безпріютныхъ наводило на мысль объ открытіи воспитательныхъ заведеній вообще для дѣтей всѣхъ классовъ общества, въ томъ числѣ и «благородныхъ», т.-е. дворянства. Однако, прежде чѣмъ открывать ихъ, необходимо было выработать самые принципы воспитанія. И вотъ въ 1764 году императрица, въ сотрудничествѣ съ извѣстнымъ педагогомъ - теоретикомъ генераломъ И. И. Бецкимъ, составляетъ такъ называемое «Генеральное Учрежденіе», въ которомъ излагаются важнѣйшіе принципы педагогики. Какъ ревностная послѣдовательница педагогическихъ теорій, господствовавшихъ въ это время въ западно-европейской (преимущественно французской) просвѣтительной литературѣ, Екатерина II исходитъ здѣсь изъ мысли, что «корень всему злу и добру—воспитаніе», и надѣется посредствомъ разумнаго воспитанія «произвести новую породу отцовъ и матерей», образовать «человѣка

и гражданина». Какъ видно изъ этого, императрица, первая изъ русскихъ монарховъ, поставила вопросъ о правильной организаціи не только мужского, но и женскаго воспитанія и образованія, причемъ цѣлью ихъ она считала не подготовленіе профессіональныхъ работниковъ для государственной службы, а прежде всего «созданіе человѣка и гражданина». Однако, несмотря на такую общность цѣли, Екатерина II на практикѣ не могла отказаться отъ сословныхъ взглядовъ. Поэтому опытъ примѣненія новыхъ идей, изложенныхъ въ «Генеральномъ Учрежденіи», выразился не въ основаніи однородныхъ, доступныхъ для всѣхъ школъ, а въ открытіи нѣсколькихъ сословныхъ мужскихъ и женскихъ воспитательныхъ заведеній съ неодинаковой программой, въ которыхъ дѣти должны были оставаться безвыходно отъ 5-6 до 18-20 лѣтъ, чтобы быть убереженными отъ всякаго вреднаго вліянія.

Изъ такихъ заведеній необходимо упомянуть слѣдующія: 1) Воспитательное общество (или училище) благородныхъ дѣвицъ (учр. въ 1764 г.), имѣвшее цѣлью развить въ своихъ питомицахъ «свѣтскія добродѣтели» посредствомъ обученія ихъ цѣлому ряду наукъ и искусствъ; 2) особливое училище при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для воспитанія мѣщанскихъ дѣвицъ (учр. въ 1765 г.), ставившее своей задачей уже не достиженіе «свѣтскихъ добродѣтелей», а подготовленіе къ «службѣ экономической» (т.-е. хозяйству); 3) мужскія воспитательныя училища (преимущественно для мѣщанъ) при Академіи Художествъ и Наукъ; 4) преобразованный согласно новому уставу Сухопутный шляхетскій корпусъ. По образцу указанныхъ воспитательныхъ заведеній, императрица намѣревалась учредить со временемъ и многія другія «во всѣхъ губерніяхъ Россіи». Эти училища должны были прежде всего воспитывать своихъ питомцевъ, дѣлая ихъ добродѣтельными, а затѣмъ уже обучать и просвѣщать (общее элементарное образованіе предполагалось сдѣлать доступнымъ и даже обязательнымъ для всѣхъ, среднее образованіе — для всѣхъ, кромѣ крестьянства, высшее—преимущественно для дворянства). Однако, намѣренія Екатерины II не увѣнчались полнымъ успѣхомъ: ей пришлось ограничиться перечисленными выше нѣсколькими воспитательными заведеніями, отказавшись отъ созданія стройной системы ихъ. Краеугольнымъ камнемъ предполагавшейся системы было, какъ видимъ, воспитаніе. «Что нравственное воспитаніе должно составлять первую основную задачу всякой системы просвѣщенія» — это было, по словамъ историка (проф. Рождественскаго), общепризнаннымъ и безспорнымъ положеніемъ, на которомъ сходились болѣе или менѣе всѣ педагогическія теоріи XVIII вѣка». Мысль о томъ, что корень всему злу и добру—воспитаніе, развивалась очень пространно и въ «Генеральномъ Учрежденіи» и въ другихъ вызванныхъ имъ проектахъ. Такъ, напр., «Генеральное Учрежденіе» исходило изъ положенія, что

«одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены»; поэтому для созданія «третьяго чина людей единое токмо средство остается: произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бы паки своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старше, какъ по пятому и шестому году»... «Во все время (ихъ безвыходнаго въ училищѣ пребыванія) не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими общенія, такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ видѣть ихъ въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе, внѣ и внутри онаго, весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей. При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое прилагать должны стараніе, чтобы вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ ихъ состоянію правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобы страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить ихъ пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей»... и т. д. «Просвѣщая при томъ ихъ разумъ науками и художествами, по природѣ, полу и склонности каждаго, обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что прежде, нежели отрока обучать какому либо художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту и выборъ оныхъ оставить ему самому».

Другіе проекты повторяли то же самое нѣсколько иными словами. Напр., они утверждали, «что ученый и злонравный человѣкъ больше вреда обществу принести можетъ, употребляя излишнее свое свѣдѣніе орудіемъ во вредъ ближняго, нежели оставленный въ своемъ невѣжествѣ съ тихимъ и кроткимъ нравомъ», и что «воспитаніе есть источникъ всего въ свѣтѣ человѣческаго благополучія». Основной психологической предпосылкой такихъ разсужденій было созданное англійскимъ мыслителемъ Локкомъ и развитое его послѣдователями ученіе о томъ, что душа ребенка представляетъ собою какъ бы

чистую доску (tabula rasa), которая заполняется содержаніемъ (т. е. получаетъ тѣ или другія склонности) лишь въ зависимости отъ внѣшнихъ воспріятій и внушенія. Сторонники такого взгляда, отрицающаго, какъ видно, врожденныя склонности, естественно должны были придавать воспитанію самое исключительное значеніе. Вопросъ о предпочтительности домашняго или публичнаго—государственнаго (т. е. школьнаго) воспитанія разрѣшался различно. Императрица Екатерина II предпочитала второе, слѣдуя въ этомъ отношеніи тѣмъ западно-европейскимъ мыслителямъ, которые учили, что «счастье государства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ хорошаго воспитанія подданныхъ», и что поэтому государственная власть должна взять его въ свои руки, создавъ соотвѣтствующую своимъ нуждамъ систему народнаго просвѣщенія. Этимъ, по мнѣнію ихъ, достигается двоякая польза: практическая, состоящая въ подготовленіи хорошихъ и покорныхъ подданныхъ, и абсолютная, заключающаяся въ осуществленіи общаго блага, каковымъ является просвѣщеніе. Къ домашнему воспитанію даже дворянской русской молодежи императрица относилась съ подозрѣніемъ (назвавъ его «грязнымъ ручьемъ») и, лишь убѣдившись, что «невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ», она сочла за полезное «установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ» при домашнемъ воспитаніи дѣтей. Такими общими правилами и была изданная впослѣдствіи Екатериной II замѣчательная книжка «о должностяхъ человѣка и гражданина». Однако основной своей задачей она считала дать «младенцамъ счастіе добраго воспитанія черезъ пристойныя учрежденія», т. е. школы. При обсужденіи организаціи этихъ школъ сотрудники ея столкнулись, какъ уже упомянуто, съ сословнымъ вопросомъ: русская жизнь пропитана была въ то время сословностью, западно-европейская просвѣтительная литература въ сущности тоже не всегда отрицала ее, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ воспитанія. Такъ, напр., Локкъ, отвергавшій, какъ извѣстно, врожденныя склонности, считаетъ тѣмъ не менѣе, что «принцъ, сынъ пэра, сынъ простого джентльмена должны быть воспитываемы каждый на свой ладъ». Другой извѣстный писатель Бильфельдъ находилъ смѣшнымъ и даже опаснымъ для государства воспитывать крестьянскихъ дѣтей такъ же, какъ дворянскихъ. Тѣмъ болѣе находили это русскіе проекты по народному просвѣщенію, появившіеся въ царствованіе Екатерины II, при которой, какъ увидимъ, крѣпостное право достигло высшаго развитія. Любопытно, что даже защитники необходимости образованія для крѣпостныхъ (а такихъ защитниковъ было немного) ссылались преимущественно на выгоду, происходящую отъ этого помѣщикамъ: крестьяне, обученные въ школѣ, заслуживаютъ, по ихъ мнѣнію, большаго довѣрія господъ; полезно дать нѣкоторое образованіе и

крестьянскимъ дѣвушкамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ «общество подлыхъ рабовъ, несмышленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ» можетъ дурно повлiять на дворянскихъ дѣтей. Даже проектъ 1765—66 гг. о повсемѣстномъ учрежденiи гимназiй для «всѣхъ рожденныхъ россiйскихъ подданныхъ греческаго исповѣданiя, кромѣ крѣпостныхъ, безъ всякаго различiя званiя и природы», не чуждъ сословныхъ тенденцiй. Правда, онъ предполагалъ содержать всѣхъ учениковъ совершенно одинаково и не давать дворянамъ никакого преимущества передъ другими «въ разсужденiи служенiя, пищи, одѣянiя и всѣхъ прочихъ потребностей», однако онъ, какъ видно, совершенно устранялъ отъ образованiя крѣпостныхъ, а «для простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей» устанавливалъ обученiе только въ такихъ размѣрахъ, «сколько природѣ ихъ прилично и надобно». Гимназiи сообразно этому проекту должны быть четырехъ родовъ: военныя, гражданскiя, купеческiя и для ученыхъ людей—въ зависимости отъ того, какой классъ населенiя преобладаетъ въ данной губернiи. Практическаго значенiя проектъ 1765—66 гг. не имѣлъ, быть можетъ, потому, что Екатерина II рѣшила вновь обсудить принципы учебной реформы въ связи съ другимъ огромнымъ дѣломъ.

§ 45. Заботы о составленiи идеальнаго свода законовъ.

Большой Наказъ.

Императрица Екатерина II заботилась не только объ оздоровленiи и перевоспитанiи своихъ подданныхъ: она вознамѣрилась также дать имъ новые совершенные законы, такiе законы, которые съ одной стороны основывались бы на принципахъ современной западно-европейской просвѣтительной литературы, съ другой—отвѣчали бы вполнѣ интересамъ русскаго народа. Такое намѣренiе побудило ее составить особое сочиненiе, такъ называемый «Наказъ», въ которомъ содержались общiе принципы идеальнаго законодательства, и созвать Комиссiю, т. е. собранiе выборныхъ отъ населенiя, которая, примѣняясь къ этимъ принципамъ, а также къ народнымъ нуждамъ, должна была составить «новое уложенiе», т. е. новый сводъ законовъ.

«Наказъ» представляетъ собою пересказъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ сочиненiй, посвященныхъ вопросамъ политики (таковы, напр., «Духъ Законовъ» Монтескье—эту книгу Екатерина II называла своимъ молитвенникомъ, «Политическiя наставленiя» Бильфельда, трактатъ «О преступленiяхъ и наказанiяхъ» Беккарiа), а также изложенiе собственныхъ взглядовъ императрицы на задачи законодательства и верховной власти, на отношенiе ея къ подданнымъ, на права и обязанности какъ всѣхъ гражданъ, такъ и отдѣльныхъ сословiй, на судопроизводство, вѣротерпимость, народное просвѣщенiе и т. д. Полнаго представленiя о взглядахъ импе-

ратрицы «Наказъ» не даетъ, такъ какъ извѣстная намъ редакція его содержитъ въ себѣ не болѣе четверти первоначальной. Дѣло въ томъ, что Екатерина II, поработавъ надъ своимъ сочиненіемъ болѣе двухъ лѣтъ и закончивъ его, «вычернила» (т. е. вычеркнула) затѣмъ больше половины написаннаго, послѣ разговоровъ со своими приближенными, а эти послѣдніе, получивъ потомъ «Наказъ» на разсмотрѣніе, вычеркнули также добрую половину оставшагося. Такое безпощадное сокращеніе «Наказа» объясняется чрезмѣрнымъ его либерализмомъ съ точки зрѣнія того времени [1]). Правда, императрица оставалась въ немъ горячей защитницей необходимости самодержавія для Россіи, какъ обширной страны, сокращала и видоизмѣняла заимствуемыя изъ своихъ источниковъ мѣста, если они почему-либо представлялись ей слишкомъ рѣзкими, и не говорила ничего объ уничтоженіи крѣпостного права, находя даже нежелательнымъ «дѣлать великое число освобожденныхъ» (пожеланіе отмѣны крѣпостного права, насколько можно судить, было въ первоначальной редакціи «Наказа», и это-то особенно и возстановило противъ него приближенныхъ Екатерины). Однако въ «Наказѣ» и послѣ сокращенія осталось не мало либеральныхъ мыслей. Императрица высказывала гуманный взглядъ на сущность законовъ, находя, что они могутъ запрещать только то, что «вредно или каждому особенно, или всему обществу», что они должны осуществлять народное благо, быть равными для всѣхъ и всѣмъ понятными и извѣстными. Она требовала строгой законности въ администраціи и судѣ, быстроты послѣдняго и установленія въ немъ выборнаго начала. Самымъ рѣзкимъ образомъ осуждала она смертную казнь (опыты свидѣтельствуютъ, пишетъ она, что частое употребленіе казней никогда не сдѣлало людей лучшими) и пытку (которая есть «надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго»), и считала, что уже стыдъ при уличеніи въ преступленіи служитъ достаточнымъ наказаніемъ. Да и на самое наказаніе она смотрѣла какъ на нѣчто второстепенное. Центръ тяжести долженъ былъ, по ея мнѣнію, быть перенесеннымъ на предупрежденіе преступленій, а послѣднее возможно только при поднятіи просвѣщенія. Очень любопытны и сужденія императрицы о свободѣ слова, печати и объ установленіи полной вѣротерпимости. Въ концѣ «Наказа» она пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые во вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани,

---

[1]) Любопытно, что и сокращенный Наказъ считался опасной книгой, и во Франціи была запрещена продажа ея.

чтобы по окончаніи сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы неисполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю».

Изложенныя въ видѣ отдѣльныхъ статей (въ извѣстной редакціи ихъ имѣется свыше 500), положенія «Наказа» предназначались служить какъ бы фундаментомъ для построенія самаго справедливаго законодательства, какъ бы путеводными вѣхами, опредѣлявшими направленіе работы «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія», каждый членъ которой долженъ былъ руководствоваться, кромѣ того, «наказами», т. е. наставленіями, полученными отъ своихъ избирателей. (Эти послѣдніе наказы, которыми снабжались депутаты, принято называть «депутатскими», въ отличіе отъ составленнаго императрицей «*Большого*» Наказа).

Способы составленія «Новаго Уложенія».

Таковы были намѣренія Екатерины II. Въ этихъ намѣреніяхъ ново не столько сознаніе насущной необходимости новаго законодательнаго сборника (кодекса), который замѣнилъ бы давнымъ-давно признанное устарѣвшимъ Соборное Уложеніе 1649 года, сколько форма «сочиненія» его. Дѣйствительно, составленіе новаго свода законовъ взамѣнъ Уложенія являлось очередной задачей, къ рѣшенію которой безуспѣшно приступали всѣ предшественники Екатерины II, начиная съ Петра Великаго. Всѣ они созывали особыя законодательныя комиссіи, къ участію въ которыхъ со времени Петра II приглашались и выборные отъ сословій. Правда, эти комиссіи то собирались, то распускались и вообще влачили очень жалкое существованіе, а населеніе относилось къ нимъ съ явнымъ равнодушіемъ, такъ что приходилось прибѣгать чуть ли не къ воздѣйствію полиціи и солдатъ, чтобы побудить произвести избраніе депутатовъ. При Елизаветѣ Петровнѣ сводъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ, былъ уже составленъ, но не былъ введенъ въ дѣйствіе. Итакъ, и работа надъ «уложеніемъ», и привлеченіе къ ней депутатовъ, т. е. выборныхъ, были не новы. Тѣмъ не менѣе попытка Екатерины II значительно отличается отъ предшествующихъ: послѣдніе имѣли въ виду только обновить и перестроить Соборное Уложеніе, замѣнивъ его устарѣвшія части другими, соотвѣтствующими современности; Екатерина же задалась цѣлью построить новое законодательство на фундаментѣ идей просвѣтительной литературы, а не на правовыхъ устояхъ, выработанныхъ обычаемъ, многовѣковой практикой русскаго государства. Къ тому же дѣйствіямъ «Комиссіи депутатовъ» она собиралась придать самый широкій размахъ—характеръ настоящаго народнаго представительства, такъ какъ она была проникнута мыслью, что «власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ».

Созывъ «Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія».

Манифестомъ 14 декабря 1766 года къ участію въ «Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія» призывались депутаты отъ всѣхъ слоевъ населенія, кромѣ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ, однако не въ одинаковомъ числѣ: больше всего выборныхъ приглашалось отъ дворянства и горожанъ. Дворянство обязано было прислать депутата отъ каждаго уѣзда, городское сословіе (если въ городѣ было не менѣе 50 домовъ; въ противномъ случаѣ могли и не посылать) отъ каждаго города[1]).

Слѣдующія сословія: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты и другіе низшіе служилые люди, составлявшіе государственное ополченіе и владѣвшіе землей, и 3) государственные крестьяне, должны были прислать по одному депутату отъ болѣе крупной, чѣмъ уѣздъ, территоріальной единицы—именно, отъ провинціи. Депутаты посылались и некочующими инородцами, крещеными и некрещеными, по одному отъ каждаго народа съ каждой провинціи, а также козаками и запорожскимъ войскомъ. Приглашались депутаты и отъ важнѣйшихъ правительственныхъ учрежденій (тоже по выбору).

Изъ указаннаго видно, что въ основу выборовъ было положено сословное начало, хотя оно и не вполнѣ послѣдовательно проводилось. Такъ, напр., ему противорѣчитъ приглашеніе депутатовъ отъ правительственныхъ учрежденій, а также и то, что въ обѣихъ столицахъ выборы были всесословными.

Далѣе, подача голосовъ при выборахъ не была всеобщей, такъ какъ, во-первыхъ, отъ нихъ совершенно устранялись два класса: духовенство и крѣпостное крестьянство, а во-вторыхъ, и отъ избирателей другихъ сословій требовался извѣстный цензъ. Устраненіе духовенства объясняется либерализмомъ Екатерины—ея «вольтеріанствомъ», устраненіе крѣпостныхъ, напротивъ—ужаснымъ взглядомъ людей того времени на крѣпостныхъ, какъ на совершенно безправныхъ существъ. Активный избирательный цензъ (т.-е. право избранія) остальныхъ опредѣлялся двумя условіями: 1) возрастомъ,—не менѣе 25 лѣтъ для дворянъ и горожанъ и 30 лѣтъ для другихъ сословій; 2) владѣніемъ извѣстнымъ имуществомъ,—напр., помѣстьемъ, домомъ и торгомъ, домомъ и ремесломъ, домомъ и землею. Пассивный цензъ (т.-е. право быть избираемымъ) нѣсколько повышался: такъ, депутатъ отъ города и другихъ сословій долженъ былъ быть не моложе 30 лѣтъ, а также быть «небанкрутнымъ», не находящимся ни въ штрафахъ, ни въ подозрѣніяхъ и не обличеннымъ въ явныхъ порокахъ; отъ депутатовъ низшихъ сословій требовалось еще, чтобы они были женатыми (или вдовыми) и имѣли дѣтей.

Не будучи всеобщими, выборы далеко не всегда были и прямыми.

---

[1]) Такимъ образомъ, большіе города, и даже столицы, были сравнены съ самыми маленькими городками.

Таковыми они были только для уѣзднаго дворянства и въ небольшихъ городахъ, гдѣ избиратели непосредственно выбирали депутата. Въ большихъ городахъ выборы были двухстепенными, т.-е. сначала избирателями по группамъ выбирались повѣренные или выборщики, которые затѣмъ, собравшись вмѣстѣ, избирали депутата. У низшихъ сословій дѣло еще усложнялось,—устанавливались трехстепенные выборы: избраніе погостныхъ повѣренныхъ, затѣмъ уѣздныхъ и, наконецъ, провинціальнаго депутата.

Однако выборы слѣдуетъ признать свободными, чуждыми административнаго давленія. Роль мѣстной администраціи должна была ограничиваться только созывомъ перваго собранія избирателей; они тутъ же производили избраніе депутатовъ и писали для нихъ «наказы» съ изложеніемъ своихъ нуждъ, которыя должны были быть доведены до свѣдѣнія Комиссіи и такъ или иначе удовлетворены, при чемъ депутатъ могъ брать и по нѣсколько наказовъ отъ своихъ избирателей. Однако администрація все же интересовалась составленіемъ наказовъ и производствомъ выборовъ и представляла по этому поводу свои жалобы или протесты, часто неосновательные и безтактные. Особенно волновался Румянцевъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, гдѣ выборы шли очень горячо и сопровождались массой споровъ и пререканій. Безпокойный генералъ часто разсылалъ успокоительные циркуляры и постоянно жаловался на незаконность производства выборовъ и составленія наказовъ какъ въ Сенатъ, такъ и самой императрицѣ. Нужно отдать справедливость послѣдней: она всѣми силами старалась умѣрить излишній служебный пылъ хлопотливаго Румянцева. Въ нѣкоторыхъ козацкихъ мѣстечкахъ начальство тоже зорко слѣдило за выборами. Напротивъ, въ прибалтійскихъ провинціяхъ администрація оставляла иногда безъ протеста и явно незаконные выборы.

Итакъ, императрица отнеслась очень серьезно къ задуманной задачѣ: она много трудилась надъ составленіемъ своего «Наказа», выработала систему выборовъ, хотя далеко не совершенную, но все же достаточно стройную, старалась ограничить давленіе администраціи и, наконецъ, всячески поднять значеніе депутатовъ. Послѣдніе пользовались исключительными привилегіями: такъ, они на всю жизнь освобождались отъ смертной казни, отъ пытокъ и отъ тѣлеснаго наказанія; въ случаѣ совершенія ими преступленія, постановленіе суда относительно нихъ должно было докладываться императрицѣ; преступленіе противъ нихъ наказывалось вдвойнѣ. Характерно и то, что, обратившись къ народному представительству, Екатерина какъ бы старалась искоренить при выборахъ всѣ бюрократическіе принципы: такъ, напр., старшинство въ избирательныхъ собраніяхъ соблюдалось не по чинамъ и званіямъ, а по тому, кто раньше явился на нихъ.

Интересно, какъ же отнеслось населеніе къ выборамъ?

Отношеніе населенія къ выборамъ.

Приходится сказать, что отношеніе его было менѣе серьезнымъ, чѣмъ слѣдовало бы. Въ нѣкоторыхъ, правда единичныхъ, случаяхъ обнаружилось даже полное непониманіе идеи народнаго представительства. Такъ, напр., одинъ новгородскій дворянинъ отказался отъ участія въ выборахъ на томъ основаніи, что грамотою Петра III дворянство избавлено отъ «обязательной службы». Въ какомъ-то городѣ обыватели, смотря на депутатскія полномочія какъ на тяжелую и непріятную обязанность, выбираютъ самаго нелюбимаго человѣка, чтобы досадить ему. Въ другомъ мѣстѣ выбирается лицо, уже много лѣтъ не живущее въ городѣ и незнакомое съ его нуждами. Но и помимо этихъ комическихъ случаевъ, можно указать нѣкоторые признаки равнодушія къ выборамъ и непониманія ихъ значенія.

Такъ, во многихъ мѣстахъ замѣтно уклоненіе отъ пріѣзда на избирательныя собранія, мотивируемое несерьезными причинами. Оно доходило иногда до такой степени, что нѣкоторые уѣзды и города не прислали вовсе депутатовъ. Замѣтно также равнодушіе къ составленію наказовъ: въ иныхъ уѣздахъ, въ которыхъ числилось нѣсколько сотъ помѣщиковъ, подъ наказами подписывалось лишь нѣсколько десятковъ. Самые наказы иногда заимствуютъ содержаніе одинъ изъ другого, и такое позаимствованіе не всегда можно объяснить однородностью интересовъ, а часто приходится приписывать нежеланію самостоятельно составить ихъ. Наконецъ, можно указать и на два-три потѣшныхъ по своей лаконичности наказа. Такъ, муромскіе дворяне ограничиваются слѣдующимъ заявленіемъ: «Мы, будучи въ собраніи, по довольномъ нашемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства, никакихъ отягощеній и нуждъ не признаемъ». Дмитровскіе горожане тоже заявили, что они «по обстоятельству здѣшняго города никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ, а имѣютъ, по всеподданнѣйшему своему къ Ея Императорскому Величеству послушанію, положиться на всевысочайшее Е. И. В. соизволеніе и разсужденіе комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія». Конечно, это—исключенія. Многіе наказы, какъ увидимъ, умѣли очень пространно и обстоятельно излагать свои сословныя нужды, ясно и требовательно выражать своекорыстныя пожеланія. Однако огромное большинство населенія ждало, повидимому, отъ Комиссіи совсѣмъ не тѣхъ идеальныхъ, удовлетворяющихъ общенародныя нужды результатовъ, на которые разсчитывала императрица. Какія упованія возлагала она на Комиссію, видно изъ рѣчи, произнесенной при открытіи ея вице-канцлеромъ кн. Голицынымъ. Отъ имени императрицы онъ сказалъ собравшимся депутатамъ, между прочимъ, слѣдующее: «Помните, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе объ общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце люд-

ское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и блаженствѣ всѣхъ любезныхъ согражданъ вашихъ... Вы имѣете случай прославить себя и вѣкъ вашъ и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ. Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы»...

Устройство Комиссіи.

Открытіе засѣданій Комиссіи послѣдовало 31 іюля 1767 года въ Москвѣ (въ декабрѣ этого же года она была переведена въ Петербургъ). Депутатовъ собралось всего 564, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: отъ правительственныхъ учрежденій—28 человѣкъ, отъ дворянъ—161 (29%), отъ горожанъ—208 (37%), отъ козаковъ—54, отъ казенныхъ крестьянъ разныхъ наименованій—79 (14%), отъ инородцевъ—34.

Организація Комиссіи началась съ выбора предсѣдателя. Большинство голосовъ получили два брата Орловыхъ, одинъ изъ которыхъ, впрочемъ, сейчасъ же отказался отъ кандидатуры, но маршаломъ, т. е. предсѣдателемъ, назначенъ былъ генералъ Бибиковъ, указанный въ качествѣ кандидата генералъ-прокуроромъ Сената кн. Вяземскимъ и получившій всего 165 избирательныхъ голосовъ (изъ 428). Далѣе началось выдѣленіе изъ полнаго состава Комиссіи (которую принято называть Большой) нѣсколькихъ частныхъ комиссій, каждая изъ которыхъ должна была заниматься опредѣленнымъ вопросомъ (напр., комиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ, о правахъ благородныхъ) или опредѣленнымъ дѣломъ (напр., «экспедиціонная», смотрѣвшая за тѣмъ, чтобы законопроекты удовлетворяли «правиламъ языка и слога»), и число которыхъ достигло 19. Само по себѣ раздробленіе «Большой Комиссіи» на малыя или частныя являлось весьма полезнымъ, такъ какъ составленіе отдѣльныхъ законопроектовъ было бы, очевидно, очень затруднительнымъ и мѣшкотнымъ при многочисленномъ составѣ членовъ, но на практикѣ выдѣленіе частныхъ комиссій было произведено неудачно: надъ всѣми ними поставлена была одна «дирекціонная», члены которой назначались императрицей по списку кандидатовъ, избранныхъ Большой Комиссіей, и въ которой предсѣдательствовали маршалъ и генералъ-прокуроръ. Дирекціонная комиссія организовывала другія, слѣдила за ихъ дѣятельностью и превратила ихъ какъ бы въ зависимыя отъ себя канцеляріи. Такимъ образомъ, народное представительство получало характеръ бюрократическаго учрежденія, которымъ распоряжались маршалъ и генералъ-прокуроръ.

Судьба Комиссіи.

Комиссія организовалась и засѣданія начались. Но они шли какъ-то безтолково, перебрасываясь отъ одного дѣла къ другому, ничего не кончая (сперва былъ прочтенъ Большой Наказъ, затѣмъ нѣсколько крестьянскихъ наказовъ, затѣмъ нѣсколько дворянскихъ и купеческихъ, потомъ заговорили о правахъ прибалтійскаго дворянства и т. д. безъ всякой системы). Прошло нѣкоторое время, и императрица, первоначально очень увлекавшаяся Комиссіей, стала замѣтно охладѣвать

къ ней, и, по распоряженію маршала, число засѣданій Комиссіи было сокращено. Съ началомъ турецкой войны въ 1768 году Большая Комиссія была распущена подъ тѣмъ предлогомъ, что многіе ея члены должны были отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, но частныя продолжали работать еще нѣсколько лѣтъ; предполагалось со временемъ созвать вновь и Большую. Однако такого созыва не послѣдовало, а съ 1775 года и самое названіе «Уложенной Комиссіи» перестало упоминаться, она была какъ бы «забыта». Отъ нея остались груды матеріаловъ, но дѣло составленія «Новаго Уложенія» не подвинулось ни на шагъ впередъ. Такимъ образомъ прямого своего назначенія Комиссія не исполнила; въ этомъ отношеніи ее постигла полная неудача.

Такую неудачу изслѣдователи объясняютъ различными причинами: неспособностью руководителей Комиссіи, плохой ея организаціей, отсутствіемъ подготовительныхъ работъ (Большой Наказъ давалъ лишь общіе принципы, а депутатскіе—массу противорѣчащихъ другъ-другу частностей), наконецъ, охлажденіемъ къ ней самой императрицы. Такъ, напр., проф. Сергѣевичъ видитъ причины неудачи Комиссіи «въ полномъ неумѣніи руководящихъ людей воспользоваться народнымъ голосомъ и свести его къ опредѣленнымъ положеніямъ». Особенные нападки дѣлаются на маршала Бибикова, какъ на малообразованнаго карьериста, совершенно неспособнаго къ выполненію принятой имъ на себя важной роли. Проф. Дитятинъ стремится оправдать Бибикова, главнымъ образомъ, указаніями на то, что, будь онъ такой неподходящій человѣкъ, императрица не остановилась бы на немъ; и одну изъ существеннѣйшихъ причинъ неудачи Комиссіи Дитятинъ усматриваетъ въ крайнемъ несовершенствѣ ея организаціи, въ «отсутствіи общаго плана законодательныхъ работъ». Не малую роль сыграло и то, что не было сдѣлано систематизаціи всѣхъ наказовъ (которыхъ было болѣе 1.000) и сводки прежнихъ законовъ (ихъ имѣлось свыше 10.000): вѣдь какъ ни смотрѣть на прежнее законодательство, сколь несовершеннымъ ни признавать его, все же необходимо было съ нимъ считаться. Конечно, все это можно было бы исправить: можно было бы найти болѣе умѣлыхъ руководящихъ лицъ, если поставленныя оказались непригодными; можно было бы дать новую организацію Комиссіи, если принятая была сочтена несостоятельной. Все это было бы возможно, если бы императрица этого захотѣла. Отъ ея отношенія, какъ *создательницы* Комиссіи, въ значительной степени зависѣла судьба послѣдней. Екатерина охладѣла къ Комиссіи, разочаровалась въ ней. Нѣтъ нужды придавать этому разочарованію несерьезный, легкомысленный характеръ, какъ-будто императрица позабавилась своей игрушкой—Комиссіей и забросила ее, какъ нѣчто надоѣвшее, наскучившее. Едва ли также справедливо, какъ думаютъ нѣкоторые историки, что императрица испугалась «вольномыслія» притязательныхъ депутатовъ, которые ухищря-

лись «предписывать уже законы верховной власти». Правда, въ нѣсколькихъ случаяхъ пришлось прекращать пренія въ Комиссіи и вводить ихъ въ дозволенныя, съ точки зрѣнія правительства, границы. Но какихъ-либо сознательныхъ покушеній на свою власть Екатерина не могла опасаться, тѣмъ болѣе, что сами депутаты постановили «не касаться общихъ государственныхъ учрежденій и уставовъ» [1]).

Причину разочарованія императрицы скорѣе всего нужно искать въ томъ, что она убѣдилась въ полной невозможности сочетать широкіе и либеральные взгляды своего «Наказа» съ пожеланіями депутатовъ, которые, какъ сейчасъ увидимъ, почти всѣ безъ исключенія были проникнуты сословнымъ духомъ, отличались узостью міровоззрѣнія и за сословными нуждами не видѣли нуждъ общенародныхъ.

Депутатскія пожеланія.

Первую роль въ Комиссіи играло дворянство, хотя и уступавшее въ численномъ отношеніи городскимъ представителямъ, но зато пользовавшееся привилегированнымъ положеніемъ. Притязанія дворянства, выраженныя въ наказахъ и рѣчахъ депутатовъ, были очень велики. Нельзя, конечно, обобщать всѣ наказы и рѣчи всѣхъ дворянскихъ депутатовъ, такъ какъ съ точки зрѣнія формы различіе между ними было громадное. Такъ, кромѣ краткихъ, простецкихъ наказовъ, авторы которыхъ откровенно сознаются въ своемъ «скудоуміи» и столь же откровенно и просто высказываютъ свои эгоистическія пожеланія, имѣются также наказы, написанные витіеватымъ языкомъ и покрывающіе свой односторонній эгоизмъ туманными теоретическими соображеніями. Столь же разнятся между собою и ораторы. Такъ, напримѣръ, наряду съ очень часто вступавшимъ въ разглагольствованія обоянскимъ депутатомъ Михаиломъ Глазовымъ, рѣчь котораго характеризуется журналомъ засѣданій Комиссіи слѣдующимъ образомъ: «вездѣ мысли спутаны и темны; каждое почти выраженіе неприлично», встрѣчается и блестящій ораторъ кн. Щербатовъ, лидеръ дворянской партіи. Но все различіе какъ между наказами, такъ и между дворянскими депутатами ограничивалось формой, а не существомъ. По существу дѣла только нѣсколько депутатовъ выдѣлялось изъ общей массы. Основнымъ требованіемъ дворянства было слѣдующее: «корпусъ (т. е. сословіе) дворянства отдѣлить правами и преимуществами отъ прочихъ разнаго рода и званія людей». Иными словами, дворяне домогались, какъ и при Елизаветѣ Петровнѣ, образованія изъ своего сословія строго-замкнутой касты, пользующейся самоуправленіемъ, укрѣпленія и расширенія пріобрѣтенныхъ въ предшествовавшія царство-

---

[1]) Въ годъ засѣданія Комиссіи (1768) проф. Десницкій составилъ планъ русской конституціи по англійскому образцу: онъ проектировалъ ввести въ Сенатъ представителей отъ дворянства, купцовъ, ремесленниковъ и «отъ училищъ» (т. е. ученаго сословія). Однако нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы эта чисто академическая конституція такъ или иначе отразилась на дѣятельности Комиссіи.

ванія привилегій, ограниченія къ выгодѣ дворянства правъ другихъ сословій (напр., купцовъ) и отдачи въ руки дворянскихъ выборныхъ мѣстнаго управленія и суда. Въ области судопроизводства большинство дворянскихъ наказовъ настаивало на сохраненіи прежнихъ суровыхъ формъ его, требуя примѣненія самыхъ жестокихъ наказаній и даже пытки, но, конечно, не къ провинившимся дворянамъ. Послѣдніе должны быть «вездѣ и всегда избавлены отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ, и потому смертной казни». Такимъ образомъ дворянство хотѣло во всемъ отличаться отъ другихъ сословій, превратившись какъ бы въ особое государство въ государствѣ. Отдѣленіе дворянъ отъ «прочихъ разнаго рода и званія людей» нарушалось, какъ извѣстно, установленной Петромъ «табелью о рангахъ», которая давала возможность всѣмъ безъ различія происхожденія, дослужившимся до извѣстнаго чина, вступать въ ряды дворянства. Естественно поэтому, что эта табель подверглась особеннымъ нападкамъ въ Коммиссіи. Нежелательность смѣшенія природнаго дворянства съ выслужившимся доказывалась всевозможными доводами, наибольшее вниманіе изъ которыхъ заслуживаютъ два: во-первыхъ, щербатовское «историческое» разсужденіе о томъ, что каждый природный дворянинъ уже съ самаго рожденія содержитъ въ себѣ задатки для проявленія «добродѣтели и усердія», для «совершенія всякихъ великихъ подвиговъ», тогда какъ люди недворянскаго званія не могутъ имѣть этой добродѣтельной наслѣдственности [1]), и, во-вторыхъ, соображенія о томъ «ущербѣ чести» дворянства, «затменіи его славы», «нареканіи на него подлости», которые могутъ произойти, если дворянство будетъ пополняться выслуживающимися людьми: «всякая вещь теряетъ свою цѣну, какъ скоро она дѣлается многоупотребительна»... Итакъ, вредъ табели о рангахъ былъ признанъ. Оставалось найти только способы для излѣченія этого вреда. Ихъ предлагалось нѣсколько: наиболѣе снисходительные депутаты соглашались на раздѣленіе дворянъ на двѣ группы: природныхъ и выслужившихся, съ значительнымъ сокращеніемъ привилегій послѣднихъ; другіе требовали пресѣченія на будущее время доступа къ дворянству изъ другихъ сословій; наконецъ, третьи желали исключенія изъ дворянства и тѣхъ, кто уже успѣлъ войти въ его среду въ силу выслуги. Кромѣ происхожденія, дворянство, по мнѣнію депутатовъ, могло только жаловаться Высочайшею властью за исключительныя заслуги, а не пріобрѣтаться обычной службой.

---

[1]) Такія же мысли въ еще болѣе рѣзкой формѣ развиваетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи: «Размышленія о дворянствѣ». Онъ доказываетъ здѣсь, что на всѣхъ поприщахъ государственной службы должны быть «благорожденные, кои отъ сосцовъ матери своея питались благороднымъ честолюбіемъ, благородныя расположенія своего сердца, дражайшее наслѣдіе своихъ предковъ благороднымъ воспитаніемъ и наукою утвердили», тогда какъ «низкорожденные много страстей и пороковъ, не бывъ ограждены ни воспитаніемъ, ни наукой, съ младенчества пріобрѣтаютъ».

Что касается правъ и преимуществъ, которыми дворяне хотѣли отличаться отъ другихъ, то въ изобрѣтеніи ихъ наказы были настолько предусмотрительны и мелочны, что невозможно ихъ и перечислить. Такъ, наказы требовали всевозможныхъ льготъ при прохожденіи службы, льготъ въ области уголовныхъ наказаній (слишкомъ строгія наказанія могли лишить дворянъ «знатныхъ мыслей»), въ области экономической (облегченіе различныхъ сборовъ, натуральныхъ повинностей, устройство льготныхъ дворянскихъ банковъ и т. д.), учрежденія узкосословныхъ дворянскихъ учебныхъ заведеній (чтобы «не заразиться подлостью»), при чемъ нѣкоторые депутаты стремились къ тому, чтобы эти *дворянскія* школы существовали на средства, собираемыя со всѣхъ сословій.

Очень интересно отношеніе дворянъ къ другимъ сословіямъ. Они съ завистью смотрѣли на благосостояніе городского сословія и стремились какъ нибудь его урѣзать. Это урѣзываніе шло въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны дворянство старалось лишить горожанъ и купцовъ права владѣть тѣмъ, что «свойственно только дворянамъ», — именно, землями и крѣпостными людьми, но, съ другой стороны, оно добивалось для себя того, что теоретически свойственно только купечеству—права устройства фабрикъ, заводовъ и права торговли. Нѣкоторые, правда немногіе, депутаты настаивали даже на предоставленіи исключительно дворянамъ права устраивать заводы и фабрики и на отобраніи этихъ послѣднихъ отъ купцовъ. Видимо, въ погонѣ за матеріальною выгодою дворяне забыли о словахъ «Большого Наказа», въ которомъ сказано, «что противно существу самодержавнаго правленія, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило».

Еще интереснѣе отношеніе дворянъ къ крестьянству. Владѣніе крѣпостными они, конечно, признавали своимъ неотъемлемымъ и своимъ исключительнымъ правомъ. Естественно поэтому, что вопросъ о крѣпостничествѣ по существу вовсе и не затрагивался въ Комиссіи, какъ не затрагивался онъ и въ «Большомъ Наказѣ», но нѣкоторыхъ частностей его пришлось коснуться, и это дало поводъ къ оживленному обмѣну мнѣній. Именно, поставленъ былъ вопросъ о бѣгствѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ; нѣкоторые депутаты поинтересовались выяснить причины этого явленія и позволили себѣ высказать предположеніе, что онѣ коренятся не исключительно въ «развратной жизни, мотовствѣ, пьянствѣ, лѣни и воровствѣ» крестьянъ, но и въ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянству. Предположеніе это было высказано однимъ городскимъ депутатомъ, подтверждено другимъ депутатомъ отъ однодворцевъ и нашло горячую поддержку въ лицѣ двухъ дворянъ: Степанова и Коробьина. Коробьинъ много говорилъ о притѣсненіи помѣщиками крестьянъ, о страшномъ вредѣ, происходящемъ отъ ихъ разоренія, и предлагалъ ограничить власть господъ надъ имуществомъ крестьянъ. Коробьина, въ свою очередь, поддержали два другихъ депутата отъ дворянства: Козельскій,

рекомендовавшій установленіе двухдневной барщины, и Рашковичъ, рѣшившійся предложить замѣну крѣпостного права вѣчно-наслѣдственной арендой, которая, по желанію арендатора, можетъ быть передана другому лицу. Эти замѣчанія четырехъ передовыхъ и гуманныхъ дворянъ вызвали цѣлую бурю негодованія. Особеннымъ нападкамъ подвергся виновникъ этого разговора Коробьинъ. Въ его словахъ усмотрѣли «единственное для всего благороднаго дворянства поношеніе» и величайшій абсурдъ, и самъ Коробьинъ былъ такъ напуганъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ его словами, что всѣми силами стремился смягчить ихъ смыслъ. По мнѣнію большинства депутатовъ, нечего было особенно и говорить о крѣпостномъ правѣ: практически оно существуетъ, а теоретическое оправданіе озаботился дать ему Щербатовъ: дворяне «пріобрѣтаютъ право имѣть деревни и рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они были бы тѣмъ способнѣе къ управленію частями имперіи и по своимъ обстоятельствамъ знали всѣ нужды разныхъ родовъ людей государства»; кромѣ того, владѣніе крѣпостными является наградой дворянству за его огромныя заслуги передъ отечествомъ. Эти заслуги Щербатовъ обрисовалъ очень пространно.

Смотря на крестьянъ какъ на свою неотъемлемую собственность, депутаты, однако, очень неохотно соглашались предоставить отдѣльнымъ помѣщикамъ право отпускать ихъ на свободу. Многимъ такое освобожденіе казалось не только въ высшей степени опаснымъ, но и совершенно неразумнымъ: «надлежитъ ли, говорилъ Щербатовъ, давать право дѣлать такихъ людей благополучнѣйшими, которые по своему состоянію уже все надлежащее благополучіе имѣютъ, и коего сверхъ мѣры умноженіе можетъ во вредъ обратиться?» Наглядное доказательство благоденствія крѣпостныхъ депутаты видѣли въ томъ, что населеніе Россіи увеличилось съ 1722 года на нѣсколько милліоновъ душъ и, принявъ это благоденствіе какъ фактъ, они очень мало бесѣдовали и о частичныхъ улучшеніяхъ быта крестьянъ, поскольку эти улучшенія зависѣли отъ помѣщиковъ, но явились горячими печальниками за сокращеніе обязанностей крѣпостныхъ крестьянъ по отношенію къ государству. Однако, по справедливому замѣчанію историка (проф. Латкина), такое печалованіе имѣло очень эгоистическій характеръ: помѣщики заботились объ ограниченіи государственныхъ обязанностей крестьянъ для того, чтобы съ тѣмъ большимъ удобствомъ обратить всѣ ихъ силы въ свою пользу.

Довольно сурово смотрѣли дворяне въ Комиссіи и на другіе классы русскаго населенія, къ которымъ они не имѣли собственно прямыхъ отношеній. Такъ, напр., жестоко достается отъ нихъ духовенству, которое во многихъ наказахъ представляется въ крайне неприглядномъ свѣтѣ. Цѣлый рядъ наказовъ требуетъ *просвѣщенія* духовенства. Вообще же къ просвѣщенію дворяне относились далеко съ недостаточнымъ уваженіемъ и часто понимали его очень своеобразно

Депутатъ Глазовъ, напр., по поводу принципа Екатерины о необходимости поднять просвѣщеніе для предупрежденія преступленій сдѣлалъ очень оригинальное замѣчаніе: «признаю за полезное постановить, что, кто не изъ дворянъ, тѣхъ въ чины не производить». Онъ же весьма несочувственно относился къ распространенію грамотности среди крестьянства, да и немногіе смотрѣли на дѣло иначе.

Необразованностью духовенства депутаты объясняютъ и развитіе раскола, къ которому они относятся вообще съ крайней нетерпимостью, какъ къ явленію, опасному не только въ религіозномъ, но и въ общественномъ отношеніи, а одинъ наказъ ходатайствуетъ даже о принятіи правительствомъ такихъ средствъ, при помощи которыхъ можно было бы «оныхъ богопротивныхъ, святою церковью нетерпимыхъ и обществу зломыслящихъ раскольниковъ вовсе истребить».

Впрочемъ, такими суровыми дворянскіе наказы являются не только по отношенію къ раскольникамъ. Они вообще любятъ крутыя мѣры, предлагая жесточайшія наказанія (битье кнутомъ, штемпелеваніе лба и щекъ, обрѣзываніе носа до кости, смертную казнь) за сравнительно неважныя преступленія. На примѣненіи пытокъ настаиваетъ нѣсколько наказовъ. Вообще замѣчается тяготѣніе къ старинному судопроизводству, и одинъ наказъ рекомендуетъ для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ отмѣнить (судебныя) «увѣщеванія для того, что подлый народъ не ученъ и незнающій закона и отъ увѣщеванія истины не объявитъ», поэтому лучше производить розыскъ по старому. Какъ отличались всѣ эти взгляды отъ воззрѣній Екатерины въ ея «Наказѣ»!

Конечно, не все въ наказахъ такъ мрачно, но черныя пятна какъ-то невольно рѣзче бросаются въ глаза. Къ числу разумныхъ требованій наказовъ можно отнести высказанныя нѣкоторыми пожеланія скорѣйшаго приведенія въ порядокъ законодательныхъ постановленій, часто противорѣчащихъ другъ другу. Разумна также безпощадная критика судовъ того времени, въ которыхъ пышно процвѣтали самое беззастѣнчивое взяточничество и самая невозможная волокита, разорявшая истца и дававшая возможность отвѣтчику ловко отписываться отъ правосудія. Вопросами о судопроизводствѣ дворянскіе наказы занимались вообще очень много и представили цѣлый рядъ проектовъ улучшенія его. Одни изъ нихъ желаютъ только усовершенствованія существующихъ судовъ въ смыслѣ сокращенія волокиты, уменьшенія бумажнаго дѣлопроизводства, ограниченія числа инстанцій, другіе же даютъ цѣлую систему новыхъ судовъ наряду со старыми. Однако, организація ихъ понимается довольно различно: одни наказы стремятся къ централизаціи суда (одна судебная инстанція на цѣлый уѣздъ), другіе, напротивъ, къ децентрализаціи. Точно также толкуется очень разнообразно и компетенція этихъ новыхъ судовъ. Сходство всѣхъ проектовъ—только въ томъ, что они единодушно настаиваютъ на необходимости избранія судей

изъ среды дворянъ, а существеннѣйшимъ недостаткомъ всѣхъ проектируемыхъ судебныхъ установленій слѣдуетъ признать смѣшеніе въ нихъ власти судебной, административной и полицейской и отсутствіе строгихъ границъ между различными инстанціями. Не стремясь къ уничтоженію коронныхъ судовъ, многіе наказы желаютъ, однако, подвергнуть ихъ дѣлопроизводство своему контролю посредствомъ выборнаго отъ дворянъ представителя въ такихъ судахъ. Заслуживаетъ вниманія и стремленіе нѣкоторыхъ наказовъ учредить особую профессію «присяжныхъ стряпчихъ, знающихъ силу законовъ, искусныхъ въ дѣлахъ и имѣющихъ въ честномъ своемъ поведеніи аттестаты».

Много занимаясь вопросами судопроизводства, наказы удѣляютъ не меньше вниманія организаціи сословнаго мѣстнаго управленія, основаннаго на выборномъ началѣ и облеченнаго весьма широкими полномочіями.

Какъ видно изъ изложеннаго, за ничтожными по числу свѣтлыми исключеніями, дворяне времени Екатерины отличались узкимъ сословнымъ міровоззрѣніемъ.

Было бы однако очень несправедливо обвинять въ сословности только екатерининское дворянство: наказы и рѣчи городскихъ депутатовъ грѣшатъ этимъ, пожалуй, въ еще большей степени. Какъ князь Щербатовъ исторически обосновалъ значеніе дворянства, такъ и одинъ изъ городскихъ депутатовъ, Карышевъ, постарался представить достодолжную исторію купечества и при этомъ погрузился въ еще болѣе глубокую пучину древности, чѣмъ историкъ-князь, начавъ свое повѣствованіе съ выясненія значенія торговли для Финикіи и закончивъ его предположеніемъ, что именно «отъ коммерческихъ доходовъ возросла въ Россіи такая армія, которая однимъ своимъ видомъ можетъ поколебать и привести въ трепетъ стремящихся на нее непріятелей». Естественно, что, сообразно столь высокому своему положенію въ теоріи, горожане, большинство которыхъ состояло изъ купцовъ, требовали улучшенія своего положенія на практикѣ. Самымъ ревностнымъ образомъ стремились они къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, къ сокращенію лежавшихъ на нихъ натуральныхъ повинностей и денежныхъ сборовъ, но особенно тяготила ихъ обязательная служба по городскому общественному управленію. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя была довольно тяжелой (такъ, напр., архангельскій наказъ говоритъ, что половина всѣхъ полноправныхъ городскихъ купцовъ занята отправленіемъ казенной службы и должна отвѣчать своимъ карманомъ за разныя городскія неисправности), но также несомнѣнно, что въ жалобахъ городскихъ депутатовъ не мало и преувеличеній. Заботясь объ облегченіи повинностей и о «снятіи съ гражданъ всѣхъ службъ и должностей полицейскихъ», купечество добивалось и опредѣленныхъ, притомъ исключительныхъ, правъ. Именно, исключительно себѣ хотѣло оно присвоить право

устройства фабрикъ и заводовъ и право торговли, при чемъ нѣкоторые депутаты мотивировали такія пожеланія наивными соображеніями: всѣ другіе люди, кромѣ купцовъ, не обладая необходимою опытностью, непремѣнно разорятся, если займутся торговлей. Кромѣ того, торговая монополія понималась купцами довольно узко: такъ, правомъ торговли въ опредѣленномъ мѣстѣ должны пользоваться только мѣстные купцы, свободная же для всѣхъ купцовъ торговля допускается только въ портахъ. Опасаясь, такимъ образомъ, соперничества своихъ собратьевъ, купечество, естественно, всѣми силами боролось съ конкуренціей иностранцевъ и стремилось къ стѣсненію ихъ торговыхъ правъ. Городское сословіе не довольствовалось расширеніемъ своихъ профессіональныхъ правъ, а желало получить и тѣ привилегіи, которыми пользовалось дворянство: напр., многіе наказы хлопотали о дарованіи купечеству права носить шпаги, о повышеніи штрафа за нанесеніе оскорбленія горожанину, о смягченіи уголовныхъ наказаній и т. д.

Особенно стремилось купечество добиться права владѣть крѣпостными. Необходимость крѣпостныхъ доказывалась тѣмъ, что купцамъ нужны надежные рабочіе на фабрикахъ и надежные приказчики въ торговомъ дѣлѣ, а отъ купленныхъ людей нельзя ждать такой надежности. Однако, въ Комиссіи выяснилось, что, и не имѣя права владѣть крѣпостными, купцы умѣли очень успѣшно закрѣпощать цѣлое множество людей самаго различнаго происхожденія, — напр., плѣнныхъ, захваченныхъ азіатскими кочевниками и проданныхъ въ Россію, незаконнорожденныхъ, принятыхъ ими (т. е. купцами) на воспитаніе, половниковъ (арендаторовъ), и, наконецъ, своихъ приказчиковъ, которыхъ они закабаляли самымъ жестокимъ образомъ. Особенно непріятно звучатъ тѣ теоретическіе аргументы, которыми купцы оправдывали такого рода закрѣпощеніе. Такъ, купленные плѣнные и половники, по ихъ мнѣнію, должны быть даже благодарны имъ за это, потому что первымъ такое закрѣпощеніе спасаетъ души, ибо они переходятъ, благодаря ему, изъ язычества въ христіанство, а что касается вторыхъ, то безъ купцовъ они совсѣмъ разорились бы, а потому купцы закрѣпостили ихъ ради собственныхъ ихъ выгодъ и на «прославленіе отечества». Пользованіе же трудами воспитываемыхъ незаконнорожденныхъ объясняется какъ естественная награда за понесенныя заботы и издержки по воспитанію.

Однако, и въ городскихъ наказахъ попадаются свѣтлыя мысли: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ чувствуется забота объ улучшеніи положенія низшихъ слоевъ городского населенія, именно, приказныхъ, семей церковнослужителей; въ другихъ высказывается терпимый взглядъ на расколъ, при чемъ выражается протестъ противъ лишенія раскольниковъ права занимать городскія должности (протестъ, впрочемъ, довольно эгоистическій). Выражается также требованіе неприкосновенности жилищъ горожанъ, прекращенія административ-

ныхъ насилій. Наконецъ, архангельскій наказъ выступаетъ съ цѣлой системой всеобщаго обученія дѣтей городского населенія. Предполагается также устройство больницъ, госпиталей, сиротскихъ учрежденій. Впрочемъ, по этимъ вопросамъ мнѣнія далеко не сходились, и одинъ изъ городскихъ депутатовъ при поднятіи вопроса о сельскихъ школахъ горячо доказывалъ, что «такія училища государственной пользы никакой принести не могутъ, кромѣ казеннаго ущерба, и отъ того послѣдовать можетъ въ земледѣліи уменьшеніе, отчего и въ хлѣбныхъ цѣнахъ уповательно быть повышенію». Точно также и козьмодемьянскій наказъ утверждаетъ, что «отъ лѣкаря намъ никакихъ нуждъ не имѣется, и пользованія никто изъ купечества отъ него во всю его бытность не требовалъ».

Городскіе наказы, подобно дворянскимъ, стремятся къ установленію сословнаго городского самоуправленія съ судебной, административной и хозяйственной компетенціей.

Оппозицію сословнымъ пожеланіямъ дворянства и купечества представляли рѣчи депутатовъ низшихъ сословій.

Прежде всего нужно отмѣтить нѣсколькихъ депутатовъ отъ рядового козачества (козачество дѣлилось на два противоположныхъ по своимъ интересамъ слоя: простолюдиновъ — рядовое козачество — и старшину или шляхетство, стремившееся къ полученію дворянскихъ привилегій). Среди нихъ особенно выдается Алейниковъ, ради интересовъ крестьянства горячо протестовавшій противъ предоставленія купцамъ права владѣть крѣпостными и выражавшій пожеланіе, чтобы и помѣщичьи крестьяне были обращены въ государственныхъ. Онъ же боролся съ вѣчнымъ закабаленіемъ купленныхъ плѣнныхъ и незаконнорожденныхъ, требовалъ предоставленія козакамъ и крестьянамъ права торговли, и, наконецъ, онъ, единственный во всемъ собраніи, высказался противъ установленія платы за безчестье, находя, что «*денежное* взысканіе за безчестье недостойно для всего государства». Во всѣхъ рѣчахъ Алейникова проглядываетъ рѣдкій умъ и еще болѣе рѣдкая въ то время широта взглядовъ. Изъ его сотоварищей можно назвать Тыткевича, возмущавшагося продажей крестьянъ въ-одиночку и безъ земли, и Анцыферова, предложившаго учредить должность особыхъ инспекторовъ, которые, объѣзжая ежегодно губерніи, слѣдили бы за законностью въ дѣлахъ и принимали бы жалобы. Слѣдуетъ отмѣтить и умнаго Самсонова, который очень удачно возражалъ депутату отъ медицинской коллегіи барону Ашу, когда тотъ заявилъ, что простые люди, благодаря крѣпости своего сложенія, не нуждаются въ лѣченіи. Въ отвѣтъ на это наивное замѣчаніе оффиціальнаго представителя медицины, Самсоновъ, простой козакъ, выступилъ ея горячимъ защитникомъ. Наряду съ козачествомъ слѣдуетъ поставить однодворцевъ. Сословіе это, владѣвшее землей и отправлявшее обязанности государственнаго ополченія, произошло, какъ извѣстно, изъ обѣднѣвшаго служилаго

класса и, представляя собой какъ-бы середину между дворянствомъ и крестьянствомъ, оно, смотря по степени приближенія къ тому или другому, защищало дворянскіе или крестьянскіе интересы. Такъ, напр., наряду съ горячими защитниками крѣпостныхъ крестьянъ встрѣчались депутаты отъ однодворцевъ съ явно-выраженными крѣпостническими наклонностями. Однако почти всѣ однодворцы составляли оппозицію дворянству и купечеству, которыя, захватывая силою или посредствомъ поддѣлки документовъ ихъ земли, способствовали ихъ обезземеленію. Жалоба на это безземелье и является сущностью рѣчей однодворческихъ депутатовъ.

Экономическія нужды инородцевъ совпадаютъ съ нуждами рядовыхъ козаковъ, мелкихъ однодворцевъ и крестьянъ, которыхъ они въ большинствѣ своемъ и поддерживали противъ притязаній дворянства и купечества. Изъ спеціально инородческихъ нуждъ интересна одна, выражающаяся въ жалобѣ на тотъ вредъ, который, по словамъ инородческихъ депутатовъ, приносятъ имъ будто бы ихъ новокрещенные собратья. Главнымъ мотивомъ къ крещенію, говорили они, являются, обыкновенно, преступленія, совершенныя данными лицами, такъ какъ, крестившись, они освобождаются отъ наказаній. Эти новокрещенцы, возвратясь въ среду своихъ прежнихъ одновѣрцевъ ведутъ себя будто бы столь возмутительно, что заставляютъ послѣднихъ убѣдительно просить правительство поселять новокрещенныхъ гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ русскими православными «для лучшаго въ вѣрѣ обращенія и знанія христіанской должности», а не среди нихъ. Жалобъ на религіозную нетерпимость въ наказахъ иновѣрцевъ не встрѣчается. Только магометане выражаютъ обиду по поводу непринятія ихъ судебнаго свидѣтельства противъ православныхъ и по поводу чинимыхъ имъ обидъ.

Обозрѣніе сословныхъ нуждъ екатерининскаго времени можно закончить ознакомленіемъ съ пожеланіями казенныхъ крестьянъ, среди депутатовъ которыхъ явилось нѣсколько дѣльныхъ и талантливыхъ ораторовъ.

Казенные крестьяне по своему соціальному положенію раздѣлялись на нѣсколько группъ, и наиболѣе незавидна была судьба такъ называемыхъ половниковъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ одного, притомъ самаго замѣчательнаго изъ крестьянскихъ депутатовъ, Чупрова, «за добрыми помѣщиками въ пять кратъ выгоднѣе крестьяне живутъ, нежели за купцами въ половничествѣ». Экономическое положеніе казенныхъ крестьянъ крайне подрывалось непомѣрною тяжестью денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, которая часто заставляла ихъ закладывать или продавать свои земли кулакамъ-купцамъ. Кромѣ того, эти земли хищнически захватывались и помѣщиками. Отсюда происходило безземелье или малоземелье крестьянской массы, на которое депутаты особенно жалуются въ своихъ наказахъ, требуя принятія мѣръ противъ такихъ захватовъ и отобранія за-

хваченнаго. Жалуются они и на суды, доводящіе до разоренія и истца и отвѣтчика, и желаютъ устройства своихъ сословныхъ судовъ. Необходимость словесныхъ судовъ для крестьянъ, среди которыхъ было много неграмотныхъ, не отрицалась даже дворянами. Стремились крестьяне и къ организаціи своего самоуправленія и къ полученію права заниматься торговлей.

Изъ среды казенныхъ крестьянъ выступили и самые горячіе противники крѣпостного права. На первомъ планѣ нужно указать Чупрова, который, наряду съ требованіемъ освобожденія половниковъ отъ эксплоатаціи купцовъ, настаивалъ на облегченіи участи крѣпостныхъ и на опредѣленіи ихъ повинностей закономъ.

Въ общемъ и пожеланія депутатовъ низшихъ слоевъ русскаго населенія, строго говоря, были сословными. Но они симпатичнѣе потому, что въ нихъ слышатся голоса униженныхъ и оскорбленныхъ, способныхъ притомъ понять интересы еще болѣе униженнаго класса— крѣпостныхъ, тогда какъ отъ рѣчей дворянскихъ и городскихъ депутатовъ вѣетъ преимущественно эгоистическими притязаніями.

Значеніе Комиссіи.

Приспособить эти стремленія къ канвѣ, данной «Большимъ Наказомъ», было, конечно, немыслимо[1]). Императрица отказалась поэтому отъ намѣренія «передѣлать все за-ново» посредствомъ созданія новаго идеальнаго «уложенія», но не отказалась отъ реформъ. На общій характеръ послѣднихъ Комиссія наложила несомнѣнный отпечатокъ. Сказался онъ въ томъ, что Екатерина II, убѣдившись въ невозможности поднять депутатовъ до высоты своихъ общихъ воззрѣній, стала приноравливать свою преобразовательную дѣятельность къ сословнымъ депутатскимъ пожеланіямъ. Она сама говорила, что Комиссія «подала ей свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Этотъ «дѣйствительный» пасмурный свѣтъ и неприглядныя свѣдѣнія мало-по-малу претворили въ себѣ тотъ идеальный свѣтъ, который брезжитъ отъ «Большого Наказа», и эту книгу, какъ говорятъ, со временемъ сама императрица стала называть «пустой болтовней». Чѣмъ старше дѣлалась Екатерина II, тѣмъ больше привыкала она работать при «дѣйствительномъ свѣтѣ», открытомъ ей Комиссіей. Такимъ образомъ, послѣдняя, не исполнивъ, какъ сказано, прямого своего назначенія, познакомила однако императрицу съ нуждами сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы заразила ее своими сословными воззрѣніями. Цѣлымъ рядомъ

---

[1]) Любопытно отмѣтить, съ какимъ недоброжелательствомъ относились къ Комиссіи нѣкоторые современники. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ Болотовъ — авторъ очень интересныхъ записокъ о бытѣ русскаго общества половины XVIII вѣка — пишетъ слѣдующее: «Я предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ, что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ».

административныхъ, сословныхъ и экономическихъ реформъ Екатерина II осуществила, какъ увидимъ, очень многія изъ депутатскихъ пожеланій, стараясь только по мѣрѣ возможности придать имъ болѣе облагороженный видъ и не теряя надежды посредствомъ просвѣщенія «настроить, по словамъ историка (проф. Ключевскаго), русскую мысль новыми идеями и стремленіями, предоставивъ ей самой перестраивать жизнь».

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Періодъ сословныхъ реформъ.

§ 46. Учрежденіе для управленія губерній.

Важнѣйшей административной мѣрой императрицы Екатерины II была областная реформа, основныя положенія которой были изложены въ «Учрежденіяхъ для управленія губерній», изданныхъ въ 1775 году. Реформа эта заключалась въ раздѣленіи Россіи на губерніи и уѣзды, въ зависимости отъ количества населенія, въ устройствѣ цѣлой сѣти административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ учрежденій и въ привлеченіи къ службѣ въ нихъ выборныхъ отъ сословій, которые должны были дѣйствовать подъ контролемъ назначенныхъ правительствомъ лицъ. Такимъ образомъ въ основу областного преобразованія Екатерины II положены были: 1) статистическій принципъ (т.-е. дѣленіе государственной территоріи по числу населенія; это имѣло свои неудобства: малонаселенныя губерніи оказались слишкомъ большими по пространству), 2) теорія раздѣленія властей, 3) коллегіальность, 4) соединеніе сословнаго самоуправленія съ бюрократическимъ началомъ. Въ каждой губерніи должно было быть отъ 300 до 400 тысячъ жителей (къ концу царствованія Екатерины II число губерній достигло 51), въ каждомъ уѣздѣ отъ 20 до 30 тысячъ.

Администрація.

Начальникомъ губерніи являлся назначеный правительствомъ губернаторъ [1]); онъ предсѣдательствовалъ въ высшемъ административномъ учрежденіи губерніи — *губернскомъ правленіи*, состоявшемъ изъ назначенныхъ чиновниковъ. Во главѣ уѣзда стоялъ *нижній земскій судъ*, предсѣдателемъ котораго былъ капитанъ-исправникъ, вѣдавшій уѣздную администрацію и полицію и исполнявшій распоряженія губернскаго правленія. И капитанъ-исправникъ и засѣдатели нижняго земскаго

---

[1]) На губернатора возлагались приблизительно тѣ же обязанности, что и на воеводу Петровскаго времени: онъ былъ не только представителемъ центральной власти, но долженъ былъ заботиться также объ экономическомъ благосостояніи и культурномъ развитіи своей губерніи.

суда избирались мѣстнымъ дворянствомъ. Полицейская власть въ предѣлахъ города принадлежала назначенному городничему. Таковы органы административной власти.

Судъ.

Для суда установлены были три инстанціи: двѣ низшія были односословными по кругу дѣлъ и составу, высшая—всесословною по вѣдомству и бюрократическою по составу. Именно, въ первой инстанціи дворянъ судилъ *уѣздный судъ*, лицъ городского сословія—*городской магистратъ*, государственныхъ крестьянъ—*нижняя расправа*. Эти присутствія, члены и предсѣдатели которыхъ (за исключеніемъ назначеннаго предсѣдателя нижней расправы) избирались соотвѣтствующими сословіями, были подчинены вторымъ также односословнымъ инстанціямъ, находившимся въ губернскомъ городѣ: именно, *верхнему земскому суду*—для дворянъ, *губернскому магистрату*—для горожанъ и *верхней расправѣ*—для государственныхъ крестьянъ. Члены этихъ вторыхъ инстанцій были выборными, но предсѣдатели назначенными. Третьей высшею губернской инстанціею, которой подсудны были лица всѣхъ сословій, являлась *палата уголовная и гражданская*, состоявшая только изъ назначенныхъ судей. Постановленіе палаты можно было обжаловать въ Сенатъ. Особое положеніе въ губернскомъ городѣ занималъ *совѣстный судъ*—«для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ и для суда надъ невмѣняемыми преступниками и непреднамѣренными преступленіями». Этотъ судъ нѣсколько походилъ на окружные суды нашего времени. Дѣла въ немъ рѣшались не на основаніи формальныхъ уликъ, а по совѣсти, т.-е. внутреннему убѣжденію судей; судьями были представители мѣстнаго общества безъ различія сословій, назначался лишь предсѣдатель. Такой же всесословный характеръ имѣлъ *приказъ общественнаго призрѣнія*, завѣдывавшій благотворительными и просвѣтительными дѣлами. Для попеченія о вдовахъ и сиротахъ учреждены были: *дворянская опека* (при верхнемъ земскомъ судѣ) и *сиротскій судъ* (при городскомъ магистратѣ), имѣвшіе односословный составъ и кругъ дѣлъ.

Финансовыя учрежденія.

Наконецъ, финансовыми дѣлами губерніи завѣдывала *казенная палата* (подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора) изъ назначенныхъ должностныхъ лицъ, а для сбора и храненія казенныхъ доходовъ учреждены были *казначейства:* губернское и уѣздное.

Намѣстничества.

Нѣсколько смежныхъ губерній соединялись въ намѣстничества. Намѣстникъ или генералъ-губернаторъ ставился такимъ образомъ во главѣ большого административнаго округа и пользовался огромною властью. Областная реформа вводилась постепенно, и въ нѣкоторыхъ окраинныхъ областяхъ ей предшествовали подготовительныя мѣры. Особенно замѣтно было это въ Малороссіи. Уже вскорѣ по воцареніи Екатерина окончательно уничтожила гетманство и поручила управленіе

Малороссіей Румянцеву, который всячески старался сблизить ввѣренный ему край съ остальнымъ государствомъ. Въ 1775 году послано было войско для уничтоженія *Сѣчи*, питавшей, какъ извѣстно, украинскую вольность. Послѣ этого приступлено было къ постепенному и осторожному введенію новыхъ губернскихъ учрежденій во всей Малороссіи.

Значеніе реформы.

Областная реформа не только упорядочила мѣстное управленіе, наспѣхъ и въ два пріема устроенное Петромъ I и пришедшее въ полный упадокъ вслѣдствіе «экономіи» его ближайшихъ преемниковъ, но имѣла также важное общее значеніе: I. Дѣленіе губерній на нѣсколько уѣздовъ—съ уѣздными городами во главѣ—способствовало увеличенію числа городовъ, такъ какъ изъ-за недостатка послѣднихъ нѣкоторыя села были обращены въ города. Впрочемъ, такое искусственное насажденіе городской жизни не всегда приводило къ прочнымъ результатамъ, и немалое число новыхъ городовъ очень скоро захудало. II. Созданіе цѣлой системы мѣстныхъ учрежденій сильно отразилось на центральныхъ, особенно на Коллегіяхъ, большинство дѣлъ которыхъ было распредѣлено между намѣстниками и новыми губернскими учрежденіями; иными словами, управленіе было децентрализовано. Почти всѣ Коллегіи, за отсутствіемъ дѣлъ, были закрыты. Такимъ образомъ областныя преобразованія выдвигали на очередь вопросъ о реформѣ центральнаго управленія, къ которой, однако, Екатерина II не приступила [1]). III. «Учрежденія для управленія губерній» оказались довольно удачной попыткой сочетанія западно-европейскихъ идей (напр., теоріи раздѣленія властей) съ пожеланіями депутатскихъ наказовъ, добивавшихся сословнаго самоуправленія и суда. Впрочемъ, трудно было установить справедливый судъ при отсутствіи свода законовъ; къ тому же, несмотря на провозглашенное раздѣленіе властей, судъ на практикѣ сильно зависѣлъ отъ администраціи, а огромная власть, предоставленная губернатору и особенно генералъ-губернатору, очень стѣсняла мѣстное самоуправленіе. IV. Областная реформа, установившая цѣлый рядъ сословныхъ учрежденій, естественнно, должна была отразиться на положеніи сословій, особенно дворянства, которому предоставлялось первенствующее значеніе въ мѣстной администраціи.

[1]) Впрочемъ, ей приписывали намѣреніе распредѣлить важнѣйшія отрасли администраціи и суда, сосредоточенныя въ рукахъ генералъ-прокурора, между нѣсколькими лицами — министрами, чѣмъ она надѣялась достигнуть большей отвѣтственности въ управленіи. Министерства, какъ увидимъ, учреждены были лишь при Александрѣ I. Практической мѣрой противъ злоупотребленій должностныхъ лицъ, осуществленной Екатериной II, можно считать улучшеніе матеріальнаго положенія чиновниковъ и назначеніе имъ пенсій.

§ 47. Дворянство при императрицѣ Екатеринѣ II.

Необходимость сословной организаціи дворянства.

Ко времени Екатерины II дворяне обладали, какъ извѣстно, важными личными и имущественными правами, но они не имѣли объединяющей ихъ сословной организаціи. До манифеста «о вольности дворянской» ихъ объединяла служба: дѣйствительно, какъ мы знаемъ, дворяне не разъ выступали совмѣстно—или въ видѣ гвардіи (при дворцовыхъ переворотахъ) или въ качествѣ чиновнаго шляхетства (напр., при воцареніи Анны). Но, когда дворянство освобождено было отъ обязательной службы, оно могло обратиться въ совокупность отдѣльныхъ лицъ, правда, привилегированныхъ, но ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ. А между тѣмъ потребность въ такой связи была: въ Комиссіи 1767 года дворяне говорятъ о своемъ сословіи какъ о «корпусѣ» (буквально значитъ «тѣло»), слѣдовательно, какъ о чемъ-то цѣломъ, добиваются самоуправленія, желаютъ пользоваться значеніемъ не какъ отдѣльныя лица, а какъ члены опредѣленной касты. Такую связь въ видѣ сословной организаціи дворянство, какъ увидимъ, и получило при Екатеринѣ II. Императрица оказывала ему исключительное вниманіе, «чтила древніе роды»; недаромъ одинъ изъ наказовъ называетъ дворянство «родомъ изъ подданныхъ ея императорскаго величества, удостоившимся особливой высочайшей милости, благоволенія и довѣрія». Очевидно, что Екатерина II была расположена идти навстрѣчу дворянскимъ желаніямъ. Къ тому же областная реформа прямо требовала сословной организаціи. Вѣдь, чтобы избирать исправника и засѣдателей новыхъ областныхъ учрежденій, уѣздные дворяне должны были съѣзжаться на собранія. Такія собранія стали устраиваться разъ въ три года подъ предсѣдательствомъ выборнаго предводителя дворянства. Дворяне цѣлаго уѣзда выступали здѣсь въ качествѣ тѣсно сплоченнаго общества, поставлявшаго изъ своей среды всю уѣздную администрацію, а также засѣдателей въ нѣкоторыя губернскія присутствія. Однимъ словомъ, естественнымъ слѣдствіемъ «Учрежденій для управленія губерній» была уѣздная сословная организація дворянства. Дальнѣйшимъ успѣхомъ дворянства было признаніе за нимъ также губернской организаціи: именно, права съѣзжаться на губернскія собранія, избирать губернскаго предводителя и, что особенно важно, дѣлать черезъ него представленія о своихъ нуждахъ не только губернатору, но также Сенату и даже самой верховной власти [1]) Это признаніе сдѣлано было «Жалованной грамотой дворянству», изданной въ 1785 году.

[1]) Однако правомъ голоса на дворянскихъ собраніяхъ пользовались только тѣ дворяне, которые пріобрѣли службой офицерскій чинъ.

Жалованная грамота.

Она подтвердила и систематизировала вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ права и привилегіи, пріобрѣтенныя дворянствомъ въ прежнее время. Именно, въ силу этой грамоты дворяне: 1) пользуются потомственно своимъ званіемъ и могутъ лишиться его только по судебному приговору Сената, утвержденному верховной властью, 2) судятся только равными себѣ, т. е. дворянами же, 3) освобождаются отъ тѣлесныхъ наказаній, личныхъ податей и обязательной службы, 4) имѣютъ право заниматься промышленной и торговой дѣятельностью, 5) владѣютъ на правахъ собственности всѣмъ находящимся въ ихъ имѣніяхъ, значитъ, и крѣпостными. Такимъ образомъ жалованная грамота окончательно превратила дворянство въ привилегированное сословіе, которое притомъ сосредоточивало въ своихъ рукахъ непосредственно всю уѣздную, а посредственно также губернскую и центральную администрацію (такъ какъ большинство чиновниковъ было дворянскаго происхожденія), и которое пользовалось важнымъ политическимъ правомъ—вступать черезъ своихъ предводителей въ непосредственныя сношенія съ верховной властью. Такъ законченъ былъ переходъ дворянства отъ служилаго положенія къ привилегированному. Главнѣйшими этапами его были: 1) облегченіе служебной и учебной повинности и расширеніе землевладѣльческихъ правъ при Аннѣ Іоанновнѣ; 2) обособленіе потомственнаго дворянства отъ другихъ классовъ, лишенныхъ владѣнія крѣпостными, при Елизаветѣ; 3) освобожденіе отъ обязательной службы при Петрѣ III и 4) предоставленіе дворянамъ, взамѣнъ ея, важнаго и почетнаго права службы по выборамъ въ 1775 году, результатомъ котораго явилось «дворяновластіе». Вмѣстѣ съ улучшеніемъ правового положенія развивалось и матеріальное благосостояніе дворянства, чему, какъ увидимъ, очень способствовала экономическая политика Екатерины II. Дворянство получило почти все, чего оно добивалось въ своихъ наказахъ. Изъ крупныхъ его пожеланій не осуществилось только преграждение доступа къ дворянству посредствомъ выслуги: и при Екатеринѣ и послѣ нея извѣстные чины или ордена сообщали не-дворянамъ права потомственнаго дворянства [1]).

---

[1]) Этимъ очень возмущался князь Щербатовъ. Приводя примѣры незаслуженнаго награжденія орденами, онъ съ горечью спрашивалъ: «можно ли дворянину не жалованному, но рожденному, безъ прискорбія видѣть, что воровствомъ и происками сіи равны дѣлаются съ тѣми, которыхъ кровь въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ лилась за отечество?». Впрочемъ, недворяне очень рѣдко допускались на службу и, значитъ, еще рѣже проникали въ дворянскую среду.

§ 48. Крестьянство при императрицѣ Екатеринѣ II и Пугачевскій бунтъ.

Указанный процессъ возвышенія дворянства шелъ, какъ уже отмѣчалось, параллельно другому процессу — приниженію крѣпостного крестьянства. Естественно ожидать, что время самаго пышнаго расцвѣта дворянскихъ привилегій при Екатеринѣ II должно было совпасть съ періодомъ наибольшаго развитія крѣпостного права, хотя сама императрица, по крайней мѣрѣ въ началѣ царствованія, склонялась, повидимому, къ уничтоженію его.

Отношеніе Екатерины II къ крѣпостному праву.

Императрица выказывала живой интересъ къ крестьянскому вопросу. Какъ послѣдовательница идей французской просвѣтительной литературы, она считала крѣпостное право противоестественнымъ; какъ писательница, она бичевала въ своихъ произведеніяхъ жестокихъ помѣщиковъ; какъ просвѣщенная правительница, чутко прислушивавшаяся къ общественному мнѣнію, она старалась привлечь печать къ обсужденію крестьянскаго вопроса и внушила учрежденному ею «Вольному Экономическому Обществу» предложить русскимъ и западно-европейскимъ ученымъ представить сочиненія на эту тему. Хотя въ отвѣтъ на это и появилось нѣсколько трудовъ, благопріятныхъ для крестьянъ, тѣмъ не менѣе громадное большинство сподвижниковъ императрицы настойчиво противилось всѣмъ ея попыткамъ хотя бы нѣсколько ограничить крѣпостное право. Въ такомъ противодѣйствіи окружающихъ нужно видѣть одну изъ причинъ отказа Екатерины II отъ освободительныхъ стремленій. Другая причина заключалась въ крестьянскихъ волненіяхъ. Они сильно давали себя знать уже при Елизаветѣ Петровнѣ, но особенно участились съ тѣхъ поръ, какъ дворяне были освобождены отъ обязательной службы, и крѣпостные вслѣдствіе этого стали считать свою неволю несправедливостью и беззаконіемъ. Въ первый годъ царствованія Екатерины волновалось до 200.000 крѣпостныхъ. Хотя Екатерина II и понимала, что «безъ крайности люди рѣдко до крайности доходятъ», однако, вмѣсто того, чтобы предупреждать движенія крестьянъ улучшеніемъ ихъ быта, она стала бороться съ ними мѣрами строгости и увеличеніемъ власти помѣщиковъ. Такъ, еще въ пору составленія Наказа она посылала войска для усмиренія волненій, объявляла твердое намѣреніе «крестьянъ въ должномъ повиновеніи помѣщикамъ содержать», а въ 1765 году предоставила помѣщикамъ право ссылать крѣпостныхъ «за дерзости» на каторгу или въ любое время отдавать ихъ въ солдаты. Два года спустя (въ 1767 г.) послѣдовалъ еще болѣе жестокій указъ—крестьянамъ, подъ угрозой самаго строгаго наказанія, запрещено было даже жаловаться правительству на помѣщиковъ. Этимъ указомъ государственная власть какъ бы совсѣмъ

отгородилась отъ крѣпостныхъ, отдавъ ихъ въ полное распоряженіе господъ: «помѣщичье село» обратилось въ маленькое государство.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Дѣйствительно, правительство почти совсѣмъ отказалось отъ завѣдыванія крѣпостными. Оно судило ихъ только за важнѣйшія преступленія, требовало отъ нихъ, подъ отвѣтственностью господъ, платежа податей въ пользу государства и исполненія рекрутской повинности, ставило помѣщикамъ въ обязанность прокармливать своихъ крестьянъ во время голода и не доводить ихъ до разоренія и слѣдило, наконецъ, за тѣмъ, чтобы не было особенно грубыхъ злоупотребленій помѣщичьей властью. Все же ближайшее завѣдываніе крѣпостными и право распоряженія ихъ трудомъ, имуществомъ и личностью предоставлено было господамъ. Безъ разрѣшенія помѣщика крѣпостной не имѣлъ права ни заводить собственнаго промысла, ни распоряжаться своимъ имуществомъ (бывали случаи, когда помѣщики отбирали въ свою пользу деньги, оставшіяся послѣ крѣпостного), ни защищать своихъ интересовъ передъ судомъ, ни выбирать себѣ тѣ или другія занятія, ни даже вступать въ бракъ.

Напротивъ, помѣщикъ, по своему усмотрѣнію, могъ наложить на крѣпостныхъ любую повинность или работу, могъ переводить ихъ изъ одного разряда въ другой (напр., изъ оброчныхъ, т. е. уплачивавшихъ ему денежные взносы, въ барщинныхъ, т. е. обрабатывавшихъ господскую землю, или въ дворовыхъ, т. е. служившихъ въ господскомъ домѣ, и наоборотъ), могъ переселять ихъ въ другія свои имѣнія, сдавать ихъ въ солдаты, въ услуженіе, продавать и цѣлыми семьями, и въ-одиночку, и съ землею, и безъ земли; наконецъ, помѣщику предоставлено было право судить крестьянъ и подвергать ихъ цѣлому ряду самыхъ жестокихъ взысканій. Такъ какъ крестьянамъ, подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ Сибирь, запрещалось подавать жалобы на своихъ господъ, а должностныя лица, которымъ было вмѣнено въ обязанность обуздывать особенно неистовыхъ помѣщиковъ, по большей части, мирволили послѣднимъ, то понятно, что крѣпостное право принимало иногда ужасающіе размѣры и превращало крестьянина въ беззащитнаго, безотвѣтнаго раба. Злоупотребленія помѣщичьей властью встрѣчались нерѣдко. Нѣкоторые помѣщики намѣренно разоряли своихъ крестьянъ непосильнымъ оброкомъ, считая, что «нужно постоянно держать ихъ въ черномъ тѣлѣ», такъ какъ бѣдные мужики выгоднѣе для барина: и лучше повинуются, и усерднѣе работаютъ на барщинѣ. Размѣръ барщины и оброка зависѣлъ всецѣло отъ произвола помѣщика. Многіе землевладѣльцы требовали, чтобы крестьяне трудились на нихъ по 4, по 5, даже по 6 дней въ недѣлю, иногда и въ воскресные дни, такъ что для работы на самихъ себя имъ оставалась только ночь, да и то не всегда: въ страдную пору устанавливалась и ночная барщина. При исполненіи барщины крестьяне часто не только не

имѣли отдыха, но подвергались еще жестокимъ побоямъ и мучительствамъ: такъ, напр. приказчики въ лѣтнюю жару не позволяли рабочимъ пить воду, чтобы заставить ихъ скорѣе окончить свой трудъ, били матерей, если онѣ во время работы кормили своихъ дѣтей, не освобождали ихъ отъ барщины даже въ случаѣ смерти ребенка. Во многихъ помѣстьяхъ крѣпостные должны были работать на господскихъ фабрикахъ и заводахъ. Насколько это было тяжело, видно изъ того, что къ устройству фабрики крестьяне относились съ такимъ же ужасомъ, какъ къ появленію чумы. Да и неудивительно: оборванные, голодные фабричные, иногда закованные (чтобы не убѣжали), должны были трудиться съ утра до глубокой ночи и ночевали тутъ же на фабрикѣ. Даже дѣти отъ 8-ми лѣтъ не были избавлены отъ непосильной работы. Среди фабричныхъ свирѣпствовала страшная смертность: на одной фабрикѣ въ полтора года умерло 122 человѣка. Причиной большой смертности были и частыя переселенія крестьянъ, устраивавшіяся помѣщиками, которые владѣли землями въ разныхъ мѣстахъ, иногда въ противоположныхъ концахъ Россіи. Крѣпостные гибли и отъ далекаго пути, и отъ непривычныхъ условій новаго мѣста жительства: иногда половина, иногда даже двѣ третьи переселяемыхъ шли на вѣрную смерть.

Бытъ дворовыхъ.

Барскій произволъ царилъ надъ всѣми крѣпостными, но чаще всего страдали отъ него дворовые, постоянно находившіеся на глазахъ у своихъ господъ и исполнявшіе различныя ихъ прихоти и затѣи. Характеръ затѣй зависѣлъ, конечно, отъ степени развитія господъ: тщеславные и богатые помѣщики, кичившіеся своимъ «свѣтскимъ житіемъ», окружали себя цѣлой свитой дворовыхъ, обучали ихъ всевозможнымъ искусствамъ, посылали иногда для усовершенствованія даже за границу и щеголяли другъ передъ другомъ крѣпостными живописцами, музыкантами, архитекторами, писателями. Иногда барская выучка увѣнчивалась успѣхомъ: среди дворовыхъ встрѣчались люди образованные, посѣщавшіе театры, развивавшіе себя чтеніемъ серьезныхъ книгъ и писаніемъ статей, люди прямо выдающіеся. Но однако ни знанія, ни способности не избавляли ихъ отъ обидныхъ, унизительныхъ и жестокихъ наказаній.

Карательная власть помѣщиковъ.

Законъ разрѣшалъ господамъ сдавать крѣпостныхъ въ наказаніе въ рекруты, заключать ихъ въ тюрьму, ссылать на поселеніе въ Сибирь. Но, конечно, этимъ не исчерпывался перечень наказаній, примѣняемыхъ помѣщиками. Многіе изъ нихъ имѣли собственные судебники, въ которыхъ по произволу устанавливали различныя степени преступленій и соотвѣтствующихъ имъ взысканій. Отъ каприза помѣщика зависѣло объявить самый ничтожный проступокъ двороваго, какъ, напр., «подаваніе худыхъ сливокъ къ столу», «недосолъ супа» или «нечистое мытье платья», величайшимъ

преступленіемъ. Фантазіей и жестокостью его обусловливалось назначеніе за малѣйшую провинность, а то и безъ всякой вины, самаго безпощаднаго истязанія, очень часто причинявшаго смерть наказываемому. Такъ, напр., одна помѣщица (Салтыкова или Салтычиха) составила себѣ страшную извѣстность тѣмъ, что замучила до смерти 75 своихъ людей. Другой орловскій помѣщикъ устроилъ въ своемъ имѣньѣ настоящій застѣнокъ, въ которомъ работало 30 палачей. И такіе примѣры не единичны, а между тѣмъ только очень рѣдко правительству удавалось узнать о нихъ и еще рѣже наказать виновнаго въ превышеніи власти. Вліятельный помѣщикъ почти всегда имѣлъ возможность оправдаться, и обыкновенно смерть крѣпостного, послѣдовавшая отъ истязанія, приписывалась просто несчастной случайности, или доказывалась непреднамѣренность убійства, или устанавливалось, что баринъ совершилъ его «въ меланхолическомъ безпамятствѣ». Впрочемъ, нѣкоторые особенно неистовые мучители все же подверглись наказаніямъ и даже ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ правъ, а нѣсколько имѣній за злоупотребленія ихъ владѣльцевъ было взято въ опеку.

Отношеніе къ крѣпостнымъ.

Рабская безправность крѣпостныхъ пріучала иныхъ господъ смотрѣть на нихъ, какъ на низшую породу людей, чуть не животныхъ или движимое имущество. Нѣкоторые дворяне даже прямо утверждали, что «низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ», что сама его природа приспособлена къ перенесенію тѣлесныхъ наказаній, что «всякій помѣщикъ долженъ быть тираномъ своихъ служителей, такъ какъ одна жестокость можетъ содержать сихъ звѣрей въ порядкѣ и послушаніи». За крѣпостными даже оффиціально установилось названіе «подлые» въ отличіе отъ «благородныхъ». Самое пренебрежительное отношеніе къ нимъ проглядываетъ также въ объявленіяхъ объ ихъ продажѣ. Встрѣчались, напр., объявленія такого рода: «продается пожилая дѣвушка и подержанныя дрожки», «продаются двѣ дѣвушки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ», «продается 30-ти-лѣтняя дѣвушка и молодая гнѣдая лошадь» и т. д. И, дѣйствительно, людьми торговали какъ скотомъ, даже на ярмаркахъ, продавая ихъ не только другимъ помѣщикамъ, но и азіатамъ. Крѣпостные цѣнились иногда даже ниже животныхъ: случалось такъ, что какой-нибудь самодуръ въ обмѣнъ на рѣдкостную собаку давалъ цѣлую деревню своихъ людей; въ 1781 году кто-то продалъ двухъ дѣвушекъ за 5 рублей; взрослый работникъ цѣнился въ 100—120 рублей, молодая дѣвушка въ 25 рублей. Но когда крѣпостные сами хотѣли выкупиться на свободу, то помѣщики брали неимовѣрно высокую цѣну. Людьми не только торговали: на нихъ играли въ карты, давали ихъ въ видѣ взятокъ чиновникамъ. Ужасъ безправія крѣпостныхъ увеличивался еще страшной бѣдностью большинства изъ нихъ: не страдая отъ недостатка земли (въ оброчныхъ имѣніяхъ

отдавалась въ пользованіе крестьянамъ обыкновенно вся обрабатываемая земля, а въ барщинныхъ — половина ея, другая же составляла господскую запашку), крестьяне не могли пользоваться плодами ея для себя, такъ какъ все вырабатываемое отдавали помѣщикамъ. Въ такомъ безысходномъ положеніи находились крѣпостные, которыхъ при Екатеринѣ II было свыше $6^1/_2$ милліоновъ душъ мужского пола.

Положеніе государственныхъ крестьянъ.

Далеко не благоденствовали и государственные или казенные крестьяне, дѣлившіеся на нѣсколько различныхъ категорій (дворцовые — работавшіе на содержаніе императорскаго двора, государевы — состоявшіе во владѣніи отдѣльныхъ членовъ императорской фамиліи, экономическіе — бывшіе церковные, поссесіонные — приписанные къ заводамъ и фабрикамъ, черносошные — жившіе въ сѣверныхъ губерніяхъ и платившіе государству оброкъ; всего казенныхъ числилось свыше $4^1/_2$ мил. душъ м. п.). Во-первыхъ, всѣ они страдали отъ злоупотребленій и произвола должностныхъ лицъ; во-вторыхъ, ихъ свобода всегда висѣла на волоскѣ: сегодня свободные, они завтра, по волѣ правительства, могли быть пожалованы въ частное владѣніе, иными словами, обращены въ крѣпостныхъ; въ-третьихъ, они были отягощены непосильнымъ податнымъ бременемъ и другими повинностями. Особенно можно сказать это о крестьянахъ, приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ. Нѣкоторые изъ нихъ должны были не только заниматься тяжелой и изнурительной фабричной работой, но еще урывать время, чтобы трудиться надъ своими земельными участками. Въ своихъ наказахъ они горько жалуются на «всеконечное разореніе и нищету». Тягость ихъ положенія подтверждается также однимъ оффиціальнымъ лицомъ, которое отзывается о заводчикахъ, какъ о «хищникахъ», помышляющихъ лишь о своемъ прибыткѣ и «алчно пожирающихъ все крестьянское имущество».

Недовольство крестьянъ.

Изъ изложеннаго понятно, чта безправное и замученное крестьянство (особенно крѣпостное) было охвачено глубочайшимъ недовольствомъ, чувствомъ отчаянія, жаждой мести и духомъ протеста. Протестъ выражался различно: крестьяне или массами бѣжали куда глаза глядятъ (эти побѣги сильно тревожили правительство и побуждали его издавать указы, приглашавшіе бѣглецовъ вернуться на родину и обѣщавшіе имъ льготныя условія), или составляли разбойничьи шайки (разбойники иногда даже идеализировались простымъ народомъ, ихъ похожденія разукрашивались легендарными чертами; очень популярна была, напр., легенда о Ванькѣ-Каинѣ, бѣгломъ крѣпостномъ, потомъ приволжскомъ разбойникѣ, наконецъ, правительственномъ «сыщикѣ», который промѣнялъ однако это прибыльное ремесло и «даровой хлѣбъ», чтобы опять вернуться въ свою шайку), или жестоко расправлялись съ помѣщиками, вымещая на

нихъ свои страданія. За время 1764—1769 г.г. въ одной Московской губерніи было 30 случаевъ убійства дворянъ, при чемъ нѣкоторыя сопровождались страшными звѣрствами. Особенно участились эти покушенія тогда, когда крестьяне убѣдились, что Комиссія 1767 года ни въ чемъ не улучшитъ ихъ быта. Всѣ такія нападенія и насилія были пока отдѣльными вспышками, не грозившими государственному порядку. Чтобы слить ихъ въ огромный, страшный пожаръ, нужна была, во-первыхъ, идея, способная сильно воодушевить и крѣпко спаять всѣхъ недовольныхъ, а во-вторыхъ, почва, особенно богатая горючимъ матеріаломъ.

Успѣхъ самозванства въ крестьянской средѣ.

Наиболѣе живучей и понятной русскому народу была старая идея «борьбы за царя противъ бояръ» и связанное съ нею самозванство: чтобы поднять народъ противъ правительства, почти всегда нуженъ былъ «царь-батюшка». Призракъ Димитрія, какъ извѣстно, двигалъ народными массами въ началѣ XVII вѣка; призывъ истреблять бояръ, отгородившихъ царя отъ народа, привлекъ къ Стенькѣ Разину полчища приверженцевъ; борьба за идею истиннаго царя противъ «подмѣненнаго» характеризовала народныя волненія царствованія Петра I. При Екатеринѣ II не трудно было найти знамя, около котораго могли бы сплотиться всѣ униженные и обездоленные. Такимъ знаменемъ было имя императора Петра III. Этотъ столь нелюбимый столичнымъ населеніемъ, гвардіей и духовенствомъ государь оставилъ по себѣ добрую память въ нѣкоторой части простого народа, который не только не видѣлъ отъ него лично никакого зла, но даже ждалъ большихъ милостей: отъ императора, избавившаго дворянъ отъ обязательной службы, крестьянство надѣялось получить и свою «волю» и толковало поднятый Петромъ III вопросъ объ отобраніи церковныхъ крестьянъ въ смыслѣ начала общаго освобожденія. Не мало способствовало популярности Петра III также прекращеніе гоненій на раскольниковъ, которые своею стойкостью и приверженностью къ древнему благочестію производили обаятельное впечатлѣніе на многихъ православныхъ простолюдиновъ. Сверженіе его съ престола женою и «боярами» представлялось народу грубымъ насиліемъ и невольно будило чувство состраданія къ обиженному императору, тѣмъ болѣе, что къ «государствованію женскаго пола» крестьянство всегда относилось съ предубѣжденіемъ, а Екатерина II, вдобавокъ, не скрывала своихъ дворянскихъ симпатій. Итакъ, нѣкоторые указы и обстановка сверженія сдѣлали Петра III популярнымъ въ низахъ русскаго общества; многіе не хотѣли мириться съ фактомъ его нежданой смерти, не вѣрили краткимъ и какъ бы недоговореннымъ правительственнымъ сообщеніямъ о ней. Слухи о томъ, будто Петръ III скрылся отъ грозившихъ ему смертью гвардейцевъ и скоро появится, чтобы отомстить женѣ и дворянамъ, стали распространяться уже въ началѣ царствованія Екатерины II,

возникнувъ, повидимому, въ раскольничьей средѣ. Эти слухи породили нѣсколькихъ самозванцевъ (преимущественно изъ среды бѣглыхъ солдатъ), принимавшихъ имя свергнутаго императора. Самозванцевъ ловили, но слуховъ задушить не могли. Питаемые народнымъ недовольствомъ, они все крѣпли и крѣпли. Особенно благодарную почву нашли они въ Приуральѣ и въ области нижней и средней Волги.

Бытъ Приуралья.

Въ этой восточной окраинѣ правительственная власть стояла еще недостаточно твердо, а между тѣмъ ее населяли наиболѣе недовольные и раздраженные классы общества, издавна притомъ привыкшіе къ борьбѣ съ правительствомъ, жившіе воспоминаніями о Стенькѣ Разинѣ, Булавинѣ, башкирскомъ возстаніи и отличавшіеся поэтому, по словамъ историка (Ѳирсова), «бунтовщическимъ темпераментомъ». Коренное населеніе этого края было инородческое. Но въ началѣ XVIII вѣка сюда усиленно стала устремляться русская колонизація, которой всячески покровительствовалъ Петръ I, создававшій въ Приуральѣ центръ горнозаводской промышленности. Онъ щедро раздавалъ башкирскія земли русскимъ помѣщикамъ и, особенно, фабрикантамъ и заводчикамъ. Да и сами они хищнически захватывали ихъ. Такіе захваты особенно усилились при Петрѣ Шуваловѣ, который былъ, какъ извѣстно, не только государственнымъ дѣятелемъ, но еще больше беззастѣнчивымъ предпринимателемъ. Къ этому присоединился еще безудержный произволъ мѣстныхъ властей, пользовавшихся почти полнымъ отсутствіемъ надзора со стороны далекой центральной власти. На обезземеленіе и на притѣсненія башкиры отвѣчали неоднократными бунтами (при Петрѣ I, при Аннѣ, при Елизаветѣ). Для борьбы съ ними мѣстное начальство изобрѣло особый способъ: руководствуясь правиломъ—«раздѣляй и властвуй», оно стало искусственно натравлять инородцевъ другъ на друга: калмыковъ на башкиръ, башкиръ на калмыковъ, киргизовъ на тѣхъ и другихъ и обратно. Все это обостряло взаимную вражду. Терпя неудачи при открытыхъ выступленіяхъ, инородцы стали искать спасенія въ бѣгствѣ. Такъ, напр., въ 1771 году огромная орда калмыковъ (въ 169.000 человѣкъ) перекочевала въ Азію. Нелегко жилось и осѣдлымъ инородцамъ: ясашнымъ татарамъ, черемисамъ, чувашамъ: ихъ земли также расхищались, и многіе изъ нихъ искали себѣ пропитанія въ разбояхъ. Раздраживъ противъ себя инородцевъ, правительство не имѣло опоры и въ русскомъ населеніи этого края, не принадлежавшемъ къ небольшому по численности классу эксплоататоровъ-помѣщиковъ и предпринимателей. Въ составъ здѣшняго русскаго населенія входили слѣдующія группы: раскольники, хотя и не преслѣдуемые при Екатеринѣ II, однако не мирившіеся еще съ «никоніанскимъ правительствомъ, крѣпостные и приписанные къ заводамъ крестьяне, бѣглые люди, приносившіе съ собой самую острую ненависть и къ дворянамъ и къ власти, и, наконецъ, яицкіе (т. е. жи-

вущіе по рѣкѣ Яику—Уралу) козаки. По мѣрѣ того, какъ правительство подчиняло своей власти степи, козаки, какъ извѣстно, въ поискахъ воли подвигались все болѣе и болѣе на востокъ. На далекомъ Яикѣ воля нѣкоторое время баловала ихъ, но съ царствованія Петра I бытъ ихъ сталъ измѣняться: государство требовало отъ нихъ уже не вольной службы, а подневольной, обязательной, формируя изъ нихъ гарнизоны крѣпостей, служащихъ оплотомъ противъ инородцевъ. Козачество роптало, правительство строго обуздывало ихъ и старалось ввести въ ихъ среду такую же рознь, какъ въ инородческую, привлекая къ себѣ «старшинскую сторону» и противопоставляя ее «войсковой сторонѣ» (т. е. рядовому козачеству—голытьбѣ). Послѣдняя ссорилась съ первой, посылала на нее жалобы, но начальство мирволило всегда старшинской и жестоко расправлялось съ жалобщиками-ослушниками. Такъ, напр., когда въ 1771 году козачество отказалось идти въ погоню за калмыками, командированный для разслѣдованія этого дѣла генералъ (Траубенбергъ) своими строгостями довелъ «войсковую сторону» до открытаго возстанія; генералъ и многіе представители старшины были убиты, козаки собирались уйти въ Персію или Хиву, но не успѣли. Присланное войско (подъ начальствомъ Фреймана) жестоко подавило возстаніе, наполнивъ плѣнными не только тюрьмы, но даже всѣ лавки Оренбурга, и окончательно лишило козачество самоуправленія: вмѣсто выборныхъ властей, оно было подчинено назначенному коменданту. Но козаки воли своей забыть не могли и не теряли надежды «тряхнуть Москвой». Они ждали только популярнаго предводителя. Такой предводитель, назвавшійся Петромъ III, и явился въ 1773 году въ этотъ «воровской край», представлявшій собою, по словамъ историка (Ѳирсова), «какъ бы гигантскій резервуаръ, куда въ лицѣ стекавшихся отовсюду бѣглецовъ сливалось народное недовольство со всей Россіи». Неудивительно, что ему удалось поднять здѣсь возстаніе, сходное по характеру и по размѣрамъ съ движеніями Болотникова, Разина и Булавина.

Пугачевъ.

Предводителемъ былъ уроженецъ одной изъ донскихъ козачьихъ станицъ (Зимовейской) Емельянъ Пугачевъ. Энергичный, смышленый и честолюбивый козакъ, Пугачевъ, не добившись виднаго служебнаго положенія (онъ пытался, напр., получить атаманство на Терекѣ), бросилъ службу, началъ бродяжническую жизнь (побывалъ онъ и въ Польшѣ и на Иргизѣ) и дважды сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ бѣглый. Во время своихъ скитаній онъ близко сошелся съ раскольниками и яицкими козаками. Послѣднимъ онъ выдавалъ себя первоначально за богатаго купца и убѣждалъ ихъ переселиться всею массою за Кубань. Затѣмъ, наслышавшись о тѣхъ упованіяхъ, которыя возлагаются всѣми недовольными на спасеннаго будто бы отъ смерти императора Петра III, Пугачевъ принялъ его имя. Роль царя онъ разыгрывалъ довольно плохо. Такъ, напр., пріѣхавшихъ къ нему на развѣдки

представителей козачества онъ старался убѣдить въ своемъ царственномъ происхожденіи, показывая имъ на себѣ царскіе «знаки» (такими знаками были рубцы отъ ранъ на груди да ссадина на головѣ). Впослѣдствіи нѣкоторымъ изъ этихъ же представителей онъ открылъ свое настоящее имя, а самозванство объяснялъ тѣмъ, что «вездѣ молва есть, будто государь Петръ III живетъ и здравствуетъ». Для непосвященныхъ въ эту тайну онъ устраивалъ царственныя декораціи: въ періодъ своихъ успѣховъ онъ трогательно бесѣдовалъ о своемъ «сынѣ» Павлѣ Петровичѣ, облачился въ парчевое платье и красные сапоги, окружилъ себя «енералами», которымъ раздавалъ не только титулы, но даже фамиліи Екатерининскихъ вельможъ (напр., одинъ изъ главныхъ его сподвижниковъ—козакъ Чика-Зарубинъ—именовался княземъ Чернышевымъ) и устроилъ «императорскій дворъ» съ разными церемоніями. Правда, онѣ были до-нельзя карикатурными и разсчитанными на самый непритязательный вкусъ. Къ тому же «императоръ» никакъ не могъ совладать со своими чисто мужицкими привычками и страстью къ необузданному и грубому разгулу. Всѣмъ своимъ поведеніемъ онъ обнаруживалъ въ себѣ самозванца. Выдавалъ онъ себя и тѣмъ, что, по выраженію современниковъ, «отворачивалъ рожу» отъ хорошо знавшихъ его выходцевъ съ Дона (нѣкоторые приближенные открыто называли его «воромъ, разбойникомъ и самозванцемъ»). Понятно, что неграмотному и разгульному козаку трудно было доказать свое тождество съ императоромъ Петромъ Θеодоровичемъ, но не въ этомъ тождествѣ и не въ самозванческихъ способностяхъ была сила Пугачева. Вѣдь служили же когда-то низы русскаго общества (а вмѣстѣ съ ними даже нѣкоторые бояре) Тушинскому вору только потому, что онъ самъ служилъ ихъ интересамъ! Такъ было и съ Пугачевымъ. Царственное его происхожденіе признавали потому, что онъ казался мстителемъ за народныя «обиды, отягощенія и разоренія», радѣтелемъ о черни и значитъ «истиннымъ», съ простонародной точки зрѣнія, царемъ. Пугачевъ хорошо учитывалъ это настроеніе, не признающее никакого средостѣнія между царемъ и народомъ, хорошо зналъ интересы всѣхъ недовольныхъ классовъ общества и удачно приспособлялъ къ нимъ свои манифесты. Общій смыслъ ихъ—дарованіе всѣмъ воли, освобожденіе отъ всякихъ податей, награжденіе землями, возстановленіе старой вѣры и... безпощадное истребленіе всѣхъ дворянъ.

Такъ, напр., въ одномъ изъ манифестовъ онъ «жаловалъ всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподдаными рабами собственно нашей короны», награждалъ ихъ «древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою, вѣчно козаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку» и освобождалъ «отъ всѣхъ

прежде чинимыхъ—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ». Далѣе, именнымъ указомъ онъ повелѣвалъ: «кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ находятся, оныхъ противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами; по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка и продолжаться будутъ». Другимъ недовольнымъ Пугачевъ расточалъ тоже щедрыя обѣщанія: инородцамъ онъ жаловалъ ихъ привольныя степи, козакамъ—ихъ «круговые порядки». Итакъ, Пугачевъ призывалъ къ разрушенію всего государственнаго строя, не задумываясь, конечно, о томъ, чѣмъ онъ замѣнитъ ниспроверженный порядокъ. Легко понять, какое впечатлѣніе производила эта разрушительная проповѣдь, которая «царскими манифестами» и «именными указами» повелѣвала именно то, къ чему побуждалъ грубый инстинктъ доведенныхъ до крайности рабовъ. Недаромъ Пугачевъ былъ увѣренъ, «что чернь пристанетъ къ нему».

Пугачевскій бунтъ.

Мятежъ начался въ сентябрѣ 1773 года и скоро охватилъ весь Оренбургскій край: Пугачевъ, дѣйствуя, главнымъ образомъ, во главѣ яицкихъ козаковъ и инородцевъ, взялъ нѣсколько крѣпостей и осаждалъ самый Оренбургъ. Затѣмъ начался рядъ неудачъ: полчища Пугачева и его «енераловъ» были много разъ разбиты присланнымъ Екатериной Бибиковымъ, и самозванецъ долженъ былъ бѣжать и искать спасенія у башкировъ. Подкрѣпленный послѣдними и увлекши за собою массу заводскихъ крестьянъ, онъ весною 1774 года вновь выступилъ въ походъ. Энергичнаго Бибикова уже не было въ живыхъ, и Пугачевъ, несмотря на рядъ пораженій, нанесенныхъ ему Михельсономъ, съ легкостью овладѣлъ нѣсколькими заводами, а затѣмъ бросился на Казань и сжегъ ее (12 іюля 1774 г.). Хотя Михельсонъ тотчасъ же выбилъ его оттуда, тѣмъ не менѣе взятіе Казани произвело огромное впечатлѣніе: съ этого именно времени началась грандіозная и ужасная крестьянская война. Она охватила огромное пространство—все Поволжье съ низовьевъ его до Нижняго Новгорода, среднее и южное Приуралье и часть Сибири—и сопровождалась чудовищными жестокостями: неуспѣвшіе скрыться помѣщики истреблялись поголовно часто самымъ звѣрскимъ образомъ, имущество ихъ до послѣдней нитки распредѣлялось между грабителями, усадьбы пылали. Неистовствовалъ Пугачевъ, котораго современники изображаютъ вѣшателемъ, чуть ли не ежеминутно вздергивающимъ на висѣлицу своихъ противниковъ, неистовствовали всѣ его приверженцы. По словамъ современника, «половина имперіи была объята паническимъ страхомъ и духъ мятежа обуялъ

остальныхъ жителей страны». Дѣйствительно, бунтъ могъ бы сдѣлаться въ полномъ смыслѣ всероссійскимъ: крестьяне повсемѣстно сочувствовали Пугачеву и готовы были подняться. Его приближенные понимали это и убѣждали его двинуться прямо на Москву. Такого же движенія опасалось и правительство, неувѣренное даже въ безопасности Петербурга. Екатерина II вела въ это время войну съ Турціей и занята была вмѣшательствомъ въ польскія дѣла, тѣмъ не менѣе на борьбу съ Пугачевымъ она послала лучшихъ своихъ генераловъ: графа Панина и Суворова. Панинъ отлично понималъ всю опасность Пугачевскаго бунта, опредѣливъ его, какъ «бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, холоповъ противъ господъ». Но какъ разъ въ то время, когда правительство было такъ напугано страшнымъ движеніемъ, Пугачева точно обмануло его чутье: козакъ возобладалъ въ немъ надъ «мужицкимъ царемъ». Вмѣсто того, чтобы идти въ центръ государства и поднимать крѣпостныхъ, онъ сталъ поспѣшно отступать на югъ, пробираясь къ старому пристанищу козаковъ—къ Дону. Правда, при этомъ отступленіи онъ взялъ Пензу и Саратовъ, но, отдалившись отъ главнаго раіона крестьянскаго возстанія, которое тѣмъ временемъ безпощадно жестоко усмирялось Панинымъ, Пугачевъ былъ осужденъ на гибель, долженъ былъ подвергнуться той же участи, которую испыталъ Разинъ: его вооруженныя полчища были окончательно разбиты Михельсономъ близъ Сарепты и добиты Суворовымъ. Самъ Пугачевъ, бѣжавшій въ степь, былъ выданъ правительству своими же «енералами». Его въ клѣткѣ перевезли въ Москву и здѣсь на глазахъ огромной толпы народа казнили въ 1775 году вмѣстѣ съ главными его приспѣшниками (одинъ изъ которыхъ былъ прежнимъ депутатомъ Комиссіи 1767 года). Передъ казнью Пугачевъ, по словамъ очевидцевъ, совершенно растерялся: «былъ почти въ онѣмѣніи и самъ внѣ себя, и только что крестился и молился»; похожъ онъ былъ какъ будто бы на «какого либо маркитантишку или харчевника плюгаваго». Этотъ человѣкъ возбуждалъ, однако, различныя чувства въ зрителяхъ своей казни. Дворянство, по словамъ того же современника, видѣло въ гибели Пугачева «истинное торжество дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ», но среди толпы простолюдиновъ, отгороженной отъ мѣста казни сомкнутыми рядами солдатъ съ заряженными ружьями, было, повидимому, не мало людей, втайнѣ сочувствовавшихъ самозванцу. Такое сочувствіе можетъ объясняться тѣмъ, что недовольство кипѣло не только въ крѣпостной средѣ, но также и въ низахъ городского населенія.

Чумной бунтъ.

Какъ много горючаго матеріала было въ самой Москвѣ, показалъ мятежъ, происшедшій здѣсь еще за два года до начала Пугачевскаго бунта, именно въ 1771 году. Поводъ къ нему былъ данъ чумой, занесенной съ востока и съ невѣроятной силой разыгравшейся въ Москвѣ (по преданію, она

унесла около 100 тысячъ жертвъ). Среди обезумѣвшаго отъ ужаса простого народа появилось броженіе, котораго не сумѣли предупредить растерявшіяся власти: началось неповиновеніе предписаніямъ докторовъ, скрываніе больныхъ и умершихъ, что еще больше распространяло заразу. Много способствовало ей и то, что ежедневно жители Москвы, не исключая больныхъ, массами собирались на поклоненіе одной иконѣ, образуя цѣлыя толпы, заражавшія и волновавшія другъ друга. Когда же эта икона была снята по распоряженію архіепископа Амвросія, народная ярость обратилась противъ него. Онъ былъ убитъ, и послѣ этого начался уже открытый бунтъ, направленный не только противъ докторовъ, которыхъ обвиняли въ намѣренномъ распространеніи эпидеміи, но и противъ всѣхъ дворянъ и властей. Лишь благодаря усиліямъ генерала Еропкина, а затѣмъ любимца Екатерины гр. Григорія Орлова мятежъ былъ прекращенъ. Конечно, этотъ «чумной бунтъ» ни по характеру, ни по значенію не можетъ равняться съ Пугачевскимъ, который явился, какъ было сказано, выраженіемъ общаго протеста противъ крѣпостничества и охватилъ почти половину Россіи, грозилъ другой половинѣ, оставилъ по себѣ ужасающій слѣдъ въ видѣ массы труповъ сперва дворянъ, а потомъ усмиряемыхъ бунтовщиковъ, вызвалъ страшный голодъ въ разоренныхъ мѣстностяхъ и надолго всполошилъ крестьянство [1]).

Отношеніе Екатерины II къ Пугачевскому бунту.

Пугачевскій бунтъ не могъ не оказать сильнаго вліянія на императрицу. Первоначально она довольно легко взглянула на движеніе, считая его мѣстной оренбургской вспышкой, но затѣмъ очень встревожилась. Тревога ея замѣтна въ томъ, что она послала противъ Пугачева лучшихъ военачальниковъ, которыхъ затѣмъ вознаградила необыкновенно щедро (Михельсонъ получилъ 1000 душъ крестьянъ), въ томъ, что она все повышала и повышала денежную награду за поимку самозванца, наконецъ, въ

[1]) Любопытно, что и послѣ полнаго подавленія Пугачевскаго бунта въ нѣкоторой части низшихъ слоевъ народа, особенно въ козацкой средѣ, сохранились горячія симпатіи къ его зачинщику, котораго кое-кто продолжалъ даже считать дѣйствительнымъ Петромъ III. Пугачевъ находилъ подражателей: уже въ 1786 году въ Сибири появился новый самозванный Петръ III. Насколько распространена и живуча была въ то время идея самозванства, видно изъ того, что какъ разъ одновременно съ Пугачевымъ за границей появилась какая-то искательница приключеній, называвшаяся различными громкими именами и выдававшая себя за дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны. Она умѣла возбудить къ себѣ интересъ таинственными разсказами о своемъ прошломъ, красотой и умомъ и искусно разыгрывала роль принцессы. Во время своего пребыванія въ Италіи она хитростью завлечена была Алексѣемъ Орловымъ на русскій корабль и затѣмъ до самой своей смерти въ 1775 г. содержалась въ Петропавловской крѣпости. Несмотря на всяческія старанія, не удалось выяснить ея истинное происхожденіе и даже національность (она отлично владѣла нѣсколькими иностранными языками). Въ многочисленныхъ легендахъ, создавшихся по поводу этой таинственной личности, она фигурируетъ подъ именемъ княжны Таракановой.

томъ, что послѣ подавленія бунта она старалась искоренить изъ памяти народной самое названіе его гнѣзда, приказавъ замѣнить всюду имя Яикъ именемъ Уралъ и давъ новое названіе той станицѣ, гдѣ родился Пугачевъ. Мятежъ не только встревожилъ ее, но и далъ ей свѣдѣнія еще болѣе горькія, чѣмъ Комиссія депутатовъ: императрица могла воочію убѣдиться, насколько народъ ея далекъ отъ «блаженства», насколько не соотвѣтствуетъ онъ идеалу «человѣка и гражданина»; утверждая безпощадныя карательныя распоряженія Панина и признавая, что «въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна для блага имперіи», Екатерина должна была почувствовать всю глубину той бездны, которая разверзлась между русской дѣйствительностью и Наказомъ, такъ краснорѣчиво осуждавшимъ смертную казнь и тѣлесныя наказанія; вникая въ истинныя причины бунта, императрица поняла, что между интересами дворянъ и крѣпостныхъ существуетъ непримиримое противорѣчіе, и что ей предстоитъ сдѣлать выборъ между ними. Назвавъ себя «казанской помѣщицей» (т. е. помѣщицей наиболѣе разореннаго края), она ясно обнаружила, на чьей сторонѣ ея симпатіи. Насколько далеко простерлись онѣ, показала «Жалованная грамота дворянству». Свои сомнѣнія Екатерина старалась успокоить мыслью, будто «русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе французскаго крестьянина», и будто «лучше судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Нехорошимъ же помѣщикамъ она рекомендовала уменьшеніе жестокости къ крѣпостнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она приняла кое-какія частичныя и мало существенныя мѣры противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Такъ, были уничтожены нѣкоторые способы установленія крѣпостной зависимости (напр., закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ, свободныхъ и отпущенныхъ на волю); крѣпостные селъ, обращаемыхъ въ города, выкупались и дѣлались горожанами; устанавливался надзоръ за особенно жестокими помѣщиками; запрещалось продавать людей безъ земли при продажѣ имѣній съ аукціона [1]). Но съ другой стороны число крѣпостныхъ при Екатеринѣ возросло, такъ какъ крѣпостное право распространено было на Малороссію и на вновь присоединенныя области, а, кромѣ того, около милліона государственныхъ крестьянъ обоего пола роздано въ частное владѣніе. Такой переходъ въ неволю былъ для послѣднихъ особенно тяжелымъ потому, что въ общемъ положеніе государственныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II улучшилось вслѣдствіе областной реформы 1775 года, давшей имъ сословные суды (расправы) и начатки самоуправленія. Императрица хотѣла даже перечислить ихъ права въ особой «Жалованной грамотѣ», но не исполнила этого намѣренія. Зато горожане получили «Городовое положеніе», улучшившее ихъ бытъ.

---

[1]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Екатерина намѣревалась даже объявить свободными всѣхъ крѣпостныхъ, рожденныхъ послѣ 1785 года.

§ 49. Городской классъ при Екатеринѣ II.

Созданіе «средняго рода людей»—наподобіе западно-европейскаго «третьяго сословія» или буржуазіи—и развитіе городовъ составляли одну изъ главныхъ заботъ императрицы Екатерины II. Достигнуть этого она надѣялась 1) дарованіемъ привилегій торгово-промышленному классу или мѣщанамъ[1]), 2) усовершенствованіемъ городского самоуправленія, 3) разумной экономической политикой, 4) просвѣтительными мѣропріятіями.

Понятіе «средняго рода людей» не сразу выяснилось для императрицы. Первоначально она разумѣла подъ нимъ всѣхъ тѣхъ, «кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, въ мореплаваніи (т. е. заграничной торговлѣ на своихъ судахъ), торговлѣ и ремеслахъ». Идеальнымъ источникомъ для образованія такого «средняго сословія» она считала Воспитательные дома и училища. Впослѣдствіи это понятіе нѣсколько сузилось, охвативъ преимущественно лишь торгово-промышленный классъ—купцовъ и ремесленниковъ. Купечество, раздѣленное, въ зависимости отъ размѣра капитала, на 3 гильдіи (къ первой гильдіи относились купцы съ капиталомъ отъ 10 до 50 тыс. руб., ко второй—5—10 тыс. руб., къ третьей—1—5 тыс. руб.[2]), получило при Екатеринѣ II важныя права: 1) оно было освобождено отъ подушной подати, которую купцы считали «презрительной», равняющей ихъ почти съ крестьянствомъ, сообщающей имъ признаки «невольничества», и взамѣнъ ея должно было платить 1%-ый сборъ съ капиталовъ, «по совѣсти объявляемыхъ», 2) за извѣстный взносъ въ казну оно избавлялось отъ личной рекрутской повинности, 3) купцы первой и второй гильдіи не подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ, 4) со времени областной реформы 1775 г. купечество имѣло сословные суды и представительство въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ (напр., въ Приказѣ общественнаго призрѣнія и т. п.).

Городовое Положеніе 1785 г. (главнымъ источникомъ котораго послужили составленныя для Комиссіи 1767 г. выдержки изъ законовъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ, шведскаго цехового устава, прусскаго цехового регламента и магдебургскаго права), при-

---

[1]) Терминъ «мѣщане» употребляется въ Городовомъ Положеніи въ трехъ смыслахъ: 1) для обозначенія всѣхъ городскихъ обывателей вообще, 2) какъ синонимъ основного ихъ ядра—«средняго рода людей», т. е. торгово-промышленнаго класса, 3) для обозначенія торговцевъ съ капиталомъ менѣе 500 руб.

[2]) Первоначально, до изданія Городового Положенія, для гильдій была установлена слѣдующая норма: I—10—100 тыс. руб., II—1—10 тыс. руб. III—500 руб.—1 тыс. руб.

ведя въ систему всѣ указанныя права, нѣсколько расширило и усовершенствовало городское управленіе, введенное Петромъ Великимъ.

При Петрѣ I въ немъ участвовали только «регулярные граждане», иными словами, торгово-промышленное сословіе. Екатерина II, сохранивъ нѣкоторыя односословныя учрежденія, именно: 1) «собраніе градского общества», состоявшее изъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій и избиравшее засѣдателей совѣстнаго суда и магистратовъ, и 2) магистратъ, сдѣлала попытку организовать также всесословное самоуправленіе, т. е. привлечь къ нему всѣхъ городскихъ обывателей. Послѣдніе раздѣлены были на 6 разрядовъ: 1) настоящіе обыватели (владѣльцы недвижимой собственности въ городѣ, безъ различія сословнаго происхожденія), 2) гильдіи, т. е. записанные въ нихъ купцы, 3) цехи, т. е. распредѣленные по нимъ ремесленники (устройство класса ремесленниковъ и ихъ собственное самоуправленіе опредѣлялось Ремесленнымъ Положеніемъ), 4) иногородніе и иностранные гости, 5) именитые граждане (ученые, художники, банкиры, торгующіе оптомъ внутри и внѣ имперіи, имѣющіе фабрики, дважды исполнявшіе городскія должности по выборамъ, капиталисты, объявившіе за собою капиталъ не менѣе 50 тыс. руб.), 6) посадскіе (люди, которые кормятся промысломъ, рукодѣліемъ или работой и не могутъ быть внесены ни въ одинъ изъ прочихъ отдѣловъ городовой обывательской книги). Каждый разрядъ выбиралъ отдѣльно и не въ одинаковомъ числѣ своихъ представителей—«гласныхъ» въ общую думу, а послѣдняя изъ своей среды выдѣляла «шестигласную» (т. е. состоящую изъ 6 гласныхъ) думу, которая являлась исполнительнымъ органомъ общей, и, направляемая ею, завѣдывала текущими городскими дѣлами. Предсѣдательствовалъ въ думахъ городской голова; общая—собиралась по мѣрѣ надобности, шестигласная—дѣйствовала постоянно. Онѣ вели городское хозяйство и должны были способствовать развитію матеріальнаго, а также культурнаго благосостоянія города (напр., увеличенію городскихъ доходовъ, устройству просвѣтительныхъ учрежденій и т. п.). Однако важными полномочіями въ области городского хозяйства надѣлена была также «Управа благочинія», состоявшая изъ назначенныхъ лицъ. Вообще обязанности городскихъ учрежденій были недостаточно опредѣлены, а ихъ вѣдомства плохо разграничены. Въ этомъ заключалась одна изъ причинъ неудачи городской реформы. Вторая причина такой неудачи состояла въ томъ, что сохраненіе сословныхъ учрежденій наряду съ всесословными, раздробленными опять таки на сословныя отдѣленія, придавало городскому самоуправленію односословный—купеческій—характеръ, чѣмъ подрывался самый принципъ реформы. Наконецъ, самоуправленіе было часто призрачнымъ, такъ какъ оно подчинялось самому бдительному и строгому надзору губернатора и губернскаго правленія, безъ разрѣшенія которыхъ думы не могли сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, вслѣдстіе чего онѣ «смѣлости не имѣли ни малѣйшей».

§ 50. Экономическая политика Екатерины II.

Промышленность и торговля.

Развитія городской жизни Екатерина II надѣялась достигнуть также своей экономической политикой. Въ основу послѣдней она, въ противоположность Петру I, полагала не принципы меркантилизма, а воззрѣнія современныхъ ей западно-европейскихъ политико-экономовъ, ученіе которыхъ носитъ названіе физіократіи. Физіократы были противниками правительственнаго вмѣшательства въ торгово-промышленную жизнь страны и настаивали на предоставленіи ей естественнаго развитія (сообразно формулѣ: «laisser faire, laisser passer»). Усвоивъ взглядъ, что «коммерція по большей части процвѣтаетъ вольностью и свободою», императрица приняла цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ: 1) взамѣнъ системы монополій, предоставлялась предпринимателямъ свободная конкуренція (т. е. соперничество), очевидно, благопріятно отзывавшаяся на качествѣ произведеній промышленности, 2) правительственная власть отказывалась отъ вмѣшательства (столь замѣтнаго при Петрѣ I) въ дѣло открытія и устройства фабрикъ и заводовъ, смотря на нихъ какъ на частное имущество, 3) ввозныя пошлины (въ 1766 г.) были понижены (впрочемъ, въ 1782 г. ихъ снова нѣсколько повысили). Не вмѣшиваясь въ существо торгово-промышленной жизни, Екатерина II старалась однако создать благопріятныя для нея условія. Такъ, напр., она открыла государственный банкъ (вмѣсто дворянскаго и купеческаго, возникшихъ при Елизаветѣ), выдававшій 5% ссуды, а также нѣкоторыя другія кредитныя учрежденія, способствовала улучшенію путей сообщенія и возникновенію торговаго флота, обезпечивъ успѣхъ морской торговли международною «конвенціею (т. е. соглашеніемъ) для охраненія нейтральнаго торговаго кораблеплаванія» (заключенною въ 1780 г.) и учрежденіемъ консульствъ въ нѣсколькихъ заграничныхъ портахъ (на обязанности консуловъ лежала охрана интересовъ русскихъ подданныхъ за границей). Наконецъ, при Екатеринѣ открыто было (въ 1765 г.) Вольное Экономическое Общество, въ которомъ обсуждались вопросы, касавшіеся народнаго хозяйства, и которое своими трудами, оригинальными и переводными, должно было содѣйствовать успѣхамъ его. Все это, вмѣстѣ взятое, очень оживило русскую промышленность и торговлю. Число фабрикъ въ царствованіе Екатерины возросло болѣе, чѣмъ въ три раза (съ 984 до 3161), при чемъ онѣ успѣшно работали на заграничный рынокъ. Вывозъ товаровъ значительно увеличился. Главными предметами вывоза были: пенька, ленъ, желѣзо, сало, холстъ. Наряду съ успѣхами промышленности развилось также сельское хозяйство: вывозъ пшеницы за нѣсколько лѣтъ (1766—1779 г.г.) возросъ въ 9 разъ, и

Россія сдѣлалась одной изъ «житницъ» Зап. Европы. Развитіе хлѣбной торговли объясняется, главнымъ образомъ, послѣдствіями удачной внѣшней политики—завоеваніемъ южныхъ черноземныхъ пространствъ—и устройствомъ торговыхъ портовъ на Черномъ морѣ. Увеличеніе хлѣбнаго экспорта (т. е. вывоза) съ одной стороны и голодъ, постигшій Россію въ 1780-хъ годахъ, съ другой—способствовали сильному вздорожанію хлѣба (за 15—20 лѣтъ цѣна его возросла въ 4—5 разъ). А это вызвало большую перемѣну въ сельскомъ хозяйствѣ: въ началѣ царствованія Екатерины помѣщики предпочитали сдавать свои имѣнія на оброкъ, отправляя «избыточное населеніе» (т. е. лишнихъ людей) на заработки въ городъ или заставляя его заниматься кустарнымъ промысломъ, а также работой на господскихъ фабрикахъ; въ концѣ ея царствованія землевладѣльцы, прельщенные высокими хлѣбными цѣнами, обратились къ барщинному хозяйству, стремясь добыть какъ можно больше хлѣба для продажи. Изъ изложеннаго видно, что и экономическая политика Екатерины II привела къ тѣмъ же самымъ результатамъ, какъ и другія ея мѣропріятія: отъ нея выиграло не столько городское сословіе, не добывавшее хлѣба и не имѣвшее крѣпостныхъ фабричныхъ рабочихъ, сколько дворянство. Крестьяне же пострадали изъ-за чрезмѣрнаго усиленія барщины, а правительство не могло вполнѣ искупить достигнутыми экономическими успѣхами колоссальныхъ военныхъ затратъ и для восполненія ихъ должно было прибѣгать къ финансовымъ операціямъ.

Финансы.

Къ числу такихъ финансовыхъ операцій относились, главнымъ образомъ, займы внѣшніе (т. е. у иностранныхъ капиталистовъ) и внутренніе. Послѣдніе заключались въ выпускѣ ассигнацій, т. е. бумажныхъ денегъ (обращеніе которыхъ основано, какъ извѣстно, на кредитѣ, т. е. довѣріи, что правительство можетъ обмѣнять ихъ на монету изъ драгоцѣннаго металла). Выпускъ ассигнацій замѣнялъ до извѣстной степени перечеканку тяжеловѣсной мѣдной монеты въ легковѣсную (съ сохраненіемъ прежней номинальной, т. е. обозначенной, стоимости), часто практиковавшуюся со времени Петра I. Вначалѣ онъ обставленъ былъ хорошо. Именно, въ 1768 г. учрежденъ былъ «ассигнаціонный банкъ» съ капиталомъ въ 1 мил. рублей звонкой монетой, подъ обезпеченіе котораго и были выпущены ассигнаціи. Правительство въ теченіе нѣкотораго времени обмѣнивало ихъ по одинаковой цѣнѣ на серебро, вслѣдствіе чего онѣ пользовались полнымъ довѣріемъ въ народѣ. Но затѣмъ началось нѣчто въ родѣ того, что было въ XVII в. при Ртищевѣ (придумавшемъ мѣдныя деньги) и въ началѣ XVIII в. при Джонѣ Лоу (во Франціи): банкъ увлекся неумѣреннымъ выпускомъ ассигнацій, отчего цѣнность ихъ стала падать, дойдя къ концу царствованія до 68 коп. сер. за ассигнаціонный рубль, а соотвѣтственно этому всѣ товары вздорожали.

Малоудачной была и другая финансовая мѣра Екатерины II—передача на откупъ частнымъ лицамъ казенныхъ доходовъ отъ продажи вина. Однако, несмотря на неуспѣшность нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣропріятій, государственные доходы въ царствованіе Екатерины возросли съ 16 мил. до 68 мил. р. въ годъ.

§ 51. Просвѣтительныя мѣропріятія второй половины царствованія Екатерины II.

Принимая рядъ мѣръ для поднятія экономическаго благосостоянія Россіи, императрица Екатерина II не менѣе заботилась о культурномъ ея развитіи. Разочаровавшись въ возможности устроить повсемѣстно воспитательныя заведенія, основанныя на принципахъ Генеральнаго Учрежденія 1764 г., императрица во вторую половину своего царствованія изобрѣла болѣе простой способъ рѣшенія просвѣтительной задачи. Именно, въ 1780 г. она пришла къ мысли ввести въ Россіи австрійскую систему народнаго просвѣщенія, съ которой ознакомилъ ее императоръ германскій Іосифъ II, рекомендовавшій ей къ тому же превосходнаго помощника въ просвѣтительной работѣ—серба по происхожденію—Янковича-де-Миріево. Это былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ педагоговъ того времени, отличавшійся беззавѣтной преданностью дѣлу и огромною работоспособностью. Занимая довольно скромное оффиціальное положеніе въ Россіи, онъ взялъ однако почти всецѣло на себя огромный трудъ пересадки австрійской системы на русскую почву. Самая эта пересадка происходила слѣдующимъ образомъ: I. Въ 1782 г. была учреждена Комиссія о народныхъ училищахъ (предсѣдателемъ которой назначили П. В. Завадовскаго, а первыми членами академика Эпинуса и Пастухова; Янковичъ именовался первоначально только сотрудникомъ-экспертомъ Комиссіи), представлявшая собою какъ бы временное Министерство Народнаго Просвѣщенія. II. Комиссія уже въ 1783 г. открыла первое такъ называемое «главное народное училище» (съ четырехлѣтнимъ курсомъ), съ которымъ была соединена учительская семинарія для подготовки преподавателей; вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшно составлялись учебники. III. Когда образовался извѣстный запасъ учителей и учебныхъ пособій, началось массовое открытіе въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ сперва «малыхъ училищъ»—съ двухлѣтнимъ курсомъ, посвященнымъ элементарному образованію и изложенію обязанностей «человѣка и гражданина»,—а затѣмъ и главныхъ; два первыхъ класса ихъ соотвѣтствовали малому училищу, а слѣдующіе два давали общее «реальное» образованіе, приноровленное преимущественно къ нуждамъ «средняго рода» людей, т. е. горожанъ, а также знаніе языковъ: латинскаго и «сосѣдственнаго» («сосѣдственнымъ» назывался языкъ народа, жившаго по со-

сѣдству съ тѣми губерніями, въ которыхъ открывались главныя училища: такъ, «сосѣдственнымъ» языкомъ для южныхъ губерній былъ греческій, для восточныхъ—арабскій, для Сибири—китайскій). Воспитаніе въ этихъ училищахъ отличалось гуманностью (тѣлесныя наказанія отсутствовали), а образованіе—наглядностью (быть можетъ, даже злоупотребляли правиломъ учить «играючи»). IV. По образцу главныхъ училищъ преобразовывались учрежденныя ранѣе учебныя заведенія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ отдавались въ вѣдѣніе Комиссіи. V. Когда въ 1786 г. дѣло устройства новыхъ училищъ было нѣсколько налажено, появился общій уставъ ихъ, представлявшій собою переработку соотвѣтствующаго австрійскаго устава. Такая переработка свидѣтельствуетъ о томъ, что австрійская система не просто пересаждалась на русскую почву, а значительно приспособлялась при этомъ къ условіямъ послѣдней.

Главное отличіе русской системы отъ австрійской заключалось въ томъ, что въ первой образованіе было двухстепеннымъ (представляя собою два концентра: курсъ главнаго училища вмѣщалъ въ себѣ курсъ малаго), во второй—трехстепеннымъ: школа тривіальная, школа главная и школа нормальная. Послѣдняя вмѣщала въ себѣ первыя двѣ (являясь такимъ образомъ третьимъ концентромъ) и давала кромѣ того знанія, необходимыя для будущихъ учителей. Императрица Екатерина II и Комиссія о народныхъ училищахъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшили отбросить нормальную школу и ограничиться двумя первыми ступенями. Однако при этомъ онѣ естественно наталкивались на вопросъ о подготовкѣ учителей, такъ какъ именно ихъ-то и должна была готовить нормальная школа. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ слѣдующимъ образомъ: уставъ 1786 г. очень тщательно и картинно рисовалъ образъ идеальнаго педагога (который всѣмъ своимъ поведеніемъ долженъ «поощрять юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благородно, показывать имъ, какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково даже со слугами и служанками»), а для практической подготовки преподавателей приспособлялъ единственную въ Россіи учительскую семинарію, курсъ которой соотвѣтствовалъ главному училищу, но велся съ большею основательностью и лучшими научными силами (профессорами и адъюнктами Академіи). Любопытно, что съ теченіемъ времени и эта единственная разсадница учителей опустѣла, такъ какъ сталъ распространяться взглядъ, будто для преподавателей даже главныхъ училищъ достаточно усвоить лишь ихъ курсъ. Матеріальное и служебное положеніе преподавателей было неблестящимъ: жалованье ихъ колебалось между 400 и 60 р. въ годъ (на деньги того времени), должности ихъ былъ присвоенъ очень низкій чинъ. Другое крупное различіе между Австріей и Россіей сводилось къ тому, что послѣдняя

не усвоила всеобщности и обязательности народнаго образованія, свойственныхъ первой: хотя народныя училища и предназначались «для всякаго состоянія людей», тѣмъ не менѣе они открывались только въ городахъ, не обслуживая почти совсѣмъ крестьянства; къ тому же и горожанамъ предоставлено было «на волю» (т. е. на усмотрѣніе) «отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома». Иначе, чѣмъ въ Австріи, организована была и учебная администрація. Общее завѣдываніе училищами принадлежало Комиссіи, мѣстное управленіе ими сосредоточивалось въ рукахъ губернатора, являвшагося попечителемъ и начальникомъ училищъ своей губерніи; хозяйственная часть ихъ была ввѣрена приказу общественнаго призрѣнія, а надзоръ за учебною частью поручался губернскимъ директорамъ (назначаемымъ генералъ-губернаторомъ) и уѣзднымъ смотрителямъ народныхъ училищъ (назначаемымъ губернаторомъ). Источники содержанія народныхъ училищъ не были точно опредѣлены, а должны были изыскиваться приказами общественнаго призрѣнія.

Нечуждая нѣкоторыхъ недостатковъ, учебная система Екатерины II дала однако хорошіе плоды: число главныхъ и малыхъ училищъ росло быстро, достигнувъ къ концу царствованія цифры—316 (съ 744 учителями, 16.220 учениками и 1.121 ученицей). Составъ учащихся былъ разнородный, начиная съ дворянъ и кончая городскими господскими слугами. Правда, не вездѣ и не всегда училища встрѣчали сочувствіе мѣстнаго общества: дворяне часто не видѣли «цѣли ученія», такъ какъ училища не готовили спеціально къ службѣ, а горожане не находили себѣ въ нихъ «корысти», т. е. практическихъ свѣдѣній. Нѣкоторые обыватели по старой памяти предпочитали новымъ усовершенствованнымъ школамъ прежніе частные пансіоны, которые содержались людьми, по большей части, не имѣвшими никакой педагогической подготовки. Послѣднее обстоятельство, а также стремленіе къ «единообразію» учебной системы побудили правительство подвергнуть ревизіи всѣ частныя школы, въ результатѣ чего огромное большинство русскихъ «вольныхъ» (т. е. частныхъ) школъ было закрыто; уцѣлѣли только тѣ, въ которыхъ, какъ, напр., въ дворянскихъ пансіонахъ, преподаваніе велось по новой системѣ. Такой же ревизіи подверглись и иностранные пансіоны (въ одномъ Петербургѣ ихъ было 28). Признанные удовлетворительными, они были отданы въ вѣдѣніе особой Управы нѣмецкихъ училищъ, подчиненной Комиссіи. Терпимо относясь къ столичнымъ иностраннымъ пансіонамъ, правительство не гнало и инородческихъ школъ, имѣвшихся во вновь присоединяемыхъ окраинахъ, хотя и устраивало тамъ русскія училища, ставя имъ одной изъ задачъ содѣйствовать сплоченію окраинъ съ коренной Россіей. Впрочемъ, такое обрусѣніе производилось при Екатеринѣ II очень осторожно.

Изъ изложеннаго видно, что императрица, съ самаго начала своего царствованія стремившаяся распространить въ русскомъ обществѣ

принципы гуманнаго воспитанія, основаннаго на добромъ примѣрѣ, а не на наказаніяхъ, справилась съ организаціей низшаго образованія. Среднее образованіе ей не удалось, такъ какъ главное училище не соотвѣтствовало типу средней школы — гимназіи, готовящей къ университету. Не осуществилось также ея намѣреніе основать новые университеты по усовершенствованному плану.

Надъ выработкой этого плана трудился между прочимъ И. И. Шуваловъ, утратившій при Екатеринѣ II свое вліяніе, но не переставшій думать о своемъ дѣтищѣ -Московскомъ университетѣ. Въ этомъ планѣ очень любопытны разсужденія Шувалова о сословномъ вопросѣ, характерныя для человѣка Елизаветинскаго времени. Онъ обстоятельно доказывалъ невозможность допущенія въ университетъ крѣпостныхъ, ссылаясь, напримѣръ, на то, что «свободныя науки» во всѣ времена, по общему мнѣнію, были «участіемъ людей свободныхъ», а также на то, что сами крѣпостные, «познавъ цѣну вольности, возчувствуютъ болѣе свое униженное состояніе».

Другой планъ университетовъ, выработанный Комиссіей о народныхъ училищахъ, представлялъ собою сокращенную копію обзора австрійской системы средняго и высшаго образованія, составленнаго по просьбѣ русскаго правительства австрійскимъ государствовѣдомъ Зонненфельсомъ. Любопытно, что Комиссія выкинула изъ этого обзора весь отдѣлъ, посвященный гимназіямъ.

§ 52. Общественная жизнь при Екатеринѣ II.

Культурный прогрессъ. Итакъ, цѣльная система народнаго просвѣщенія, связывающая въ одно цѣлое низшее, среднее и высшее образованіе, не была создана при Екатеринѣ. Въ учебныхъ заведеніяхъ ея времени было не мало внѣшняго, показного лоска, прикрашивающаго внутреннюю пустоту. Такъ, напр., программа Шляхетскаго корпуса была необыкновенно широковѣщательной, на самомъ же дѣлѣ большинство предметовъ вовсе не проходилось «за слабымъ понятіемъ воспитанниковъ сего возраста» или «за недовольнымъ знаніемъ другихъ предметовъ», или же «оставлялось до послѣдующаго возраста», вслѣдствіе чего воспитанники старшаго класса, отчаявшись «успѣть» во всѣхъ отложенныхъ наукахъ, не занимались рѣшительно ничѣмъ. Не мало показного было и въ Московскомъ университетѣ, гдѣ студенты щеголяли учеными диспутами и рѣчами, заранѣе приготовленными профессорами. Тѣмъ не менѣе русское общество благодаря стараніямъ императрицы сдѣлало огромный шагъ впередъ на пути культурнаго прогресса. Екатерина II, подобно Петру Великому, прилагала всѣ старанія къ тому, чтобы дать своему народу средства для самообразованія. Какъ «ученица» великихъ французскихъ философовъ, какъ

плодовитая и разносторонняя писательница (Екатерина II говорила, что «не пописавши, нельзя ни одного дня прожить»; написанное ею, по подсчету одного историка, должно занять не менѣе 15 томовъ; особеннымъ богатствомъ мыслей, разсчитанныхъ, впрочемъ, иногда на показной эффектъ, блещетъ переписка ея съ заграничными корреспондентами), императрица оказывала самое ревностное покровительство искусству и наукѣ, была истой «меценаткой». Ея меценатство преслѣдовало не только культурныя цѣли перевоспитанія и облагороженія общества, но и чисто-политическія: прививая столичному населенію вкусъ къ наукѣ и литературѣ, кружа его въ вихрѣ удовольствій, она надѣялась отвлечь его отъ вопросовъ политики. Увеселеній при ней было не мало: придворные были заняты ими ежедневно; столичную публику обслуживали три общественныхъ театра, въ томъ числѣ итальянская опера и балетъ. Въ русскомъ театрѣ, къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ давались приторныя пьесы, идеализировавшія бытъ крѣпостныхъ. Вообще «зрѣлища и позорища» (такъ назывались въ это время театральныя представленія) не столько воспитывали общество, сколько увеселяли его. Примѣръ общественныхъ театровъ заражалъ и частныхъ лицъ, особенно изъ аристократической среды: вошли въ большую моду любительскіе спектакли; усердно подвизались на сценѣ ученики и ученицы разныхъ дворянскихъ учебныхъ заведеній. Однако не одними увеселеніями характеризовалась общественная жизнь при Екатеринѣ II. При ней замѣтно было развитіе интереса къ наукѣ и литературѣ. Такъ, напр., для изученія русскаго языка и поощренія русской словесности при Академіи Наукъ учреждена была особая «Россійская Академія» подъ предсѣдательствомъ кн. Дашковой. Вмѣстѣ съ тѣмъ большіе успѣхи сдѣлало собираніе и изданіе матеріаловъ по русской исторіи и изученіе ея. Знаменитый академикъ Шлецеръ (нѣмецъ по происхожденію) приступилъ къ критической обработкѣ древнѣйшихъ лѣтописей; купецъ Голиковъ простодушно собиралъ всѣ матеріалы, относящіеся къ царствованію Петра Великаго, офицеръ Болтинъ писалъ остроумныя «примѣчанія» къ исторіи Россіи, составленной французомъ Леклеркомъ. Появились въ свѣтъ также русскія попытки изложенія ея. Такъ, издана была исторія, написанная нѣкогда петровскимъ сподвижникомъ Татищевымъ, а также «Исторія Россійская» кн. Щербатова. Впрочемъ, Щербатовъ интересенъ не столько, какъ историкъ, сколько какъ публицистъ. Страстный, неукротимый ревнитель правъ «благороднаго дворянства», строгій моралистъ, скорбѣвшій о «поврежденіи нравовъ», которое явилось слѣдствіемъ реформъ Петра, онъ былъ въ то же время и своеобразнымъ конституціоналистомъ, мечтавшимъ объ ограниченіи самодержавной власти аристократіей. Конечно, такія конституціонныя размышленія Щербатова не могли появиться въ печати (они стали извѣстны уже послѣ его смерти), такъ какъ критики политическаго строя императрица не допускала. Зато она допу-

скала и даже поощряла критику недостатковъ современнаго русскаго общества: взяточничества, злоупотребленій чиновниковъ, жестокости помѣщиковъ, пустого щегольства, свойственнаго невѣждамъ, нахватавшимся верхушекъ западно-европейской цивилизаціи. Поэтому она благоволила не только къ Державину, который въ своихъ одахъ превозносилъ до небесъ ея дѣянія и восхвалялъ всѣхъ, кто пользовался въ данное время вліяніемъ, но и къ талантливому сатирику Фонвизину, автору яркихъ «Недоросля» и «Бригадира». (Въ этихъ комедіяхъ, какъ извѣстно, съ одной стороны развиваются взгляды «Наказа» и другихъ сочиненій императрицы, съ другой стороны жестоко бичуются пороки современнаго общества). Императрица даже сама сотрудничала въ сатирическихъ журналахъ, которыхъ расплодилось въ то время многое множество («Всякая всячина», «Адская почта», «Трутень», «Живописецъ» и т. д.). Разрѣшеніе открывать частныя типографіи необыкновенно оживило книгоиздательство: изъ всѣхъ книгъ, изданныхъ въ XVIII вѣкѣ, $84^1/_2$% приходится на царствованіе Екатерины (при чемъ за одно пятилѣтіе 1786—1790 г.г. появилось въ свѣтъ 1699 книгъ, тогда какъ за все царствованіе Петра I ихъ издано было только 579, а при Елизаветѣ лишь 382). Самымъ крупнымъ книгоиздателемъ и въ то же время лучшимъ представителемъ Екатерининскаго просвѣщенія былъ журналистъ Новиковъ. Вмѣстѣ съ извѣстнымъ московскимъ профессоромъ Шварцемъ онъ создалъ цѣлое литературно-ученое общество (такъ называемое «Дружеское общество»), члены котораго посвятили свои силы переводу и изданію серьезныхъ книгъ, народному образованію и распространенію полезныхъ знаній. Огромной заслугой Новикова является изданіе двадцати-томной «Древней Россійской Вивліоѳики», представляющей собою сборникъ матеріаловъ по русской исторіи. Шварцъ, Новиковъ и Елагинъ были также родоначальниками русскаго «масонства», центромъ котораго сдѣлалась Москва.

Масонство и публицистика.

Цѣль масонства заключалась въ нравственномъ облагороженіи людей и объединеніи ихъ на началахъ братства, любви, равенства и взаимопомощи. Такой характеръ оно получило съ начала XVIII в., когда у нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ англійскихъ каменщиковъ-строителей зародилась мысль преобразовать старинные, ведущіе свое начало еще со средневѣковья цехи или товарищества дѣйствительныхъ масоновъ (каменщиковъ[1]) въ «союзы символическихъ стро-

---

[1]) Какъ извѣстно, изъ всѣхъ искусствъ въ средніе вѣка процвѣтала только архитектура, создавшая дивные памятники. Естественно поэтому, что цехи каменщиковъ пополнялись умственно и художественно развитыми людьми. Въ ихъ средѣ накоплялся извѣстный запасъ техническихъ познаній, которыя они хранили въ тайнѣ отъ другихъ и передавали другъ другу символически. Отсюда получился тотъ ореолъ таинственности, которымъ особенно окружало себя позднѣйшее масонство.

ителей храма души», имѣющіе цѣлью нравственное усовершенствованіе людей и взаимную помощь. На такихъ основаніяхъ въ 1717 г. и была открыта въ Англіи Великая масонская ложа (т. е. союзъ); ея уставъ былъ написанъ Андерсеномъ. Въ послѣдующее время подобныя ложи стали учреждаться повсемѣстно въ Европѣ. Масонами были, между прочимъ, императоръ Францъ I и король Фридрихъ Великій. Характерными чертами масонства, насколько онѣ выясняются изъ уставовъ различныхъ ложъ, являются: 1) космополитизмъ («родина каменщиковъ — вселенная»), 2) широкая вѣротерпимость («каменщики обязываются признавать единственно ту религію, въ которой всѣ люди согласны, предоставляя имъ имѣть свои особыя религіозныя мнѣнія»), 3) умѣренность въ политическихъ вопросахъ («каменщикъ есть мирный подданный гражданской власти, гдѣ бы онъ ни жилъ и ни работалъ... онъ никогда не долженъ преступать обязанности относительно высшихъ властей»). Обычнымъ занятіемъ масонскихъ ложъ была благотворительность и просвѣтительная дѣятельность. Ихъ внѣшній ритуалъ отличался торжественностью и театральностью: совершались особыя церемоніи, произносились страшныя клятвы, происходили пышныя посвященія въ различныя масонскія степени, которыхъ въ иныхъ ложахъ было только три, а въ другихъ 9, 33 и даже 99. Масонство изъ Западной Европы проникло въ XVIII в. въ Россію. Первое смутное еще упоминаніе о русскихъ масонскихъ ложахъ относится къ 1731 г.; широкое же распространеніе онѣ получили благодаря Елагину, Шварцу, Новикову и Лопухину. (Любопытно, что послѣдній, будучи образованнымъ и гуманнымъ человѣкомъ, являлся въ то же время страстнымъ приверженцемъ крѣпостного права, содрогавшимся при одной мысли о возможности уничтоженія его). Екатерина II первоначально относилась къ масонству хотя и иронически, однако вполнѣ терпимо. Но въ концѣ своего царствованія, подъ вліяніемъ грозныхъ событій французской революціи, за развитіемъ которыхъ часть русскаго общества слѣдила съ живымъ интересомъ, императрица рѣзко измѣнила свои взгляды: въ тайныхъ организаціяхъ, каковыми были масонскія ложи, ей чудился призракъ якобинскихъ клубовъ. На масоновъ поднято было гоненіе. Особенно жестоко пострадалъ Новиковъ, вслѣдствіе интригъ своихъ недоброжелателей, а также пугливости московскаго генералъ-губернатора, Прозоровскаго, который совершенно незаслуженно объявилъ мирнаго журналиста какимъ-то страшнымъ крамольникомъ и снарядилъ цѣлый отрядъ войска для ареста его. Новиковъ приговоренъ былъ къ 15-ти-лѣтнему заключенію въ крѣпости. Около этого же времени подвергся жестокой карѣ — ссылкѣ въ Сибирь — писатель Радищевъ, бывавшій въ молодости за границей и увлекавшійся просвѣтительной философіей и идеей народовластія. Въ своемъ сочиненіи «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» онъ проявилъ вольнолюбивыя мечты, выказалъ себя против-

никомъ абсолютизма и сословнаго строя и далъ безотрадную картину современной русской жизни, горько нападая на чудовищныя злоупотребленія должностныхъ лицъ, на ужасы крѣпостного права, на пустоту и бездушіе столичнаго общества, на разорительность войнъ; при этомъ онъ не удержался и отъ упрековъ верховной власти, которую укорялъ въ противорѣчіи между словомъ и дѣломъ. Глубокимъ негодованіемъ проникнуты нападки Радищева на помѣщиковъ, неподдѣльной скорбью дышатъ строки, посвященныя описанію быта крѣпостныхъ... «Звѣри алчные, піявицы ненасытныя», — говоритъ Радищевъ помѣщикамъ, «что крестьянину вы оставляете? То, чего отнять не можете—воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлете нерѣдко у него не токмо даръ земли,—хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъять у него жизнь, но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъять у него постепенно. Съ одной стороны почти веселіе, съ другой немощь беззащитная, ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянъ есть законодатель, судья, исполнитель рѣшеній и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ». Прочитавъ сочиненіе Радищева, императрица нашла, что «сочинитель—бунтовщикъ хуже Пугачева», и отдала его подъ судъ. Хотя книга Радищева, какъ оказалось, прошла въ свое время черезъ цензуру оберъ-полиційместера и появилась въ свѣтъ всего въ количествѣ 25 экземпляровъ, тѣмъ не менѣе судъ приговорилъ автора къ смертной казни, которую Екатерина II замѣнила ссылкою въ Сибирь. Суровость приговора объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что императрица, привыкшая къ прославленію и къ лести, была задѣта слѣдующими словами Радищева, въ которыхъ усмотрѣла упрекъ себѣ: «удержи свое милосердіе», говоритъ Радищевъ отъ имени народа правителю (очевидно, разумѣя подъ нимъ Екатерину II), «не возвѣщай намъ его великолѣпными словами, если не хочешь его исполнить. Мы спали и были спокойны... Ты возмутила нашъ сонъ; мы бдѣть не желали, ибо не надъ чѣмъ».

Противорѣчіе между словомъ и дѣломъ было, дѣйствительно, свойственно императрицѣ: Екатерина—писательница и Екатерина—правительница не одно и то же: осуществила она далеко не все, что намѣревалась осуществить, и даже въ осуществленномъ (напр., въ областной реформѣ и городовомъ положеніи), какъ отмѣчалось, дѣйствительность далеко не всегда соотвѣтствовала первоначальнымъ замысламъ; возвѣщенные принципы реформы искажались при примѣненіи ихъ на практикѣ. Такое несоотвѣтствіе слова и дѣла въ связи съ личными свойствами самой императрицы, передъ умомъ которой нельзя было не преклоняться, но образъ жизни которой можно было строго осуждать, было одной изъ причинъ различной оцѣнки царствованія Екатерины II и современниками и историками, страстнаго спора между ея восторженными приверженцами и рѣзкими критиками. Новѣйшіе историки придаютъ царствованію Екате-

рины II огромное значеніе. Такъ, напр., академикъ Лаппо-Данилевскій признаетъ, что «государственная дѣятельность Екатерины оставила глубокій и во многихъ отношеніяхъ плодотворный слѣдъ въ русской жизни, что, несмотря на всѣ темныя стороны, ея царствованіе должно было занять выдающееся мѣсто въ прогрессивномъ ходѣ нашей отечественной исторіи: и дѣйствительно, въ немъ нельзя не видѣть зачатки будущаго развитія русскаго общества и дальнѣйшаго преуспѣянія начала законности въ русскомъ государственномъ порядкѣ». Тѣмъ не менѣе современная историческая наука подчеркиваетъ несоотвѣтствіе внѣшней, показной стороны Екатерининской эпохи съ внутреннимъ ея содержаніемъ. По словамъ профессора Ключевскаго, «имперія послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II представляла по закону, по общему впечатлѣнію стройное и величественное зданіе, а вблизи, въ подробностяхъ—хаосъ, неурядицу, картину съ размашистыми и небрежными мазками, расчитанную на дальняго зрителя». Другой историкъ (Кизеветтеръ) упрекаетъ Екатерину II въ томъ, что при ней «подновлялся и перекрашивался фасадъ государственнаго зданія, но все, прикрываемое этимъ фасадомъ, лишь въ слабой степени затрогивалось вводимыми перемѣнами».

Отказъ императрицы отъ осуществленія многихъ благихъ намѣреній отнюдь нельзя объяснять только ея личной неискренностью и отсутствіемъ твердости воли. Такой отказъ обусловливался многими причинами: блестящая и сложная внѣшняя политика невольно отвлекала вниманіе Екатерины II отъ «подробностей» и частностей внутренняго управленія; преобразованія тормазились недостаткомъ денежныхъ средствъ, а затѣмъ и совсѣмъ остановились, когда изъ наблюденія надъ французской революціей императрица сдѣлала безотрадный выводъ, что «не время теперь производить реформы». Наконецъ, немаловажное вліяніе на общій характеръ царствованія оказало и то, что Екатерина II, имѣя много талантливыхъ дѣятелей на томъ или другомъ поприщѣ, не имѣла такихъ сотрудниковъ, которые способны были бы проникнуться глубокимъ сознаніемъ общенародныхъ нуждъ и умѣло удовлетворить ихъ.

§ 53. Сподвижники императрицы Екатерины II.

Уже упоминалось, что въ началѣ своего царствованія, какъ разъ въ періодъ свѣтлыхъ иллюзій и широкихъ начинаній, Екатерина II была очень одинока, какъ правительница: она не рѣшалась призвать къ власти новыхъ, наиболѣе преданныхъ ей людей и не хотѣла сохранить политическое вліяніе за елизаветинскими дѣятелями. Лишь упрочивъ свое собственное положеніе, она получила полную свободу выбора сотрудниковъ. Наиболѣе крупнымъ и талантливымъ изъ нихъ былъ Г. А. Потемкинъ, сдѣлавшійся съ 1772 г. самымъ близ-

кимъ человѣкомъ къ императрицѣ (до этого времени она выказывала особое расположенiе къ Гр. Орлову). Жизнь и характеръ Потемкина въ высшей степени интересны. Небогатый смоленскiй дворянинъ по происхожденiю, способный, но облѣнившiйся студентъ, бросившiй московскiй университетъ для монастыря, но вмѣсто этого попавшiй въ конно-гвардейскiй полкъ, затѣмъ камеръ-юнкеръ и докладчикъ по церковнымъ дѣламъ, далѣе любимецъ, другъ и «учитель» (какъ называла его иногда Екатерина) императрицы, президентъ Военной Коллегiи, фельдмаршалъ, графъ, свѣтлѣйшiй князь Римской Имперiи, властитель Новороссiйскаго края, выказавшiй въ устройствѣ его блестящiя административныя способности, и авторъ цѣлаго ряда смѣлыхъ проектовъ, искрящихся недюжиннымъ умомъ. Умъ, большой, глубокiй умъ никогда не измѣнялъ Потемкину. Недаромъ побѣжденный имъ соперникъ Гр. Орловъ говорилъ про него, что онъ «уменъ, какъ чортъ». Характеръ Потемкина сплошь сотканъ изъ противорѣчiй: страсть къ пышности, блеску и великолѣпiю чередовалась у него съ неряшливостью, колоссальная работоспособность съ непробудною лѣнью, кипучая дѣятельность съ приступами бездѣйствiя, беззавѣтная храбрость съ недостойной робостью; самодурство малообразованнаго помѣщика сочеталось съ европейскимъ лоскомъ, неумѣнiе прочесть до конца ни одной книги—съ способностью схватывать на-лету изъ разговоровъ массу свѣдѣнiй, дѣлавшихъ его настоящимъ энциклопедистомъ; неразборчивость въ расходованiи казенныхъ денегъ—съ чисто барской щедростью; беудержная жажда удовольствiй смѣнялась у него отчаянной хандрой; ненасытное честолюбiе, которое, по его словамъ не удовлетворилось бы даже польскимъ престоломъ, соединялось съ презрѣнiемъ къ почестямъ и ненавистью къ льстецамъ. Отлично характеризуютъ Потемкина два наблюдавшихъ его иностранца: французскiй посланникъ Сегюръ и принцъ де-Линь. Первый пишетъ о немъ слѣдующее: «Можетъ быть, еще не бывало придворнаго болѣе пышнаго, чѣмъ онъ, и болѣе грубаго, министра болѣе предпрiимчиваго и менѣе трудолюбиваго, генерала болѣе смѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшительнаго: въ немъ была странная смѣсь величiя и пустоты, лѣни и дѣятельности, смѣлости и робости, честолюбiя и безпечности. Потемкинъ имѣлъ отличную память, умъ по природѣ живой, быстрый, подвижной, но въ то же время какую-то необычайную флегму и наклонность къ покою. Онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго принужденiя и въ то же время ненасытно искалъ наслажденiй, власти, роскоши, хотѣлъ присвоить себѣ всякаго рода славу. Такъ успѣхъ увлекалъ его и вмѣстѣ утомлялъ, будучи помѣхой лѣни, и все-таки никакой быстрый и блистательный успѣхъ не могъ удовлетворить его нетерпѣливыхъ желанiй. Можно было сдѣлать его богатымъ и могучимъ, но невозможно было сдѣлать его счастливымъ»... Де-Линь отзывается о Потемкинѣ такъ: «Я вижу главнокомандующаго, который кажется лѣнивымъ и между тѣмъ постоянно работаетъ...

Каждый услышанный издалека пушечный выстрѣлъ заставляетъ его дрожать отъ мысли, что кого-нибудь убило, а самъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ батарей безпечно даетъ приказанія. Онъ смущенъ передъ опасностью и веселъ, когда она наступитъ. Онъ печаленъ во время наслажденія, несчастенъ потому, что слишкомъ счастливъ. Скучаетъ всѣмъ, все ему надоѣдаетъ. Онъ брюзгливъ, непостояненъ; онъ искусный министръ, великій политикъ и десятилѣтнее дитя. Нисколько не мстительный, онъ проситъ прощенія у тѣхъ, кого чѣмъ-нибудь опечалилъ, и быстро исправляетъ несправедливость... Получая множество наградъ отъ государыни, онъ тотчасъ раздаетъ ихъ... страшно богатъ и не имѣетъ ни копѣйки. Онъ то недовѣрчивъ, то добродушенъ, то не въ духѣ, то безпечно веселъ, въ минуту чѣмъ нибудь увлеченъ и въ минуту разочарованъ; онъ толкуетъ о богословіи со своими генералами и о войнѣ съ епископами; ничего не читаетъ, но у всякаго обо всемъ допытывается и со всякимъ споритъ, чтобы больше узнать. То кажется онъ совсѣмъ дикаремъ, то въ высшей степени любезенъ; то онъ гордый восточный сатрапъ, то утонченный придворный временъ Людовика XIV... То ему нипочемъ какой угодно холодъ, то не можетъ обойтись безъ шубы въ комнатѣ; то ходитъ въ туфляхъ на босу ногу, безъ всякой одежды, кромѣ рубашки и сквернаго халатишки, то является въ тончайшемъ бѣльѣ, въ роскошномъ мундирѣ, весь въ орденахъ и лентахъ, весь залитый брильянтами. Какимъ же волшебствомъ онъ такъ къ себѣ привлекаетъ? Умомъ, болѣе всего умомъ, а также добротою; у него необычайная память, возвышенная душа, лукавство безъ злости, хитрость безъ коварства, счастливое смѣшеніе причудъ, которыми въ добрую минуту онъ становится истинно привлекателенъ; въ немъ есть великодушіе, любезность, справедливость, много такта, талантъ угадывать то, чего не знаетъ, и великое знаніе людей».

Противорѣчія, свойственныя Потемкину, дѣлали его неспособнымъ къ усидчивой, планомѣрной и настойчивой работѣ на благо государства; блескъ, которымъ онъ былъ окруженъ, слишкомъ ослѣплялъ его и застилалъ передъ нимъ народныя нужды, а смѣлые полеты фантазіи въ высь уносили его отъ дѣйствительности. Болѣе трезвымъ, но гораздо менѣе вліятельнымъ администраторомъ былъ новгородскій губернаторъ Сиверсъ, много помогавшій императрицѣ въ проведеніи областной реформы. Отъ другихъ сподвижниковъ онъ выгодно отличался глубокимъ пониманіемъ крестьянскаго вопроса.

Хорошимъ совѣтчикомъ императрицы въ экономическихъ вопросахъ былъ Тепловъ, а усерднымъ исполнителемъ ея политическихъ предначертаній являлся генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій, сумѣвшій обрѣзать крылья Сенату. Изъ іерарховъ ея времени выдѣлялись московскій митрополитъ Платонъ, славившійся своими ораторскими способностями и заботами о поднятіи авторитета духовенства, и по-

движникъ святитель Тихонъ Воронежскій. Въ вопросахъ внѣшней политики императрица пользовалась совѣтами лукаваго и независимаго по убѣжденіямъ Н. И. Панина (брата усмирителя Пугачевскаго бунта). Свою дипломатическую дѣятельность онъ совмѣщалъ съ обязанностями главнаго воспитателя великаго князя Павла Петровича (сына Петра III и Екатерины). Очень замѣтнымъ дипломатомъ былъ также Безбородко.

Особенно посчастливилось Екатеринѣ II въ военачальникахъ. Изъ цѣлой плеяды ея побѣдоносныхъ генераловъ наиболѣе прославились—талантливый, но слишкомъ самолюбивый и высокомѣрный гр. Румянцевъ, смѣлый, но отталкивавшій своей жестокостью Каменскій и, наконецъ, герой въ полномъ смыслѣ слова А. В. Суворовъ. Вслѣдствіе своей простоты и доступности, чудеснаго знанія народной души и искусства къ ней приспособляться, вслѣдствіе поразительнаго умѣнья всегда поднять бодрость духа подчиненныхъ, поощрить ихъ предпріимчивость и вышутить любую опасность или невзгоду, Суворовъ сдѣлался кумиромъ солдатъ. Своей находчивостью и чудачествами онъ успѣшно противодѣйствовалъ козням недоброжелателей и завистниковъ и снискалъ себѣ огромную популярность; неизмѣнная же непобѣдимость (Суворовъ не проигралъ ни одного сраженія), обусловленная не только беззавѣтной удалью, «глазомѣромъ, быстротой и натискомъ», но также отличнымъ знаніемъ военнаго искусства и умѣньемъ вырабатывать новые тактическіе пріемы, создала ему славу одного изъ величайшихъ полководцевъ міровой исторіи.

Таланты этихъ и многихъ другихъ выдающихся генераловъ, а также дипломатическія способности самой императрицы и привели къ тому, что внѣшняя политика Екатерины II сдѣлалась самой славной страницей исторіи ея царствованія.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Внѣшняя политика императрицы Екатерины II.

§ 54. Общій ходъ политики.

Вступивъ на престолъ, императрица Екатерина II не сразу опредѣлила направленіе своей внѣшней политики. Безотрадное экономическое положеніе государства, разстроеннаго и обнищавшаго въ правленіе ея предшественниковъ, побуждало ее къ миролюбію. «Мы нуждаемся—заявила императрица—въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ; миръ намъ доставитъ больше уваженія, нежели случайности войны, всегда разорительной». И дѣйствительно, Екатерина II поспѣшила прекратить всякое участіе русскихъ въ Семилѣтней войнѣ

и заключила миръ съ Даніей, съ которой разсорился Петръ III. Однако, мирныя намѣренія оказались очень непрочными: «войнолюбивый характеръ» и желаніе оправдать блескомъ побѣдъ обстановку своего вступленія на престолъ увлекли императрицу къ воинственной политикѣ; большой умъ и тонкое чутье помогли ей направить военныя дѣйствія такъ, что они соотвѣтствовали насущнымъ русскимъ интересамъ и являлись рѣшеніемъ очередныхъ задачъ русской внѣшней политики.

Задачами, завѣщанными всей предшествующей исторіей Россіи, были, какъ уже упоминалось, 1) возвращеніе западно-русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, 2) завоеваніе побережья Чернаго моря, иными словами, польскій и турецкій или «восточный» вопросы [1]).

Эпоха ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго втянула, какъ извѣстно, Россію въ войны «для поддержанія политическаго равновѣсія» и опутала ее обязательствами по отношенію къ другимъ державамъ. Екатерина II приложила всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать русскую дипломатію самостоятельной, независимой отъ иноземныхъ интересовъ. Такое стремленіе стало какъ бы третьей задачей ея внѣшней политики. Итакъ, императрица, старавшаяся лично руководить всѣми дипломатическими сношеніями и обладавшая талантомъ великой дипломатки, имѣла въ виду прежде всего русскіе интересы, русскія выгоды, а не симпатіи къ какимъ-либо иностраннымъ державамъ и не отвлеченныя идеи. Однако далеко не всегда ей удавалось придерживаться намѣченной національной системы: дипломатическіе «проекты» и постороннія вліянія давали себя знать и при ней. Такъ, въ началѣ своего правленія она примѣнялась къ разработанной Н. И. Панинымъ теоріи «сѣверной системы» или «сѣвернаго аккорда», сущность которой заключалась въ образованіи тѣснаго союза сѣверныхъ государствъ (Россіи, Польши, Пруссіи, Швеціи, Англіи и Даніи) въ противовѣсъ Австріи и Франціи. Убѣдившись затѣмъ въ неосуществимости такого союза и рѣшивъ дѣйствовать особнякомъ, императрица не смогла однако установить единоличнаго вліянія Россіи въ Польшѣ и должна была допустить вмѣшательство въ дѣла послѣдней Пруссіи и Австріи, слѣдствіемъ чего были такъ-называемые польскіе раздѣлы (т. е. отобраніе отъ Польши нѣкоторыхъ земель въ 1773 и 1793 гг., а затѣмъ, въ 1795 г., и совершенное прекращеніе политическаго существованія этого государства), давшіе пріобрѣтенія не одной Россіи, но и двумъ упомянутымъ державамъ—Пруссіи и Австріи, послѣдняя изъ которыхъ получила къ тому же старинную русскую область—

[1]) Терминъ «восточный вопросъ» употребляется для обозначенія взаимныхъ отношеній 1) между народами Европы и Азіи, 2) между христіанами и магометанами, 3) между балканскими христіанами и турками, 4) между Россіей (а также другими европейскими государствами) и Турціей. Въ данномъ случаѣ онъ употребленъ въ четвертомъ смыслѣ.

Галицію. Такое рѣшеніе «польскаго вопроса» не вполнѣ соотвѣтствовало интересамъ Россіи, такъ какъ для нея было бы выгоднѣе, отобравъ отъ Польши области съ русскимъ населеніемъ, сохранить ея существованіе въ видѣ второстепеннаго государства, чѣмъ дать усилиться могущественнымъ Пруссіи и Австріи. Поступиться русскими интересами въ польскомъ вопросѣ Екатерину II вынудила практическая необходимость: какъ разъ въ то время, когда императрица упрочивала свое вліяніе въ Польшѣ, возгорѣлась, какъ увидимъ, турецкая война, затруднившая для Россіи возможность оказать противодѣйствіе прусскому королю Фридриху II, настаивавшему на раздѣлѣ нѣкоторыхъ польскихъ земель.

Итакъ, въ польскомъ вопросѣ Екатерина II должна была свернуть съ прямого пути вслѣдствіе соображеній практики. Напротивъ, ея дѣйствія въ турецкомъ или «восточномъ вопросѣ» затруднены были теоріей, «проектомъ».

Окончивъ, какъ увидимъ, удачно первую турецкую войну (1768—1774 гг.), добившись улучшенія положенія христіанскихъ подданныхъ Турціи и присоединивъ нѣсколько лѣтъ спустя (1783 г.) когда-то грозный Крымъ, императрица, не безъ вліянія Потемкина, увлеклась грандіознымъ «греческимъ проектомъ». Сущность его заключалась въ изгнаніи турокъ изъ Европы, въ возстановленіи Греческой имперіи (корону которой Екатерина предназначала своему внуку Константину Павловичу) и въ раздѣлѣ остальныхъ турецкихъ владѣній между европейскими государствами. Для осуществленія столь широкаго плана императрица заблаговременно (въ 1779 г.) заключила союзъ съ Австріей противъ Турціи. Угрожаемая этимъ союзомъ и не мирясь съ присоединеніемъ Крыма къ Россіи, Турція объявила ей вторую войну (1787 — 1791 гг.). Несмотря на блестящія побѣды русскихъ, война эта не привела къ существеннымъ результатамъ, такъ какъ въ это же время Екатеринѣ пришлось считаться съ нападеніемъ шведскаго короля (1788—1790 г.) и съ новыми замѣшательствами въ Польшѣ.

Итакъ, въ основѣ «восточной политики» императрицы лежали не только русскіе интересы, но также «греческій проектъ» и покровительство находящимся подъ гнетомъ магометанъ христіанамъ. Ихъ Екатерина старалась возмутить противъ турецкаго владычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ она относилась съ большимъ сочувствіемъ къ Грузіи и изъ-за нея начала войну съ Персіей въ послѣдній годъ своего царствованія (1796 г.). Тогда же она готовилась принять участіе въ коалиціи западно-европейскихъ державъ, ведшихъ борьбу съ республиканской Франціей, которая казнью Людовика XVI и терроромъ бросила вызовъ всей монархической Европѣ, а быстрыми успѣхами своихъ такъ-называемыхъ «революціонныхъ войнъ» грозила безопасности и спокойствію другихъ государствъ. Такъ осложнялась и запутывалась политика императрицы Екатерины II, бывшая, какъ

сказано, очень ясной и прямой по своей первоначальной идеѣ. При всѣхъ своихъ осложненіяхъ и невольныхъ колебаніяхъ она была однако въ общемъ блестящей и привела къ важнымъ послѣдствіямъ. Для Россіи такимъ послѣдствіемъ было рѣшеніе двухъ указанныхъ очередныхъ задачъ, а для всей Европы—исчезновеніе съ ея политической карты Польши и ослабленіе Турціи. Цѣлый рядъ побѣдъ окружилъ Россію ореоломъ военной славы. Особенно богаты такими побѣдами войны съ Турціей.

§ 55. Восточный вопросъ и вмѣшательство въ дѣла Западной Европы.

Первая турецкая война.

Первая турецкая война (1768—1774 г.) началась, какъ сказано, въ то время, когда Екатерина занята была Польскимъ вопросомъ. Усиленіе русскаго вліянія въ Польшѣ, съ которой Турція граничила на огромномъ пространствѣ, должно было сильно тревожить послѣднюю. Къ тому же турецкое правительство находилось подъ вліяніемъ французской дипломатіи, которая изъ-за соображеній какъ политическихъ (вслѣдствіе принадлежности Россіи къ «сѣверному аккорду»), такъ и религіозныхъ (Екатерина, какъ увидимъ, принудила польское правительство уравнять въ правахъ не-католиковъ съ католиками) подстрекала его къ борьбѣ съ Россіей. Предлогомъ къ войнѣ послужилъ набѣгъ запорожцевъ на пограничное турецкое мѣстечко Балту, отвѣтственность за который турки совершенно несправедливо приписали Россіи. И русская и турецкая арміи были плохо организованы, но турки превосходили своихъ враговъ численностью. Первое время война шла вяло вслѣдствіе нерѣшительности и неспособности русскаго главнокомандующаго кн. Голицына (сына знаменитаго петровскаго военачальника). Когда же онъ былъ замѣщенъ талантливымъ Румянцевымъ (бывшимъ Малороссійскимъ губернаторомъ), успѣхъ быстро склонился на сторону Россіи. Командуя небольшой (не превышавшей 30.000 человѣкъ) арміей, таявшей притомъ изъ-за неблагопріятнаго климата и отъ занесенной изъ Турціи чумы, Румянцевъ въ 1770 г. разбилъ татаръ на рѣкѣ Ларгѣ, а вскорѣ затѣмъ нанесъ страшное пораженіе турецкому визирю въ битвѣ при рѣкѣ Кагулѣ (здѣсь 17-ти-тысячный русскій отрядъ воевалъ съ 150-ти тысячнымъ полчищемъ враговъ), послѣ чего весь лѣвый берегъ Дуная былъ очищенъ отъ турокъ, и русскіе могли занять не только Молдавію, но и Валахію.

Столь же удачны были дѣйствія эскадры, посланной подъ начальствомъ Алексѣя Орлова въ Средиземное море, чтобы побудить грековъ къ возстанію противъ турецкаго владычества. Такая морская экспедиція была очень рискованной: русскій флотъ при преемникахъ Петра пришелъ, какъ извѣстно, въ упадокъ; между адмиралами не

было согласія, а Алексѣй Орловъ, хотя и отличался отчаянной рѣшимостью, однако былъ большимъ сумасбродомъ, завзятымъ интриганомъ и совсѣмъ не зналъ морского дѣла. Но Орлова выручило счастье и искусство подчиненныхъ. Правда, поднятое въ Пелопоннесѣ возстаніе не имѣло серьезнаго значенія, такъ какъ греки ограничивались въ сущности грабежомъ, но зато русскимъ удалось разбить турецкій флотъ при о. Хіосѣ, а затѣмъ (благодаря искусству адмираловъ Спиридова и Грейга) совершенно сжечь его въ Чесменской бухтѣ. По словамъ историка (Водовозова), «вся Чесменская бухта обратилась въ огненное море. Когда пламя стихло, вода помутнѣла отъ крови, отъ золы, отъ обугленныхъ корабельныхъ обломковъ. Въ ней плавали обгорѣлые трупы въ такомъ количествѣ, что трудно было разъѣзжать на лодкѣ. Спасся лишь одинъ турецкій корабль, который и отдался въ плѣнъ русскимъ».

Несмотря на побѣды, Екатерина, занятая польскими дѣлами, желала мира, хотя и отвергла посредничество иностранныхъ державъ. Однако мирные переговоры затягивались вслѣдствіе требовательности Россіи и неуступчивости Турціи, находившей явную и тайную поддержку въ иностранной дипломатіи. Лишь удачная экспедиція кн. Василія Долгорукова въ Крымъ (въ 1771 г.), перенесеніе Румянцевымъ (въ 1774 г.) войны за Дунай и движеніе Каменскаго и Суворова (прославившихся въ битвѣ при Шумлѣ) къ Балканамъ побудили турецкое правительство къ уступкамъ. Къ тому же и Екатерина, вознагражденная землями, доставшимися ей по первому польскому раздѣлу (въ 1773 году), и угрожаемая Пугачевскимъ бунтомъ, убавила свои требованія. Миръ былъ заключенъ въ 1774 г. въ селеніи Кучукъ-Кайнарджи (близъ Силистріи). По условіямъ его, Россія пріобрѣла Азовъ, Керчь, Еникале, Кинбурнъ, иными словами, побережье между Дономъ, Днѣпромъ и Бугомъ и восточный берегъ Азовскаго моря; обезпечила своимъ подданнымъ, пріѣзжающимъ по торговымъ дѣламъ въ Турцію, привилегированное положеніе; добилась у турецкаго правительства амнистіи возстававшимъ во время войны балканскимъ христіанамъ и получила право заступничества за нихъ; принудила Турцію къ уплатѣ контрибуціи (въ $4^1/_2$ милл. рублей) и къ признанію независимости татаръ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря и въ Крыму. Герои первой турецкой войны были щедро награждены императрицей, при чемъ А. Орловъ получилъ фамилію Чесменскаго, а Румянцевъ Задунайскаго.

Крымъ и Новороссійскій край.

Очень важнымъ условіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира было признаніе Портой независимости за крымскими татарами. Очевидно было, что независимость эта чисто призрачная: Крымское ханство, обособленное теперь отъ Турціи да еще разъѣдаемое внутренними смутами, не могло оставаться подъ-бокомъ у сильнаго сосѣда,—рано или поздно оно должно было стать его жертвой. Дѣй-

ствительно, въ Крыму уже существовала русская партія, которая все усиливалась. Вскорѣ Крымъ былъ наводненъ русскими войсками для возстановленія на престолѣ дружественнаго Россіи хана Шагинъ-Гирея. Однако подъ вліяніемъ убѣжденій русской дипломатіи, онъ въ 1783 г. окончательно уступилъ Екатеринѣ свои права на Крымъ, который былъ переименованъ въ Таврическую губернію. Россіи досталась такимъ образомъ обширная степная полоса на берегу Чернаго моря, получившая названіе Новороссіи. Она была отдана въ управленіе Потемкину, который долженъ былъ сдѣлать эту пустынную равнину опорнымъ пунктомъ для борьбы съ Турціей и использовать ея естественныя богатства. Поэтому Потемкинъ съ огромной энергіей занялся постройкой здѣсь городовъ (напр., Николаева, Херсона, затѣмъ Екатеринослава и др.) и привлеченіемъ иностранныхъ и русскихъ колонистовъ для заселенія края. Такъ, онъ приглашалъ сюда на льготныхъ условіяхъ нѣмцевъ, армянъ, замиренныхъ татаръ, раскольниковъ. Сюда же переселялись государственные крестьяне, а также крѣпостные разныхъ вельможъ, получавшихъ здѣсь огромныя земли. Потемкинъ всячески заботился о правильной постановкѣ хозяйства во ввѣренномъ ему краѣ и о развитіи въ немъ промышленности. Кромѣ того, онъ построилъ здѣсь нѣсколько крѣпостей и создалъ порядочный флотъ, гаванью для котораго былъ Севастополь. Екатерина пожелала осмотрѣть лично результаты дѣятельности Потемкина и въ 1787 г. предприняла путешествіе со всѣмъ дворомъ въ Крымъ. На ея пути наскоро сколачивались красивые дома, устраивались дороги, засаженныя деревьями, издалека сгонялся народъ. Во время остановокъ (напр., въ Кіевѣ) давались роскошныя, стоившія бѣшеныхъ денегъ, празднества. На нихъ приглашались не только иностранные послы и знаменитости, но и коронованныя особы. Такъ, напр., во время путешествія Екатерина встрѣтилась съ королемъ существовавшей еще тогда Польши, а затѣмъ съ императоромъ Іосифомъ II (извѣстнѣйшимъ представителемъ эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма»). Окружавшій императрицу блескъ долженъ былъ, по ея мнѣнію, произвести сильное впечатлѣніе на всю Западную Европу. Этотъ блескъ принялъ прямо сказочныя формы, когда Екатерина въѣхала въ предѣлы Новороссіи. Чтобы ослѣпить ее великолѣпіемъ этого края, Потемкинъ не остановился передъ устройствомъ настоящихъ декорацій и чисто театральныхъ зрѣлищъ на лонѣ природы: собранные изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ представители разныхъ народностей, населяющихъ Россію, разряженные въ пышные бутафорскіе національные костюмы и поселенные въ игрушечныхъ домикахъ, должны были своимъ бодрымъ и жизнерадостнымъ видомъ являть свое благополучіе. Городъ Херсонъ принялъ императрицу въ такомъ блестящемъ состояніи, что она сравнила его быстрое построеніе съ созданіемъ Петербурга, выросшаго при Петрѣ въ теченіе шести лѣтъ. Несмотря на всю показную декоративную сторону Потемкинской

Новороссіи, несомнѣненъ также и дѣйствительный прогрессъ этого края. Особенно порадовалъ Екатерину севастопольскій флотъ.

Греческій проектъ.

Въ Черноморской эскадрѣ императрица нуждалась для осуществленія своего новаго замысла. Такъ называемый «греческій проектъ» Екатерины, навѣянный успѣхами Россіи, состоялъ, какъ сказано, въ намѣреніи разрушить Турецкую имперію, а на развалинахъ ея возсоздать самостоятельное греческое государство. Новый престолъ Екатерина прочила своему младшему внуку съ тѣмъ, однако, чтобы онъ самъ и потомство его были лишены правъ на корону Россіи. Императрица настолько была увлечена этимъ проектомъ, что уже готовила Константина къ его будущей дѣятельности: очень рано начала учить его греческому языку, окружила его молодыми греками, для которыхъ основала даже особую школу въ Петербургѣ. Въ эти планы была посвящена и Австрія, также мечтавшая объ изгнаніи турокъ изъ Европы: восточный вопросъ былъ предметомъ оживленныхъ разговоровъ Екатерины съ Іосифомъ II во время посѣщенія послѣднимъ императрицы и совмѣстнаго путешествія ихъ въ Крымъ. Россія и Австрія уже въ 1779 г. обмѣнялись обязательствомъ союза и особой помощи именно въ этихъ дѣлахъ. Говорили даже о неизбѣжности раздѣла Турціи.

Отношеніе къ Западной Европѣ.

Такія же смѣлыя намѣренія Екатерина II проявляла и по отношенію къ Западной Европѣ: въ 1780 г., по ея предложенію, были приняты правила (составленныя Н. Панинымъ) о «вооруженномъ нейтралитетѣ», которыя давали возможность безпрепятственнаго плаванія торговымъ судамъ странъ, не принимавшихъ участія въ ведшейся въ это время войнѣ Англіи съ Американскими колоніями. «Вооруженный нейтралитетъ» былъ направленъ противъ Англіи, которая часто арестовывала суда нейтральныхъ державъ, подозрѣвая ихъ въ провозѣ военной контрабанды. Нѣсколько раньше, въ 1779 г., Екатерина II своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ прекратила распри между Австріей и Пруссіей изъ-за Баварскаго наслѣдства и принудила ихъ къ Тешенскому миру. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица вмѣшивалась во внутреннюю жизнь не только Польши и Курляндіи (которую она вернула Бирону, поставивъ его, однако, въ зависимость отъ себя), но и Швеціи.

Шведская война.

Послѣднюю русскіе дипломаты старались ослабить, поддерживая въ ней внутренніе безпорядки и способствуя возвышенію аристократіи, враждовавшей съ королемъ, тогда какъ французская дипломатія, напротивъ, дѣйствовала въ пользу усиленія власти короля, помогала его вооруженіямъ и сближала Швецію съ Турціей. Итакъ, Швеція, гдѣ царствовалъ въ это время Густавъ III, сдѣлалась ареной борьбы русскаго и французскаго вліянія. Отношенія между Густа-

вомъ III и Екатериной II были очень натянутыми и не улучшались несмотря на попытки личныхъ переговоровъ. Скоро между сосѣдями началась рѣзкая дипломатическая переписка, а въ 1788 г. Густавъ III безъ вѣдома народныхъ представителей (что противорѣчило конституціи) объявилъ Россіи войну, надѣясь безъ труда отвоевать у нея восточную Финляндію. Дѣйствительно обстоятельства слагались очень невыгодно для Россіи, такъ какъ ея главныя военныя силы были отвлечены происходившей, какъ увидимъ, въ это время второй войной съ Турціей, а большинство иностранныхъ державъ заняли неблагопріятное для нея положеніе. Тѣмъ не менѣе война оказалась болѣе легкой, чѣмъ можно было ждать. Шведскій флотъ, посланный для захвата Кронштадта, долженъ былъ вернуться назадъ послѣ жаркой битвы съ русской эскадрой адмирала Грейга у Гохланда. Военныя дѣйствія на сушѣ шли съ перемѣннымъ успѣхомъ и довольно вяло, тѣмъ болѣе, что при осадѣ Фридрихсгама Густаву III пришлось встрѣтиться съ явнымъ возмущеніемъ войска, отказавшагося вести войну, не разрѣшенную государственными чинами. Шведскіе офицеры-дворяне вступили даже въ непосредственные переговоры съ Екатериной II. Королю пришлось ѣхать въ Швецію, чтобы съ помощью простонародья сломить враждебную аристократическую партію. Достигнувъ этого, онъ возобновилъ въ 1790 г. военныя дѣйствія. Однако нападеніе шведскаго флота на Ревель было отбито Чичаговымъ, а битва вблизи Кронштадта (выстрѣлы были слышны въ Петербургѣ) закончилась тѣмъ, что шведы отступили въ Выборгскую бухту, откуда вырвались съ большимъ трудомъ. Одержавъ затѣмъ побѣду надъ русскими при Свенкундѣ, Густавъ III началъ мирные переговоры, хотя имѣлъ еще возможность продолжать войну. Миръ, заключенный въ 1790 г. въ Верельской долинѣ (у р. Кюмени) не далъ никакихъ пріобрѣтеній ни той, ни другой сторонѣ. Однако Екатерина должна была признать перемѣны, совершившіяся въ Швеціи (упадокъ аристократической партіи) и обязалась не вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Императрица радовалась этому миру, такъ какъ была сильно озабочена второй турецкой войной.

Вторая турецкая война.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ не могъ быть прочнымъ: Россія была неудовлетворена имъ, а турки раздражались на нарушеніе его условій. Союзъ съ Австріей, присоединеніе Крыма, постройка пограничныхъ крѣпостей, ростъ севастопольскаго флота, вмѣшательство русской дипломатіи въ египетскія дѣла,—все это должно было пугать Турцію, податливую притомъ, какъ и прежде, внушеніямъ иностранныхъ дипломатовъ. Поэтому война была неизбѣжна; и дѣйствительно, въ 1787 г. турецкое правительство обратилось къ русскому съ ультиматумомъ (требованіемъ) объ отказѣ отъ Крыма, удаленіи русскихъ консуловъ изъ нѣкоторыхъ турецкихъ владѣній и отводѣ русскихъ войскъ отъ турецкихъ границъ. Слѣдствіемъ этого ультиматума и

была вторая турецкая война (1787—1791 г.), происходившая на сушѣ и на морѣ. Сухопутная армія раздѣлена была на двѣ части: меньшая (37.000 чел.), подъ начальствомъ Румянцева, сосредоточена была между Прутомъ и Бугомъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ австрійцами, большая (80.000 чел.), отданная подъ команду Потемкина, занимала сѣверное побережье Чернаго моря и предназначалась для наступательной борьбы. Румянцевъ, обиженный первенствующимъ положеніемъ Потемкина, занявъ Яссы, уклонялся отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, а затѣмъ и вовсе вышелъ въ отставку. Потемкину военное счастіе долго не улыбалось: его гордость—севастопольскій флотъ—страшно пострадалъ отъ бури и требовалъ полнаго ремонта; защищаемая имъ крѣпость Кинбурнъ подвергалась большой опасности, и лишь Суворову удалось отразить турокъ отъ нея; осада турецкой крѣпости Очакова (противолежащей Кинбурну) затянулась надолго, а взятіе ея штурмомъ (въ декабрѣ 1788 г.) потребовало огромныхъ жертвъ. Успѣхъ перешелъ на сторону Россіи лишь въ 1789 г., когда душою войны сдѣлался Суворовъ. Изъ многихъ подвиговъ этого героя слѣдуетъ отмѣтить одержанныя имъ совмѣстно съ австрійцами побѣды при г. Фокшанахъ и на рѣкѣ Рымникѣ (за послѣднюю побѣду онъ получилъ титулъ графа Рымникскаго), а также взятіе въ 1790 г. (16 декабря) сильной крѣпости Измаила, защищаемой 35-тью тысячами человѣкъ гарнизона и 300-ми пушками. Въ борьбѣ за Измаилъ противники выказали самое отчаянное мужество и жестокость: по словамъ историка (Водовозова), «турецкія женщины и дѣти — всѣ участвовали въ битвѣ: осаждающихъ обливали варомъ, осыпали камнями. Послѣ взятія стѣнъ, внутри города приходилось брать чуть не каждый домъ. Общая рѣзня продолжалась съ 9 до 4 ч.; да потомъ городъ отданъ былъ на три дня на разграбленіе. Чуть не весь гарнизонъ и населеніе Измаила перебиты; русскихъ погибло не менѣе 10.000 человѣкъ».

Въ то время, какъ Суворовъ бралъ крѣпости турокъ, адмиралъ Ушаковъ наносилъ пораженія ихъ флоту, показываясь то у береговъ Малой Азіи, то чуть не въ виду Константинополя. Турція склонялась къ миру; Россія, несмотря на удачи, тоже тяготилась войной: въ 1790 г. скончался союзникъ Екатерины II Іосифъ II, а при его преемникѣ Леопольдѣ II императрица не могла расчитывать на австрійскія войска. Къ тому же вниманіе дипломатовъ занято было теперь польскими и французскими дѣлами. Наиболѣе страстный приверженецъ «греческаго проекта», Потемкинъ оставилъ театръ войны, чтобы поправлять свое пошатнувшееся положеніе при дворѣ, гдѣ появился соперникъ ему въ лицѣ гр. Платона Зубова. Въ отсутствіе Потемкина замѣщавшій его генералъ (Репнинъ) заключилъ съ турками перемиріе. Потемкинъ поспѣшилъ тогда вернуться къ арміи, чтобы выговорить выгодныя условія мира, но, не успѣвъ закончить дѣла, умеръ (5 октября 1791 г.). Для окончанія перегово-

ровъ посланъ былъ Безбородко, который въ концѣ 1791 г. заключилъ мирный договоръ въ Яссахъ, подтверждавшій условія Кучукъ-Кайнарджійскаго, признававшій права Россіи на Крымъ и уступавшій ей Очаковъ вмѣстѣ съ землями между Бугомъ и Днѣстромъ.

Грузія и персидскія дѣла.

Такимъ образомъ условія мира далеко не соотвѣтствовали «греческому проекту». Не осуществился также другой восточный проектъ императрицы о созданіи могущественнаго христіанскаго государства за Кавказскимъ хребтомъ въ противовѣсъ Персіи и азіатскимъ владѣніямъ Турціи. Проектъ этотъ стоялъ въ связи съ дѣлами Грузіи. Эта страна, раздѣленная на нѣсколько почти несвязанныхъ другъ съ другомъ частей, терзаемая внутренними смутами и угрожаемая непрестанными набѣгами кавказскихъ народцевъ, персовъ и турокъ, издавна (еще со времени Іоанна III) обращала свои взоры къ Россіи, отдаваясь подъ ея покровительство. Русскіе государи помогали грузинскимъ властителямъ и дипломатической поддержкой и деньгами. Въ свою очередь Петръ I, начавъ борьбу съ Персіей, ожидалъ помощи отъ Грузіи, на это же надѣялась и Екатерина, принявшая мѣры для сближенія ея съ Россіей. Однако екатерининскіе уполномоченные слишкомъ прямолинейно поняли обрусительныя задачи и своимъ отношеніемъ оскорбляли и отталкивали грузинъ. Тѣмъ не менѣе живыя сношенія съ Грузіей продолжались, а когда она подверглась страшному нашествію персидскаго шаха, разрушившаго до основанія Тифлисъ, Екатерина въ 1796 г. начала войну съ Персіей, пославъ туда военачальникомъ гр. В. Зубова (брата Платона Зубова). Военныя дѣйствія продолжались однако не долго, такъ какъ преемникъ скончавшейся въ этомъ же году императрицы Павелъ I поспѣшилъ заключить миръ.

Изъ изложеннаго видно, что восточная политика Екатерины II привела лишь къ тѣмъ результатамъ, какіе были необходимы для того, чтобы обезопасить Россію отъ набѣговъ ея мусульманскихъ сосѣдей и ввести ее въ естественныя границы. Широкіе же планы и проекты остались неисполненными. Крушеніе ихъ объясняется не только истощеніемъ Россіи отъ трудныхъ войнъ, противодѣйствіемъ другихъ державъ и отсутствіемъ мощной поддержки со стороны христіанскихъ подданныхъ Турціи, но также тѣмъ, что, какъ уже не разъ было отмѣчено, императрица непрестанно отвлекалась отъ восточной политики второй не менѣе важной задачей—рѣшеніемъ вѣкового спора Россіи съ Польшей.

§ 56. Польскій вопросъ.

Отношеніе Россіи къ Польшѣ до Екатерины II.

До половины XVII вѣка въ столкновеніяхъ, часто происходившихъ между Московскимъ и Польскимъ государствами, на долю перваго доставалась обыкновенно оборонительная роль, на долю второго—наступательная, и въ Смутное время Московская Русь едва не сдѣлалась достояніемъ Польши. Поворотъ въ ихъ отношеніяхъ произошелъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ, когда присоединеніе Малороссіи нанесло Рѣчи Посполитой первый чувствительный ударъ съ востока. Въ правленіе царевны Софіи польское правительство должно было отказаться отъ мщенія и согласилось на «вѣчный миръ» съ своей сосѣдкой. Петръ Великій, выручавшій изъ бѣды своего злополучнаго союзника Августа II, властно вмѣшивался въ польскія дѣла, Анна Іоанновна, посадивъ на престолъ Польши Августа III, держала свои войска въ ея владѣніяхъ и распоряжалась ея дѣлами. Такимъ образомъ, русское вліяніе пустило глубокіе корни въ почву Рѣчи Посполитой. Впрочемъ, Россія не представляла исключенія: въ дѣла Польши усиленно вмѣшивались государи Пруссіи, уже съ начала XVIII вѣка носившіеся съ мыслью о «раздѣлѣ» нѣкоторыхъ ея владѣній и о присвоеніи себѣ тѣхъ ея земель, которыя дѣлали черезполосной прусскую территорію (отдѣляя Бранденбургъ отъ собственной Пруссіи). На сеймы, избиравшіе королей, оказывали, кромѣ того, свое давленіе также Австрія, Франція и другія державы. Столь усиленное иноземное вмѣшательство объясняется слабостью Польши XVIII в., а ея слабость—политическими и общественными нестроеніями, экономической отсталостью и нравственной разрухой. По выраженію самихъ же поляковъ, «Польша держалась безпорядкомъ». Дѣйствительно, безпорядокъ — отличительная черта ея политическаго строя. Власть короля, избираемаго сеймомъ подъ давленіемъ иностранной дипломатіи, а иногда и подъ прямой угрозой иностранныхъ штыковъ, сдѣлалась пустымъ звукомъ. Онъ могъ пользоваться извѣстнымъ вліяніемъ лишь тогда, когда обладалъ большими личными средствами или иноземной поддержкой. Въ противномъ случаѣ онъ превращался въ статиста, украшеннаго титуломъ и внѣшними почестями, но лишеннаго всякаго значенія. Вся полнота власти перешла къ сейму, состоявшему изъ «пословъ», избираемыхъ только изъ среды шляхты на «повѣтовыхъ сеймикахъ», и руководившему какъ внѣшней, такъ и внутренней политикой (объявленіемъ войны, заключеніемъ мира, изданіемъ новыхъ законовъ, введеніемъ налоговъ, расходованіемъ казенныхъ средствъ и т. д.). Однако, полновластный сеймъ вовсе не былъ способенъ къ плодотворной дѣятельности вслѣдствіе того, что всѣ дѣла должны были рѣшаться на немъ не по большинству голосовъ, а еди-

Состояніе Польши въ XVIII вѣкѣ.

ногласно: способъ «единогласнаго» рѣшенія приводилъ къ тому, что каждый несговорчивый или подкупленный посолъ своимъ возраженіемъ (выраженнымъ словомъ «не позволяю») могъ «сорвать сеймъ», т. е. уничтожить его постановленіе. (Право такого возраженія называлось liberum veto, т. е. «свободнымъ запрещеніемъ»). Но и въ томъ случаѣ, если состоялось единогласное рѣшеніе, оно далеко не всегда имѣло обязательную силу: несогласная съ нимъ шляхта могла образовать въ видѣ протеста противъ него «конфедерацію», т. е. союзъ, и добиваться пересмотра дѣла. Конфедераціи составлялись и противъ короля, выносили свои постановленія, настаивая на признаніи за ними законной силы, а иногда проводили своего избранника на престолъ. Кромѣ конфедерацій, королю угрожалъ и «рокошъ», т. е. вооруженное возстаніе шляхты, отстаивающей свои права. Понятно, что безсиліе короля, «liberum veto», конфедераціи и рокоши, внося полный безпорядокъ въ политическую жизнь Рѣчи Посполитой, обрекали ее вмѣстѣ съ тѣмъ на полный застой, неподвижность, приводили къ крушенію всѣ попытки реформы. А между тѣмъ реформы были необходимы, особенно реформы общественныя, такъ какъ общественный строй Польши былъ не менѣе несовершененъ, чѣмъ политическій. Онъ характеризовался рѣзкимъ неравенствомъ сословій. Привилегированная, замкнутая шляхта, всѣ представители которой пользовались юридически (т. е. по закону) одинаковыми правами («шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ»), въ дѣйствительности распадалась на всесильныхъ богатыхъ магнатовъ и вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ, обнищавшихъ шляхтичей, превратившихся какъ бы въ кліентовъ вельможъ и игравшихъ роль слѣпого орудія въ ихъ рукахъ; приниженное городское населеніе состояло почти сплошь изъ нѣмецкихъ колонистовъ и особенно евреевъ, наводнившихъ всѣ польскіе города и мѣстечки, а крестьяне или кметы находились въ совершенно рабскомъ состояніи. Неравенство правъ соединялось съ самымъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Все землевладѣніе сосредоточивалось въ рукахъ шляхты, мало интересовавшейся однако сельскимъ хозяйствомъ и ведшей его самымъ неразумнымъ способомъ. Торговопромышленная дѣятельность была въ пренебреженіи; легкая нажива предпочиталась работѣ надъ экономическимъ развитіемъ страны. Крестьянство, всячески эксплоатируемое и паномъ, и его управляющимъ, и евреями, было обречено на нищенскую жизнь. Легко понять, насколько отсталой была Польша въ экономическомъ отношеніи.

Очевидецъ-иностранецъ самыми мрачными красками описываетъ Польшу. «Огромная страна почти вся покрыта печальными соснами; лишь на большомъ пространствѣ одну отъ другой встрѣтите немногія обработанныя нивы, подобно островамъ на океанѣ. Населеніе бѣдное живетъ въ рабствѣ; въ деревняхъ грязь, хижины мало чѣмъ отличаются отъ шатровъ дикарей, — такъ что, когда пріѣдете сюда

изъ Германіи, вамъ покажется, что вы возвратились на нѣсколько вѣковъ назадъ, къ временамъ кочующихъ гунновъ. Но посреди этихъ пустырей и лѣсовъ найдете вы и нѣсколько богатыхъ, населенныхъ городовъ, а около нихъ на большихъ разстояніяхъ раскинуты палаты свободныхъ и горделивыхъ дворянъ. Тамъ, какъ въ средніе вѣка, слышатся воззванія за честь, за свободу; тамъ, въ обширныхъ залахъ, со стариннымъ гостепріимствомъ, встрѣчаютъ васъ учтивые и воинственные, подобно рыцарямъ, паны и миловидныя дамы, которыя съ красотою соединяютъ какой-то романтическій, геройскій пылъ, какъ будто онѣ шли сейчасъ предсѣдать на турнирѣ, возбуждая къ подвигамъ своихъ мужей и возлюбленныхъ». (Слова Сегюра въ переводѣ историка Водовозова).

Недостатки политическаго, общественнаго и экономическаго быта очень неблагопріятно отзывались на духовной жизни польскаго народа. Правда, «златая вольность», которою такъ гордилась шляхта, должна была питать самыя благородныя чувства: сознаніе собственнаго достоинства, духъ независимости, самодѣятельность и смѣлость. Но она возбуждала и дурные инстинкты: тщеславіе, своеволіе, буйство, задоръ, склонность къ распрямъ, которая при свойственномъ многимъ полякамъ увлекающемся и непостоянномъ темпераментѣ принимала самые грозные размѣры. Сословный гоноръ внушалъ презрѣніе ко всякому труду, кромѣ воинскихъ похожденій, а жажда удовольствій и исканіе беззаботной жизни проявлялись въ мотовствѣ и сказочной роскоши, приводившимъ къ разоренію. Промотавшіе собственное состояніе шляхтичи продавали иногда свои услуги и свои политическія права покровителямъ - магнатамъ или, что еще хуже, продавались иностранной дипломатіи. Къ этому присоединилась еще безудержная религіозная нетерпимость, питаемая іезуитами, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось все народное образованіе. Правда, въ XVI вѣкѣ, въ эпоху реформаціи, Польша кичилась своимъ религіознымъ вольномысліемъ, но іезуиты совершенно задушили его и внушили шляхтѣ непримиримую вражду къ «диссидентамъ», т. е. некатоликамъ, къ числу которыхъ относились польскіе протестанты и, особенно, многочисленное православное населеніе, не принявшее Брестской уніи 1596 г. и потому объявленное «схизматическимъ», т. е. отколовшимся отъ церкви и лишеннымъ всякихъ политическихъ правъ. Исканіе этихъ правъ побуждало, какъ уже упоминалось раньше, православныхъ польскихъ дворянъ вступать въ ряды уніатовъ и католиковъ, и вѣрной православію оставалась преимущественно крестьянская масса, особенно въ правобережной Украйнѣ. Шляхта стала поэтому относиться къ нему какъ къ «хлопской», «собачьей» вѣрѣ, достойной презрѣнія, всяческихъ преслѣдованій и открытаго гоненія.

Такимъ образомъ общественная рознь, возбуждаемая развившимся до крайности крѣпостнымъ правомъ, осложнялась еще религіозной:

въ лицѣ гонимыхъ православныхъ крестьянъ близорукая шляхта нажила себѣ самыхъ озлобленныхъ внутреннихъ враговъ, которые порою стряхивали съ себя рабскія цѣпи, превращались въ разбойничьи шайки «гайдамаковъ» и безпощадной расправой надъ панами и евреями отплачивали за свои нестерпимыя страданія. Этимъ дѣло не ограничивалось: «диссидентскій вопросъ» создалъ для Польши также серьезныя международныя осложненія и послужилъ, какъ увидимъ, «началомъ ея конца».

Диссидентскій вопросъ.

Преслѣдованіе православныхъ давало русскому правительству вѣскій и благородный предлогъ для вмѣшательства въ польскія дѣла. При Алексѣѣ Михайловичѣ, Петрѣ I, Аннѣ и Елизаветѣ оно ограничивалось дипломатическими ходатайствами за православныхъ, на что сеймъ отвѣчалъ обѣщаніями, не думая ихъ исполнять. Екатерина II взялась за дѣло энергично, задавшись цѣлью подчинить политическую жизнь Польши вполнѣ своему вліянію и добиться уравненія диссидентовъ съ католиками. Для этого, послѣ смерти Августа III, она настояла на образованіи конфедераціи, которая, по ея указанію, провозгласила королемъ хорошо извѣстнаго ей и многимъ обязаннаго Станислава-Августа Понятовскаго (родственника вліятельныхъ магнатовъ Чарторыйскихъ). Императрица надѣялась, что онъ своимъ образованіемъ, изысканной свѣтскостью и добротой сумѣетъ снискать расположеніе народа и въ то же время, вслѣдствіе своей безхарактерности, будетъ послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Дѣйствительно, имѣя меньше, чѣмъ кто либо изъ другихъ претендентовъ, правъ на престолъ и держась на немъ только при помощи русскихъ, легкомысленный и нерѣшительный Станиславъ не могъ перечить императрицѣ. Однако поставленный въ водоворотъ враждебныхъ партій и иностранныхъ вліяній, онъ научился двуличію и втайнѣ переметывался изъ стороны въ сторону, ища поддержки то у польскихъ патріотовъ, возмущавшихся русскимъ вмѣшательствомъ, то у Пруссіи, то у Турціи. Поэтому Екатерина II приставила къ нему какъ бы опекуна въ видѣ русскаго посланника, властнаго и рѣзкаго Репнина, опиравшагося на квартировавшее въ Польшѣ русское войско. Далѣе, войдя въ соглашеніе съ Прусскимъ королемъ, императрица поручила Репнину добиться равноправія диссидентовъ съ католиками. Когда сеймъ съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе, Репнинъ составилъ конфедерацію, которая, по его настоянію, должна была признать покровительство Россіи и дать права диссидентамъ. Чтобы заставить созванный затѣмъ сеймъ признать рѣшеніе конфедераціи, Репнину пришлось прибѣгнуть къ прямому насилію, арестовавъ однихъ изъ несговорчивыхъ пословъ и разоривъ имѣнія другихъ. Только тогда, въ 1768 г., принятъ былъ законъ о равноправіи диссидентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ, опять таки не безъ вліянія Репнина, провелъ нѣсколько полезныхъ реформъ, улуч-

шавшихъ бытъ крестьянъ. Въ свою очередь императрица обязалась охранять неприкосновенность польскихъ учрежденій, порядковъ и территоріи.

Барская конфедерація и возстаніе гайдамаковъ.

Событія 1768 г. затронули религіозныя, сословныя и патріотическія чувства значительной части шляхты, негодовавшей на предоставленіе правъ диссидентамъ, на ограниченія панскаго суда надъ хлопами, на протекторатъ Россіи. Недовольные образовали (во почину епископа Красинскаго) конфедерацію въ г. Барѣ, протестуя противъ постановленій сейма 1768 г. и русскаго вмѣшательства, и вступили въ сношенія съ иностранными державами, въ томъ числѣ съ Турціей, воевавшей тогда съ Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ барскіе конфедераты начали неистово преслѣдовать православныхъ на Украйнѣ. Эти преслѣдованія воспламенили рѣдкое по своей жестокости возстаніе гайдамаковъ, поднявшихся подъ предводительствомъ козаковъ Желѣзняка и Гонты и заливавшихъ Украйну панской и еврейской кровью. Особенно безпощадная рѣзня произведена была въ г. Умани. Движеніе принимало характеръ страшнаго «очищенія», происшедшаго во времена Хмельницкаго.

Императрица Екатерина II не могла допустить такого кровопролитія и послала войска какъ для борьбы съ конфедератами, такъ и для усмиренія гайдамаковъ. Съ послѣдними удалось скоро справиться, но конфедераты, нашедшіе помощь во Франціи, приславшей имъ своихъ офицеровъ (среди которыхъ находился знаменитый впослѣдствіи Дюмурье), доставили не мало хлопотъ. Лишь въ 1772 г. Суворову удалось нанести окончательное пораженіе ихъ главному предводителю (кн. Огинскому, смѣнившему бѣжавшаго за границу кн. Радзивилла).

Первый раздѣлъ.

Между тѣмъ за время борьбы съ конфедератами прусскія и австрійскія войска вступили въ предѣлы Польши, и Фридрихъ II настаивалъ на отобраніи у нея нѣсколькихъ областей въ пользу Пруссіи, Россіи и Австріи, вводившихъ въ ней порядокъ. Екатерина II согласилась на такое рѣшеніе и вознаградила себя Бѣлоруссіей, предоставивъ Австріи (въ сущности вовсе не принимавшей участія въ подавленіи безпорядковъ) овладѣть Галиціей, а Пруссіи—Помераніей и частью Великой Польши (эти области, вносившія черезполосицу во владѣнія Фридриха II, давно были облюбованы имъ).

Польскій сеймъ 1773 г., подъ давленіемъ русскаго посланника Штакельберга и въ виду русскаго войска, долженъ былъ согласиться на этотъ такъ называемый «первый раздѣлъ» Польши (1773 г.).

Признаки возрожденія и конституція 3 мая.

Послѣ такого тяжелаго удара въ Польшѣ стали проявляться признаки возрожденія: принято было нѣсколько мѣръ для развитія торговли и промышленности, для распространенія просвѣщенія и освобожденія его отъ церковной опеки; замышлялось увеличеніе войска; отдѣльные магнаты улучшали бытъ своихъ крестьянъ; развивалась литература, посвященная славному прошлому Польши или отражавшая въ себѣ идеи, которыми жила Франція этого времени, готовившаяся къ кореннымъ реформамъ. Въ произведеніяхъ Сташица и Коллонтая подвергся рѣзкой критикѣ общественный строй Польши. Патріоты жертвовали свои драгоцѣнности на содержаніе войска, соглашались на новые налоги. Пламенно мечтая объ освобожденіи отъ русскаго вліянія, они возлагали свои надежды на Пруссію, которая заигрывала съ ними только потому, что надѣялась получить недостающіе еще ей для уничтоженія черезполосицы города Данцигъ и Торнъ (Фридрихъ Вильгельмъ II, преемникъ Фридриха II, говорилъ, что «если бы эти города были прикованы къ небу, онъ и тогда бы добылъ ихъ»). Надѣясь на помощь Пруссіи и пользуясь тѣмъ, что Россія была отвлечена второй турецкой войной, либеральная патріотическая партія, вдохновленная примѣромъ французскаго учредительнаго собранія, готовилась ввести въ Польшѣ новую конституцію, которая: 1) провозглашала религіозную терпимость (при признаніи однако католической вѣры господствующей), 2) уничтожала язвы польскаго строя (liberum veto и конфедераціи), 3) давала дѣйствительную силу правительству, дѣлая королевскій санъ наслѣдственнымъ и устанавливая отвѣтственность передъ сеймомъ министровъ, пользующихся исполнительной властью, 4) расширяла составъ законодательнаго сейма введеніемъ въ него представителей отъ мѣщанъ, 5) сглаживала сословныя противорѣчія, давая мѣщанамъ-землевладѣльцамъ шляхетскія права и покровительствуя улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ.

Эта конституція, составленная Коллонтаемъ, имѣла самыхъ ревностныхъ приверженцевъ въ лицѣ Малаховскаго, Нѣмцевича, Хребтовича, Игнатія и Станислава Потоцкихъ, Сапѣги и другихъ. Они высказывали много энтузіазма, готовясь къ дѣлу, котораго, какъ говорили они, «цѣлые вѣка дожидались». Девизомъ ихъ были слова: «король съ народомъ, народъ съ королемъ». Подчеркивая свои демократическія наклонности, аристократы-либералы записывались въ мѣщанскія книги. На сеймѣ раздавались самыя пылкія, прекрасныя рѣчи. Однако оппозиція противъ нихъ была очень сильна... Насколько фанатично были настроены сторонники существующаго строя, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ (Сухоржевскій) привелъ на сеймъ своего шестилѣтняго сына и грозилъ убить его на глазахъ у всѣхъ, чтобы онъ не видѣлъ паденія шляхетской вольности, которое будетъ, по его мнѣнію, слѣдствіемъ новой конституціи. Чтобы под-

готовить почву для принятія ея, конституціоналисты должны были прибѣгнуть даже къ обману, внеся ее на обсужденіе сейма тогда, когда большинство пословъ было въ разъѣздѣ. 3 мая 1791 г., послѣ жаркихъ преній, конституція была принята, къ великому восторгу всѣхъ тѣхъ, кто искренно желалъ возрожденія Польши. Но надежды ихъ рухнули прежде, чѣмъ конституція успѣла дать полезные результаты: очень скоро появились зловѣщіе признаки, сулящіе неминуемую гибель дѣлу, совершенному съ такимъ энтузіазмомъ небольшой сравнительно группой мечтателей-патріотовъ. Ударъ былъ нанесенъ ихъ же соплеменниками.

Тарговицкая конфедерація.

Значительное большинство шляхты дорожило прежнимъ «безпорядкомъ» и «златою вольностью». Поэтому въ м. Тарговицахъ составилась конфедерація приверженцевъ старины. Ихъ руководители (Щенсный-Потоцкій, Ржевусскій и Браницкій) отправились въ Петербургъ и обратились за помощью къ императрицѣ, которая въ 1768 г. ручалась, какъ извѣстно, за неприкосновенность польскаго политическаго строя, но, будучи занята второй турецкой войной, оставалась какъ бы безучастной зрительницей переворота 3 мая. Окончаніе войны давало возможность, а обращеніе конфедератовъ—благовидный поводъ рѣшительно вмѣшаться въ польскія дѣла, тѣмъ болѣе, что Екатерина II не могла допустить, чтобы вершителемъ судебъ Польши сдѣлался прусскій король. Поэтому въ 1792 г. императрица издала декларацію (т. е. объявленіе), въ которой рѣзко осуждала конституцію 3-го мая, признавая ее вредной для «старой польской свободы», а вслѣдъ затѣмъ двинула многочисленныя русскія войска въ предѣлы Польши, поручивъ имъ повсемѣстно составлять конфедераціи противъ конституціи и опираться на православное населеніе Рѣчи Посполитой. Положеніе польскаго конституціоннаго правительства было безнадежнымъ. Его плохо-организованная армія, подъ начальствомъ Іосифа Понятовскаго, терпѣла пораженія. Изъ военачальниковъ одинъ только Тадеушъ Косцюшко, мелкій шляхтичъ по происхожденію, убѣжденный другъ народа и энтузіастъ свободы (онъ сражался когда то въ качествѣ волонтера въ рядахъ американцевъ, отстаивавшихъ свою независимость), оказывалъ отчаянное сопротивленіе русскимъ войскамъ, но и оно было сломлено. Скоро вся Польша оказалась въ рукахъ русскихъ. Король Станиславъ-Августъ, совершенно растерявшійся, долженъ былъ, послѣ многихъ колебаній, распустить войско и присоединиться къ Тарговицкой конфедераціи, которая чувствовала себя временнымъ правительствомъ, хотя въ сущности состояла въ полномъ подчиненіи у русскаго посланника Сиверса. Вожди конституціоналистовъ, послѣ тщетныхъ попытокъ получить помощь отъ Пруссіи и Австріи и договориться съ Россіей, должны были эмигрировать. Они не знали, что тѣ три державы, къ которымъ обращались они, уже составили секретный договоръ о но-

вомъ раздѣлѣ Польши, и что душою этого раздѣла былъ опять прусскій король, такъ недавно обольщавшій патріотовъ, а теперь занявшій своимъ войскомъ западныя провинціи Польши. Впрочемъ, и конфедераты не подозрѣвали о возможности такого раздѣла: они думали, что Екатерина II безкорыстно вступилась за ихъ «старую свободу». Между тѣмъ главная обязанность, возложенная императрицей на Сиверса, заключалась именно въ побужденіи поляковъ къ уступкѣ облюбованныхъ Россіей и Пруссіей земель (Австрія за свое согласіе на раздѣлъ должна была получить вознагражденіе на счетъ Баваріи).

Второй раздѣлъ.

Необходимость сокращенія размѣровъ Рѣчи Посполитой оправдывалась тѣмъ, будто она заражена «якобинскимъ духомъ». Сиверсъ съ неукротимой настойчивостью сталъ исполнять данное ему порученіе, прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы на предстоящій сеймъ попали только сговорчивые послы, и всячески подкупая ихъ. Засѣданія сейма назначены были въ Гроднѣ. Сюда вынужденъ былъ явиться и несчастный король. Посредствомъ цѣлаго ряда угрозъ Сиверсу удалось настоять на уступкѣ Россіи области, соотвѣтствующей нынѣшнимъ Минской, Волынской и Подольской губерніямъ. Когда же онъ поднялъ вопросъ объ отчужденіи въ пользу Пруссіи Данцига, Торна и остальной части Великой Польши, то никакія насилія не помогли. Тогда Сиверсъ пошелъ напроломъ: окруживъ солдатами зданіе, въ которомъ засѣдалъ сеймъ, и пригласивъ въ залу засѣданія русскаго генерала, онъ заявилъ посламъ, что не выпуститъ ихъ, пока они не согласятся на требованія Пруссіи. Своего согласія послы все-таки не дали: убѣдившись въ безплодности всѣхъ протестовъ, они рѣшили просто молчать. Нѣсколько часовъ продолжалось «нѣмое засѣданіе». Гробовымъ молчаніемъ отвѣчалъ сеймъ на повторные вопросы о раздѣлѣ. Молчаніе истолковано было какъ «знакъ согласія». Такъ состоялся въ 1793 г. второй раздѣлъ Польши, по которому Россія и Пруссія получили указанныя земли, при чемъ императрица обѣщала не посягать на оставшуюся за Польшей территорію. «Нѣмое засѣданіе» было только заключительнымъ аккордомъ гродненскаго сейма 1793 г., исторія котораго вообще богата драматическими эпизодами. Правда, Станиславъ-Августъ игралъ очень жалкую роль: онъ то оправдывался передъ императрицей и Сиверсомъ и выслушивалъ выговоры отъ конфедератовъ, то произносилъ патріотическія рѣчи, то спрашивалъ, какую сумму онъ можетъ получить отъ русскаго правительства за отреченіе отъ престола, и собирался путешествовать въ Италію, то принимался плакать и изливать «свои страданія» передъ Сиверсомъ. Но многіе депутаты выказали большой патріотизмъ: несмотря на все противодѣйствіе Сиверса, на сеймъ проникло нѣсколько конституціоналистовъ, которые убѣждали своихъ сотоварищей лучше умереть, чѣмъ согласиться на раздѣлъ. Даже конфедераты клялись, что они никогда не стали бы

искать помощи Россіи, если бы предвидѣли ея стремленіе къ раздѣлу. Отступивъ передъ натискомъ Сиверса, который отъ подкуповъ перешелъ къ арестамъ пословъ и грозилъ разорить имѣнія всѣхъ несговорчивыхъ и не уплатить за продовольствіе русскаго войска, нѣкоторые депутаты старались оправдать въ своихъ глазахъ уступку земель Россіи тѣмъ, что Польша во многомъ сама виновата передъ нею, и что «Москва происходитъ отъ одного съ поляками племени и мало разнится по обычаямъ». Однако къ Пруссіи депутаты пылали непримиримой ненавистью, говоря, что съ нею они никогда не сойдутся, и что пока «свѣтъ стоитъ свѣтомъ, нѣмецъ не будетъ поляку братомъ». Негодованіе на прусскія притязанія было такъ велико, что самъ Сиверсъ, повидимому, съ горечью въ сердцѣ исполнялъ свою неблагодарную роль, уступая лишь чувству долга и настояніямъ прусскаго посланника, который грозилъ новой войной. Опасенія разрыва между Пруссіей и Россіей и побудили Сиверса принять мѣры, приведшія къ «нѣмому засѣданію». Протестъ депутатовъ былъ конечно безплоденъ, да и самъ сеймъ служилъ лишь маской для того, что считалось уже рѣшеннымъ: еще до начала засѣданій сейма населеніе областей, которыя должны были отойти къ Россіи, приводилось къ присягѣ на русское подданство, а Великая Польша была занята пруссаками и выслушивала манифестъ, возвѣщавшій, что прусскій король, ограничивая предѣлы Польши, радѣетъ лишь о ея спасеніи отъ зловредныхъ замысловъ, несогласій и смутъ.

Второй раздѣлъ низвелъ Польшу до размѣровъ второстепеннаго европейскаго государства, а всю ея внутреннюю жизнь подчинилъ надзору генерала Игельстрома, начальствовавшаго надъ русскимъ войскомъ, которое квартировало въ Варшавѣ.

Возстаніе и конецъ Рѣчи Посполитой.

Униженіе Польши вызвало новую вспышку патріотизма, которую воспламенили творцы уничтоженной теперь конституціи 3-го мая. Изъ-за границы посылали они своихъ уполномоченныхъ для возбужденія поляковъ къ возстанію. Душой его сдѣлался безстрашный и беззавѣтно преданный роднѣ Косцюшко. Не надѣясь на одну шляхту, онъ сталъ звать подъ свои знамена польское простонародье—мѣщанъ и хлоповъ, обѣщая послѣднимъ свободу отъ крѣпостной зависимости (общій универсалъ или указъ объ освобожденіи крестьянъ изданъ былъ Косцюшкой, когда возставшіе признали его главнокомандующимъ). Возстаніе возгорѣлось въ 1794 году. Невдалекѣ отъ Кракова Косцюшко нанесъ пораженіе русскому отряду. Его побѣда возбудила патріотовъ, и весною 1794 г. варшавскіе мѣщане, руководимые башмачникомъ Килинскимъ, перебивъ значительную часть солдатъ Игельстрома, принудили остальныхъ спасаться изъ Варшавы. Русскій отрядъ выбитъ былъ и изъ Вильны. Станиславъ-Августъ долженъ былъ уступить свою власть временному правительству, въ составъ котораго вошли самые видные изъ патріо-

товъ. Однако, успѣхъ былъ очень непрочнымъ: замѣчался недостатокъ войска и вооруженія, патріотическій пылъ остывалъ, далеко не всѣ готовы были на необходимыя жертвы, простонародье волновалось, требуя казни всѣхъ, запятнавшихъ себя продажностью. Быть можетъ, одинъ только Косцюшко сознавалъ всю важность и трудность момента; другіе торопились торжествовать побѣду. А между тѣмъ Польша наводнялась прусскими и русскими войсками: Варшавѣ грозилъ русскій генералъ Ферзенъ, на соединеніе съ нимъ несся Суворовъ. Чтобы предупредить его, Косцюшко съ небольшимъ отрядомъ встрѣтилъ Ферзена при Мацѣіовицахъ (въ ста верстахъ отъ Варшавы). Происшедшая битва, въ которой изъ 11.000 поляковъ пало 8.000, закончилась пораженіемъ и плѣненіемъ Косцюшко. Въ концѣ октября 1794 г. Суворовъ принудилъ Варшаву къ сдачѣ, разгромивъ ея предмѣстье Прагу.

Многострадальный Станиславъ-Августъ отказался отъ престола и привезенъ былъ въ почетный плѣнъ въ Петербургъ. Въ 1795 г. произведенъ былъ третій окончательный раздѣлъ Польши: Россія получила Литву и Курляндію (вассальный властитель которой Биронъ — сынъ прежняго временщика -- отказался отъ своихъ правъ на нее); Австрія—области Краковскую, Люблинскую и Сандомірскую; Пруссія—остальную часть съ Варшавой. Рѣчь Посполитая прекратила свое политическое существованіе, но «польскій вопросъ» въ смыслѣ установленія новыхъ отношеній между польскимъ народомъ и державами, подѣлившими его прежнія владѣнія, не разъ, какъ увидимъ, занималъ преемниковъ императрицы Екатерины II.

Результаты внѣшней политики Екатерины II оказались болѣе прочными, чѣмъ ея внутреннія преобразованія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Измѣненіе правительственной системы императрицы Екатерины II.

Многое изъ созданнаго императрицей Екатериной II претерпѣло коренныя измѣненія при ея преемникѣ-сынѣ императорѣ Павлѣ I Петровичѣ, царствовавшемъ съ 6 ноября 1796 г. до 11 марта 1801 г. Отрицательное отношеніе Павла I къ мѣропріятіямъ матери объясняется прежде всего его характеромъ, особенности котораго были обусловлены ненормальной обстановкой его жизни вплоть до самаго водаренія.

§ 57. Жизнь и характеръ великаго князя Павла Петровича.

Дѣтство. Павелъ Петровичъ родился въ 1754 г. и тотчасъ послѣ рожденія взятъ былъ на полное попеченіе императрицей Елизаветой Петровной, совершенно устранившей отъ дѣла воспитанія его родителей—Петра Өеодоровича и Екатерину Алексѣевну. Петръ не скорбѣлъ объ этомъ: къ сыну онъ относился не только равнодушно, но даже недоброжелательно, такъ какъ опасался встрѣтить въ немъ соперника при наслѣдованіи престола (Елизаветѣ Петровнѣ, какъ упомянуто, не чуждо было намѣреніе завѣщать престолъ Павлу, минуя Петра). Екатерина Алексѣевна, не безъ горести въ сердцѣ отказавшаяся отъ воспитанія сына, свыклась затѣмъ съ этимъ и, не видя почти никогда своего ребенка, стала охладѣвать къ нему. Елизавета Петровна выказывала много любви и сердечнаго вниманія къ своему питомцу, но дала ему неразумное, устарѣвшее физическое воспитаніе: она держала его въ тепличной, изнѣживающей обстановкѣ на попеченіи множества неразвитыхъ, старозавѣтныхъ нянекъ и сдѣлала изъ него болѣзненнаго и очень нервнаго ребенка.

Вліяніе Панина. Когда онъ нѣсколько подросъ, она назначила его воспитателемъ Н. И. Панина. Это былъ не столько педагогъ, сколько тонкій политикъ, имѣвшій жестокость заражать своими политическими замыслами едва пробудившееся сознаніе ребенка. Замыслы Панина заключались въ томъ, чтобы послѣ кончины Елизаветы Петровны провозгласить императоромъ Павла Петровича, назначивъ временно регентшей его мать Екатерину Алексѣевну (при такихъ условіяхъ Панинъ надѣялся присвоить себѣ руководящую роль въ государствѣ). Когда эти планы рушились, и послѣ недолгаго царствованія Петра III Екатерина сдѣлалась не правительницей, а императрицей, Панинъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы убѣдить Павла Петровича въ незаконности ея воцаренія, представить ее «похитительницей» престола, внушить «сатирическое» отношеніе къ ея правительственной дѣятельности. Возстановляя сына противъ матери, Панинъ, напротивъ, всячески оправдывалъ теперь Петра III (противъ котораго самъ когда-то усиленно интриговалъ) и развивалъ передъ своимъ юнымъ питомцемъ цѣлую правительственную программу, въ основу которой полагались слѣдующія начала: тѣсный союзъ съ Пруссіей, оборонительная, а не завоевательная политика, утвержденіе законности и борьба съ «фаворитизмомъ» (т. е. вліяніемъ временщиковъ). Вслѣдствіе всего этого въ юношескомъ добромъ и благородномъ отъ природы сердцѣ Павла уже сочилась болѣзненная рана—горечь отъ несправедливости, которую онъ и его отецъ претерпѣли отъ Екатерины; его умъ, не умѣвшій еще критиче-

ски относиться къ внушеніямъ, заражался губительнымъ ядомъ сомнѣній: Павелъ Петровичъ пріучался смотрѣть на свою мать не какъ на авторитетную наставницу, а какъ на соперницу, занявшую престолъ, принадлежащій по праву ему; въ дѣятельности ея онъ видѣлъ не примѣръ для себя, а лишь вредъ для Россіи. Его хорошіе природные задатки (о которыхъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его наставниковъ, Порошинъ) портились и замѣнялись чрезмѣрною впечатлительностью, болѣзненнымъ самолюбіемъ, подозрительностью, нервною несдержанностью, приступами желчности и меланхоліи. Екатерина отлично видѣла все это, но не рѣшалась удалять Панина, такъ какъ опасалась, что устраненіе воспитателя, назначеннаго Елизаветой Петровной и составившаго себѣ репутацію защитника правъ Павла, будетъ многими истолковано, какъ враждебный шагъ противъ послѣдняго. Такія опасенія она очень откровенно высказала въ одномъ разговорѣ: «Мнѣ не было воли (удалить Панина) сначала (т. е. при Елизаветѣ), а послѣ по политическимъ причинамъ не брала его (т. е. сына) отъ Панина: всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ». «Трагизмъ исторіи Павла Петровича, въ его отношеніяхъ къ матери, по словамъ историка (Шумигорскаго), и коренится въ этой исторической необходимости, по которой мать его, сдѣлавшись самодержавной государыней, именно поэтому и должна была съ самаго начала держать себя въ сторонѣ отъ него и передать его воспитаніе въ чужія, завѣдомо враждебныя ей руки». Правда, Екатерина дѣлала попытки найти для сына еще другого воспитателя (приглашая на такой постъ, между прочимъ, извѣстнаго французскаго философа д'Аламбера, а затѣмъ Гримма), но поиски не увѣнчались успѣхомъ, и Панинъ, не встрѣчая противодѣйствія, продолжалъ оставаться «злымъ геніемъ» царской семьи, углублявшимъ все больше и больше пропасть между Павломъ и Екатериной [1]). Порою черезъ эту пропасть какъ бы перекидывались временные легкіе мостики; порою замѣчались проблески сближенія между сыномъ и матерью. Такъ, онъ въ 1773 году самъ составилъ себѣ «планъ поведенія — какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, пріобрѣтая ея довѣріе, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуацій и интригъ, которыя могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку, если бы захотѣли противодѣйствовать его намѣреніямъ». «Отсутствіе иллюзій, отсутствіе безпокойства, поведеніе ровное и отвѣчающее лишь обстоятельствамъ, которыя могли бы встрѣтиться — вотъ мой планъ», писалъ Павелъ Петровичъ. Далѣе онъ нѣсколько разъ откровенно разсказывалъ императрицѣ о попыткахъ своихъ приближенныхъ поссорить его съ нею. Въ свою очередь Екатерина приглашала сына къ пол-

[1]) Обязанности воспитателя Панинъ исполнялъ до 1773 г., но и послѣ этого до самой своей смерти въ 1784 г. онъ имѣлъ вліяніе на Павла Петровича.

ной искренности. «Приходите ко мнѣ за совѣтомъ такъ часто, какъ признаете въ этомъ необходимость, писала она ему: я скажу вамъ правду со всею искренностью, къ какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольнымъ, выслушавъ ее. Вдобавокъ, чтобы основательнѣе занять васъ, къ удовольствованію общества, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одинъ для выслушанія бумагъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, съ законами страны и моими правительственными началами».

Отчужденіе между Екатериной II и Павломъ Петровичемъ.

Но сближеніе не могло быть прочнымъ: Павелъ мечталъ о роли, по крайней мѣрѣ, соправителя матери, послѣдняя же, при свойственномъ ей властолюбіи, едва-едва соглашалась признать за нимъ значеніе покорнаго ученика. Когда же она подмѣтила, что этотъ ученикъ обращается въ критика, она систематически стала устранять его отъ всякой дѣятельности: взрослый цесаревичъ (такой санъ данъ былъ Павлу еще Петромъ III) числился только полковникомъ кирасирскаго полка да носилъ званіе генералъ-адмирала, не смѣя однако никогда показаться флоту. Несмотря на всѣ его просьбы, императрица не позволила ему принять участіе въ турецкой войнѣ; а въ войнѣ со Швеціей она своими распоряженіями поставила его въ самое неловкое положеніе. Личныя отношенія между цесаревичемъ и императрицей все портились. Вопреки ожиданіямъ Екатерины II, ни первая супруга Павла — принцесса Гессенская Вильгельмина, нареченная въ православіи Наталіей Алексѣевной (бракъ былъ заключенъ въ 1773 г., а въ 1774 г. она уже скончалась), ни его вторая супруга—принцесса Виртембергская Софія-Доротея, принявшая имя Маріи Ѳеодоровны, не только не улучшили, а скорѣе ухудшили эти отношенія. Первый бракъ былъ очень неудачнымъ, второй принесъ Павлу Петровичу большое личное счастье, но совершенно отдалилъ его отъ матери: недовѣріе и непріязнь между ними росли. Свое недовѣріе къ сыну и невѣсткѣ императрица выразила, напр., тѣмъ, что старшихъ ихъ дѣтей Александра и Константина Павловичей она взяла всецѣло на свое попеченіе (подражая въ этомъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ). Назначеніе генерала Салтыкова гофмаршаломъ «малаго двора», т. е. двора цесаревича, истолковывалось послѣднимъ также, какъ признакъ недовѣрія: въ Салтыковѣ онъ подозрѣвалъ соглядатая. Взаимная непріязнь между матерью и сыномъ съ теченіемъ времени достигла такой степени, что они стали избѣгать встрѣчъ другъ съ другомъ: въ 1782 г. Павелъ и Марія Ѳеодоровна посланы были въ долговременное путешествіе по З. Европѣ съ запрещеніемъ однако посѣщать Пруссію, передъ королемъ которой Фридрихомъ II они оба благоговѣли, а съ 1783 г. они поселились въ Гатчинскомъ дворцѣ, откуда Павелъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ наѣзжалъ въ Петербургъ.

Посѣщать большой дворъ ему было нелегко: екатерининскіе любимцы, особенно Потемкинъ, учитывая опалу цесаревича, относились къ нему неуважительно; вельможамъ подражали простые придворные. Это страшно оскорбляло болѣзненно-самолюбиваго Павла Петровича. Отъ матери онъ ждалъ только обидъ: «если бы», сказалъ онъ во время своего путешествія французскому королю, «возлѣ меня находился самый маленькій пудель, привязанный ко мнѣ, мать моя велѣла бы его бросить въ воду прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ». Горько звучитъ также фраза его письма къ одному изъ приближенныхъ: «часто все мое вліяніе, писалъ онъ, состоитъ въ томъ, что стоитъ мнѣ только упомянуть о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, чтобы повредить имъ». Недаромъ цесаревичъ выказывалъ намѣренную холодность къ тѣмъ изъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло лицъ, на кого онъ не хотѣлъ навлечь опалы императрицы. Раздраженіе противъ матери переходило у него въ рѣзкую до несправедливости критику всѣхъ ея мѣропріятій. Еще въ 1784 г. онъ заготовилъ проектъ манифеста о своемъ вступленіи на престолъ, въ которомъ писалъ, что въ царствованіе Екатерины ея довѣренные «большую часть сыновъ Россійскихъ совратили съ коренного Россіянъ праводушія, прежде утвержденнаго на страхѣ Божескомъ, естественныхъ и гражданскихъ законовъ, а развращеніемъ общаго благонравія снизвергли всю святость законовъ частію въ неисполнительное ослабленіе, а частью и въ совершенное попраніе, предпочитая законамъ при всякихъ случаяхъ собственную каждаго корысть». Во второй половинѣ 80-хъ годовъ замутилась на время и семейная жизнь цесаревича вслѣдствіе его увлеченія фрейлиной Нелидовой. Впрочемъ, это чисто рыцарское увлеченіе ненадолго нарушило его крѣпкую привязанность къ семьѣ и имѣло даже благотворное вліяніе, такъ какъ умная и тактичная Нелидова умѣла хоть нѣсколько сдерживать ту страшную раздражительность, которая все сильнѣе развивалась въ Павлѣ, и которою онъ приводилъ окружающихъ въ «содроганіе».

Гатчинскіе порядки.

Раздражаясь и тоскуя въ своемъ одиночествѣ, цесаревичъ не только желчно осуждалъ всѣ мѣропріятія Екатерины, но и составлялъ планы полнаго переустройства заведенныхъ ею порядковъ. Лишенный возможности какого-либо вмѣшательства въ правительственныя дѣла, но всей душой жаждавшій дѣятельности, онъ поневолѣ пристрастился къ мелочамъ: изъ Гатчины онъ создалъ какъ бы маленькое государство въ государствѣ съ своеобразными казарменными порядками и энергично принялся за устройство собственнаго крошечнаго войска. За образецъ военной организаціи онъ взялъ армію Фридриха II и усиленно насаждалъ прусскую дисциплину въ своемъ небольшомъ отрядѣ. Съ какимъ трудомъ давалась она, видно изъ того, что одинъ изъ любимыхъ командировъ Павла—А. А. Аракчеевъ—производилъ ученія по 12 часовъ подъ-рядъ, не сходя съ поля, при

чемъ безпощадно наказывалъ за малѣйшія упущенія. Составъ гатчинской арміи былъ до-нельзя плохой: офицерами тамъ служили, по большей части, неудачники, уволенные изъ екатерининскихъ полковъ. Между тѣмъ по образцу своего отряда Павелъ думалъ пересоздать со временемъ все русское войско. Когда старшіе его сыновья Александръ и Константинъ, воспитывавшіеся при дворѣ Екатерины II, подросли, онъ привлекъ ихъ къ своимъ военнымъ упражненіямъ и, несмотря на всю тяжесть гатчинской дисциплины, на страшную утомительность смотровъ, ученій и парадовъ, сумѣлъ внушить имъ извѣстную любовь къ милитаризму. Заводя у себя прусскіе порядки, цесаревичъ гналъ изъ Гатчины всякій намекъ на французское вліяніе, въ томъ числѣ одежду французскаго покроя. Такое гоненіе объясняется ненавистью его къ революціи, ненавистью, доходившей до такихъ предѣловъ, что императрица сочла нужнымъ напомнить ему, что «однѣми пушками нельзя воевать съ идеями». Пока Павелъ Петровичъ томился и разбивался на мелочи въ Гатчинѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая власти, эта страстно желанная власть грозила навсегда ускользнуть отъ него: отшатнувшись совершенно отъ сына, ожидая отъ него полной ломки всѣхъ своихъ преобразованій, Екатерина задумала лишить Павла правъ на наслѣдованіе престоломъ и завѣщать его непосредственно своему внуку Александру. Осуществленіе этого плана замедлилось только потому, что воспитатель Александра Павловича швейцарецъ Лагарпъ и Марія Ѳеодоровна наотрѣзъ отказались содѣйствовать намѣренію императрицы, а самъ Александръ, какъ увидимъ ниже, отнесся къ нему очень уклончиво. Насколько можно думать, Павелъ Петровичъ подозрѣвалъ, что противъ него затѣвается что-то недоброе. Въ обществѣ также ходили слухи, что ему съ минуты на минуту грозитъ арестъ. Къ началу 1797 г. ждали важныхъ событій, ждали обнародованія манифеста о назначеніи наслѣдникомъ Александра. Но 6 ноября 1796 года императрица скончалась, и Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ, котораго съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ въ теченіе 34 лѣтъ.

§ 58. Внутренняя политика Императора Павла I.

Общій характеръ ея. Съ воцареніемъ императора Павла I «настадъ, по мнѣнію современниковъ, иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе» (по сравненію со временемъ Екатерины II). Измѣненія, внесенныя имъ въ жизнь русскаго государства, обусловливаются не столько его правительственной программой, сколько его личнымъ характеромъ, отличавшимся несдержанностью, непослѣдовательностью, преувеличеннымъ вниманіемъ къ мелочамъ, недовѣрчивостью и болѣзненною подозрительностью, которая часто дѣлала его жестокимъ, несмотря на то, что ему не чужды были возвышенные

чисто-рыцарскіе порывы и искреннее стремленіе къ благу народа. Правительственная программа Павла I сводилась къ стремленію: 1) увеличить до самыхъ крайнихъ предѣловъ свою власть, 2) подтянуть дворянство и ограничить его права, пріобрѣтенныя въ «дворянское» царствованіе Екатерины II, 3) ввести строгую, чисто военную дисциплину не только въ управленіе, но и въ общественную и даже частную жизнь, такъ какъ послѣдніе годы Екатерины II представлялись ему временемъ «распущенности и безпорядка во всѣхъ частяхъ», 4) оберечь русскій народъ отъ «революціонной заразы» и «духа якобинизма», т. е. отъ всякаго французскаго вліянія. Эта программа, навѣянная, главнымъ образомъ, непріязнью къ екатерининскимъ порядкамъ [1]), не могла осуществляться спокойно, такъ какъ она диктовалась Павлу I не холодной логикой правителя, безпристрастно оцѣнивающаго современность, а разгоряченнымъ чувствомъ раздраженнаго человѣка, который спѣшилъ воспользоваться властью, чтобы исправить все сдѣланное въ то долгое время, пока этой властью незаконно, по его мнѣнію, злоупотребляли другіе. Не могла эта программа проводиться умѣло и послѣдовательно, такъ какъ Павелъ Петровичъ, будучи отстраненъ отъ всякихъ дѣлъ въ годы царствованія Екатерины II, не получилъ ни надлежащей подготовки, ни правительственной опытности, ни широты государственнаго кругозора, а вслѣдствіе опальнаго своего положенія не могъ составить себѣ кружка будущихъ сотрудниковъ. Вступивъ на престолъ вопреки ожиданіямъ екатерининскихъ сподвижниковъ, онъ, конечно, не могъ искать въ ихъ средѣ помощниковъ себѣ. Напротивъ, онъ старался какъ можно скорѣе отослать прочь отъ себя этихъ людей, такъ недавно еще оскорблявшихъ его самолюбіе. Только Безбородко да еще два-три дѣятеля временъ Екатерины сумѣли заслужить расположеніе Павла I и сохранить свое вліяніе. На опустѣвшія мѣста другихъ призваны были или друзья дѣтства государя, какъ напр., князья Куракины: Алексѣй (генералъ-прокуроръ) и Александръ (вице-канцлеръ), или «гатчинцы», напр., Аракчеевъ, Растопчинъ, Обольяниновъ и др., или новые люди, напр., Лопухины, Буксгевденъ, Беклешовъ и курляндскій губернаторъ въ екатерининское время Паленъ, который сперва подвергся немилости императора, потомъ сдѣлался временщикомъ и, наконецъ, сталъ подготовлять заговоръ противъ государя. Однако всѣ эти лица отнюдь не были постоянными сотрудниками Павла I, такъ какъ онъ вслѣдствіе своей подозрительности и непостоянства характера мѣнялъ приближенныхъ съ головокружительной быстротою: въ нѣсколько мѣсяцевъ и даже дней можно было сдѣлать при

[1]) Лично къ Екатеринѣ II Павелъ I не выказывалъ непріязни; онъ устроилъ даже ея «загробное примиреніе съ Петромъ III». Для этой цѣли гробъ Петра вынутъ былъ изъ могилы на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на него была возложена корона, а затѣмъ онъ былъ погребенъ рядомъ съ Екатериной въ Петропавловскомъ соборѣ.

немъ блестящую карьеру и въ одинъ моментъ за малѣйшее упущеніе, а иногда и безъ всякой вины лишиться всего и подвергнуться жестокому взысканію. Какъ непостоянна была при немъ правительственная среда, видно изъ того, что за его недолгое царствованіе перемѣнилось 4 генералъ-прокурора (Куракинъ, Лопухинъ, Беклешовъ, Обольяниновъ), уволено было 7 фельдмаршаловъ, болѣе 300 генераловъ и 2.000 офицеровъ. Изъ всѣхъ лицъ, близкихъ къ Павлу I, пользовался неизмѣннымъ вліяніемъ только недалекій, но злой интриганъ Кутайсовъ, бывшій сперва брадобреемъ государя, а затѣмъ награжденный самыми высокими званіями, всѣми орденами и графскимъ титуломъ.

Итакъ, императоръ не имѣлъ постоянныхъ сотрудниковъ, да и не могъ имѣть ихъ не только вслѣдствіе своей подозрительности, но и вслѣдствіе того, что, стремясь перенести на всю Россію гатчинскіе порядки, желая быть ея полнымъ «хозяиномъ», онъ хотѣлъ во все вмѣшиваться самъ, утомлялъ себя безконечной перепиской съ представителями мѣстной власти по весьма второстепеннымъ вопросамъ, тратилъ силы на мелочи, придавалъ управленію слишкомъ личный характеръ. «Ты да я, я да ты», говорилъ онъ одному генералъ-прокурору, «мы одни будемъ дѣла дѣлать». Не полагаясь ни на кого, дѣлая все самъ, Павелъ I вносилъ въ управленіе государствомъ ту порывистость и тѣ противорѣчія, которыя были свойственны ему. Понятно поэтому, что его правительственная программа осуществлялась не послѣдовательно, а въ видѣ массы указовъ, часто не согласованныхъ другъ съ другомъ. Важнѣйшими изъ распоряженій императора Павла I были слѣдующія:

Важнѣйшія мѣропріятія.

Чтобы не допустить впредь никакого произвола, постороннихъ вліяній и смутъ при рѣшеніи вопроса о замѣщеніи престола, Павелъ I въ день своего коронованія (5 апрѣля 1797 года) издалъ «учрежденіе объ императорской фамиліи», опредѣлявшее, въ отмѣну Петровскаго указа, самымъ точнымъ образомъ порядокъ престолонаслѣдія, а также права и титулы лицъ императорской семьи. Именно, на основаніи новаго акта о престолонаслѣдіи, царствующему монарху долженъ наслѣдовать старшій сынъ со своимъ мужскимъ поколѣніемъ, по пресѣченіи котораго наслѣдство переходитъ въ родъ второго сына императора и т. д.; по пресѣченіи послѣдняго мужского поколѣнія сыновей императора наслѣдство остается въ женскомъ поколѣніи послѣднецарствовавшаго. Каждому изъ лицъ императорской фамиліи назначается опредѣленное содержаніе изъ доходовъ «удѣльныхъ земель» (эти земли выдѣлены были изъ государственныхъ и отданы въ вѣдѣніе особаго «департамента удѣловъ». Мѣстныя же дѣла «удѣльныхъ крестьянъ», которые раздѣлены были на волости—по 3.000 душъ въ каждой, вѣдались ихъ выборными, составлявшими «волостное правленіе»). Въ этомъ же «учрежденіи» Павелъ I объявилъ себя главою русской Церкви

Какъ глубоко религіозный человѣкъ, онъ выказывалъ большое вниманіе къ интересамъ Церкви и заботился о поднятіи авторитета духовенства. Съ этою цѣлью онъ завелъ обычай награждать орденами духовныхъ лицъ (впрочемъ, это встрѣтило возраженія со стороны нѣкоторыхъ іерарховъ, находившихъ, что не слѣдуетъ дѣлать духовныхъ лицъ «кавалерами») и освободилъ ихъ отъ тѣлесныхъ наказаній. (Однако вскорѣ послѣдовало ограниченіе этой мѣры, и духовенство за нѣкоторыя преступленія стало вновь подвергаться унизительному наказанію). Для развитія церковнаго просвѣщенія учреждены были духовныя академіи въ Казани и Петербургѣ и обезпечено содержаніе духовныхъ училищъ. Матеріальное положеніе священниковъ нѣсколько улучшилось. Покровительствуя православію, императоръ былъ чуждъ однако религіозной нетерпимости: онъ мягко относился къ расколу и оказывалъ уваженіе католицизму. Благодаря стараніямъ митрополита Платона, смотрѣвшаго на раскольниковъ не какъ на еретиковъ, а какъ на православныхъ, только придерживающихся старыхъ обрядовъ, при императорѣ Павлѣ I удалось возсоединить съ господствующей Церковью умѣренныхъ поповцевъ, которые и получили затѣмъ названіе «единовѣрцевъ» (1800 г.): въ ихъ церквахъ служба совершалась по до-никоновскимъ книгамъ, но православными священниками. Мистицизмъ императора, проявлявшійся прежде, когда онъ былъ наслѣдникомъ, въ интересѣ къ масонству, сказался теперь въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ католическому духовно-рыцарскому ордену іоаннитовъ, образовавшемуся еще въ эпоху крестовыхъ походовъ, а съ XVI вѣка владѣвшему островомъ Мальтой. По просьбѣ рыцарей, не сумѣвшихъ собственными силами отстоять свой островъ отъ французовъ, Павелъ I согласился даже принять званіе гроссмейстера іоаннитовъ и такимъ образомъ соединилъ въ своемъ лицѣ санъ главы Православной Церкви и начальника католическаго ордена, служившаго тайнымъ орудіемъ іезуитовъ. Возможно, что Павелъ I хотѣлъ сдѣлать изъ іоаннитовъ главный оплотъ противъ ненавистной ему «революціонной заразы», распространявшейся все шире и шире. Такую же цѣль преслѣдовало и его благоволеніе къ іезуитамъ, нашедшимъ пріютъ въ Россіи послѣ того, какъ въ концѣ XVIII вѣка они были изгнаны изъ всѣхъ государствъ Западной Европы.

Отношеніе къ крестьянству.

Опасаясь всякихъ потрясеній, императоръ Павелъ I энергично боролся съ крестьянскими волненіями: въ началѣ своего царствованія онъ послалъ для усмиренія ихъ фельдмаршала и собирался даже лично выступить въ походъ. Тѣмъ не менѣе именно онъ положилъ начало ограниченію крѣпостного права: въ день своего коронованія онъ издалъ манифестъ, запрещавшій помѣщикамъ требовать отъ крѣпостныхъ работы въ воскресные дни и указывавшій, что они могутъ довольствоваться трехдневной барщиной въ недѣлю, предоставляя крестьянамъ въ остальные три дня работать на себя. Не-

ясно изложенный, этотъ манифестъ толковался различно: крестьяне понимали его въ смыслѣ законодательнаго установленія трехдневной барщины, помѣщики—въ смыслѣ совѣта, не имѣвшаго обязательной силы, тѣмъ болѣе, что крѣпостные не получили права жаловаться на нарушеніе его. Изданный Павломъ указъ о воспрещеніи продажи крестьянъ безъ земли получилъ практическое примѣненіе только въ Малороссіи. Больше значенія имѣли указы объ облегченіи нѣкоторыхъ повинностей, о сложеніи недоимокъ и временномъ прекращеніи рекрутскаго набора. Улучшивъ нѣсколько бытъ крѣпостныхъ, Павелъ однако значительно увеличилъ число ихъ, раздавъ въ частное владѣніе до 600 тысячъ государственныхъ крестьянъ мужского и женскаго пола (славившаяся своею щедростью Екатерина раздарила, какъ извѣстно, около милліона крестьянъ и крестьянокъ, но зато она царствовала не четыре года, какъ Павелъ, а тридцать четыре).

Отношеніе къ дворянству и административныя распоряженія.

Къ дворянству Павелъ I не благоволилъ. Хотя онъ и называлъ дворянъ «ревностными исполнителями монаршей воли и храбрыми защитниками отечества», устроилъ вспомогательный банкъ для нихъ и заботился о недопущеніи недостойныхъ элементовъ въ дворянскую среду, тѣмъ не менѣе онъ внесъ въ Жалованную грамоту существенныя измѣненія: осужденные за тяжкія преступленія дворяне стали вновь подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ, исключенные изъ военной службы не допускались на гражданскую, на должности по выборамъ, на дворянскія собранія. Ограничивая личныя права дворянъ, императоръ Павелъ I тѣмъ болѣе не считался съ ихъ организаціей: губернскія дворянскія собранія, верхніе земскіе и совѣстные суды были упразднены, а уѣздныя собранія подчинялись строгому надзору губернатора, зорко слѣдившаго также за дѣятельностью предводителей дворянства и являвшагося какъ бы ихъ прямымъ начальникомъ; всѣ судебно-административныя должности въ уѣздѣ стали замѣщаться по назначенію, а не по выбору. Съ увеличеніемъ власти губернаторовъ возросла и ихъ отвѣтственность: наблюдая рѣшительно за всѣмъ, они за малѣйшую провинность несли жестокія наказанія; недаромъ именно въ это время создалась поговорка: «положеніе хуже губернаторскаго». Губернскія учрежденія Екатерины II подверглись измѣненіямъ, число губерній было сокращено, окраины получили прежнее устройство взамѣнъ даннаго Екатериной. Во всей этой ломкѣ трудно уловить какую-нибудь руководящую идею, кромѣ развѣ стремленія увеличить единоличное начало въ ущербъ коллегіальному. То же можно сказать и о центральномъ управленіи: завѣдывавшія народнымъ хозяйствомъ коллегіи, закрытыя при Екатеринѣ, были возстановлены [1]), но надъ

[1]) Изъ экономическихъ мѣръ Павла I слѣдуетъ отмѣтить его заботы о сохраненіи лѣса, о развитіи коннозаводства и о прорытіи каналовъ, а также заведеніе торговыхъ сношеній съ Америкой. Изъ финансовыхъ—сожженіе на нѣсколько милліоновъ ассигнацій для поднятія цѣнности оставшихся въ обращеніи.

ними поставлены директора на правахъ министровъ. Сенатъ утратилъ правительственное значеніе, будучи совсѣмъ подавленъ генералъ-прокуроромъ. Учрежденія теряли всякій смыслъ, такъ какъ государь хотѣлъ все знать и всѣмъ править лично. Для этого онъ приказалъ даже устроить особый желтый ящикъ у Зимняго Дворца, куда каждый желающій могъ опускать свои заявленія и жалобы, поступавшія затѣмъ въ руки самого императора. Намѣреніе было благое, но ящикъ просуществовалъ недолго, такъ какъ онъ сдѣлался вмѣстилищемъ массы доносовъ и анонимныхъ нападокъ на государя. Частыя, отрывочныя и поспѣшныя передѣлки Екатерининской административной системы привели все управленіе въ безпорядочное состояніе. Отъ чиновниковъ требовалась напряженная работа съ 5—6 часовъ утра, но они часто не знали, что дѣлать и какъ дѣлать, потому что всѣ вѣдомства были перепутаны.

Преобразованіе войска.

Такая же ломка происходила и въ войскѣ, преобразуемомъ по прусско-гатчинскому образцу. Новая форма была, по мнѣнію современниковъ, уродливой и крайне неудобной. Духъ иниціативы, поощряемый Суворовымъ, совершенно изгонялся: солдаты и офицеры обращались въ машины. Ученія дѣлались до-нельзя утомительными и строгими, малѣйшая ошибка влекла за собою ссылку офицеровъ въ провинціальные полки, изгнаніе со службы, а иногда и наказаніе палками. Недаромъ офицеры являлись на ученіе съ деньгами въ карманѣ, чтобы было чѣмъ содержать себя въ дорогѣ, если съ плаца придется ѣхать прямо въ ссылку. Въ своихъ выговорахъ, печатавшихся часто во всеобщее свѣдѣніе, императоръ не щадилъ ничьего самолюбія. «Всѣ эти уничижительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры, по словамъ современника, отвратили дворянство совершенно отъ службы, упалъ духъ, сдѣлалось роптанье». Массами подавали въ отставку, такъ что, въ прямое нарушеніе Жалованной Грамоты, пришлось задерживать ее. Ушелъ и подвергся немилости (ссылкѣ въ село Кончанское) даже знаменитый герой А. В. Суворовъ. Насколько незаслуженно наказывались одни, настолько же неумѣренно награждались и возвышались другіе. «Поэтому, по словамъ современника, наказаніе утратило свой стыдъ, награда—свою прелесть».

Борьба съ французскимъ вліяніемъ и царство страха.

Послѣдовательнѣе и настойчивѣе всего былъ императоръ въ своемъ стремленіи оградить русскихъ отъ «революціонной заразы» и подчинить ихъ строжайшей дисциплинѣ. Ненависть къ французской революціи безпрестанно разжигалась въ немъ эмигрантами, нашедшими въ Россіи самый радушный пріемъ: въ Митавѣ, получая большую пенсію, проживалъ претендентъ на французскій престолъ Людовикъ XVIII, въ одной изъ губерній квартировалъ цѣлый военный отрядъ эмигрантовъ (набранный принцемъ Конде); много ихъ было также при дворѣ императрицы

Маріи Θеодоровны. Открывая доступъ французскимъ эмигрантамъ правительство съ большимъ подозрѣніемъ относилось ко всѣмъ другимъ иностранцамъ: сперва за проживающими въ Россіи иноземцами былъ установленъ строгій надзоръ, затѣмъ они стали изгоняться прочь съ запрещеніемъ возвращаться обратно подъ страхомъ «неизвѣстнаго наказанія», наконецъ, изданъ былъ указъ о недопущеніи вообще въѣзда въ русскіе предѣлы иностранцевъ безъ особаго въ каждомъ случаѣ высочайшаго разрѣшенія. Равнымъ образомъ запрещался выѣздъ русскихъ за границу съ образовательною цѣлью «по причинѣ возникшихъ нынѣ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ, къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы пагубу имъ навлекающихъ». Чтобы это запрещеніе не отозвалось на образованіи прибалтійскаго дворянства, ему разрѣшено было открыть собственный университетъ въ Дерптѣ (Юрьевѣ) [1]. Ввозъ иностранныхъ книгъ и нотъ былъ также совершенно прекращенъ, частныя типографіи закрыты, а русская печать задавлена безпощадной цензурой. Преслѣдовалось все, въ чемъ можно было усмотрѣть хотя бы отдаленный намекъ на Францію, строжайше запрещалось одѣваться по французской модѣ, изъ языка изгонялись слова, соотвѣтствовавшія понятіямъ, употребительнымъ въ революціонную эпоху (напр., отечество, граждане, общество, представители, и т. д.). Къ этому присоединялась еще чисто монастырская дисциплина, введенная въ столицахъ (къ 9 час. вечера всякая жизнь должна была замирать, и по улицамъ пропускались только врачи), и неумолимо строгій этикетъ. При всемъ стараніи невозможно было исполнить всѣхъ безконечныхъ предписаній правительства, и поэтому каждый ежеминутно ждалъ строгихъ наказаній. Наступило какое-то «царство страха», «время боязни и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ». Этотъ страхъ обуялъ всѣхъ, начиная отъ самыхъ близкихъ родныхъ императора, кончая провинціальными помѣщиками, трепетавшими при видѣ фельдъегерской тройки, развозившей указы и увозившей въ Петербургъ намѣченныхъ лицъ, при чемъ увозимые часто не знали, что ждетъ ихъ: наказаніе или награда. Несомнѣнно, многія строгости объяснялись лишь придирчивостью усердствовавшихъ не по разуму должностныхъ лицъ.

Такіе люди, какъ брадобрей Кутайсовъ или петербургскій генералъ-губернаторъ Архаровъ (прославившійся тѣмъ, что, по его распоряженію, полиція буквально срывала съ проходящихъ круглыя шляпы и жилеты и отрѣзывала отложные воротники у фраковъ, —

---

[1]) Изъ другихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ при Павлѣ I, слѣдуетъ назвать высшее медицинское училище, изъ котораго образовалась впослѣдствіи военно-медицинская академія.

какъ подражаніе французской модѣ,—а также тѣмъ, что онъ приказалъ домовладѣльцамъ перекрасить всѣ дома наподобіе караульныхъ будокъ, за что лишился, впрочемъ, своего мѣста), намѣренно, изъ желанія выслужиться, развивали подозрительность государя и возстановляли его противъ близкихъ. Ихъ старанія отчасти увѣнчались успѣхомъ: Павелъ I охладѣлъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, подозрѣвалъ, что она поступитъ съ нимъ такъ же, какъ Екатерина съ Петромъ III, а какъ-то разъ приказалъ даже арестовать ее, когда она вступилась за часового. Нелидова тоже утратила свое вліяніе. Великіе князья Александръ и Константинъ дрожали, по словамъ современника, въ присутствіи отца: Александру Павловичу государь однажды напомнилъ даже объ исторіи Алексѣя Петровича. На придворныхъ балахъ царило жуткое чувство, такъ какъ малѣйшій неловкій шагъ или поклонъ вызывалъ раздраженіе императора. Онъ не скрывалъ его ни передъ кѣмъ: обидѣвшись на навѣстившаго его шведскаго короля, онъ отставилъ отъ него русскую свиту; измѣнивъ свое отношеніе къ Франціи, предложилъ Людовику XVIII оставить русскіе предѣлы; негодуя на политику Австріи, приказалъ всему дипломатическому корпусу прекратить съ ея посломъ Кобенцелемъ всякія сношенія и не допустилъ въ Петербургъ ея чрезвычайнаго посланника. Вспышки гнѣва часто были совсѣмъ неосновательными, вызванными навѣтами недобросовѣстныхъ людей. По словамъ одного современника (Коцебу), «негодяи, злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе несуществовавшіе и даже такіе, въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало ужаса». Дѣйствительно, Павелъ I, несмотря на свою запальчивость и болѣзненную подозрительность, вовсе не хотѣлъ быть жестокимъ: если онъ замѣчалъ какую-нибудь несправедливость, онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе исправить ее; онъ умѣлъ прощать и выказывалъ иногда большое великодушіе: боязнь «якобинскаго духа» не помѣшала ему вернуть изъ ссылки и заключенія Радищева и Новикова, щедро наградить и отпустить на родину плѣннаго Косцюшко, котораго онъ уважалъ за его мужество; когда въ началѣ царствованія ему донесли, что двое офицеровъ злоумышляютъ противъ него, онъ призвалъ ихъ къ себѣ и въ присутствіи всѣхъ сановниковъ сказалъ имъ: «Я самъ знаю, что государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ; что и онъ можетъ имѣть и слабости и пороки; но я такъ еще мало царствую, что едва ли могъ успѣть сдѣлать кому-либо какое зло, хотя бы и хотѣлъ того». Зла Павелъ Петровичъ не хотѣлъ никому: онъ былъ глубоко убѣжденъ, что дѣйствуетъ всегда по справедливости, что наказываетъ за дѣло, что только обороняетъ себя отъ дѣйствительной опасности. Трагедія его заключалась въ томъ, что подозрительность застилала ему ясное сознаніе, что, стараясь оградить себя отъ мнимыхъ опасностей, онъ создавалъ

дѣйствительныя тамъ, гдѣ ихъ не было, вооружая противъ себя общественное мнѣніе и отдаляясь отъ преданныхъ лицъ. Императрица Марія Θеодоровна, тщетно пытавшаяся возстановить испорченныя его подозрительностью отношенія, лишилась всякаго вліянія на него и должна была отдаться исключительно своему любимому дѣлу—завѣдыванію благотворительными и просвѣтительными учрежденіями, вѣдомство которыхъ и стало затѣмъ называться по ея имени «Вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи». (При ней, между прочимъ, основано было нѣсколько новыхъ женскихъ институтовъ. Къ ихъ нуждамъ императрица относилась съ трогательною заботливостью, входя во всѣ мелочи ихъ жизни. По словамъ историка (Лихачевой), «надо удивляться, какъ при условіяхъ своего положенія императрица находила возможнымъ въ буквальномъ почти смыслѣ слова лично управлять многочисленными ввѣренными ей учебными и благотворительными заведеніями. Въ этомъ она являетъ единственный примѣръ, ибо никогда, нигдѣ во всѣмъ мірѣ ничего подобнаго не было»). Павелъ Петровичъ отдалялся даже отъ дѣтей и, какъ говорили, не далекъ былъ отъ мысли лишить своего наслѣдника правъ на престолъ. Растопчинъ и Аракчеевъ, люди преданные императору, были посланы въ провинцію, и изъ толпы ничтожныхъ людей, уцѣлѣвшихъ при дворѣ вслѣдствіе рабской угодливости или интригъ, выдѣлялись своимъ вліяніемъ на государя изощренный въ придворныхъ козняхъ Кутайсовъ и двуличный Паленъ. Оба они нисколько не удерживали государя отъ опрометчивыхъ поступковъ, возбуждавшихъ общее недовольство. Это недовольство увеличилось еще сильнѣе, когда внѣшняя политика Павла I приняла неожиданный оборотъ, затронувшій интересы крупныхъ землевладѣльцевъ и предпринимателей.

§ 59. **Внѣшняя политика императора Павла I.**

Императоръ вступилъ на престолъ съ миролюбивыми намѣреніями. Принимая во вниманіе истощеніе Россіи долгими екатерининскими войнами, онъ рѣшилъ отказаться отъ задуманной Екатериной II вооруженной борьбы съ Франціей и ограничиться лишь дипломатическимъ противодѣйствіемъ «неистовой французской республикѣ». Въ русской нотѣ, извѣщавшей иностранныя правительства о вступленіи Павла I на престолъ, писалось, между прочимъ, слѣдующее: «Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 г., есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однако же, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходи-

мой причинѣ, государь не менѣе затѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду всевозможными мѣрами противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей всей Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія». Но миролюбіе государя продолжалось не долго. Успѣхи Франціи были слишкомъ велики: за время революціонныхъ войнъ (1792 — 1799 г.) она основала подъ своимъ покровительствомъ и фактическимъ господствомъ цѣлый рядъ «республикъ-дочерей», устроенныхъ наподобіе «республики-матери» Франціи и разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Европы (а именно: Батавскую—прежнюю Голландію, Цизальпинскую — Ломбардію, Лигурійскую — Геную, Гельветическую — Швейцарію, Римскую—Папскую область, Партенопейскую—Неаполитанское королевство) и значительно расширила свои собственные предѣлы (присоединивъ, напр., лѣвый берегъ Рейна, Ниццу, Савойю, Іоническіе острова). Къ тому же ненависть Павла I къ «якобинскому духу», подстрекаемая эмигрантами, все усиливалась. Послѣднимъ событіемъ, переполнившимъ чашу этой ненависти, былъ захватъ Наполеономъ Бонапартомъ въ 1798 г. покровительствуемаго императоромъ острова Мальты. Павелъ I отвѣтилъ на это принятіемъ званія гроссмейстера Малтійскаго ордена и вступилъ въ коалицію противъ Франціи, состоявшую изъ Австріи, Англіи, Турціи и (существовавшаго еще въ то время) Неаполитанскаго королевства. Роль «возстановителя потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей» льстила самолюбію Павла I, и онъ спѣшилъ начать войну. Она происходила на морѣ и на сушѣ. Уже осенью 1798 года русская эскадра (адмирала Ушакова) послана была къ Іоническимъ островамъ, затѣмъ къ южно-итальянскому побережью, а въ 1799 г. выступили и сухопутныя войска. Союзники открыли военныя дѣйствія противъ французовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ: въ Голландіи, въ южной Германіи, въ Швейцаріи, гдѣ находился, между прочимъ, небольшой русскій корпусъ подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, но, главнымъ образомъ, въ Сѣверной Италіи, куда по просьбѣ австрійскаго правительства былъ посланъ для командованія русскими и австрійскими войсками Суворовъ, освобожденный по случаю этого похода отъ опалы. Отправляя его въ Италію, императоръ Павелъ I сказалъ: «иди спасать царей и веди войну, какъ хочешь». Одержавъ надъ лучшими французскими полководцами (Моро, Макдональдомъ и Жуберомъ) цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ (при рѣкахъ Аддѣ и Требіи и гор. Нови) и очистивъ отъ французовъ всю сѣверную Италію, Суворовъ дѣйствительно спасъ на время итальянскихъ государей. Но ему не удалось «вести войну такъ, какъ онъ хочетъ»: въ его дѣйствія постоянно вмѣшивался австрійскій «придворный военный совѣтъ», навязывая ему свои планы. Въ концѣ концовъ австрійское правительство, получивъ отъ Суворова все, что было нужно, убѣдило императора

Павла I послать его въ Швейцарію на смѣну дѣйствовавшимъ тамъ австрійскимъ войскамъ и на соединеніе съ Римскимъ-Корсаковымъ. Лишенный почти всякихъ припасовъ, Суворовъ совершилъ неимовѣрно трудный переходъ черезъ Альпы (черезъ С.-Готардскій перевалъ и «Чертовъ мостъ»), выказавъ здѣсь не только геніальныя способности полководца, но и рѣдкое умѣніе ободрять солдатъ, отчаивавшихся порою отъ почти непреодолимыхъ препятствій. Когда всѣ трудности перехода были уже превзойдены, на русскихъ, вступившихъ въ Мутенскую долину, обрушилась ужасная вѣсть: они узнали, что Римскій-Корсаковъ, оставленный австрійцами безъ помощи, разбитъ и отступилъ къ сѣверу, и что французы (подъ командой Массена) завладѣли всѣми выходами изъ долины. Измученному, изнуренному отряду Суворова (при его войскѣ находился и великій князь Константинъ Павловичъ) пришлось геройски пробиваться черезъ ущелья, занятыя врагами, численность которыхъ въ четыре раза превосходила русское войско. По словамъ Павла I, Суворовъ, который, не потерпѣвъ ни одного пораженія, вывелъ войско изъ Швейцаріи, «одержалъ верхъ надъ самой природой». На него посыпались самыя щедрыя награды: званіе генералиссимуса, титулъ князя Италійскаго, почести, присвоенныя лишь императору. (Однако все это не помѣшало Суворову очень скоро впасть опять въ немилость за нарушеніе одной военной формальности и, когда онъ въ 1800 г. скончался, государь не былъ даже на его похоронахъ. А его побѣдоносныя войска получили выговоръ за плохую маршировку). Въ поведеніи Австріи во время Суворовскаго похода Павелъ I усмотрѣлъ вѣроломство; негодовалъ онъ и на Англію, которая плохо содержала вспомогательный русскій отрядъ и не хотѣла вернуть отвоеванную у французовъ Мальту. Возмущенный этимъ, государь вышелъ изъ коалиціи и съ 1800 г. сталъ сближаться съ Бонапартомъ, который къ этому времени успѣлъ сдѣлаться первымъ консуломъ. Павелъ I надѣялся, что «якобинскій духъ» во Франціи будетъ подавленъ твердой властью Наполеона; къ тому же послѣдній сумѣлъ польстить его самолюбію, вернувъ съ почестями русскихъ плѣнныхъ «единственно изъ уваженія къ доблести русской арміи, которую французы умѣли оцѣнить по достоинству на полѣ битвы», и не скупился на самыя заманчивыя обѣщанія. Такимъ образомъ во внѣшней политикѣ Россіи наступилъ крутой поворотъ. Не довольствуясь выходомъ изъ прежней коалиціи, императоръ сталъ создавать новую—изъ Пруссіи, Швеціи и Даніи—противъ своихъ недавнихъ союзниковъ. Донскому козачеству приказано было двинуться сухимъ путемъ на завоеваніе Индіи; съ Англіей были прекращены всякія дипломатическія и торговыя сношенія, на ея товаръ, находившійся въ русскихъ портахъ, налагался арестъ.

Разрывъ торговыхъ сношеній съ Англіей наносилъ страшный ущербъ русскимъ землевладѣльцамъ и предпринимателямъ, сбывав-

шимъ туда свое сырье и получавшимъ оттуда мануфактурныя и колоніальныя произведенія. «Торговля съ нею открывала, по словамъ современника, единственные пути, которыми въ Россію притекало все, для нея необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ со своихъ помѣстій, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и др.». Опасаясь за свое экономическое благосостояніе, дворянство, принимавшее участіе въ торговлѣ, подняло ропотъ. Въ свою очередь, англійское правительство черезъ своихъ тайныхъ агентовъ (къ которымъ принадлежали будто бы нѣкоторые вліятельные при русскомъ дворѣ люди) всячески старалось усилить раздраженіе противъ политики Павла I. Какъ разъ въ это время Паленъ, несмотря на все свое вліяніе неувѣренный въ своей безопасности, сталъ подготовлять среди гвардейскихъ офицеровъ заговоръ противъ государя. Мысль объ этомъ заговорѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, подалъ ему Никита Петровичъ Панинъ (одинъ изъ родственниковъ покойнаго Ник. Ив.), стремившійся устранить Павла I отъ дѣлъ правленія и провозгласить регентомъ Александра Павловича. Однако Панинъ уклонился затѣмъ отъ участія въ заговорѣ, а Паленъ нашелъ себѣ пособниковъ въ лицѣ дѣятелей царствованія Екатерины—Зубовыхъ (возвращенныхъ по ходатайству Кутайсова ко двору), ганноверскаго выходца, поступившаго на русскую службу, Беннигсена и нѣсколькихъ гвардейцевъ. Заговоръ привелъ къ трагической развязкѣ, которой не хотѣли даже его участники, добивавшіеся лишь отреченія Павла I отъ престола: 11 марта 1801 г. императора не стало.

ЧАСТЬ II.

Девятнадцатый вѣкъ.

Введеніе.

XVIII вѣкъ оставилъ въ наслѣдіе русскому правительству XIX вѣка нѣсколько важныхъ задачъ внутренней политики. Прежде всего предстояло отмѣнить многія непослѣдовательныя и противорѣчивыя или неоправдываемыя необходимостью распоряженія Павла I, приведшія государство въ разстроенное состояніе и вызвавшія общественное недовольство. Затѣмъ нужно было обратиться къ рѣшенію такихъ задачъ, которыя являлись естественнымъ слѣдствіемъ развитія русской жизни и ставились на очередь всей исторіей Россіи XVIII вѣка. Главнѣйшими изъ этихъ «очередныхъ» задачъ были слѣдующія: I. Усовершенствованіе центральныхъ государственныхъ учрежденій. (Правильно организованныя учрежденія старался создать, какъ сказано, Петръ Великій. Однако возведенное имъ административное зданіе, не вполнѣ притомъ соот-

вѣтствовавшее первоначальнымъ замысламъ (см. объ этомъ стр. 62), подверглось большой ломкѣ при его ближайшихъ преемникахъ, когда 1) пришло въ упадокъ коллегіальное начало, 2) судебная власть смѣшалась съ административной, 3) замерло городское самоуправленіе, 4) измѣнилось первоначальное значеніе Сената. Императрицѣ Екатеринѣ II удалось, какъ выяснено, упорядочить областное управленіе, но она почти не занималась центральными учрежденіями, а между тѣмъ послѣднія настоятельно требовали реформы). II. Составленіе свода законовъ, необходимаго для правильной дѣятельности учрежденій. (О замѣнѣ Соборнаго Уложенія новымъ сводомъ думали, какъ упоминалось, всѣ русскіе государи, начиная съ Петра Великаго; но предпринимавшіяся въ этомъ отношеніи попытки, въ томъ числѣ грандіозная попытка Екатерины II, не увѣнчались успѣхомъ, и русское законодательство, изобиловавшее многими устарѣвшими и несогласованными другъ съ другомъ указами, не было приведено въ систему). III. Рѣшеніе сословнаго вопроса, получившаго, какъ сказано, особенную остроту въ эпоху Екатерины II, когда наиболѣе ярко обнаружилось съ одной стороны «дворяновластіе», съ другой—полное безправіе и приниженность крестьянъ, и когда такія страшныя явленія, какъ пугачевскій бунтъ, должны были серьезно озабочивать правительство. IV. Развитіе народнаго просвѣщенія. (При Петрѣ Великомъ народное образованіе носило, какъ упоминалось, узкій профессіональный характеръ, а широко задуманная Екатериной II цѣльная система народнаго просвѣщенія осуществлена была лишь въ той своей части, которая касалась низшаго образованія преимущественно городского населенія; среднее же и высшее образованіе оставалось неупорядоченнымъ). V. Поднятіе экономическаго благосостоянія страны, отягощенной въ XVIII вѣкѣ непосильнымъ военнымъ и податнымъ бременемъ. (Надъ рѣшеніемъ экономическихъ вопросовъ не мало трудились, какъ мы знаемъ, и Петръ Великій, и Екатерина II, но ни меркантилизмъ перваго, ни физіократія второй не привели къ *общенародному* благосостоянію, такъ какъ экономическіе успѣхи Россіи не поспѣвали за ростомъ ея народонаселенія, слѣдствіемъ чего были бѣдность низшихъ классовъ и частый голодъ, и такъ какъ воинственная внѣшняя политика требовала непомѣрныхъ расходовъ).

Въ области внѣшней политики мѣсто трехъ рѣшенныхъ Петромъ I и Екатериной II задачъ внѣшней обороны заняли другія, не чуждыя и предшествовавшему времени, но получившія въ XIX вѣкѣ первенствующее значеніе. Такими задачами были: 1) поддержаніе политическаго равновѣсія въ Европѣ и 2) восточный вопросъ, понимаемый въ смыслѣ освобожденія христіанъ отъ магометанскаго ига. Первая задача вовлекла Россію въ началѣ XIX вѣка въ трудныя войны съ Франціей, а затѣмъ породила рядъ дипломатическихъ осложненій. Вторая—побуждала къ борьбѣ съ Турціей и Персіей. Ослабивъ ихъ, Россія пріобрѣла во второй четверти XIX в. исключительное право

покровительства христіанскимъ подданнымъ Турціи и преобладающее вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Однако послѣднее обстоятельство встревожило западно-европейскія державы, и онѣ сперва дипломатическимъ, а затѣмъ и вооруженнымъ путемъ противодѣйствовали расширенію русскаго вліянія въ Турціи и добились установленія надъ послѣдней общаго протектората (въ сущности, опеки) всѣхъ великихъ державъ. Встрѣтивъ такимъ образомъ сильныхъ соперницъ въ восточномъ вопросѣ, Россія, не отказываясь отъ дальнѣйшаго покровительства своимъ балканскимъ единовѣрцамъ, повела вмѣстѣ съ тѣмъ свою восточную политику и въ иномъ направленіи, которое встрѣчало меньше противодѣйствія. Именно, она успѣшно расширяла свои владѣнія на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Въ то же время русское вліяніе утверждалось на берегахъ Амура, устанавливались новыя отношенія съ Китаемъ, Кореей и Японіей, выдвигался на очередь такъ называмый «дальневосточный вопросъ», т. е. вопросъ о преобладаніи той или иной державы на азіатскихъ берегахъ Тихаго океана.

Указанныя задачи внутренней и внѣшней политики Россіи получали свое постепенное разрѣшеніе въ царствованія четырехъ государей, занимавшихъ всероссійскій престолъ въ XIX вѣкѣ: Александра I (1801—1825 г.), Николая I (1825—1855 г.), Александра II (1855—1881 г.) и Александра III (1881—1894 г.).

При императорѣ Александрѣ I созданы были высшія центральныя учрежденія (Министерства и Государственный Совѣтъ) и приняты мѣры для развитія народнаго просвѣщенія. Другія очередныя задачи лишь слегка и вскользь затрагивались имъ: императоръ отвлекался отъ вопросовъ внутренней политики сперва упорной борьбой съ Наполеономъ, затѣмъ конгрессами, на которыхъ рѣшались важнѣйшія дѣла, касавшіяся европейскихъ державъ, а въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія вовсе отказался отъ реформъ.

Въ царствованіе императора Николая I, удѣлявшаго также много вниманія западно-европейскимъ дѣламъ и особенно восточному вопросу, составлены были Полное Собраніе и Сводъ Законовъ Россійской имперіи и собранъ обширный матеріалъ по сословному вопросу, однако какихъ либо крупныхъ преобразованій проведено не было. «Эпоха великихъ реформъ» наступила лишь при Александрѣ II, который освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, установилъ «скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ судъ», вдохнулъ новую жизнь въ городское и земское самоуправленіе, уравнялъ всѣ сословія по отношенію къ воинской повинности и широко развернулъ систему народнаго просвѣщенія. Внѣшняя политика Александра II характеризуется заступничествомъ за балканскихъ славянъ и завоеваніями на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Императоръ Александръ III, внеся нѣкоторыя ограниченія въ судебныя и административныя преобразованія своего отца, много заботился вмѣстѣ

съ тѣмъ объ укрѣпленіи порядка въ государствѣ и объ экономическихъ интересахъ дворянства и крестьянства, не сразу освоившихся съ тѣмъ новымъ положеніемъ, которое было создано великой реформой 1861 г. Его внѣшняя и внутренняя политика отличалась національнымъ характеромъ; видное и чрезвычайно вліятельное международное значеніе Россіи онъ умѣлъ поддержать, не ведя войнъ, а, напротивъ, способствуя установленію общаго мира въ Европѣ.

Такъ разрѣшены были въ XIX вѣкѣ очередныя задачи. Обратимся къ изученію способовъ разрѣшенія ихъ, начиная съ царствованія Александра I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствованіе императора Александра I Павловича (1801—1825 г.).

Царствованіе императора Александра I можно раздѣлить на пять періодовъ. Первый (1801—1805 г.) характеризуется планами коренныхъ реформъ, которыя однако далеко не всѣ были осуществлены. Во второй періодъ (1805—1807) императоръ ведетъ трудную, но безуспѣшную борьбу съ Наполеономъ во имя интересовъ западно-европейскихъ державъ. Внѣшняя политика третьяго періода (1807—1812 г.) характеризуется союзомъ Александра I съ Наполеономъ, а внутренняя—новыми попытками реформъ. Четвертый періодъ (1812—1815 г.) занятъ Отечественной войной и войнами за освобожденіе Германіи отъ наполеоновскаго ига. Отличительными чертами пятаго періода (1815—1825 г.) являются исключительный интересъ Александра I къ дѣламъ Западной Европы и его охлажденіе къ Россіи, по отношенію къ которой онъ придерживается реакціонной политики, отказываясь отъ всякихъ широкихъ преобразованій.

Изъ указаннаго видно, что политика императора Александра I пережила нѣсколько изгибовъ. Колебанія очень замѣтны и въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ. Они объясняются, главнымъ образомъ, характеромъ императора, которому въ еще большей степени, чѣмъ Екатеринѣ II, свойственъ былъ разладъ между словомъ и дѣломъ, между мечтами и дѣйствительностью.

Поэтому, прежде чѣмъ приступать къ изученію его царствованія, необходимо дать его характеристику.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Планы коренныхъ реформъ (1801—1805 гг.).

§ 60. Воспитаніе и юность Александра Павловича.

Чтобы постигнуть личный характеръ Александра Павловича, нужно ознакомиться съ его прирожденными свойствами, воспитаніемъ и тѣми впечатлѣніями, которыя онъ воспринялъ изъ окружающей среды.

Особенности его характера.

По отзыву многихъ современниковъ, свойства характера Александра Павловича соотвѣтствовали его прекрасной внѣшности. Въ письмахъ къ Гримму императрица Екатерина II много говоритъ о раннемъ умственномъ развитіи, любознательности, разносторонности интересовъ и рѣдкой добротѣ своего любимаго внука; воспитатель Александра—Лагарпъ съ восторгомъ отзывается о своемъ питомцѣ, утверждая, что онъ—«личность исключительно даровитая, встрѣчающаяся въ тысячу лѣтъ разъ». Способность очаровывать людей обаяніемъ своей личности не покидала Александра до могилы. Воздавая должное нравственнымъ качествамъ Александра Павловича, многіе современники и историки упрекаютъ его, однако, въ чрезмѣрной скрытности, частой неискренности и двойственности, называютъ его «сущимъ прельстителемъ», «неразгаданнымъ сфинксомъ». Двойственность его міровоззрѣнія объясняется полученнымъ имъ воспитаніемъ, а двойственность характера—впечатлѣніями дѣтства и юности.

Система его воспитанія.

При рожденіи въ 1777 г. Александра императрица Екатерина, какъ сказано выше, приняла исключительно на себя всѣ попеченія о внукѣ, вполнѣ устранивъ отъ дѣла воспитанія его родителей Павла Петровича и Марію Өеодоровну. Въ этомъ она поступила такъ же, какъ императрица Елизавета Петровна при рожденіи Павла. Однако при внѣшнемъ сходствѣ было громадное внутреннее различіе въ отношеніяхъ царственныхъ воспитательницъ къ своимъ питомцамъ: Павелъ Петровичъ росъ, какъ извѣстно, въ обстановкѣ нездоровой и съ физической и съ нравственной стороны. Совершенно въ иныхъ условіяхъ развивался Александръ.

Екатерина II старалась закалить его тѣло, укрѣпить характеръ и развить умъ. Для его воспитанія она составила особое руководство, въ которомъ выказала отличное знакомство съ западно-европейскими педагогическими теоріями этого времени и тонкое знаніе дѣтской души. Екатерина входила во всѣ мелочи жизни Александра и росшаго вмѣстѣ съ нимъ его брата Константина, тогда какъ ихъ оффиціальный воспитатель Салтыковъ, отличавшійся не столько педагогическими способностями, сколько умѣньемъ быть посредникомъ между

императрицей и родителями ея питомцевъ, довольствовался лишь общимъ надзоромъ за обученіемъ. Въ основу обученія, по мысли Екатерины, положенъ былъ русскій языкъ и познаніе Россіи.

Вліяніе Лагарпа.

Однако такая «русская система» обученія скоро замѣнилась классическимъ и философскимъ образованіемъ, такъ какъ съ 1785 г. преобладающее вліяніе на воспитаніе великихъ князей получилъ швейцарскій уроженецъ, республиканецъ по убѣжденіямъ, Цезарь Лагарпъ, приглашенный первоначально на скромную должность преподавателя французскаго языка, но сумѣвшій благодаря своимъ способностямъ и знаніямъ быстро выдвинуться впередъ. Цѣня въ Лагарпѣ исключительную честность, императрица Екатерина снисходительно смотрѣла на его республиканскія воззрѣнія и относилась къ нему всегда съ полнымъ довѣріемъ. Александръ же прямо благоговѣлъ передъ своимъ наставникомъ и не разъ говорилъ, что «если бы не было Лагарпа, не было бы и Александра: я обязанъ ему всѣмъ». Но наряду съ восторженными отзывами о вліяніи Лагарпа, встрѣчаются и крайне отрицательные. Такъ, напр., одинъ изъ современниковъ (Вигель) пишетъ: «Воспитаніе Александра было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины. Образованіе его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего прибытія, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка, котораго женили раньше 16 лѣтъ». И поклонники и противники Лагарпа были по своему правы, но разсуждали слишкомъ односторонне. Лагарпъ, несомнѣнно, имѣлъ благотворное вліяніе на Александра, внушивъ ему идеи просвѣтительной литературы, теоретическія понятія о свободѣ, равенствѣ, общемъ благѣ. Но онъ же развилъ въ Александрѣ мечтательность, не научилъ его примѣнять отвлеченныя теоріи на практикѣ, не познакомилъ его съ русской жизнью; вслѣдствіе этого идеи укладывались наверху, не проникая вглубь, и Александръ не умѣлъ примирять противорѣчій между идеаломъ и дѣйствительностью ни въ себѣ самомъ, ни въ томъ, что его окружало. Онъ любилъ мечтать, строить воздушные замки, лелѣять планы облагодѣтельствованія русскаго народа, любовался какъ зритель своими туманными и иногда фантастическими грезами, но мало заботился о воплощеніи ихъ въ конкретныя формы. Восторгаясь красотой прекрасныхъ замысловъ, онъ уживался съ неприглядной дѣйствительностью и дорожилъ ею. Въ немъ какъ бы боролись два теченія мысли, и міровоззрѣніе оказывалось раздвоеннымъ. Въ этомъ виноватъ не одинъ Лагарпъ, не успѣвшій къ тому же закончить воспитанія, такъ какъ Александръ, не достигнувъ даже 16 лѣтъ, по желанію императрицы, вступилъ въ бракъ съ баденской принцессой Луизой, нареченной въ право-

славіи Елизаветой Алексѣевной. Виновато въ этомъ и само время: конецъ XVIII вѣка былъ періодомъ борьбы идей — просвѣтительная литература смѣнялась романтизмомъ. Не чуждую и другимъ своимъ современникамъ борьбу настроеній Александръ I переживалъ только особенно сильно, такъ какъ у него двойственность міровоззрѣнія осложнилась двойственностью характера. Причину послѣдней нужно искать въ впечатлѣніяхъ дѣтства и юности, когда ему пришлось съ горькимъ чувствомъ наблюдать постепенное отчужденіе самыхъ близкихъ ему людей: Екатерины и Павла.

Впечатлѣнія юности.

Уже въ золотые годы дѣтства Александръ, по выраженію историка, былъ поставленъ «между молотомъ и наковальней» — между бабкой и отцомъ, «какъ предметъ ревности и спора». Онъ любилъ отца и даже интересовался его гатчинскими военными порядками; но не менѣе любилъ и уважалъ онъ Екатерину. Разладъ между ними гнетущимъ образомъ дѣйствовалъ на него, пріучалъ къ лицемѣрію, къ скрыванію своихъ искреннихъ намѣреній и чувствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость приспособляться къ Екатеринѣ II и къ отцу и лавировать между придворными партіями развила въ немъ большой тактъ, огромный житейскій опытъ и знаніе людей, научила расчетливой осторожности, обдумыванію каждаго шага, закалила его характеръ и настойчивость, которую онъ, однако, очень искусно маскировалъ показною уступчивостью, дѣлая видъ, что подчиняется вліянію окружающихъ, а въ дѣйствительности заставляя ихъ служить своимъ цѣлямъ. Александръ Павловичъ сталъ тонкимъ и изощреннымъ дипломатомъ. Однако дипломатическое искусство, такъ пригодившееся ему въ послѣдующей жизни, добыто было дорогою цѣной, стоило тяжелыхъ переживаній, отравлявшихъ его юность. Особенно тяжелое настроеніе испытывалъ онъ тогда, когда Екатерина задумала объявить его своимъ наслѣдникомъ, лишивъ Павла правъ на престолъ. Не желая огорчать императрицу категорическимъ отказомъ, онъ, однако, не хотѣлъ посягнуть на права Павла Петровича, такъ тяготившагося вынужденнымъ бездѣйствіемъ, такъ жаждавшаго власти и страшившагося возможности не достигнуть ея. Поставленный въ положеніе невольнаго соперника отца, Александръ пришелъ даже къ мысли отказаться навсегда отъ своихъ правъ на престолъ и обратиться къ скромной жизни частнаго человѣка. Скрывая свои намѣренія отъ Екатерины, онъ много бесѣдовалъ о нихъ съ друзьями. Въ его бесѣдахъ и письмахъ къ нимъ чувствовалась разочарованность, острый душевный разладъ, недовольство своимъ положеніемъ и критическое отношеніе къ правительственной дѣятельности своей бабки (между прочимъ, къ раздѣламъ Польши). Такимъ образомъ въ концѣ царствованія Екатерины II императорская семья переживала настоящую трагедію: императрица готовила себѣ въ преемники Александра, чтобы онъ царствовалъ въ ея духѣ, а онъ сближался съ отцомъ и

критически относился къ ея правленію; императрица побуждала Александра стать царемъ тотчасъ послѣ ея смерти, а онъ готовился вовсе не царствовать. Но каждый участникъ этой трагедіи игралъ свою роль, не зная хорошо, что переживаютъ другіе, и Екатерина, несмотря на уклончивость Александра, не отказывалась отъ своего плана, но, какъ извѣстно, не успѣла осуществить его.

За время царствованія Павла I въ настроеніи Александра Павловича произошли замѣтныя перемѣны. Назначенный главнымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга, онъ поневолѣ долженъ былъ близко наблюдать всѣ тѣ распоряженія, которыя порождали «царство страха», и втайнѣ возмущался ими, давая просторъ своему негодующему чувству въ письмахъ къ друзьямъ. Въ нихъ онъ критикуетъ правленіе своего отца и высказываетъ твердое рѣшеніе царствовать, чтобы исправить то, что считаетъ зломъ, поднять просвѣщеніе народа, «даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ деспотизма» (такія намѣренія выражалъ Александръ въ письмѣ къ Лагарпу). Мечты объ отреченіи отъ престола отодвигаются у него вдаль: лишь осчастлививъ Россію, онъ считалъ себя въ правѣ удалиться въ частную жизнь.

§ 61. Вступленіе на престолъ императора Александра I.

Вступленіе на престолъ императора Александра I (12 марта 1801 г.) было встрѣчено, по отзывамъ современниковъ, восторженною радостью и ликованіемъ всего населенія. Въ манифестѣ, изданномъ въ день воцаренія, новый императоръ изъявлялъ намѣреніе «управлять по законамъ и сердцу въ Бозѣ почивающей императрицы Екатерины Великой». Этими словами онъ вовсе не ограничивалъ своей дѣятельности однимъ лишь подражаніемъ Екатеринѣ, а только мягко, но опредѣленно подчеркивалъ свое твердое рѣшеніе не слѣдовать политикѣ отца, оставляя за собою во всемъ прочемъ полную свободу дѣйствій.

Отмѣнѣ суроваго павловскаго режима и были посвящены первыя мѣропріятія, отличавшіяся, по словамъ историка (Пыпина), освободительнымъ характеромъ, открыто признававшія существующіе недостатки и стремившіеся исправить ихъ. Первыми указами 1) объявлялась самая широкая амнистія, т. е. помилованіе многихъ лицъ, виновныхъ въ политическихъ преступленіяхъ, исключенныхъ со службы, томившихся въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ, бѣжавшихъ за границу и т. д., 2) отмѣнялись запрещенія ввоза иностранныхъ книгъ, частныхъ типографій, выѣздовъ за границу, а также многія ограниченія торговли, 3) возстанавливались полностью «Жалованная грамота» дворянству и Городовое положеніе. Далѣе уничтожалась Тайная Экспедиція (преемница прежней Канцеляріи) и отмѣнялась пытка

такъ, «чтобы самое названіе ея, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изгладилось навсегда изъ памяти народной» (слова манифеста 27 сентября 1801 года). Стремясь къ установленію законности во всѣхъ отрасляхъ управленія, считая «законъ залогомъ блаженства всѣхъ и каждаго» (слова, выбитыя на медали въ день коронованія) и мечтая подчинить закону свою собственную волю, императоръ Александръ I долженъ былъ позаботиться—1) о приведеніи въ порядокъ русскаго законодательства, 2) о созданіи учрежденія, разсматривающаго новые законы, 3) о надзорѣ за точнымъ соблюденіемъ законовъ. Для осуществленія перваго была учреждена «комиссія о составленіи законовъ», не справившаяся, впрочемъ, со своей сложной задачей; второе осуществлялось учрежденіемъ (30 марта 1801 г.) «Непремѣннаго Совѣта» (преобразованнаго затѣмъ въ Государственный), состоявшаго изъ лицъ «довѣренностью Государя и общею почтенныхъ» и имѣвшаго законосовѣщательный характеръ («силу соображенія и разсужденія»; назначеніе его состояло въ томъ, чтобы «постановить силу и блаженство Имперіи на незыблемомъ основаніи закона»); наконецъ, стражемъ законности долженъ былъ стать Сенатъ (первоначально предполагалось дать ему исполнительную власть). На положеніе Сената Александръ I обратилъ серьезное вниманіе и, находя, что онъ за послѣднее время «впалъ въ унизительное состояніе», стремился возстановить его прежнее значеніе и повелѣлъ Сенату представить докладъ о его правахъ и обязанностяхъ.

§ 62. **Интимный Комитетъ.**

Сподвижники императора Александра I.

Кромѣ установленія справедливости и законности, государь мечталъ также о широкихъ преобразованіяхъ. Для разработки ихъ ему нужны были помощники. Съ сподвижниками Павла I онъ работать не могъ; сотрудниковъ Екатерины II, «людей бабушкина вѣка» (какъ онъ называлъ ихъ), онъ цѣнилъ за ихъ опытъ, поручалъ имъ текущія дѣла и ввелъ ихъ въ составъ Непремѣннаго Совѣта, однако расходился съ ними во взглядахъ, не раздѣляя ихъ узко-сословныхъ дворянскихъ воззрѣній. Поэтому, правя государствомъ при помощи екатерининскихъ дѣльцовъ, Александръ обсуждалъ преобразованія не съ ними, а съ «новыми людьми». Такими «новыми людьми» были друзья его юности: Новосильцевъ, Кочубей, Строгановъ и полякъ Чарторыйскій, составлявшіе вмѣстѣ съ государемъ тѣсный товарищескій кружокъ, носившій названіе «негласный или интимный комитетъ» (участники въ шутку называли его «комитетомъ общественнаго спасенія»). Эти «юные наперсники» Александра I (юными они казались только по сравненію съ екатерининскими сподвижниками, такъ какъ Новосильцеву было 40 лѣтъ, Кочубею—34, Чарторыйскому—31, и дѣй-

ствительно молодымъ былъ только Строгановъ) встрѣчали самое рѣзкое осужденіе со стороны старыхъ вельможъ-сенаторовъ, упрекавшихъ ихъ въ вольнодумствѣ, въ фантазерствѣ, въ жаждѣ нововведеній, въ полномъ незнаніи Россіи. Нѣкоторые историки также отрицательно относятся къ ихъ дѣятельности. Но такіе упреки несправедливы. Участники Интимнаго Комитета несли съ собою на службу Россіи не фантастическія, придуманныя ими затѣи, а идеи просвѣтительной литературы, которыми увлекалась въ свое время и Екатерина Великая. Далѣе своимъ полнымъ безкорыстіемъ они выгодно отличались отъ прежнихъ временщиковъ. Всестороннее образованіе, глубокая просвѣщенность, горячій энтузіазмъ и пламенное желаніе блага Россіи искупали присущую имъ неопытность въ дѣлахъ. Наконецъ, какъ видно будетъ изъ обзора дѣятельности Интимнаго Комитета, участники его обсуждали вопросы широко и смѣло, но дѣйствовали всегда очень осторожно и остерегались производить какое-либо давленіе на волю императора, который, предоставляя друзьямъ полную свободу сужденій, твердо отстаивалъ свои мнѣнія и рѣшалъ всегда самъ. Отъ чрезмѣрнаго вліянія друзей ревниво оберегалъ Александра I и Лагарпъ, успѣвшій побыть нѣкоторое время правителемъ Гельветической республики и пріѣхавшій въ 1801 г. въ Россію съ поблекшими республиканскими взглядами, съ стремленіями къ умѣренности и осторожности.

Дѣятельность Интимнаго Комитета.

Интимный Комитетъ, засѣданія котораго начались въ іюнѣ 1801 г., шли довольно правильно до мая 1802 г. и совсѣмъ замерли въ 1803 г., намѣтилъ себѣ слѣдующую программу: 1) изучить настоящее состояніе государства, 2) произвести необходимыя реформы «безобразнаго административнаго зданія», 3) увѣнчать эту работу такимъ уложеніемъ—конституціей, которое ручалось бы за прочность созданнаго порядка (подъ конституціей императоръ разумѣлъ такіе законы, которые обуздали бы «деспотизмъ нашего правительства», но едва ли онъ хотѣлъ дѣйствительнаго ограниченія своей власти: по словамъ Чарторыйскаго, Александръ I былъ очень властолюбивъ и любилъ лишь наружныя формы свободы. «Императоръ, пишетъ Чарторыйскій, охотно даровалъ бы свободу всему міру при томъ условіи, если бы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ». Конституція была только его грезой). Намѣченная программа не была послѣдовательно пройдена, такъ какъ Комитетъ отвлекался отъ нея обсужденіемъ злободневныхъ очередныхъ вопросовъ. Поэтому работа шла не ровно, а скачками и безсистемно. Важнѣйшими вопросами, затронутыми Комитетомъ, были слѣдующіе:

I. Преобразованіе Сената и замѣна коллегій министерствами. Нѣкоторые участники Комитета (особенно Новосильцевъ) были противъ увеличенія власти сената, опасаясь, что консервативный и не имѣющій выборныхъ членовъ Сенатъ, при чрезмѣрномъ своемъ уси-

леніи, будетъ препятствовать осуществленію широкихъ либеральныхъ реформъ и послужитъ развитію произвола. Поэтому послѣ оживленныхъ преній Комитетъ остановился на мысли предоставить Сенату только роль хранилища законовъ и блюстителя законности управленія. Различныя отрасли администраціи рѣшено было, по предложенію Чарторыйскаго, передать въ вѣдѣніе отдѣльныхъ лицъ—министровъ, а не коллегій, такъ какъ единоличное управленіе легче поддается контролю, чѣмъ коллегіальное.

II. Составленіе Свода Законовъ. По этому поводу высказаны были мнѣнія двоякаго рода: одни предлагали ограничиться собраніемъ русскихъ законовъ, другіе находили нужнымъ обратиться первоначально къ западно-европейскимъ спеціалистамъ за указаніями самихъ методовъ кодификаціи.

III. Крестьянскій вопросъ. Обсужденіе его вызвало горячее выступленіе Строганова и Чарторыйскаго, которые требовали рѣшительной отмѣны крѣпостного права, а не постепеннаго смягченія его. Императоръ желалъ освобожденія крестьянъ, но опасался противодѣйствія со стороны дворянства. Даже Лагарпъ, освѣдомленный о сужденіяхъ Комитета, совѣтовалъ крайнюю осторожность въ этомъ дѣлѣ и предлагалъ замѣнить самый терминъ «освобожденіе» словами «улучшеніе быта». Поэтому, несмотря на горячій обмѣнъ мнѣній, серьезныхъ постановленій по крестьянскому вопросу не было принято.

IV. Народное просвѣщеніе. Рѣшено было переводить и издавать общеобразовательныя (преимущественно философскія, юридическія и историческія) сочиненія иностранныхъ писателей и покрыть Россію цѣлой сѣтью высшихъ, среднихъ, низшихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній.

V. Вопросы внѣшней политики. Членами Комитета былъ выработанъ принципъ невмѣшательства въ западно-европейскія дѣла, выраженный въ слѣдующихъ словахъ: «быть искренними въ иностранной политикѣ, но не связывать себя договорами въ отношеніи кого бы то ни было; относительно же Франціи искать возможности наложить узду на ея властолюбіе, не компрометируя однако себя; съ Англіей быть въ согласіи, потому что эта нація — нашъ естественный другъ». Равнымъ образомъ рѣшено было не воевать съ Турціей, а «поддерживать это государство, слабость котораго служитъ драгоцѣннымъ ручательствомъ безопасности». Самъ императоръ вначалѣ раздѣлялъ эти взгляды своихъ друзей и стремился къ проведенію «національной системы», т. е. «внѣшней политики, основанной на пользѣ государства, а не на пристрастіи къ интересамъ другихъ державъ». Но затѣмъ его настроенія измѣнились, и разногласіе его съ участниками Интимнаго Комитета настолько обострилось, что въ концѣ 1803 года послѣдній совсѣмъ распался. Изъ изложеннаго выясняется: 1) что Интимный Комитетъ представлялъ собою не оффиціальное учрежденіе, а негласный тѣсный дружескій

кружокъ, о самомъ существованіи котораго знали далеко не всѣ, 2) что участники его, горячо обсуждая важнѣйшіе государственные вопросы, лишь по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлали свои постановленія, отличавшіяся большой осторожностью [1]) и не имѣвшія

[1]) Новѣйшіе изслѣдователи склонны даже обвинять участниковъ Комитета «въ робости и непослѣдовательности, съ какою они слѣдовали по пути къ либеральнымъ преобразованіямъ, ими самими принятому». Любопытно, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ «юные наперсники» были осторожнѣе «стариковъ», упрекавшихъ ихъ въ «якобинизмѣ». Такъ, напр., они воспротивились опубликованію «жалованной грамоты народу», которая составлена была Воронцовымъ и нѣсколькими другими сенаторами и должна была появиться въ день коронованія. Эта грамота представляла собою подобіе англійскаго Habeas-Corpus-act'а и французской «деклараціи правъ». Она начиналась утвержденіемъ, что «не народы сдѣланы для государей, а сами государи промысломъ Божіимъ установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ», и содержала, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) обвиняемый въ преступленіи, пока онъ не объявленъ по законному приговору виновнымъ, долженъ сохранять неприкосновенно всѣ свои права; 2) каждому подсудимому дозволяется избирать себѣ защитника, а сверхъ того въ дѣлахъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ отвергнуть по законнымъ причинамъ своихъ судей; 3) тотъ, кто, бывъ задержанъ, въ теченіе 3 дней отъ задержанія не будетъ представленъ къ суду для допроса, можетъ требовать отъ ближайшаго начальства немедленнаго своего освобожденія; 4) наказанія за оскорбленія величества должны быть прилагаемы къ однимъ только прямымъ дѣяніямъ, но отнюдь не къ словамъ и сочиненіямъ; 5) никто не можетъ быть потребованъ къ суду за такое преступленіе, за которое былъ уже однажды судомъ оправданъ; 6) казна, по тяжбамъ съ частными лицами, подчиняется въ порядкѣ судопроизводства одинаковымъ съ послѣдними правиламъ; 7) впредь никакія подати и налоги не могутъ быть учреждены иначе, какъ по именному указу, обнародованному черезъ Сенатъ. Затѣмъ было обѣщано усовершенствованіе законовъ вообще, покровительство торговлѣ и устройство удобныхъ путей сообщенія, свобода вѣры, слова, письма и дѣянія, поскольку они законамъ государственнымъ не противны.

Когда эта грамота обсуждалась въ Интимномъ Комитетѣ, Новосильцевъ высказалъ опасеніе, что «при данномъ состояніи государства» обязательства, изложенныя въ ней, окажутся неисполнимыми, и что быть можетъ придется даже со временемъ взять обѣщанія назадъ. Поэтому Комитетъ рѣшилъ не обнародовывать грамоты. Равнымъ образомъ онъ отклонилъ нѣсколько исходившихъ изъ сенаторской среды проектовъ о постепенномъ ограниченіи крѣпостного права.

Очевидно поэтому, что причина взаимнаго недоброжелательства «юныхъ наперсниковъ» и «стариковъ» коренилась не въ «якобинизмѣ» первыхъ и консерватизмѣ вторыхъ, а въ томъ, что они были представителями разныхъ общественныхъ теченій, боровшихся другъ съ другомъ. Члены Интимнаго Комитета являлись преимущественно приверженцами просвѣщеннаго абсолютизма: центромъ политики они считали либеральныя административныя реформы, а введеніе конституціоннаго образа правленія отодвигали вдаль. (Даже самый либеральный изъ нихъ Строгановъ, который въ годы ранней юности во время пребыванія въ Парижѣ состоялъ членомъ якобинскаго клуба, доказывалъ императору, что административныя преобразованія должны предшествовать ограниченію самодержавія). Напротивъ, нѣкоторые «старики», несмотря на весь свой показной консерватизмъ, думали начать именно съ конституціи, понимаемой ими въ смыслѣ ограниченія самодержавія Сенатомъ. Воспользовавшись повелѣніемъ Сенату представить докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, они не замедлили высказать свои пожеланія. Такъ, напр., Завадовскій предлагалъ узаконить то положеніе Сената, которое онъ занималъ при

оффиціальнаго значенія (частные протоколы засѣданій Комитета велись Строгановымъ; на основаніи ихъ мы и знакомимся съ характеромъ дѣятельности Комитета); 3) что осуществленіе этихъ постановленій зависѣло только отъ воли императора. Однако, несмотря на все это, Интимный Комитетъ все же имѣлъ важное вліяніе, какъ правительственное, такъ и общественное.

Именно, съ одной стороны часть его предположеній была осуществлена въ видѣ правительственныхъ мѣропріятій, съ другой стороны дѣятельность правительства пробуждала дремавшую общественную мысль и приглашала общество къ содѣйствію начинаніямъ правительства, къ самостоятельному почину въ постановкѣ и разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ.

§ 63. Учрежденіе министерствъ.

Опредѣленіе правъ Сената.

Бесѣдами, происходившими въ Интимномъ Комитетѣ, навѣяны были Высочайшіе указы 8 сентября 1802 г. объ опредѣленіи правъ Сената и объ учрежденіи министерствъ. Сенатъ объявлялся высшей судебной инстанціей и органомъ государственнаго надзора: онъ долженъ былъ наблюдать за правосудіемъ, собираніемъ податей и расходами имперіи, заботиться о народномъ благѣ, общественномъ спокойствіи и о прекращеніи всякихъ противозаконныхъ дѣяній. Ему было дозволено дѣлать государю представленія о такихъ указахъ, которые будутъ неясны или неудобны для проведенія въ жизнь, или несогласны съ прочими узаконеніями. (Впрочемъ, когда Сенатъ въ 1803 г. сдѣлалъ представленіе о несогласіи съ закономъ одного вновь изданнаго указа, императоръ разъяснилъ сенаторамъ, что дарованное Сенату право не относится къ новымъ указамъ, а можетъ примѣняться лишь къ прежнимъ, не приведеннымъ въ систему узаконеніямъ). Наконецъ, верховному надзору Сената подчинены были министры, обязанные представлять ему ежегодные отчеты о своей дѣятельности, на основаніи которыхъ Сенатъ дѣлалъ свои заключенія и представлялъ ихъ государю.

императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; Державинъ хотѣлъ ввести въ составъ Сената выборныхъ отъ высшихъ чиновниковъ; Мордвиновъ (проникнутый взглядами англійской партіи тори) думалъ сдѣлать Сенатъ законодательнымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ представителей отъ дворянства. Эти и подобные имъ проекты встрѣчены были очень несочувственно Интимнымъ Комитетомъ.

По мнѣнію изслѣдователя (профессора Довнаръ-Запольскаго), участники Интимнаго Комитета именно и помогли государю укрѣпить самодержавную власть и очень осторожно и дипломатично устранить тѣхъ сановниковъ, которые являлись приверженцами конституціи. Прежде всего удалены были отъ дѣлъ Паленъ, Панинъ и нѣкоторые другіе заговорщики, затѣмъ мало-по-малу утратили политическое вліяніе екатерининскіе сподвижники: Трощинскій, Беклешовъ и друг.

Министерства и Комитетъ Министровъ. Министерствъ учреждено было восемь: военно-сухопутное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, коммерціи и народнаго просвѣщенія. Для совмѣстнаго обсужденія общихъ государственныхъ дѣлъ учреждался «Комитетъ Министровъ». Должности министровъ и ихъ товарищей замѣщены были отчасти екатерининскими дѣльцами, отчасти молодыми сподвижниками Александра I. Такой способъ замѣщенія виднѣйшихъ государственныхъ должностей понравился современникамъ, видѣвшимъ въ немъ «соединеніе опытной старости съ предпріимчивостью и образованіемъ нашего времени». Однако учрежденіе министерствъ встрѣтило и многихъ противниковъ, указывавшихъ слѣдующіе недостатки вводимыхъ порядковъ: 1) усиленіе бюрократическаго (т. е. чиновничьяго) начала, 2) неточное опредѣленіе круга вѣдомства каждаго министерства въ отдѣльности и ихъ отношеній другъ къ другу (наспѣхъ организованныя новыя учрежденія не имѣли на первыхъ порахъ даже своихъ уставовъ), 3) неопредѣленность отношенія министерствъ къ Непремѣнному Совѣту, 4) призрачность отвѣтственности министровъ, которые по дѣламъ, подлежащимъ, по ихъ мнѣнію, «особливой тайнѣ», могли уклоняться отъ контроля Сената, 5) чрезмѣрное усиленіе «Комитета Министровъ», въ которомъ мало-по-малу сосредоточивалось обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ—и законодательныхъ, и судебныхъ, и внѣшней политики, и текущихъ дѣлъ управленія, вслѣдствіе чего «Непремѣнный Совѣтъ» приходилъ въ упадокъ, а Сенатъ, которому по закону подчинены были министры, на самомъ дѣлѣ находился въ подчиненіи у нихъ. Впрочемъ, само правительство не отрицало спѣшности и несовершенства устройства министерствъ и въ скоромъ времени, какъ увидимъ, приступило къ преобразованію ихъ. Съ несравненно большимъ сочувствіемъ, переходящимъ даже въ энтузіазмъ, отнеслась лучшая часть русскаго общества къ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ императора. Въ области народнаго просвѣщенія при министрѣ Завадовскомъ сдѣлано было чрезвычайно много (по словамъ историка Богдановича, «больше, чѣмъ за все предшествовавшее столѣтіе»).

§ 64. Просвѣтительныя мѣропріятія.

Учебная система. Въ январѣ 1803 года изданы были «предварительныя правила народнаго просвѣщенія» (составленныя, какъ полагаютъ, молодымъ энтузіастомъ Александровскаго царствованія Каразинымъ). Тогда же было устроено Главное Правленіе училищъ, въ составъ котораго вошли люди, беззавѣтно преданные дѣлу просвѣщенія, и которое представляло собою какъ бы комитетъ или совѣтъ при министрѣ, не отличавшемся лич-

ной энергіей. Нѣкоторые члены Правленія назначены были попечителями 6 учебныхъ округовъ, на которые раздѣлена была Россія. Постепенно создавалась цѣлая лѣстница учебныхъ заведеній, начинавшаяся приходскими училищами (съ одногодичнымъ курсомъ), подготовлявшими къ уѣзднымъ училищамъ (двухгодичный курсъ), служившимъ ступенью къ гимназіямъ (4-хъ-лѣтній курсъ), и завершавшаяся университетами, которые пользовались, по уставу 1804 года, широкой автономіей (т. е. самоуправленіемъ). Приходскія училища предназначались «для дѣтей всякаго состоянія, безъ разбору пола и лѣтъ и имѣли цѣлью доставлять дѣтямъ земледѣльческаго и иныхъ состояній свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію». Уѣздныя училища и гимназіи были также всесословными. Университеты, имѣвшіе цѣлью «пріуготовленіе юношества для вступленія въ различныя званія государственной службы», предназначались преимущественно для «свободныхъ состояній и особенно сословія дворянскаго». Впрочемъ, университетскій уставъ не содержалъ прямого запрещенія принимать въ студенты лицъ податного и несвободнаго сословія, а Высочайшій указъ 1811 г. объявлялъ, что цѣль университетовъ—«доставить подданнымъ всѣхъ состояній возможность почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени», и что окончившіе полный курсъ ученія въ университетахъ исключаются изъ податного класса. Однако, въ теченіе нѣкотораго времени, приблизительно до 1820 г., въ силу различныхъ министерскихъ распоряженій, лица податного званія, поступавшія въ университетъ, не были полноправными студентами и носили названіе вольнослушателей. Впослѣдствіи ихъ ограниченія были мало-по-малу отмѣнены, а самое понятіе «вольнослушатель» пріобрѣло другое значеніе. Изъ изложеннаго видно, что въ учебной системѣ императора Александра I принципъ безсословности преобладалъ надъ сословнымъ началомъ. Къ прежнимъ университетамъ въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ прибавилось еще три: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ (послѣдній былъ образованъ въ 1819 году изъ Педагогическаго Института), кромѣ того, открыты были два лицея: въ Царскомъ Селѣ и Ярославлѣ и еще нѣсколько спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній [1]).

Огромную поддержку правительству оказало общество своими щедрыми пожертвованіями: Ярославскій Лицей былъ основанъ на средства Демидова, гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ — на средства

[1]) Гимназій учреждено было 42, уѣздныхъ училищъ—405. На нужды народнаго просвѣщенія въ 1804 году ассигновано было 2.800.000 р., тогда какъ самая большая ассигновка при Екатеринѣ II не превышала 780.000 р. въ годъ. (Эти цифры приводятся историкомъ Корниловымъ).

Безбородко: харьковскіе дворяне въ отвѣтъ на воззваніе Каразина собрали свыше 400 тысячъ рублей на устройство университета; было много и другихъ пожертвованій. Такимъ образомъ правительство работало въ полномъ единеніи съ лучшею частью русскаго образованнаго общества.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ учебная система Александра I имѣла и крупные недочеты: напр., она отличалась чрезмѣрною дробностью учебныхъ заведеній, которыя не давали притомъ законченнаго образованія; далѣе, программа гимназій была слишкомъ трудной, непосильной для средняго уровня общества того времени, вслѣдствіе чего многіе предпочитали имъ частные пансіоны съ сокращеннымъ и упрощеннымъ курсомъ; университетскія каѳедры, за неимѣніемъ русскихъ ученыхъ, пополнялись иностранцами, читавшими лекціи на мало-понятномъ латинскомъ языкѣ; поэтому университеты часто пустовали, несмотря на то, что правительство привлекало туда студентовъ и стипендіями, и правами государственной службы. Многіе изъ этихъ недостатковъ съ теченіемъ времени были замѣчены и устранены. Такъ, напр., чтобы избѣжать необходимости выписывать иностранныхъ ученыхъ, стали посылать русскую молодежь за границу для довершенія образованія; чтобы облегчить научныя занятія, въ гимназіяхъ обратили особое вниманіе на древніе языки, упростивъ другіе отдѣлы программы.

Цензурный уставъ.

Императоръ Александръ I не ограничивался устройствомъ учебныхъ заведеній: онъ покровительствовалъ также ученымъ обществамъ и поощрялъ литературу какъ оригинальную, такъ и переводную. Случалось, что авторы присылали ему свои рукописи, и государь приказывалъ издавать ихъ на свой счетъ. По Высочайшему повелѣнію, были переведены многія иностранныя сочиненія, касавшіяся общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Распространеніе книгъ и журналовъ[1]) не встрѣчало затрудненій, такъ какъ новый цензурный уставъ 1804 года отличался мягкостью. «Назначеніе цензуры (которая была поручена цензурнымъ комитетамъ при университетахъ, состоявшимъ въ общемъ вѣдѣніи Главнаго Правленія училищъ) заключалось не въ стѣсненіи свободы мыслить и писать, а единственно въ принятіи пристойныхъ мѣръ противъ злоупотребленія

[1]) Изъ журналовъ на первомъ мѣстѣ нужно упомянуть издававшійся съ 1802 г. Карамзинымъ «Вѣстникъ Европы». Онъ имѣлъ своей цѣлью способствовать распространенію просвѣщенія и защищать либеральныя мѣропріятія правительства. Еще болѣе либеральными были «Московскій Меркурій», отстаивавшій права женщинъ на образованіе и участіе въ общественной жизни и такимъ образомъ ставившій на очередь женскій вопросъ, «Сѣверный Вѣстникъ», проводившій конституціонныя идеи, и «Журналъ Россійской Словесности», главный сотрудникъ котораго Пнинъ отстаивалъ свободу печати и нападалъ на рабство. Извѣстнѣйшимъ изъ консервативныхъ органовъ былъ «Другъ Просвѣщенія», въ которомъ дѣлались нападки на нововведенія.

оной, въ доставленіи обществу книгъ и сочиненій, способствующихъ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и въ удаленіи сочиненій, противныхъ сему намѣренію».

§ 65. Крестьянскій вопросъ.

Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

Общество оказало содѣйствіе правительству не только въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія, но отчасти и въ такомъ больномъ вопросѣ, какъ крестьянскій. Такъ, графъ С. П. Румянцевъ, желая отпустить на волю своихъ крестьянъ, представилъ государю проектъ освобожденія ихъ, слѣдствіемъ чего было изданіе указа 2 февраля 1803 года о «свободныхъ хлѣбопашцахъ». Этотъ законъ предоставлялъ помѣщикамъ право отпускать на волю своихъ крестьянъ, надѣляя ихъ землей, за что освобожденные, получавшіе названіе «свободныхъ хлѣбопашцевъ», отбывали въ пользу помѣщиковъ извѣстныя повинности (или выплачивали извѣстную сумму) по соглашенію съ ними. Важнаго практическаго значенія этотъ указъ не имѣлъ (за все царствованіе Александра по новому закону отпущено было на волю только нѣсколько десятковъ тысячъ крѣпостныхъ), но принципіальная роль его очень велика: 1) непремѣннымъ условіемъ освобожденія онъ ставилъ обезпеченіе крестьянъ землею, 2) онъ послужилъ сигналомъ къ гласному обсужденію крестьянскаго вопроса, 3) былъ все же крупнымъ шагомъ впередъ на пути постепеннаго ограниченія крѣпостного права, почему и вызвалъ страшное негодованіе крѣпостниковъ (среди которыхъ оказался и Державинъ, обвинявшій Румянцева въ желаніи подольститься къ государю и въ стачкѣ съ «якобинской шайкой»—участниками Интимнаго Комитета).

Примѣръ Румянцева оказался не единичнымъ: въ 1804 г. по желанію лифляндскаго дворянства утверждены были правила, улучшавшія бытъ лифляндскихъ крестьянъ. Послѣдніе получали личныя гражданскія права, самоуправленіе и волостной судъ и превращались въ наслѣдственныхъ владѣльцевъ своихъ участковъ, обязанныхъ двухдневной барщиной и несшихъ опредѣленныя денежныя повинности. Въ слѣдующемъ 1805 году на подобныхъ основаніяхъ преобразованъ былъ также бытъ эстляндскаго крестьянства.

Другія мѣры, касавшіяся крестьянъ.

Изъ другихъ мѣръ правительства, касавшихся крестьянскаго вопроса, слѣдуетъ отмѣтить: 1) прекращеніе раздачи земель, населенныхъ государственными крестьянами, въ частное владѣніе (что въ широкихъ размѣрахъ практиковалось при Екатеринѣ II и Павлѣ I), 2) запрещеніе публикацій о продажѣ крестьянъ безъ земли, 3) разрѣшеніе людямъ всѣхъ свободныхъ состояній, значитъ, и государственнымъ крестьянамъ, пріобрѣтать земли. Эта мѣра про-

ведена была по совѣту Мордвинова, смотрѣвшаго на нее какъ на окольный путь къ ограниченію крѣпостного права. Именно, по словамъ историка (Корнилова), «онъ надѣялся, что на земляхъ, которыми позволятъ владѣть разночинцамъ, образуются фермы съ наемнымъ трудомъ, которыя явятся конкурентами крѣпостному хозяйству и побудятъ помѣщиковъ потомъ къ упраздненію крѣпостного права». Иными словами, «Мордвиновъ стремился создать такой экономическій строй, при которомъ дворянство само признало бы невыгоднымъ подневольный трудъ крѣпостныхъ и само (безъ всякаго вмѣшательства правительственной власти) отказалось бы отъ своихъ правъ на нихъ». Являясь, такимъ образомъ, сторонникомъ подготовленія экономической почвы для отмѣны крѣпостного права, Мордвиновъ заботился однако и о дворянскихъ интересахъ. Такъ, онъ хотѣлъ, чтобы «значительная часть казенныхъ земель была продана или роздана дворянству», которое превратится вслѣдствіе этого въ независимую земельную аристократію, ограничивающую верховную власть. Болѣе смѣлое рѣшеніе крестьянскаго вопроса предлагалъ графъ Пл. Зубовъ, составившій проектъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли и о выкупѣ правительствомъ всѣхъ дворовыхъ съ тѣмъ, чтобы ихъ вписать въ гильдіи и цехи. Этотъ проектъ былъ отклоненъ послѣ обсужденія его въ Интимномъ Комитетѣ. (Новосильцевъ утверждалъ, что у государства нѣтъ средствъ для выкупа дворовыхъ, и что такое рѣшеніе крестьянскаго вопроса можетъ вызвать раздраженіе дворянства; Строгановъ, напротивъ, старался доказать, будто это раздраженіе не опасно, и будто «дворянство въ политическомъ отношеніи въ Россіи представляетъ нуль»; гораздо опаснѣе, по его мнѣнію, поколебать надежды крестьянъ, которые считаютъ своимъ единственнымъ защитникомъ государя).

Въ связи съ крестьянскимъ вопросомъ обсуждалось переселенческое дѣло; именно, рѣшено было заселять южно-русскія степи преимущественно русскими малоземельными крестьянами, а не иноземцами. Колонизаціонный вопросъ выдвинулъ на очередь вопросы еврейскій и сектантскій. Первый занималъ правительство еще при Екатеринѣ II, въ царствованіе которой присоединены были польскія области съ милліоннымъ еврейскимъ населеніемъ. Тогда установлена была черта еврейской осѣдлости, въ которую входили, кромѣ нихъ, также Малороссія, Новороссія и Крымъ. При Александрѣ I въ 1804 году издано было «положеніе о евреяхъ», расширявшее черту осѣдлости включеніемъ въ нее губерній Астраханской и Кавказской и указывавшее мѣры, которыя могли бы способствовать сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и направлять ихъ къ полезному труду. Такъ, напр., «положеніе» заботилось объ ихъ просвѣщеніи, предоставляя ихъ дѣтямъ право поступать безъ ограниченія во всѣ учебныя заведенія; рекомендовалось также пріучать евреевъ къ земледѣльческому труду. Къ сектантамъ, въ частности къ духоборамъ (эта секта отвер-

гала таинства, обряды, церковную іерархію и вообще внѣшній культъ, но въ то же время требовала отъ своихъ приверженцевъ самой строгой нравственной жизни) правительство Александра I относилось съ величайшей терпимостью. Духоборамъ разрѣшено было переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губ., гдѣ они были освобождены отъ преслѣдованій и даже отъ увѣщаній. Таковы были мѣропріятія правительства, стоявшія въ связи съ дѣятельностью Интимнаго Комитета.

§ 66. Внѣшняя политика перваго періода.

Менѣе всего вліянія оказалъ Интимный Комитетъ на внѣшнюю политику императора Александра I. Правда, въ первый годъ правленія государь выказалъ большую сдержанность и осторожность по отношенію къ другимъ державамъ: онъ поспѣшилъ возстановить мирныя отношенія съ Англіей и Австріей, къ борьбѣ съ которыми готовился Павелъ I, и не безъ колебаній принялъ въ свое подданство Грузію, которую ея царь Георгій XII завѣщалъ еще Павлу I. Согласившись на присоединеніе Грузіи, императоръ Александръ I 12 сентября 1801 года издалъ манифестъ объ установленіи порядка внутренняго управленія этой страной. Именно, рѣшено было сохранить за грузинскимъ народомъ его права и преимущества, а также всѣ прежніе его обычаи и употреблять доходы съ него исключительно на мѣстныя, т. е. грузинскія, нужды. Такимъ образомъ вновь присоединяемый край долженъ былъ пользоваться широкимъ самоуправленіемъ. Но на дѣлѣ пожеланія манифеста осуществились далеко не вполнѣ: представители русской власти такъ же, какъ при Екатеринѣ II, своимъ высокомѣрнымъ обращеніемъ раздражали грузинъ.

Однако вскорѣ Александръ I измѣнилъ своему первоначальному принципу невмѣшательства въ западно-европейскія дѣла.

Уже въ 1802 году императоръ, вопреки совѣтамъ своихъ сподвижниковъ, отправился въ Мемель на свиданіе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Хотя оно носило частный, а не политическій характеръ, однако тѣсная дружба, установившаяся въ Мемелѣ между двумя монархами, имѣла важное политическое значеніе тѣмъ болѣе, что какъ разъ съ этого времени началось охлажденіе Александра I къ Наполеону Бонапарту. Это охлажденіе назрѣвало постепенно и обусловливалось нѣсколькими причинами: 1) принятіе Бонапартомъ званія пожизненнаго консула произвело на Александра I крайне неблагопріятное впечатлѣніе (онъ выразилъ его слѣдующими словами: «завѣса упала... отнынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи»); 2) между русскимъ и французскимъ дворами возникли недоразумѣнія изъ-за сардинскаго короля, котораго поддерживалъ Александръ I и, напротивъ, всячески

тѣснилъ Наполеонъ; къ тому же русскій посолъ въ Парижѣ гр. Морковъ, высокомѣрный вельможа екатерининскаго времени, не терпѣвшій французовъ, непрестанно оскорблялъ перваго консула пренебрежительнымъ отношеніемъ, а своими донесеніями возбуждалъ непріязнь Александра I къ Наполеону; хотя вслѣдствіе настояній послѣдняго Морковъ и былъ въ концѣ концовъ отозванъ, однако при этомъ былъ щедро награжденъ русскимъ правительствомъ, изъ чего Бонапартъ могъ убѣдиться, что оно не осуждаетъ поведенія своего посла; кромѣ того, какъ бы въ знакъ пренебреженія къ французамъ, замѣстителемъ Моркова назначено было очень нечиновное лицо (статскій совѣтникъ Убри); 3) въ 1804 г. Наполеонъ, чтобы устрашить роялистовъ, приказалъ своимъ солдатамъ арестовать одного изъ французскихъ принцевъ—герцога Ангіенскаго, проживавшаго въ Германіи, и предалъ его разстрѣлянію въ Парижѣ; это было не только жестокой расправой (тѣмъ болѣе жестокой, что герцогъ не былъ причастенъ къ заговорамъ противъ Наполеона), но и нарушеніемъ международнаго права, такъ какъ арестъ былъ произведенъ на иноземной территоріи. Поступокъ Бонапарта произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на европейскихъ монарховъ. Россія отозвалась на него двумя нотами (т. е. дипломатическими заявленіями): одна, обращенная къ Германскому сейму, приглашала всѣ нѣмецкія государства протестовать противъ нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи, другая, отправленная въ Парижъ, выражала надежду, что «первый консулъ почувствуетъ необходимость употребить самыя дѣйствительныя средства, чтобы успокоить всѣ правительства относительно только что внушенныхъ имъ опасеній, и содѣйствовать прекращенію порядка вещей въ Европѣ, слишкомъ тревожнаго для ихъ безопасности и независимости, на которыя они имѣютъ неоспоримое право». На эту сдержанную ноту французское правительство отвѣтило вызывающе.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Участіе Россіи въ коалиціи противъ Наполеона.

§ 67. **Война 1805—1806 гг.**

Разстрѣляніе герцога Ангіенскаго, послѣдовавшее вскорѣ за этимъ принятіе Наполеономъ императорскаго титула и превращеніе Ломбардіи въ подвластное ему королевство Италійское послужили поводомъ къ окончательному разрыву императора Александра I съ французскимъ правительствомъ. Россія вступила въ коалицію, надъ созданіемъ которой усердно работалъ англійскій министръ Питтъ, привлекшій къ участію въ ней также Австрію и Швецію. Съ этого времени Александръ I окончательно измѣнилъ политикѣ невмѣшательства, чтобы

сдѣлаться вершителемъ судебъ Европы. Задумавъ борьбу съ Франціей, русская дипломатія не сразу выработала планъ ея. Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Чарторыйскій совѣтовалъ государю начать войну съ Наполеономъ во имя принципа возстановленія національностей. Какъ страстный польскій патріотъ, Чарторыйскій выдвигалъ этотъ принципъ потому, что ему хотѣлось убѣдить Александра I прежде всего возстановить Польшу въ ея прежнихъ предѣлахъ, связать ее династической уніей съ Россіей, а затѣмъ сдѣлать изъ нея главный оплотъ для борьбы съ Франціей, а если будетъ нужно, то и съ Пруссіей. Горячимъ противникомъ этого плана выступилъ молодой адъютантъ государя кн. Долгорукій, упрекавшій Чарторыйскаго въ исключительномъ пристрастіи къ польскимъ интересамъ. Самъ императоръ колебался, надѣясь на возможность привлеченія къ войнѣ съ Наполеономъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III. Остановившись на пути къ русскимъ войскамъ, сосредоточеннымъ у западной границы, въ имѣніи Чарторыйскихъ—Пулавахъ, Александръ охотно выслушивалъ поэтическіе разсказы о прошломъ величіи Польши и принималъ восторги поляковъ, ожидавшихъ, что онъ поведетъ ихъ противъ Пруссіи (какъ извѣстно, особенно замѣшанной въ польскихъ раздѣлахъ), но въ то же время, къ великому разочарованію Чарторыйскаго и его партіи, отправилъ князя Долгорукова для секретныхъ переговоровъ въ Берлинъ, а вскорѣ и самъ поѣхалъ туда. При этомъ свиданіи еще болѣе окрѣпла дружба между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, въ неизмѣнности которой они поклялись надъ гробомъ Фридриха Великаго; однако прусскій король не отваживался на борьбу съ Наполеономъ, и Александръ I долженъ былъ ѣхать къ своей арміи, не заручившись помощью своего друга. А между тѣмъ Наполеонъ уже велъ войну. Его попытка сдѣлать высадку въ Англію потерпѣла крушеніе, такъ какъ французскій флотъ былъ уничтоженъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ въ битвѣ при Трафальгарѣ (въ 1805 г.). Зато на сушѣ Наполеонъ дѣйствовалъ очень удачно. Разбивъ австрійцевъ, онъ заставилъ цѣлую ихъ армію сдаться на капитуляцію (т. е. въ плѣнъ) при Ульмѣ, занялъ Вѣну и сталъ надвигаться на русскія войска, которыя, вмѣстѣ съ остатками австрійскихъ, имѣли главную квартиру въ Ольмюцѣ. Сюда же пріѣхалъ и Александръ I со своими приближенными. Положеніе русско-австрійской арміи оказалось не блестящимъ: она не была достаточно снабжена провіантомъ; между русскими и австрійцами происходили пререканія; наконецъ, главнокомандующій Кутузовъ, на котораго падала отвѣтственность, былъ лишенъ всякой самостоятельности, такъ какъ всѣмъ заправляли молодые сподвижники Александра, смотрѣвшіе слишкомъ самонадѣянно и на Наполеона, и на предстоящую борьбу съ нимъ: вопреки мнѣнію Кутузова, настаивавшаго на выжидательномъ образѣ дѣйствій, они рвались во что бы то ни стало въ генеральное сраженіе. Планъ его по-

ручено было выработать австрійскому генералу Вейротеру. Обсуждался онъ, по словамъ современниковъ, наканунѣ дня, назначеннаго для битвы: невнятно прочтенный на не всѣмъ понятномъ нѣмецкомъ языкѣ и наспѣхъ переведенный на русскій, планъ этотъ былъ врученъ нѣкоторымъ начальникамъ отдѣльныхъ частей уже тогда, когда они двинулись въ бой.

Генеральное сраженіе произошло при Аустерлицѣ (въ Моравіи) 20 ноября (2 декабря по нов. ст.) 1805 г. Извѣстное подъ названіемъ «битвы трехъ императоровъ» (на полѣ брани находились Александръ I, германскій императоръ Францъ II и Наполеонъ), оно окончилось полной побѣдой французовъ и страшнымъ пораженіемъ союзниковъ (русскихъ пало 21 тысяча, австрійцевъ—6 т., а французовъ—12 т.). Аустерлицкое сраженіе имѣло роковыя послѣдствія для Австріи, которая поспѣшила заключить съ Франціей невыгодный для себя миръ въ Пресбургѣ: По условіямъ этого мира, Австрія уступала Венеціанскую область (она была присоединена къ Италійскому королевству) и Тироль (отданный Наполеономъ своему союзнику курфюрсту Баварскому) и соглашалась на территоріальныя измѣненія въ Италіи и Германіи. На территорію послѣдней Наполеонъ смотрѣлъ какъ на земельный капиталъ для вознагражденія своихъ южно-германскихъ союзниковъ и для частичнаго удовлетворенія пострадавшихъ въ борьбѣ съ нимъ, раздавая имъ множество мелкихъ (преимущественно духовныхъ) нѣмецкихъ владѣній. Далѣе Наполеонъ покусился и на самое существованіе имперіи: изъ государствъ юго-западныхъ и прирейнскихъ нѣмецкихъ князей онъ образовалъ подъ своимъ протекторатомъ, т. е. покровительствомъ, Рейнскій союзъ, отъ котораго получалъ вспомогательныя войска, и распространилъ такимъ образомъ свое вліяніе на значительную часть Германіи; вслѣдствіе этого императору Францу II не оставалось ничего другого, какъ отказаться отъ титула императора Священной Римской Имперіи Германской націи и принять титулъ императора Австрійскаго съ именемъ Франца I. Такимъ образомъ въ 1806 г. покончила свое тысячелѣтнее существованіе (основанная Карломъ Великимъ) Священная Римская Имперія Германской націи.

§ 68. Война 1806—1807 г.г.

Пока Наполеонъ мощной рукой разрушалъ феодальный строй въ Германіи, на него ополчалась Пруссія, которая вышла изъ коалиціи противъ Франціи еще въ 1795 г. (Базельскій миръ) и за свой нейтралитетъ получала вознагражденія отъ французовъ. Со времени вступленія въ коалицію Россіи Фридрихъ-Вильгельмъ III началъ двойную игру: онъ находился въ одно и то же время въ союзѣ съ Наполеономъ противъ Россіи и въ негласномъ союзѣ съ Александромъ I противъ

Франціи и обоимъ своимъ союзникамъ писалъ одинаково любезныя письма. Такое странное положеніе союзника двухъ враговъ не могло продолжаться долго: обстоятельства требовали у Фридриха-Вильгельма III выбора между французскимъ и русскимъ императорами, тѣмъ болѣе, что послѣ Аустерлицкаго пораженія Александръ I не считалъ себя побѣжденнымъ, отказывался отъ всякихъ переговоровъ съ Наполеономъ и, строго наказавъ тѣхъ генераловъ, которыхъ онъ считалъ виновными въ Аустерлицкой неудачѣ (двое изъ нихъ были разжалованы въ солдаты), готовился къ продолженію упорной борьбы. Король рѣшился, наконецъ, на выборъ: прусскія войска были посланы въ походъ на французовъ. Живя памятью о былой славѣ Фридриха Великаго, они были преисполнены надеждъ на скорый и вѣрный успѣхъ. Однако въ нѣсколько дней Пруссія была совершенно разгромлена. Французы нанесли ея войскамъ страшное пораженіе при Іенѣ, а затѣмъ при Ауэрштедтѣ, заняли Берлинъ и прусскую Польшу съ Варшавой и побѣдили союзныхъ съ Пруссіей сѣверо-германскихъ князей. Фридрихъ-Вильгельмъ III долженъ былъ искать спасенія въ восточныхъ провинціяхъ и возлагалъ всѣ свои надежды на помощь Россіи. Александръ I дѣятельно готовился къ войнѣ. Манифестъ созывалъ народное ополченіе, въ церквахъ читались синодскія увѣщанія, въ которыхъ Наполеонъ изображался гонителемъ православной церкви, исчадіемъ ада, чуть не антихристомъ, мечтавшимъ провозгласить себя Мессіей. Синодъ подробно перечислялъ «всему міру извѣстные богопротивные его замыслы и дѣянія, коими онъ попралъ законъ и правду», утверждалъ, будто онъ «воздавалъ поклоненіе истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ», будто въ Египтѣ онъ проповѣдывалъ алкоранъ Магомета, а во Франціи «помышляетъ соединить іудеевъ и устремить ихъ на ниспроверженіе церкви Христовой». Такимъ образомъ, войнѣ, предпринимаемой исключительно изъ-за интересовъ прусскаго короля, придавался національный и религіозный характеръ; разжигалась народная ненависть къ французамъ. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ назначенъ былъ графъ Каменскій, стяжавшій побѣдныя лавры въ войнахъ екатерининскаго времени, но теперь уже совершенно дряхлый и почти слѣпой старикъ, не довѣрявшій никому изъ своихъ помощниковъ и не умѣвшій внушить имъ чувства дисциплины, вслѣдствіе чего они соперничали и враждовали другъ съ другомъ. (Особенно острый споръ изъ-за старшинства происходилъ между Беннигсеномъ и Буксгевденомъ). Вскорѣ Каменскій по болѣзни оставилъ командованіе; замѣнившій его Беннигсенъ отразилъ французовъ при Пултускѣ, а затѣмъ далъ имъ кровопролитное сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, исходъ котораго остался нерѣшеннымъ, такъ какъ и та и другая сторона приписывали себѣ побѣду. (Наполеонъ называлъ битву при Эйлау не сраженіемъ, а «рѣзней». Дѣйствительно жертвъ было очень много; русскіе потеряли 26 тысячъ человѣкъ). Но жестокая неудача, постигшая Беннигсена

при Фридландѣ (сраженіе произошло въ іюнѣ 1807 г.; русскихъ пало до 15 тыс. человѣкъ), и отступленіе русскихъ за Нѣманъ положили конецъ войнѣ. Послѣ Фридландскаго пораженія Александръ I сталъ склоняться къ заключенію мира съ Наполеономъ. Послѣдній также хотѣлъ мира и союза съ Александромъ I, какъ наименѣе заинтересованымъ въ западно-европейскихъ дѣлахъ, и домогался личныхъ переговоровъ съ нимъ, выказывая ему заочно свою глубокую симпатію и увѣряя, что они вдвоемъ договорятся другъ съ другомъ гораздо скорѣе, чѣмъ ихъ министры. Александръ согласился на свиданіе, которое было устроено на плоту на рѣкѣ Нѣманѣ. Оно имѣло очень дружественный характеръ, такъ какъ въ первой же фразѣ русскій императоръ выразилъ свое нерасположеніе къ англичанамъ, къ которымъ пылалъ враждою Наполеонъ. Переговоры двухъ императоровъ продолжались затѣмъ въ городѣ Тильзитѣ, который былъ объявленъ нейтральнымъ и раздѣленъ на двѣ половины: французскую и русскую. Фридрихъ-Вильгельмъ III въ теченіе долгаго времени допускался въ Тильзитъ только для краткихъ переговоровъ. Вообще насколько Наполеонъ подчеркивалъ свое исключительное уваженіе къ Александру и всячески льстилъ русскимъ солдатамъ (принимавшимъ, впрочемъ, очень холодно вниманіе французовъ), настолько же пренебрежительно и свысока относился онъ къ прусскому королю, неоднократно указывая ему, даже въ оффиціальныхъ случаяхъ, что лишь благодаря заступничеству русскаго императора онъ не вычеркнутъ вовсе изъ списка европейскихъ государей. Дѣйствительно Пруссіи грозила опасность исчезнуть съ карты Европы, и только Александръ I отстоялъ передъ Наполеономъ неприкосновенность половины ея владѣній. Другая половина была отнята [1]).

Таковы были послѣдствія Тильзитскаго мира 1807 г. для Пруссіи. Совершенно иначе обстояло дѣло съ Россіей, союза съ которой усиленно искалъ Наполеонъ. По заключенному въ Тильзитѣ договору, оставшемуся въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ секретнымъ, 1) императоръ Александръ I обѣщалъ Франціи свое содѣйствіе въ заключеніи мира съ Англіей; въ случаѣ же невозможности его, онъ обязывался принять придуманную Наполеономъ для подорванія англійской торговли и морского могущества «континентальную систему или блокаду», т. е. закрыть всѣ русскіе порты для англійскихъ товаровъ и вообще прекратить торговлю съ Англіей (эту систему Наполеонъ навязывалъ и другимъ континентальнымъ государствамъ,

[1]) Любопытно отмѣтить, что передъ самымъ Тильзитскимъ миромъ министры совершенно разгромленной Наполеономъ Пруссіи составляли проектъ значительнаго расширенія ея территоріи посредствомъ присоединенія къ ней Саксоніи и нѣсколькихъ вольныхъ нѣмецкихъ городовъ, предоставляя Франціи, Россіи и Австріи вознаграждать себя на счетъ Турціи. По словамъ историка (Довнаръ-Запольскаго), «когда читаешь этотъ проектъ, можно думать, что пруссаки занимали въ это время Парижъ», а не французы—Берлинъ.

стремясь совершенно изолировать Англію отъ континента); 2) Александръ I изъявлялъ свое согласіе на тѣ территоріальныя измѣненія, которыя Наполеонъ найдетъ нужнымъ сдѣлать въ Западной Европѣ, между прочимъ, на образованіе изъ польскихъ земель, пріобрѣтенныхъ нѣкогда Пруссіей по 2-му и 3-му раздѣламъ Польши, Варшавскаго герцогства подъ главенствомъ саксонскаго короля — союзника Франціи (Бѣлостокская область отходила къ Россіи); 3) въ свою очередь, Наполеонъ обязывался оказать свое посредничество для заключенія мира между Россіей и Турціей, которыя начали въ это время войну, и соглашался на присоединеніе въ будущемъ къ Россіи двухъ турецкихъ областей: Молдавіи и Валахіи, а также предоставлялъ Александру I свободу дѣйствій по отношенію къ Швеціи, если она не приметъ континентальной системы, и даже побуждалъ его отобрать Финляндію у шведскаго короля—непримиримаго своего врага; 4) между двумя императорами, какъ бы подѣлившими между собою вліяніе на Западѣ и Востокѣ Европы, устанавливался дружественный союзъ для умиротворенія ея.

Дружба эта была, конечно, неискренней. Хотя нѣкоторые современники увѣряютъ, будто Александръ I поддался обаянію Наполеона, слишкомъ положился на его благородство и не позаботился поэтому о письменномъ закрѣпленіи многихъ его пышныхъ обѣщаній, однако, по всей вѣроятности, со стороны Александра I это была только искусная дипломатическая игра. Недаромъ уже въ это время онъ обратился къ прусскому уполномоченному со словами: «Подождите, имѣйте терпѣніе: мы еще повоюемъ съ Наполеономъ». Разсказываютъ, что и Наполеонъ говорилъ своимъ близкимъ: «Меня увѣряютъ, что Александръ I меня обманываетъ... Но надо же было дать Европѣ хоть на нѣкоторое время миръ».

Сущность происшедшихъ послѣ Тильзитскаго мира событій сводится къ слѣдующему: I. Наполеонъ, пользуясь невмѣшательствомъ Россіи и полнымъ разгромомъ Германіи, продолжалъ свои завоеванія и захваты въ Западной Европѣ. II. Французское владычество, несшее съ собою «новые» политическіе и общественные порядки, задѣвало, однако, національное чувство покоренныхъ и вызывало въ ихъ средѣ національныя движенія, имѣвшія характеръ народныхъ войнъ. III. Пруссія, угрожаемая утратой политической самостоятельности и болѣзненно чувствовавшая иго Наполеона, готовилась къ борьбѣ съ нимъ, почерпая новыя силы въ подъемѣ національнаго и патріотическаго чувства и въ проведеніи широкихъ реформъ. IV. Въ Россіи послѣ Тильзитскаго мира начался третій періодъ царствованія Александра I.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Союзъ съ Наполеономъ и новыя попытки реформъ.

Внѣшняя политика этого періода характеризуется союзомъ императора Александра I съ Наполеономъ и цѣлымъ рядомъ войнъ, значительная часть которыхъ стояла въ связи съ условіями Тильзитскаго мира 1807 года; внутренняя политика—новыми попытками реформъ, вдохновителемъ которыхъ былъ великій государственный дѣятель М. М. Сперанскій; общественное же настроеніе этого времени—острымъ недовольствомъ по поводу Тильзитскаго мира, обусловленнымъ причинами какъ психологическими (русскій народъ не могъ примириться съ мыслью, что тотъ самый Бонапартъ, котораго синодскія увѣщанія въ 1806 г. представляли истребителемъ православія, сдѣлался въ 1807 г. союзникомъ и другомъ русскаго православнаго государя), такъ и экономическими (континентальная система, какъ увидимъ, нанесла неисчислимый вредъ русской торговлѣ и повела къ полному разстройству финансовъ).

§ 69. Внѣшняя политика 1807—1812 г.г.

Свиданіе въ Эрфуртѣ. Несмотря на все несочувствіе общества союзу съ Наполеономъ, императоръ Александръ I счелъ нужнымъ скрѣпить его личнымъ свиданіемъ съ французскимъ императоромъ въ Эрфуртѣ въ 1808 г. Въ этомъ городкѣ Наполеонъ устроилъ съѣздъ чуть не всѣхъ европейскихъ государей и вельможъ и ярко подчеркивалъ свое владычество почти надъ всей Западной Европой. Правда, полное торжество мірового властелина, заставлявшаго трепетать многихъ коронованныхъ особъ, было значительно отравлено холоднымъ и сдержаннымъ отношеніемъ императора Александра I, который не выказывалъ уже Наполеону той дружбы, какъ въ Тильзитѣ. Однако, недоразумѣнія между ними (вызванныя, между прочимъ, русскимъ посломъ въ Парижѣ гр. Толстымъ, враждебно относившимся къ французскому правительству, а также пререканіями изъ-за восточнаго вопроса) были улажены, а союзъ скрѣпленъ; Наполеонъ подтвердилъ свое согласіе на ожидаемое присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи, а Александръ I обязался примѣнять континентальную систему и оказать поддержку Наполеону въ случаѣ новой войны его съ Австріей.

«Безкровная» война Россіи съ Австріей. Эта война дѣйствительно возгорѣлась въ 1809 г., несмотря на всѣ усилія Александра I предупредить ее; униженная и разбитая Австрія хотѣла еще разъ испытать свою судьбу. Въ силу договора съ Наполеономъ, государь послалъ ему вспомогательный от-

рядъ. Однако русскіе, тяготясь обязанностью помогать французамъ противъ прежнихъ своихъ союзниковъ, явно уклонялись отъ сраженій съ послѣдними: вынужденная война Россіи съ Австріей получила даже названіе «безкровной». Тѣмъ не менѣе Наполеонъ продолжалъ выражать свою преданность Александру I и вознаградилъ его за «безкровную войну» Тарнопольскимъ округомъ, т. е. частью отобранной у Австріи Галиціи, отдавъ другую ея часть герцогству Варшавскому: миръ, хотя бы и «худой», съ Россіей былъ необходимъ въ данное время Наполеону, такъ какъ онъ былъ всецѣло поглощенъ проведеніемъ континентальной системы.

Война съ Англіей.

Принятіе континентальной системы Александромъ I повлекло за собою войны его съ Англіей (1806—1811 г.г.) и Швеціей. Военныя дѣйствія англійскаго флота противъ русскихъ въ Средиземномъ и Бѣломъ моряхъ серьезнаго значенія не имѣли. Сводились они къ слѣдующему: русская эскадра адмирала Сенявина, находившаяся въ Средиземномъ морѣ, получивъ извѣстіе о разрывѣ съ Англіей, вышла въ Атлантическій океанъ, но была заперта англичанами въ Лиссабонскомъ порту. Сенявину пришлось заключить съ врагами условіе, по которому онъ отдавалъ свой флотъ на храненіе англійскому правительству съ тѣмъ, чтобы оно вернуло его по окончаніи войны, а самъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ возвращался на родину сухимъ путемъ. Съ Бѣлаго моря англичане дѣлали нападенія на г. Колу и рыбацкія поселенія, расположенныя на Мурманскомъ берегу. Бо́льшую опасность представляла англійская эскадра, отправленная въ Балтійское море на помощь Швеціи, также воевавшей съ Россіей въ 1808 и 1809 г.г.

Война со Швеціей.

Императору Александру I предоставлена была, какъ сказано, борьба со Швеціей, если она не примѣнитъ континентальной системы и не откажется отъ союза съ Англіей. Надѣяться на это было невозможно, такъ какъ шведскій престолъ занималъ Густавъ IV, заклятый врагъ Наполеона и притомъ человѣкъ очень неуравновѣшенный и нетактичный, искавшій повода къ разрыву съ Россіей. Наполеонъ, въ свою очередь, всячески побуждалъ Александра I къ войнѣ со Швеціей. Русскія войска подъ начальствомъ Буксгевдена вступили въ Финляндію, заняли ее и взяли крѣпость Свеаборгъ. Удачныя дѣйствія замѣстителя Буксгевдена Кнорринга вызвали въ Швеціи народное возмущеніе противъ короля: Густавъ IV былъ свергнутъ съ престола, его преемникомъ былъ избранъ его дядя Карлъ XIII, а наслѣдникомъ послѣдняго—одинъ изъ французскихъ маршаловъ Бернадотъ.

Продолжая войну, русскіе подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и Багратіона совершили невѣроятно трудный (по донесенію Барклая, возможный только для исключительно выносливыхъ русскихъ солдатъ) переходъ по льду Ботническаго залива и вступили въ Швецію, которая начала теперь мирные переговоры и согласилась при-

нять континентальную систему. Еще до заключенія мира былъ обнародованъ манифестъ (15 марта 1809 г.) о присоединеніи Финляндіи на вѣчныя времена къ Россіи съ сохраненіемъ «религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими пользовалось каждое сословіе въ особенности и всѣ жители Финляндіи вообще». Этотъ манифестъ былъ подтвержденъ императоромъ на сеймѣ (т. е. собраніи представителей финскаго народа) въ Борго. Миръ со Швеціей былъ заключенъ 5 сентября 1809 г. въ Фридрихсгамѣ. Швеція уступала Россіи всю Финляндію до р. Торнео. Вновь пріобрѣтенная территорія съ присоединеніемъ къ ней финляндскихъ областей, завоеванныхъ Елизаветой Петровной и Петромъ Великимъ, названа была Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ и получила особое управленіе. Главнымъ городомъ его вмѣсто древняго Або сдѣлался Гельсингфорсъ. Одновременно съ «безкровною», англійскою и шведскою войною Россія имѣла столкновенія съ Персіей (1804—1813 г.г.), результатомъ которыхъ было расширеніе русскихъ владѣній въ Закавказьѣ, и вела долгую, утомительную войну съ Турціей (1806—1812 г.г.).

Война съ Турціей.

Въ первые годы царствованія императоръ Александръ I, какъ сказано, относился миролюбиво къ Турціи и выражалъ намѣреніе поддерживать ея существованіе, считая ее вполнѣ безопасной сосѣдкой, такъ какъ она была ослаблена внутренними смутами, частой смѣной султановъ и возстаніями христіанскихъ подданныхъ. Однако миръ между Россіей и Турціей былъ невыгоденъ нѣкоторымъ западно-европейскимъ государствамъ и въ особенности Франціи; войною съ Турціей Наполеонъ (особенно до Тильзитскаго мира) надѣялся отвлечь Россію отъ вмѣшательства въ свою завоевательную политику. Подстрекаемое иностранной дипломатіей турецкое правительство стало нарушать прежніе (заключенные при Екатеринѣ II) договоры съ Россіей. Это послужило поводомъ къ разрыву. Начавшаяся въ 1806 г. война тянулась долго—около семи лѣтъ. Продолжительность ея объясняется: 1) тѣмъ, что Россія, занятая другими войнами, могла сосредоточить въ Придунайскомъ краѣ лишь небольшое войско, которое къ тому же быстро таяло не только отъ боевъ съ врагами, но и отъ свирѣпствовавшихъ здѣсь эпидемій; 2) тѣмъ, что между русскими командирами не было достаточно единодушія и они часто смѣнялись. Крупныя побѣды были одержаны Багратіономъ и Каменскимъ-сыномъ. Первый разбилъ турокъ при Россеватахъ (близъ Силистріи) и взялъ нѣсколько крѣпостей. Каменскій отважился на штурмъ Рущука, хотя это и стоило ему потери почти половины войска. Умершаго вскорѣ послѣ этого штурма Каменскаго замѣнилъ Кутузовъ, умный, осторожный полководецъ и, главное, хитрый, искусный дипломатъ. Зная продажность турецкихъ военачальниковъ и недостаточную выносливость турецкихъ солдатъ, онъ сталъ дѣйствовать подкупами и утомлялъ враговъ медли-

тельностью и притворными отступленіями. Такая тактика оказалась дѣйствительнѣе отчаянной отваги Каменскаго, и турецкій главнокомандующій началъ переговоры о мирѣ. Миръ былъ заключенъ въ Бухарестѣ въ 1812 г. Россія пріобрѣла Бессарабію и расширила свою границу до р. Прута. Хотя русскія войска занимали уже Молдавію и Валахію, и дипломатія разсчитывала на присоединеніе ихъ, однако пришлось отказаться отъ этихъ провинцій, такъ какъ именно въ это время Россія, какъ увидимъ, должна была отдать всѣ свои силы новой, рѣшительной борьбѣ съ Наполеономъ—Отечественной войнѣ 1812 г. Разрыва съ Наполеономъ желало русское общество, негодовавшее на Тильзитскій миръ, несмотря на то, что онъ, устранивъ на время опасность со стороны Франціи, далъ возможность императору Александру I заняться полезными внутренними преобразованіями.

§ 70. Возобновленіе преобразовательной дѣятельности.

Войны съ Наполеономъ 1805—6 г.г. пріостановили на время преобразовательную дѣятельность императора Александра I, и она возобновилась только послѣ Тильзитскаго мира, когда главнымъ сподвижникомъ государя, замѣнившимъ ему Интимный Комитетъ, сдѣлался М. М. Сперанскій, «геніальный чиновникъ», какъ называли его нѣкоторые современники, и «организаторъ, какихъ немного появлялось въ нашей исторіи», какъ опредѣляетъ его профессоръ Ключевскій.

Біографія Сперанскаго.

Сперанскій родился въ 1772 г. въ семьѣ священника Владимірской губерніи и получилъ образованіе въ мѣстной семинаріи и въ главной семинаріи при Петербургской Александро-Невской Лаврѣ, т. е. Духовной академіи, гдѣ преподавалъ затѣмъ различные предметы. Счастливый случай измѣнилъ его карьеру: онъ попалъ въ секретари къ важному вельможѣ кн. Куракину, который, сдѣлавшись при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, опредѣлилъ его на службу въ сенатъ. Генералъ-прокуроры часто смѣнялись при Павлѣ, но Сперанскій, изумлявшій всѣхъ своей исключительной дѣловитостью и рѣдкою работоспособностью (онъ могъ работать по 18 часовъ въ сутки), продолжалъ быстро подвигаться по служебной лѣстницѣ.

Въ началѣ царствованія Александра I онъ былъ секретаремъ Непремѣннаго Совѣта, затѣмъ виднымъ чиновникомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Кочубеѣ, далѣе—товарищемъ министра юстиціи. Не столь, впрочемъ, важны служебные успѣхи Сперанскаго, сколько его дѣйствительное вліяніе на императора. Мастерскимъ редактированіемъ законовъ и составленіемъ прекрасныхъ докладовъ онъ очень скоро обратилъ на себя вниманіе государя и его друзей, и уже въ 1802—3 г.г. ему поручено было написать проектъ русской конституціи, являвшейся отзвукомъ конституціонныхъ бесѣдъ Интимнаго

Комитета. (Проектъ этотъ сохранился только въ черновомъ неполномъ видѣ). Сдѣлавшись лично извѣстенъ императору и внушивъ ему глубокую симпатію, Сперанскій былъ приглашенъ сопровождать его въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ, и съ этого времени по личному порученію государя исполнялъ самыя разнообразныя работы, являясь его ближайшимъ сподвижникомъ и какъ бы первымъ министромъ. Онъ, по выраженію современника, «представлялъ собою какъ бы зажигательную точку, въ которой стекались всѣ разрозненные лучи государственнаго управленія».

Проектъ Сперанскаго.

Въ 1809 году Сперанскій по повелѣнію государя составилъ обширную записку подъ названіемъ: «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ» или «Планъ государственнаго образованія». Эта записка представляетъ собою проектъ коренного преобразованія государственнаго и общественнаго строя Россіи и введенія въ ней конституціонной формы правленія. Въ началѣ записки Сперанскій, исходя изъ мысли, что «въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ той степени гражданскаго образованія, на какой стоитъ государство», и что «никакое правительство, съ духомъ времени несообразное, противъ его всемогущаго дѣйствія устоять не можетъ», старается доказать, что для Россіи настала пора политическихъ перемѣнъ и обновленія. Въ качествѣ доказательствъ онъ приводитъ, преимущественно, указанія на моральное ослабленіе власти и на все растущее общественное недовольство, наличность котораго побуждаетъ его думать, что «образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія». Частичныя реформы, по его мнѣнію, недостаточны: «гражданскіе законы не могутъ быть исправлены при отсутствіи твердыхъ государственныхъ законовъ; финансы запутаны, такъ какъ нѣтъ публичнаго установленія, охраняющаго ихъ порядокъ; распространеніе просвѣщенія при современныхъ условіяхъ вредно, такъ какъ рабъ при просвѣщеніи съ еще большей ясностью обозрѣетъ всю горечь своего положенія» и т. д. Сознаніе недостаточности частныхъ исправленій приводитъ Сперанскаго къ убѣжденію въ необходимости «само правленіе поставить и учредить на непремѣняемомъ законѣ, ограничить его внутреннею и существенною силой установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ». Однимъ словомъ, по мнѣнію Сперанскаго, нужно ввести конституціонный образъ правленія. Проектируемое имъ Государственное Уложеніе или конституція опредѣляетъ 1) права подданныхъ, 2) права власти.

Права подданныхъ.

Подданныхъ Сперанскій раздѣляетъ на три класса: 1) дворянство, 2) купечество, мѣщанство и государственные крестьяне, 3) народъ рабочій и крѣпостные люди. Между этими классами распредѣляются три рода правъ: 1) права гражданскія общія, 2) права гражданскія осо-

бенныя, 3) политическія права. Права гражданскія общія принадлежатъ всѣмъ тремъ классамъ и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) никто безъ суда наказанъ быть не можетъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу (или общественную повинность) по произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ (повинности также устанавливаются закономъ или добровольнымъ соглашеніемъ); 3) всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую или недвижимую и располагать ею по закону (однако правомъ пріобрѣтенія собственности недвижимой, населенной крѣпостными, пользуются, какъ увидимъ, только дворяне. Распространяя общія гражданскія права на крѣпостныхъ, Сперанскій регулировалъ крѣпостное право закономъ; въ дальнѣйшемъ же онъ имѣлъ въ виду превратить крѣпостныхъ въ арендаторовъ, крѣпкихъ землѣ, и, наконецъ, освободить ихъ безъ земли; такимъ образомъ онъ являлся сторонникомъ постепенной отмѣны крѣпостного права. Права гражданскія особенныя принадлежатъ только дворянамъ и заключаются: 1) въ свободѣ отъ обязательной службы и 2) въ правѣ пріобрѣтенія и владѣнія недвижимой населенной крѣпостными собственностью, съ тѣмъ, однако, чтобы ею управляли не иначе, какъ по закону. Правами политическими пользуются только владѣющіе недвижимою собственностью или капиталомъ (пріобрѣтеніе собственности сообщаетъ политическія права и тѣмъ, кто раньше ихъ не имѣлъ, именно, низшему классу—рабочимъ и крѣпостнымъ). Сущность ихъ (т. е. политическихъ правъ) заключается въ правѣ избирать и быть избираемымъ въ государственныя учрежденія, однимъ словомъ, въ «участіи въ силахъ государственныхъ» или во власти.

Организація власти.

Источникомъ власти Сперанскій признаетъ державную власть Государя Императора. Однако Государь осуществляетъ свою власть черезъ посредство цѣлой сѣти законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ учрежденій, развѣтвляющихся по всей имперіи и объединяющихся въ Государственномъ Совѣтѣ, «черезъ который державная власть на нихъ дѣйствуетъ и пріемлетъ ихъ дѣйствія». Именно, въ области законодательства державной власти принадлежитъ только право предложенія и утвержденія законовъ; «уваженіе» же ихъ, т.-е. обсужденіе предложенныхъ правительствомъ законопроектовъ и ихъ принятіе или отклоненіе, предоставляется Государственной Думѣ, такъ что никакой законъ не можетъ имѣть силы, если онъ не принятъ Думой; она пользуется къ тому же правомъ дѣлать правительству представленія (т.-е. заявленія) о государственныхъ нуждахъ, о нарушеніи исполнительной властью законовъ, а также и въ томъ случаѣ, если министры, за дѣятельностью которыхъ она имѣетъ надзоръ, уклоняются отъ отвѣтственности. Члены Государственной Думы, собирающейся ежегодно на опредѣленный срокъ, являются выборными отъ населенія. Именно, они избираются въ губернскихъ ду-

махъ въ установленномъ для каждой губерніи числѣ. Губернскія думы составляются изъ выборныхъ отъ окружныхъ думъ (округъ—часть губерніи); окружныя—изъ выборныхъ отъ волостныхъ думъ (волость—часть округа); въ послѣднихъ же участвуютъ всѣ собственники волостей и уполномоченные отъ государственныхъ крестьянъ. Кромѣ избранія депутатовъ въ думу слѣдующей инстанціи, каждая волостная, окружная и губернская дума 1) соотвѣтственно избираетъ еще членовъ волостного, окружного и губернскаго судовъ, а также волостного правленія, окружного и губернскаго совѣтовъ, контролирующихъ мѣстную администрацію; 2) составляетъ списокъ 20 «отличнѣйшихъ обывателей» данной мѣстности (т.-е. волости, уѣзда или округа и губерніи) и 3) дѣлаетъ представленія о ея нуждахъ. Указанныя думы (волостныя, окружныя, губернскія и Государственная) являются, по словамъ Сперанскаго, четырьмя «степенями» законодательнаго порядка. Онѣ какъ бы раздѣляютъ законодательную власть съ Монархомъ. Что касается исполнительной власти или области управленія, то она вся принадлежитъ Государю, дѣйствующему черезъ посредство назначенныхъ имъ министровъ, отвѣтственныхъ однако передъ Думой, за которой такимъ образомъ сохраняется право надзора. Собраніе министровъ и нѣсколькихъ другихъ сановниковъ называется Правительственнымъ Сенатомъ; ему подчинена губернская, окружная и волостная администрація. Такимъ образомъ и въ порядкѣ исполнительномъ имѣются четыре степени. Тѣ же степени установлены и въ порядкѣ судебномъ, т.-е. области судопроизводства, а именно: 1) Судебный Сенатъ, какъ высшая инстанція (съ четырьмя департаментами: 2 уголовными и 2 гражданскими — по равному числу въ обѣихъ столицахъ: Петербургѣ и Москвѣ); 2) губернскіе, 3) окружные (съ двумя отдѣленіями: уголовнымъ и гражданскимъ) и 4) волостные суды (для маловажныхъ, преимущественно гражданскихъ, дѣлъ).

Члены Судебнаго Сената назначаютя державной властью изъ числа кандидатовъ, внесенныхъ въ общій государственный списокъ, составленный на основаніи губернскихъ списковъ «отличнѣйшихъ обывателей» (губернскіе же списки составляются на основаніи окружныхъ и волостныхъ). Правительство по списку кандидатовъ назначаетъ также предсѣдателей губернскихъ и окружныхъ судовъ; члены же ихъ (и волостного суда), какъ извѣстно, избираются соотвѣтствующими думами. Такимъ образомъ, по словамъ Сперанскаго, «дѣйствіе державной власти въ порядкѣ судебномъ ограничивается однимъ установленіемъ власти, надзирающей и сохраняющей судебные обряды; существо же дѣла ввѣряется свободному выбору подданныхъ». Для дѣлъ особенно важныхъ или по свойству преступленій (напр., государственная измѣна), или по оффиціальному положенію подсудимыхъ (напр., министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, Думы, сенаторовъ и важныхъ должностныхъ лицъ) учре-

ждается особый верховный уголовный судъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ государства. Изъ изложеннаго видно, что Сперанскій проектировалъ устройство, такъ сказать, трехъ четырехъ-пластныхъ пирамидъ учрежденій, основанія которыхъ исходили изъ самой мелкой административной единицы—волости, а вершинами которыхъ были: Государственная Дума, Министерства съ Правительственнымъ Сенатомъ и Судебный Сенатъ, считавшіеся равными другъ другу по значенію [1]).

Государственный Совѣтъ.

Узломъ сложной сѣти учрежденій, задуманныхъ Сперанскимъ, былъ Государственный Совѣтъ, «состоящій изъ особъ, Высочайшимъ довѣріемъ въ сіе сословіе (т. е. учрежденіе) призываемыхъ». «Въ порядкѣ государственныхъ установленій, писалъ Сперанскій, Совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія частей законодательной, судебной и исполнительной въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и черезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Посему всѣ законы, уставы и учрежденія, въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ, предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію». (Именно, Сперанскій имѣлъ въ виду, что законопроекты, выработанные Государственнымъ Совѣтомъ, будутъ затѣмъ предлагаться отъ имени верховной власти кѣмъ-нибудь изъ министровъ или членовъ Совѣта на разсмотрѣніе высшаго законодательнаго учрежденія — Государственной Думы). Кромѣ выработки законопроектовъ, Сперанскій хотѣлъ предоставить Совѣту обсужденіе общихъ внутреннихъ мѣръ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыхъ, разсмотрѣніе ежегодной смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, а также чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ, отчетовъ министровъ и т. д. Государственный Совѣтъ раздѣляется на четыре департамента: 1) законовъ, 2) военныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 4) государственной экономіи. При Совѣтѣ состоитъ Государственная Канцелярія, подвѣдомственная Государственному Секретарю.

---

[1]) Система учрежденій, задуманныхъ Сперанскимъ, представится въ слѣдующемъ видѣ:

ДЕРЖАВНАЯ ВЛАСТЬ.

Государственный Совѣтъ.

(Учрежденія исполнительныя).	(Учрежд. законодат.).	(Учрежд. судебныя).
Правительственный Сенатъ и Министерства.	Государственная Дума.	Судебный Сенатъ.
Управленіе губернское.	Губернскія Думы.	Суды губернскіе.
Управленіе уѣздное.	Окружныя Думы.	Суды уѣздные.
Управленіе волостное.	Волостныя Думы.	Суды волостные.

Способы проведенія въ дѣйствіе плана Сперанскаго.

Составивъ планъ полнаго пересозданія прежняго строя Россіи, Сперанскій совѣтовалъ, однако, крайнюю осторожность въ осуществленіи его. «Существенныя правила вводимаго порядка, писалъ онъ государю, должны состоять въ томъ, чтобы не терять времени, но избѣгать всякой торопливости, и каждое установленіе открывать не прежде, какъ все образованіе его будетъ изготовлено и, наконецъ, переходъ отъ настоящихъ установленій къ новымъ такъ учредить, чтобы онъ казался самымъ простымъ и естественнымъ, чтобы новыя установленія казались возникающими изъ прежнихъ, чтобы имѣть всегда способы остановиться и удержать прежній порядокъ во всей его силѣ, ежели бы, паче чаянія, встрѣтились къ новому какія-либо непреоборимыя препятствія». При всей осторожности Сперанскій все же надѣялся, что къ 1811 году, т. е. къ концу десятилѣтія царствованія Александра I, «Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится». Однако надежды его не сбылись: важнѣйшія части плана «геніальнаго чиновника» вовсе не были осуществлены и, по словамъ историка, «остались только на бумагѣ и даже исчезли изъ памяти народной, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша».

Итоги дѣятельности Сперанскаго.

Изъ всего обширнаго проекта было приведено въ исполненіе только слѣдующее: I. 1-го января 1810 года былъ открытъ преобразованный по плану Сперанскаго Государственный Совѣтъ. Члены его назначались Государемъ, а главною обязанностью его было разсмотрѣніе государственнаго бюджета и предварительное обсужденіе законовъ. Мнѣніе Совѣта не было, однако, обязательнымъ для государя, и онъ могъ по своему усмотрѣнію утвердить мнѣніе или большинства или меньшинства членовъ Совѣта или отвергнуть и то и другое. II. Состоялось преобразованіе министерствъ: число ихъ было доведено до 11 — именно, вновь учреждены: 1) министерство Путей Сообщенія, 2) министерство Полиціи, 3) Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, 4) Государственный контроль; изъ прежнихъ уничтожено министерство Коммерціи; вѣдомства всѣхъ министерствъ и ихъ внѣшняя организація строго опредѣлялись уставами. По мысли Сперанскаго, въ 1809 г. были изданы также два указа сословнаго характера: о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины. Первый указъ обращалъ придворныя званія только въ почетныя отличія, не приносящія никакихъ служебныхъ преимуществъ и не дающія права на чины. Второй—запрещалъ производить въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника лицъ, не предъявившихъ университетскаго диплома или свидѣтельства о выдержаніи соотвѣтствующаго экзамена. Кромѣ того, для полученія чина статскаго совѣтника нужно было состоять на службѣ не менѣе

10 лѣтъ и занимать отвѣтственную должность не менѣе двухъ лѣтъ [1]). Результатомъ дѣятельности Сперанскаго было еще нѣсколько финансовыхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью улучшить крайне разстроенныя денежныя средства Россіи [2]).

Между прочимъ, онъ увеличилъ подати и предложилъ ввести на одинъ годъ въ видѣ временной мѣры налогъ на землевладѣніе. Далѣе не безъ вліянія Сперанскаго въ 1810 году былъ введенъ новый тарифъ, повышавшій пошлины на продукты западно-европейской (въ томъ числѣ и французской) промышленности, особенно на предметы роскоши; вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе порты были открыты для всѣхъ торговыхъ судовъ подъ нейтральнымъ флагомъ, хотя бы они привозили англійскіе товары. (Какъ видно, это вносило существенныя ограниченія въ континентальную систему). Наконецъ, Сперанскій не мало занимался финляндскими дѣлами, организуя внутреннее самоуправленіе вновь присоединенной страны, а въ качествѣ руководителя «Комиссіи о составленіи законовъ» завѣдывалъ выработкой новаго свода гражданскихъ (т. е. касающихся главнымъ образомъ имущественныхъ отношеній) законовъ, матеріалъ для котораго былъ въ значительной степени заимствованъ изъ французскаго законодательства времени Наполеона. Впрочемъ, хотя этотъ сводъ и разсма-

---

[1]) Сперанскій былъ принципіальнымъ противникомъ чиновъ. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ старается доказать вредъ ихъ слѣдующимъ разсужденіемъ: «чины дѣлятъ народъ на два несоразмѣрные класса, на дворянство и чернь; не оставляютъ почти мѣста среднему, столь полезному состоянію; ввергаютъ въ презрѣніе все, что ими не украшено; даютъ ложную цѣну мѣстамъ и достоинствамъ; смѣшиваютъ и ставятъ наравнѣ людей просвѣщенныхъ съ невѣждами», и т. д. Не считая возможнымъ сразу вовсе уничтожить чины, Сперанскій пришелъ къ мысли сдѣлать высшій образовательный цензъ непремѣннымъ условіемъ полученія нѣкоторыхъ чиновъ.

[2]) Финансовое положеніе Россіи въ 1810—11 гг. было столь неблагопріятнымъ, что, по словамъ историка (Корнилова), «приближалось банкротство страны». Континентальная система, прекратившая торговлю съ Англіей, сократила вдвое русскій вывозъ, который сталъ меньше ввоза; между тѣмъ ведшіяся въ это время войны требовали большихъ средствъ. Огромный дефицитъ (превышеніе расходовъ надъ доходами) сдѣлался хроническимъ явленіемъ. Покрывать его приходилось неумѣреннымъ выпускомъ ассигнацій, упавшихъ вслѣдствіе этого въ цѣнѣ настолько, что въ 1811 г. ассигнаціонный рубль равнялся 23 коп. сер. Бюджетъ разныхъ вѣдомствъ (въ переводѣ его на серебро) все сокращался. Такъ, напр., на нужды народнаго просвѣщенія въ 1810 г. ассигновано было (серебромъ) почти въ четыре раза меньше, чѣмъ въ 1804 г.

Сперанскій въ сотрудничествѣ съ Балугіанскимъ (ему, между прочимъ, приписывается составленіе проекта конституціи, болѣе отвѣчающей интересамъ дворянства, чѣмъ планъ Сперанскаго) и нѣкоторыми другими спеціалистами занялся упорядоченіемъ финансовъ. Онъ предложилъ прежде всего прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, а оставшіяся въ обращеніи объявить государственнымъ долгомъ и изыскать средства для погашенія его (т. е. для замѣны ассигнацій серебромъ). Въ качествѣ такихъ средствъ Сперанскій, кромѣ экономіи, рекомендовалъ введеніе новыхъ временныхъ налоговъ и продажу или закладъ государственныхъ имуществъ. Однако лишь немногія изъ его предложеній были осуществлены.

тривался въ Государственномъ Совѣтѣ, однако онъ не былъ обнародованъ.

Оппозиція противъ Сперанскаго.

Итакъ, практическій итогъ дѣятельности «геніальнаго чиновника» и смѣлаго преобразователя былъ очень ничтоженъ по сравненію съ первоначальными замыслами. Ничтоженъ онъ потому, что Сперанскій встрѣтилъ въ русскомъ обществѣ упорное противодѣйствіе всѣмъ своимъ начинаніямъ. Безчисленныхъ враговъ его можно раздѣлить на три категоріи: одни питали къ нему личную непріязнь, другіе были затронуты его мѣропріятіями, третьи — изъ-за принципіальныхъ соображеній нападали на него, какъ на новатора, посягнувшаго на коренные политическіе и національные устои Россіи. Всмотримся въ эту троякую оппозицію. Положеніе Сперанскаго въ придворныхъ сферахъ было крайне неустойчивымъ: въ глазахъ придворныхъ онъ былъ выскочкой, временщикомъ, поповичемъ-семинаристомъ, ставшимъ благодаря счастливой случайности ближайшимъ совѣтникомъ государя; его быстрое возвышеніе возбуждало зависть. А онъ не хотѣлъ или не умѣлъ противодѣйствовать кознямъ враговъ. Всегда скрытный, замкнутый и спокойный, онъ ни въ комъ не искалъ опоры, слишкомъ разсчитывая на довѣріе императора, переоцѣнивая его отношеніе къ себѣ. Всегда занятый, всецѣло поглощенный работой, онъ не имѣлъ даже времени распутывать паутину интригъ и клеветническихъ нападокъ, которая плелась вокругъ него. Имѣя въ виду лишь государственную пользу, онъ не обращалъ вниманія на то, какое впечатлѣніе производятъ его проекты. А между тѣмъ они задѣвали интересы многихъ: указомъ о придворныхъ званіяхъ онъ возстановилъ противъ себя знать; еще болѣе затронулъ онъ частные интересы указомъ объ экзаменахъ: по словамъ историка (барона Корфа), изъ-за послѣдняго «поднялся такой ропотъ, какъ будто бы отечеству грозила гибель въ родѣ новаго нашествія Батыя». Введеніемъ (хотя бы и временнымъ) налога на землевладѣніе были затронуты интересы дворянства.

§ 71. Общественное настроеніе 1808—1812 г.г. и паденіе Сперанскаго.

Записка Карамзина «О древней и новой Россіи».

Кромѣ личной и классовой оппозиціи Сперанскій какъ сказано, нажилъ себѣ и принципіальныхъ противниковъ. Самымъ виднымъ и талантливымъ изъ нихъ былъ Н. М. Карамзинъ. По своему широкому образованію, хорошему знакомству съ Западной Европой и, наконецъ, по возрасту Карамзинъ принадлежалъ уже къ людямъ новаго времени; однако по своимъ политическимъ убѣжденіямъ онъ имѣлъ много общаго съ старозавѣтными противниками

дѣятельности Интимнаго Комитета, и подобно тому, какъ они нападали на послѣдній, Карамзинъ вооружился противъ Сперанскаго. Геніальный чиновникъ и организаторъ новаго политическаго строя—Сперанскій—и выдающійся писатель, крупный историкъ, талантливый публицистъ—Карамзинъ—являлись какъ бы противоположными полюсами. Первый казался по тому времени крайнимъ либераломъ и западникомъ, да еще поклонникомъ Наполеона, второй былъ убѣжденнѣйшимъ консерваторомъ и націоналистомъ. Политическія воззрѣнія Карамзина складывались постепенно: въ «Письмахъ русскаго путешественника» они оказываются еще не установившимися, и консервативные взгляды чередуются здѣсь съ либеральными мечтаніями; въ «Исторіи Государства Россійскаго» консерватизмъ преобладаетъ, а вполнѣ выкристаллизовавшимся является онъ въ знаменитой запискѣ «О древней и новой Россіи», написанной въ 1811 году и представленной государю черезъ посредство Великой Княгини Екатерины Павловны незадолго до паденія Сперанскаго.

Записка эта, эпиграфомъ къ которой служатъ слова псалма 138: «нѣсть льсти въ языцѣ моемъ», логически распадается на слѣдующія части: 1) общій публицистическій конспектъ русской исторіи до царствованія Александра I, 2) суровой критическій обзоръ всѣхъ мѣропріятій этого царствованія, 3) планъ идеальнаго государственнаго строя, 4) указаніе средствъ для осуществленія этого плана. Въ первой части русская исторія излагается въ повышенномъ тонѣ: ярко и выпукло, краснорѣчиво и рѣзко указываются ея положительныя и отрицательныя стороны. Сравнительная оцѣнка ихъ производится съ точки зрѣнія двухъ основныхъ принциповъ. Первый принципъ—необходимость для Россіи единодержавія и самодержавія: «Россія, пишетъ Карамзинъ, основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась мудрымъ самодержавіемъ»; второй принципъ—націонализмъ, цѣнность самобытной русской культуры. Съ точки зрѣнія перваго принципа Карамзинъ восхваляетъ Іоанна III, который установилъ единодержавіе, негодуетъ на эпоху ближайшихъ преемниковъ Петра I, когда «временщики-пигмеи спорили о наслѣдіи великана, когда аристократія и олиграхія губили отечество», славитъ Екатерину II за то, что она «очистила самодержавіе отъ примѣсей тиранства». Къ царствованію Павла I онъ относится рѣзко отрицательно, такъ какъ, по его мнѣнію, Павелъ исказилъ принципъ самодержавія, подобно тому, какъ якобинцы исказили принципъ республики. Съ точки зрѣнія второго принципа—націонализма—Карамзинъ, признавая геній Петра Великаго, горько осуждаетъ его за многія нововведенія, за то, что онъ будто бы хотѣлъ «обратить Россію въ Голландію» и «сдѣлалъ подражаніе достоинствомъ и честью русскихъ». Напротивъ, Елизавету Петровну онъ хвалитъ за національный характеръ ея правленія. Вотъ вкратцѣ содержаніе первой части записки. Прежде, чѣмъ приступить къ раз-

бору 2-ой, обратимся сперва къ 3-ей и 4-ой, такъ какъ, ознакомившись съ идеалами Карамзина, мы легче поймемъ его критику александровскаго царствованія. Идеальный государственный строй Карамзинъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Самодержавіе есть палладіумъ Россіи; цѣлость его необходима для ея счастья. Государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ и любовь первыхъ пріобрѣтаетъ страхомъ послѣднихъ. Въ монархѣ Россійскомъ соединяются всѣ власти: наше правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти. Но гдѣ монархія, тамъ должно быть и дворянство. Рядомъ съ дворянствомъ стоитъ духовенство». Итакъ, «дворянство и духовенство, Сенатъ и Синодъ, надъ всѣми—неограниченный Государь», который правитъ при помощи своихъ сотрудниковъ—вотъ программа Карамзина. «Не формы, а люди важны, не бумаги, а люди правятъ», говоритъ онъ и выражаетъ увѣренность, что въ Россіи наступитъ благоденствіе, если удастся найти 50 достойныхъ лицъ для замѣщенія губернаторскихъ мѣстъ. Какимъ же образомъ государь можетъ установить тотъ порядокъ, который представляется Карамзину идеальнымъ?

Карамзинъ даетъ на это такой отвѣтъ: 1) прежде всего не слѣдуетъ ограничивать самодержавія, такъ какъ двѣ власти въ государствѣ, по его словамъ, подобны двумъ разъяреннымъ львамъ въ одной клѣткѣ; 2) нужно умѣть искать людей и обходиться съ ними; 3) необходимо править по старинѣ и остерегаться нововведеній, которыя потрясаютъ основу Имперіи. Считая нововведенія зломъ, Карамзинъ (во второй части записки) критикуетъ мѣропріятія правительства императора Александра I. Онъ осуждаетъ: 1) внѣшнюю политику его—вмѣшательство въ западно-европейскія дѣла и въ особенности Тильзитскій миръ, 2) учрежденіе министерствъ (Комитетъ министровъ онъ считаетъ собраніемъ чужеземцевъ, не понимающихъ другъ друга, но обязанныхъ къ взаимной уступчивости), 3) учрежденіе Государственнаго Совѣта, который представляется ему совершенно лишнимъ при существованіи Сената, 4) основаніе университетовъ по нѣмецкому образцу, на которые онъ смотритъ какъ на ненужную роскошь, такъ какъ «дворянство стремится къ службѣ», а прочія сословія довольствуются прежними учебными заведеніями; для поднятія образованія, по мнѣнію Карамзина, было бы достаточно учредить нѣсколько казенныхъ стипендій для дѣтей недостаточныхъ родителей и тогда «призрѣнная (т. е. призрѣваемая) бѣдность въ нѣсколько лѣтъ произвела бы на Руси ученое сословіе». Очень ѣдко издѣвается Карамзинъ надъ указомъ объ экзаменахъ на чины и подробно останавливается на слухахъ, будто государь хотѣлъ даровать свободу господскимъ крестьянамъ. Крѣпостное право, по его мнѣнію, есть гордіевъ узелъ: въ крѣпостной крестьян-

ской массѣ, говоритъ онъ, смѣшались какъ потомки холоповъ, никогда не пользовавшихся свободой, такъ и потомки нѣкогда свободныхъ крестьянъ, закрѣпощенныхъ Борисомъ. Только послѣдніе, по мысли Карамзина, заслуживаютъ освобожденія, но, такъ какъ ихъ нельзя отличить отъ первыхъ, то гордіева узла развязать невозможно, а можно только разрубить, т. е. освободить всѣхъ. Однако освобожденіе крѣпостныхъ представляется Карамзину не только опаснымъ для государства (въ виду возможности волненій), но и вреднымъ для крестьянъ, которые безъ помѣщичьей опеки, думаетъ онъ, станутъ будто бы предаваться пьянству и безчинствамъ и окажутся въ болѣе тяжеломъ экономическомъ положеніи, чѣмъ были, такъ какъ, не имѣя своей земли (признавая землю собственностью помѣщиковъ, Карамзинъ считалъ возможнымъ только безземельное освобожденіе крестьянъ), они должны будутъ соглашаться на самыя невыгодныя условія аренды. Одно изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ въ запискѣ Карамзина то, въ которомъ онъ нападаетъ на проектъ гражданскаго уложенія (т. е. свода законовъ), составленный Сперанскимъ по образцу Наполеонова кодекса. «Въ то время, восклицаетъ Карамзинъ, когда имя Наполеона приводитъ насъ всѣхъ въ содроганіе, мы положимъ его кодексъ на святой алтарь отечества».

Движеніе противъ галломаніи.

Послѣдняя фраза отлично характеризуетъ враждебное отношеніе русскаго общества ко всему французскому. На Наполеона и послѣ Тильзитскаго мира продолжали смотрѣть какъ на «исчадіе революціи и ада», въ «галломаніи» (т. е. подражаніи французамъ) видѣли источникъ всякаго зла, язву, которая подтачиваетъ всѣ наши добродѣтели. Нѣкоторые журналы этого времени (напр., издаваемый Глинкой «Русскій Вѣстникъ») открыто пророчили скорое возобновленіе борьбы съ Наполеономъ. Въ комедіяхъ (напр. Крылова), жестоко осмѣивались французскія моды. Національмъ Карамзина вовсе не былъ крайнимъ выраженіемъ націоналистическихъ настроеній этой эпохи. Многіе люди стараго закала (напр., Шишковъ и Растопчинъ) шли гораздо дальше и заподозрили въ вольнодумствѣ и якобинизмѣ самого Карамзина, ставя ему въ вину его «новый слогъ», считавшійся слѣдствіемъ французскаго вліянія.

Паденіе Сперанскаго и его дальнѣйшая судьба.

Если въ якобинизмѣ упрекали Карамзина, то легко себѣ представить, кѣмъ должны были считать Сперанскаго, который былъ сознательнымъ поклонникомъ Наполеоновскаго законодательства, и о планахъ котораго ходили самые преувеличенные и даже фантастическіе разсказы, такъ какъ сущность его проекта составляла государственную тайну. Объ отношеніи къ Сперанскому можно судить по словамъ одного современника, отозвавшагося о немъ такъ: «близъ него мнѣ все казалось, что слышу сѣрный запахъ, и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя под-

земнаго міра». А между тѣмъ человѣкъ, возбуждавшій такую пламенную ненависть и не имѣвшій единомышленниковъ, занималъ отвѣтственную должность государственнаго секретаря и пользовался вліяніемъ какъ бы перваго министра. Сперанскій отлично сознавалъ тяжесть и ненормальность своего положенія и въ февралѣ 1811 года обратился къ государю съ подробно мотивированнымъ прошеніемъ объ отставкѣ, въ которомъ писалъ, что чувствуетъ себя окруженнымъ массой враговъ, не желаетъ обременять государя собою, а потому проситъ объ освобожденіи отъ всѣхъ занятій, кромѣ должности директора комиссіи законовъ. «Зависть и злоба успокоятся, писалъ Сперанскій, враги почтутъ меня ниспровергнутымъ, я буду смѣяться ихъ побѣдѣ, а ваше величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ предположеній. Отставкой я приведенъ буду паки въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ,—весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно вамъ, не ища ни шуму, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ»... Государь не принялъ отставки, но сталъ замѣтно охладѣвать къ прежнему любимцу. Доля вины въ этомъ падаетъ на самого Сперанскаго, который не всегда былъ тактиченъ въ своихъ заочныхъ отзывахъ объ Александрѣ I, упрекая его, напримѣръ, въ слабости характера. Эти отзывы въ самомъ преувеличенномъ видѣ передавались, конечно, государю и оскорбляли его. Такъ продолжалось до весны 1812 года, когда въ виду висѣвшей уже въ воздухѣ войны съ Наполеономъ паденіе Сперанскаго стало неизбѣжнымъ, такъ какъ общественное мнѣніе готово было видѣть въ немъ предателя Россіи французамъ. Что послужило послѣднимъ поводомъ къ его паденію, въ точности неизвѣстно, но можно предположить слѣдующее: разсказываютъ, что незадолго до этого паденія завѣдующій финляндскими дѣлами Армфельтъ обратился къ Сперанскому съ предложеніемъ составить вмѣстѣ съ нимъ и съ министромъ Балашовымъ тріумвиратъ для сосредоточенія всего управленія въ своихъ рукахъ. Очевидно, это предложеніе имѣло характеръ ловушки, и Сперанскій попался въ нее: отвергнувъ его съ негодованіемъ, онъ однако не счелъ нужнымъ доносить на Армфельта и Балашова и этимъ далъ оружіе своимъ врагамъ, которые могли упрекнуть его въ скрытности передъ государемъ. Какъ бы то ни было, но Александръ I былъ сильно раздраженъ противъ Сперанскаго.

17 марта 1812 года надъ Сперанскимъ грянулъ громъ. Въ этотъ день онъ, ничего не подозрѣвая, явился по приглашенію во дворецъ. Бесѣда между нимъ и императоромъ продолжалась около двухъ часовъ; блѣднымъ и взволнованнымъ вышелъ онъ изъ царскаго кабинета и спѣшно простился съ сановниками, ожидавшими пріема у государя. Пока Сперанскій находился во дворцѣ, въ его домѣ производился обыскъ и, едва успѣвъ пріѣхать домой, онъ долженъ былъ немедленно отправиться въ ссылку въ Нижній-Новгородъ. Опала постигла

также нѣсколькихъ близкихъ къ нему чиновниковъ. Общество торжествовало по поводу паденія Сперанскаго; раздавались восклицанія, что этимъ одержана первая побѣда надъ французами, въ догонку павшему сановнику бросили страшное слово «измѣна». По поводу ссылки Сперанскаго одинъ современникъ пишетъ: «Не знаю, могла ли бы смерть лютого тирана произвести такую большую радость, какъ увольненіе Сперанскаго... Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства его виновности открыли наконецъ глаза обманутому государю. Только дивились милосердію его и роптали, какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ». Александръ I едва ли считалъ Сперанскаго преступникомъ и, когда онъ услышалъ о всеобщей радости, вызванной отставкой этого государственнаго дѣятеля, то у него вырвался возгласъ негодованія, а близкому своему другу кн. А. Н. Голицыну онъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свои чувства: «Если бы у тебя отняли руку, то ты, вѣрно, кричалъ бы и жаловался на боль! У меня отняли Сперанскаго, а онъ былъ моей правой рукой». Повидимому, государь смотрѣлъ на ссылку его какъ на жертву общественному мнѣнію. Однако всѣ письма Сперанскаго, въ которыхъ тотъ просилъ суда надъ собою и доказывалъ полную свою невинность, Александръ оставлялъ безъ отвѣта. Признанный опаснымъ и для Нижняго-Новгорода, Сперанскій вскорѣ переведенъ былъ въ Пермь. Лишь тогда, когда прошелъ ураганъ Отечественной войны и войны за освобожденіе Европы, ненависть къ Сперанскому нѣсколько притупилась, и его назначили пензенскимъ губернаторомъ (1816—1819), а затѣмъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Для Сибири онъ сдѣлалъ такъ много, какъ никто до него: въ этомъ краю, гдѣ злоупотребленія доходили до чудовищныхъ размѣровъ, онъ устанавливалъ законность, вводилъ порядокъ; для улучшенія управленія Сибирь была раздѣлена на два генералъ-губернаторства: Восточное и Западное. Въ концѣ царствованія Александра I Сперанскій былъ возвращенъ въ Петербургъ и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Его надежды вновь заслужить довѣріе государя приспособленіемъ къ его новымъ настроеніямъ не увѣнчались успѣхомъ: для Александра I Сперанскій уже умеръ. Въ царствованіе Николая I онъ снова выступилъ усерднымъ работникомъ, руководившимъ составленіемъ Полнаго Собранія и Свода Законовъ Россійской Имперіи. Этимъ Сводомъ онъ упрочилъ тотъ государственный строй, который раньше хотѣлъ коренннымъ образомъ измѣнить.

Сперанскій палъ, какъ сказано, въ то время, когда Россія готовилась къ возобновленію борьбы противъ Франціи.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Отечественная война и война за освобожденіе Европы.

§ 72. Отечественная война.

Причины ея. Тильзитскій миръ 1807 года, установившій союзъ между Александромъ I и Наполеономъ, являлся только краткимъ затишьемъ передъ грозой, приближенія которой всѣ ждали. Дѣйствительно, борьба Россіи съ Франціей была неизбѣжна по многимъ причинамъ:

I. Союзъ съ Наполеономъ, какъ уже нѣсколько разъ отмѣчалось, былъ очень непопуляренъ въ русскомъ обществѣ. По словамъ современниковъ, «отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, всѣ, повинуясь, роптали съ негодованіемъ» на Тильзитскій миръ. Сама вдовствующая императрица Марія Θеодоровна являлась главой оппозиціи противъ союза съ Наполеономъ. Да и союзники понимали неестественность своей показной дружбы: Наполеонъ еще въ 1810 году въ одной изъ своихъ рѣчей выражалъ надежду сдѣлаться владыкой міра и «раздавить» Россію—единственную изъ континентальныхъ державъ, стоявшую поперекъ его дороги къ господству надъ всей Европой. Александръ I уже въ 1811 году предвидѣлъ необходимость стойкой обороны и говорилъ французскому послу: «мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами или гамбургцами».

II. Личныя отношенія монарховъ портились вслѣдствіе часто возникавшихъ недоразумѣній: Наполеонъ негодовалъ на «безкровную войну» Россіи съ Австріей, раздражался самостоятельностью дѣйствій русскаго императора, его заступничествомъ за Пруссію, задѣтъ былъ тѣмъ, что Александръ I не согласился выдать замужъ за него свою сестру; Александръ, въ свою очередь, былъ оскорбленъ тѣмъ, что Наполеонъ отнялъ владѣнія у его родственника герцога Ольденбургскаго и не хотѣлъ вознаграждать послѣдняго. Далѣе Наполеонъ, вопреки условіямъ Тильзитскаго мира, уклонялся отъ посредничества въ русско-турецкой войнѣ и, что особенно важно, постепенно усиливалъ Великое герцогство Варшавское. Въ послѣднемъ Александръ I справедливо усматривалъ прямую угрозу Россіи, созданіе на ея границахъ опорнаго пункта французовъ.

III. Кромѣ указанныхъ причинъ національнаго, личнаго и политическаго характера, разрыву Россіи съ Франціей способствовали также экономическія причины. Континентальная система, какъ сказано, тяжко отзывалась на интересахъ русской торговли и на русскихъ финансахъ: доходы уменьшились, а расходы возросли, такъ какъ

Тильзитскій миръ не прекратилъ войнъ. Разстройство финансовъ, какъ мы знаемъ, пришлось поправлять новыми налогами, напряженіемъ всѣхъ платежныхъ силъ населенія, усиленнымъ выпускомъ ассигнацій. Находясь въ затруднительномъ положеніи, русское правительство поневолѣ нарушало континентальную систему и, наконецъ, обложило высокой пошлиной привозные французскіе товары, введя въ 1810 году упомянутый выше новый тарифъ. Это вызвало страшное негодованіе Наполеона, которое онъ не считалъ нужнымъ скрывать въ своихъ письмахъ Александру. Обѣ стороны готовились къ войнѣ, но, какъ будто сознавая всю важность ея, продолжали повторять фразы о необходимости мира. Наполеонъ говорилъ русскому уполномоченному: «Все требуетъ продолженія союза между Франціей и Россіей, и я никогда не измѣню ему, если обстоятельства не принудятъ къ этому: я не желаю и не могу желать войны». Александръ, отправляясь въ Вильну, гдѣ стояла главная часть русской арміи, увѣрялъ, что онъ остается другомъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ Наполеона и сдѣлаетъ все, чтобы избѣжать войны. Однако дипломатическіе переговоры оказались безплодными: въ серединѣ іюня 1812 года французская армія перешла Нѣманъ и вторглась въ русскіе предѣлы.

Характеръ и планъ Отечественной войны.

Властелину Западной Европы Наполеону удалось поднять войска почти всѣхъ ея странъ противъ Россіи: въ составъ его великой полумилліонной арміи дѣйствительно входило «двунадесять языкъ» (какъ говорили тогда русскіе), начиная съ португальцевъ и кончая поляками, ждавшими отъ Наполеона возстановленія своего государства[1]). Планъ геніальнаго полководца заключался въ томъ, чтобы разъединить русскія арміи, уничтожить ихъ въ генеральномъ сраженіи и окончить войну еще въ предѣлахъ

---

[1]) Численность всей арміи Наполеона, предназначенной для войны, равнялась 542 тыс. человѣкъ. Изъ нихъ въ предѣлы Россіи введено было 470 тыс. (остальные расположены были въ Германіи). Въ это число входило немало нестроевыхъ, а также еще необученныхъ новобранцевъ. Разноплеменность арміи невыгодно отражалась на ея боевомъ духѣ: воинственнымъ пыломъ охвачены были только французы, увѣренные въ непобѣдимости Наполеона, и поляки, ждавшіе отъ него возрожденія своей родины; представители другихъ народностей лишь подчинялись велѣнію Наполеона, при чемъ нѣкоторые, какъ, напр., пруссаки и австрійцы, дѣлали это съ явной неохотой: можно думать, что Пруссія открыто стала бы на сторону Россіи, если бы обстоятельства позволили послѣдней вести не оборонительную, а наступательную войну; 26-ти-тысячный австрійскій корпусъ Шварценберга естественно долженъ былъ избѣгать рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій противъ русскихъ, памятуя «безкровную войну». Отъ помощи Наполеону совершенно уклонилась Швеція, наслѣдный принцъ которой Бернадотъ заключилъ даже съ императоромъ Александромъ I союзный договоръ, къ которому рѣшено было привлечь и Англію, прекратившую, конечно, вражду къ Россіи, лишь только послѣдняя разорвала съ Франціей. Хотя императоръ Александръ I успѣлъ къ этому времени заключить миръ съ Турціей, однако привлечь ее къ союзу не удалось.

Польши (онъ называлъ даже предстоящую войну «польской»). Впрочемъ, онъ обладалъ достаточными средствами и для продолжительнаго похода вглубь Россіи [1]) и учитывалъ напередъ тѣ трудности, которыя могутъ представиться ему въ борьбѣ съ русскими войсками. Однако онъ забылъ о русскомъ народѣ, не принялъ во вниманіе того, что война можетъ получить страшный для него народный характеръ. Напротивъ, императоръ Александръ I очень искусно умѣлъ возбуждать національное чувство и вспышки патріотизма: войнѣ онъ придавалъ характеръ обороны родины и православія, своимъ девизомъ ставилъ твердое рѣшеніе «не полагать оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго солдата не останется въ предѣлахъ Россіи», въ манифестѣ выражалъ увѣренность, что «непріятель встрѣтитъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина». И дѣйствительно, русскій народъ съ рѣдкимъ одушевленіемъ принесъ отечеству и горячую нравственную поддержку, и щедрую матеріальную помощь [2]), и беззавѣтную отвагу, и полное самопожертвованіе. Главное значеніе Отечественной войны и заключается въ томъ, что она была войной народной, что многомилліонный народъ очень скоро пришелъ на помощь немногочисленной арміи. Русская армія, сосредоточенная на западной границѣ, насчитывала немного болѣе 200 тыс. человѣкъ; при началѣ войны она была раздѣлена на нѣсколько частей: наибольшая часть—127 тыс. человѣкъ—подъ начальствомъ Барклая-де-Толли имѣла главную квартиру въ Вильнѣ и была растянута на 170 верстъ (отъ Кейданъ до Лиды); вторая—48 тыс.—подъ командой Багратіона расположена была между Нѣманомъ и Бугомъ, имѣя главную квартиру въ Волковыскѣ и находясь въ разстояніи 100 верстъ отъ лѣваго фланга первой арміи; третья—43 тыс.—подчиненная Тормасову, стояла на Волыни, поджидая соединенія съ войскомъ, возвращавшимся съ турецкой войны. Черезъ мѣсяцъ послѣ начала военныхъ дѣйствій изъ первой арміи былъ выдѣленъ корпусъ подъ начальствомъ Витгенштейна для охраны Петербурга. Вслѣдствіе превосходства французскихъ силъ Барклай-де-Толли считалъ един-

---

[1]) «Великая армія» была отлично вооружена и снабжена хорошими средствами для быстраго передвиженія (прочными повозками и понтонными приспособленіями), однако вслѣдствіе злоупотребленій интендантовъ продовольствіе заготовлено было далеко не въ томъ количествѣ, на какое разсчитывалъ Наполеонъ.

[2]) Когда черезъ мѣсяцъ послѣ начала войны императоръ Александръ I посѣтилъ Москву, населеніе встрѣтило его съ энтузіазмомъ и пришло на помощь правительству щедрыми пожертвованіями: московское дворянство пожертвовало 3 мил. рублей и рѣшило поставить по 10 рекрутовъ съ каждыхъ 100 душъ, московскіе купцы внесли 10 милл. р. Къ осени 1812 года, по словамъ историка (Корнилова), «общая сумма пожертвованій превышала 100 милл. рублей. Нѣкоторые отдавали почти все свое имущество. Во многихъ губерніяхъ на средства помѣщиковъ снаряжались большіе отряды ополченцевъ. Всего ополченцевъ было выставлено не менѣе 320 тыс. человѣкъ».

ственно возможнымъ способомъ веденія войны—завлеченіе Наполеона вглубь Россіи посредствомъ отступленія. Эта тактика раздѣлялась также многими другими генералами. Однако, нѣкоторые изъ современниковъ указывали на цѣлый рядъ стратегическихъ ошибокъ, допущенныхъ при началѣ войны. Такими ошибками, по мнѣнію ихъ, были, напр., раздѣленіе главной арміи на двѣ части (Барклая и Багратіона), которыя предполагалось соединить при отступленіи, но которыя легко могли быть разъединены натискомъ французовъ (Наполеонъ хвалился даже, что «Барклай и Багратіонъ никогда не увидятся другъ съ другомъ»), затѣмъ чрезмѣрное удаленіе арміи на западъ, ея растянутость, сосредоточеніе запасовъ въ Вильнѣ, огражденіе западной границы дорогими укрѣпленіями,—все это было въ сущности не нужно, если заранѣе рѣшено было отступать. Во всѣхъ этихъ ошибкахъ винили Барклая спеціалисты, винили притомъ несправедливо, такъ какъ всѣ военныя приготовленія приспособлялись къ плану войны, который былъ составленъ не Барклаемъ, а прусскимъ генераломъ, перешедшимъ на русскую службу Пфулемъ, и который во многомъ пришлось затѣмъ измѣнить [1]). Барклай съ боль-

[1]) Планъ теоретика, а отнюдь не боевого генерала Пфуля заключался въ томъ, что большая армія (Барклая) должна была увлечь за собой непріятеля къ укрѣпленному лагерю на рѣкѣ Дриссѣ (притокѣ Зап. Двины), меньшая же (Багратіона) имѣла своимъ назначеніемъ дѣйствовать съ тыла на непріятельскія силы, третьей арміи (Тормасова) ставилась цѣль угрожать австрійскому корпусу Шварценберга. Однако, когда Барклай въ концѣ іюня вступилъ въ Дрисскій лагерь и осмотрѣлъ его, то выяснилась полная стратегическая непригодность послѣдняго (тѣснота, незащищенность и неудобство для артиллеріи), почему и рѣшено было покинуть его и двигаться къ Витебску. Не связанный болѣе «Пфулевщиной», Барклай не могъ, однако, считать себя вполнѣ самостоятельнымъ. Правда, государь, находившійся первоначально при арміи, уѣхалъ затѣмъ (6 іюля) изъ нея, такъ какъ Шишковъ (государственный секретарь и авторъ большинства патріотическихъ манифестовъ, изданныхъ во время войны), Балашовъ и Аракчеевъ убѣдили его не подвергать свою жизнь опасности и обратить свои силы на воодушевленіе народа и подготовленіе ополченія. Шишковъ и Балашовъ думали также, что возможная неудача арміи произведетъ особенно тягостное впечатлѣніе на народъ, если при ней будетъ находиться самъ императоръ. Но, покинувъ армію, Александръ I не отказался отъ руководства военными дѣйствіями: онъ постоянно переписывался съ генералами (при чемъ позволялъ подчиненнымъ военачальникамъ дѣлать ему донесенія независимо отъ старшихъ), давалъ имъ указанія, не посвящая, однако, ихъ въ свои дальнѣйшіе планы, чѣмъ ставилъ ихъ часто въ затрудненія; при назначеніяхъ не считался съ желаніями командующихъ: такъ, напр., начальникомъ штаба Барклая назначенъ былъ нерасположенный къ послѣднему Ермоловъ, а когда, какъ увидимъ, главнокомандующимъ сдѣлался Кутузовъ, то къ нему, въ качествѣ начальника штаба, прикомандировали непріятнаго для него Беннигсена, а, кромѣ того, приставили еще англійскаго агента Вильсона, критиковавшаго распоряженія главнокомандующаго. Кутузовъ умѣлъ отстаивать свою самостоятельность, на что не рѣшался мало популярный въ войскѣ Барклай. Положеніе послѣдняго затруднялось еще и тѣмъ, что, дѣлая въ началѣ войны предписанія Багратіону, онъ, однако, не могъ считать его подчиненнымъ себѣ, такъ какъ не носилъ званія главнокомандующаго и, хотя, какъ военный министръ, занималъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ Багратіонъ, зато былъ моложе его по чинопроизводству.

нимъ искусствомъ и честью вышелъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя ставилъ его этотъ непригодный планъ. Однако, войско, рвавшееся въ битву, и народъ, жаждавшій изгнанія французовъ, негодовали на принятую имъ тактику отступленія. Благороднаго, умнаго и талантливаго Барклая упрекали въ трусости, въ отсутствіи патріотизма, даже въ измѣнѣ, напирая на то, что онъ по происхожденію иностранецъ. Травлю противъ него поддерживали и нѣкоторые его товарищи.

Начало войны.

Барклай терпѣливо несъ свой крестъ и отступалъ. Чтобы соединиться съ нимъ, долженъ былъ отступать противъ воли и Багратіонъ, горѣвшій желаніемъ какъ можно скорѣе атаковать французовъ, считавшій единственно правильнымъ маневромъ «искать и бить». Обѣ арміи, отступая, портили пути сообщенія, уничтожали всѣ запасы, чтобы затруднить движеніе непріятеля. Мѣстное населеніе горячо помогало имъ въ этомъ, самоотверженно истребляя свое имущество. Соединить арміи подъ Витебскомъ, какъ первоначально предполагалось, не удалось, и пунктомъ соединенія назначенъ былъ Смоленскъ. Здѣсь оно состоялось 22 іюля. Войска готовились къ рѣшительному сраженію, но опасность быть обойденнымъ врагами принуждала Барклая отступать. Сдерживать непріятеля поручено было Раевскому и Дохтурову. Первый отбивалъ натискъ на Смоленскъ огромной наполеоновской арміи, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь 13.000 солдатъ; второй съ отчаянной отвагой оборонялъ Смоленскъ, пока соединившіяся русскія силы переправлялись черезъ Днѣпръ. Въ общемъ оборона Смоленска (4 — 5 августа), доставшагося Наполеону лишь въ развалинахъ, является одной изъ самыхъ героическихъ страницъ русской исторіи. Кромѣ Раевскаго и Дохтурова, въ началѣ Отечественной войны прославились еще Невѣровскій, Коновницынъ, Остерманъ, начальникъ козачьихъ войскъ Платовъ и многіе другіе. Уронъ, нанесенный Наполеоновской арміи, былъ очень великъ: къ половинѣ августа она не превышала 200.000 человѣкъ [1]).

Назначеніе Кутузова и Бородинская битва.

Тѣмъ не менѣе Барклай продолжалъ отступленіе, сдѣлавшееся теперь еще болѣе труднымъ, такъ какъ Багратіонъ былъ рѣшительнымъ противникомъ его и интриговалъ противъ Барклая. Наконецъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и по рекомендаціи военнаго совѣта, императоръ Александръ I назначилъ

---

[1]) Пока главныя русскія силы отступали, ограничиваясь лишь арріергардными боями, на второстепенныхъ театрахъ войны происходили уже крупныя сраженія. Такъ, напр., Тормасовъ захватилъ въ плѣнъ при Кобринѣ 15 іюля авангардъ корпуса ген. Ренье, а Витгенштейнъ и его ближайшій сотрудникъ смѣльчакъ Кульневъ удачно дѣйствовали на крайнемъ правомъ флангѣ противъ Удино и Сенъ-Сира. 20 іюля Кульневъ былъ убитъ.

главнокомандующимъ соединившейся арміи Кутузова, которому лично не симпатизировалъ. Этотъ старый, умный сподвижникъ Суворова унаслѣдовалъ отъ послѣдняго умѣніе близко сходиться съ солдатами, внушать имъ глубокое довѣріе къ себѣ, обладалъ огромнымъ опытомъ и рѣдкою хитростью: не даромъ Наполеонъ называлъ его «сѣверной лисицей». Дѣйствительно, Кутузовъ отправлялся на войну съ твердой увѣренностью, что ему удастся «обмануть» Наполеона. Восторженно привѣтствуемый войскомъ, которое онъ принялъ подъ команду въ Царевѣ-Займищѣ 17 августа, онъ сказалъ на смотру: «какъ можно отступать съ такими молодцами» и, ободривъ этой фразой солдатъ, спокойно продолжалъ отступленіе, не вызывавшее уже прежнихъ нареканій. Генеральное сраженіе онъ далъ только 26 августа при селѣ Бородинѣ (верстъ за 100 отъ Москвы), когда силы враговъ почти сравнялись, такъ какъ множество французовъ частью погибло на пути, опустошенномъ русскими при отступленіи, частью не успѣло еще подоспѣть изъ-подъ Смоленска. На Бородинскомъ полѣ полегло около ста тысячъ человѣкъ русскихъ и французовъ. Кутузовъ потерялъ почти половину своего войска; среди смертельно раненыхъ былъ Багратіонъ, командовавшій лѣвымъ крыломъ и отбивавшій атаки лучшихъ полководцевъ Наполеона: Нея, Мюрата, Даву [1]). Исходъ Бородинской битвы, одной изъ самыхъ славныхъ битвъ во всей всемірной исторіи, остался нерѣшеннымъ. По словамъ Наполеона, изъ всѣхъ сраженій, данныхъ имъ, «въ Бородинскомъ выказано наиболѣе доблести и достигнутъ наименьшій успѣхъ»; «французы, по его мнѣнію, показали себя въ немъ достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали славу быть непобѣдимыми». Желая дать передышку измученнымъ солдатамъ, Кутузовъ сталъ отступать къ Москвѣ. Возникалъ жгучій вопросъ: давать ли сраженіе подъ стѣнами ея или отдать ее безъ боя врагамъ. Общее настроеніе склонялось, конечно, къ сраженію. Самъ Кутузовъ, какъ говорятъ, клялся своей сѣдой головой Московскому генералъ-губернатору Растопчину, что непріятель не увидитъ Москвы. Растопчинъ своими афишами (воззваніями) приглашалъ всѣхъ москвичей идти на французовъ съ топорами, рогатинами, вилами, клялся стать во главѣ московскихъ ополченцевъ и обѣщалъ легкую побѣду надъ врагами («французъ, писалъ онъ, не тяжелѣе снопа оржаного»). Но эти клятвы не сбылись, Кутузовъ не отважился дать бой подъ Москвой и, когда на

[1]) Численность русскихъ войскъ подъ Бородинымъ достигала 128 т. человѣкъ вмѣстѣ съ нерегулярными частями; французовъ было около 140 тысячъ. Пало русскихъ около 50 тысячъ, въ томъ числѣ 22 генерала и около 2 тысячъ офицеровъ. Барклай, измученный тѣми неосновательными подозрѣніями, которыя съ самаго начала войны тяготѣли надъ нимъ, искалъ смерти въ бою, становился на самыя опасныя мѣста: подъ нимъ было убито 5 лошадей, но онъ остался живъ. Въ сентябрѣ онъ уѣхалъ изъ арміи.

военномъ совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ (1 сентября), обсуждавшемъ этотъ вопросъ, мнѣнія раздѣлились (изъ подчиненныхъ Кутузова за отступленіе высказался вполнѣ откровенно только Барклай), онъ стараясь успокоить своихъ сподвижниковъ указаніемъ на то, что «съ потерей Москвы еще не потеряна Россія», и, принимая на себя всю отвѣтственность, приказалъ отступать отъ столицы на Рязанскую дорогу.

Вступленіе французовъ въ Москву.

Послѣ клятвъ Кутузова, послѣ пылкихъ афишъ Растопчина внезапное рѣшеніе покинуть сердце Россіи безъ боя ошеломляюще подѣйствовало на москвичей. Начался повальный выѣздъ населенія изъ Москвы, при чемъ по возможности уничтожались всѣ припасы. Однако нѣсколько смѣльчаковъ потребовало отъ Растопчина, чтобы онъ, согласно своему обѣщанію, велъ ихъ на враговъ, и генералъ-губернатору пришлось обратиться къ очень некрасивому средству, чтобы скрыться изъ Москвы: онъ натравилъ народъ на купеческаго сына Верещагина, обвиняя его въ шпіонствѣ, и, пользуясь происшедшимъ замѣшательствомъ, поспѣшилъ удалиться изъ столицы. Вступивъ 3 сентября въ Москву, Наполеонъ, къ своему величайшему изумленію, увидѣлъ полное запустѣніе ея. Когда вмѣсто ожидаемыхъ Наполеономъ «бояръ» съ «ключами столицы» къ нему привели нѣсколькихъ оставшихся въ Москвѣ иностранцевъ, французскій императоръ, по словамъ очевидца, былъ такъ пораженъ, что «битый часъ не могъ справиться съ собою, и во все это время окружавшіе его генералы стояли передъ нимъ неподвижно, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ и пошевелиться». Скоро начались знаменитые московскіе пожары, возникшіе отчасти вслѣдствіе поджоговъ со стороны русскихъ, отчасти вслѣдствіе неосторожности французовъ, истребившіе до трехъ четвертей московскихъ домовъ и уничтожившіе послѣдніе припасы. Вмѣсто спокойной стоянки, которую ожидали французы, они встрѣтили здѣсь самый мучительный голодъ. Большинство побѣдоносныхъ солдатъ «великой арміи» превратилось въ ничѣмъ не сдерживаемыхъ мародеровъ, которые грабили все, что могли, и позволяли себѣ грубыя кощунства, превращая московскіе храмы въ казармы и даже конюшни. Самъ Наполеонъ, взбѣшенный пожарами, узаконилъ неистовый грабежъ. Надежды на скорое заключеніе мира не было, такъ какъ Александръ I оставлялъ безъ отвѣта всѣ предложенія Наполеона[1]) и говорилъ,

[1]) Въ одномъ изъ писемъ къ императору Александру I Наполеонъ выражаетъ скорбь по поводу московскихъ пожаровъ и тѣхъ разореній, которыя начались съ самаго Смоленска и довели до нищеты 600 тысячъ семействъ, изумляется, что при сдачѣ Москвы не поступили такъ же, какъ «два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ» (гдѣ охрана города поручалась вступавшимъ въ нее побѣдителямъ), старается оправдать грабежъ своихъ солдатъ и въ заключеніе добавляетъ: «Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ

что онъ «лучше согласится питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ своихъ крестьянъ, чѣмъ подписать позоръ своего отечества». «Наполеонъ или я», сказалъ императоръ, «я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать».

Народная война, отступленіе и бѣгство французовъ.

Ужасно было положеніе голодныхъ французовъ въ стѣнахъ пылающей Москвы. Не менѣе ужасно положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые находились внѣ ея и должны были считаться съ народной и партизанской войной. Наиболѣе замѣчательными партизанскими вождями были Давыдовъ, Фигнеръ (надѣвая французскій мундиръ, онъ проникалъ даже въ самый лагерь враговъ, вывѣдывая тамъ все, что нужно), Сеславинъ, Дороховъ; извѣстны также подвиги козацкихъ вождей Платова и Уварова. Въ каждой избушкѣ, за каждымъ бугромъ, въ каждомъ встрѣчномъ французы наталкивались на враговъ, безпощадныхъ и неумолимыхъ. Во главѣ вооруженныхъ чѣмъ попало крестьянъ становились или помѣщики (напр., Емельяновъ, Энгельгардтъ), или отставные солдаты (напр., Самусь) или выборные старосты, иногда даже женщины (напр., старостиха Василиса). Наполеонъ нѣсколько разъ жаловался Кутузову на безпощадность партизанъ и просилъ придать войнѣ менѣе жестокій характеръ. Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ остановить народа, который видитъ въ походѣ Наполеона повтореніе Батыева нашествія. Голодъ въ Москвѣ, партизанскіе набѣги козаковъ и пораженіе, нанесенное Беннигсеномъ (6 октября) французскому авангарду при Тарутинѣ, побудили Наполеона 7 октября выступить изъ Москвы. (Оставляя столицу, французскій императоръ рѣшился на дикую попытку взорвать Кремль). Отягощенная награбленой добычей, но терпѣвшая недостатокъ въ продовольствіи, утратившая всякую дисциплину и разодѣтая въ фантастическія одежды, «великая армія» двинулась въ обратный походъ. Наполеонъ надѣялся проникнуть на югъ Россіи въ плодородныя неразоренныя мѣстности, но Кутузовъ успѣлъ вовремя занять Калужскую дорогу, нанесъ французамъ (12 октября) пораженіе при Малоярославцѣ (героями этой битвы были Ермоловъ и Дохтуровъ) и заставилъ ихъ отступать по той опустошенной смоленской дорогѣ, которою они пришли въ Москву. Отступленіе великой французской арміи, тревожимой партизанскими отрядами, вымиравшей отъ сильныхъ раннихъ морозовъ, превратилось скоро въ бѣгство. Кутузовъ нѣсколько разъ наносилъ ей пораженія (при Вязьмѣ 22 октября, Смоленскѣ, Красномъ—въ началѣ ноября), однако избѣгалъ большихъ битвъ. Онъ довольствовался осторожнымъ преслѣдованіемъ Наполеона и не стремился уничтожить его. Такая тактика объясняется убѣжденіемъ Ку-

---

Васъ прежде и послѣ послѣдняго (Бородинскаго) сраженія остановила бы мое движеніе и, чтобы угодить Вамъ, я пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву»...

тузова, что «обстоятельства сами собою сдѣлаютъ больше, чѣмъ сила оружія» [1]), и его увѣренностью въ томъ, что побѣжденный Наполеонъ гораздо выгоднѣе для Россіи, чѣмъ уничтоженный, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ «наслѣдство его достанется не намъ, а англичанамъ». Кутузовская тактика встрѣчала многихъ противниковъ. Особенно несдержанно нападалъ на Кутузова Растопчинъ, не стыдившійся утверждать, что главнокомандующій впалъ въ ребячество. Находились, впрочемъ, и такіе люди, которые понимали, «что каждый день бездѣятельности Кутузова стоитъ намъ побѣды».

Окончаніе Отечественной войны.

По плану русскихъ генераловъ предполагалось захватить Наполеона въ плѣнъ при переправѣ французовъ черезъ Березину. Однако Наполеонъ, воспользовавшись медлительностью Витгенштейна, Чаплица и адмирала Чичагова, опоздавшихъ къ мѣсту переправы, избѣжалъ засады и (26 ноября) умчался за границу, покинувъ на произволъ судьбы ничтожные по численности, почти безоружные и непригодные уже къ бою остатки своей «великой арміи». (Къ Березинѣ Наполеонъ привелъ 40 тысячъ солдатъ, послѣ переправы ихъ стало 15 тысячъ, а границу перешло не болѣе 1.000 человѣкъ вооруженныхъ; остальные спасшіеся были вовсе неспособны къ военнымъ дѣйствіямъ).

25 декабря по всей Россіи происходили религіозныя торжества по случаю избавленія «отъ нашествія галловъ и съ ними двунадесяти языкъ».

Кутузовъ въ Вильнѣ, представлявшей страшную картину разоренія, наполненной разлагавшимися трупами и умиравшими ранеными, праздновалъ побѣду надъ французами. Война считалась оконченной. Такъ думали многіе сподвижники Александра I, такъ думалъ и Кутузовъ, горячо убѣждавшій императора вспомнить свое обѣщаніе—«положить оружіе, когда ни одного непріятеля не останется въ предѣлахъ Россіи», и доказывавшій ему, что Россія истомлена войной, а Наполеонъ жаждетъ мира и согласится на всякія условія. Однако Александръ I не внялъ совѣтамъ стараго главнокомандующаго и своихъ близкихъ: онъ считалъ недостаточнымъ освободить

---

[1]) Дѣйствительно, обстоятельства складывались для французовъ самымъ страшнымъ образомъ. По словамъ Платова, никакое перо не въ состояніи изобразить картину ужаса, который непріятель оставляетъ по большой дорогѣ. Французскіе солдаты были охвачены отчаяніемъ («они шли, по словамъ очевидца, съ опущенными глазами, какъ бы отъ стыда и униженія») и терпѣли чудовищныя бѣдствія. «Множество раненыхъ, разсказываетъ одинъ офицеръ, было брошено. Одни лежали на землѣ, другіе оставались въ повозкахъ, изъ которыхъ выпряжены были лошади и унесена лучшая поклажа. Эти бѣдные и несчастные умоляли насъ, простирая руки о помощи». Длинный путь обратился въ безконечное кладбище, гдѣ рядомъ лежали мертвые и умиравшіе, гдѣ трупы и еще живые одинаково заметались снѣгомъ. Отчаяніе порождало жестокость: французы бросали на произволъ судьбы своихъ сотоварищей, пристрѣливали отсталыхъ и больныхъ плѣнныхъ.

отъ Наполеона Россію, а мечталъ объ освобожденіи отъ его ига всей Западной Европы и поэтому настаивалъ на немедленномъ перенесеніи войны въ ея предѣлы. Александръ I хотѣлъ стереть съ лица земли «современнаго Аттилу» (какъ называлъ онъ Наполеона), а затѣваемой войнѣ придавалъ романтическій характеръ: въ приказѣ по войску было объявлено: «мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ тираніи, за человѣчество противъ звѣрства; Богъ видитъ нашу правду и поможетъ намъ».

§ 73. Освободительная война 1813—14 г.г.

Начало войны.

Война за освобожденіе Европы, начатая въ январѣ 1813 г., была вполнѣ твореніемъ Александра. Никто изъ другихъ государей не рѣшился бы поднять руки даже на пораженнаго Наполеона, который успѣлъ собрать новую 200 тыс. армію. Фридрихъ-Вильгельмъ III, ненавидѣвшій его всѣми силами своей души, не сразу, однако, отказался отъ роли его союзника. Императоръ Францъ I, холодный, замкнутый въ себѣ, остерегавшійся проявленія какого-либо чувства, продолжалъ изображать любезнаго тестя Наполеона и только втайнѣ строилъ ему козни. Безотчетный страхъ передъ «раненымъ львомъ» Наполеономъ окутывалъ еще сознаніе западно-европейскихъ монарховъ, сковывалъ ихъ волю. При такихъ условіяхъ положеніе русскаго войска, вступившаго въ январѣ 1813 года въ предѣлы Германіи, было очень тяжелымъ: солдаты истомились отъ Отечественной войны; присоединеніе къ русской арміи пруссаковъ (по Калишскому договору 16 февраля между Александромъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III [1]), а затѣмъ и шведовъ, и денежная помощь Англіи мало способствовали успѣхамъ, такъ какъ Витгенштейнъ, назначенный главнокомандующимъ послѣ смерти (въ серединѣ апрѣля) Кутузова, привелъ армію въ полный безпорядокъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III выказывалъ большую робость, а между тѣмъ Наполеонъ въ этой борьбѣ проявилъ весь свой геній. Союзники потерпѣли отъ него пораженія при Люценѣ и Бауценѣ, приведшія въ отчаяніе Фридриха-Вильгельма III и побудившія Александра I замѣнить Витгенштейна Барклаемъ-де-Толли. Несмотря на побѣды, Наполеонъ желалъ мира въ особенности потому, что его союзница Австрія вела себя въ высшей степени двусмысленно, стремясь выступить посредницей между врагами. Австрія приводила въ негодованіе Наполеона, и онъ говорилъ: «Россія имѣетъ

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что Фридрихъ-Вильгельмъ III рѣшился на открытый разрывъ съ Наполеономъ только послѣ того, какъ прусскій генералъ Іоркъ, подчиненный въ 1812 г. маршалу Макдональду, по собственному почину заключилъ договоръ о нейтралитетѣ съ русскимъ полковникомъ Дибичемъ и такимъ образомъ лишилъ Макдональда помощи своего 16 тыс. корпуса.

полное право на выгодныя условія мира. Она купила ихъ цѣной двухъ тяжкихъ походовъ, опустошеніемъ областей, потерею столицы. Австрія, напротивъ того, не заслуживаетъ ничего. Ничто не огорчило бы меня такъ, какъ если бы Австрія въ награду за свое вѣроломство получила выгоды и славу возстановленія мира въ Европѣ». Весною 1813 года заключено было перемиріе, сильно повредившее Наполеону: за время его Австрія успѣла разобраться въ своихъ сложныхъ чувствахъ и объявила Франціи войну. Впрочемъ, присоединеніе австрійцевъ мало помогло союзникамъ: Францъ I по свойствамъ своей натуры вовсе не былъ способенъ воодушевлять солдатъ, а австрійскій главнокомандующій Шварценбергъ составилъ себѣ печальную извѣстность своей невозможной стратегіей, какъ бы перевернувшей вверхъ дномъ всѣ военныя правила. По словамъ императора Александра I, шварценберговскія распоряженія доставили ему не мало безсонныхъ ночей и сѣдыхъ волосъ. Александръ продолжалъ быть душою войны, отдавая ей всѣ силы и энергію, ободряя робѣвшихъ союзниковъ, твердо вѣря въ успѣхъ, несмотря на испытываемыя неудачи. Эти неудачи все еще не прекращались: Наполеонъ нанесъ своимъ врагамъ новое жестокое пораженіе при Дрезденѣ, когда смертельной опасности подвергся самъ императоръ Александръ I. Однако Дрезденская побѣда была послѣднимъ тріумфомъ Наполеона: вскорѣ послѣ нея въ Кульмскомъ сраженіи, которымъ лично руководилъ Александръ I, а позиція для котораго очень удачно была избрана Ермоловымъ, удалось разбить одного изъ лучшихъ французскихъ маршаловъ Вандама, а 4-го октября началась знаменитая «битва народовъ» при Лейпцигѣ, продолжавшаяся три дня. Въ разгаръ рѣшительнаго боя Наполеону измѣнили послѣдніе его союзники—облагодѣтельствованные имъ государи Рейнскаго союза, перейдя на сторону его враговъ. Наполеонъ, подавленный численнымъ превосходствомъ непріятелей, долженъ былъ отступить.

Перенесеніе войны въ предѣлы Франціи.

Слѣдствіемъ его отступленія было перенесеніе войны въ 1814 году въ предѣлы Франціи. На этомъ опять-таки настаивалъ Александръ I; другіе союзники со страхомъ вступили во Францію, опасаясь народной войны. Но ея не было: французскій народъ не поддержалъ своего побѣдоноснаго властелина. Франція, жаждавшая только покоя, была утомлена воинственной политикой его, истощена огромными налогами, потеряла на поляхъ битвъ большую часть своей молодежи; задавленная Наполеономъ, оппозиція подняла голову, когда звѣзда его счастья стала закатываться. Для французовъ императоръ уже закончилъ свою роль; народъ предоставилъ его игрѣ судьбы. Итакъ, союзники не столкнулись съ народной войной, но зато они встрѣтили Наполеона во всеоружіи его генія: съ небольшимъ войскомъ, наспѣхъ навербованнымъ чуть не изъ дѣтей, онъ отбивался отъ колоссальныхъ армій, наступавшихъ

на него со всѣхъ сторонъ. Окружаемый желѣзнымъ кольцомъ вражескихъ силъ, Наполеонъ сражался такъ же стремительно и побѣдоносно, какъ въ эпоху наивысшей своей славы. Но ему пришлось встрѣтиться съ предательствомъ внутри Франціи, съ измѣной нѣсколькихъ маршаловъ и даже родныхъ. Въ то время, какъ онъ напрягалъ послѣднія силы, надѣясь отразить враговъ, его супруга Марія-Луиза и братъ Іосифъ бѣжали изъ Парижа, а оставленный для его охраны маршалъ Мармонъ отказался отъ дальнѣйшаго сопротивленія и 31 марта (нов. стиля) сдалъ столицу врагамъ.

Взятіе Парижа и низложеніе Наполеона.

Союзныя войска, предводительствуемыя императоромъ Александромъ I, вступили въ Парижъ. Населеніе встрѣтило ихъ какъ гостей. «Бульвары, по словамъ очевидца, были покрыты разряженной толпой. Казалось, народъ собрался, чтобы погулять на праздникѣ, а не для того, чтобы присутствовать при вступленіи непріятельскихъ войскъ». Александръ I милостиво принималъ депутаціи отъ парижанъ, объявляя имъ, что онъ ведетъ войну не съ французами, а только съ Наполеономъ. Сохранить власть за послѣднимъ онъ считалъ невозможнымъ (несмотря на убѣжденія Колленкура, доказывавшаго ему, что союзные монархи, низвергнувъ съ престола государя, всѣми ими признаннаго, выкажутъ себя поборниками разрушительныхъ идей революціи). Однако императоръ Александръ I не хотѣлъ насиловать волю французскаго народа и предоставлялъ ему свободу выбора формы правленія, высказавъ свое согласіе и на регентство Маріи-Луизы, и на господство Бернадота, и на возстановленіе республики, и на реставрацію Бурбоновъ. Особенно горячимъ приверженцемъ Бурбоновъ оказался министръ Таллейранъ, лукавый дипломатъ, не разъ мѣнявшій свои взгляды. Собственныя желанія онъ представлялъ волей всей націи. Не безъ его давленія сенатъ 1 апрѣля объявилъ о низложеніи съ престола Наполеона, со всѣмъ его потомствомъ, и объ освобожденіи французовъ отъ присяги ему.

Отреченіе Наполеона.

Наполеонъ пытался сохранить власть, по крайней мѣрѣ, за своимъ сыномъ и отрекся отъ престола въ пользу него. Но измѣна почти всѣхъ маршаловъ побудила его къ безусловному отреченію, которое онъ подписалъ 11 апрѣля въ Фонтенбло. По рѣшенію союзныхъ державъ, за нимъ сохраненъ былъ титулъ императора и во владѣніе ему данъ небольшой островъ Эльба. Для характеристики французовъ любопытно отмѣтить, что они крайне враждебно относились къ Наполеону во время его слѣдованія на Эльбу: въ догонку ему кричали «смерть тирану», въ одномъ мѣстѣ собирались утопить его, въ другомъ— повѣсить. Сопровождавшему его конвою и русскому уполномоченному графу Шувалову приходилось защищать императора отъ его прежнихъ подданныхъ. Онъ принужденъ былъ даже переодѣться въ

иностранный мундиръ, чтобы не быть узнаннымъ. Въ Парижѣ чернь также буйствовала и хотѣла низвергнуть статую Наполеона: русскія войска должны были охранять ее.

Реставрація Бурбоновъ и Вѣнскій конгрессъ.

На французскій престолъ былъ возведенъ Людовикъ XVIII (братъ Людовика XVI). Уступая настояніямъ императора Александра I, онъ согласился на дарованіе народу конституціонной хартіи, но съ самаго начала своими безтактными поступками и неблагодарностью оттолкнулъ отъ себя русскаго государя, которому былъ всецѣло обязанъ престоломъ.

Такъ закончилась война съ Франціей, стоившая Россіи не менѣе милліарда рублей. Побѣдитель Наполеона получилъ въ исторіи эпитетъ «Благословенный». Для рѣшенія дальнѣйшихъ судебъ Европы государи, участвовавшіе въ борьбѣ съ Наполеономъ, вмѣстѣ со своими дипломатами рѣшили собраться на конгрессъ въ Вѣнѣ, который открылъ свои засѣданія осенью 1814 года. Для интересовъ Россіи было бы выгоднѣе, если бы конгрессъ былъ созванъ весной или лѣтомъ 1814 года, когда память о русскихъ побѣдахъ и жертвахъ и о взятіи Парижа была совсѣмъ свѣжа, когда на Россію смотрѣли какъ на избавительницу отъ Наполеоновскаго ига, и когда, слѣдовательно, ея представители могли бы занять неоспоримо первенствующее положеніе на международномъ конгрессѣ. Однако, какъ бы упуская это изъ виду, императоръ Александръ I въ маѣ 1814 года отправился въ Англію, не достигнувъ къ тому же этимъ путешествіемъ сближенія съ англійскимъ правительствомъ, а скорѣе возстановивъ его противъ себя: по словамъ историка (великаго князя Николая Михаиловича), «регентъ (впослѣдствіи король Георгъ IV), его министры, часть общества и вся оффиціальная Англія остались недовольны и возмущались заигрываніемъ Александра и его сестры (Екатерины Павловны) съ оппозиціей». Затѣмъ государь, побывавъ въ Голландіи и Германіи, вернулся въ Петербургъ и только осенью пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ сталъ энергично руководить дѣйствіями своихъ дипломатовъ (Нессельроде, А. Разумовскаго, Штакельберга, Поццо-ди-Борго, Каподистріа, Анстета и Ад. Чарторыйскаго). Къ этому времени память о жертвахъ, принесенныхъ русскими, успѣла уже нѣсколько потускнѣть, и представители западно-европейскихъ государствъ стали смотрѣть на нихъ не столько какъ на избавителей, сколько какъ на соперниковъ при дѣлежѣ наслѣдія Наполеона. Правда, участники конгресса довольно легко пришли къ соглашенію относительно вознагражденія большинства державъ, пострадавшихъ въ Наполеоновскую эпоху (особенно щедро вознаграждена была Австрія), но зато вопросы польскій и тѣсно связанный съ нимъ саксонскій вызвали горячія пренія и чуть не послужили причиной войны между государствами, которыя нѣсколько мѣсяцевъ назадъ совмѣстно дѣйствовали противъ Наполеона. Дѣло въ томъ, что императоръ Александръ I хо-

тѣлъ получить все герцогство Варшавское, составленное, какъ извѣстно, изъ польскихъ земель, отобранныхъ въ 1807 г. у Пруссіи, и предоставить послѣдней взамѣнъ ихъ Саксонію, властитель которой, какъ вѣрный союзникъ Наполеона, подлежалъ, по мнѣнію Александра, лишенію всѣхъ своихъ владѣній. Такой способъ рѣшенія вопроса вполнѣ удовлетворялъ Фридриха-Вильгельма III, но встрѣтилъ самое горячее противодѣйствіе со стороны французскаго дипломата Талейрана и австрійскаго Меттерниха. Первый съ невозмутимымъ спокойствіемъ доказывалъ Александру I, что низложеніе саксонскаго короля противорѣчитъ основному принципу Вѣнскаго конгресса—легитимизму (т. е. законности) и явится революціоннымъ поступкомъ. Второй, просто опасавшійся усиленія Россіи, своимъ упорствомъ и закулисными интригами выводилъ изъ себя русскаго императора. Меттерниха поддерживала также англійская дипломатія. Отношенія обострились настолько, что Австрія, Франція и Англія заключили между собой секретный договоръ, направленный противъ Россіи и Пруссіи. Трудно представить, къ чему бы повело все это, если бы не произошли событія, заставившія участниковъ конгресса позабыть свои раздоры: Наполеонъ, зорко слѣдившій съ острова Эльбы за пререканіями въ Вѣнѣ и отлично освѣдомленный о непопулярности и непрочности положенія Людовика XVIII, который «ничего не забылъ и ничему не научился въ изгнаніи», весною 1815 года внезапно покинулъ Эльбу и, опираясь на поддержку перешедшихъ на его сторону французскихъ войскъ и крестьянъ, быстро овладѣлъ Парижемъ и возстановилъ свою власть. «Пробужденіе» Наполеона потребовало новыхъ напряженныхъ военныхъ дѣйствій со стороны европейскихъ государей, и только тогда, когда пораженіе его въ битвѣ при Ватерло положило конецъ эпохѣ «ста дней» (такъ называется вторичное правленіе Наполеона), а самъ онъ былъ отправленъ на о. Св. Елены, Вѣнскій конгрессъ вынесъ свои постановленія. Александръ I получилъ три четверти герцогства Варшавскаго, уступивъ остальную его часть Австріи (вмѣстѣ съ Тарнопольской областью) и Пруссіи (къ ней отошла Познань). Что касается Саксоніи, то половина ея отдана была Фридриху-Вильгельму III, другая же часть осталась за саксонскимъ королемъ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Эпоха реакціи (1815 — 1825 гг.).

Послѣ Вѣнскаго конгресса начался новый (пятый) періодъ царствованія императора Александра I. Внѣшняя политика этого періода характеризуется 1) образованіемъ «Священнаго Союза», который, какъ увидимъ, долженъ былъ положить въ основу международныхъ отношеній евангельскія начала, 2) участіемъ императора Але-

ксандра I на международныхъ конгрессахъ (въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ), которые занимались дипломатическимъ разъясненіемъ постановленій Вѣнскаго конгресса, истолкованіемъ идей Священнаго Союза и изысканіемъ способовъ для подавленія революціонныхъ движеній, возникавшихъ въ 20-хъ годахъ на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ. По характеру внутренней политики послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I носитъ названіе періода реакціи, такъ какъ многія мѣропріятія этого времени стоятъ въ противорѣчіи съ первоначальными либеральными замыслами государя. Въ самомъ настроеніи императора послѣ Отечественной войны происходитъ крутой переломъ.

§ 74. Измѣненіе характера императора Александра I въ послѣднее десятилѣтіе царствованія.

Господствующей чертой настроенія Александра I дѣлается религіозность: уже во время Отечественной войны онъ говорилъ, что «пожаръ Москвы освѣтилъ его сердце и наполнилъ теплотой вѣры»; вѣрой въ Провидѣніе онъ былъ охваченъ въ теченіе всей борьбы съ Наполеономъ. Съ теченіемъ времени его религіозность перешла въ мистицизмъ [1]).

Большое вліяніе въ этомъ отношеніи оказали на него двое русскихъ мистиковъ: другъ его дѣтства кн. А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ, а затѣмъ лифляндская баронесса Крюденеръ, бывшая въ молодости большой грѣшницей, затѣмъ обратившаяся къ покаянію

---

[1]) Подъ мистицизмомъ разумѣется стремленіе къ внутреннему непосредственному общенію съ Богомъ. Такое настроеніе свойственно было не только Александру I, но и многимъ его современникамъ. Любопытно, что распространенію мистицизма предшествовало увлеченіе католицизмомъ, замѣчавшееся въ высшихъ слояхъ русскаго общества конца XVIII и начала XIX в. Въ іезуитскомъ пансіонѣ, устроенномъ аббатомъ Николя, учились дѣти многихъ петербургскихъ аристократовъ: нѣкоторые изъ нихъ измѣнили даже православію. Ревностнымъ проводникомъ католическихъ воззрѣній въ высшемъ обществѣ явился извѣстный писатель, бывшій посолъ сардинскаго короля, Жозефъ де-Местръ, проведшій въ Россіи 14 лѣтъ. Еще больше, чѣмъ католицизмъ, влекла къ себѣ мистика. Однимъ изъ первыхъ ея представителей въ Россіи былъ А. Ѳ. Лабзинъ, поэтъ, переводчикъ, борецъ противъ раціонализма, издатель духовнаго журнала («Сіонскаго Вѣстника», выходившаго въ 1806 г.), энергичный дѣятель по возрожденію масонства и очень интересный человѣкъ. Историкъ (великій князь Николай Михаиловичъ) такъ характеризуетъ его: «Искренно преданный идеямъ христіанства, истинно православный, онъ стремился къ отысканію вѣчныхъ истинъ и къ созданію той мистической «внутренней» церкви, въ которой онъ видѣлъ залогъ людского счастья на землѣ, прообразъ Церкви Небесной Надѣленный отъ природы всѣми качествами, необходимыми для руководства другими, властолюбивый Лабзинъ гипнотически дѣйствовалъ на людей, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе»... Съ теченіемъ времени въ Петербургѣ образовался цѣлый кружокъ сановныхъ мистиковъ, собиравшійся въ салонѣ Татариновой. Здѣсь появлялись даже сектанты.

и, наконецъ, впавшая въ глубокій мистицизмъ. Она искала встрѣчъ съ Александромъ, умѣла окружать себя таинственной дымкой, ореоломъ пророчицы, направлять настроеніе государя въ желанную для себя сторону, внушая ему, что онъ является орудіемъ Промысла Божія. Когда Крюденеръ современемъ утратила свое обаяніе въ глазахъ государя [1]), онъ поддался вліянію англійской мистической секты—квакеровъ, мечтавшихъ о нравственномъ перерожденіи общества. Два видныхъ представителя этой секты посѣтили даже Петербургъ и оказали благотворное воздѣйствіе на одну изъ печальныхъ сторонъ русской жизни: осмотрѣвъ русскія тюрьмы, они описали государю ихъ ужасное состояніе и, по ихъ совѣту, были приняты нѣкоторыя мѣры для улучшенія тюремнаго быта. Въ послѣдніе годы жизни Александръ I сблизился, къ сожалѣнію, съ архимандритомъ Юрьевскаго Новгородскаго монастыря Фотіемъ, узкимъ, крайне нетерпимымъ, озлобленнымъ фанатикомъ и въ то же время ловкимъ интриганомъ. Все развивавшееся религіозное чувство, бесѣды съ монахами и схимниками, безмолвная, мистическая молитва съ квакерами, религіозный экстазъ—давали императору временное, но неполное успокоеніе. Пресыщенный своей славой, усталый отъ жизни, разочаровавшійся въ людяхъ, угрюмо-настроенный, нравственно-неудовлетворенный, преслѣдуемый сомнѣніями, императоръ усваиваетъ страсть къ путешествіямъ, къ перемѣнѣ мѣстъ и впечатлѣній. Въ безконечныхъ поѣздкахъ по Россіи и за границей, во время которыхъ государь выказывалъ поразительную выносливость, неутомимость и умѣнье примѣняться къ отсутствію всякаго комфорта, и проходитъ конецъ его царствованія. Странствуя по Россіи, Александръ, какъ и прежде, умѣлъ, если хотѣлъ, очаровывать населеніе своимъ обращеніемъ, но всѣ замѣчали въ немъ перемѣну, охлажденіе къ своему народу. «Какой-то злой геній, говоритъ современникъ, оклеветалъ императору его добрый народъ; онъ разлюбилъ насъ и въ людяхъ благонамѣренныхъ видѣлъ карбонаріевъ; раздражился самъ и насъ вооружилъ противъ себя». Дѣйствительно, Александръ I сталъ пренебрежительно отзываться о русскихъ и выказывалъ равнодушіе къ самымъ дорогимъ національнымъ преданіямъ, уклонялся отъ посѣщенія историческихъ мѣстъ Отечественной войны, отказывался осматривать памятникъ Кутузову. Наряду съ мистицизмомъ, разочарованность, угрюмость и охлажденіе къ Россіи, взглядъ на русскую жизнь, какъ на тусклую и сѣрую, про-

---

[1]) По мнѣнію историка (великаго князя Николая Михаиловича), «убѣжденность Крюденеръ болѣе, чѣмъ сомнительна. Побужденія мнимо восторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда во всемъ испытывала нужду... Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какой-то жестокой откровенностью, но все это было расчитано и прикрыто вѣжливой формой въ изысканной манерѣ самой рѣчи». Государь вполнѣ охладѣлъ къ ней, какъ только замѣтилъ ея поползновенія вмѣшиваться въ политику.

ходятъ красной нитью через все настроеніе императора Александра I въ послѣднія десять лѣтъ его царствованія. Вмѣстѣ съ этимъ въ немъ проявляется острое недовѣріе къ людямъ: отъ прежнихъ друзей (въ томъ числѣ и Лагарпа) онъ отворачивается, новыхъ не допускаетъ къ себѣ. Единственнымъ довѣреннымъ лицомъ и какъ бы первымъ полномочнымъ министромъ остается только гр. А. А. Аракчеевъ.

§ 75. Аракчеевъ.

Аракчеевъ—одинъ изъ героевъ, притомъ самыхъ плохихъ, гатчинскихъ вахтпарадовъ Павла Петровича, стяжавшій себѣ извѣстность тѣмъ, что онъ производилъ ученье по 12 часовъ подрядъ, не сходя съ поля. Впрочемъ, не однимъ служебнымъ рвеніемъ отличался Аракчеевъ: онъ создалъ себѣ еще печальную, но громкую славу своимъ безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ солдатами, своей грубостью съ сослуживцами и уже при Павлѣ I его имя произносилось съ чувствомъ гадливости и озлобленія. Но такого чувства не выказывалъ Александръ Павловичъ; напротивъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ называлъ Аракчеева своимъ «другомъ», видя въ немъ сперва усерднаго своего наставника въ прохожденіи трудной военной муштровки и заступника передъ требовательнымъ отцомъ, затѣмъ безкорыстнаго слугу и, наконецъ, «безъ лести преданнаго» (эти слова были помѣщены даже въ гербѣ Аракчеева при пожалованіи ему графскаго титула) тѣлохранителя и ревностнаго исполнителя всѣхъ своихъ порученій. Дѣйствительно, Аракчеевъ отличался безкорыстіемъ и прямотою или же умѣлъ очень удачно играть соотвѣтствующую этимъ качествамъ роль: занимая при Александрѣ I цѣлый рядъ самыхъ отвѣтственныхъ должностей по военному вѣдомству (онъ былъ инспекторомъ артиллеріи, затѣмъ военнымъ министромъ съ расширенными правами, потомъ предсѣдателемъ Департамента военныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта), а въ послѣднее десятилѣтіе царствованія, сдѣлавшись настоящимъ временщикомъ, не знавшимъ надъ собой никакого контроля, онъ не только не запятналъ себя лихоимствомъ, но и систематически отказывался отъ всякихъ наградъ (не принимая орденовъ, онъ не бралъ отъ государя даже подарковъ: такъ, напр., когда Александръ I прислалъ ему свой портретъ въ рамкѣ, украшенной драгоцѣнными камнями, онъ, оставивъ себѣ самый портретъ, вернулъ рамку обратно). Пресыщеннаго лестью императора онъ подкупалъ простымъ, даже грубоватымъ тономъ и «собачьей преданностью». Несмотря на пристрастіе къ мелочамъ, онъ отличался здравымъ смысломъ и большой дѣловитостью, умѣньемъ точно и быстро исполнять данныя ему порученія и бережнымъ отношеніемъ къ интересамъ казны. Однако эти достоинства не уравновѣшиваютъ и ничтожной доли огромныхъ недо-

статковъ Аракчеева. Какъ генералъ, онъ былъ трусъ, избѣгавшій участія въ сраженіяхъ; какъ командиръ—тиранъ, находившій удовольствіе въ истязаніи солдатъ; какъ помѣщикъ (имѣніемъ его было Грузино около Новгорода)—истый крѣпостникъ, опредѣлявшій до мелочей бытъ своихъ крестьянъ, немилосердно наказывавшій ихъ и штрафовавшій мужиковъ даже за то, если въ семьяхъ ихъ рождались дѣвочки, а не мальчики; какъ администраторъ, онъ былъ лжецъ, скрывавшій отъ государя печальные плоды своего управленія; какъ человѣкъ, онъ внушалъ отвращеніе и своей наружностью и своимъ характеромъ. Современники съ ненавистью отзывались объ Аракчеевѣ. Кн. Волконской называлъ его «проклятымъ змѣемъ, злодѣемъ и извергомъ, который губитъ Россію», Закревскій признавалъ его «вреднѣйшимъ человѣкомъ». Всѣ ненавидѣли его и всѣ ему льстили (даже Сперанскій, Кочубей и Карамзинъ), такъ какъ «онъ былъ душою всѣхъ дѣлъ», «первымъ и единственнымъ министромъ» (слова Растопчина), такъ какъ «не было министерства, знанія и дѣла, которое не зависѣло бы отъ него куда бы ни проникъ его хитрый подсмотръ» (слова Бестужева), такъ какъ всѣ доклады дѣлались черезъ него, и чтобы «попасть въ рай (т.-е. къ государю), нельзя было избѣжать чистилища» (т.-е. Аракчеева). Близость Александра I къ Аракчееву казалась многимъ непостижимой психологической загадкой. Въ послѣднее время въ исторической наукѣ высказывается предположеніе, что императоръ цѣнилъ Аракчеева именно какъ вѣрнаго тѣлохранителя и пользовался имъ въ тѣ періоды своего царствованія, когда считалъ необходимымъ «усилить давленіе власти на общество». Черезъ Аракчеева проводились тѣ мѣропріятія, которыя могли возбудить общественное недовольство. Такъ, напр., онъ былъ главнымъ сотрудникомъ Александра въ одномъ изъ наиболѣе интересовавшихъ государя вопросовъ—въ устройствѣ «военныхъ поселеній».

§ 76. Военныя поселенія.

Принципъ военныхъ поселеній заключался въ соединеніи военной службы съ земледѣльческимъ трудомъ. Осуществлялся онъ слѣдующимъ образомъ: въ нѣкоторыя мѣстности, населенныя государственными крестьянами, посылались на стоянку полки, солдаты которыхъ привлекались къ сельско-хозяйственнымъ работамъ. Крестьяне же тѣхъ деревенъ, въ которыхъ полки квартировали, занимались военной службой. Именно, они зачислялись въ военныхъ поселянъ, переходили въ вѣдѣніе военнаго начальства, должны были обучаться военному строю и пріемамъ, пополнять полки по мѣрѣ убыли солдатъ и содержать поселеніе своимъ трудомъ, за что освобождались отъ всякихъ другихъ податей; дѣти ихъ, получавшія названіе кантонистовъ, также проходили военную школу. Устройство военныхъ поселеній должно

было преслѣдовать троякую цѣль: 1) сокращеніе государственныхъ расходовъ на армію, возросшую до 800—900 т. человѣкъ и требовавшую непосильныхъ затратъ; 2) облегченіе быта солдатъ, которыхъ служба совершенно отрывала отъ ихъ семей: срокъ ея былъ 25-тилѣтній, но для штрафованныхъ (т. е. подвергшихся дисциплинарнымъ взысканіямъ) солдатъ служба дѣлалась безсрочной (такой она была, конечно, для подавляющаго большинства, такъ какъ при суровости дисциплины и крайней жестокости командировъ того времени рѣдко кто могъ прослужить 25 лѣтъ, не подвергнувшись взысканію); 3) образованіе изъ военныхъ поселенцевъ хорошо обученнаго запаса для арміи. Именно, Александръ I надѣялся, что съ одной стороны сельско-хозяйственный трудъ военныхъ поселянъ и солдатъ хоть нѣсколько уменьшитъ расходы казны на содержаніе арміи, а съ другой стороны, что поселенцы, съ малыхъ лѣтъ обученные военному строю, при своемъ вступленіи въ полки будутъ проходить службу не только успѣшнѣе, но и легче, такъ какъ не будутъ оторваны ни отъ своихъ семей, ни отъ родныхъ мѣстъ, ни отъ привычныхъ занятій. Осуществленіе военныхъ поселеній сдѣлалось завѣтной мечтой Александра I и, не представляя своего плана на обсужденіе ни Государственнаго Совѣта, ни какихъ-либо свѣдущихъ лицъ, онъ поручилъ проведеніе его въ жизнь своему любимцу Аракчееву. Не сочувствуя въ душѣ порученному ему дѣлу, Аракчеевъ, какъ усердный служака, горячо принялся за него и съ 1816 года до конца царствованія Александра I насадилъ военныя поселенія въ разныхъ мѣстахъ Россіи (главнымъ образомъ, въ Новгородской, Харьковской и Херсонской губерніяхъ), доведя численность поселенцевъ до 375 тысячъ человѣкъ. Онъ увѣрялъ государя въ полезности и благодѣтельности проводимой реформы. А между тѣмъ дѣйствительность совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ: 1) казна не столько выигрывала отъ сокращенія расходовъ на армію, сколько теряла отъ прекращенія платежей государственныхъ крестьянъ, обращенныхъ въ поселенцевъ; 2) военная служба не была облегчена, а сдѣлалась еще болѣе тягостной, такъ какъ бремя ея распространялось не только на солдатъ, но и на военныхъ поселянъ, и такъ какъ въ поселеніяхъ господствовала ничѣмъ не сдерживаемая «аракчеевщина» съ присущей ей безпощадной жестокостью и произволомъ. Весь обиходъ жизни, весь порядокъ и ходъ работъ, всѣ мелочи быта военныхъ поселенцевъ опредѣлялись строгими правилами, уклоненіе отъ которыхъ влекло за собою безпощадныя тѣлесныя наказанія. Военные поселенцы представляли собою какъ бы рабовъ, обязанныхъ по указкѣ начальства и жить, и работать, и вступать въ бракъ, и одѣваться, и заботиться о своей наружности (обязательное брадобритіе вызывало, между прочимъ, сильное негодованіе раскольниковъ, считавшихъ его грѣхомъ). Совмѣщеніе занятій земледѣльца и солдата на практикѣ оказалось невозможнымъ, и сельско-

хозяйственныя работы, производимыя подъ руководствомъ офицеровъ, шли изъ рукъ вонъ плохо, такъ что Аракчееву приходилось иногда прибѣгать чуть ли не къ декораціямъ, чтобы доказать государю благоденствіе военныхъ поселянъ. Трепещущій передъ «аракчеевщиной» народъ, по словамъ историка, «приходилъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе отъ военныхъ поселеній»; изъ мѣстностей, назначенныхъ для устройства ихъ, крестьяне бѣжали или обращались къ государю и вельможамъ съ мольбами объ избавленіи ихъ отъ страшной тягости. Очень часто въ военныхъ поселеніяхъ вспыхивали отчаянные бунты, подавляемые съ чисто-аракчеевской жестокостью. Несмотря на все это, императоръ Александръ I, убѣжденный въ благодѣтельности военныхъ поселеній, непреклонно настаивалъ на развитіи ихъ.

§ 77. Проявленія мистицизма во внѣшней политикѣ.

Устройство военныхъ поселеній, имѣвшее, между прочимъ, своею цѣлью увеличеніе огромной арміи значительнымъ запасомъ прошедшихъ военную школу государственныхъ крестьянъ, стояло въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчіи съ тѣми миролюбивыми намѣреніями, которыхъ хотѣлъ придерживаться императоръ Александръ I послѣ Вѣнскаго конгресса.

Священный Союзъ.

Окончивъ борьбу съ Наполеономъ, государь, охваченный мистическимъ настроеніемъ, задумалъ положить въ основу международныхъ отношеній не соперничество, своекорыстные интересы и вражду, а братство, взаимопомощь и евангельскую любовь. Съ этой цѣлью онъ вознамѣрился создать Священный Союзъ, къ участію въ которомъ приглашалъ всѣхъ западно-европейскихъ государей. Сущность акта этого Союза, написаннаго Александромъ I, сводилась къ слѣдующему: монархи, вступавшіе въ Союзъ, 1) обязывались «предлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ Закономъ Бога Спасителя», 2) «выказывали непоколебимую рѣшимость руководствоваться заповѣдями святой вѣры, любви, правды и мира и 3) обѣщали, что они «пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства, во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства» и т. д. Актъ Священнаго Союза былъ подписанъ Александромъ I, Францемъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Затѣмъ къ нему примкнули и другіе монархи, за исключеніемъ римскаго папы, англійскаго короля и турецкаго султана (послѣдній, какъ не-христіанинъ, и не могъ быть допущеннымъ въ Союзъ; англійскій король отговорился формальными соображеніями, а папа указалъ, что, по своему

положенію, онъ и безъ того всегда руководствуется изложенными въ актѣ принципами). Задумывая Священный Союзъ, Александръ I былъ одушевленъ самыми высокими побужденіями, что видно изъ его словъ пастору Эйлерту: «Искупитель Самъ, говорилъ государь, внушилъ всѣ мысли, которыя составляютъ содержаніе этого акта. Всякій, кто не признаетъ и не чувствуетъ этого, всякій, кто видитъ въ этомъ лишь тайные замыслы политики и не различаетъ святого дѣла отъ несвятого, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ и съ такимъ человѣкомъ нельзя говорить объ этомъ».

Толкованіе идей Священнаго Союза Меттернихомъ.

Итакъ, государь считалъ Священный Союзъ чуждымъ тайнымъ замысламъ политики. На дѣлѣ вышло однако иначе. Истолкователемъ высокихъ и отвлеченныхъ идей сдѣлался весьма низкій человѣкъ, узкій практикъ, чуждый всякой идейности—австрійскій министръ князь Меттернихъ. Сперва онъ презрительно отнесся къ возвышеннымъ принципамъ Священнаго Союза, назвавъ ихъ «трескучими пустяками», но затѣмъ сумѣлъ сдѣлать изъ него орудіе борьбы со всякимъ народнымъ движеніемъ, несогласнымъ съ видами правительства, орудіе реакціи, представивъ ее твореніемъ Россіи. Реакціонныя стремленія Меттерниха особенно восторжествовали на тѣхъ конгрессахъ (въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ), которые обсуждали способы подавленія революціонныхъ движеній на Аппенинскомъ и Пиренейскомъ полуостровахъ. Любопытно отмѣтить, что Александръ I, такъ возмущавшійся коварствомъ Меттерниха на Вѣнскомъ конгрессѣ, поддался въ концѣ своего царствованія его вліянію, «призналъ свои прежнія мнѣнія заблужденіями и обѣщалъ Меттерниху никогда не измѣнять тому непоколебимому довѣрію, съ которымъ онъ относится къ нему».

А между тѣмъ совѣты Меттерниха привели Александра I къ жестокому противорѣчію и съ идеями Священнаго Союза и съ интересами Россіи. Это противорѣчіе обнаружилось во время вспыхнувшаго въ двадцатыхъ годахъ возстанія грековъ противъ турецкаго владычества. Греки имѣли основанія разсчитывать на русскую помощь, тѣмъ болѣе, что все русское общество сочувствовало своимъ единовѣрцамъ, томившимся подъ игомъ мусульманъ. Интересы Россіи также побуждали ее вмѣшаться въ борьбу, происходившую на Балканскомъ полуостровѣ. Меттернихъ прекрасно сознавалъ это и, опасаясь усиленія Россіи на Балканахъ, отговорилъ Александра I отъ оказанія помощи грекамъ, убѣдивъ его, что ихъ движеніе является беззаконнымъ и противорѣчащимъ Священному Союзу мятежомъ противъ установленной власти султана. Такимъ образомъ, вслѣдствіе толкованій Меттерниха Священный Союзъ, по словамъ историка (Шильдера), «сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ того государя, который не былъ и не могъ быть членомъ Союза».

§ 78. Народное просвѣщеніе, администрація и сословный вопросъ.

Мистицизмъ проявлялся не только во внѣшней политикѣ императора Александра I, но отчасти и во внутренней. Именно, подъ вліяніемъ мистическаго настроенія онъ рѣшилъ объединить вѣдомство Св. Синода съ министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Съ этой цѣлью въ 1817 году образовано было министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, имѣвшее своей задачей «сдѣлать христіанское благочестіе основой истиннаго просвѣщенія».

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Министромъ назначенъ былъ близкій другъ государя глубокій мистикъ кн. А. Н. Голицынъ, состоявшій въ то время президентомъ Библейскаго Общества, учрежденнаго въ 1812 году для распространенія Библіи на языкахъ всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію. Дѣятельность этого Общества и провинціальныхъ его отдѣленій развивалась очень успѣшно: къ концу десятилѣтія своего существованія оно напечатало свои изданія на 41 языкѣ и выпустило ихъ въ количествѣ свыше 700 тысячъ экземпляровъ; оно занималось также миссіонерствомъ, устройствомъ школъ для бѣдныхъ, благотвореніемъ. Населеніе относилось къ дѣятельности его съ большимъ сочувствіемъ, администрація всячески покровительствовала ему. Составъ Общества былъ очень разнообразный: много было въ немъ мистиковъ, отличавшихся религіозной терпимостью, но не мало было и такихъ людей, которые вооружались противъ мистическихъ крайностей и горячо отстаивали православіе. Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени, въ Библейскомъ Обществѣ проявился обскурантизмъ—враждебное отношеніе къ просвѣщенію, которое стали считать источникомъ вольнодумства и невѣрія. Такой же обскурантизмъ охватилъ и новое министерство, совсѣмъ неправильно истолковавшее свои задачи. Это министерство вызвало осужденіе не только со стороны либеральныхъ, но и такихъ консервативно-настроенныхъ людей, какъ Карамзинъ. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что оно относилось къ наукѣ съ предвзятой точки зрѣнія, считая ее враждебной религіи, а во-вторыхъ, тѣмъ, что среди вліятельныхъ должностныхъ лицъ его встрѣчались люди, крайне реакціонно настроенные и являвшіеся гонителями просвѣщенія. Самымъ яркимъ образцомъ ихъ былъ создавшій себѣ весьма печальную извѣстность Магницкій. Образованный, остроумный и краснорѣчивый Магницкій былъ когда-то сотрудникомъ Сперанскаго и слылъ большимъ либераломъ, но онъ круто измѣнилъ свои воззрѣнія съ тѣхъ поръ, какъ въ высшихъ сферахъ повѣяло другими настроеніями. Отличительными чертами его сдѣлались ханжество, угодливость и какая-то болѣзненная страсть къ доносамъ на всѣхъ и

на все, а въ своихъ статьяхъ онъ проводилъ весьма странные взгляды. «Философія о Христѣ, писалъ онъ между прочимъ, не тоскуетъ о томъ, что былъ татарскій періодъ, удалившій Россію отъ Европы. Она радуется тому, что угнетатели ея татары были спасителями ея отъ Европы. Угнетенія татаръ и удаленіе отъ Западной Европы были, можетъ быть, величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи, ибо сохранили въ ней чистоту вѣры христіанской». Свою дѣятельность Магницкій особенно ярко проявилъ во время производимой имъ ревизіи Казанскаго университета. Обвинивъ профессоровъ въ безбожномъ направленіи преподаванія, онъ предложилъ совсѣмъ «разрушить» университетъ. Такъ какъ это предложеніе не было принято, то онъ сталъ его «преобразовывать». Преобразованіе заключалось въ удаленіи многихъ профессоровъ, исключеніи студентовъ и сдачѣ ихъ въ солдаты, въ введеніи въ университетѣ какой-то средневѣковой монастырской дисциплины, въ истребленіи книгъ, отличавшихся, по мнѣнію Магницкаго, вреднымъ направленіемъ и въ предписаніи преподавать всѣ предметы, даже математику, съ богословской точки зрѣнія. Въ общемъ ревизія привела къ совершенному подавленію науки въ университетѣ. Крайности Магницкаго встрѣтили рѣзкое осужденіе со стороны преемника Александра I—императора Николая I, вскорѣ послѣ воцаренія котораго Магницкій былъ уволенъ со службы и сосланъ въ Ревель. Однако до своей отставки онъ нашелъ не мало подражателей, угнетавшихъ науку въ другихъ университетахъ. Такъ, въ Харьковѣ ему подражалъ Карнѣевъ, въ Петербургѣ Руничъ, привлекшій къ суду цѣлый рядъ талантливыхъ профессоровъ и допрашивавшій ихъ какъ какой-то инквизиторъ.

Цензура.

Не меньшимъ стѣсненіямъ подверглась и печать вслѣдствіе чрезмѣрной строгости цензуры. Кромѣ общей цензуры, появилась специальная, состоявшая въ вѣдѣніи министерства полиціи и пересматривавшая книги, уже разрѣшенныя общей. По словамъ одного современнаго писателя, отличавшагося притомъ консервативными взглядами (Булгарина), строгость цензуры превосходила всякія границы: «почитались оскорбительными для вѣры слѣдующія выраженія: «отечественное *небо*, *небесный* взглядъ, *ангельская* улыбка, *божественный* Платонъ, онъ *вѣчно* занятъ былъ охотой...» и т. д. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала... Для помѣщенія извѣстій о градѣ, засухѣ, урaганѣ должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ невѣсту, но женихъ посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто онъ любилъ ее, должно говорить: онъ хотѣлъ жениться» и т. д. Эти слова нельзя считать преувеличеніемъ: многіе факты доказываютъ ихъ справедливость. Такъ, напр., запрещалась критика не только должностныхъ лицъ, но даже актеровъ казеннаго театра, не допускались вполнѣ не-

винные лирическіе стихи и пьесы; не разрѣшенъ выпускъ сочиненія самого Магницкаго на томъ основаніи, что онъ трактовалъ въ немъ, хотя и съ обличительною цѣлью, о конституціонномъ образѣ правленія; наконецъ, изъята была изъ обращенія изданная императрицей Екатериной II книга «о должностяхъ человѣка и гражданина».

Все усиливавшаяся реакція стала подкапываться и подъ самого Голицына; его упрекали въ недостаточномъ рвеніи къ православію, стремленіи поработить Церковь своей власти. Враги его, къ числу которыхъ принадлежали митрополитъ Серафимъ, Аракчеевъ и Магницкій, затѣяли сложную интригу противъ князя, избравъ своимъ орудіемъ Фотія. Такъ какъ государь долгое время не поддавался навѣтамъ на своего друга, то Фотій рѣшился на крайній шагъ: въ 1824 году онъ предалъ Голицына анаѳемѣ и вынудилъ его этимъ подать въ отставку, послѣ чего министерство Народнаго Просвѣщенія и духовное вѣдомство были снова раздѣлены, и доклады по духовнымъ дѣламъ такъ же, какъ и по другимъ, стали дѣлаться черезъ Аракчеева, а постъ министра занялъ приверженецъ старины Шишковъ. Гонимое послѣ отставки Голицына, Библейское Общество влачило жалкое существованіе, и въ 1826 году было вовсе закрыто.

Администрація.

Реакція проявилась также въ характерѣ управленія. И старое учрежденіе—Сенатъ—и новое—Государственный Совѣтъ—одинаково утратили свое значеніе, такъ какъ съ ними велъ усиленную и успѣшную борьбу Комитетъ министровъ. Министры прикрывали свои распоряженія авторитетомъ верховной власти, на самомъ же дѣлѣ Комитетомъ управлялъ Аракчеевъ. Бумажное дѣлопроизводство усложнялось, но въ управленіи, по словамъ очень авторитетныхъ современниковъ, царили полный безпорядокъ и вопіющія злоупотребленія. О размѣрахъ ихъ можно судить по устраивавшимся въ это время сенаторскимъ ревизіямъ: въ нѣкоторыхъ губернскихъ правленіяхъ оказывались сотни и тысячи нерѣшенныхъ дѣлъ, за нѣсколькими губернаторами числились десятки преступленій, губернскихъ чиновниковъ приходилось сотнями отдавать подъ судъ. Это и неудивительно: въ областныя учрежденія сплошь и рядомъ шли неудачники, исключаемые изъ учебныхъ заведеній за «урослостью и малоразумѣніемъ». Отдѣльныя лица, виновныя въ преступленіяхъ по службѣ, наказывались, но рѣшительныхъ мѣръ для искорененія зла не предпринималось.

Сословный вопросъ.

Разрѣшеніе сословнаго вопроса также очень мало подвинулось впередъ. Правда, императоръ Александръ I не слишкомъ благоволилъ къ дворянству и, несмотря на возстановленіе жалованной грамоты, ограничивалъ его сословное самоуправленіе. Однако не много сдѣлано было и для крестьянства. Только въ Прибалтійскомъ краѣ, взамѣнъ примѣненія положеній 1804 и 1805 г., крестьяне были освобождены отъ личной крѣпостной зависимости, но они не получили земли и оказались по-

этому въ экономическомъ порабощеніи у дворянства. Выработка общаго проекта уничтоженія крѣпостного права поручена была Аракчееву, но практическихъ результатовъ его проектъ не имѣлъ, и такимъ образомъ надежда Александра, «что съ Божіей помощью крѣпостное право прекратится еще въ его царствованіе», высказанная имъ во время борьбы съ Наполеономъ, не оправдалась.

§ 79. Польскій вопросъ.

Предоставленіе Аракчееву первенствующаго вліянія во внутренней политикѣ и единодушіе съ Меттернихомъ во внѣшней стояли въ замѣтномъ противорѣчіи съ тѣмъ либеральнымъ образомъ дѣйствій, который проявлялъ императоръ Александръ I по отношенію къ Польшѣ. Мечты о возстановленіи Польши Александръ Павловичъ лелѣялъ уже въ юности въ бесѣдахъ съ Чарторыйскимъ, къ нимъ онъ вернулся во время войны съ Наполеономъ и постарался осуществить ихъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, домогаясь полученія всего герцогства Варшавскаго, дабы подъ своимъ скипетромъ «возродить національность поляковъ». Однако, по постановленію Вѣнскаго конгресса, къ Россіи отошло только $^3/_4$ Варшавскаго герцогства. Эта область, подъ именемъ Царства или королевства Польскаго, и должна была, по мысли Александра I, явиться возстановленной Польшей, при чемъ онъ имѣлъ въ виду присоединить къ ней въ будущемъ тѣ земли, которыя Россія пріобрѣла по польскимъ раздѣламъ при Екатеринѣ II. Въ силу «Учредительной хартіи», дарованной Александромъ I, Царство Польское получало полную автономію, т. е. самоуправленіе, съ собственной арміей и монетой, съ господствомъ польскаго языка и съ должностными лицами исключительно польскаго происхожденія, а также весьма либеральную конституцію (выработана она была на основаніи прежней конституціи Варшавскаго герцогства особой комиссіей, состоявшей изъ поляковъ, и утверждена затѣмъ государемъ), провозглашавшую равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу печати, свободу вѣроисповѣданія, независимость суда отъ администраціи и установившую представительный образъ правленія слѣдующаго характера: обсужденіе и принятіе законовъ предоставлялись сейму, состоявшему изъ Сената (члены его назначались государемъ по списку кандидатовъ) и палаты депутатовъ (Посольской избы, 77 членовъ которой выбирались шляхтой, а 51 городскимъ и сельскимъ населеніемъ), а выработка законопроектовъ и управленіе принадлежали Правительственному Совѣту изъ назначенныхъ государемъ министровъ, находившемуся подъ предсѣдательствомъ «Намѣстника Царства Польскаго». (Сеймъ долженъ былъ собираться на одинъ мѣсяцъ каждые два года). При открытіи перваго сейма 15 марта 1818 года Александръ I произнесъ либеральную рѣчь, въ которой выказывалъ себя ревностнымъ сторонникомъ свободныхъ учре-

жденій, убѣждалъ поляковъ доказать своимъ примѣромъ ихъ пользу и опровергнуть тѣхъ, кто считаетъ ихъ опасными, и выражалъ надежду, что со временемъ ему удастся даровать и Россіи устройство, подобное польскому. Эта рѣчь не привела къ желаннымъ для императора Александра результатамъ. Тотъ восторгъ, съ которымъ первоначально отнеслись къ нему поляки, съ теченіемъ времени охладѣлъ: на слѣдующемъ сеймѣ проявилось уже очень замѣтное оппозиціонное настроеніе и недовѣріе къ министрамъ, назначеннымъ государемъ, а значительная часть польскаго общества стремилась къ совершенному освобожденію Польши отъ русской власти и къ возстановленію ея былого положенія и границъ. Дѣятельность великаго князя Константина Павловича, назначеннаго главнокомандующимъ польской арміей и фактически пользовавшагося правами намѣстника (лицо, оффиціально носившее это званіе, дѣйствительнаго значенія не имѣло), не способствовала сближенію Царства Польскаго съ коренной Россіей.

Итакъ, поляки не были удовлетворены своимъ положеніемъ, а между тѣмъ большинство русскаго общества считало уступки, сдѣланныя имъ, чрезмѣрными и не одобряло польской политики государя: его вниманіе къ полякамъ, сражавшимся противъ Россіи въ передовыхъ рядахъ наполеоновской арміи, казалось русскимъ несправедливымъ; его намѣренія (хотя и неосуществленныя) увеличить размѣры Царства Польскаго присоединеніемъ къ нему русскихъ областей, внушали серьезную тревогу; наконецъ, его рѣчь, произнесенная въ 1818 году при открытіи Варшавскаго Сейма, многими русскими сочтена была прямо обидной. Въ то время, когда одни выражали претензію на то, что «поляковъ ставятъ въ примѣръ русскимъ», и видѣли въ варшавской рѣчи уколъ національному самолюбію, другіе выводили изъ нея заключеніе, что императоръ Александръ I установитъ и въ Россіи конституціонный строй [1]), и думали, что постепенное подготовленіе конституціонной формы правленія со стороны общества не противорѣчитъ, а соотвѣтствуетъ видамъ правительства. Такимъ образомъ польская политика Александра I представлялась однимъ только обидной и несправедливой, другимъ внушала тревоги, у третьихъ возбуждала надежды. Неодинаковая оцѣнка ея обусловливалась различіями общественнаго настроенія 20-хъ годовъ XIX вѣка.

---

[1]) Возможно, что такія намѣренія были не совсѣмъ чужды государю. Въ 1818 году онъ поручилъ Новосильцеву составить такъ называемую «государственную уставную грамоту», представляющую собой проектъ конституціи, которая по своему существу является чѣмъ то среднимъ между польской и проектированною въ запискѣ Сперанскаго. Трудно рѣшить, съ какой цѣлью было дано это порученіе, такъ какъ «уставная грамота» осталась такой же тайной для современниковъ, какъ и планы Сперанскаго.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Общественное настроеніе 20-хъ годовъ.

§ 80. Развитіе національзма, масонство и «вольномысліе».

Націонализмъ и масонство. Русская общественная мысль стала особенно напряженно работать съ 1812 года. «Война, какъ говоритъ историкъ (Пыпинъ), произвела потрясающее впечатлѣніе на русскій народъ, она содѣйствовала общему сближенію, способствовала развитію національзма, поднятію чувства національнаго достоинства». Патріотическое одушевленіе выражалось и въ искреннихъ художественныхъ произведеніяхъ, и въ пробужденіи интереса къ русской народности. Націонализмъ принималъ два направленія: одни дорожили русской жизнью въ томъ видѣ, какъ она есть и какъ она была въ прошломъ, и хотѣли сохранить ее такой навсегда. Другіе, любя Россію, усматривали однако недостатки ея общественнаго строя, стремились къ искорененію ихъ и золотой вѣкъ своей родины видѣли въ будущемъ, а не въ прошломъ. Эти два националистическихъ направленія — консервативное и либеральное—выкристаллизовались не сразу и долгое время были какъ бы смѣшанными. Въ первые годы послѣ Отечественной войны царилъ, по словамъ современниковъ, хаосъ понятій. Такое смѣшеніе лицъ и понятій замѣчалось и въ общественныхъ организаціяхъ этого времени, именно, въ Библейскомъ Обществѣ и масонскихъ ложахъ, которыя возродились при Александрѣ I. Въ число масоновъ вступали люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія и самыхъ различныхъ убѣжденій. Такъ, напр., и Сперанскій, и Карамзинъ одинаково были близки къ масонству. Общее увлеченіе масонствомъ, охватившее и очень серьезныхъ людей, не было только данью модѣ и духу времени, а объяснялось также тѣмъ мистицизмомъ, который плѣнилъ, какъ сказано, не одного Александра I, но и многихъ его современниковъ. Въ масонствѣ старались найти отвѣтъ на неясные мистическіе запросы. Правда, въ немъ было слишкомъ много клятвъ, заклинаній, посвященій, вообще сложнаго внѣшняго ритуала, который представлялся скептикамъ смѣшнымъ и страннымъ маскарадомъ и побуждалъ ихъ видѣть въ масонахъ «обманывающихъ и обманываемыхъ». Но наряду съ этимъ въ ложахъ дѣйствительно велись серьезныя бесѣды на мистическія и религіозныя темы, высказывались гуманныя требованія «уваженія къ священному званію человѣка» и поддержанія чувства человѣческаго достоинства, раздавались протесты противъ темныхъ сторонъ русской жизни.

Политическія программы большинства масонскихъ ложъ отличались умѣренностью. Такъ, напр., въ правилахъ великой ложи Астреи

говорится слѣдующее: «Масоны должны быть покорны и вѣрны государю и отечеству, повиноваться гражданскимъ законамъ и исполнять ихъ, не принимать участія въ тайныхъ и явныхъ предпріятіяхъ, вредныхъ отечеству». Однако въ послѣдніе годы царствованія Александра I масонскія ложи, подобно Библейскому Обществу, признаны были вредными, вслѣдствіе чего въ 1822 году послѣдовало повелѣніе объ ихъ закрытіи. Вѣсть объ этомъ вызвала сожалѣніе у самыхъ благонамѣренныхъ людей. Такъ, напр., адъютантъ государя Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ горько скорбитъ объ уничтоженіи масонскихъ ложъ и утверждаетъ, что «масонство не имѣло въ Россіи другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени». Большинство ложъ дѣйствительно придерживалось консервативныхъ воззрѣній въ области политики. Но тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ, нельзя отрицать нѣкоторой связи, хотя бы внѣшней, между масонствомъ и тѣмъ либеральнымъ направленіемъ, которое развивалось въ извѣстной части русскаго общества въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I и привело къ образованію нѣсколькихъ тайныхъ союзовъ или обществъ, стремившихся къ установленію въ Россіи конституціоннаго образа правленія или республики.

Развитіе «вольномыслія».

Причины развитія либерализма или, какъ тогда выражались, вольномыслія, охватившаго нѣкоторую часть общества, преимущественно офицерскую среду, были слѣдующія: 1) ознакомленіе русскихъ офицеровъ во время заграничныхъ походовъ съ Западной Европой и ея политическими порядками, 2) изученіе западно-европейской либеральной литературы, 3) сравненіе западно-европейскихъ наблюденій съ русской дѣйствительностью, негодованіе на темныя стороны послѣдней, возмущеніе крѣпостничествомъ и аракчеевщиной.

Пребываніе въ Западной Европѣ произвело на многихъ офицеровъ огромное, неизгладимое впечатлѣніе... «Въ продолженіе двухъ лѣтъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшавшія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; потомъ было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, восхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ». Интересъ къ жизни Западной Европы не ослабѣвалъ и впослѣдствіи: русская молодежь внимательно слѣдила за событіями, происходившими въ ней, за движеніями на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ и, въ особенности, за греческимъ возстаніемъ, выражая ему свое сочувствіе (См., напр., стих. Пушкина: «Возстань, о Греція»). Уровень образованія офицеровъ, по утвержденію современниковъ, значительно повысился; многіе пристрастились настолько къ серьезному чтенію, что совсѣмъ забросили карточную игру, театры и балы. Читали не только иностранныя книги, во и русскія руко-

писныя произведенія (большимъ успѣхомъ, напр., пользовались не допущенныя цензурой стихотворенія Пушкина, въ которыхъ онъ излагалъ свои «вольнолюбивыя мечты»). Изучали русскую исторію, сосредоточивая вниманіе на такихъ сторонахъ ея, гдѣ проявлялась общественная самодѣятельность, напр., на бытѣ Новгорода, на вѣчевомъ строѣ, на земскихъ соборахъ и т. д. Вообще для огромнаго большинства либераловъ русскіе интересы стояли на первомъ планѣ, и изъ западно-европейскихъ наблюденій почерпался лишь матеріалъ для сравненія съ русской дѣйствительностью. Изъ отрицательныхъ сторонъ послѣдней особеннымъ нападкамъ подвергались несовершенства управленія, недостатки судопроизводства, лихоимство чиновниковъ, тяжесть налоговъ, ужасное положеніе крѣпостныхъ и военныхъ поселянъ, тяжесть службы солдатъ и т. д.; осуждалась также и внѣшняя политика, приспособлявшаяся къ желаніямъ Меттерниха. Осужденіе недостатковъ русской жизни, мечты объ ихъ исправленіи и стремленіе къ прогрессу, не мѣшали либераламъ 20-хъ годовъ придерживаться націоналистическихъ воззрѣній и быть выразителями того либеральнаго націоналистическаго направленія, которое, какъ сказано, возникло наряду съ консервативнымъ послѣ Отечественной войны. Либералы, подобно Чацкому изъ «Горя отъ ума», возмущались страстью къ подражанію иностранцамъ, идеализировали простой народъ, пользовались въ своихъ сочиненіяхъ старинными русскими выраженіями, высказывали пожеланія о перенесеніи столицы въ Москву или Нижній-Новгородъ, изображали въ самыхъ яркихъ краскахъ будущее величіе Россіи. Многіе изъ нихъ вступали въ число масоновъ, отдавая этимъ отчасти дань духу времени, отчасти же преслѣдуя свои цѣли: въ масонскихъ ложахъ проявлялась нѣкоторая общественная самодѣятельность, подъ ихъ покровомъ представлялась возможность обсуждать тѣ вопросы, гласное обсужденіе которыхъ не допускалось; наконецъ, нѣкоторые либералы надѣялись найти тамъ своихъ единомышленниковъ. Однако ложи ни своей умѣренной программой, ни умѣреннымъ составомъ не удовлетворяли либераловъ, и они пришли къ мысли образовать свои собственныя общества. На характерѣ первыхъ изъ этихъ обществъ сказались слѣды вліянія масонства, а также нѣмецкаго патріотическаго Союза Добродѣтели или Tugend Bund'а, основаннаго въ Пруссіи въ 1808 г. Уставъ послѣдняго, утвержденный прусскимъ королемъ, ставилъ цѣлью «улучшить нравственное состояніе и благосостояніе прусскаго, а также и всего нѣмецкаго народа единствомъ и общностью честныхъ людей, посредствомъ слова, письма, примѣра».

§ 81. Тайныя общества.

Увлеченные примѣромъ Tugend Bund'а, нѣсколько русскихъ либераловъ, въ томъ числѣ братья Муравьевы, Муравьевъ-Апостолъ, Пестель, кн. Трубецкой и другіе, учредили въ 1816 году «Союзъ Спасенія» или «Союзъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», преобразованный въ 1818 году въ «Союзъ Благоденствія», который въ 1821 году былъ фиктивно закрытъ, но тотчасъ же возродился въ видѣ двухъ обществъ: Сѣвернаго, находившагося въ Петербургѣ и руководимаго сначала Н. И. Тургеневымъ и кн. Трубецкимъ, а затѣмъ Никитою Муравьевымъ и Рылѣевымъ, и Южнаго, пополнявшагося, главнымъ образомъ, офицерами квартировавшей въ юго-западномъ краѣ арміи, и имѣвшаго своимъ центромъ г. Тульчинъ, Подольской губерніи, а своими руководителями Пестеля, Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола. О первоначальной дѣятельности Союзовъ нужно сказать слѣдующее:

1) Въ первое время своего существованія они, будучи тайными обществами, не были однако завѣдомо-противоправительственными организаціями. Цѣль Союза Спасенія обозначалась такъ: «поддерживать полезныя начинанія правительства, разглашать злоупотребленія, устранять отъ политическаго вліянія иноземцевъ, а въ дальнѣйшемъ способствовать введенію представительнаго образа правленія». Уставъ Союза Благоденствія (составленный по образцу Tugend Bund'а), который первоначально предполагалось даже представить на утвержденіе государя, «вмѣнялъ союзу въ святую обязанность распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія споспѣшествовать къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена». Союзъ Благоденствія, говорилось далѣе, имѣя цѣлью общее благо, приглашаетъ всѣхъ, «кои честною своею жизнью удостоились въ обществѣ добраго имени, и кои, чувствуя все величіе цѣли Союза, готовы перенести всѣ трудности, съ стремленіемъ къ оной сопряженныя». Каждому члену Союза предлагалось избрать для своей дѣятельности одну изъ слѣдующихъ четырехъ отраслей: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе (т. е. распространеніе правилъ нравственности и познанія), 3) правосудіе, 4) общественное хозяйство». Кромѣ цѣлей, указанныхъ въ уставѣ, Союзъ Благоденствія преслѣдовалъ и другія, а именно: 1) уничтоженіе крѣпостного права и военныхъ поселеній, 2) установленіе равенства всѣхъ передъ закономъ и гласности суда, 3) сокращеніе срока и облегченіе военной службы, 4) введеніе политическихъ преобразованій. Стремленіе къ осуществленію этихъ цѣлей нѣкоторые либералы 20-хъ годовъ не считали противоправительственной дѣятельностью, такъ какъ не всѣ они, въ особенности послѣ варшавской рѣчи Александра I, были убѣждены

въ томъ, что государь не вернется къ своимъ преобразовательнымъ планамъ. Самъ государь относился первоначально снисходительно къ тайнымъ обществамъ, о существованіи которыхъ онъ узналъ послѣ волненія, происшедшаго въ 1820 году въ Семеновскомъ полку и вызваннаго жестокимъ обращеніемъ полковника Шварца съ солдатами. Хотя это волненіе и не стояло въ связи съ дѣятельностью обществъ, однако, при производствѣ разслѣдованія о немъ, напали на ихъ слѣды, о чемъ генералъ кн. Васильчиковъ и доложилъ государю, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Князь, вы знаете, что я самъ раздѣлялъ и поддерживалъ эти иллюзіи (т. е. то, къ чему стремятся общества), не мнѣ ихъ карать».

2) Правда, среди членовъ Союзовъ съ самаго начала встрѣчались убѣжденные революціонеры, какъ, напримѣръ, Пестель и нѣкоторые другіе, настаивавшіе на революціонномъ образѣ дѣйствій для осуществленія намѣченныхъ цѣлей. Но, какъ видно изъ словъ ихъ сотоварищей, ихъ планамъ не придавалось особеннаго значенія. Такъ, напр., Н. И. Тургеневъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что «въ Союзѣ Благоденствія рѣчь шла только о теоріяхъ и намѣренія дѣйствовать не было», и упрекаетъ своихъ сотоварищей въ «ничегонедѣланіи и ребячествѣ». Нѣкоторые историки также думаютъ, что члены первыхъ союзовъ были скорѣе мыслители-теоретики и мечтатели-утописты, чѣмъ заговорщики-практики, и что первоначально союзы не могли имѣть какого-либо практическаго значенія, какъ вслѣдствіе немногочисленности своихъ участниковъ, такъ и вслѣдствіе отсутствія у послѣднихъ одинаковаго общаго плана дѣйствій. Дѣятельность либераловъ вначалѣ ограничивалась тѣмъ, что они каждый въ отдѣльности старались осуществлять въ своей частной жизни и въ служебныхъ отношеніяхъ нравственныя требованія устава Союза Благоденствія, а совмѣстно занимались обсужденіемъ политическихъ вопросовъ и составленіемъ различныхъ проектовъ. Даже впослѣдствіи, получивъ чисто-политическую окраску, тайныя общества сохранили нѣкоторыя свои первоначальныя черты: именно, теоретичность и отсутствіе идейнаго и товарищескаго единодушія, при чемъ главари обществъ были гораздо болѣе крайними, чѣмъ рядовые члены, и не посвящали послѣднихъ въ свои планы. Изъ изложеннаго видно, что начальная исторія тайныхъ обществъ относится скорѣе къ области развитія общественной мысли, чѣмъ общественнаго движенія.

Будучи первоначально организаціями, въ которыхъ нравственные, этическіе вопросы (т. е. стремленіе къ общему благу, требованіе безупречной общественной дѣятельности и сердечнаго отношенія къ подчиненнымъ) стояли на первомъ планѣ, а политическіе—на второмъ, и которые не ставили себѣ завѣдомой цѣлью дѣйствовать противъ правительства, тайныя общества получили впослѣдствіи характеръ политическаго, революціоннаго заговора. Случилось это въ 1821 году,

когда члены Союза Благоденствія, узнавъ, что правительство слѣдитъ за ихъ дѣйствіями, и желая избавиться отъ умѣренныхъ сотоварищей, объявили на своемъ съѣздѣ въ Москвѣ о закрытіи Союза и вмѣсто него образовали Южное общество, раздѣлившееся на три управы: Тульчинскую (съ «директорами», т. е. руководителями, Пестелемъ и Юшневскимъ), Каменскую (съ «директорами» кн. Волконскимъ и Давыдовымъ) и (Васильковскую съ Серг. Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ). Въ 1822 году возникло также Сѣверное общество.

Дѣятельность руководителей этихъ обществъ (въ которую они далеко не всегда посвящали рядовыхъ членовъ) сводилась — 1) къ составленію проектовъ государственнаго переустройства, 2) къ выработкѣ плановъ ниспроверженія существующаго порядка посредствомъ военной революціи, т. е. возмущенія войска противъ правительства, 3) къ привлеченію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ другихъ тайныхъ организацій. Политическая программа Южнаго общества была выработана Пестелемъ и называлась «Русской Правдой». Въ ней предполагается установить въ Россіи республику якобинскаго характера, т. е. нераздѣльную, всеуравнивающую и всепоглащающую: подобно якобинцамъ, Пестель совершенно не обезпечиваетъ въ своемъ проектѣ личной, индивидуальной свободы; онъ требуетъ также полнаго обрусѣнія всѣхъ населяющихъ Россію инородцевъ, предоставляя автономію одной только Польшѣ. Изъ правъ, которыми онъ предполагалъ надѣлить русскихъ гражданъ, оригинальнымъ является право каждаго на землю: чтобы осуществить его, онъ, не отрицая частной собственности, высказывался однако за созданіе особыхъ общественныхъ земель посредствомъ выкупа или конфискаціи части собственности крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ Сѣверномъ обществѣ преобладали конституціонно-монархическіе принципы, изложенные въ проектѣ, составленномъ Никитою Муравьевымъ. Онъ представлялъ себѣ будущую Россію въ видѣ федеративнаго государства, состоящаго изъ 13 державъ и 2 областей, пользующихся автономіей, и устроеннаго наподобіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, но подъ главенствомъ монарха, власть котораго однако до-нельзя ограничивалась. Наиболѣе умѣреннымъ былъ проектъ Батенкова, который хотѣлъ ограничить верховную власть думою вельможъ. Практическіе планы обоихъ обществъ были не менѣе различны, чѣмъ упомянутые проекты: главари Южнаго Общества требовали самыхъ рѣшительныхъ революціонныхъ дѣйствій и выражали готовность добиваться осуществленія своихъ намѣреній посредствомъ вооруженной борьбы, кровопролитія и другихъ насильственныхъ мѣръ. Большинство «сѣверянъ» (т. е. членовъ Сѣвернаго общества) не сочувствовало этимъ крайностямъ и обвиняло «южанъ» въ томъ, что они «съ ума сошли, увлекаются фантазіями»; «южане» же называли членовъ Сѣвернаго

общества «византійцами, которые умѣютъ только умствовать, ничего не дѣлая». Вслѣдствіе несходства теоретическихъ взглядовъ и намѣченной тактики, эти общества не могли объединить свою дѣятельность, хотя Пестель всячески хлопоталъ объ этомъ, посылая въ Петербургъ своихъ ходоковъ и самъ пріѣзжая туда. Въ заключеніе согласились на томъ, что оба общества будутъ существовать самостоятельно, но рѣшительныя дѣйствія начнутъ совмѣстно. Эти рѣшительныя дѣйствія заговорщики смутно представляли себѣ въ видѣ военной революціи, такъ какъ, основываясь на примѣрѣ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка, они надѣялись, что въ нужный моментъ имъ удастся поднять противъ правительства солдатъ, которые, по убѣжденію Пестеля, безъ всякой предварительной подготовки, всюду пойдутъ за своими офицерами. Не добившись сліянія съ Сѣвернымъ обществомъ, «южане» не могли соединиться и съ польскимъ тайнымъ патріотическимъ обществомъ, которое они старались привлечь на свою сторону, описывая ему въ преувеличенныхъ краскахъ свои силы. Болѣе тѣсное единеніе установилось у «южанъ» только съ «Обществомъ соединенныхъ славянъ», основаннымъ братьями Борисовыми и состоявшимъ преимущественно изъ армейскихъ офицеровъ. Члены этого общества, носившаго явные слѣды масонства, стремились къ самообразованію, самоусовершенствованію, представительной формѣ правленія, освобожденію всѣхъ славянскихъ народовъ и объединенію ихъ въ федеративный союзъ. Однако и «соединенные славяне» (т. е. члены указаннаго Общества) далеко не вполнѣ раздѣляли революціонную тактику южанъ и не сочувствовали военному перевороту, такъ какъ войско, по ихъ мнѣнію, не въ правѣ принимать на себя рѣшенія за весь народъ. Итакъ, между обществами существовали разногласія. Не было единодушія и внутри нихъ. Руководитель южанъ, полковникъ Пестель, человѣкъ, по отзывамъ всѣхъ, богато одареный, обладавшій большимъ умомъ и рѣдкой способностью убѣждать другихъ, не пользовался однако симпатіями сотоварищей: «съ Пестелемъ не спорятъ, говорили они, но его не любятъ».

Въ ущербъ его вліянію сталъ дѣйствовать не признававшій его авторитета, пылкій и несдержанный Серг. Муравьевъ-Апостолъ, и такимъ образомъ въ обществѣ произошелъ внутренній расколъ. Пестель въ концѣ концовъ настолько разувѣрился въ успѣхѣ предпріятія, что въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей высказалъ, что онъ не далекъ отъ того, чтобы принести во всемъ повинную государю въ надеждѣ, что государь самъ даруетъ Россіи тѣ права, которыхъ добиваются члены обществъ. Такой же разладъ замѣчался и въ Сѣверномъ обществѣ, гдѣ, вслѣдствіе отъѣзда за границу Тургенева и ослабленія вліянія спокойнаго и умѣреннаго Никиты Муравьева, выдвинулся пылкій романтикъ Рылѣевъ, крайне порывистый, но совершенно неустойчивый, больше поэтъ-фантазеръ, чѣмъ политикъ. По словамъ руководителей Сѣвернаго общества, «ихъ дѣла были въ

такомъ плохомъ положеніи, что они ни на какое рѣшительное дѣйствіе не готовы по своей слабости». Многіе главари движенія (какъ, напр., кн. Оболенскій и кн. Трубецкой) были вполнѣ разочарованы и въ успѣхѣ и въ полезности затѣяннаго дѣла и тѣмъ не менѣе увѣряли рядовыхъ членовъ въ могуществѣ общества и готовились къ открытому выступленію. Оно было назначено на 1826 годъ, но кончина императора Александра I и наступившее послѣ нея краткое междуцарствіе ускорили его.

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

Вопросъ о престолонаслѣдіи и кончина императора Александра I.

Императоръ Александръ I не имѣлъ сыновей, и поэтому ближайшее право на наслѣдованіе послѣ него принадлежало его слѣдующему брату Константину Павловичу. Но онъ издавна высказывалъ намѣреніе отречься отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе въ пользу слѣдующаго по старшинству Николая Павловича. Равнымъ образомъ и государь вернулся къ своимъ прежнимъ мечтамъ о жизни частнаго человѣка и въ 1819 году въ бесѣдѣ съ Николаемъ Павловичемъ говорилъ ему о томъ бремени, которое придется ему нести, о намѣреніи великаго князя Константина и своемъ собственномъ. «Европа, прибавилъ государь, нуждается теперь въ монархахъ молодыхъ и энергичныхъ, а я уже не тотъ, что раньше». Въ томъ же 1819 году онъ высказалъ Константину слѣдующее: «Я долженъ сказать тебѣ, что я хочу отречься отъ престола, я усталъ и не въ силахъ сносить бремя правленія; я тебя предупреждаю, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надо дѣлать въ этомъ случаѣ». Въ 1820 году былъ обнародованъ манифестъ о расторженіи брака Константина Павловича съ его первой супругой и о томъ, что лицо царской фамиліи, вступая въ бракъ съ лицомъ не-царскаго рода, не передаетъ своихъ правъ ни своей супругѣ, ни дѣтямъ отъ брака съ нею. Вскорѣ послѣ этого Константинъ Павловичъ вступилъ въ бракъ съ польской графиней Іоанною Грудзинскою, получившею титулъ княгини Ловичъ, и послѣ этого окончательно рѣшился на отреченіе, обратившись къ государю съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію моему могу имѣть право, осмѣливаюсь просить ваше императорское величество передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства». Послѣ этого письма государь, черезъ посредство кн. Голицына, поручилъ московскому архіепископу Филарету составить манифестъ объ отреченіи Константина и о назначеніи

наслѣдникомъ престола Николая Павловича. Манифестъ этотъ, подписанный Александромъ I, но не обнародованный, оставленъ былъ на храненіи въ Успенскомъ соборѣ въ запечатанномъ конвертѣ съ надписью государя: «хранить вмѣстѣ съ другими государственными актами до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія». По просьбѣ Филарета, съ манифеста были сдѣланы копіи, которыя также въ запечатанномъ видѣ были положены на храненіе въ Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ. О существованіи манифеста достовѣрно знали только вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, Филаретъ, кн. Голицынъ, Аракчеевъ. Даже Константинъ Павловичъ не былъ освѣдомленъ о его составленіи; равнымъ образомъ Николай Павловичъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣлъ и не могъ считать себя наслѣдникомъ лишь на основаніи тѣхъ частныхъ бесѣдъ, которыя велъ съ нимъ государь. Такимъ образомъ вопросъ о престолонаслѣдіи не былъ рѣшенъ опредѣленно къ тому времени, когда Александръ I въ началѣ 1825 года отправился въ свое послѣднее путешествіе—сопровождать свою больную супругу императрицу Елизавету Алексѣевну, ѣхавшую на югъ для леченія. Не успѣлъ государь покончить и съ другимъ важнымъ дѣломъ—о пресѣченіи дѣятельности тайныхъ обществъ. Подробныя свѣдѣнія объ ихъ революціонныхъ замыслахъ онъ получилъ отъ унтеръ-офицера Шервуда, но заговорщики не были привлечены къ отвѣтственности. Съ грустнымъ чувствомъ покинулъ государь Петербургъ, побывавъ передъ самымъ отъѣздомъ въ кельѣ одного схимника въ Александро-Невской лаврѣ. Мрачныя предчувствія томили его, и они сбылись. Въ Крыму во время поѣздки въ Георгіевскій монастырь Александръ I простудился и заболѣлъ тяжелой лихорадкой. Онъ долго отказывался лечиться, и болѣзнь привела къ роковому концу. Умеръ императоръ въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Описаніе послѣднихъ дней его жизни и кончины содержится въ письмахъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, на нѣсколько мѣсяцевъ пережившей своего супруга, и другихъ очевидцевъ. Оффиціальный актъ о кончинѣ составленъ кн. Волконскимъ, а протоколъ вскрытія и бальзамированія тѣла подписанъ девятью докторами. Все это удостовѣряетъ фактъ кончины Александра I, и поэтому легенда о томъ, будто онъ не умеръ тогда, а продолжалъ жить въ Сибири до 1864 г. подъ именемъ старца Ѳедора Кузьмича, едва ли имѣетъ какое-либо историческое значеніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царствованіе императора Николая I (1825—1855 г.г.).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Внутреннія событія.

§ 82. Вступленіе на престолъ императора Николая I.

Императоръ Александръ I скончался, не сдѣлавъ распоряженія объ обнародованіи манифеста, опредѣлявшаго престолонаслѣдіе. Это вызвало серьезныя осложненія, которыми рѣшили воспользоваться члены Сѣвернаго общества, намѣревавшіеся ниспровергнуть существующій государственный строй. Попытка къ возстанію произведена была ими 14 декабря 1825 года; ее принято называть «декабрьской смутой», а ея участниковъ—«декабристами».

Междуцарствіе.

Сущность событій, происшедшихъ со времени смерти Александра I до декабрьскаго движенія, сводится къ слѣдующему. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, получивъ въ Варшавѣ 25 ноября извѣстіе о кончинѣ государя, немедленно увѣдомилъ великаго князя Николая Павловича о своемъ уже давно состоявшемся отреченіи отъ правъ на престолъ и просилъ его принять власть. Однако прежде, чѣмъ это увѣдомленіе пришло въ Петербургъ, Николай Павловичъ, извѣщенный 27 ноября о смерти императора Александра I, поспѣшилъ немедленно присягнуть на подданство Константину Павловичу, считая, что неопубликованный манифестъ объ отреченіи послѣдняго не имѣетъ силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Павловичъ сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи къ присягѣ на подданство Константину всего населенія. Обо всемъ этомъ дано было знать въ Варшаву. Такимъ образомъ наступило междуцарствіе или «двоецарствіе»: въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ императоромъ признавали Николая Павловича, въ Петербургѣ, Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только успѣли принести присягу,—Константина Павловича. Имя императора Константина I было уже внесено въ текстъ церковныхъ ектеній, съ его именемъ начали чеканить монету. Однако Константинъ Павловичъ въ отвѣтъ на увѣдомленіе о принесенной ему присягѣ вторично и очень рѣшительно объявилъ о своемъ отреченіи. Это же онъ подтвердилъ и младшему своему брату Михаилу Павловичу, ѣздившему по порученію Николая Павловича въ Варшаву, чтобы быть затѣмъ «личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ воли Константина». Считая вопросъ совершенно исчерпаннымъ, цесаревичъ не нашелъ нужнымъ, несмотря на приглашенія Николая Павловича, явиться лично въ Петербургъ для выясненія дѣла.

Между тѣмъ еще до возвращенія изъ Варшавы Михаила Павловича, Николай Павловичъ 12 декабря получилъ изъ Таганрога отъ Дибича сообщеніе о существованіи заговора среди петербургскихъ офицеровъ. (Дибичъ почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ изъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго императора, среди которыхъ находилось и донесеніе Шервуда). Сообщеніе Дибича, а также извѣстія, пришедшія изъ Варшавы, побудили Николая Павловича положить конецъ междуцарствію: на 14-ое декабря назначалась присяга на подданство Николаю Павловичу. Онъ спѣшилъ принять власть въ свои руки, чтобы покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, которымъ именно и хотѣли воспользоваться заговорщики для осуществленія своихъ цѣлей.

Планы заговора.

Въ моментъ кончины императора Александра I члены Сѣвернаго общества чувствовали себя настолько неподготовленными къ выступленію, что вмѣстѣ со всѣмъ столичнымъ населеніемъ покорно присягнули Константину Павловичу. Однако вѣсти объ его отреченіи заставили ихъ встрепенуться. Они надѣялись произвести смуту въ войскахъ слухами, будто цесаревича насильно устраняютъ отъ престола, и будто приверженцы великаго князя Николая Павловича скрываютъ завѣщаніе покойнаго императора о сокращеніи службы солдатъ и о политическихъ преобразованіяхъ. На квартирѣ Рылѣева члены Сѣвернаго общества стали устраивать «каждодневныя и рѣшительныя совѣщанія», обсуждая, какъ имъ дѣйствовать дальше. На этихъ совѣщаніяхъ вполнѣ обнаружилось, что заговорщики не имѣютъ ни общаго плана, ни единодушія между собою, ни яснаго представленія о тѣхъ силахъ, которыми могутъ располагать они.

Плановъ было предложено нѣсколько. Такъ, напр., кн. Трубецкой предлагалъ внушить солдатамъ отказаться отъ присяги Николаю Павловичу, собрать ихъ гдѣ-нибудь за городомъ, дабы въ столицѣ не нарушалось спокойствіе, и ждать или пріѣзда цесаревича или дальнѣйшихъ мѣръ правительства. Трубецкой надѣялся, что, если отказавшихся отъ присяги будетъ много, то правительство не рѣшится дѣйствовать силою, а пойдетъ на уступки въ конституціонномъ духѣ. Планъ Рылѣева нѣсколько отличался отъ этого: онъ предполагалъ собрать войска на Сенатской площади, распустить слухъ, будто въ Сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнихъ чиновъ ограничивается 10-ю годами, и требовать отъ Сената изданія манифеста съ объявленіемъ: объ уничтоженіи самодержавія и учрежденіи временнаго правительства, о свободѣ печати, освобожденіи крестьянъ, равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, отмѣнѣ подушной подати и военныхъ поселеній, о сокращеніи срока солдатской службы и введеніи всеобщей воинской повинности, о преобразованіи мѣстнаго управленія и объ установленіи гласнаго суда присяжныхъ. Баронъ Штейнгель стремился къ возве-

денію на престолъ вдовствующей императрицы Елизаветы Алексѣевны: онъ надѣялся, что она охотно даруетъ конституцію, а со временемъ можетъ быть и совсѣмъ откажется отъ власти, «особливо, если ей будетъ воздвигнутъ монументъ и поднесенъ титулъ матери свободнаго отечества, ибо чего ей осталось болѣе желать, кромѣ славы». Высказывались и другіе планы. Насколько разнообразны были они, настолько же противорѣчивы были и мнѣнія заговорщиковъ о своихъ силахъ. То они надѣялись, что въ ихъ распоряженіи окажется достаточное количество солдатъ всѣхъ родовъ оружія, то ручались только за двѣ роты Московскаго полка и батальонъ лейбъ-гренадеровъ, то сомнѣвались и въ послѣднихъ. Отъ надеждъ, что побѣда достанется легко, даже безъ пролитія крови, они переходили къ сомнѣніямъ, а нѣкоторые были даже вполнѣ увѣрены, что заговоръ окончится полной неудачей, и тѣмъ не менѣе обнадеживали другихъ. Вообще, по утвержденію многихъ членовъ общества, дѣло не обходилось безъ взаимной мистификаціи: такъ, напр., одинъ изъ самыхъ пылкихъ «сѣверянъ» Каховскій утверждалъ впослѣдствіи, что главари заговора скрывали истинное положеніе дѣлъ отъ рядовыхъ членовъ и относились къ послѣднимъ, какъ къ баранамъ, которыхъ можно гнать куда угодно.

Декабрьская смута.

Послѣ долгаго обмѣна мнѣній руководители заговора пришли только къ слѣдующему выводу: побудить солдатъ всякими обѣщаніями и ложными увѣреніями отказаться отъ присяги Николаю Павловичу и вывести ихъ для демонстраціи на Сенатскую площадь въ надеждѣ, что къ нимъ присоединятся всѣ недовольные существующими порядками. Все дальнѣйшее заговорщики представляли себѣ лишь въ самыхъ туманныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ и во время происшедшей 14 декабря смуты выказали полную растерянность.

Декабрьская смута состояла въ томъ, что небольшая часть гвардіи (Московскій полкъ, часть Гренадерскаго и Гвардейскій экипажъ) по наущенію нѣкоторыхъ своихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ тайному обществу, отказалась отъ присяги на подданство Николаю Павловичу и выстроилась на Сенатской площади, выражая кликами свою приверженность къ Константину. Хотя мятежныя войска, оказавшіяся безъ руководителей, большинство которыхъ вовсе не явилось на площадь, и не рѣшались на какія-нибудь энергичныя дѣйствія, тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ увѣщанія правительства, не хотѣли расходиться. Послѣ того, какъ уговаривавшій ихъ петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ былъ убитъ однимъ изъ офицеровъ-заговорщиковъ, а дальнѣйшія попытки убѣжденій оказались безплодными, правительство прибѣгло къ оружію и нѣсколькими картечными выстрѣлами усмирило волненіе. Къ вечеру 14-го декабря смута была уже вполнѣ подавлена.

Подробности событія 14 декабря рисуются въ слѣдующемъ видѣ.

Правительство, извѣщенное (между прочимъ, офицеромъ Я. И. Ростовцевымъ) о намѣреніи заговорщиковъ поднять возстаніе во время принесенія присяги, распорядилось приводить войска къ ней не одновременно, а поочередно. Присяга началась съ ранняго утра 14 декабря. Почти всѣ полки спокойно принесли ее. Отказались отъ нея, какъ сказано, только солдаты Московскаго полка, часть Гренадеровъ и Гвардейскій экипажъ. Въ казармахъ Московскаго полка особенно энергично дѣйствовали А. Бестужевъ, выдававшій себя за адъютанта цесаревича и увѣрявшій, будто послѣдній арестованъ на пути изъ Варшавы, и кн. Щепинъ-Ростовскій, зарубившій двухъ генераловъ (Шеншина и Фредерикса), успокаивавшихъ солдатъ. Возбужденные Бестужевымъ и Щепинымъ, «московцы» двинулись на Сенатскую площадь и невдалекѣ отъ памятника Петру Великому остановились въ выжидательномъ положеніи. Рылѣевъ, находившійся на площади, скоро удалился подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимо ѣхать возмущать другіе полки. Видный членъ общества Якубовичъ также ушелъ, сославшись на нездоровье. Кн. Трубецкой, которому предназначена была роль диктатора, совершенно растерялся и отправился не на площадь, а въ зданіе главнаго штаба, гдѣ и провелъ цѣлый день. Съ московцами оставались Бестужевы, кн. Оболенскій, горячій, но мало вліятельный Каховскій да еще нѣсколько второстепенныхъ членовъ Общества. Никто изъ нихъ не зналъ, что предпринять. Солдаты стояли въ недоумѣніи и кричали: «Ура! Константинъ, ура! конституція» (утверждаютъ, будто нѣкоторые солдаты, не понимая смысла слова «конституція», принимали его за имя супруги цесаревича). Надежда генерала Милорадовича образумить «московцевъ» увѣщаніями не имѣла успѣха, и онъ палъ подъ выстрѣломъ Каховскаго. Послѣ этого мятежники были окружены войсками, вѣрными императору Николаю I. Однако прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ оружію, правительство еще разъ попыталось дѣйствовать убѣжденіемъ. Но ни уговоры митрополита Серафима, ни слова великаго князя Михаила Павловича не привели ни къ чему (одинъ изъ заговорщиковъ направилъ даже на великаго князя свой пистолетъ). Тогда Конной Гвардіи было приказано атаковать мятежниковъ. Эти атаки не удались между прочимъ потому, что часть уличной толпы, стоявшей на Сенатской площади и сочувствовавшей «московцамъ», стала бросать въ конногвардейцевъ камнями, а московцы начали отстрѣливаться. Впрочемъ, М. Бестужевъ приказалъ прекратить стрѣльбу. На выстрѣлы явились солдаты Гвардейскаго экипажа, а также Гренадеры; приходили и депутаты отъ нѣкоторыхъ кадетъ I и Морского корпусовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ Московскому полку, но ихъ предложеніе было отклонено. Подкрѣпленіе, полученное «московцами», не измѣнило положенія дѣла. Они безпомощно стояли на мѣстѣ, а руководители заговора проявляли все большую и большую растерянность, и нѣкоторые изъ нихъ думали теперь объ облегченіи

въ будущемъ своей участи, а не о судьбѣ солдатъ, выведенныхъ ими на площадь и ждавшихъ цѣлый день ихъ указаній. Между тѣмъ императоръ Николай I, не терявшій самообладанія и надѣявшійся первоначально на мирный исходъ смуты, въ концѣ концовъ, по настоянію нѣкоторыхъ приближенныхъ, рѣшился пустить въ ходъ артиллерію. Московцы и ихъ сотоварищи дрогнули подъ картечными залпами и бросились къ Невѣ. Бестужевъ пытался выстроить разсѣявшихся на Невѣ солдатъ, чтобы вести ихъ къ крѣпости. Но отъ выстрѣловъ во льду образовалась полынья, и многіе солдаты утонули. Остальные, успѣвшіе убѣжать на Васильевскій островъ, были вскорѣ схвачены. Общее число жертвъ декабрьской смуты въ точности неизвѣстно; по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ ихъ было около 80, на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, больше, такъ какъ далеко не всѣ утонувшіе были приведены въ извѣстность.

Послѣ подавленія смуты началось привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности. Арестованы были не только сѣверяне, но и южане, которые въ концѣ декабря подняли подъ руководствомъ С. Муравьева-Апостола мятежъ на югѣ, усмиренный такъ же быстро, какъ и «декабрьская смута».

Судъ надъ декабристами.

Для разслѣдованія «декабрьскаго дѣла» и для обнаруженія виновныхъ была учреждена Верховная Слѣдственная Комиссія. Солдаты, принимавшіе участіе въ смутѣ, признаны были дѣйствовавшими безсознательно, «впавшими въ заблужденіе». Поэтому они освобождались отъ судебной отвѣтственности и лишь переводились на Кавказъ, чтобы «въ битвахъ съ горцами искупить свои заблужденія». Въ качествѣ виновныхъ преданы были верховному уголовному суду 121 человѣкъ изъ числа членовъ тайныхъ обществъ (именно: 61 изъ «сѣверянъ», 37 изъ «южанъ» и 23 изъ «соединенныхъ славянъ»). Во время процесса подсудимые также выказали отсутствіе единодушія.

Нѣкоторые изъ нихъ старались построить свое оправданіе на оговорѣ своихъ сотоварищей, всячески чернили Пестеля, сваливали на него всю отвѣтственность. Были, впрочемъ, и исключенія: напр., Пестель велъ себя очень мужественно и сначала избѣгалъ всякихъ показаній, а затѣмъ, убѣдившись, что судьямъ все уже извѣстно отъ другихъ, въ спокойной эпической формѣ изложилъ исторію тайныхъ обществъ, не оправдываясь въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ. Очень стойко держался Каховскій, отказался отъ всякихъ объясненій Лунинъ, мало показывали и члены Общества «соединенныхъ славянъ».

Верховный уголовный судъ вынесъ подсудимымъ слѣдующій приговоръ: 5 были приговорены къ четвертованію, 31—къ отсѣченію головы, 17—къ политической смерти и безсрочной каторгѣ, остальные—къ ссылкѣ.

22*

Суровый приговоръ Суда былъ нѣсколько смягченъ императоромъ. Смертная казнь постигла пятерыхъ: Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховскаго, Рылѣева, Бестужева-Рюмина. Остальные приговорены были къ каторгѣ, заключенію въ крѣпости, ссылкѣ въ Сибирь, разжалованію въ солдаты.

§ 83. Общій характеръ правительственной дѣятельности императора Николая I.

Быстро подавленная «декабрьская смута» оказала, однако, извѣстное вліяніе на характеръ правительственной дѣятельности императора Николая I и на способы рѣшенія тѣхъ очередныхъ задачъ, которыя не были еще выполнены въ царствованіе Александра I (составленіе свода законовъ, сословный вопросъ, поднятіе народнаго благосостоянія). Эти способы, а также общее направленіе политики Николая Павловича зависѣли, какъ увидимъ, не только отъ его личнаго характера, но и отъ обстановки вступленія его на престолъ.

Личный характеръ императора Николая I.

Уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Николай Павловичъ проявлялъ рѣшительность, твердость, прямоту и вспыльчивость характера. Родившійся въ годъ смерти Екатерины Великой (1796), онъ получилъ совсѣмъ иное воспитаніе, чѣмъ два старшихъ его брата. Наставникомъ его былъ не романтикъ-республиканецъ Лагарпъ, а суровый и властный генералъ Ламсдорфъ, который своимъ стремленіемъ подчинить своему вліянію Николая Павловича еще болѣе закалилъ его волю. Образованіе давалось исключительно военное. Военной службѣ великій князь посвящалъ въ юности всѣ свои силы. Молодость Николая Павловича протекала въ тѣ годы, когда императоръ Александръ I отказался отъ прежнихъ мечтаній о коренныхъ преобразованіяхъ и былъ окруженъ консервативно-настроенными людьми. Со многими изъ нихъ сходился во взглядахъ и Николай Павловичъ, совершенно чуждый тѣхъ колебаній, которыя свойственны были его старшему брату, отличавшійся большою энергіей, настойчивостью и стремленіемъ къ порядку.

Изъ изложеннаго видно, что и воспитаніе, и вліяніе окружающей среды не дѣлали Николая Павловича склоннымъ къ коренымъ преобразованіямъ, а напротивъ, внушали ему консервативныя воззрѣнія.

Вліяніе декабрьской смуты на политику императора Николая I.

Укрѣпленію ихъ способствовала и обстановка вступленія его на престолъ. Молодой императоръ принималъ власть въ тревожный, жуткій день «декабрьской смуты». Эта смута оказала двоякое вліяніе на его политику: съ одной стороны показанія декабристовъ на судѣ открыли правительству глаза на многія темныя стороны русской жизни и по-

буждали его къ преобразованіямъ, къ искорененію зла; съ другой стороны революціонное выступленіе декабристовъ, являвшихся представителями извѣстной, хотя и небольшой, части общества, внушило правительству недовѣріе къ обществу, побудило его проводить преобразованія безъ всякаго содѣйствія послѣдняго, исключительно бюрократическимъ путемъ. Иными словами, правительство, сознавая необходимость преобразованій, поручало обсужденіе и проведеніе ихъ въ жизнь только чиновникамъ, приглашаемымъ для этой цѣли въ особые «секретные комитеты или комиссіи», а отнюдь не представителямъ общества, которое скомпрометировало себя въ глазахъ императора «декабрьскою смутою». Итакъ, эта смута послужила и побужденіемъ къ преобразованіямъ и причиной выбора своеобразнаго способа проведенія ихъ.

Разсмотримъ подробнѣе вліяніе декабрьскаго движенія на политику императора Николая I. Какъ было сказано, многіе декабристы во время слѣдствія и суда выказали отсутствіе единодушія и старались всяческими средствами оправдаться въ приписываемыхъ имъ проступкахъ. Однако, несмотря на это, они не отказывались отъ своихъ основныхъ идей. Напротивъ, они сдѣлали все, чтобы возможно полнѣе развить передъ государемъ и судомъ свои теоретическіе взгляды, возможно ярче освѣтить недостатки русской жизни, какъ бы надѣясь, что хоть часть изъ того, къ чему стремились они, будетъ осуществлена верховною властью. Они смотрѣли на свои показанія на судѣ какъ на политическую пропаганду. По словамъ историка (Кизеветтера), «декабристы вставляли въ свои показанія на слѣдствіи обширныя разсужденія о причинахъ царящаго въ Россіи неустройства и о тѣхъ преобразованіяхъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, нуждалась страна; много краснорѣчиваго было ими сказано, напримѣръ, объ ужасахъ крѣпостного права и о чудовищныхъ злоупотребленіяхъ администраціи. На личномъ допросѣ у государя нѣкоторые изъ нихъ ловили всякую удобную минуту, чтобы сообщить царю какую-либо изъ своихъ завѣтныхъ идей. Наконецъ, нѣкоторые обращались къ государю изъ крѣпости съ письмами, въ которыхъ опять таки говорилось о необходимыхъ преобразованіяхъ». Императоръ Николай I очень серьезно отнесся къ показаніямъ декабристовъ и поручилъ дѣлопроизводителю слѣдственной комиссіи Боровкову составить «систематическій сводъ изъ писемъ и записокъ декабристовъ о внутреннемъ положеніи Россіи». По словамъ предсѣдателя Комитета министровъ, государь часто просматривалъ этотъ сводъ и черпалъ изъ него много «дѣльнаго». Равнымъ образомъ важнѣйшій изъ секретныхъ комитетовъ, собиравшихся въ царствованіе Николая Павловича, нашелъ, что въ сводѣ «содержатся многія истины», и рѣшилъ извлечь изъ него «возможную пользу при будущихъ трудахъ своихъ».

Этотъ сводъ на основаніи показаній декабристовъ рисуетъ въ мрачныхъ краскахъ внутреннее состояніе Россіи и заканчивается слѣдующимъ выводомъ: «надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства, возвысить нравственное образованіе духовенства, подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію, улучшить положеніе землевладѣльцевъ, уничтожить унизительную продажу людей, воскресить флотъ, словомъ— исправить неисчисленные безпорядки и злоупотребленія». Всѣ эти исправленія правительство, какъ сказано, надѣялось осуществить чисто бюрократическимъ порядкомъ.

Осторожность политики.

Недопущеніе общества къ совмѣстной преобразовательной работѣ съ правительствомъ объяснялось осторожностью послѣдняго. Наряду съ такою «формальною» осторожностью можно указать и «матеріальную», которая сказывалась въ томъ, что правительство стремилось осуществлять крупныя преобразованія посредствомъ частичныхъ незамѣтныхъ подготовительныхъ мѣръ. Подготовительныя реформы проходятъ черезъ все царствованіе Николая I. Государь признавалъ полезность такихъ реформъ, но не всегда ему удавалось находить подходящихъ сотрудниковъ для проведенія ихъ. Искать помощниковъ ему приходилось среди дѣятелей конца Александровскаго царствованія, многіе изъ которыхъ, по словамъ одного историка, «предпочитали топтаніе на мѣстѣ осторожной государственной работѣ» и придавали реформамъ бумажный, «терминологическій» характеръ, т. е. составляли проекты, въ которыхъ новыми были только слова и термины, сущность же оставалась старой. Понятно, что государя не могло удовлетворять это, и онъ часто критически относился къ занятіямъ многихъ комитетовъ, собиравшихся въ его царствованіе.

Комитетъ 6 декабря 1826 г.

Важнѣйшимъ изъ совѣщаній, созванныхъ при императорѣ Николаѣ I, былъ комитетъ, работавшій съ 6 декабря 1826 г. до 1830 г. По времени своего открытія онъ называется Комитетомъ 6 декабря.

Предсѣдателемъ его былъ Кочубей, а членами Васильчиковъ, Голицынъ, Дибичъ, Толстой, Сперанскій. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ были, какъ извѣстно, видными дѣятелями начала царствованія Александра I, его сотрудниками въ составленіи либеральныхъ проектовъ. Однако теперь они значительно измѣнили свои прежніе взгляды. Особенно замѣтна перемѣна въ Сперанскомъ: свои таланты онъ употреблялъ теперь не на расширеніе предполагаемыхъ реформъ, а на суженіе ихъ, своею изобрѣтательностью пользовался не для выработки новыхъ законовъ, а для перефразировки старыхъ. Невозможно даже сравнивать Сперанскаго-творца проекта 1809 г. со

Сперанскимъ-участникомъ въ изобрѣтеніи наказаній для декабристовъ (каковымъ онъ былъ въ 1825 г.) и членомъ Комитета 6-го декабря.

Этотъ Комитетъ, задавшись цѣлью «обозрѣть всѣ части управленія и намѣтить правила къ лучшему ихъ устройству», выработалъ обширную программу административныхъ и сословныхъ преобразованій. Такъ, напр., въ основу административныхъ реформъ онъ хотѣлъ положить принципъ раздѣленія властей при непремѣнномъ однако сохраненіи самодержавія; высказался за желательность оживленія дѣятельности Сената посредствомъ обновленія его состава, а также за несмѣняемость судей; предполагалъ создать особыя присутствія изъ выборныхъ отъ дворянства для надзора за органами мѣстнаго управленія; наконецъ, составилъ пространный проектъ «закона о состояніяхъ». Цѣль послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы: 1) возвысить значеніе дворянства, затруднивъ доступъ въ него посредствомъ выслуги и ограничивъ права мелкопомѣстныхъ дворянъ; 2) создать среднее сословіе, которому предполагалось присвоить наименованіе почетныхъ гражданъ, потомственныхъ и личныхъ; 3) улучшить положеніе казенныхъ крестьянъ; 4) внести рядъ существенныхъ измѣненій въ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, именно: запретить продажу ихъ безъ земли, облегчить отпускъ ихъ на волю и ограничить число дворовыхъ. Преобразованія крестьянскаго быта, должны были, по мысли Сперанскаго, игравшаго очень видную роль въ Комитетѣ 6 декабря, вестись въ такомъ направленіи, чтобы вернуть крѣпостное состояніе къ первоначальной стадіи его развитія—прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ,—а затѣмъ подготовить постепенно и незамѣтнымъ образомъ и полную отмѣну его. Однако и такая умѣренная и осторожная программа Сперанскаго подверглась, при обсужденіи ея въ засѣданіяхъ Комитета, различнымъ оговоркамъ. Вообще Комитетъ имѣлъ привычку обставлять всевозможными ограничительными поправками свои же собственные проекты, чѣмъ совершенно обезличивалъ ихъ и приближалъ ихъ къ дѣйствующей практикѣ, придавая задуманнымъ реформамъ именно «терминологическій» характеръ.

Это сказывалось, напр., въ слѣдующемъ. Стремленіе примирить принципъ раздѣленія властей съ дѣйствующей практикой внесенія нѣкоторыхъ дѣлъ изъ Сената (судебнаго учрежденія) на разсмотрѣніе Государя черезъ посредство Государственнаго Совѣта (законосовѣщательнаго учрежденія) побудило Комитетъ проектировать устройство особой комиссіи, состоящей изъ членовъ Государственнаго же Совѣта, но дѣйствующей внѣ его. (Порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, конечно, нисколько не измѣнялся отъ того, значится ли эта комиссія въ Совѣтѣ или «внѣ его», что и отмѣтилъ государь въ своей резолюціи). Далѣе, то же самое стремленіе сочетать теорію раздѣленія властей съ дѣйствующимъ порядкомъ заставило Коми-

тетъ потратить не мало силъ на опредѣленіе тонкихъ юридическихъ различій между «дополненіемъ законовъ» (которое предоставлялось Государственному Совѣту), «объясненіемъ ихъ» (предоставлявшимся сенату) и «объясненіемъ и дополненіемъ уставовъ и учрежденій» (принадлежавшими министрамъ). Предлагая упразднить Комитетъ министровъ, какъ учрежденіе, нарушающее принципъ раздѣленія властей, Комитетъ 6-го декабря высказался однако за образованіе «внѣ сената» особаго «совѣщанія министровъ». (Между тѣмъ послѣднее, какъ справедливо замѣтилъ государь, легко можетъ присвоить себѣ то же самое положеніе, которое занималъ Комитетъ министровъ). Провозглашеніе «непреложности и неоспоримости» правила о несмѣняемости судей не помѣшало однако Комитету отстаивать право государственной власти «обуздывать» ихъ въ случаѣ нужды. Не мало, какъ сказано, потрудился Комитетъ надъ крестьянскимъ вопросомъ, составивъ нѣсколько немаловажныхъ проектовъ ограниченія числа дворовыхъ, положеніе которыхъ было особенно ненормально. Предполагалось, напр., запретить переводъ изъ крестьянъ въ дворовые, продажу послѣднихъ и пріемъ ихъ въ залогъ, а также установить двойную подушную подать съ дворовыхъ. Однако, вырабатывая подобные проекты, Комитетъ 6-го декабря высказывалъ опасенія, что они могутъ возбудить ропотъ помѣщиковъ, и признавалъ поэтому болѣе полезнымъ поставить въ первую очередь улучшеніе быта казенныхъ крестьянъ, дабы ихъ устройство послужило образцомъ для помѣщиковъ въ организаціи быта своихъ крѣпостныхъ.

Какъ ни осторожны были предположенія Комитета 6-го декабря, однако они не были цѣликомъ приведены въ дѣйствіе, такъ какъ окончаніе работъ Комитета совпало съ событіемъ, побудившимъ правительство Николая I воздержаться отъ сколько-нибудь замѣтныхъ преобразованій и довольствоваться лишь частичными мѣропріятіями. Такимъ событіемъ была Іюльская революція во Франціи, отразившаяся и въ Россіи въ видѣ польскаго возстанія 1830—31 г.

§ 84. **Польское возстаніе 1830 — 31 г.г.**

Это возстаніе было подготовлено тѣми польскими патріотами, которые стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ размѣрахъ (до перваго раздѣла) и не мирились вовсе съ русской властью, хотя эта власть, хранившая дарованную Александромъ I «учредительную хартію», не только не препятствовала, но даже способствовала благосостоянію Царства Польскаго. Дѣйствительно, при Александрѣ I и въ первые годы Николая I польское населеніе возросло, народное образованіе широко распространилось, государственному строю Польши не угрожала прямая опасность. Правда, часто возни-

кали спорные вопросы относительно толкованія конституціи, случались частичныя нарушенія ея (напр., при разсмотрѣніи бюджета, при введеніи цензуры), но серьезныхъ покушеній на нее не было. Хотя императоръ Николай I по своимъ убѣжденіямъ и по всему складу своего характера былъ горячимъ противникомъ представительной формы правленія, тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя обязаннымъ соблюдать дарованную Александромъ I конституцію и не разъ доказывалъ это на дѣлѣ. Такъ, напр., когда обнаружилась связь дѣла декабристовъ съ дѣятельностью польскихъ патріотическихъ обществъ, императоръ, согласно конституціи, предалъ виновныхъ поляковъ суду польскаго сената, при чемъ ни самъ онъ, ни великій князь Константинъ Павловичъ не вмѣшивались въ этотъ процессъ, а когда сенатъ вынесъ подсудимымъ оправдательный приговоръ, государь, скрѣпя сердце, утвердилъ его. Равнымъ образомъ Николай I, выполняя § 45 «учредительной хартіи» о короновании царей польскихъ въ столицѣ царства и о принесеніи ими присяги въ соблюденіи хартіи, короновался въ 1829 г. въ Варшавѣ, хотя, какъ видно изъ его писемъ къ брату Константину, ему было не легко рѣшиться на совершеніе этого обряда въ католической и конституціонной странѣ.

Несмотря на все это, въ Царствѣ Польскомъ не наступало дѣйствительнаго успокоенія. Дѣло не ограничивалось оппозиціоннымъ настроеніемъ сейма, проявлявшимся, какъ сказано, еще при Александрѣ I. Значительная часть польскаго общества, возбуждаемаго и фанатичною проповѣдью католическаго духовенства и пылкими рѣчами патріотовъ, мечтала о полномъ отложеніи отъ Россіи. Дальнѣйшая судьба Польши представлялась патріотамъ различно: аристократическая партія, вдохновляемая Адамомъ Чарторыйскимъ (прежнимъ участникомъ Интимнаго Комитета), представляла ее себѣ въ видѣ обширной конституціонной монархіи, демократическая, вождемъ которой былъ виленскій профессоръ Лелевель, стремилась къ установленію республики. Ближайшей же цѣлью и тѣ, и другіе считали возстаніе противъ Россіи. Подготовленіе его взяли на себя тайныя общества, члены которыхъ вербовались изъ офицерства и учащейся молодежи. Броженіе замѣчалось также въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Волыни, Украйнѣ и Подоліи: оно поддерживалось здѣсь главнымъ образомъ учебными заведеніями, внушавшими своимъ питомцамъ непріязнь къ Россіи. (Школьнымъ дѣломъ въ первыхъ двухъ изъ указанныхъ земель завѣдывалъ кн. Адамъ Чарторыйскій, въ остальныхъ—графъ Чацкій).

Революціонныя движенія 30-го года, вспыхнувшія въ западноевропейскихъ государствахъ, произвели огромное впечатлѣніе на поляковъ. Когда же стало извѣстно, что императоръ Николай I намѣревается подавить вооруженной силой нидерландскую революцію и думаетъ воспользоваться для этого, между прочимъ, польскимъ войскомъ, въ Варшавѣ поднялся открытый мятежъ. Онъ начался

осенью (17 ноября) 1830 г. ночнымъ нападеніемъ на (Бельведерскій) дворецъ, въ которомъ проживалъ главнокомандующій вел. кн. Константинъ Павловичъ. Нѣсколько придворныхъ и военныхъ, окружавшихъ Константина Павловича, было убито, самъ же онъ успѣлъ спастись. Смотря на происшедшій мятежъ, какъ на мѣстное польское междоусобіе и думая, что рѣшительныя мѣры только разожгутъ его, великій князь распустилъ польскія войска, а самъ вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ русскимъ отрядомъ поспѣшилъ покинуть предѣлы Царства. Поляки истолковали его отступленіе какъ доказательство слабости русской власти и обратились къ великому князю, а затѣмъ къ самому императору съ требованіемъ вернуть Польшѣ прежнія ея земли и признать ея независимость. Такое требованіе было, конечно, отвергнуто. Тогда польская патріотическая партія образовала временное правительство и созвала сеймъ, который рѣшился сдѣлать постановленіе о низложеніи династіи Романовыхъ съ польскаго престола.

Императоръ Николай I въ отвѣтъ на это послалъ въ январѣ 1831 г. сильное войско подъ начальствомъ Дибича для усмиренія мятежной Польши и Литвы, которая также приняла участіе въ возстаніи. Такъ началась русско-польская война, продолжавшаяся восемь мѣсяцевъ. Она затянулась вслѣдствіе медлительности Дибича, который не воспользовался своими крупными побѣдами (при Гроховѣ и Остроленкѣ), въ особенности же вслѣдствіе страшной холеры, свирѣпствовавшей въ русскомъ войскѣ и унесшей въ числѣ прочихъ своихъ жертвъ также великаго князя Константина Павловича, а затѣмъ и Дибича. Смѣнившій послѣдняго Паскевичъ повелъ борьбу энергичнѣе. Польское войско сражалось мужественно, но оно страдало отъ частой смѣны главнокомандующихъ и распрей, терзавшихъ временное правительство. Уже осенью (25 августа) Паскевичъ былъ подъ стѣнами Варшавы. Онъ предложилъ ея жителямъ сдаться, обѣщая амнистію возставшимъ. Когда же это предложеніе было отвергнуто, Паскевичъ взялъ Варшаву штурмомъ. Къ исходу сентября мятежъ былъ окончательно подавленъ. Послѣдствія его не замедлили сказаться: Царство Польское лишилось конституціи и автономіи; учредительная хартія замѣнена новой грамотой—такъ называемымъ «органическимъ статутомъ», ставившимъ Польшу въ вполнѣ зависимое отъ Россіи положеніе. Раздѣленное на 5 губерній, Царство Польское подчинено было сильной власти намѣстника (Паскевича) и совѣта, состоявшаго изъ назначенныхъ лицъ. Приняты были энергичныя мѣры для обрусѣнія Польши и сосѣднихъ съ нею земель. Народное образованіе ставилось подъ контроль русскаго правительства; нѣкоторыя учебныя заведенія были закрыты.

Іюльская революція и польское возстаніе оказали сильное вліяніе на внутреннюю политику императора Николая I, способствуя ея консерватизму.



§ 85. Кодификація и административныя мѣры.

Избѣгая коренныхъ преобразованій, императоръ Николай I приложилъ, однако, не мало стараній къ упорядоченію существующаго строя. Стремленіе къ этому побудило его приступить къ рѣшенію той очередной задачи, которой не удалось выполнить его предшественникамъ, начиная съ Петра Великаго—именно, къ систематизаціи россійскихъ законовъ, т. е. къ кодификаціи. Преобразовавъ учрежденную при Александрѣ I Комиссію составленія законовъ во II отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи и поставивъ во главѣ его Сперанскаго, государь поручилъ ему трудную кодификаціонную работу. Сперанскій блестяще справился съ нею: въ 1830 г. вышло въ свѣтъ «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», въ которомъ *въ хронологическомъ порядкѣ* помѣщены *всѣ законодательные акты*, изданные послѣ Соборнаго Уложенія (въ числѣ свыше 30.000 и въ 45 томахъ), а въ 1832 г. оконченъ былъ «Сводъ Законовъ Россійской Имперіи», содержащій *только дѣйствующіе* законы, расположенные въ *систематическомъ* порядкѣ (въ 15 томахъ). Уже послѣ смерти Сперанскаго появился въ 1845 г. третій его трудъ—Уголовное Уложеніе.

Составленіе Полнаго Собранія Законовъ имѣло огромное значеніе для русской исторической науки, облегчивъ изученіе исторіи русскаго права; Сводъ же Законовъ принесъ также великую практическую пользу, устранивъ возможность многихъ злоупотребленій, происходившихъ ранѣе отъ незнанія законовъ, и тѣмъ самымъ улучшивъ судъ и администрацію.

Изъ административныхъ реформъ императора Николая I важнѣйшими являются: 1) учрежденіе въ 1837 г. Министерства государственныхъ имуществъ, 2) образованіе нѣсколькихъ отдѣленій Собственной Его Величества канцеляріи, изъ которыхъ каждое вѣдало опредѣленный кругъ дѣлъ. Именно: I Отдѣленіе—дѣла, подлежащія личному разсмотрѣнію государя, наблюденіе за исполненіемъ высочайшихъ повелѣній и дѣла государственной службы гражданскаго вѣдомства, II—кодификацію и вопросы, связанные съ дополненіемъ и отмѣной законовъ, III—высшую полицію по политическимъ дѣламъ, IV—благотворительныя и учебныя заведенія, находившіяся подъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, V—преобразованіе управленія казенными крестьянами и VI—разработку правилъ по устройству Закавказскаго края.

Въ области мѣстнаго управленія приняты были мѣры для точнаго опредѣленія власти губернатора и губернскаго правленія, при чемъ послѣднее въ нѣкоторыхъ случаяхъ получало большую самостоятельность, чѣмъ раньше. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры (хотя и очень робкія) для развитія мѣстнаго самоуправленія. Именно:

I. Въ губерніяхъ образованъ былъ цѣлый рядъ комиссій, вѣдавшихъ различныя отрасли мѣстнаго хозяйства, санитарную часть, призрѣніе бѣдныхъ, земскія повинности и т. д. и состоявшихъ наполовину изъ назначенныхъ лицъ, а наполовину изъ выборныхъ (отъ дворянства и городовъ).

II. Новое «положеніе о дворянскихъ обществахъ», изданное въ 1831 году, имѣло своею цѣлью: 1) точнымъ образомъ опредѣлить вѣдомство дворянскихъ собраній, 2) улучшить составъ ихъ участниковъ. Для осуществленія послѣдняго было постановлено, что правомъ непосредственнаго участія въ дворянскихъ собраніяхъ могутъ пользоваться только крупные землевладѣльцы (имѣющіе не менѣе 3.000 десятинъ земли и 100 душъ крестьянъ мужского пола), изъ мелкопомѣстныхъ же такое право принадлежитъ только лицамъ, дослужившимся до высокаго чина; остальные мелкопомѣстные посылаютъ на собранія лишь своихъ уполномоченныхъ.

III. Новое «Городовое положеніе», выработанное Николаемъ Милютинымъ и введенное въ дѣйствіе только въ С.-Петербургѣ въ 1846 г., призывало къ завѣдыванію городскими дѣлами выборныхъ отъ 5 сословій, а именно: 1) потомств. дворянъ, 2) личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ, 3) купцовъ, 4) мѣщанъ, 5) ремесленниковъ. Такимъ образомъ оно, по примѣру Екатерининскаго положенія, устанавливало всесословное самоуправленіе, которое не было однако безсословнымъ: выборные отъ каждаго сословія (въ одинаковомъ числѣ) обсуждали дѣла не совмѣстно, а по сословнымъ отдѣленіямъ (куріямъ), при чемъ отдѣленія первыхъ трехъ сословій пользовались преимуществами передъ двумя послѣдними. Въ исполнительномъ городскомъ органѣ—Распорядительной думѣ—также преобладали представители высшихъ сословій; наконецъ, городской голова долженъ былъ обязательно выбираться изъ дворянъ.

Городское самоуправленіе поставлено было подъ главное наблюденіе губернатора, имѣвшаго право вмѣшательства въ городскія дѣла.

§ 86. Сословныя мѣры.

Мѣры, касавшіяся мѣстнаго самоуправленія, стояли въ тѣсной связи съ сословными преобразованіями императора Николая Павловича. Сущность послѣднихъ сводилась къ слѣдующему:

Почетное гражданство.

I. Въ 1832 г. образовано было новое сословіе—почетныхъ гражданъ, принадлежность къ которому сообщала права гильдейскихъ купцовъ (освобожденіе отъ подушной подати, рекрутской повинности и тѣлесныхъ наказаній), но не обусловливалась имущественнымъ цензомъ. Почетные граждане раздѣлялись на потомственныхъ и личныхъ. Къ первымъ принадлежали: дѣти личныхъ дворянъ и церковно-

служителей, получившихъ высшее образованіе, купцы, состоявшіе не менѣе 20 лѣтъ въ первой гильдіи или получившіе ордена, а также ученые и художники; личными гражданами были: дѣти церковно - служителей безъ высшаго образованія; лица, окончившія нѣкоторыя учебныя заведенія, и чиновники ниже 9-го класса.

Дворянство.

II. Манифестомъ 1845 г. затрудненъ былъ доступъ въ дворянство посредствомъ выслуги. (Именно, потомственное дворянство пріобрѣталось штабъ-офицерскимъ чиномъ на военной и чиномъ 5-го класса на гражданской службѣ; оберъ-офицерскій чинъ и гражданскій чинъ 9 класса давалъ личное дворянство, а чиновники ниже 9 класса причислялись къ почетнымъ гражданамъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялись и нѣсколько ограничивались права дворянъ надъ крѣпостными. Такъ, напр., лица, возведенныя въ дворянское званіе изъ крестьянъ, не могли владѣть крѣпостными; дворяне, не имѣвшіе помѣстій, не могли пріобрѣтать крестьянъ безъ земли: помѣщикамъ запрещалось сдавать въ аренду населенныя имѣнія, продавать крестьянъ безъ земли съ публичнаго торга, а также съ раздробленіемъ семействъ, посылать ихъ работать на горныхъ заводахъ и примѣнять къ нимъ наказанія, не предусмотрѣнныя законами (урегулированіе наказаній произведено было въ 1845—6 г.г.).

Всѣ эти мѣры, какъ видно, клонились къ ограниченію крѣпостного права.

Крестьянство.

Императоръ Николай I, человѣкъ разсудка и желѣзной воли, чуждый всякихъ колебаній и прямолинейный, сознавалъ и несправедливость крѣпостного права, и вредъ, и опасность его. «Я не понимаю, говорилъ онъ, какимъ образомъ человѣкъ могъ сдѣлаться вещью, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой». «Крѣпостное право, говорилъ онъ также, причиною того, что у насъ нѣтъ торговли и промышленности».

Дѣйствительно, внутренняя торговля не могла быстро развиваться, такъ какъ отягощенные повинностями и разоренные крестьяне не имѣли возможности покупать товаровъ; плохими покупателями были и помѣщики средней руки, такъ какъ большинство ихъ довольствовалось предметами домашняго обихода, которые выдѣлывались крѣпостными. Во внутренней торговлѣ замѣчался поэтому застой. Не лучше обстояло дѣло съ внѣшней: произведенія промышленности, вырабатываемыя крѣпостными рабочими, вслѣдствіе своего плохого качества, не имѣли уже теперь достаточнаго сбыта за границу и считались часто непригодными и для самой Россіи. Помѣщичьи фабрики падали и закрывались, а промышленники предпочитали вольнонаемныхъ рабочихъ подневольнымъ.

Да и земледѣльческій подневольный трудъ былъ тоже неудовлетворителенъ и, если одни помѣщики сознательно не прибѣгали къ

сельско-хозяйственнымъ машинамъ изъ опасенія оставить безъ дѣла крестьянъ, отбывавшихъ барщину, то другіе просто по безпечности не вводили никакихъ улучшеній въ хозяйствѣ, предпочитая эксплоатировать крестьянъ, чѣмъ заботиться о поднятіи доходности своей земли. При такихъ условіяхъ задолженность помѣщиковъ росла: къ половинѣ XIX вѣка больше 50% имѣній было заложено въ банкахъ. Для землевладѣльцевъ черноземной полосы освобожденіе крестьянъ было бы въ сущности прямо выгодно: главнымъ капиталомъ въ черноземныхъ губерніяхъ была земля, и помѣщики могли получать съ нея большій доходъ, эксплоатируя ее цѣликомъ въ свою пользу посредствомъ вольнонаемныхъ рабочихъ, чѣмъ раздавая значительную часть ея въ видѣ надѣловъ крѣпостнымъ [1]).

Будучи безнравственнымъ съ этической стороны и невыгоднымъ экономически, крѣпостное право представляло и политическую опасность, такъ какъ оно вызывало частыя крестьянскія волненія.

Видя нервное настроеніе народа, императоръ Николай I приходилъ къ выводу, что «лучше намъ отдать добровольно (то, чего хотятъ), чѣмъ допустить, чтобы отъ насъ отняли». И дѣйствительно, крестьяне въ его царствованіе находились въ особенно возбужденномъ состояніи: въ каждомъ проѣзжемъ чиновникѣ они были готовы видѣть «вѣстника воли», въ каждомъ правительственномъ распоряженіи хотѣли читать желанныя слова свободы, распускали нелѣпые слухи о томъ, что манифестъ объ освобожденіи уже готовъ, что царь уже послалъ его народу въ ящикахъ просмоленныхъ, но что господа «пронюхали про это и выкрали его». Свое нетерпѣніе народъ выражалъ и жестокой расправой надъ помѣщиками и частыми возстаніями: въ правленіе Николая I было 556 случаевъ крестьянскихъ волненій, которыя приходилось подавлять военной силой. Все это побуждало императора начать «процессъ противъ рабства», «положить ему конецъ».

Можно было думать, что Николай I, при свойственной ему прямотѣ и энергіи, завершитъ задуманное дѣло. Но этого не случилось по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія, съ которымъ сотрудники государя встрѣчали всѣ его начинанія, направленныя къ улучшенію быта крестьянъ, и, во-вторыхъ, вслѣдствіе происходившихъ въ Западной Европѣ тревожныхъ событій, которыя поколебали рѣшимость Николая I даровать крестьянамъ свободу. Изъ всѣхъ сподвижниковъ императора одинъ только просвѣщенный, благородный генералъ Киселевъ, котораго государь называлъ «начальникомъ штаба по крестьянской части», смотрѣлъ на уничтоженіе крѣпостного права какъ на «святое дѣло» и страстно стремился къ его осуществленію. Киселевъ, по словамъ государя,

[1]) По закону, изданному при императорѣ Николаѣ I, крестьянскій надѣлъ не могъ быть меньше $4^1/_2$ десятинъ.

«питалъ одинаковыя съ нимъ идеи и чувства въ томъ важномъ вопросѣ, котораго не понимали и котораго пугались министры». И дѣйствительно, министры и другіе важные чиновники доказали свою робость при обсужденіи крестьянскаго вопроса: 9 секретныхъ комитетовъ, составленныхъ изъ высшихъ сановниковъ, собирались одинъ за другимъ въ царствованіе императора Николая I для изысканія способовъ ограниченія крѣпостного права, но въ качествѣ памятника своей дѣятельности они оставили лишь груды исписанной бумаги. Въ концѣ концовъ Киселевъ въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ долженъ былъ посвятить свои силы и знанія только государственнымъ крестьянамъ, положеніе которыхъ онъ блестяще улучшилъ, а самъ императоръ Николай I, встревоженный революціонными движеніями, происходившими въ Западной Европѣ, началъ опасаться, что отмѣна крѣпостного права вызоветъ волненія и въ Россіи, и вопреки прежнимъ своимъ взглядамъ сталъ считать ее «преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства».

Итакъ, изъ всего «процесса противъ рабства» произведено было, такъ сказать, лишь «предварительное слѣдствіе», очень мало улучшившее положеніе крѣпостныхъ. Точное опредѣленіе ихъ повинностей посредствомъ инвентарныхъ правилъ сдѣлано было только для Западнаго края [1]); нѣсколько упорядочена была продажа людей (не допускалась, напр., продажа съ раздробленіемъ семействъ или безъ приписки къ землѣ), ограниченъ кругъ лицъ, имѣющихъ право владѣть крѣпостными, дозволено послѣднимъ, съ разрѣшенія господъ, пріобрѣтать недвижимое имущество, опредѣлены закономъ наказанія, налагаемыя помѣщиками на провинившихся крѣпостныхъ; наконецъ, изданъ въ 1842 году указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, сходный съ указомъ о «вольныхъ хлѣбопашцахъ», но имѣвшій еще меньшее практическое значеніе. Сущность этого закона сводилась къ слѣдующему:

«Крестьянамъ предоставляется личная свобода; вся земля сохраняется въ собственности помѣщиковъ, но послѣдніе обязываются выдѣлить въ пользованіе крестьянамъ извѣстные земельные надѣлы,

---

[1]) На крѣпостное право въ Западномъ краѣ обращено было особенное вниманіе потому, что правительство искало здѣсь въ крестьянской массѣ оплота себѣ и противовѣса польскому дворянству. Поэтому генералъ-губернатору юго-западнаго края Бибикову поручено было позаботиться объ урегулированіи крестьянскихъ надѣловъ и повинностей обязательными «инвентарными правилами». Для выработки ихъ были учреждены губернскіе комитеты изъ представителей мѣстной администраціи и выборныхъ отъ дворянства. Однако составленныя ими (для каждаго имѣнія отдѣльно) правила не удовлетворили Бибикова, и онъ предложилъ переработать ихъ сообразно указанной имъ общей нормѣ. Въ такомъ переработанномъ видѣ они и были введены въ дѣйствіе въ 1847 г. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ составленію инвентарей для сѣверо-западнаго края, затянувшемуся, впрочемъ, на долгое время.

которые крестьяне обязаны обрабатывать за опредѣленное вознагражденіе помѣщикамъ. Такимъ образомъ личная свобода крестьянина соединяется съ земельнымъ прикрѣпленіемъ, а право собственности помѣщика на землю ограничивается обязанностью надѣлить крестьянъ». Идея этого закона принадлежитъ Киселеву, сознававшему весь вредъ безземельнаго освобожденія крестьянъ и настаивавшему на томъ, чтобы норма крестьянскаго надѣла и повинностей была опредѣлена законодательнымъ порядкомъ. Однако при приведеніи указаннаго закона въ дѣйствіе именно послѣднее условіе не было выполнено, такъ какъ опредѣленіе размѣра надѣла и повинностей предоставлялось соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами. Кромѣ того, самое примѣненіе «закона объ обязанныхъ крестьянахъ» ставилось въ зависимость отъ желанія помѣщиковъ. Не имѣя, такимъ образомъ, обязательной силы, указъ этотъ утрачивалъ практическое значеніе и дѣлался лишнимъ при существованіи закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ [1]). Несмотря однако на это, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ такъ же, какъ и другія самыя осторожныя мѣры правительства по крестьянскому вопросу (напр., разрѣшеніе крестьянамъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ аукціона), вызывалъ сильную тревогу среди большинства дворянства.

Иначе обстояло дѣло съ казенными—государственными крестьянами, въ измѣненіи быта которыхъ не были заинтересованы помѣщики. Киселевъ не встрѣтилъ тутъ помѣхи со стороны дворянства и смогъ поэтому вывести государственныхъ крестьянъ изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ они находились до его вступленія на постъ министра государственныхъ имуществъ, и преобразовать ихъ управленіе и ихъ хозяйственный бытъ.

Составъ казенныхъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая I былъ очень разнообразенъ: на сѣверѣ Россіи (въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской) къ нимъ принадлежали потомки московскихъ черносошныхъ крестьянъ, на югѣ—потомки мелкихъ служилыхъ людей и однодворцевъ, на западѣ—крестьяне конфискованныхъ правительствомъ польскихъ имѣній, на востокѣ—многочисленные инородцы. Къ казеннымъ причислялись также «крестьяне экономическіе» и «вольные хлѣбопашцы». Общая цифра всѣхъ государственныхъ крестьянъ по переписи 1833 г. превышала 7 мил. душъ, что составляло $^1/_3$ сельскаго населенія Россіи. Положеніе этого многочисленнаго класса было незавиднымъ. Правда, уже съ 1775 г. (со времени «Губернскихъ учрежденій» императрицы Екатерины II) казенные крестьяне имѣли, какъ извѣстно, свой сословный судъ, а при императорѣ Павлѣ I ихъ самоуправленіе получило дальнѣйшее развитіе.

[1]) Главное различіе между этими законами заключалось въ томъ, что вольнымъ хлѣбопашцамъ земля давалась въ «собственность», а обязаннымъ крестьянамъ въ «пользованіе».

Однако высшее завѣдываніе ими находилось въ рукахъ нѣсколькихъ правительственныхъ учрежденій, каждое изъ которыхъ не столько оберегало ихъ интересы, сколько видѣло въ нихъ источникъ казенныхъ доходовъ. Понятно поэтому, что ни юридическое, ни экономическое положеніе государственныхъ крестьянъ не было достаточно обезпечено: до воцаренія императора Александра I они, какъ извѣстно, представляли собою тотъ фондъ, изъ котораго почерпались награды сановникамъ,—сегодня свободные, они могли быть завтра обращены въ крѣпостныхъ, жалуемыхъ кому-нибудь за заслуги. Александръ I прекратилъ, какъ сказано, пожалованія населенныхъ земель. Но экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ не подвергся измѣненіямъ и несовершенства его продолжали существовать: государственные крестьяне страдали отъ крайне неравномѣрнаго распредѣленія земли (въ то время, какъ одни владѣли надѣлами по 20 десятинъ, надѣлы другихъ не превышали 2 и даже 1 десятины), были обременены огромными недоимками, разорялись изъ-за пьянства (которое, какъ видно по числу питейныхъ домовъ, въ ихъ средѣ было развито въ три раза сильнѣе, чѣмъ въ средѣ крѣпостныхъ), были беззащитны отъ злоупотребленій чиновниковъ.

Все это совершенно измѣнилось съ началомъ дѣятельности Киселева. Онъ задался цѣлью реорганизовать управленіе казенными крестьянами, сосредоточивъ общее завѣдываніе ими исключительно въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, задачей котораго было имѣть попеченіе объ ихъ интересахъ (и которому подчинены были: въ губерніи — Палата государственныхъ имуществъ, а въ округѣ—окружной начальникъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставивъ имъ право широкаго самоуправленія. Для цѣлесообразнаго устройства послѣдняго государственные крестьяне распредѣлялись на волости (по 6.000 душъ м. п.), а волости на селенія (по 1.500 д. м. п. въ одной или нѣсколькихъ деревняхъ). Органами волостного самоуправленія были: волостной сходъ (собиравшійся разъ въ три года), избранное имъ волостное правленіе (изъ головы и двухъ засѣдателей); органами сельскаго самоуправленія — сельскій сходъ (въ обыкновенномъ и въ расширенномъ составѣ), сельская расправа (для разбора мелкихъ преступленій и тяжбъ) и выборныя должностныя лица для несенія полицейскихъ, податныхъ и хозяйственныхъ обязанностей.

Киселевъ не ограничился организаціей управленія, а преобразовалъ и самый бытъ крестьянъ. Онъ заботился объ улучшеніи строительной части въ ихъ селеніяхъ, о правильномъ размежеваніи земель, объ устройствѣ вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ и введеніи страхованія, о постройкѣ въ деревняхъ казенныхъ крестьянъ церквей и школъ (въ министерство Киселева въ среднемъ открывалось по 140 училищъ ежегодно — цифра огромная для того времени). Наконецъ, Киселевъ стремился увеличить численность государственныхъ крестьянъ посредствомъ перевода въ ихъ среду кре-

стьянъ другихъ категорій и выкупа крѣпостныхъ. Благодѣтельныя для крестьянъ, мѣры Киселева приносили огромную пользу и для государства, умножая его доходы.

§ 87. Экономическая политика.

Государственные доходы къ концу царствованія императора Николая I превышали четверть милліарда рублей въ годъ. Однако и такой огромной суммы, почти половина которой расходовалась на военныя нужды, не хватало на удовлетвореніе всѣхъ государственныхъ потребностей, и правительству для увеличенія своихъ средствъ приходилось прибѣгать къ цѣлому ряду мѣръ какъ вспомогательныхъ, такъ и коренныхъ. Къ числу первыхъ относились: 1) увеличеніе существующихъ и установленіе новыхъ налоговъ, 2) внѣшніе займы и 3) внутренніе займы, состоявшіе въ выпускѣ бумажныхъ денегъ. Коренною мѣрою для поднятія народнаго благосостоянія и увеличенія доходовъ было развитіе торговли и промышленности, процвѣтанію которыхъ однако сильно препятствовало, какъ упомянуто выше, крѣпостное право.

Изъ налоговъ особенное значеніе при императорѣ Николаѣ I получили косвенные, напр., на соль, на табакъ, сахаръ, вино, а также таможенныя пошлины. Не мало получало правительство и отъ почтоваго и телеграфнаго дѣла.

Внѣшніе займы, къ которымъ приходилось обращаться для покрытія огромныхъ расходовъ, связанныхъ съ частыми войнами, были затруднительны въ томъ отношеніи, что они требовали большихъ затратъ на уплату процентовъ и на погашеніе долга. Поэтому правительство не могло обходиться безъ внутреннихъ займовъ, т. е. выпуска ассигнацій. Неумѣренный выпускъ ихъ, начавшійся при Екатеринѣ II и усилившійся при Александрѣ I, приводилъ къ тому, что ассигнаціонный рубль падалъ въ цѣнѣ съ невѣроятной быстротой, и ко времени вступленія на престолъ императора Николая I равнялся 25—20 коп. серебромъ, при чемъ и это отношеніе постоянно колебалось. Любопытно, что даже въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но при разныхъ денежныхъ сдѣлкахъ ассигнаціонный рубль цѣнился неодинаково. Колебанія цѣнъ ассигнацій представляли огромныя неудобства и для казны и для населенія, напр., при уплатахъ по долговымъ обязательствамъ. На это было обращено особенное вниманіе при Николаѣ I, и его министръ финансовъ талантливый гр. Канкринъ задался цѣлью провести денежную реформу, сущность которой заключалась въ уравненіи цѣнности металлическихъ и бумажныхъ денегъ. Для этого онъ прежде всего постарался, посредствомъ цѣлаго ряда постепенныхъ мѣръ, установить неизмѣнное отношеніе между серебрянымъ и ассигнаціоннымъ рублемъ,—именно, въ 1839 г.

серебряный рубль приравненъ былъ $3^1/_2$ ассигнаціоннымъ; затѣмъ онъ накопилъ достаточный металлическій фондъ (посредствомъ особой операціи, которая заключалась въ томъ, что держателямъ звонкой монеты предлагалось вносить ее въ «сохранную кассу», получая взамѣнъ такъ называемые «депозитные» билеты) и, наконецъ, въ 1843 г. выпустилъ кредитные билеты, обращавшiеся наравнѣ съ серебромъ, т. е. размѣниваемые на серебро соотвѣтственно означенной на нихъ цѣнѣ (рубль за рубль). Ассигнаціи были изъяты изъ обращенія, и рубль сдѣлался устойчивой, твердой денежной единицей, имѣющей одинаковую ходовую стоимость и въ видѣ звонкой монеты и въ видѣ «кредитки».

Реформа Канкрина могла быть осуществлена, какъ видно, только благодаря металлическому фонду [1]). Накопленію же послѣдняго въ значительной степени способствовали правительственныя мѣры, направленныя къ развитію торговли и промышленности. При существованіи крѣпостного права экономическая жизнь страны могла развиваться лишь при примѣненіи покровительственной системы. Поэтому правительство отказалось отъ практиковавшейся въ теченіе нѣкотораго времени при Александрѣ I политики свободной торговли и промышленности (замѣнившей крайне невыгодную для Россіи континентальную систему) и обратилось къ протекціонизму. Путемъ увеличенія таможенныхъ пошлинъ оно добилось превышенія вывоза надъ ввозомъ.

Главнымъ предметомъ вывоза былъ хлѣбъ (въ царствованіе Николая I его вывозили на 70 мил. рублей). Въ меньшемъ количествѣ вывозились предметы русской промышленности, на качествѣ которыхъ, какъ упомянуто, неблагопріятно сказывался крѣпостной трудъ, вслѣдствіе чего промышленники стали замѣнять его вольнонаемнымъ. Изъ фабричныхъ производствъ наибольшаго развитія достигло хлопчато-бумажное, отчасти суконное; хорошо было развито также свеклосахарное.

Успѣхамъ торговли и промышленности въ значительной степени вредило плохое состояніе путей сообщенія (внутренняя торговля получала вслѣдствіе этого ярмарочный характеръ). Поэтому при императорѣ Николаѣ I принимались мѣры для улучшенія ихъ, и проведеніемъ сперва Царскосельской, а затѣмъ Николаевской желѣзной дороги положено было начало желѣзнодорожному дѣлу.

Наконецъ, для подготовки свѣдущихъ въ дѣлахъ промышленности лицъ устроено было нѣсколько техническихъ учебныхъ заведеній, какъ, напр., Технологическій институтъ.

---

[1]) Металлическій фондъ равнялся одной шестой части выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Этого было достаточно для размѣна послѣднихъ, такъ какъ нельзя было предположить, чтобы всѣ держатели кредитокъ сразу потребовали ихъ размѣна на серебро.

§ 88. Народное просвѣщеніе.

Впрочемъ, особенное вниманіе удѣляло правительство императора Николая I не техническимъ, а военнымъ учебнымъ заведеніямъ, число которыхъ было увеличено двумя академіями и нѣсколькими кадетскими корпусами. Военный характеръ приданъ былъ и нѣкоторымъ гражданскимъ вѣдомствамъ (напр., лѣсному, горному, путей сообщенія и т. д.) съ ихъ просвѣтительными заведеніями. Изъ вновь основанныхъ школъ, какъ высшихъ, такъ и среднихъ, необходимо упомянуть университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ (взамѣнъ закрытаго Виленскаго), училища: Правовѣдѣнія и Строительное, институты: Технологическій, Главный Педагогическій, Константиновскій Межевой (въ Москвѣ) и нѣсколько женскихъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Очень важной мѣрой было принятіе на казенный счетъ содержанія уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ раньше исключительно на мѣстныя средства.

Изданный въ 1828 г. «уставъ гимназій и училищъ, уѣздныхъ и приходскихъ» вмѣнялъ учебнымъ заведеніямъ въ обязанность способствовать нравственному воспитанію дѣтей, противодѣйствовать «своевольству мыслей, роскоши полупознаній, порыву въ мечтательныя крайности». Для достиженія этого предполагалось расположить ученіе въ каждомъ изъ заведеній такимъ образомъ, чтобы оно могло давать окончательное образованіе тому классу людей, для котораго оно преимущественно предназначается, а именно—приходскія школы—для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя (съ трехлѣтнимъ курсомъ) — для купечества и дворянъ, гимназіи (съ семилѣтнимъ курсомъ) — для дворянъ, не лишая, впрочемъ и другія состоянія права поступать въ нихъ. Въ основу воспитанія, по мысли министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, должны были полагаться слѣдующія начала: «православіе, самодержавіе и народность». Изъ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ предметовъ на первомъ планѣ стояли древніе языки и математика. При нѣсколькихъ гимназіяхъ учреждены были благородные дворянскіе пансіоны; нѣкоторые изъ нихъ превратились впослѣдствіи въ дворянскіе институты съ сокращенной программой.

Въ 1835 г. изданъ былъ новый университетскій уставъ, ограничивавшій автономію, дарованную университетамъ въ началѣ царствованія императора Александра I. Должность ректора оставалась еще выборной, но его права были нѣсколько сокращены; университетскій судъ пересталъ существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилена была власть попечителя учебнаго округа, въ зависимость отъ котораго ставилась университетская инспекція, обязанная поддерживать строгую дисциплину среди студентовъ. Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ событій 1848 года былъ принятъ рядъ

новыхъ мѣръ для уничтоженія остатковъ автономіи (ректоръ сталъ назначаться правительственною властью) и для ограниченія свободы преподаванія (каждый лекторъ обязанъ былъ представлять заблаговременно точныя программы своихъ лекцій съ указаніемъ тѣхъ сочиненій, на которыя онъ намѣренъ ссылаться, при чемъ «въ содержаніи программы не должно скрываться ничего, несогласнаго съ ученіемъ православной Церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій»; запрещено было касаться на лекціяхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками; преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ, напр. государственнаго права и философіи, вовсе упразднялось; чтеніе логики и психологіи поручалось только духовнымъ лицамъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ еще до 1848 г. правительство издало нѣсколько распоряженій съ цѣлью предотвратить переполненіе университетовъ. Такъ напр., «для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій» рѣшено было повысить плату за ученіе, а затѣмъ установленъ былъ комплектъ студентовъ для каждаго университета.

Стремленіе молодежи къ высшему образованію (не наблюдавшееся, какъ мы знаемъ, въ царствованіе Александра I) объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ 40-хъ годахъ въ русскихъ университетахъ (особенно въ Московскомъ) подвизались выдающіяся ученыя силы. Многія изъ нихъ были питомцами университетовъ Александровскаго времени, побывавшими за границей для довершенія своего образованія и для приготовленія къ профессорскому званію. Оттуда они принесли въ Россію западно-европейскую науку и философію. Поэтому, наряду съ изученіемъ точныхъ наукъ, преподававшихся такими свѣтилами, какъ ботаникъ Фишеръ, отецъ хирургіи Пироговъ, и съ глубокимъ интересомъ къ исторіи, возбужденнымъ блестящимъ московскимъ профессоромъ Грановскимъ, лекціи котораго составили какъ бы цѣлую эпоху въ исторіи русской общественной мысли, наблюдалось также, какъ увидимъ, необыкновенное увлеченіе нѣмецкой философіей и примѣненіемъ ея началъ къ оцѣнкѣ русской дѣйствительности. Однако строгости, вызванныя событіями 1848 года, очень неблагопріятно повліяли и на русскую науку, и на русскую литературу, на поприщѣ которой выступали тогда какъ разъ величайшіе писатели (Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій и др.). По словамъ современниковъ, наступила эпоха цензурнаго террора, не допускавшаго ничего, въ чемъ слышался хотя бы слабый намекъ на критику существующаго строя. А между тѣмъ въ современномъ обществѣ наряду съ приверженцами этого строя находились также рѣзкіе критики его.

§ 89. Общественное настроеніе въ эпоху императора Николая I.

Консервативный націонализмъ.

Общественное настроеніе Николаевской эпохи подготовлено было предшествующимъ временемъ. Последніе годы царствованія Александра I характеризовались, какъ сказано, развитіемъ націонализма, принявшаго два направленія—консервативное и либеральное—мистицизмомъ и интересомъ къ политическимъ вопросамъ. Консервативный націонализмъ въ духѣ Карамзина ярко проявлялся и въ эпоху Николая I. Его горячимъ проводникомъ былъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ. Онъ видѣлъ «послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества» въ тройственной формулѣ: «православіе, самодержавіе и народность», горячо отстаивалъ неприкосновенность существующаго строя во всемъ его объемѣ и считалъ необходимымъ оградить русское общество «умственными плотинами» отъ заноса западно-европейскихъ идей, къ которымъ онъ относился съ большимъ предубѣжденіемъ. Взгляды Уварова нашли горячихъ защитниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ журналистовъ (сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Маяка», «Москвитянина» и др.), ученыхъ (Погодина, Шевырева, Морошкина, Сахарова) и писателей (Загоскина, Даля, Кукольника, отчасти Жуковскаго, кн. Вяземскаго и даже Гоголя, который въ нѣкоторыхъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ идеализируетъ современный ему бюрократическій строй и оправдываетъ крѣпостное право).

Увлеченіе философіей.

Однако чрезмѣрная идеализація современности и нападки на Западъ, который, по словамъ консерваторовъ, «носитъ въ себѣ злой, заразительный недугъ и уже пахнетъ будущимъ трупомъ», вызвали рѣзкія возраженія со стороны другихъ представителей общества, принадлежавшихъ преимущественно къ молодому поколѣнію Николаевскаго времени. Это молодое поколѣніе получало образованіе въ Московскомъ университетѣ, довершало его въ научныхъ кружкахъ и высказывало свои взгляды въ либеральныхъ журналахъ («Телескопѣ», «Московскомъ Телеграфѣ», а позже въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ»). Роль Московскаго университета въ 30-хъ и 40-хъ гг. была огромной: здѣсь проходили въ это время курсъ такіе выдающіеся люди, какъ Бѣлинскій, Станкевичъ, Лермонтовъ, Герценъ, Огаревъ, Гончаровъ, Буслаевъ и др.; происходя изъ разныхъ сословій, питомцы Московскаго университета претворялись въ русскую интеллигенцію, чуждую сословныхъ предразсудковъ, объединенную общими взглядами и горячимъ стремленіемъ къ чистому знанію. Особенно увлекались они изученіемъ нѣмецкой идеалистической философіи—системами Гегеля, Шеллинга, отчасти Канта (системы эти называются идеалистическими потому, что на окружающій насъ міръ они смотрятъ какъ на ту

форму, въ которой воплощаются абсолютный духъ и отвлеченныя идеи, или же считаютъ его продуктомъ нашего сознанія, — нашимъ представленіемъ; Бѣлинскій, напр., такими словами передавалъ ученіе Шеллинга о мірѣ: «этотъ міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой, вѣчной идеи, проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи»; ученіе Гегеля онъ толковалъ такъ: «мировая жизнь есть выполненіе единаго плана, продуктъ дѣятельности абсолюта; абсолютъ—міровой разумъ, идея—высшая реальность; все частное и индивидуальное не имѣетъ самодовлѣющей цѣнности, являясь внѣшней и случайной оболочкой общаго, призрачной дѣйствительностью»; поэтому «все разумное — дѣйствительно и все дѣйствительное — разумно»). Увлеченіе нѣмецкой философіей замѣнило до извѣстной степени прежній мистицизмъ: въ Германіи Бѣлинскій видѣлъ «Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества». Изученіе философіи не ограничивалось стѣнами Московскаго университета: еще болѣе горячія разсужденія на отвлеченныя темы велись въ кружкахъ самообразованія, самымъ замѣчательнымъ изъ которыхъ былъ кружокъ, собиравшійся у молодого, пылкаго, обаятельнаго идеалиста Станкевича. По словамъ историка литературы (Сакулина), «личность Станкевича производила чарующее впечатлѣніе своей высокой одухотворенностью, красотою внутренняго міра, носившаго на себѣ печать какой-то непорочной чистоты». Въ этихъ кружкахъ «отвлеченнѣйшій вопросъ отвлеченной философіи такъ близко принимался къ сердцу, что люди, искренно любившіе и уважавшіе другъ-друга, ссорились и не сходились по цѣлымъ недѣлямъ, не согласившись между собой по поводу «абсолютной личности» или тому подобнаго. Мысль непрестанно витала въ мірѣ абстракцій, и во всемъ искала проявленія мірового абсолюта»...

Западничество.

Преклоненіе передъ философіей и культурой Германіи породило въ сороковыхъ годахъ особое направленіе, извѣстное подъ названіемъ «западничества». Западники, наиболѣе яркими представителями которыхъ были—критикъ Бѣлинскій, историкъ Грановскій, писатель Герценъ-Искандеръ (эмигрировавшій въ 1847 г. за границу), горячо любя свой народъ, признавали однако превосходство западно-европейской культуры, прославляли Петра за пріобщеніе къ ней «азіатской» Россіи и горячо нападали на стремленіе къ національной обособленности. Политическія воззрѣнія западниковъ были очень сходны со взглядами декабристовъ (отстаиваніе свободы личности, слова, совѣсти, требованіе равенства всѣхъ передъ закономъ, мечты о конституціонной формѣ правленія и т. д.) Впрочемъ, западники занимались не столько политическими, сколько общественными, соціальными вопросами; на первый планъ они ставили отмѣну крѣпостного права и постепенное осуществленіе тѣхъ общественныхъ преобразованій, за которыя ратовало новое, распространявшееся въ это время въ за-

падно-европейской литературѣ ученіе, извѣстное подъ названіемъ соціализма (соціализмъ, родоначальниками котораго можно считать Сенъ-Симона, Оуэна, Фурье и др., обращалъ особенное вниманіе на бѣдственное положеніе неимущаго класса рабочихъ—такъ называемыхъ пролетаріевъ, — видѣлъ главный источникъ ихъ бѣдствій въ томъ, что орудія производства—земля и фабричныя машины—находятся въ рукахъ частныхъ лицъ—капиталистовъ, эксплоатирующихъ пролетаріатъ, и стремился къ тому, чтобы эти орудія сдѣлались общественнымъ достояніемъ, и чтобы промышленныя предпріятія велись не капиталистами, а союзами самихъ же рабочихъ). Особенно увлекались соціализмомъ Герценъ и Бѣлинскій, а впослѣдствіи и цѣлый кружокъ лицъ, собиравшихся у Буташевича-Петрашевскаго и получившихъ поэтому названіе «петрашевцевъ». Къ этому кружку принадлежали между прочимъ Плещеевъ и Достоевскій. Въ концѣ царствованія Николая I «петрашевцы» подверглись жестокимъ карамъ: они были приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь или разжалованы въ солдаты, хотя само правительство усмотрѣло въ ихъ дѣлѣ только «заговоръ идей». Дѣйствительно, лишь очень немногіе изъ русскихъ соціалистовъ рѣшались перейти отъ слова къ дѣлу, да и то не у себя на родинѣ, а за границей (къ ихъ числу нужно отнести Бакунина, принимавшаго дѣятельное участіе въ германской революціи 1848 г.). Даже самая выработка западническихъ идей досталась многимъ не безъ упорной борьбы. Такъ, напр., Бѣлинскій подъ вліяніемъ гегелевскаго положенія: «все существующее—разумно», которое онъ понималъ въ упрощенномъ неточномъ смыслѣ, проповѣдывалъ первоначально примиреніе съ русской дѣйствительностью, старался находить ее прекрасною, долго увѣряя себя, что «Россія безъ всякой политики можетъ сдѣлаться счастливѣйшей страной въ мірѣ», и лишь постепенно выстрадалъ отреченіе отъ такого взгляда [1]).

---

[1]) Еще мрачнѣе, чѣмъ западники, смотрѣлъ на русское прошлое гвардейскій офицеръ Чаадаевъ. Взгляды свои онъ выработалъ самостоятельно, особнякомъ, а не подъ вліяніемъ какихъ-либо кружковъ. Еще въ 20-хъ годахъ онъ увлекся мистикой, а затѣмъ католицизмомъ и призналъ въ послѣднемъ «мощнаго и вѣрнаго хранителя началъ христіанства и христіанской цивилизаціи». Россія, не знавшая католицизма, представлялась ему совсѣмъ нецивилизованной страной. По словамъ историка (Корнилова) «онъ считалъ Россію какимъ-то межеумкомъ, не примкнувшимъ ни къ западу, ни къ востоку, не имѣющимъ ни великихъ традицій, ни мощной религіозной основы въ своемъ развитіи». Одинъ только Петръ Великій, «отрекшійся отъ древней Россіи передъ лицомъ цѣлаго міра», привлекалъ Чаадаева. Свои безотрадныя и пристрастныя наблюденія Чаадаевъ изложилъ въ «философическомъ письмѣ», которое въ 1836 году было напечатано въ «Телескопѣ». Это письмо въ самыхъ черныхъ краскахъ изображаетъ русское прошлое.

«Нѣтъ въ памяти, пишетъ Чаадаевъ, чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое,—вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равно-

Славянофильство.

Одновременно съ западничествомъ и изъ одного съ нимъ корня — увлеченія идеалистической философіей — развивалось въ сороковыхъ годахъ другое направленіе, которое называется «славянофильствомъ», такъ какъ оно признавало самостоятельность, «самобытность» славянской культуры, расцвѣтъ ея видѣло въ Московской Руси XVII вѣка и рѣзко осуждало Петра Великаго за то, что онъ своей реформой нарушилъ будто бы естественное теченіе русской жизни, привилъ ей чуждыя западныя начала. Славянофилы, вождями которыхъ были братья Кирѣевскіе, Хомяковъ, братья Аксаковы, Ю. Самаринъ, и занялись выясненіемъ самобытныхъ началъ, характерныхъ чертъ русскаго «народнаго духа», противопоставляя ихъ основамъ западно-европейской культуры. Русскими началами, по мнѣнію славянофиловъ, были слѣдующія: 1) православіе, проникавшее всю древне-русскую жизнь и образованность и рѣзко отличавшееся отъ католицизма, который сталъ во враждебныя отношенія къ наукѣ, 2) единеніе власти и народа, объясняющееся тѣмъ, что русское государство основано было не завоеваніемъ, какъ западныя, а добровольнымъ призваніемъ князей (признавая не вражду, а миръ и согласіе началомъ русскаго государства, славянофилы считали, что на Руси исключена возможность борьбы народа съ властью, междоусобныхъ раздоровъ, революцій и т. д., и находили ненужными какія-либо политическія гарантіи: по словамъ одного поэта, «нашей правды идеалъ не влѣзаетъ въ формы узкія юридическихъ началъ»), 3) «внутренняя правда» древне-русскаго права, которую можно противопоставить западно-европейской внѣшней и формальной справедливости, 4) сплоченность древне-русскаго общества, чуждаго классовой борьбы, и преобладаніе «хорового», «общиннаго» начала надъ личнымъ; личность, игравшая такую важную роль на Западѣ, тонула на Руси въ народной массѣ. Эти начала, искаженныя Петромъ, сохранились, по словамъ славянофиловъ, только въ простомъ народѣ, къ сліянію съ которымъ они и звали своихъ единомышленниковъ. Благоговѣя передъ стариной, утверждая, что русская исторія можетъ читаться, какъ «житія святыхъ», славянофилы пророчили Россіи великое будущее, ставя ей задачей объединить вокругъ себя всѣхъ славянъ и вдохнуть новую жизнь въ дряхлѣющій Западъ. Историкъ (проф. Ключевскій) такими словами выражаетъ взглядъ славянофиловъ на Западную и на Восточную Европу: «усѣянная монументами Западная Европа—обширное кладбище, гдѣ подъ нарядными мраморными памятниками спятъ великіе покойники минувшаго; лѣсная и степная Россія—неопрятная деревенская люлька, гдѣ безпокойно возится и безпомощно кричитъ міровое будущее».

души ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго».— Чаадаевъ жестоко поплатился за свое письмо: правительство оффиціально объявило его сумасшедшимъ. Журналъ «Телескопъ» былъ закрытъ.

Какъ видно изъ изложеннаго, теоретическія разсужденія западниковъ и славянофиловъ были различными и даже противоположными, однако ихъ объединяло недовольство современными порядками, осужденіе ихъ темныхъ сторонъ и стремленіе къ кореннымъ реформамъ. По словамъ современника, западники и славянофилы, «какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно». Вотъ почему правительство считало славянофиловъ не менѣе неблагонадежными, чѣмъ западниковъ, и не меньшимъ стѣсненіямъ подвергало ихъ литературныя произведенія (напр., издаваемый ими «Московскій сборникъ»). Вотъ почему также невозможно отождествлять славянофиловъ съ упомянутыми выше консервативными націоналистами, такъ называемыми представителями «оффиціальной народности», хотя и тѣ и другіе проповѣдывали принципы «православія, самодержавія и народности». «Оффиціальная народность» выводила эти принципы изъ современности и видѣла въ нихъ оплотъ послѣдней. Напротивъ, славянофильство выводило ихъ изъ московскаго прошлаго и смотрѣло на нихъ, какъ на стимулъ къ преобразованію настоящаго. Далѣе, въ самую тройственную формулу славянофилы влагали совсѣмъ иное содержаніе, чѣмъ консерваторы. Такъ, самодержавія они не отождествляли съ бюрократическимъ порядкомъ, установленнымъ Петромъ Великимъ и особенно развившимся при императорѣ Николаѣ I; напротивъ, они мечтали о земскихъ соборахъ, при которыхъ «правительству принадлежитъ сила власти, землѣ—сила мнѣнія». Равнымъ образомъ начало «народности» они не могли примирить съ существованіемъ крѣпостного права. Наконецъ, считая православіе основой всей русской культуры, они далеко не всегда сочувствовали церковной политикѣ правительства.

§ 90. Церковная политика.

На церковную политику царствованія императора Николая I большое вліяніе оказывалъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Протасовъ, стремившійся подчинить Синодъ своей власти и проявлявшій большую нетерпимость къ расколу. Занявшись изученіемъ русскаго сектантства, онъ раздѣлилъ всѣ существующія въ Россіи секты на три группы: вреднѣйшія, вредныя и менѣе вредныя. Къ «вреднѣйшимъ» были причислены нѣкоторые безпоповщинскіе толки, «менѣе вредной» признана была поповщина. Для надзора за раскольниками учреждены были въ губерніяхъ особые комитеты, состоявшіе изъ епархіальнаго архіерея, губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и жандармскаго штабъ-офицера, и имѣвшіе своею цѣлью «соединить духъ терпимости съ необходимыми мѣрами строгости». Послѣднія очень скоро возобладали надъ терпимостью. Всевозможныя ограниченія окутали всю жизнь раскольниковъ—и

общественную, и частную, и религіозную. Они лишились права занимать общественныя должности, выступать свидѣтелями противъ православныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, пріобрѣтать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недвижимое имущество, отлучаться изъ мѣстъ своего жительства, поступать въ учебныя заведенія, принимать на воспитаніе въ свои семьи православныхъ дѣтей (за православною прислугою раскольниковъ устанавливался особый надзоръ, а православнымъ рекомендовалось не давать раскольникамъ отвѣтственныхъ мѣстъ на частной службѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались самыя строгія мѣры противъ «бѣглыхъ поповъ», результатомъ чего было полное оскудѣніе священниковъ у раскольниковъ. «Десятками паръ, говоритъ историкъ, приходилось вѣнчать браки: сотнями, хоромъ производилась исповѣдь по списку грѣховъ... отпѣвать приходилось тысячами и десятками тысячъ иногда полгода и годъ спустя послѣ похоронъ». Однако всѣ эти мѣры строгости не привели къ желаннымъ результатамъ: лишь какихъ-нибудь 2—3 процента раскольниковъ обратилось въ единовѣріе, а отвѣтомъ на преслѣдованіе бѣглыхъ поповъ было учрежденіе правильной старообрядческой іерархіи. Именно, раскольничьи поиски «древле-православнаго епископа» въ 1846 г. увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ. Однако онъ появился сперва не въ Россіи, а въ австрійской раскольничьей колоніи «Бѣлой Криницѣ» (въ Буковинѣ): для этого мѣстечка удалось найти архіерея изъ константинопольскихъ безъ-епархныхъ епископовъ, который согласился на «перемазываніе» (т. е. вторичное міропомазаніе). Это былъ Амвросій. Хотя, по настоянію русскаго правительства, его скоро удалили, однако онъ успѣлъ назначить себѣ преемникомъ «митрополита» Кирилла, который и озаботился поставленіемъ архіереевъ для русскихъ раскольниковъ.

Болѣе успѣшно боролось правительство Николая Павловича съ католическимъ вліяніемъ. Важнѣйшей мѣрой въ этомъ отношеніи была отмѣна въ 1839 г. церковной уніи въ Юго-западномъ краѣ, которая, какъ извѣстно, была введена насильственнымъ образомъ на Брестскомъ соборѣ 1596 г. Императоръ Николай I уже съ начала своего царствованія принималъ мѣры для сближенія уніатовъ съ православными, учредивъ, напримѣръ, для этой цѣли особую греко-уніатскую академію. Особенно много содѣйствовалъ этому епископъ Іосифъ Сѣмашко. Благодаря его дѣятельности возсоединеніе уніатовъ съ Православной Церковью было подготовлено, и въ 1839 г., по ходатайству западно-русскаго духовенства, унія была признана уничтоженной. (Она сохранилась до 1875 г. только въ Холмской епархіи). Однимъ изъ побужденій къ ея уничтоженію было польское возстаніе. Вліяніе этого возстанія сказалось не только во внутренней, но и во внѣшней политикѣ императора Николая I.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Внѣшняя политика императора Николая I.

§ 91. Принципы ея.

Въ основѣ внѣшней политики императора Николая I лежали два принципа: 1) поддержаніе идей Священнаго союза и постановленій Вѣнскаго конгресса и охраненіе западно-европейскихъ государствъ отъ революціонныхъ движеній — принципъ, завѣщанный государю его ближайшимъ предшественникомъ (императоръ Николай I выражалъ этотъ принципъ слѣдующими словами: «поддерживать власть вездѣ, гдѣ она существуетъ, подкрѣплять ее тамъ, гдѣ она слабѣетъ, и защищать ее тамъ, гдѣ на нее открыто нападаютъ»); 2) утвержденіе русскаго вліянія въ восточномъ вопросѣ, т.-е. поддержаніе рѣшающей роли Россіи въ дѣлахъ, касающихся Турціи и Персіи — принципъ, завѣщанный государю предшествующей русской исторіей, начиная съ Петра Великаго. Слѣдствія этихъ двухъ принциповъ, какъ сейчасъ увидимъ, приходили въ постоянныя столкновенія и противорѣчія, до крайности осложняя внѣшнюю политику. Подчиняясь первому принципу, императоръ Николай I въ выборѣ союзниковъ долженъ былъ руководиться не столько реальными русскими интересами, сколько отвлеченными теоріями. I. Во имя его онъ отчуждался отъ Франціи, такъ какъ въ ея исторіи наиболѣе нарушались постановленія Вѣнскаго конгресса. А между тѣмъ Франція менѣе другихъ великихъ державъ была заинтересована въ восточномъ вопросѣ и не имѣла никакихъ реальныхъ основаній для соперничества съ Россіей. II. Для сближенія Англіи съ Священнымъ союзомъ государь дѣлалъ ей извѣстныя уступки въ восточномъ вопросѣ. III. Онъ неизмѣнно и ревностно, не щадя даже самолюбія Пруссіи (съ королемъ которой онъ былъ въ родствѣ: онъ былъ женатъ на дочери Фридриха Вильгельма III—Александрѣ Ѳеодоровнѣ), покровительствовалъ Австріи, такъ какъ она представлялась ему главнымъ оплотомъ Священнаго союза и привлекала его своимъ консервативнымъ образомъ правленія (еще императоръ Александръ I высказался, что «австрійская и русская арміи—большія дивизіи великой арміи порядка»). Между тѣмъ Австрія служила главнымъ тормазомъ при усиленіи русскаго вліянія въ восточномъ вопросѣ и всѣми силами противодѣйствовала каждому шагу русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ дѣлахъ котораго она естественно была заинтересована больше всѣхъ западно-европейскихъ государствъ.

Всмотримся подробнѣе въ указанныя слѣдствія перваго принципа внѣшней политики императора Николая I. Со времени Іюльской революціи, государь, по словамъ историка (Татищева), стремился со-

вершенно изолировать Францію въ Европѣ (т.-е. лишить ее всѣхъ союзниковъ). События 1830 года представлялись Николаю I самымъ грубымъ нарушеніемъ постановленій Вѣнскаго конгресса, и онъ сгоряча сказалъ французскому послу, что «никогда не сможетъ признать того, что произошло во Франціи, что республика не болѣе ненавистна и незаконна въ его глазахъ, чѣмъ монархія Людовика-Филиппа». Не получивъ возможности (вслѣдствіе польскаго возстанія 1830 г.) вмѣшаться вооруженнымъ образомъ въ событія Іюльской революціи, Николай Павловичъ выказывалъ свое недовольство ими дипломатическимъ путемъ: онъ ни разу не упомянулъ имени Людовика-Филиппа въ разговорахъ съ французскими послами и проявлялъ къ нимъ большую холодность; къ тому же дипломатическія сношенія между петербургскимъ и парижскимъ дворами нерѣдко вовсе прерывались, хотя Людовикъ-Филиппъ въ началѣ своего царствованія дѣлалъ не мало усилій снискать расположеніе русскаго императора. Не менѣе несочувственно относился государь и къ Наполеону III, отказавшись титуловать его въ дипломатической перепискѣ своимъ «братомъ» (вмѣсто этого употреблялось обращеніе: «любезный другъ»—«cher ami»). Все это побудило французскую дипломатію искать сближенія съ Испаніей, Португаліей и Англіей, отношенія которой къ Россіи подвергались частымъ колебаніямъ, а въ долговременное министерство Пальмерстона были даже непріязненными, несмотря на неоднократныя попытки Николая I привлечь ее въ союзъ монархическихъ государствъ, т.-е. Россіи, Австріи и Пруссіи. Къ послѣдней государь относился очень дружелюбно, но своимъ стремленіемъ поддержать ея консервативный строй онъ возбудилъ противъ себя либеральные круги прусскаго общества, а, вмѣшавшись въ споръ Австріи и Пруссіи изъ-за главенства въ Германіи и принявъ въ немъ вполнѣ опредѣленно сторону первой, вызвалъ охлажденіе къ себѣ и со стороны прусскаго правительства. Австріи государь, какъ сказано, неизмѣнно покровительствовалъ: онъ не только субсидировалъ ее деньгами и вызволялъ изъ тяжкихъ дипломатическихъ затрудненій, но въ полномъ смыслѣ спасъ ее, усмиривъ въ 1849 г. своими войсками (подъ начальствомъ Паскевича) опасное венгерское возстаніе. Австрія, по словамъ историка (Татищева), «искусно воспользовалась своимъ положеніемъ: она сдѣлала изъ Священнаго союза щитъ для себя со стороны Запада и средство для стѣсненія свободы дѣйствій Россіи на Востокѣ».

Придерживаясь эгоистической политики (выраженной слѣдующими словами Меттерниха: «Я иду съ Россіею, потому что Россія идетъ со мною»), Австрійская имперія извлекла все, что только было возможно, изъ щедраго покровительства Николая Павловича, а затѣмъ «удивила міръ своею неблагодарностью» (выражаясь словами преемника Меттерниха—Шварценберга), когда Россія, какъ увидимъ, сдѣлала рѣшительное выступленіе въ восточномъ вопросѣ.

Въ своей восточной политикѣ Николай I стремился: 1) Къ покровительству христіанскимъ подданнымъ Турціи.—Съ этою цѣлью онъ, какъ будетъ сказано ниже, принялъ участіе въ войнѣ за независимость Греціи; во имя этого же онъ отстаивалъ права православныхъ въ Палестинѣ, что послужило, какъ увидимъ, послѣднимъ поводомъ къ Восточной или Крымской войнѣ. — 2) Къ усиленію своего политическаго вліянія въ Турціи. Послѣдняго онъ добился, нанеся ей цѣлый рядъ пораженій въ войнѣ за освобожденіе Греціи, а затѣмъ заключивъ въ 1833 г. договоръ съ султаномъ въ Ункіаръ-Скелесси; по этому договору султанъ, въ награду за помощь, оказанную ему Россіей во время возстанія египетскаго паши Магомета-Али, обязался закрыть турецкіе проливы для иностранныхъ военныхъ судовъ, чѣмъ обезпечивалось господство Россіи на Черномъ морѣ. Однако упомянутый выше первый принципъ внѣшней политики помѣшалъ Николаю Павловичу извлечь всѣ выгоды изъ создавшагося положенія: приверженность къ постановленіямъ Вѣнскаго конгресса побуждала его охранять существованіе Турціи цѣною охлажденія къ Россіи христіанскихъ странъ Балканскаго полуострова (въ особенности только что провозгласившей свою независимость Греціи), а желаніе поддержать Священный союзъ было причиной того, что государь дѣлился своимъ вліяніемъ въ восточномъ вопросѣ съ другими великими державами. Такъ, заключая договоръ въ Ункіаръ-Скелесси, онъ «вслѣдствіе искренняго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость Турціи обѣщалъ въ случаѣ надобности предоставить въ ея распоряженіе необходимое количество сухопутныхъ и морскихъ силъ»; и дѣйствительно, онъ охранялъ неприкосновенность турецкихъ владѣній и военной помощью (оказанною при возстаніяхъ Магомета-Али) и дипломатическимъ путемъ (онъ уговорился, напр., съ англійскимъ правительствомъ «искать продлить существованіе Оттоманской Имперіи въ ея настоящемъ положеніи, доколѣ эта политическая комбинація окажется возможной»). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соглашался (на лондонской конференціи 1840 г.) на пересмотръ прежнихъ своихъ договоровъ съ султаномъ (въ томъ числѣ и Ункіаръ-Скелесскаго) и на установленіе надъ Турціей, вмѣсто протектората одной Россіи, общаго протектората 5 великихъ державъ, обезпечивающаго неприкосновенность ея владѣній и права ея христіанскихъ подданныхъ. Даже, придя во вторую половину своего царствованія къ убѣжденію, что Турція разрушается и дни ея сочтены», и считая необходимымъ подумать о наслѣдіи этого «больного человѣка», императоръ Николай I не выказывалъ своекорыстныхъ побужденій, предоставляя обсужденіе этого вопроса и другимъ державамъ.

Очень характерны переговоры государя съ англійскими дипломатами по этому поводу. «Турція умираетъ, сказалъ онъ; сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умретъ, не умереть ей нельзя. Это будетъ критическая минута. Я

не хочу единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы одинъ вершокъ». Въ заключеніе императоръ рѣшилъ на случай неминуемаго разрушенія Турціи войти въ предварительное соглашеніе съ англійскимъ кабинетомъ «относительно новаго порядка вещей, имѣющаго замѣнить нынѣ существующій».

Сложная внѣшняя политика императора Николая I, основанная на двухъ вышеуказанныхъ принципахъ, привела въ концѣ концовъ къ клубку противорѣчій: слишкомъ трудно было сочетать дружбу съ Австріей и рѣшающую роль въ восточномъ вопросѣ, неприкосновенность Турціи и покровительство балканскимъ христіанамъ, безкорыстіе восточной политики и реальные интересы Россіи, завѣщанные предшествующей ея исторіей. Это — съ одной стороны. Съ другой стороны ко всему этому присоединялись: зависть западно-европейскихъ правительствъ къ военному могуществу Россіи, которое казалось имъ чрезмѣрнымъ, личная обида нѣкоторыхъ государей (напр., Наполеона III) на императора Николая I, наконецъ, недовольство значительной части западно-европейскаго общества его политикой въ духѣ идей Священнаго союза. Все это вмѣстѣ взятое вызвало страшную катастрофу въ видѣ Восточной или Крымской войны, когда Турція, Англія, Франція и Сардинія ополчились на Россію, Пруссія отшатнулась отъ нея, а Австрія, по словамъ Николая I, «своимъ коварствомъ превзошла все, что адская іезуитская школа когда-либо изобрѣтала». Исходъ Крымской войны омрачилъ тѣ военные успѣхи, которыми богато было начало царствованія императора Николая I.

Послѣ общаго обзора внѣшней политики его обратимся къ исторіи важнѣйшихъ его войнъ: Персидской (1826—28), Турецкой (1828—29) и Крымской (1853—56).

§ 92. Персидская война (1826—1828 гг.).

Военныя столкновенія съ Персіей, происходившія при Екатеринѣ II и Александрѣ I изъ-за Грузіи и закончившіяся Гюлистанскимъ миромъ 1813 г., расширившимъ русскія владѣнія въ Закавказьѣ, возобновились въ 1826 г. Героемъ начавшейся войны сдѣлался Паскевичъ, который прославился побѣдами при гор. Елизаветполѣ, взятіемъ Эривани и цѣлаго ряда другихъ персидскихъ крѣпостей, занятіемъ Тавриза и движеніемъ къ Тегерану. Туркманчайскій миръ, заключенный въ 1828 году, положилъ конецъ войнѣ: Россія получила лѣвый берегъ рѣки Аракса съ ханствами Эриванскимъ и Нахичеванскимъ, денежную контрибуцію и торговыя льготы. Этотъ миръ не только обезопасилъ Грузію отъ персидскихъ набѣговъ, но и послужилъ началомъ распространенія русскаго вліянія въ самой Персіи.

Однако, чтобы упрочить свою власть въ Закавказьѣ, русскому правительству необходимо было замирить кавказскихъ горцевъ, которые во второй четверти XIX вѣка подъ вліяніемъ религіознаго воодушевленія (такъ называемаго «мюридизма») начали ожесточенную борьбу съ русскими во имя торжества ислама. Эта тяжелая и напряженная борьба, при которой русскимъ приходилось считаться не только съ фанатизмомъ и отчаяннымъ мужествомъ своихъ враговъ, но и съ особенностями ихъ неприступной страны, закончилась, какъ увидимъ, уже въ царствованіе императора Александра II покореніемъ Кавказа. Къ войнѣ съ Персіей и столкновеніямъ съ горцами императора Николая I побуждало стремленіе обезпечить границы государства и расширить его предѣлы. Враждебныя же дѣйствія противъ Турціи обусловливались совсѣмъ иными причинами.

§ 93. Первая война съ Турціей (1828—1829 гг.).

Первая война съ Турціей (1828—1829 г.) стояла въ тѣсной связи съ греческимъ возстаніемъ, начавшимся еще въ 1820-хъ годахъ. Турки подавляли его самымъ звѣрскимъ образомъ, все русское общество охвачено было чувствомъ состраданія къ судьбѣ несчастныхъ грековъ, но императоръ Александръ I, какъ упоминалось выше, не считалъ возможнымъ помочь имъ, такъ какъ Меттернихъ внушилъ ему взглядъ на нихъ какъ на мятежниковъ противъ законной власти. Невмѣшательство Россіи являлось нарушеніемъ завѣтовъ Екатерины II, которая всегда поддерживала балканскихъ христіанъ противъ турокъ. Кромѣ того, оно истолковывалось какъ признакъ нерѣшительности: турецкое правительство стало держать себя такъ вызывающе, что русскій посолъ вынужденъ былъ покинуть Константинополь; Меттернихъ съ торжествомъ говорилъ, что «вліяніе русскаго двора на грековъ потеряно», англійскій министръ съ злорадствомъ объявлялъ: «Россія покидаетъ свой передовой постъ (т. е. вліяніе на Балканахъ), Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что человѣколюбіе этого требуетъ». И дѣйствительно, Греція въ 1825 г. отдалась подъ покровительство Англіи. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая I отношеніе къ греко-турецкимъ дѣламъ должно было измѣниться. Императоръ, не ставя себѣ цѣлью добиться полной независимости Греціи, не могъ однако допустить, чтобы ея судьба была рѣшена безъ участія Россіи. Въ свою очередь Англія не хотѣла отказываться отъ своего участія въ этомъ дѣлѣ. Поэтому она стала сближаться съ Россіей; къ нимъ присоединилась и Франція. Слѣдствіемъ договора этихъ трехъ державъ (заключеннаго въ Лондонѣ въ 1827 г.) было предъявленіе требованія къ турецкому правительству, чтобы оно заключило перемиріе съ греками и удалило египетскаго пашу, проявлявшаго особенное неистовство при пода-

вленіи возстанія. Когда это требованіе было отвергнуто, соединенный русско-англо-французскій флотъ уничтожилъ турецко-египетскую эскадру въ битвѣ при Наваринѣ въ 1827 г. (8 октября). Это вызвало въ Турціи страшное негодованіе, обратившееся главнымъ образомъ противъ русскихъ. Весною 1828 г. началась русско-турецкая война сразу на двухъ театрахъ: въ Европейской Турціи, гдѣ русскимъ главнокомандующимъ былъ сперва Витгенштейнъ, затѣмъ Дибичъ, и въ Азіатской, гдѣ особенную извѣстность стяжалъ себѣ Паскевичъ. Военныя дѣйствія въ Европейской Турціи оказались очень трудными вслѣдствіе численнаго превосходства турокъ. Правда, русскіе довольно скоро овладѣли крѣпостью Браиловымъ, но осада Варны, Силистріи и Шумлы потребовала много времени и жертвъ. (Варна взята была 29 сентября 1828 г., а Силистрія только 18 іюня 1829 г.). Зато еще ранѣе взятія Силистріи русскимъ удалось нанести турецкой арміи страшное пораженіе при дер. Кулевчи (30 мая 1829 г.), послѣ чего Дибичъ перешелъ Балканы (за что и получилъ фамилію «Забалканскаго»), занялъ Адріанополь (7 августа) и грозилъ двинуться къ Константинополю.

Въ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи были также достигнуты существенные успѣхи: здѣсь русскимъ сдались крѣпости Карсъ, Ахалцыхъ и гор. Эрзерумъ. Удачно дѣйствовалъ и русскій флотъ подъ командой гр. Гейдена и Грейга. Все это побудило турецкое правительство къ миру, который былъ заключенъ въ Адріанополѣ 2 сентября 1829 г. По условіямъ Адріанопольскаго мира: 1) Россія получала лѣвое побережье нижняго Дуная съ островами при его устьѣ, восточное побережье Чернаго моря (отъ устья рѣки Кубани до порта св. Николая) и Ахалцыхъ; 2) Босфоръ и Дарданеллы открывались для судовъ всѣхъ державъ, находящихся въ мирѣ съ Турціей; 3) расширялась (обезпеченная уже Бухарестскимъ миромъ) автономія Молдавіи, Валахіи и Сербіи, которыя отдавались притомъ подъ покровительство Россіи; 4) признавалась независимость Греціи. Фактически Греція сдѣлалась независимой еще до Адріанопольскаго мира и даже до начала русско-турецкой войны: еще въ 1827 г. греки избрали своимъ президентомъ прежняго русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Каподистріа. Однако Каподистріа не сумѣлъ поладить съ греками: постояннымъ нарушеніемъ конституціи и стремленіемъ къ установленію неограниченной власти онъ вызвалъ противъ себя возстаніе. Правда, оно было подавлено русскими, но самъ президентъ палъ жертвой убійцы. По рѣшенію державъ, заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ, рѣшено было установить въ Греціи конституціонную монархію. Греческій престолъ предложенъ былъ принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому; когда же онъ отказался отъ этого предложенія, королемъ былъ сдѣланъ юный баварскій принцъ Оттонъ. Онъ окружилъ себя людьми, среди которыхъ не было ни од-

наго приверженца русской партіи. Такимъ образомъ во вновь образованномъ королевствѣ русское вліяніе не утвердилось.

Императоръ Николай I, усматривая неблагодарность въ поведеніи грековъ, сталъ сближаться съ Турціей и опекать ее, стремясь въ то же время утвердить въ ней свое вліяніе. Какъ уже упоминалось, этой сложной политикой Николай I достигъ сперва очень выгодныхъ результатовъ (Ункіаръ-Скелесскій договоръ 1833 г.), но затѣмъ (по лондонской конференціи 1840 г.) согласился раздѣлить свое вліяніе на Балканахъ съ другими великими державами; послѣднія непріязненно относились къ Россіи, которая, какъ было сказано, не разъ вмѣшивалась въ ихъ дѣла, и подстрекали Турцію противъ нея. При такомъ недоброжелательствѣ достаточно было любого предлога, чтобы возгорѣлась опасная война.

§ 94. Восточная война.

Поводъ къ ней. Поводомъ къ ней послужилъ такъ называемый «вопросъ о святыхъ мѣстахъ». Сущность его заключалась въ томъ, что турецкое правительство, по наущенію иностранной дипломатіи, расширило, въ ущербъ православнымъ, привилегіи католиковъ въ Палестинѣ, отобравъ, между прочимъ, у іерусалимскаго патріарха ключи отъ Виѳлеемскаго храма и передавъ ихъ католическому духовенству. Императоръ Николай I выразилъ протестъ по поводу такого умаленія правъ Православной Церкви, а, когда это было оставлено безъ вниманія, занялъ въ 1853 г. русскими войсками вассальныя турецкія княжества Молдавію и Валахію «въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи». Оккупація (т.-е. занятіе) княжествъ вызвала съ одной стороны протестъ Турціи, съ другой стороны созывъ въ Вѣнѣ, по почину австрійскаго правительства, конференціи изъ представителей Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи для обсужденія недоразумѣній, возникшихъ между Россіей и Турціей. Это являлось какъ-бы первымъ шагомъ противъ Россіи. Хотя императоръ Николай I и взглянулъ на конференцію какъ на «полевой судъ» надъ собой и Россіей, тѣмъ не менѣе изъявилъ согласіе считаться съ выработанной ею нотой. Однако, когда турецкое правительство, по настоянію англійскаго посла, произвело въ послѣдней измѣненія, государь отвергъ ее. Слѣдствіемъ этого былъ второй шагъ противъ Россіи: Англія и Франція составили союзъ для защиты Турціи, а послѣдняя 14 сентября 1853 г. объявила войну Россіи. Такъ началась тяжелая Восточная война (1853—1856 г.г.).

Россія не была готова къ ней (дѣйствительная численность арміи была много меньше, чѣмъ значилось по спискамъ, вооруженіе не стояло на высотѣ, парусный флотъ значительно уступалъ англій-

скому и французскому, изобиловавшему паровыми судами); еще менѣе была она подготовлена къ тому положенію, которое, какъ сейчасъ увидимъ, заняли западно-европейскія державы въ этой войнѣ.

Отношеніе иностранныхъ державъ къ Россіи.

Когда послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ сухопутныхъ столкновеній на Дунаѣ и на кавказско-турецкой границѣ, начавшихся въ серединѣ октября, русскіе одержали крупную морскую побѣду въ гавани Синопа, гдѣ адмиралъ Нахимовъ 18 ноября 1853 г. уничтожилъ турецкій флотъ, Англія и Франція открыто выступили противъ Россіи: ихъ эскадры, стоявшія до этого времени въ Босфорѣ, вышли въ Черное море, чтобы защищать турецкіе берега и препятствовать дѣйствіямъ русскаго флота. Таковъ былъ третій шагъ, побудившій императора Николая I объявить войну Англіи и Франціи. Враждебныя дѣйствія со стороны послѣднихъ можно было еще предвидѣть, но поведеніе Пруссіи и Австріи явилось для русскаго правительства ошеломляющею неожиданностью. Императоръ Николай I былъ, какъ упоминалось, близкимъ родственникомъ прусскаго короля и самымъ ревностнымъ покровителемъ австрійскаго императора. Естественно, что съ ихъ стороны онъ могъ ждать если не союза, то, по крайней мѣрѣ, дружественнаго нейтралитета. Вмѣсто этого Пруссія и Австрія, особенно послѣдняя, заняли по отношенію къ Россіи угрожающее положеніе. Австрійское правительство въ 1854 году потребовало отъ русскаго очищенія Дунайскихъ княжествъ (Молдавіи и Валахіи), а затѣмъ предприняло еще нѣсколько шаговъ, явно направленныхъ противъ Россіи. Историкъ (Татищевъ) такъ изображаетъ «рядъ эволюцій, путемъ коихъ Австрія, въ продолженіе 1854 года, мало-по-малу перешла изъ нашего стана въ лагерь открытыхъ враговъ нашихъ: Англіи, Франціи и Турціи».

«Въ январѣ вѣнскій дворъ отклонилъ предложенный нами черезъ графа Орлова договоръ о нейтралитетѣ; въ мартѣ подписалъ съ представителями дворовъ лондонскаго, парижскаго и берлинскаго протоколъ, провозглашавшій цѣлость и независимость Турціи необходимымъ условіемъ будущаго мира; въ апрѣлѣ заключилъ прямо направленный противъ насъ союзный трактатъ съ Пруссіей, пригласивъ приступать къ нему и всѣ государства Германскаго союза; въ маѣ привелъ свою армію на военное положеніе; въ іюнѣ потребовалъ отъ насъ отступленія за Дунай и очищенія Дунайскихъ княжествъ; въ іюлѣ условился съ морскими державами о четырехъ главныхъ основаніяхъ мира, въ числѣ коихъ находилось и ограниченіе морскихъ силъ нашихъ на Черномъ морѣ; въ августѣ занялъ своими войсками Молдавію и Валахію; въ сентябрѣ предъявилъ къ намъ требованіе о начатіи мирныхъ переговоровъ на основаніи четырехъ условій;... въ ноябрѣ, несмотря на принятіе нами «четырехъ пунктовъ» и готовность нашу вступить въ переговоры о мирѣ, за-

ключилъ съ Англіей и Франціей трактатъ, коимъ обязался, въ случаѣ, если миръ не будетъ возстановленъ до 1 января 1855 г., принять участіе въ вооруженной борьбѣ съ Россіей и не полагать оружія, доколѣ не будетъ достигнута общая цѣль союза».

Насколько неожиданнымъ для императора Николая I было поведеніе Австріи, видно изъ того, что передъ самымъ началомъ войны при возникновеніи вопроса о святыхъ мѣстахъ, онъ сказалъ англійскому послу: «когда я говорю о Россіи, то говорю и объ Австріи: что пригодно одной, пригодно и другой, и интересы наши въ отношеніи Турціи совершенно тождественны».

Дѣйствія на Дунаѣ, въ Азіи и на моряхъ.

Первые признаки враждебной политики Австріи обнаружились въ то время, когда русскія войска перешли уже на правый берегъ Дуная. Здѣсь ихъ дѣйствія, къ сожалѣнію, замедлились вслѣдствіе нерѣшительности главнокомандующаго гр. Паскевича, который слишкомъ поздно (только въ маѣ 1854 г.) и слишкомъ осторожно приступилъ къ осадѣ Силистріи. Подъ вліяніемъ угрозъ Австріи пришлось снять осаду, вернуться на лѣвый берегъ Дуная, а затѣмъ вовсе очистить княжества (осенью 1854 г.), которыя вслѣдъ за этимъ заняты были турецкими, а потомъ австрійскими войсками. Послѣднія вели себя такъ угрожающе, что императоръ Николай I опасался, какъ бы Австрія не захватила Подолію, и не былъ даже спокоенъ за участь Кіева. Обстоятельства слагались настолько неблагопріятно для Россіи, что лишь въ Азіатской Турціи русскія войска могли дѣйствовать наступательно. Въ Закавказьѣ послѣ первыхъ незначительныхъ неудачъ, понесенныхъ въ битвахъ съ турками и враждебными кавказскими горцами, достигнуты были (благодаря энергіи кн. Андроникова, кн. Бебутова, бар. Врангеля и кн. Эристова) существенные успѣхи, и въ ноябрѣ 1855 г. Н. Н. Муравьевъ овладѣлъ сильнѣйшей крѣпостью Карсомъ. Не то было на европейскомъ театрѣ войны: здѣсь русскимъ уже съ 1854 г. приходилось преимущественно обороняться, притомъ на огромномъ пространствѣ: вражескія эскадры бомбардировали (въ апрѣлѣ) Одессу, грозили Кронштадту, обстрѣливали финляндскіе города, овладѣли Аландскими островами, появлялись на Бѣломъ морѣ, бомбардируя здѣсь Соловецкій монастырь и г. Колу, и даже на Великомъ океанѣ у Камчатки, гдѣ подвергся обстрѣлу Петропавловскій портъ. Впрочемъ, всѣ эти нападенія серьезнаго значенія не имѣли и дѣлались только для того, чтобы не дать Россіи сосредоточить своихъ силъ на главномъ театрѣ войны.

Крымская кампанія.

Такимъ театромъ былъ Крымскій полуостровъ съ его главной гаванью Севастополемъ. «Крымская кампанія» получила рѣшающее значеніе для Восточной войны: «севастопольская оборона», продолжавшаяся въ теченіе 350 дней (съ 27 сентября 1854 г. до 27 авгу-

ста 1855 г.), была самымъ важнымъ ея эпизодомъ: здѣсь русскіе выказали больше всего геройства и самоотверженности, а враги (къ числу которыхъ лѣтомъ 1855 г. присоединилось также Сардинское королевство) проявляли наибольшую настойчивость.

Крымская кампанія началась осенью 1854 г., когда враги (англичане, французы и турки), задавшись цѣлью уничтожить русскій флотъ и укрѣпленія на Черномъ морѣ, высадили свое войско (въ числѣ 62 тыс. человѣкъ) вблизи Евпаторіи и въ окрестностяхъ Кичикъ-бельскаго озера. Русскій флотъ, значительно уступавшій непріятельскому, какъ по численности, такъ и по качеству, не могъ препятствовать этой высадкѣ. Онъ вошелъ въ Севастопольскую бухту и здѣсь, по рѣшенію командировъ нѣсколько судовъ было затоплено. Сдѣлано это было для того, чтобы преградить доступъ въ нее непріятельскимъ эскадрамъ и воспользоваться экипажемъ и орудіями затопленныхъ кораблей для обороны Севастополя. Такимъ образомъ для русскихъ война дѣлалась сухопутной, тогда какъ непріятель имѣлъ главную опору въ своемъ сильномъ флотѣ. Попытка русской сухопутной арміи подъ начальствомъ кн. Меншикова задержать наступленіе враговъ не увѣнчалась успѣхомъ: при рѣкѣ Альмѣ (8 сентября) они разбили Меншикова, затѣмъ сосредоточили свои силы на Херсонесскомъ полуостровѣ, и начали осаду Севастополя съ юга. (Къ счастью, непріятелю не было извѣстно, что сѣверная часть Севастополя почти не защищена, и что именно съ сѣвера его можно было взять безъ труда). Оборона Севастополя выпала на долю главнымъ образомъ матросовъ затопленнаго теперь русскаго флота, во главѣ которыхъ стояли герои-адмиралы: Нахимовъ, Корниловъ и Истоминъ (всѣ трое погибли потомъ при непріятельскихъ бомбардировкахъ и штурмахъ). Постройкой укрѣпленій, въ сооруженіи которыхъ съ удивительной стойкостью и самоотверженностью принимало участіе все севастопольское населеніе, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, руководилъ превосходный инженеръ Тотлебенъ. Благодаря его энергіи и умѣнью удалось отстоять крайнее южное укрѣпленіе (такъ называемый четвертый бастіонъ), противъ котораго направили свои главныя силы враги, понесшіе въ концѣ 1854 г. не мало потерь не только отъ русскаго огня и вылазокъ [1]), но и отъ свирѣпствовавшей въ ихъ рядахъ холеры. Кн. Меншиковъ, стоявшій съ войскомъ невдалекѣ отъ Севастополя, подкрѣплялъ его гарнизонъ и нѣсколько разъ пытался перейти въ наступленіе. Къ сожалѣнію, его дѣйствія были малоудачны: такъ, при селѣ Инкерманѣ русскіе были разбиты, потерявъ 12 тыс. человѣкъ. Между тѣмъ непріятель, силы котораго къ лѣту 1855 г. доведены были до 170 тысячъ, задался цѣлью отрѣзать Крымъ отъ сообщенія съ остальной Россіей (для

---

[1]) При этихъ вылазкахъ особенно прославились такъ называемые пластуны. Изъ нихъ наибольшую извѣстность заслужилъ матросъ Петръ Кошка.

чего предпринята была экспедиція въ восточную его часть) и овладѣть самымъ важнымъ изъ севастопольскихъ укрѣпленій Малаховымъ курганомъ. Началась страшная бомбардировка: защитники Севастополя теряли ежедневно по 500—1000 человѣкъ. Кн. Горчаковъ, смѣнившій Меншикова, не могъ оказать имъ существенной поддержки, такъ какъ (4 августа) потерпѣлъ пораженіе при рѣкѣ Черной. 27 августа враги отважились на общій штурмъ и, наконецъ, овладѣли Малаховымъ курганомъ. Послѣ этого русскіе герои, по приказанію кн. Горчакова, перешли на сѣверный берегъ залива, оставивъ непріятелю лишь развалины Севастополя. Несмотря на паденіе Севастополя, война продолжалась, и враги готовились направить свои силы противъ г. Николаева. Однако, около этого времени, какъ уже упоминалось, русскимъ удалось взять Карсъ, что значительно облегчило переговоры о мирѣ. Къ миру склонялся императоръ Александръ II, наслѣдовавшій своему отцу императору Николаю I, который скончался 18 февраля 1855 года (незадолго передъ кончиной Николай I, чтобы вознаградить за подвиги участниковъ севастопольской обороны, повелѣлъ считать имъ каждый мѣсяцъ службы за годъ). Страшная истощенность Россіи, потерявшей во время войны нѣсколько сотъ тысячъ солдатъ и потратившей на нее не менѣе 500 милліоновъ рублей, внушала императору Александру II желаніе начать переговоры. Своевременность ихъ признавалась и врагами, которымъ война стоила тоже не мало: до 250 тысячъ солдатъ и до 600 милл. рублей. Мирные переговоры, начавшіеся еще въ 1855 году, возобновились въ началѣ 1856 г. на конгрессѣ, созванномъ въ Парижѣ. По условіямъ мирнаго трактата (подписаннаго 18 марта 1856 г.), 1) Россія получала обратно Севастополь, за что возвращала туркамъ Карсъ; 2) она уступала въ пользу Молдавіи свои владѣнія въ устьяхъ Дуная, 3) лишалась права имѣть военный флотъ и укрѣпленія на Черномъ морѣ (это тягостное условіе было уничтожено въ 1871 году); 4) Черное море было признано нейтральнымъ, т. е. оно было открыто для торговыхъ и закрыто для военныхъ судовъ всѣхъ державъ; 5) христіанскіе подданные Турціи ставились подъ покровительство всѣхъ великихъ державъ, а не одной Россіи.

Значеніе войны.

Условія, какъ видно, были не легки. Но тяжелый Парижскій миръ являлся зарею эпохи великихъ реформъ, наступившей въ царствованіе императора Александра II. Крымская война была какъ бы кризисомъ тяжелой болѣзни; она ярко обнаружила внутренніе недуги Россіи: злоупотребленія должностныхъ лицъ, плохую постановку военнаго дѣла, неудовлетворительность вооруженія, отсутствіе путей сообщенія, экономическую отсталость, а больше всего весь вредъ крѣпостного права, которое отвлекало силы правительства отъ борьбы съ внѣшними врагами для усмиренія крестьянскихъ возстаній и не позволяло ему придать войнѣ народный характеръ изъ боязни, что

тогда волненія еще больше разрастутся. Необходимо было исцѣлить всѣ эти недуги. Реформъ настоятельно требовала сама жизнь. Образованіе, полученное Александромъ Николаевичемъ, и свойства его характера дѣлали его способнымъ къ великому подвигу обновленія Россіи, въ необходимости котораго его глубоко убѣдила Крымская война.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царствованіе императора Александра II Николаевича.

(1855—1881 г.г.).

(Эпоха великихъ реформъ).

§ 95. Характеръ и воспитаніе Александра Николаевича.

Александръ Николаевичъ родился въ 1818 г. Его воспитателемъ назначенъ былъ офицеръ Мердеръ, отлично образованный, глубоко правдивый, безукоризненно честный и мягкій человѣкъ. Когда же, по восшествіи на престолъ императора Николая I, Александръ Николаевичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, его ближайшимъ наставникомъ и руководителемъ сдѣлался поэтъ В. А. Жуковскій, внушавшій своему питомцу любовь къ правосудію, учившій его «владычествовать не силой, а порядкомъ». Наслѣднику давалось очень широкое образованіе, притомъ не только теоретическое: пройдя основательный курсъ исторіи, онъ знакомился и съ современнымъ состояніемъ Россіи, для чего предпринималъ путешествія, заглядывалъ даже въ далекую Сибирь; правительственный механизмъ онъ изучалъ, присутствуя въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, а въ финансовыхъ вопросахъ пріобрѣлъ много свѣдѣній отъ талантливаго министра гр. Канкрина. Для довершенія дипломатическаго образованія Александръ Николаевичъ съѣздилъ за границу (во время этой поѣздки рѣшенъ былъ также вопросъ о его бракѣ съ принцессой Гессенъ-Дармштадтской, которая приняла въ православіи имя Маріи Александровны). Къ узко-военному фронтовому обученію Жуковскій относился отрицательно и не скрывалъ своей непріязни къ нему даже передъ императоромъ Николаемъ I, который, напротивъ, хотѣлъ сдѣлать изъ наслѣдника-сына прежде всего военнаго человѣка. Самъ Александръ Николаевичъ очень интересовался военнымъ дѣломъ, унаслѣдовавъ любовь къ нему отъ своихъ предковъ. Отъ своего отца онъ унаслѣдовалъ также консервативный образъ мыслей: въ царствованіе императора Николая I онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ приверженцемъ его правительственной системы и въ нѣкоторыхъ вопросахъ былъ даже консерватив-

нѣе, чѣмъ самъ императоръ. Великимъ реформаторомъ сдѣлала его Крымская война. Онъ убѣдился, что для блага народа, для сохраненія и увеличенія могущества русскагогосударства необ ходимы коренныя преобразованія. Это понималъ передъ смертью и императоръ Николай I, который умеръ съ грустнымъ сознаніемъ, что ему не удалось оставить своему преемнику царства «мирнымъ, устроеннымъ, счастливымъ», «что онъ сдалъ ему команду не въ добромъ порядкѣ».

§ 96. Вступленіе на престолъ и первыя мѣропріятія.

Дѣйствительно, какъ сказано, Александръ II вступилъ на престолъ въ ту страшную пору, когда таяли силы героевъ-защитниковъ Севастополя, оборонявшихъ своей грудью «окровавленныя развалины его» отъ натиска войскъ чуть ли не всей Западной Европы, когда русское общество находилось въ страхѣ и смятеніи, ожидая и вторженія внѣшнихъ враговъ, и возобновленія пугачевщины. Но неудачная Крымская война вызывала не только чувство жгучаго отчаянія, она будила и надежды. Общественное мнѣніе «расправлявшее», по словамъ современника, «все болѣе и болѣе свои крылья», сознавало, что война должна явиться залогомъ широкихъ внутреннихъ преобразованій. О необходимости ихъ заговорили наиболѣе просвѣщенные люди въ своихъ запискахъ, подававшихся правительству. Вѣра въ грядущее обновленіе Россіи при Александрѣ II была такъ велика, что многіе, забывая тяжелое настоящее, предавались радужному настроенію въ предвидѣніи свѣтлаго будущаго. Надежды не были обмануты. Новое правительство сейчасъ же провело нѣсколько освободительныхъ мѣръ (облегченіе цензуры, доступа въ университеты, выѣздовъ за границу), а вскорѣ затѣмъ былъ изданъ манифестъ о заключеніи мира, содержавшій такія знаменательныя слова: «При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Объ отмѣнѣ крѣпостного права манифестъ еще не говорилъ, но всѣмъ было ясно, что ему не должно быть мѣста въ обновленной Россіи, такъ какъ именно оно являлось корнемъ всего зла. Поэтому всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ государь о своемъ отношеніи къ крестьянскому вопросу. Ждать пришлось не долго.

§ 97. Крестьянская реформа.

Отношеніе императора Александра II къ крестьянскому вопросу.

Въ своей рѣчи къ московскому дворянству въ мартѣ 1856 г. императоръ Александръ II произнесъ слѣдующія слова: «Вы сами знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній». Въ такихъ простыхъ, спокойныхъ и мягкихъ по отношенію къ дворянству словахъ выразилъ государь свою рѣшимость уничтожить крѣпостное право. Величественное спокойствіе и царственная мягкость не покидали его и во все трудное время проведенія его главной реформы. Эти качества помогли ему твердо устоять противъ натиска вліяній придворныхъ и сановниковъ, большинство которыхъ не сочувствовало реформѣ или стремилось сузить ее въ интересахъ дворянства, помогли подняться выше борьбы партій и страстей, разыгрывавшейся у подножія престола, и сохранить полное безпристрастіе, не оскорбивъ никого. Лишь въ рѣдкія минуты на Александра II какъ будто находили колебанія, и онъ съ тревогою всматривался въ будущее, опасаясь волненій освобожденныхъ крѣпостныхъ. Но эти мимолетныя сомнѣнія, навѣянныя крѣпостниками, быстро разсѣивались, и государь неуклонно шелъ къ своей цѣли.

Помощники Государя въ крестьянскомъ вопросѣ.

Нравственную поддержку онъ находилъ всегда въ своей теткѣ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ (супругѣ его дяди Михаила Павловича), которая соединяла въ своемъ лицѣ поэтическій, идеальный, чисто женственный характеръ и глубокій, сильный, проницательный умъ. Въ исторіи великой реформы ей принадлежитъ почетная роль: она сдѣлала все, что могла, для своихъ крѣпостныхъ, сумѣла найти лучшаго знатока крестьянскаго вопроса Н. А. Милютина (племянника Киселева) и обаяніемъ своей личности поддерживала бодрость всѣхъ борцовъ противъ рабства и прежде всего бодрость государя. Вѣрное и неизмѣнное содѣйствіе своимъ начинаніямъ встрѣчалъ императоръ также со стороны своего брата великаго князя Константина Николаевича, котораго онъ называлъ «первымъ своимъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ», и котораго въ обществѣ считали «главой прогресса», наконецъ, со стороны близкаго своего друга члена Государственнаго Совѣта Я. И. Ростовцева.

Въ теченіе всего Николаевскаго царствованія Ростовцевъ стоялъ вдали отъ людей, занимавшихся крестьянскимъ вопросомъ, мало

зналъ его, мало интересовался имъ и даже, отдавая дань дворянскимъ предразсудкамъ, какъ-будто мирился съ существованіемъ крѣпостного права. Поэтому не безъ колебаній принялъ онъ предложеніе Александра II участвовать въ образованномъ въ январѣ 1857 г. «Негласномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу». Но, согласившись на это, Ростовцевъ, какъ человѣкъ долга, беззавѣтно преданный Государю и службѣ, погрузился весь въ порученную ему работу, продумалъ ее до глубины, и «святое дѣло» окрылило его: онъ «прозрѣлъ», изъ исполнительнаго служаки-генерала превратился въ восторженнаго поборника освобожденія крестьянъ, въ его старомъ тѣлѣ (ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ) проснулась молодая живая душа и кипучая чисто-юношеская энергія.

Нравственная поддержка Елены Павловны, дѣловитость Константина Николаевича и пламенная энергія Ростовцева помогли императору Александру II выказать неуклонную твердость въ осуществленіи задуманнаго преобразованія. Не малую помощь оказало этому и общество, которое вскорѣ получило возможность гласно обсуждать крестьянскій вопросъ.

Негласный Комитетъ.

Рѣчь государя, произнесенная въ 1856 г. въ Москвѣ, призывала дворянъ высказать соображенія о томъ, какъ уничтожить крѣпостное право. Государь вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому и его товарищу Левшину выработать проектъ освобожденія крестьянъ на основаніи трудовъ комитетовъ Николаевскаго царствованія и тѣхъ записокъ по крестьянскому вопросу, которыя представлялись отдѣльными дворянами. Вскорѣ затѣмъ, въ январѣ 1857 г., былъ учрежденъ особый «Негласный (т. е. секретный) Комитетъ» изъ высшихъ сановниковъ. Работа подвигалась очень медленно: дворяне не спѣшили со своими «соображеніями», а «Негласный Комитетъ», члены котораго или не сочувствовали освобожденію крестьянъ, или были незнакомы съ крестьянскимъ вопросомъ (какъ, напр., Ростовцевъ въ началѣ своей дѣятельности), намѣренно затягивалъ дѣло, несмотря даже на то, что государь, для ускоренія его работы, призвалъ къ участію въ немъ энергичнаго великаго князя Константина Николаевича.

Рескриптъ Назимову.

Молчаніе дворянства и непроизводительность работы Комитета воскресили надежды крѣпостниковъ на то, что дѣло или совсѣмъ замретъ или надолго затянется. Нуженъ былъ толчокъ, чтобы сдвинуть его съ мертвой точки. Онъ данъ былъ пріѣздомъ въ Петербургъ осенью 1857 г. виленскаго генералъ-губернатора Назимова, явившагося съ извѣстіемъ, что дворянство трехъ литовскихъ губерній (Виленской, Ковенской и Гродненской) желаетъ освободить своихъ крестьянъ, но безъ надѣленія ихъ землей. Такимъ образомъ, починъ былъ сдѣланъ дворянами, хотя и въ самой невыгодной для крестьянъ

формѣ: безземельное освобожденіе ихъ было бы страшнымъ зломъ. Негласный Комитетъ медлилъ отвѣтомъ на это предложеніе, и государю пришлось вмѣшаться въ это дѣло лично, приказавъ составить въ самый короткій срокъ рескриптъ (Высочайшее письмо) на имя Назимова. Этотъ рескриптъ, подписанный 20 ноября 1857 года, предлагалъ литовскимъ дворянамъ образовать изъ своихъ выборныхъ губернскіе комитеты для составленія проекта освобожденія крестьянъ, но не безземельнаго, а основаннаго на началахъ, выработанныхъ Левшинымъ, которыя заключались въ слѣдующемъ: право собственности на всю землю сохраняется за помѣщиками, крестьянамъ же предоставляется право въ опредѣленный срокъ выкупить лишь свои усадьбы, т. е. дворы; кромѣ того, имъ отводятся земельные участки въ «пользованіе», за что они должны отбывать повинности въ пользу помѣщиковъ. Въ рескриптѣ указывалось также, что въ теченіе нѣкотораго времени (не свыше 12 лѣтъ) крестьяне будутъ находиться въ переходномъ «срочно-обязанномъ» состояніи, подчиняясь судебно-полицейской власти помѣщиковъ.

По настоянію Константина Николаевича, рѣшено было разослать копіи рескрипта Назимову всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства—на случай, если бы дворяне другихъ губерній изъявили желаніе заняться обсужденіемъ крестьянской реформы, а затѣмъ рескриптъ былъ напечатанъ въ газетахъ. Съ этого времени исторія освобожденія вступаетъ въ новый періодъ: правительственныя предположенія по крестьянскому вопросу вышли на свѣтъ Божій изъ тиши Негласнаго Комитета, и послѣдній, съ января 1858 г., утратилъ свой секретный характеръ, будучи переименованъ въ Главный Комитетъ.

Отношеніе общества къ рескрипту.

Рескриптъ 20 ноября былъ восторженно встрѣченъ передовыми русскими людьми: въ газетахъ сравнивали дѣло, начатое Александромъ II, съ реформой, совершенной Петромъ Великимъ; на многолюдныхъ общественныхъ обѣдахъ, устраиваемыхъ московскими профессорами и писателями, раздавались рѣчи, полныя благоговѣнія къ готовящемуся великому преобразованію.

По собственному почину или по побужденію губернаторовъ, дворяне различныхъ губерній стали обращаться къ государю за разрѣшеніемъ образовать комитеты наподобіе литовскихъ, и къ концу 1858 года они были открыты во всѣхъ губерніяхъ.

Всюду замѣчалось необыкновенное оживленіе. «Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ», писалъ одинъ современникъ, «не ограничивались стѣнами комитетовъ: ими было занято не только все безъ исключенія сословіе землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія поземельной собственности, изо всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ кварти-

рахъ чиновниковъ вездѣ слышались одни разсужденія—о крестьянскомъ дѣлѣ. Крестьянскій вопросъ стоялъ на первомъ мѣстѣ между всѣми вопросами, занимавшими русское общество въ этомъ (1858 году). Но, будто пробужденныя имъ, закипѣли и другія отрасли нашей дѣятельности... Быстро шло также наше умственное развитіе; ученая литература обогатилась многими замѣчательными статьями, имѣвшими, большею частью, интересъ практическій и современный».

Среди всеобщаго оживленія и борьбы страстей и партій только крестьяне сохраняли полное, какое-то величественное спокойствіе. Точно молча сговорившись, они всѣмъ своимъ поведеніемъ какъ бы хотѣли доказать безграничное довѣріе начинаніямъ государя и правительства и этимъ обезоруживали своихъ враговъ. Хладнокровное самообладаніе народа, его умѣнье ждать и терпѣть являлись нѣмымъ укоромъ для всѣхъ недобросовѣстныхъ людей, которые пугали правительство крестьянскими бунтами, всячески раздували случаи малѣйшихъ столкновеній крѣпостныхъ съ помѣщиками, готовы были искусственно вызывать ихъ. Многіе крѣпостники, въ страхѣ передъ мнимою опасностью, бѣжали за границу. Самъ благородный Ростовцевъ поддался дворянскимъ страхамъ и готовилъ мѣры для подавленія возможныхъ народныхъ возстаній. По наущенію крѣпостниковъ, было даже ограничено обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати: напр., запрещено было писать о полномъ уничтоженіи помѣщичьей власти надъ крестьянами и о выкупѣ въ собственность крестьянъ не однѣхъ усадебъ, а и всей земли, отводимой имъ въ «пользованіе».

Вопросъ о выкупѣ.

Между тѣмъ, именно объ этомъ громко и настойчиво говорили нѣкоторые губернскіе комитеты и въ особенности тверской, вдохновителемъ котораго былъ губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій, одинъ изъ очень немногихъ дѣятелей, умѣвшихъ сочетать интересы дворянъ и крестьянъ и стремившихся къ полному освобожденію послѣднихъ. Самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ онъ на «постепенность» уничтоженія крѣпостного права и на «переходное» положеніе крестьянъ, доказывая, что они никогда не примирятся съ такой половинной свободой. По его мнѣнію, «необходимо освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно», а для этого имѣется только одно средство, именно—«выкупъ» полнаго земельнаго надѣла крестьянина, т. е. всего участка обрабатываемой имъ земли, а не одной усадьбы. Лишь владѣніе собственной землей, утверждалъ онъ, можетъ обезпечить крестьянину безбѣдное существованіе и исправный платежъ податей въ пользу государства; равнымъ образомъ, лишь выдача капитала, въ видѣ выкупа крестьянской земли, спасетъ помѣщиковъ отъ разоренія, поддержитъ ихъ хозяйство и приспособитъ ихъ къ обработкѣ земли наемными руками. Этотъ капиталъ, по мнѣнію Унковскаго, долженъ быть выданъ единовременно правительствомъ, которому затѣмъ частью

крестьяне, а частью все населеніе должны выплатить затраченную сумму. Тверской комитетъ отстаивалъ свои взгляды съ большой настойчивостью и скоро могъ убѣдиться въ торжествѣ ихъ. Именно, Ростовцевъ, который первоначально раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими членами Главнаго Комитета мысль о недопустимости выкупа всего крестьянскаго надѣла, успѣлъ лѣтомъ 1858 года глубоко вдуматься въ крестьянскій вопросъ, основательно ознакомиться съ нимъ и сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ добровольнаго, т. е. произведеннаго съ согласія помѣщика, выкупа. Свои новыя воззрѣнія онъ изложилъ въ четырехъ письмахъ Александру II, въ которыхъ доказывалъ опасность для государства безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Сдѣлавшись душою Главнаго Комитета и руководителемъ «святого дѣла», Ростовцевъ и сталъ настаивать на томъ, что только добровольный выкупъ усадебъ съ выкупомъ надѣла «разрѣшаетъ вопросъ», а не «обходитъ» его. Въ дѣлѣ выкупа на помощь крестьянамъ должны, по его мнѣнію, придти правительство, банки и другія учрежденія, располагающія средствами. Ростовцевъ измѣнилъ и прежнимъ своимъ убѣжденіямъ о необходимости предоставить помѣщикамъ полицейскую власть и утверждалъ, что спокойствіе крестьянъ и исправность повинностей будутъ вполнѣ обезпечены, если они будутъ связаны «круговой порукой», при которой общество крестьянъ, такъ называемый «міръ», съ его выборными властями отвѣчаетъ за каждаго своего сочлена. Такимъ образомъ Ростовцевъ сдѣлался сторонникомъ «самоуправленія» крестьянъ, т. е. предоставленія имъ права самимъ вѣдать свои дѣла и отвѣчать передъ правительствомъ черезъ выборныхъ властей. Въ общемъ взгляды Ростовцева сводились къ слѣдующему: хотя земля, какъ это считалось общепризнаннымъ, и представляетъ собою безусловную, собственность помѣщиковъ, однако съ ихъ согласія, крестьяне могутъ выкупать ее; личную свободу крестьяне получаютъ безвозмездно, дѣлаются вполнѣ независимыми отъ господъ и пользуются самоуправленіемъ.

Редакціонная комиссія.

Къ сожалѣнію, такими взглядами онъ проникся только къ тому времени, когда большинство губернскихъ комитетовъ уже составило свои проекты, болѣе или менѣе приспособленные къ данной имъ прежде въ руководство запискѣ. Для подробнаго изученія этихъ проектовъ и для приведенія ихъ въ систему, по предложенію Ростовцева, при Главномъ Комитетѣ были образованы въ началѣ 1859 года двѣ «редакціонныя комиссіи», слившіяся затѣмъ въ одну, раздѣленную на четыре отдѣленія. Предсѣдателемъ ихъ былъ назначенъ Ростовцевъ, а членами—представители разныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялся своею необыкновенною энергіей, дѣловитостью и блестящимъ знаніемъ крестьянскаго дѣла Н. А. Милютинъ.

Горячій сторонникъ полнаго освобожденія крѣпостныхъ, не любившій скрывать своихъ взглядовъ, Милютинъ возбуждалъ противъ себя ненависть дворянъ, которые считали его своимъ врагомъ и дѣйствовали противъ него клеветою и интригами всякаго рода. Поддавшись имъ, даже самъ государь считалъ Милютина «краснымъ, т. е. неблагонамѣреннымъ, и очень вреднымъ человѣкомъ» и лишь по настоянію Елены Павловны согласился назначить его, на мѣсто ушедшаго въ отставку Левшина, «временно исполняющимъ обязанности» товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Милютинъ сдѣлался главнымъ работникомъ редакціонной комиссіи. Въ составъ ея, кромѣ чиновниковъ, приглашены были нѣкоторые помѣщики въ качествѣ экспертовъ, т. е. свѣдущихъ людей. Изъ нихъ надо помнить имена писателя Самарина и князя Черкасскаго.

Принимая членовъ редакціонной комиссіи, Александръ II обратился къ нимъ со словами: «Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю... Я надѣюсь, что съ вами приведемъ дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду». Государь обѣщалъ также вызвать уполномоченныхъ отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ для обсужденія «положенія» о крестьянахъ, когда оно будетъ закончено.

Положеніе о крестьянахъ.

Редакціонная комиссія занялась составленіемъ этого «положенія», пользуясь губернскими проектами только, какъ матеріаломъ, и далеко не всегда считаясь съ ними, тѣмъ болѣе, что они, какъ сказано, составлены были по другой программѣ, не раздѣляемой теперь Ростовцевымъ. Немало труда было потрачено на опредѣленіе величины тѣхъ земельныхъ надѣловъ, которые предполагалось отвести крестьянамъ. Въ общемъ, крестьянскій надѣлъ, особо устанавливаемый для разныхъ раіоновъ Россіи, колебался между 12 и одной десятиной. За полученный надѣлъ крестьяне впредь до его выкупа[1]) платили помѣщику оброкъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ теченіе извѣстнаго времени, должны были отбывать барщину (мужчины 40 дней въ году, женщины — 30). Размѣръ оброка устанавливался въ зависимости отъ мѣстности и количества десятинъ надѣла (оброкъ за высшій надѣлъ колебался отъ 10 до 8 руб. въ годъ). Однако, не всѣ десятины отводимой крестьянину земли облагались податью равномѣрно: за первую и иногда за вторую десятину, надъ которыми крестьянинъ, по мнѣнію комиссіи, больше всего трудился и изъ которыхъ извлекалъ больше доходовъ, онъ долженъ былъ платить дороже, чѣмъ за остальныя (такъ, напр., за первую полагалось въ нѣкоторыхъ губерніяхъ платить 4 руб., за вторую 2 руб. 40 коп., за остальныя по 1 руб. 30 коп.). Вслѣдствіе такой «градаціи» обло-

---

[1]) Для выкупа усадьбы требовалось только желаніе крестьянина, а для выкупа надѣла, кромѣ того — согласіе помѣщика.

женія, какъ называли принятый способъ назначенія повинностей, крестьянинъ, имѣвшій вдвое меньше земли, чѣмъ другой крестьянинъ той же мѣстности, платилъ не половину оброка послѣдняго, а нѣсколько больше. Это было, конечно, въ интересахъ помѣщиковъ, которые могли получать значительный оброкъ и съ мелкихъ надѣловъ. Равнымъ образомъ и выкупъ примѣнялся къ выгодамъ помѣщиковъ: они должны были получить капиталъ, проценты съ котораго возмѣщали бы имъ крестьянскій оброкъ. Такимъ образомъ, они вознаграждались не столько за уступленную землю, сколько за прекращеніе крестьянскихъ платежей. Эта система выкупа надѣловъ косвенно заключала въ себѣ выкупъ самихъ крестьянъ и до извѣстной степени нарушала основной принципъ, въ силу котораго выкупаться должна была только земля, а не личность крѣпостныхъ. Такое нарушеніе оправдывалось экономическими условіями различныхъ раіоновъ Россіи. Дѣло въ томъ, что лишь въ черноземной полосѣ главную цѣнность представляла земля, въ губерніяхъ же съ рѣдкимъ населеніемъ помѣщики особенно дорожили крестьянской работой, а въ промышленныхъ — оброкомъ съ крестьянъ, уходившихъ на промыслы. Выкупленная у помѣщика земля становилась не личной собственностью крестьянина, а собственностью всего общества крестьянъ, населявшихъ помѣстье, и поступала въ общинное владѣніе. «Сельское общество» (такъ называлась крестьянская община) распредѣляло участки и повинности между своими сочленами. Изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ составлялась «волость». Крестьяне, собираясь на сельскіе и волостные сходы, выбирали должностныхъ лицъ (старшину, членовъ волостного правленія и суда, старосту и др.), на которыхъ возлагались хозяйственныя, полицейскія и судебныя обязанности, и которые являлись посредниками между крестьянами и властями.

Таково было въ общихъ чертахъ «Положеніе» о крестьянахъ, выработанное Редакціонной комиссіей къ осени 1859 года. Къ этому времени, согласно обѣщанію Государя, приглашены были въ Петербургѣ уполномоченные отъ губернскихъ комитетовъ, но не отъ всѣхъ, а только отъ 21 комитета, проекты которыхъ были уже разсмотрѣны. Представители отъ остальныхъ позваны были позже, во вторую очередь, уже послѣ смерти Ростовцева. Приглашенные депутаты подвергли «Положеніе» редакціонной комиссіи рѣзкимъ нападкамъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одни изъ нихъ старались всячески оклеветать членовъ комиссіи, упрекая ихъ въ неблагонамѣренности и чуть не въ революціонныхъ идеяхъ. Другіе представили серьезную критику Положенія. Такъ, напр., Унковскій нападалъ на то, что крестьянамъ послѣ ихъ освобожденія дается обособленное устройство, что они отдѣляются отъ другихъ сословій, съ которыми должны имѣть общіе интересы. «Разъединеніе сословій», по мнѣнію Унковскаго, «поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ».

Государь, желая успокоить разгорѣвшіяся страсти, послѣ смерти Ростовцева, послѣдовавшей 6 февраля 1860 года, назначилъ предсѣдателемъ редакціонной комиссіи министра юстиціи графа Панина. Въ кружкѣ передовыхъ людей онъ пользовался плохой репутаціей: его считали буквоѣдомъ, формалистомъ и, главное, отъявленнымъ крѣпостникомъ. Члены комиссіи пришли въ ужасъ отъ его назначенія и готовы были подать въ отставку, великая княгиня Елена Павловна теряла надежду на освобожденіе крестьянъ. Но государь успокоилъ ихъ тревогу: сотрудниковъ Ростовцева онъ просилъ окончить дѣло, «въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ его вели доселѣ», а Еленѣ Павловнѣ отозвался о Панинѣ такъ: «Вы совсѣмъ не знаете его: у него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ лишь одно желаніе—угодить мнѣ».

Панинъ хотя и пытался отстаивать свои крѣпостническія убѣжденія, но безъ особеннаго успѣха. Однако ему удалось добиться сокращенія надѣловъ крестьянъ и увеличенія ихъ оброка.

Завершеніе реформы.

Осенью 1860 года редакціонная комиссія была закрыта, и ея трудъ перешелъ на разсмотрѣніе Главнаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича. Государь присутствовалъ въ его засѣданіяхъ и, вѣрный своему обычаю, «оставался безмолвнымъ и безстрастнымъ, не позволялъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній онъ симпатизируетъ». Затѣмъ дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ, и императоръ потребовалъ, чтобы оно было закончено къ 15 февраля 1861 года, повелительно сказавъ: «Этого я желаю, требую, повелѣваю».

Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 28 января 1861 года императоръ произнесъ рѣчь, въ которой выражалъ надежду, что члены его, отложивъ всѣ личные интересы, будутъ дѣйствовать какъ государственные сановники; онъ подчеркивалъ также «довѣріе и спокойствіе добраго народа» и указывалъ, что реформа начата «по вызову самого дворянства». Послѣ горячихъ преній въ Совѣтѣ, Положеніе, выработанное редакціонной комиссіей, было принято въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: именно, сокращены были размѣры надѣловъ и, по предложенію князя Гагарина, было постановлено, что тѣ крестьяне, которые получатъ отъ помѣщика въ даръ, т. е. безвозмездно, четвертую часть высшаго установленнаго надѣла, освобождаются отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Такой «дарственный надѣлъ» давалъ помѣщику возможность уступкой небольшой части земли избавиться отъ необходимости отвести крестьянамъ полные надѣлы.

17 февраля 1861 года обсужденіе реформы было закончено, а 19 государь, оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, подписалъ «Положеніе» и знаменитый манифестъ о волѣ.

Свершилось великое дѣло: 21.625.609 крестьянъ получили свободу. «Живые мертвецы», какъ одинъ писатель называлъ крѣпостныхъ воскресли для новой, свободной жизни...

Проведеніе реформы.

Даруя крестьянамъ «волю», Государь пришелъ имъ на помощь и въ выкупѣ земли. Именно, въ случаѣ согласія помѣщиковъ на выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, правительство выплачивало имъ такой капиталъ, доходы съ котораго (считая по 6%) вознаграждали ихъ за прекращеніе крестьянскихъ повинностей, а затѣмъ крестьяне должны были выплачивать правительству затраченную сумму по частямъ въ теченіе 49 лѣтъ и облагались для этого новыми налогами (такъ называемыми «выкупными платежами»). Очевидно, что громадное большинство помѣщиковъ должно было предпочесть получить капиталъ, чѣмъ пользоваться повинностями «временно-обязанныхъ» (т. е. не выкупившихъ своихъ надѣловъ) крестьянъ, надъ которыми господа не имѣли уже власти. Дворовые освобождались безъ всякаго выкупа и безъ надѣла, но обязаны были прослужить своимъ господамъ еще два года.

Какъ видно, великая крестьянская реформа проведена была съ стремленіемъ по возможности согласовать выгоды дворянъ и крестьянъ. Знаменитый манифестъ о «волѣ» написанъ былъ Милютинымъ и Самаринымъ, но затѣмъ, по желанію государя, передѣланъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Опубликовать манифестъ тотчасъ же послѣ подписанія его не было возможности: нужно было сперва отпечатать его въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Наконецъ, 5 марта, въ послѣдній день масленицы, манифестъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Крѣпостники ожидали волненій и бунта, но народъ, несмотря на праздничный день, выказалъ необыкновенное спокойствіе: даже въ проявленіяхъ своей радости и восторга онъ былъ сдержанъ. Всѣ сознавали величіе этого дня, и обычный праздничный разгулъ не омрачилъ его: слишкомъ глубоко было ликованіе, чтобы шумно выражать его. Правда, многіе кромѣ ликованія чувствовали и недоумѣніе: не всѣми понятъ былъ манифестъ, не всѣ уразумѣли смыслъ «Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости».

Если манифеста не понимали въ столицахъ, то еще большія недоразумѣнія вызвалъ онъ въ глухихъ деревняхъ, гдѣ крестьяне почти поголовно были неграмотны. Не всегда довѣряли они помѣщикамъ, священникамъ и должностнымъ лицамъ, читавшимъ имъ манифестъ и Положеніе: боялись, что не все прочтутъ имъ, что скроютъ отъ нихъ частицу ихъ правъ и воли. И вотъ крестьяне искали грамотеевъ въ своей средѣ. Эти полуграмотные «чтецы», напрягши свой умъ, не въ силахъ были растолковать всего читаемаго. Еще хуже было, когда манифестъ или по невѣжеству или по злому умыслу толковался превратно, когда крестьяне вычитывали въ немъ свои права на даровую уступку имъ всей помѣщичьей земли и даже припасовъ. Такъ, напр., слово «осѣни» (въ выраженіи: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ») понималось въ одной деревнѣ какъ

упоминаніе о помѣщичьемъ сѣнѣ. Въ другой деревнѣ мужики предъявляли свои права на господскіе сады, огороды и амбары, основываясь на томъ, что манифестъ упоминаетъ о «плодахъ земли» и о «житницахъ». Много было и другихъ такихъ же наивныхъ недоразумѣній.

Мировые посредники.

Разъясненію ихъ и правильному пониманію манифеста старались всѣми силами содѣйствовать «мировые посредники». Такъ назывались должностныя лица, назначавшіяся правительствомъ изъ дворянъ, «извѣстныхъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами». Имъ было вмѣнено въ обязанность вводить Положеніе, устраивать крестьянъ на новыхъ основаніяхъ и разбирать ихъ недоразумѣнія съ помѣщиками при составленіи «уставныхъ грамотъ» (Уставныя грамоты заключали въ себѣ письменныя условія между помѣщиками и крестьянами о размѣрѣ отводимой послѣднимъ земли и объ ихъ повинностяхъ).

Самоотверженная дѣятельность мировыхъ посредниковъ способствовала успѣшному проведенію реформы, не разъ предотвращала крестьянскія волненія и вносила успокоеніе въ среду дворянства. Тѣмъ не менѣе волненія все-таки кое-гдѣ вспыхивали и ихъ приходилось подавлять даже военной силой.

Значеніе крестьянской реформы.

Крестьянская реформа 1861 года имѣла огромное значеніе не только для самихъ освобожденныхъ, превративъ ихъ изъ «живыхъ мертвецовъ» въ гражданъ, но и для всего государства: 1) она была блестящимъ разрѣшеніемъ сословнаго вопроса, который, какъ упоминалось, въ теченіе ста лѣтъ тревожилъ русское правительство и являлся источникомъ самыхъ тяжелыхъ осложненій; 2) она возвращала государству массу подданныхъ, которые при существованіи крѣпостного права находились собственно въ подданствѣ у помѣщиковъ; 3) она должна была способствовать экономическому развитію Россіи, такъ какъ свободный трудъ обѣщалъ быть много продуктивнѣе подневольнаго, и такъ какъ помѣщики могли воспользоваться выкупными капиталами для улучшенія своего хозяйства или для устройства торгово-промышленныхъ предпріятій, которыя не терпѣли теперь недостатка въ вольнонаемныхъ рабочихъ; 4) она естественно повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ великихъ преобразованій, послужила тѣмъ центральнымъ узломъ, отъ котораго расходились всѣ они: вѣдь не только сословный строй, но въ значительной степени и правительственный механизмъ Россіи XVIII и первой половины XIX вѣка зиждился на фундаментѣ крѣпостного права; понятно поэтому, что съ разрушеніемъ фундамента должна была измѣниться и надстройка.

Какъ реформы Петра Великаго диктовались военными нуждами, такъ преобразованія Царя-Освободителя обусловливались уничто-

женіемъ крѣпостного права; но въ то время, какъ первыя разбивали русское населеніе на обособленные классы и проводились принудительнымъ образомъ, вторыя, напротивъ, способствовали сближенію этихъ классовъ, вносили начало всесословности и осуществлялись при дружномъ содѣйствіи большинства общества, въ атмосферѣ полной гласности. Дѣйствительно, какъ сейчасъ увидимъ, въ основу преобразованій императора Александра II положены были именно начала всесословности, довѣрія къ обществу и гласности.

Крестьянская реформа, сгладившая рѣзкія сословныя противорѣчія, имѣла своими естественными слѣдствіями: 1) устройство всесословнаго мѣстнаго земскаго самоуправленія (въ 1864 г.) и тѣсно связаннаго съ нимъ всесословнаго городского самоуправленія (въ 1870 г.), 2) созданіе всесословнаго, равнаго для всѣхъ и гласнаго суда (1864 г.), 3) введеніе всесословной воинской повинности, 4) развитіе народнаго образованія; наряду съ этими великими реформами слѣдуетъ упомянуть и важныя финансовыя мѣропріятія, въ основѣ которыхъ также лежало, между прочимъ, начало гласности.

§ 98. Земская реформа, городское самоуправленіе, устройство окраинъ.

При существованіи крѣпостного права помѣщикъ былъ и правителемъ и судьей и опекуномъ своихъ крестьянъ. Съ отмѣной его, крестьяне, какъ упоминалось, получили свое сословное «мірское» самоуправленіе, которое стало такимъ образомъ рядомъ съ дворянскимъ и городскимъ самоуправленіемъ, дарованнымъ Екатериной II, но значительно заглохшимъ при Павлѣ I и въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I. Устарѣлость екатерининскихъ установленій, приспособленныхъ къ крѣпостному строю, и неудобство раздробленія мѣстныхъ дѣлъ между тремя сословными группами побудили правительство Александра II къ выработкѣ новаго «положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ», которое появилось въ 1864 году и постепенно было введено въ 33 губерніяхъ.

Надъ выработкой этого положенія трудилась комиссія, образованная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Милютина, который задался цѣлью «дать мѣстному самоуправленію возможно больше довѣрія, возможно больше самостоятельности и возможно больше единства». По выходѣ въ отставку Милютина и министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, преемникъ послѣдняго Валуевъ пытался измѣнить Милютинскій проектъ въ смыслѣ предоставленія дворянству преобладанія въ земскихъ учрежденіяхъ, но не встрѣтилъ поддержки въ Государственномъ Совѣтѣ, и начало всесословности восторжествовало.

«Положеніе» призывало къ завѣдыванію мѣстными дѣлами (къ ихъ числу относились устройство и содержаніе мѣстныхъ путей сообщенія, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, продовольственное, медицинское, ветеринарное и страховое дѣло, заботы о развитіи сельскаго хозяйства и промышленности, назначеніе и распредѣленіе повинностей и сборовъ на земскія нужды, завѣдываніе земскими капиталами и имуществами и т. п.) мѣстное населеніе, которое раздѣлено было на три разряда: 1) курія частныхъ землевладѣльцевъ (дворянъ и не-дворянъ, имѣющихъ земельный цензъ не менѣе 100 крестьянскихъ надѣловъ), 2) курія городскихъ избирателей (обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ), 3) курія сельскихъ обществъ (въ нее входятъ уполномоченные отъ крестьянскихъ волостныхъ сходовъ). Каждая курія избираетъ на 3 года «гласныхъ» въ «уѣздное земское собраніе» (такъ, что на опредѣленное количество земли, равное 3.000 крестьянскихъ надѣловъ, или на равноцѣнную этой землѣ сумму городскихъ недвижимыхъ имуществъ приходится по одному гласному). Уѣздное земское собраніе изъ своей среды избираетъ «уѣздную земскую управу» въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, а также гласныхъ «губернскаго земскаго собранія», которое въ свою очередь выбираетъ «губернскую земскую управу». Земскія собранія подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства созываются разъ въ годъ[1]) на короткій срокъ и въ качествѣ распорядительныхъ учрежденій обсуждаютъ важнѣйшіе вопросы, а также даютъ указанія и принимаютъ отчетъ отъ своихъ исполнительныхъ органовъ, каковыми являются управы, дѣйствующія непрерывно. Указанные органы мѣстнаго управленія подчиняются лишь Сенату, за губернаторами же сохранено только право надзора за ними. Многія «земства» (т. е. земскія учрежденія) прославили себя весьма плодотворною работою и не мало способствовали развитію самодѣятельности русскаго общества.

Какъ видно изъ изложеннаго, въ основу земской реформы положенъ былъ принципъ всесословности (и даже безсословности) и имущественный цензъ (для первыхъ двухъ курій).

На такихъ же приблизительно основаніяхъ выработано было и «Городовое положеніе» 1870 г., внесшее значительныя измѣненія въ Милютинское «Положеніе» 1846 г., дѣйствовавшее въ Петербургѣ. По закону 1870 года городскіе обыватели, несшіе въ пользу города какія-нибудь денежныя повинности, раздѣлялись на 3 куріи не по сословіямъ, а въ зависимости отъ суммы платимыхъ ими налоговъ. Каждая курія избирала на 4 года одинаковое число гласныхъ въ «городскую думу». Такимъ образомъ устанавливалось представительство, пропорціональное размѣру вносимыхъ налоговъ, но не пропорціональное

---

[1]) Въ случаѣ надобности, кромѣ очередныхъ, созываются чрезвычайныя земскія собранія.

количеству населенія, такъ какъ, очевидно, мелкихъ плательщиковъ, включенныхъ въ третью курію, было гораздо болѣе, чѣмъ крупныхъ, внесенныхъ во вторую и, особенно, въ первую. Городская дума, созывавшаяся по мѣрѣ надобности, избирала изъ своей среды членовъ постояннаго исполнительнаго учрежденія—«городской управы» и ея предсѣдателя «городского голову». Вѣдѣнію органовъ городского самоуправленія подлежали вопросы, касавшіеся хозяйства и благоустройства города, а за дѣятельностью ихъ наблюдало «губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе», состоявшее подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Даруя мѣстное самоуправленіе коренной Россіи, императоръ Александръ II возстановлялъ, сохранялъ и развивалъ его и въ тѣхъ окраинахъ, которыя раньше имѣли его. Такъ, напр., какъ увидимъ ниже, онъ согласился на введеніе широкаго самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ и уничтожилъ его лишь вслѣдствіе возстанія поляковъ въ 1863 г.; онъ не тронулъ нѣмецкихъ порядковъ, исторически-сложившихся въ Прибалтійскомъ краю; наконецъ, онъ расширилъ самоуправленіе въ Финляндіи. Въ послѣдней, впервые со времени присоединенія ея къ Россіи, созванъ былъ въ 1863 г. сеймъ, который сталъ затѣмъ собираться періодически (по сеймовому уставу, составленному по образцу шведскаго, сеймъ раздѣлялся на нѣсколько сословныхъ курій, самой многочисленной и вліятельной изъ которыхъ была дворянская); оффиціальными языками въ Великомъ Княжествѣ сдѣлались финскій и шведскій; Финляндія сохранила особое административное и финансовое управленіе, главнымъ органомъ котораго былъ сенатъ, и впослѣдствіи (въ 1879 г.) получила свое войско; приняты были мѣры для развитія народнаго образованія и экономическаго благосостоянія финскаго народа.

Въ основѣ областныхъ преобразованій императора Александра II, какъ видно, лежало стремленіе предоставить самому населенію вѣдать мѣстныя дѣла, сохранивъ за правительствомъ (въ лицѣ министровъ, намѣстниковъ и губернаторовъ) право надзора за дѣятельностью органовъ самоуправленія и опротестованія ихъ незаконныхъ постановленій.

Судебная же реформа, осуществленная императоромъ Александромъ II, стремилась, какъ сейчасъ увидимъ, къ совершенному отдѣленію суда отъ администраціи.

§ 99. Судебная реформа.

Необходимость ея.

«Судебная реформа, по словамъ историка (проф. Ключевскаго), была такимъ же необходимымъ слѣдствіемъ крестьянской, какъ и земская, и вводила всесословное участіе общества въ отправленіе правосудія, какъ земская предоставляла всѣмъ сословіямъ завѣдываніе мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Обществу, ставшему свободнымъ во всемъ своемъ составѣ, необходимъ былъ судъ, общій для всѣхъ составныхъ частей его, основанный на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, дѣйствующій открыто передъ обществомъ и при его содѣйствіи». Это было тѣмъ болѣе необходимо, что тотъ судъ, который засталъ императоръ Александръ II при своемъ вступленіи на престолъ, являлся одной изъ самыхъ печальныхъ сторонъ русской жизни. Наиболѣе бросающимися въ глаза недостатками его были слѣдующіе: 1) крайне несовершенное производство слѣдствій, поручавшихся чинамъ полиціи, 2) неподготовленность судей, не имѣвшихъ не только юридическаго, но иногда и никакого образованія, не обезпеченныхъ достаточнымъ жалованьемъ, и поэтому часто дѣйствовавшихъ лицепріятно и корыстно, 3) сословная организація судовъ, 4) разсмотрѣніе дѣла въ закрытыхъ засѣданіяхъ безъ пренія сторонъ, т. е. истца и отвѣтчика, безъ участія защитниковъ, безъ предъявленія подсудимому всѣхъ данныхъ, на которыхъ построено обвиненіе, 5) произнесеніе приговора на основаніи формальныхъ уликъ, а не по внутреннему убѣжденію, 6) перенесеніе дѣла, независимо отъ желанія сторонъ, изъ одной инстанціи въ другую, слѣдствіемъ чего являлась многолѣтняя волокита и накопленіе бумажнаго производства, 7) полная зависимость суда отъ администраціи, въ частности губернатора, по распоряженію котораго дѣло могло быть остановлено или прекращено. Вслѣдствіе всего этого суды, по выраженію современника, были «полны неправды черной», «отъ одного воспоминанія о нихъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ».

Указанные недостатки суда сознавались уже императорами Александромъ I и Николаемъ I, не мало думавшими объ исправленіи ихъ. Однако великая судебная реформа была осуществлена лишь при императорѣ Александрѣ II, возвѣстившемъ, что одно изъ первыхъ его желаній заключается въ томъ, чтобы «правда и милость царствовали въ судахъ» и задавшемся цѣлью «водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Надъ разработкой судебной реформы трудилась при Александрѣ II коммиссія изъ образованнѣйшихъ юристовъ, вдохновляемая статсъ-секретаремъ С. И. Заруднымъ, которая уже къ осени 1862 г. составила «основныя положенія». По утвержденіи ихъ государемъ, они были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе и затѣмъ вмѣстѣ съ тѣми замѣчаніями, которыя были высказаны по поводу нихъ свѣдущими людьми, легли въ основаніе «Судебныхъ уставовъ».

Общій характеръ судебныхъ уставовъ.

Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 года Судебные уставы характеризуются слѣдующими чертами: 1) отдѣленіемъ судебной власти отъ законодательной и административной, 2) несмѣняемостью судей, 3) участіемъ населенія, черезъ своихъ выборныхъ, въ отправленіи правосудія, 4) гласностью, устностью и скоростью судебнаго разбирательства, 5) состязательностью процесса. Послѣдняя выражается въ томъ, что при судебномъ разбирательствѣ допускаются въ широкихъ размѣрахъ пренія сторонъ защищающей и обвиняющей, при чемъ каждая можетъ обжаловать приговоръ въ высшую инстанцію. Судебная власть поручается слѣдующимъ установленіямъ: 1) мировымъ судьямъ, 2) съѣздамъ мировыхъ судей, 3) окружнымъ судамъ, 4) судебнымъ палатамъ, 5) Правительствующему Сенату. Мировые судьи избираются для каждаго участка (на которые распадается округъ, составляемый уѣздомъ или большимъ городомъ) земскимъ собраніемъ или городскими думами изъ лицъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ и пользующихся безупречной репутаціей. Участковыми (а также замѣняющими ихъ почетными и запасными) мировыми судьями рѣшаются маловажныя дѣла гражданскія (напр., иски до 500 р.) и уголовныя (такія, которыя караются заключеніемъ въ тюрьмѣ не свыше $1^1/_2$ года или штрафомъ до 300 р.). Основною обязанностью мировыхъ судей является содѣйствіе примиренію тяжущихся. На приговоръ мирового судьи можно подать жалобу въ съѣздъ мировыхъ судей, который является такимъ образомъ преимущественно апелляціонной инстанціей для дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ.

Судебныя учрежденія.

Болѣе важныя гражданскія и уголовныя дѣла разсматриваются окружными судами, имѣющимися во всѣхъ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ. Окружный судъ представляетъ собою коллегіальное судебное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ назначенные правительствомъ: предсѣдатель, его товарищи и члены, и при которомъ состоятъ также назначенные прокуроръ, его товарищи, судебные пристава, судебные слѣдователи для производства предварительнаго слѣдствія и нѣкоторыя другія должностныя лица. Особое положеніе занимаютъ «присяжные повѣренные» и «присяжные засѣдатели». Въ «сословіе» (т. е. среду) первыхъ допускаются лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и судебною опытностью, при-

несшіе особую присягу; назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы помогать тяжущимся и защищать обвиняемыхъ, которые могутъ сами приглашать ихъ за извѣстное вознагражденіе или получаютъ ихъ по назначенію либо предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, либо «совѣта присяжныхъ повѣренныхъ» (такіе совѣты состоятъ при судебныхъ палатахъ и вѣдаютъ корпоративными дѣлами присяжныхъ повѣренныхъ).

Что касается присяжныхъ засѣдателей, то они приглашаются по очереди на короткій срокъ (дней десять) изъ числа мѣстныхъ обывателей, пользующихся хорошей репутаціей и имѣющихъ извѣстный имущественный цензъ [1]).

Они являются какъ бы представителями общественной совѣсти, рѣшающими вопросъ о виновности или невиновности или о дарованіи снисхожденія подсудимому, обвиняемому въ тяжкихъ преступленіяхъ, «за которыя въ законѣ положены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично или по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ».

Судопроизводство.

Производство дѣлъ о такихъ преступленіяхъ проходитъ слѣдующія стадіи: при обнаруженіи преступленія полиція производитъ *дознаніе*, увѣдомляя о своихъ дѣйствіяхъ судебнаго слѣдователя, который приступаетъ къ *предварительному слѣдствію* (допрашивая свидѣтелей, потерпѣвшихъ и обвиняемаго) и, закончивъ его, передаетъ все слѣдственное производство прокурору окружнаго суда; прокуроръ, изучивъ представленный ему матеріалъ, составляетъ «обвинительный актъ», излагающій дѣло; этотъ актъ идетъ въ Судебную палату (коллегіальное учрежденіе, состоящее изъ назначенныхъ: старшаго предсѣдателя, предсѣдателей департаментовъ и членовъ), которая дѣлаетъ постановленіе либо о прекращеніи дѣла, за отсутствіемъ состава преступленія, недостаткомъ уликъ и т. д. [2]), либо о дослѣдованіи, либо *о преданіи обвиняемаго окружному суду* съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ послѣднемъ случаѣ утвержденный палатою обвинительный актъ вмѣстѣ со слѣдственнымъ производствомъ препровождается въ окружный судъ, который вручаетъ обвиняемому копію съ него, а также списокъ свидѣтелей и списокъ судей, лицъ прокурорскаго надзора и присяжныхъ засѣдателей. Обвиняемый можетъ ходатайствовать объ отводѣ (т. е. устраненіи отъ его дѣла) тѣхъ изъ поименованныхъ въ послѣднемъ спискѣ лицъ, отъ кото-

---

[1]) Отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей освобождаются высшія должностныя лица, священники, монахи, военные, судьи, прокуроры, полицейскіе чиновники.

[2]) И въ предшествующихъ стадіяхъ производства судебному слѣдователю и прокурору дается право дѣлать въ окружный судъ представленіе о прекращеніи дѣла.

рыхъ имѣетъ основаніе ждать пристрастнаго отношенія [1]), о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и о назначеніи себѣ защитника. Только послѣ этого начинается *судебное разбирательство.*

Самое слушаніе дѣла въ окружномъ судѣ происходитъ слѣдующимъ образомъ: объявивъ засѣданіе открытымъ, предсѣдательствующій удостовѣряется, явились ли въ достаточномъ числѣ присяжные засѣдатели и свидѣтели. Затѣмъ тѣхъ и другихъ приводятъ къ присягѣ, при чемъ первые обязуются судить по совѣсти и крайнему разумѣнію, а вторые—говорить полную правду. Послѣ приведенія ихъ къ присягѣ, читается обвинительный актъ, который затѣмъ провѣряется посредствомъ *судебнаго слѣдствія*, состоящаго въ допросѣ подсудимаго и свидѣтелей и какъ бы повторяющаго предварительное слѣдствіе. (Если по прочтеніи обвинительнаго акта подсудимый отвѣтилъ утвердительно на вопросъ предсѣдательствующаго о виновности, то судебное слѣдствіе можетъ не производиться).

По выясненіи всѣхъ обстоятельствъ преступленія и по выслушаніи преній сторонъ (т. е. сначала обвинительной рѣчи прокурора, затѣмъ защитительной рѣчи присяжнаго повѣреннаго и, наконецъ, послѣдняго слова подсудимаго), судъ (въ лицѣ предсѣдательствующаго и двухъ членовъ) вырабатываетъ вопросы о виновности подсудимаго, которые и предлагаетъ присяжнымъ засѣдателямъ. Для совѣщанія по поводу этихъ вопросовъ они удаляются въ особую комнату, куда не допускается никто изъ постороннихъ, и здѣсь приходятъ къ рѣшенію, которое можетъ быть выражено трояко: или «да, виновенъ» или «нѣтъ, не виновенъ», или «да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія» и которое пишется на вопросномъ листкѣ избраннымъ присяжными старшиною. По возвращеніи присяжныхъ въ залу засѣданія, старшина громогласно прочитываетъ вопросы и отвѣты. Въ случаѣ оправдательнаго вердикта (отвѣта) предсѣдательствующій дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ освобожденіи подсудимаго, въ случаѣ обвинительнаго—судъ назначаетъ ему мѣру наказанія.

Приговоръ окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей считается окончательнымъ и не подлежитъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ, т. е. рѣшенное дѣло не можетъ быть пересмотрѣно второй (апелляціонной) инстанціей по существу. Но въ двухъ случаяхъ этотъ приговоръ теряетъ силу: 1) «если судъ (т. е. предсѣдательствующій и члены) единогласно признаетъ, что осужденъ невинный, то постановляетъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ»; 2) если во время судопроизводства допущено нарушеніе закона, то приговоръ можетъ быть обжалованъ въ Сенатъ, который, въ случаѣ признанія основательности такой

---

[1]) Изъ числа присяжныхъ засѣдателей 3 могутъ быть отведены безъ объясненія причинъ обвиняемымъ или его защитникомъ и 3 прокуроромъ.

жалобы, кассируетъ, т. е. уничтожаетъ, приговоръ и, не разсматривая самъ дѣла по существу, передаетъ его окружному суду для новаго разсмотрѣнія. Поэтому и самый порядокъ обжалованія приговора въ Сенатъ называется кассаціоннымъ. Сенатъ (собственно его кассаціонные департаменты: уголовный и гражданскій), наблюдающій за охраненіемъ силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями, является кассаціонной инстанціей не только для окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, но и для апелляціонныхъ инстанцій, каковыми признаются съѣзды мировыхъ судей и судебныя палаты. Судебныя палаты (состоящія изъ назначенныхъ судей) служатъ вторыми (апелляціонными) инстанціями для такихъ дѣлъ, которыя разсматриваются окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, т. е. такихъ, обвиненіе по которымъ не влечетъ за собою лишенія правъ; иными словами, палаты имѣютъ право пересмотрѣть по существу (а не только съ точки зрѣнія соблюденія законности) тѣ дѣла, приговоръ по которымъ произнесенъ не присяжными, а самимъ судомъ (т. е. предсѣдательствующимъ и двумя членами). Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ палата выступаетъ въ качествѣ первой инстанціи: именно, она разсматриваетъ изъятыя изъ подсудности окружнымъ судамъ политическія и служебныя преступленія и дѣла о печати, при чемъ въ разсмотрѣніи ихъ участвуютъ иногда такъ называемые сословные представители: мѣстный губернскій предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина.

Значеніе судебной реформы.

Судебная реформа, соединенная со смягченіемъ наказаній за преступленія (особенно тѣлесныхъ[1]), имѣла огромное значеніе не только практическое, но и воспитательное: она пріучала русское общество смотрѣть на судъ не какъ на страшную угрозу, олицетвореніе бумажной волокиты и источникъ притѣсненій и обидъ, а какъ на обезпеченіе правосудія и опору законности; привлеченіе общества (въ лицѣ мировыхъ судей, присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей) къ отправленію судопроизводства развивало

---

[1]) Огромный нравственный вредъ, приносимый жесточайшими тѣлесными наказаніями (клейменіемъ лица, битьемъ плетьми, шпицрутенами, розгами, число ударовъ которыми доводилось до невѣроятной цифры), давно сознавался русскимъ обществомъ, и при Александрѣ II началось сильное движеніе въ пользу отмѣны ихъ. Изъ высшихъ сановниковъ во главѣ этого движенія стоялъ кн. Орловъ, нашедшій горячаго единомышленника въ лицѣ вел. кн. Константина Николаевича. Послѣдній настаивалъ на томъ, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній необходима «для предупрежденія коренной порчи нравственности и для сбереженія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ». И многіе другіе представители власти также находили, что «тѣлесныя наказанія скорѣе ожесточаютъ, чѣмъ исправляютъ». Вслѣдствіе всего этого въ 1863 году былъ изданъ указъ, который отмѣнялъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній. (Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно было сохранено).

правовое самосознаніе, чувство долга по отношенію къ государству и своимъ ближнимъ, чувство гуманности. Однимъ словомъ, судебная реформа способствовала культурному росту русскаго народа, дѣйствуя въ томъ же направленіи, какъ и просвѣтительныя мѣропріятія императора Александра II.

§ 100. Просвѣтительныя мѣропріятія.

Въ области народнаго просвѣщенія особенно много было сдѣлано при императорѣ Александрѣ II для развитія низшаго и женскаго образованія. Распространеніе начальнаго образованія шло успѣшно, главнымъ образомъ, благодаря дѣятельности земствъ, покрывшихъ Россію тысячами народныхъ училищъ, учителя которыхъ подготовлялись въ учительскихъ семинаріяхъ. Органы городского самоуправленія заботились о расширеніи сѣти городскихъ (прежнихъ уѣздныхъ) училищъ, получавшихъ преподавателей изъ питомцевъ учительскихъ институтовъ. По частному почину массами устраивались воскресныя школы, гдѣ занимались преподаваніемъ люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ: и представители аристократіи, и военные, и учащаяся молодежь. Частная инціатива замѣтно проявилась также въ организаціи высшаго женскаго образованія: именно, когда сторонникамъ его (къ числу которыхъ принадлежали многіе выдающіеся профессора и журналисты самаго различнаго политическаго направленія) не удалось добиться у правительства допущенія женщинъ въ университеты, они стали устраивать «высшіе женскіе курсы», соотвѣтствующіе университетамъ, и медицинскіе курсы для подготовленія женщинъ-врачей. (Особенно заслуженною извѣстностью пользуются петербургскіе высшіе женскіе курсы, надъ организаціей которыхъ много потрудились выдающійся русскій историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Н. В. Стасова). Не открывая женщинамъ доступа въ университеты, правительство Александра II подвинуло зато значительно впередъ среднее женское образованіе, которое въ предшествующія царствованія пріобрѣталось только въ институтахъ и въ частныхъ пансіонахъ. При Александрѣ II, по предложенію Н. А. Вышнеградскаго, правительство (сперва вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, а потомъ и министерство народнаго просвѣщенія и Синодъ) стали устраивать женскія гимназіи и епархіальныя училища. Такимъ образомъ положено было начало организаціи открытаго, т. е. предназначаемаго для приходящихъ ученицъ, женскаго образованія. Отношеніе правительства къ мужскому среднему и высшему (въ частности университетскому) образованію подвергалось колебаніямъ въ зависимости отъ политическихъ соображеній.

Въ 1864 г. (въ министерство Головнина) изданъ былъ новый уставъ гимназій, въ выработкѣ котораго принимали дѣятельное участіе об-

щество и печать, горячо обсуждавшія вопросъ о томъ, какого типа должна быть гимназія, дающая общее образованіе: классическаго (т. е. съ преобладаніемъ древнихъ языковъ—греческаго и латинскаго) или реальнаго (съ преобладаніемъ естественныхъ наукъ). Сторонники классическаго образованія напирали на то, что оно даетъ отличную гимнастику ума, ихъ противники доказывали, что лишь реальное образованіе сообщаетъ положительныя знанія. Въ результатѣ этихъ споровъ рѣшено было установить гимназіи обоихъ типовъ съ тѣмъ, чтобы классическія подготовляли къ университету, реальныя — къ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Однако, вслѣдствіе недостатка преподавателей-классиковъ, которыхъ приходилось выписывать преимущественно изъ Чехіи, лишь въ очень немногихъ классическихъ гимназіяхъ преподавались оба древнихъ языка: большинство ограничивалось только латинскимъ. Съ теченіемъ времени, при преемникѣ Головнина гр. Д. А. Толстомъ данъ былъ перевѣсъ классическому образованію надъ реальнымъ. Въ послѣднемъ стали усматривать причину чрезмѣрнаго увлеченія общества естественными науками и матеріализмомъ, источникъ «верхоглядства», «крайняго самомнѣнія» учащихся, «превратныхъ воззрѣній, приводящихъ къ нигилизму», т. е. отрицанію всѣхъ авторитетовъ, религіи, основъ семейной жизни и т. д.

Изданіемъ въ 1871 году новаго устава гимназій, который устанавливалъ классическую систему и замѣнялъ реальныя гимназіи немногочисленными «реальными училищами», гр. Д. А. Толстой надѣялся достигнуть того, чтобы изъ гимназій выходили «молодые люди скромные и солидно образованные».

Еще болѣе озабочено было правительство положеніемъ университетовъ, въ которыхъ сильно отражались бурныя и крайнія общественныя теченія, проявлявшіяся, какъ увидимъ, въ эпоху великихъ реформъ, и въ которыхъ часто вспыхивали студенческіе безпорядки. Въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II были отмѣнены, какъ уже упоминалось, многія мѣры правительства Николая I, касавшіяся университетовъ (уничтоженъ комплектъ студентовъ, ограничена власть инспектора, возстановлено избраніе ректора и декановъ, возобновлены командировки профессоровъ за границу), а затѣмъ, опять-таки при содѣйствіи общества и печати, приступлено было къ выработкѣ новаго устава, который и появился въ 1863 году. Одною изъ задачъ его было усилить вліяніе профессорской среды на студентовъ, и для этого развить ея самодѣятельность. Университеты получали выборныхъ должностныхъ лицъ и профессоровъ и самую широкую автономію (самоуправленіе) по ученымъ, учебнымъ, хозяйственнымъ и даже судебнымъ дѣламъ (поскольку послѣднія касались проступковъ студентовъ въ стѣнахъ университета). Студенчество организаціи не получило, такъ какъ вопросъ о допустимости ея признанъ былъ спорнымъ. Одни изъ свѣдущихъ лицъ, напр., извѣстный

русскій историкъ Н. И. Костомаровъ, видѣли въ студенческихъ корпораціяхъ—остатокъ средневѣковья, на университеты же смотрѣли только какъ на большую аудиторію, которая должна быть доступна всѣмъ безъ различія пола и возраста. Другіе, напр., ученый юристъ Чичеринъ, признавали за университетомъ важное воспитательное значеніе и защищали научныя организаціи студенчества. Въ пользу организацій высказывался, хотя и не вполнѣ увѣренно, также попечитель Кіевскаго учебнаго округа знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ. При гр. Толстомъ университетская автономія стала ограничиваться. Научная жизнь развивалась въ царствованіе императора Александра II чрезвычайно успѣшно: учреждены были университеты въ Одессѣ и Варшавѣ и Историко-Филологическій институтъ въ Петербургѣ; въ столицахъ и большихъ городахъ огранизовались ученыя общества (естественно-историческія, историческія, археологическія, юридическія и т. д.); русскіе ученые собирались на многолюдные съѣзды, снаряжали научныя экспедиціи, печатали свои труды въ заграничныхъ изданіяхъ; русская наука становилась на одинъ уровень съ западно-европейской. Наряду съ культурнымъ развитіемъ Россіи росло и экономическое ея процвѣтаніе, обусловленное разумными финансовыми реформами.

§ 101. **Финансовыя реформы.**

Финансовыя преобразованія, проведенныя по мысли Татаринова въ 1862—63 г.г., преслѣдовали троякую цѣль: 1) централизацію финансоваго управленія, 2) введеніе строгой отчетности, 3) увеличеніе доходовъ. Взамѣнъ прежняго порядка, при которомъ государственные доходы поступали въ кассы различныхъ вѣдомствъ, расходовавшихъ ихъ по своему усмотрѣнію, установлено было «единство кассы», состоявшее въ томъ, что всѣ доходы шли въ кассы министерства финансовъ, такъ называемыя «казначейства». Министру финансовъ предоставлено было полное распоряженіе средствами казны: онъ отпускалъ ихъ различнымъ вѣдомствамъ согласно заранѣе составленной ими смѣтѣ, при чемъ на каждую статью расхода назначался «спеціальный кредитъ», который не могъ тратиться ими на что-нибудь другое. Неизрасходованные остатки отъ ассигнованій могли употребляться министромъ финансовъ для пополненія другихъ кредитовъ и для покрытія непредвидѣнныхъ расходовъ. Общая роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ (такъ называемый бюджетъ), исчисленная на основаніи смѣтъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, составлялась впередъ на каждый годъ, разсматривалась Государственнымъ Совѣтомъ и обнародовывалась во всеобщее свѣдѣніе. За исполненіемъ этой росписи, т. е. за расходованіемъ вѣдомствами отпущенныхъ имъ кредитовъ согласно назначенію, а также за дѣятельностью министра финансовъ наблюдалъ «государственный контроль». По-

слѣднiй былъ преобразованъ и получилъ мѣстныя учрежденiя въ видѣ «контрольныхъ палатъ», которыя, будучи поставлены въ независимое положенiе отъ мѣстной администрацiи, могли безпрепятственно ревизовать отчетность всѣхъ учрежденiй. Всѣ указанныя мѣры должны были, конечно, благотворно отозваться на финансовомъ состоянiи государства.

Обращено было также вниманiе на ту сторону государственнаго хозяйства, въ которой особенно процвѣтали злоупотребленiя, и которая давно заботила правительство, именно, на систему винныхъ откуповъ. Послѣдняя состояла въ томъ, что нѣсколько богачей, внося правительству извѣстную сумму, «откупали» у него право продавать вино, и торговали имъ потомъ по неимовѣрно дорогой цѣнѣ, спаивая недоброкачественной водкой народъ и развращая взятками мѣстную администрацiю, многiе чины которой состояли чуть не на постоянномъ жалованьи у откупщиковъ и поэтому потворствовали ихъ продѣлкамъ. Въ виду всего этого, по предложенiю К. К. Грота, откупная система была уничтожена въ 1863 году и замѣнена «акцизной». Сущность послѣдней заключалась въ томъ, что продажа питей разрѣшалась всѣмъ желающимъ, однако каждая бутылка спиртныхъ напитковъ облагалась особымъ налогомъ въ пользу казны— такъ называемымъ «акцизомъ», а погреба и питейные дома—патентнымъ сборомъ. Акцизъ распространенъ былъ также на табакъ и соль. Благодаря энергiи и безупречной добросовѣстности начальника акцизнаго управленiя Грота новая система не только не уменьшила, но даже увеличила доходы государства.

Благосостоянiе Россiи росло и вслѣдствiе развитiя денежнаго хозяйства, которое явилось, какъ уже упоминалось, естественнымъ слѣдствiемъ отмѣны крѣпостного права. Успѣхамъ торговли значительно способствовала быстро развивавшаяся постройка желѣзныхъ дорогъ: ихъ сѣть, сооруженная не только на казенныя средства, но и на деньги русскихъ и иностранныхъ капиталистовъ, соединила всѣ важнѣйшiе торговые пункты Россiи и растянулась на огромное пространство (длина всѣхъ желѣзнодорожныхъ путей достигала 20 тысячъ верстъ). Расширенiе торговыхъ и промышленныхъ предпрiятiй облегчалось основанiемъ новыхъ кредитныхъ учрежденiй, въ особенности Государственнаго Банка, возникшаго въ 1860 г. Въ общемъ, за время царствованiя императора Александра II государственные доходы возросли до 650 милл. рублей. Широкая волна преобразованiй замѣтно коснулась также военнаго дѣла.

§ 102. Военная реформа.

За образецъ для военныхъ преобразованій, надъ разработкой которыхъ особенно потрудился Д. А. Милютинъ, принято было военное устройство Пруссіи, введенное въ началѣ XIX вѣка и блестяще испытанное въ австро-прусской и франко-прусской войнахъ. Сущность военной реформы императора Александра II заключалась: 1) въ введеніи всеобщей воинской повинности, т. е. распространеніи ея на все мужское населеніе имперіи «безъ различія состояній» (а не только на крестьянъ и мѣщанъ, какъ это установилось съ тѣхъ поръ, когда дворянство и богатѣйшее купечество избавлено было отъ обязательной службы, а мало-мальски состоятельные люди получили возможность откупаться отъ нея, ставя вмѣсто себя рекрутъ, въ которые помѣщики охотно продавали своихъ крѣпостныхъ); 2) въ сокращеніи и облегченіи дѣйствительной службы (до Александра II послѣдняя была двадцатипятилѣтней, а фактически, какъ уже упоминалось, безсрочной и проходилась при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что справедливо считалась жестокимъ наказаніемъ; даже само законодательство смотрѣло на сдачу крѣпостного въ солдаты такъ же, какъ на ссылку его въ Сибирь: при Елизаветѣ Петровнѣ, какъ сказано, каждый сосланный засчитывался помѣщику за рекрута); 3) въ образованіи изъ прошедшихъ дѣйствительную службу «запаса», который пополняетъ войска въ военное время, а изъ не попавшихъ на нее—«ополченія», которое призывается къ оружію въ крайнихъ случаяхъ.

Устанавливая въ 1874 году всеобщую воинскую повинность, правительство исходило изъ тѣхъ соображеній, что военная служба представляетъ собой не тягость, а «обязанность, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна», и что «новѣйшія событія доказали, что сила государства—не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединятся на это святое дѣло». Ежегодно всѣ молодые люди, достигшіе 21 года, должны явиться къ отбыванію воинской повинности (отсрочка допускается лишь для окончанія образованія, для приведенія въ порядокъ имущественныхъ дѣлъ и для поправленія здоровья), но такъ какъ государство не нуждается въ столькихъ новобранцахъ, сколько имѣется лицъ «призывного (т. е. 21-го-лѣтняго) возраста», то изъ послѣднихъ принимается *по жребію* на дѣйствительную службу лишь то количество, которое признается правительствомъ необходимымъ для пополненія арміи и опредѣляется заранѣе на каждый годъ. Вытянувшіе номеръ жребія выше назначеннаго количества зачисляются не на дѣйствительную службу, а въ ратники ополченія, которые лишь изрѣдка созываются

на непродолжительные учебные сборы для нѣкотораго ознакомленія съ военной службой и лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ привлекаются къ защитѣ отечества. Ратники числятся въ ополченіи до 40-лѣтняго возраста. Отъ дѣйствительной службы освобождаются также лица, непригодныя къ ней по состоянію здоровья, или признанныя единственными способными къ труду членами семьи, или занимающія опредѣленныя должности (напр., преподаватели), либо положеніе (напр., священнослужители). Дѣйствительная служба продолжается въ арміи 6 лѣтъ, во флотѣ—7 лѣтъ; прошедшіе ее зачисляются въ запасъ на 9 лѣтъ (послѣ службы въ арміи) или на 3 года (послѣ флотской службы). Запасные періодически созываются на сборы для повторенія военнаго обученія, а въ случаѣ войны—опредѣляются вновь на службу[1]). Для лицъ, получившихъ образованіе, устанавливается, въ зависимости отъ степени его, сокращенный срокъ дѣйствительной службы—отъ 4 лѣтъ до 6 мѣсяцевъ. Сокращенные сроки назначаются и для вольноопредѣляющихся, т. е. поступающихъ на службу по собственному желанію, а не по жребію. (Вольноопредѣляющіеся съ высшимъ образованіемъ должны были служить только три мѣсяца). Военная реформа не ограничилась вышеуказанными измѣненіями въ способахъ набора и пополненія арміи. Измѣнилось и самое прохожденіе службы: исчезли жестокія наказанія, и вмѣсто прежней чисто внѣшней выучки, превращавшей солдата въ какую-то машину, выдвинулось на первый планъ стремленіе дать ему хотя бы нѣкоторое образованіе, внушить чувство долга по отношенію къ отечеству и научить сознательно исполнять свои обязанности. Чтобы сообщать будущимъ офицерамъ болѣе разностороннія познанія, кадетскіе корпуса, по мысли Милютина, преобразованы были въ военныя гимназіи (впрочемъ, послѣднія просуществовали недолго).

Такова была военная реформа императора Александра II, подвергшаяся лишь незначительнымъ измѣненіямъ въ послѣдующее время. Культурное значеніе ея огромно: по словамъ историка (проф. Ключевскаго), «уставъ 1874 года о воинской повинности составилъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ уравнительномъ переустройствѣ русскаго общества». Вмѣстѣ съ тѣмъ льготы при прохожденіи службы, даваемыя лицамъ, получившимъ образованіе, а также обученіе солдатъ грамотѣ способствовали успѣхамъ русскаго просвѣщенія. Практическое значеніе реформы должно было обнаружиться въ той войнѣ съ Турціей, которую императору Александру II пришлось начать вскорѣ послѣ проведенія ея.

---

[1]) Военныя поселенія были уничтожены уже въ началѣ царствованія императора Александра II.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Внѣшняя политика императора Александра II.

§ 103. Общій ходъ политики.

Внѣшняя политика императора Александра II характеризовалась: 1) невмѣшательствомъ въ дѣла Западной Европы и дружественными отношеніями къ Пруссіи, 2) войнами съ кавказскими горцами, которыя закончились покореніемъ сперва восточнаго, а затѣмъ и западнаго Кавказа, 3) расширеніемъ русскихъ владѣній въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ, 4) заступничествомъ за балканскихъ славянъ, которое привело въ 1877 году къ трудной русско-турецкой войнѣ.

Посвятивъ свои силы внутреннимъ преобразованіямъ, императоръ Александръ II оставался спокойнымъ зрителемъ тѣхъ великихъ событій, которыя совершались въ его время въ Западной Европѣ: объединенія Италіи, ослабленія Австріи, лишившейся своихъ сѣверно-итальянскихъ владѣній и исключенной изъ Германскаго союза, страшнаго разгрома Франціи во время франко-прусской войны и образованія могущественной Германской имперіи подъ главенствомъ Пруссіи. Отъ всѣхъ указанныхъ событій особенно выиграла послѣдняя. Ея успѣхи въ значительной степени объясняются тѣмъ, что императоръ Александръ II изъ дружбы къ прусскому королю (впослѣдствіи германскому императору) Вильгельму I и изъ расположенія къ его министру (впослѣдствіи канцлеру) Бисмарку, бывшему нѣкоторое время посломъ въ Петербургѣ, придерживался дружественнаго нейтралитета во всѣхъ войнахъ, которыя велись ею въ это время. За свое невмѣшательство Россія вознаградила себя очень скромно: въ 1871 году она отвергла условіе Парижскаго мира, лишавшее ее права имѣть военный флотъ и укрѣпленія на Черномъ морѣ. Лондонская конференція согласилась на возстановленіе этого права. Послѣ этой конференціи Россія заключила союзъ не только съ Пруссіей, но и съ Австріей. Что же касается Англіи, то съ ней не могло установиться дружественныхъ отношеній, такъ какъ англійское правительство съ нескрываемой тревогой и недоброжелательствомъ слѣдило за пріобрѣтеніями Россіи на Кавказѣ и особенно въ Средней Азіи и значительно ограничило успѣхи, достигнутые ею въ войнѣ съ Турціей.

§ 104. Покореніе Кавказа.

Окончаніе Крымской войны дало возможность возобновить давно начатое покореніе Кавказа, завоевывая который приходилось столько же бороться съ трудностями природы, сколько съ отчаянной смѣлостью горцевъ, воспламененныхъ «мюридизмомъ» и одушевляемыхъ своими «имамами» (т. е. вождями священной войны), самымъ талантливымъ изъ которыхъ былъ Шамиль. Впрочемъ, мюридизмъ въ 50-хъ годахъ сталъ уже потухать и власть Шамиля прочно держалась лишь въ Дагестанѣ. Остальные горцы начали тяготиться демократизмомъ и религіознымъ энтузіазмомъ мюридовъ. Поэтому русскій главнокомандующій на Кавказѣ кн. Барятинскій могъ дѣйствовать противъ горцевъ не только оружіемъ, но и переговорами, приглашая жителей нѣкоторыхъ ауловъ къ мирному подчиненію и обѣщая имъ за это льготы. Однако борьба съ приверженцами Шамиля, укрѣпившагося сперва въ Веденѣ, а затѣмъ, послѣ взятія его русскими, въ Гунибѣ, была страшно трудной: лишь въ 1859 году Барятинскій овладѣлъ Гунибомъ и взялъ въ плѣнъ Шамиля, послѣ чего покореніе восточнаго Кавказа могло считаться законченнымъ. Борьба за западный, народцамъ котораго не мало помогали турки и англичане, продолжалась еще около 5 лѣтъ и закончилась въ 1864 году, когда кавказскимъ намѣстникомъ назначенъ былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Часть горцевъ (до 200 тысячъ), съ разрѣшенія русскаго правительства, переселилась въ турецкія владѣнія.

§ 105. Расширеніе русскихъ владѣній въ Средней и Дальне-восточной Азіи.

Послѣ покоренія Кавказа русское правительство обратилось къ усмиренію народцевъ, жившихъ въ области Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, гдѣ расположены были три ханства: Коканъ, Бухара и Хива. Обитатели этихъ ханствъ и ихъ кочевые сосѣди издавна грабили пограничныя русскія владѣнія, и издавна (еще съ XVIII в.) русское правительство дѣлало попытки проникнуть съ двухъ сторонъ (со стороны Сибири и со стороны Каспійскаго моря) въ безводныя пустыни, которыми были окружены кочевники, чтобы замирить ихъ. Нѣсколько крѣпостей (въ томъ числѣ Перовскъ на Сыръ-Дарьѣ и Вѣрный—къ востоку отъ него на рѣкѣ Или) служили для русскихъ оплотомъ въ этомъ краѣ. Съ 1864 года начались энергичныя дѣйствія противъ Кокана; генералы Веревкинъ и Черняевъ овладѣли г. Туркестаномъ и г. Ташкентомъ, затѣмъ генералъ Романовскій усмирилъ бухарцевъ и покорилъ г. Самаркандъ. Часть кокансихъ и бухарскихъ земель образовала Туркестанское генералъ-губернаторство, другая часть

оставлена была ханамъ, которые должны были признать свою зависимость отъ Россіи, предоставить ей торговыя льготы и отмѣнить рабство въ своихъ владѣніяхъ. Однако коканскій ханъ сохранилъ власть не надолго: слѣдствіемъ вспыхнувшаго въ 70-хъ годахъ въ Коканѣ возстанія (усмиреннаго Скобелевымъ) было присоединеніе его въ 1876 году цѣликомъ къ Россіи подъ именемъ Ферганской области. Еще ранѣе полнаго покоренія Кокана предпринята была экспедиція противъ Хивы, представлявшей собой почти неприступный оазисъ. Неимовѣрно трудный вслѣдствіе условій природы походъ 1873 года окончился очень удачно благодаря энергіи генерала Кауфмана и замѣчательной выносливости его отряда: хивинскій ханъ долженъ былъ признать главенство Россіи и уступить ей часть своихъ владѣній; въ остальныхъ, которыя открывались для русской торговли и въ которыхъ уничтожалось рабство, онъ сохранилъ лишь призрачную власть. Дальнѣйшія наступленія русскихъ направлены были противъ кочевниковъ туркменовъ и ихъ сосѣдей, въ дѣлѣ замиренія которыхъ особенно прославился генералъ Скобелевъ, взявшій въ 1881 году текинскую крѣпость Геокъ-Тепе.

Насколько удачны были военныя дѣйствія русскихъ въ Средней Азіи, настолько же успѣшно велись ихъ дипломатическіе переговоры относительно Дальняго Востока: здѣсь графу Муравьеву-Амурскому удалось въ 1858 году добиться у Китая уступки Амурской области (по Айгунскому договору), а гр. Игнатьевъ въ 1860 году выговорилъ уступку Уссурійскаго края. Оба берега Амура достались такимъ образомъ русскимъ. Пріобрѣтена была также южная японская часть о. Сахалина въ обмѣнъ на Курильскіе острова. Аляску же русское правительство продало Сѣверо-Американскимъ Штатамъ за 7 милліоновъ долларовъ.

Пріобрѣтеніе всѣхъ указанныхъ земель имѣло очень важное значеніе не только территоріальное и колонизаціонное, но и культурное: въ этихъ областяхъ, особенно средне-азіатскихъ, Россія уничтожала хищническіе порядки, свойственные полукочевымъ народамъ, и насаждала цивилизацію. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе Россіи въ Средней Азіи создавало дипломатическія осложненія: чѣмъ ближе проникало русское вліяніе къ Индіи, подвластной англичанамъ, тѣмъ сильнѣе становились ихъ тревоги, тѣмъ болѣе обострялись отношенія съ Англіей. Свое недоброжелательство къ Россіи англійская дипломатія особенно проявила въ восточномъ вопросѣ, обостреніе котораго привело къ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

§ 106. Русско-Турецкая освободительная война.

Парижскій миръ 1856 года не далъ удовлетворительнаго разрѣшенія восточнаго вопроса: установленный имъ общій протекторатъ великихъ державъ надъ балканскими славянами послужилъ источникомъ частыхъ недоразумѣній (особенно между Россіей и Англіей) и не обезпечивалъ христіанскихъ подданныхъ Турціи отъ ея безпорядочнаго управленія и несправедливыхъ притѣсненій. Чѣмъ сильнѣе чувствовался турецкій гнетъ, тѣмъ больше накапливалось горючаго матеріала среди славянства. Достаточно было искры, чтобы возгорѣлся пожаръ. Такою искрою явилось возстаніе въ турецкихъ областяхъ, населенныхъ сербами—Герцеговинѣ и Босніи,—вызванное жестокимъ способомъ сбора податей, вспыхнувшее въ 1875 г. и скоро перекинувшееся въ Болгарію. Дипломатическое посредничество державъ, старавшихся примирить возставшія провинціи съ Турціей, оказалось безсильнымъ: страсти какъ усмирявшихъ, такъ и возставшихъ лишь разгорались. Турки въ 1876 году начали звѣрскую рѣзню въ Болгаріи, тысячами истребляя населеніе, не щадя ни дѣтей, ни женщинъ. Въ отвѣтъ на это Сербія и Черногорія открыто ополчились противъ турокъ. Русскіе, охваченные чувствомъ состраданія къ своимъ соплеменникамъ и увлекшись высокой идеей возрожденія славянства, не только устраивали «славянскіе комитеты» для сбора пожертвованій, но и массами хлынули въ качествѣ «добровольцевъ» на помощь поднявшимся за свою независимость балканскимъ сородичамъ. Одинъ изъ такихъ добровольцевъ, прославленный своими недавними побѣдами въ Средней Азіи генералъ Черняевъ, принялъ на себя командованіе сербской арміей. Несмотря на все мужество сербовъ, онъ долженъ былъ отступить подъ натискомъ турокъ. Сербіи грозила гибель. Энергичное вмѣшательство Россіи дѣлалось неизбѣжнымъ. Русское общественное мнѣніе требовало войны такъ единодушно и властно, какъ никогда. Императоръ Александръ II, желая «щадить русскую дорогую кровь», сдѣлалъ попытку предотвратить войну дипломатическими переговорами: осенью 1876 года онъ настоялъ на заключеніи перемирія между Турціей и Сербіей, а затѣмъ на созывѣ въ Константинополѣ международной конференціи для выработки такихъ реформъ, которыя обезпечили бы балканскимъ славянамъ сносное существованіе. Порта (т. е. турецкое правительство), слѣдуя своему обычному правилу, всячески затягивала переговоры относительно условій, предложенныхъ ей конференціей, а когда почувствовала себя достаточно подготовленной къ войнѣ, отвергла ихъ. Русскому правительству не оставалось тогда иного выхода, кромѣ войны. Объявлена она была весною 1877 года.

Начавшаяся не ради завоеваній, а во имя великой цѣли освобожденія угнетенныхъ славянъ, эта война оказалась, однако, гораздо

болѣе трудной, чѣмъ ожидало русское общество, пламенно желавшее ея. Русская армія, сосредоточенная на югѣ и готовая къ выступленію, не была достаточно многочисленна; незадолго передъ тѣмъ (съ 1871 г.) начавшій отстраиваться Черноморскій флотъ былъ еще очень слабъ; главнымъ же препятствіемъ для русскихъ успѣховъ оказалось поведеніе западно-европейской дипломатіи: очень энергичное противодѣйствіе Англіи, которая неоффиціально, но весьма существенно помогала туркамъ, недоброжелательство Австріи и равнодушіе Пруссіи. Сторону Россіи приняла въ сущности только Румынія (государство это составилось изъ Молдавіи и Валахіи, объединившихся подъ властью сперва А. Куза, а затѣмъ принца Карла Гогенцоллерна). Она разрѣшила русскимъ войскамъ, направлявшимся на Балканскій полуостровъ, пройти черезъ свои владѣнія, а затѣмъ послала имъ на помощь свой корпусъ. Участіемъ въ войнѣ противъ Турціи Румынія надѣялась достигнуть признанія своей полной независимости отъ послѣдней. Какъ и въ прежнія русско-турецкія кампаніи, военныя дѣйствія открылись сразу на двухъ театрахъ: въ Азіи и въ Европѣ. На азіатскомъ театрѣ, гдѣ главнокомандующимъ былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, а изъ генераловъ выдѣлялись Лорисъ-Меликовъ и Лазаревъ, послѣ нѣсколькихъ удачъ (напр., взятія Ардагана и нѣкоторыхъ другихъ крѣпостей) пришлось надолго задержаться подъ Карсомъ, который лишь послѣ долгой, упорной и дважды возобновляемой осады сдался въ ноябрѣ 1877 года, что дало возможность русскимъ продолжать наступленіе на Эрзерумъ; въ немъ укрывались остатки арміи турецкаго главнокомандующаго Мухтаръ-паши, потерпѣвшаго два сильныхъ пораженія незадолго до паденія Карса. Расположившись невдалекѣ отъ Эрзерума, русскія войска страдали не столько отъ враговъ, сколько отъ сильныхъ морозовъ и недостатка продовольствія, и овладѣли Эрзерумомъ только въ февралѣ 1878 года.

Еще большія трудности и опасности встрѣчены были на правомъ побережьѣ Дуная, куда въ іюнѣ 1877 г. переправилась (близъ Систова) главная русская армія, которою командовалъ великій князь Николай Николаевичъ, и при которой находился самъ императоръ и наслѣдникъ Александръ Александровичъ, стоявшій во главѣ 45-титысячнаго отряда, расположеннаго на восточномъ фронтѣ дѣйствій. И здѣсь дѣло пошло вначалѣ удачно. Занятъ былъ гор. Тырновъ; генералъ Гурко, вступивъ на Балканы, овладѣлъ въ іюлѣ Шипкинскимъ переваломъ, который затѣмъ поручено было охранять генералу Радецкому. Тогда же удалось взять крѣпость Никополь. Быстрое движеніе русскихъ всполошило турецкихъ военачальниковъ: они стали стягивать свои силы: Османъ-паша съ сильнымъ войскомъ укрѣпился въ Плевнѣ, угрожая западному русскому флангу; съ востока грозилъ Мехметъ-Али, силы котораго сосредоточивались въ четыреугольникѣ крѣпостей: Рущукъ—Шумла—Варна—Силистрія, съ юга наступалъ Сулейманъ-паша, отъ котораго отбивался Радецкій.

Гурко былъ отозванъ на сѣверные склоны Балканъ. Русскимъ пришлось отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и ограничиться обороной въ ожиданіи прихода гвардіи и другихъ подкрѣпленій. Создавалось опасное положеніе. Къ счастью, между тремя упомянутыми турецкими военачальниками не было единодушія. Мехметъ-Али дѣйствовалъ нерѣшительно противъ корпуса наслѣдника. Замѣнившій Мехмета Сулейманъ также не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него турецкимъ правительствомъ. Медлительность этихъ военачальниковъ дала возможность русскимъ сосредоточить главное свое вниманіе на борьбѣ съ самымъ опаснымъ врагомъ—Османомъ. Борьба была нелегкой: несмотря на все геройство русскихъ солдатъ, одушевляемыхъ такими храбрецами, какъ генералъ Скобелевъ, не удалось взять Плевну штурмомъ (штурмъ 30 августа стоилъ русскимъ огромныхъ потерь); пришлось заняться ея осадой, которая была поручена генералу Тотлебену. Осада пошла успѣшно: послѣ паденія сосѣднихъ укрѣпленій (Горнаго Дубняка и Телиша) плевненскій лагерь былъ совершенно окруженъ и Османъ-паша, послѣ неудавшейся попытки пробиться на западъ, сдался 28 ноября 1877 года. Успѣхъ былъ огромный: не стало сильнѣйшаго врага, и русская армія, пополненная присоединившимися къ ней сербскими и черногорскими войсками, воспрянувъ духомъ, устремилась въ наступленіе. Совершенъ былъ невѣроятно трудный (по мнѣнію западно-европейскихъ стратеговъ, прямо невозможный) зимній переходъ черезъ Балканы. Невдалекѣ отъ Шипки плѣнена была большая турецкая армія (Веселя-паши), послѣ чего открытъ былъ путь къ Адріанополю. Въ началѣ января 1878 года послѣдній взятъ былъ безъ боя. Приблизительно черезъ мѣсяцъ стали сдаваться крѣпости: Рущукъ, Силистрія и другія. Султанъ уже со времени паденія Плевны искалъ мира, и въ Адріанополѣ велись дѣятельные переговоры. Сопротивленіе турокъ было сломлено, зато начались открытыя угрозы со стороны Англіи. Какъ только русскіе, взявъ Адріанополь, оказались вблизи Константинополя и проливовъ, англійская эскадра (адмирала Горнбай) появилась въ Дарданеллахъ яко бы для охраны англійскихъ подданныхъ. Императоръ Александръ II въ отвѣтъ на это отдалъ приказъ о сформированіи нѣсколькихъ новыхъ запасныхъ дивизій и перемѣстилъ главную квартиру русской арміи въ мѣстечко Санъ-Стефано, отстоящее въ 10 верстахъ отъ Константинополя. Англичане стали тогда стягивать войска на о. Мальту, продолжая держать эскадру у Принцевыхъ острововъ. Русское правительство отвѣтило на это новымъ распоряженіемъ о сформированіи запасныхъ дивизій.

Пока шелъ обмѣнъ этими угрозами, переговоры съ Турціей продолжались, и 19 февраля въ Санъ-Стефано заключенъ былъ прелиминарный (предварительный) мирный договоръ. Условія его были слѣдующія: 1) признаніе полной независимости Румыніи, Сербіи и Черногоріи, при чемъ владѣнія послѣднихъ двухъ значительно расши-

рялись; 2) образованіе изъ Болгаріи съ Восточной Румеліей, Македоніей и частью Өракіи до Салоникъ и Эгейскаго моря автономнаго Болгарскаго княжества, уплачивающаго, однако, Турціи дань и находящагося подъ ея суверенитетомъ; 3) введеніе въ Босніи и Герцеговинѣ выработанныхъ Константинопольской конференціей реформъ; 4) уплата Россіи денежнаго вознагражденія и уступка ей въ Азіи—Ардагана, Карса, Батума и Баязета съ окрестностями, въ Европѣ—части Бессарабіи, принадлежащей Румыніи, взамѣнъ чего послѣдняя получаетъ Тульчинскій санджакъ. Санъ-Стефанскій договоръ, оставившій Турціи въ Европѣ лишь Константинополь съ частью Өракіи да отдѣленную отъ этой полосы Албанію и Боснію съ Герцеговиной, съ одной стороны страшно встревожилъ Австрію и Англію, съ другой стороны не удовлетворилъ сербовъ и румынъ. Первыя двѣ державы требовали созыва международнаго конгресса для пересмотра Санъ-Стефанскихъ условій и готовились къ войнѣ. Турки встрепенулись и стали укрѣплять Константинополь. Россіи грозила новая война уже не съ одной Турціей. Предотвратить ее вызвалась прусская дипломатія, во главѣ которой стоялъ Бисмаркъ, обѣщавшій быть «честнымъ маклеромъ» въ возникшемъ спорѣ, но, какъ увидимъ, не исполнившій этого обѣщанія. По его предложенію въ іюнѣ 1878 года собрался конгрессъ представителей шести великихъ державъ и Турціи, засѣдавшій въ теченіе одного мѣсяца. Вслѣдствіе настойчивости англійскаго представителя Дизраэли-Биконсфильда и австрійскаго — Андраши, вслѣдствіе уступчивости русскихъ дипломатовъ—кн. Горчакова и гр. Шувалова—и пренебреженія къ русскимъ интересамъ Бисмарка, Берлинскій конгрессъ обезцѣнилъ русско-турецкую войну и совершенно исказилъ санъ-стефанскія условія. Именно, по его постановленіямъ:

I) Опредѣленная Санъ-Стефанскимъ миромъ территорія Болгаріи раздѣлена была на три части: а) къ сѣверу отъ Балканъ образовалось Болгарское княжество, обязанное уплачивать дань султану и находящееся въ вассальной зависимости отъ него; б) къ югу—также вассальная автономная провинція—Восточная Румелія—подъ управленіемъ христіанскаго губернатора, назначаемаго султаномъ съ согласія великихъ державъ; в) Македонія и другія области, которыя предполагалось включить въ составъ Болгаріи, оставались въ полномъ обладаніи Турціи.

II) Предположенныя приращенія независимыхъ Сербіи и Черногоріи сильно сокращались; впрочемъ, послѣдняя все же была значительно увеличена въ своихъ размѣрахъ, получивъ, между прочимъ, портъ Баръ (Антивари) на Адріатическомъ морѣ, однако исключительно для торговыхъ, а не военныхъ цѣлей.

III) Независимая Румынія уступала Россіи часть Бессарабіи (безъ устья Дуная), получая взамѣнъ Добруджу (Тульчинскій санджакъ).

IV) Изъ пріобрѣтеній Россіи въ Азіи исключался Баязетъ, а Батумъ превращался въ порто-франко (въ торговый портъ, открытый для всѣхъ торговыхъ судовъ).

V) Относительно проливовъ (Босфора и Дарданеллъ) сохранены были постановленія Парижскаго мира, закрывавшаго ихъ для военныхъ судовъ.

VI) Австрія получила право временно оккупировать (т. е. занять) Боснію и Герцеговину и управлять ими для проведенія тамъ реформъ; кромѣ того, ей предоставлялись извѣстныя преимущества и вліяніе въ Ново-Базарскомъ санджакѣ.

Что касается Англіи, то она еще до Берлинскаго конгресса получила у Турціи разрѣшеніе на занятіе Кипра.

Изъ изложеннаго видно, что Берлинскій конгрессъ далъ возможность усилиться именно тѣмъ двумъ державамъ (Австріи и Англіи), которыя препятствовали успѣхамъ русскихъ. Только онѣ могли быть довольны его постановленіями, такъ какъ имъ, въ особенности Австріи, предоставлялась возможность и дальше расширять свое вліяніе на Балканахъ, чѣмъ австрійское правительство и не преминуло вскорѣ воспользоваться. Никого другого Берлинскій конгрессъ не удовлетворилъ, потому что онъ не разрѣшилъ, а лишь запуталъ восточный вопросъ: славянскимъ народностямъ онъ не далъ настоящаго политическаго объединенія, раздробивъ болгаръ, оставивъ жителей Македоніи подъ гнетомъ Турціи и отдавъ сербское населеніе Босніи и Герцеговины подъ власть нѣмцевъ. Свое недовольство создавшимся положеніемъ славяне, къ сожалѣнію, переносили и на Россію и, какъ нѣкогда Греція, такъ послѣ Берлинскаго конгресса славянскія государства стали отдаляться отъ своей Освободительницы. Россія, пролившая столько геройской крови и потратившая столько средствъ на Балканахъ, не улучшила войной своего международнаго положенія: новыхъ союзниковъ она не пріобрѣла, а со старыми—Пруссіей и Австріей—разошлась. Послѣднія двѣ державы, въ виду естественнаго охлажденія къ нимъ Россіи, сблизились между собой, привлекши на свою сторону также Италію и образовавъ такимъ образомъ «тройственный союзъ». Русское общество, съ огромнымъ энтузіазмомъ относившееся къ войнѣ, испытывало послѣ Берлинскаго конгресса страшное разочарованіе, негодовало на Бисмарка, упрекало русскихъ представителей на конгрессѣ за уступчивость. Это разочарованіе было одной изъ замѣтныхъ чертъ, характеризовавшихъ общественное движеніе конца 70-хъ годовъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Общественное движеніе при Александрѣ II.

§ 107. Общественное настроеніе до 1863 г.

Вступленіе на престолъ императора Александра II было радостно встрѣчено русскимъ обществомъ, которое бодро и радужно смотрѣло на будущее, относилось съ полнымъ довѣріемъ къ намѣреніямъ государя и было очень умѣренно въ своихъ пожеланіяхъ. Оно желало распространенія просвѣщенія, увеличенія числа учащихъ и учащихся, улучшенія цензурныхъ условій, постройки желѣзныхъ дорогъ и «разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ» (разумѣя подъ этимъ уничтоженіе крѣпостного права). Однако, когда губернскіе комитеты приступили къ обсужденію крестьянской реформы, въ обществѣ, какъ уже упоминалось, началась борьба страстей и партій, появилось сильное возбужденіе и въ то время, какъ одни защищали дворянскіе интересы, другіе въ своихъ требованіяхъ шли много дальше намѣреній правительства. Наиболѣе крайнимъ изъ журналовъ этого времени былъ «Современникъ», вдохновляемый писателемъ Чернышевскимъ и критикомъ Добролюбовымъ. Послѣдній выступалъ горячимъ «народникомъ», рѣзко нападалъ на дворянство, осуждалъ умѣренную, по его мнѣнію, программу правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. «Современникъ» высказывался въ это время рѣзче, чѣмъ даже издаваемая (съ 1857 г.) за границей газета «Колоколъ», которая, по словамъ ея издателя, извѣстнаго эмигранта Герцена, имѣла своей цѣлью поддерживать тѣхъ, «кто освобождаетъ и пока освобождаетъ». Поэтому Герценъ то привѣтствовалъ русское правительство за его работу по крестьянскому вопросу, то порицалъ его, если ему казалось, будто эта работа замедляется. Герценъ издавалъ также «Голоса изъ Россіи», въ которыхъ помѣщалъ записки своихъ русскихъ корреспондентовъ, не имѣвшихъ возможности, по цензурнымъ условіямъ, печатать ихъ на родинѣ. Въ 1860 году въ «Голосахъ» появилась записка неизвѣстнаго автора, перечислявшая желательныя для нѣкоторой части общества преобразованія: здѣсь среди пожеланій, которыя осуществлены были затѣмъ правительствомъ (напр., освобожденіе крестьянъ съ землей, равенство всѣхъ передъ судомъ и закономъ, судъ присяжныхъ и др.), встрѣчаются и такія, которыя не входили въ правительственную программу (напр., отвѣтственность министровъ передъ обществомъ, право контроля надъ изданіемъ новыхъ законовъ, отмѣна гражданскихъ чиновъ, полная амнистія всѣхъ политическихъ преступниковъ и т. д.). Изъ этого видно, что нѣкоторая часть общества требовала большаго, чѣмъ считало нужнымъ дать правительство. Даже въ славянофильскихъ

органахъ печати («Русская Бесѣда», «Молва», «Парусъ») появлялись оппозиціонныя статьи.

Оппозиціонное настроеніе усилилось, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Ланского назначенъ былъ Валуевъ. Послѣдній, при проведеніи въ жизнь Положеній 19 февраля 1861 года, всячески старался поддерживать интересы помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ и дѣлалъ попытки ограничить права мировыхъ посредниковъ и сократить ихъ число. Такая политика не встрѣтила сочувствія даже со стороны значительной части дворянства, такъ какъ дворянскія общества нѣкоторыхъ губерній настроены были въ это время очень либерально, и въ подготовлявшейся тогда земской реформѣ они хотѣли видѣть переходъ къ желательному для нихъ установленію представительной формы правленія (т. е. участія выборныхъ отъ народа въ законодательствѣ). Особенно либеральными взглядами проникнуто было тверское дворянство, которое въ своемъ постановленіи и адресѣ 1862 г. «объявляло передъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій», излагало цѣлую программу самыхъ широкихъ реформъ и, находя, что «осуществленіе этихъ реформъ невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась общественная жизнь (т. е. бюрократическимъ порядкомъ)», усматривало единственный путь для нихъ—въ «собраніи выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій». «Собраніе выборныхъ отъ всей земли Русской», говорило дворянство въ своемъ адресѣ, «представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля». Мысль о необходимости народнаго представительства встрѣчала приверженцевъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Однако не мало было прогрессивно-настроенныхъ людей, которые считали его еще несвоевременнымъ. Такъ, напр., по словамъ историка (Корнилова), извѣстный ученый Кавелинъ придерживался мнѣнія, что «въ тогдашнемъ обществѣ, въ тогдашней русской жизни вовсе не было тѣхъ элементовъ, которые необходимы для правильнаго существованія конституціоннаго режима, и видѣлъ для того момента правильный путь и желательный выходъ въ хорошо устроенномъ мѣстномъ самоуправленіи». Равнымъ образомъ Самаринъ утверждалъ, что «народной конституціи у насъ пока еще быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, есть ложь и обманъ».

Наряду съ дворянскимъ конституціоннымъ движеніемъ въ началѣ 60-хъ годовъ проявились еще два другихъ связанныхъ другъ съ другомъ и особенно усилившихся въ послѣдующіе годы. Одно носитъ названіе «нигилистическаго», другое можетъ быть названо прямо революціоннымъ. Нигилистическіе взгляды развивались въ журналѣ «Русское Слово», самымъ яркимъ представителемъ котораго

былъ критикъ Писаревъ. Онъ приглашалъ своихъ поклонниковъ, принадлежавшихъ преимущественно къ учащейся молодежи, «встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которая называется общими авторитетами». Отвергая общепризнанные устои общественной и семейной жизни, осмѣивая все, чему поклонялось старшее поколѣніе, и кичась своимъ скептицизмомъ, Писаревъ слѣпо вѣрилъ въ могущество естествознанія и создалъ себѣ изъ матеріализма такой же авторитетъ и кумиръ, какимъ былъ идеализмъ для русской интеллигенціи 40-хъ г.г. Непродуманная, но горячая проповѣдь Писарева имѣла успѣхъ; его приверженцы называли себя реалистами и искали подтвержденія своихъ взглядовъ въ философской системѣ Огюста Конта, извѣстной подъ названіемъ позитивизма. Нѣкоторые нигилисты увлекались также революціонными и соціалистическими идеями и выпускали прокламаціи (воззванія), проповѣдуя самый страшный чисто маратовскій терроръ для осуществленія общественнаго переворота въ соціалистическомъ духѣ. Какъ бы въ отвѣтъ на нихъ въ Петербургѣ вспыхнули пожары, происходившіе отъ поджоговъ, неизвѣстно кѣмъ устраиваемыхъ. Правительство было сильно встревожено революціоннымъ броженіемъ и прибѣгло къ мѣрамъ строгости: нѣкоторые писатели (напр., Чернышевскій), заподозрѣнные въ составленіи прокламацій къ крестьянамъ, подверглись преслѣдованіямъ; журналы крайняго направленія были пріостановлены. Однако великія реформы шли своимъ чередомъ: реакціи не замѣчалось. Взгляды правительства на современное положеніе вещей были изложены министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Морская ширь, какъ говоритъ Расинъ, никогда не бываетъ спокойна. Такъ и у насъ. Но равновѣсіе возстановляется... Главная задача поставить плотины тамъ, гдѣ общественному спокойствію или интересу, а въ особенности существу власти угрожаетъ опасность. Объ этомъ и заботятся у насъ, не отступая отъ пути, который нашъ августѣйшій государь предначерталъ себѣ со дня вступленія на престолъ. Нашъ девизъ: ни слабости, ни реакціи. Его начинаютъ понимать въ Россіи». Дѣйствительно, значительное большинство общества было на сторонѣ правительства. Въ обществѣ, которое было напугано проявленіями революціоннаго движенія, проявлялось даже замѣтное поправѣніе, т. е. стремленіе къ умѣренности: многіе, какъ, напр., извѣстный публицистъ Катковъ (издатель «Русскаго Вѣстника»), перешли изъ либеральнаго лагеря въ консервативный. Такому сдвигу общества вправо особенно способствовало польское возстаніе, неожиданно вспыхнувшее въ 1863 году и вызвавшее очень бестактное вмѣшательство иностранной дипломатіи.

§ 108. Польское возстаніе 1863—64 г.

Суровые порядки, установленные въ польскихъ земляхъ Паскевичемъ послѣ подавленія возстанія 1830 года, были отмѣнены въ первое время царствованія Александра II. Государь склонялся къ мысли дать полякамъ нѣкоторое самоуправленіе, разрѣшилъ эмигрантамъ вернуться на родину, даровалъ амнистію участникамъ мятежа 1830 г., призывалъ польскій народъ къ мирной работѣ. Но польскіе патріоты, возвратившіеся въ свою отчизну, принесли съ собою не миръ, а прежнія мечты о возстановленіи Польши въ предѣлахъ до 1773 г., побуждали народъ къ враждебнымъ демонстраціямъ противъ Россіи, волновали учащуюся молодежь, вступали въ сношенія съ иностранной дипломатіей, стараясь заручиться ея поддержкой, привлекали своихъ единомышленниковъ въ такъ называемое Земледѣльческое общество, придавая такимъ образомъ ему чисто политическій революціонный характеръ, тогда какъ показною его цѣлью было служеніе только экономическимъ интересамъ Польши. Усилившееся броженіе побудило русское правительство принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, которыя однако вскорѣ опять уступили мѣсто самому благожелательному отношенію къ полякамъ. По предложенію представителя умѣренной польской партіи Вѣліопольскаго, императоръ Александръ II въ 1861 г. рѣшилъ учредить въ Царствѣ Польскомъ особый Государственный Совѣтъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, дать полякамъ областное самоуправленіе и сосредоточить въ ихъ рукахъ завѣдываніе школьнымъ и судебнымъ дѣломъ; все гражданское управленіе Царствомъ онъ поручилъ самому Вѣліопольскому, а намѣстникомъ назначилъ (въ 1862 г.) великаго князя Константина Николаевича, горячо симпатизировавшаго полякамъ. Однако представители крайнихъ партій не только не удовольствовались этими уступками, но даже сдѣлали покушеніе (къ счастью, неудачное) на жизнь великаго князя и Вѣліопольскаго, программѣ котораго не сочувствовали. Программа эта заключалась въ томъ, чтобы привлечь на сторону Россіи среднее сословіе, связанное съ нею экономическими интересами и потому настроенное умѣренно. Такая политика не удовлетворяла ни дворянскую оппозицію, носившуюся съ мыслью о возстановленіи былой Рѣчи Посполитой, ни соціалистическую партію, враждебную поддерживаемой Вѣліопольскимъ буржуазіи и стремившуюся къ общественному перевороту. Польскіе соціалисты продолжали устраивать уличные безпорядки, члены тайныхъ организацій, разсѣянныхъ повсемѣстно и въ Царствѣ, и въ Литвѣ, и въ западно-русскихъ областяхъ, избивали поляковъ, заподозриваемыхъ въ симпатіяхъ къ Россіи. Чтобы положить этому конецъ, Вѣліопольскій рѣшилъ прибѣгнуть къ такой системѣ рекрутскаго набора, при примѣненіи которой попали бы въ солдаты бѣднѣйшіе городскіе жители. Этимъ способомъ

онъ надѣялся удалить изъ городовъ безпокойный соціалистически-настроенный пролетаріатъ. Распоряженіе о такомъ наборѣ и послужило поводомъ къ открытому возстанію, вспыхнувшему въ январѣ 1863 года. Руководимые тайнымъ революціоннымъ комитетомъ, усвоившимъ названіе «ржонда народоваго» (т. е. народнаго правительства), «повстанцы» (мятежники) въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣлали внезапныя ночныя нападенія на русскихъ солдатъ. Попытки намѣстника успокоить мятежниковъ обѣщаніемъ амнистіи и реформъ не увѣнчались успѣхомъ, и русскому правительству пришлось прибѣгнуть къ самому энергичному вооруженному подавленію возстанія. Для этого въ Царство Польское на смѣну великому князю Константину Николаевичу былъ посланъ новый намѣстникъ гр. Бергъ, усмиреніе же Литвы и западно-русскихъ земель поручено было генералъ-губернатору М. Н. Муравьеву (брату Муравьева-Карсскаго). М. Н. Муравьевъ, не останавливаясь передъ самыми энергичными и жестокими мѣрами, подавилъ возстаніе во ввѣренныхъ ему областяхъ уже къ осени 1863 г., а въ Царствѣ Польскомъ оно продолжалось еще около года. Справиться съ мятежомъ было, конечно, не слишкомъ трудно. Гораздо большую опасность представляла попытка западно-европейскаго вмѣшательства въ русско-польскія дѣла. По почину французскаго императора Наполеона III, руководившагося въ своей внѣшней политикѣ «принципомъ національностей» (т. е. возстановленія независимости тѣхъ народовъ, которые утратили ее), западно-европейскія державы—сперва Франція, Англія и Австрія, а затѣмъ почти всѣ остальныя—весною и лѣтомъ 1863 года обратились къ Россіи со своими указаніями относительно Польши, весьма благопріятными для послѣдней, и предложили русскому правительству разрѣшить русско-польскую распрю и вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Царства на международной конференціи. Къ державамъ примкнулъ и папа, хлопотавшій объ интересахъ Польши, какъ католической страны, и о расширеніи своихъ духовныхъ правъ въ ней. Такимъ образомъ Россіи грозила своими требованіями вся Западная Европа (за исключеніемъ Пруссіи, опасавшейся, что возстаніе отразится и въ ея польскихъ владѣніяхъ, а также двухъ-трехъ второстепенныхъ государствъ). Несмотря на это императоръ Александръ II, опираясь на горячую поддержку русскаго общества, глубоко возмущеннаго вмѣшательствомъ западно-европейской дипломатіи, далъ послѣдней самый рѣшительный отпоръ: по повелѣнію государя, министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ составилъ ноту, въ которой самымъ энергичнымъ образомъ заявилъ, что Россія не допуститъ ни малѣйшаго вмѣшательства иностранцевъ въ свои внутреннія дѣла и въ свои отношенія къ полякамъ, которые представляютъ собою русскихъ подданныхъ. Эта нота была опубликована и вызвала въ Россіи чувство національнаго удовлетворенія, а Западную Европу побудила отказаться отъ вмѣшательства и не препятствовать усмиренію мятежа.

Мятежъ 1863—64 г. имѣлъ для польскаго народа еще болѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ возстаніе 1830 года. Были уничтожены не только всѣ учрежденія, устроенныя Вѣліопольскимъ, но исчезло и самое названіе Царства Польскаго; оно было переименовано въ «Привислинскій Край», раздѣлено на 10 губерній и получило обще-русское управленіе (безъ распространенія, однако, на него земской и судебной реформъ); оффиціальнымъ языкомъ признавался русскій, который долженъ былъ преподаваться во всѣхъ школахъ; освобожденные крестьяне, въ которыхъ правительство видѣло опору себѣ, надѣлялись землею на условіяхъ, менѣе выгодныхъ для помѣщиковъ, чѣмъ въ остальной Россіи (именно, безъ «временно-обязательныхъ» отношеній), и получали самоуправленіе, котораго не имѣли другіе классы польскаго общества. Наконецъ, въ 1875 году уничтожена была унія въ послѣдней изъ епархій, гдѣ она еще признавалась, именно, въ Холмской.

Еще болѣе энергичныя мѣры были приняты М. Н. Муравьевымъ для полнаго обрусѣнія Сѣверо-Западнаго края, въ которомъ онъ всячески поддерживалъ русское населеніе, расширялъ русское землевладѣніе и насаждалъ русскіе порядки, стремясь вполнѣ уничтожить здѣсь всякое польское вліяніе.

§ 109. Общественное настроеніе послѣ 1863 г. и внутренняя смута.

Польское возстаніе, такъ неожиданно вспыхнувшее и сопровождавшееся безтактнымъ вмѣшательствомъ иностранной дипломатіи, произвело огромное впечатлѣніе на русское общество. Проявился сильный подъемъ патріотизма. Патріотическія статьи Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» пользовались большимъ успѣхомъ; самыя различныя общественныя организаціи обращались къ государю съ адресами, въ которыхъ выражали правительству свою преданность и свое удовлетвореніе по поводу отпора, даннаго иностранной дипломатіи; Герценовскій «Колоколъ», расходившійся прежде въ большомъ количествѣ экземпляровъ (несмотря на то, что былъ запрещеннымъ въ Россіи изданіемъ) и читавшійся многими прогрессивными людьми, сразу потерялъ свое обаяніе и лишился почти всѣхъ подписчиковъ послѣ того, какъ онъ взялъ на себя задачу оправдывать возстаніе поляковъ и склонять русскихъ къ поддержанію ихъ притязаній. По словамъ историка (Корнилова), «существованіе «Колокола» стало послѣ этого едва замѣтнымъ». Такимъ образомъ, огромное большинство русскаго общества искренно и горячо поддерживало правительство, которое, слѣдуя девизу: «ни слабости, ни реакціи», продолжало великія реформы. Такъ, напр., въ 1865 году проведена была реформа, къ возможности которой правительство первоначально отно-

силось съ большимъ сомнѣніемъ: именно, изданы были «временныя правила» о печати. Въ силу этихъ правилъ, отмѣнялась предварительная цензура для оригинальныхъ сочиненій свыше 160 страницъ и для переводныхъ свыше 320 страницъ. Разрѣшеніе новыхъ періодическихъ изданій и освобожденіе ихъ отъ предварительной цензуры предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе котораго передано было цензурное дѣло. Преступленія противъ закона о печати карались судомъ, администраціи же предоставлялось право дѣлать періодическимъ изданіямъ «предостереженія» и закрывать ихъ. Реформа, какъ видно, была умѣренная, но по сравненію съ прошлымъ она представляла шагъ впередъ. Однако, несмотря на все это, среди крайнихъ, революціонно-настроенныхъ людей успокоенія не наступало: отъ прокламацій они переходили къ террористическимъ дѣйствіямъ. Въ 1866 году одинъ фанатикъ (Каракозовъ), дѣйствовавшій, впрочемъ, повидимому особнякомъ, а не по порученію какой-либо революціонной организаціи, дерзнулъ покуситься на жизнь самого государя, выстрѣливъ въ него у Лѣтняго сада. Покушеніе не удалось, такъ какъ стоявшій неподалеку отъ преступника мѣщанинъ Комиссаровъ успѣлъ во-время отвести его руку. Это покушеніе, произведшее ошеломляющее впечатлѣніе на всю Россію, имѣло тяжкія послѣдствія: имъ воспользовались противники реформъ, чтобы постараться остановить преобразовательную дѣятельность правительства и внести ограниченія въ уже осуществленныя реформы. Такъ, былъ нѣсколько суженъ кругъ дѣлъ, подсудный присяжнымъ засѣдателямъ и сословнымъ представителямъ, усилились цензурныя строгости и надзоръ за народнымъ образованіемъ, вносились ограниченія въ университетскій уставъ, участились аресты и высылки, были увеличены права генералъ-губернаторовъ и полномочія жандармской и полицейской власти. Эти мѣры, волнуя общество, непричастное къ смутѣ, не приводили, однако, къ полному искорененію ея, несмотря на то, что цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ процессовъ, ведшихся не судебными палатами, какъ это установлено было первоначально, а особыми присутствіями Сената, привелъ къ обнаруженію и къ осужденію многихъ членовъ революціонныхъ организацій. Изъ такихъ организацій 70-хъ годовъ особенно крайней была партія «земли и воли» или «народной воли», добивавшаяся политическаго и общественнаго переворота посредствомъ террора и проявлявшая свою дѣятельность въ попыткахъ возмущенія крестьянъ, которыхъ она волновала всякими прокламаціями—«манифестами», и въ покушеніяхъ на жизнь должностныхъ лицъ и даже самого государя, повторявшихся неоднократно. Послѣ обнаруженія въ началѣ 1880 года попытки революціонеровъ устроить взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, правительство пришло къ рѣшенію учредить Верховную Распорядительную Комиссію, которой поручено было подавить крамолу, и во главѣ которой поставленъ былъ Лорисъ-Меликовъ, облеченный

чисто-диктаторскими полномочіями. Лорисъ-Меликовъ считался хорошимъ боевымъ генераломъ, опытнымъ администраторомъ и очень гуманнымъ человѣкомъ; его дѣятельность получила названіе «диктатуры сердца», потому что онъ, строго карая дѣйствительно виновныхъ въ смутѣ, очень мягко относился къ «заблуждающимся» и старался заслужить довѣріе и сочувствіе общества. Для достиженія послѣдней цѣли онъ отмѣнилъ тѣ стѣснительныя мѣры, отъ которыхъ страдало все общество, и старался возобновить прерванную изъ-за смуты преобразовательную дѣятельность правительства. Въ частности онъ не раздѣлялъ взглядовъ гр. Д. А. Толстого на задачи министерства народнаго просвѣщенія, и послѣдній долженъ былъ уступить свое мѣсто А. А. Сабурову. Въ такомъ же духѣ сближенія съ обществомъ дѣйствовалъ Лорисъ-Меликовъ и тогда, когда по прошествіи шести мѣсяцевъ Верховная Комиссія была закрыта въ виду временно наступившаго успокоенія, и когда онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ, сохранивъ значительную часть своихъ широкихъ полномочій. Для ознакомленія съ нуждами населенія онъ содѣйствовалъ организаціи сенаторскихъ ревизій и составилъ проектъ предоставленія обществу (въ лицѣ представителей мѣстнаго земскаго и городского самоуправленія) нѣкотораго участія въ разработкѣ законодательныхъ предположеній. О такомъ участіи, какъ уже упоминалось, мечтали либерально-настроенные русскіе люди еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1865 году съ подобнымъ ходатайствомъ обратилось къ государю Московское Дворянское Собраніе, насчитывавшее въ своемъ составѣ не мало консерваторовъ: въ адресѣ, редактированномъ Катковымъ, оно просило государя «увѣнчать зданіе реформъ» созваніемъ представителей отъ земли русской (разумѣя, впрочемъ, подъ ними главнымъ образомъ дворянскихъ депутатовъ). Ни это ходатайство, ни послѣдовавшее много позже предложеніе Валуева о созваніи общегосударственнаго земскаго собранія не встрѣтили сочувствія государя. Однако, къ проекту Лорисъ-Меликова государь отнесся благосклонно и готовъ былъ дать ему движеніе...

§ 110. Кончина императора Александра II.

Временное успокоеніе, достигнутое Верховной Комиссіей, было непрочнымъ: партія «народной воли» только затихла, но не исчезла. Ея члены готовились къ новому преступному покушенію, намѣреваясь осуществить свой замыселъ во время проѣзда государя по улицамъ Петербурга. 1 марта 1881 г. императоръ, въ сопровожденіи полиціймейстера и нѣсколькихъ конвойныхъ козаковъ, ѣхалъ изъ Михайловскаго дворца. Одинъ изъ заговорщиковъ поджидалъ его на Екатерининской (тогда—Малой Садовой) улицѣ, готовясь взорвать устроенный ими тамъ подкопъ, другіе сторожили его въ разныхъ мѣстахъ.

На набережной Екатерининскаго канала въ карету государя была брошена бомба, не причинившая ему вреда. Но, когда государь вышелъ изъ кареты, въ него брошена была вторая бомба, раздробившая ему ноги. Раны оказались смертельными. Привезенный въ Зимній дворецъ, императоръ Александръ II вскорѣ скончался, оплакиваемый своей семьей и русскимъ народомъ, видѣвшимъ въ немъ великаго Царя-Освободителя и Царя-Мученика, страшно потрясеннымъ его смертью и навсегда сохранившимъ о немъ самую благоговѣйную память. Виновники его кончины были преданы суду и приговорены къ смертной казни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствованіе Императора Александра III Александровича. (1881—1894 г.)

§ 111. Общій характеръ царствованія.

Императору Александру II наслѣдовалъ его второй сынъ Александръ Александровичъ, родившійся въ 1845 году (старшій братъ его Николай Александровичъ скончался 22 лѣтъ въ 1865 году). Царствованіе императора Александра III отличалось консервативнымъ, національнымъ, твердымъ и мирнымъ характеромъ. По собственному убѣжденію и по совѣту нѣкоторыхъ приближенныхъ, напр., извѣстнаго ученаго юриста оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева, государь отвергъ проекты гр. Лорисъ-Меликова. Самъ Лорисъ-Меликовъ вышелъ въ отставку, и постъ министра внутреннихъ дѣлъ замѣщенъ былъ сперва гр. Игнатьевымъ, а затѣмъ (въ 1883 г.) гр. Д. А. Толстымъ (бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія). Политика императора Александра III имѣла слѣдующія цѣли: 1) утвержденіе и охрану самодержавія, усиленіе правительственной власти и подчиненіе ей органовъ мѣстнаго самоуправленія, 2) поддержаніе дворянства, 3) обезпеченіе экономическаго благосостоянія крестьянства и улучшеніе положенія рабочаго класса, 4) покровительство россійской промышленности, упорядоченіе финансовъ и бережливость въ государственныхъ расходахъ, 5) развитіе русской (преимущественно исторической) науки и распространеніе «благонадежнаго, въ церковномъ и народномъ духѣ, образованія», 6) обрусѣніе окраинъ, 7) укрѣпленіе виднаго международнаго положенія Россіи и поддержаніе мира въ Европѣ.

Стремленіе къ достиженію этихъ цѣлей побудило государя подвергнуть пересмотру и частичнымъ измѣненіямъ то, что создано было при императорѣ Александрѣ II. Самыя крупныя измѣненія внесены были въ областное самоуправленіе.

§ 112. Областныя преобразованія.

Закономъ 1889 г. учреждена была должность «земскихъ участковыхъ начальниковъ», подчиненныхъ непосредственно губернатору и назначаемыхъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ, обладающихъ опредѣленнымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. Въ своемъ участкѣ (въ уѣздѣ нѣсколько участковъ; въ участокъ могутъ включаться и незначительные города) земскій начальникъ наблюдаетъ за органами крестьянскаго самоуправленія, разсматривая всѣ ихъ постановленія, заботится «о хозяйственномъ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ» и имѣетъ надъ ними власть административную, полицейскую и судебную по маловажнымъ дѣламъ. Для разбора болѣе важныхъ дѣлъ установлена должность «уѣзднаго члена окружнаго суда». Апелляціонной инстанціей по дѣламъ, рѣшеннымъ земскими начальниками, является «уѣздный съѣздъ»—коллегіальное учрежденіе, состоящее, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства или уѣзднаго члена окружнаго суда, изъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей уѣзда. Городскіе судьи, назначаемые правительствомъ, замѣнили собой «мировыхъ судей», должность которыхъ сохранилась лишь въ столицахъ и въ самыхъ крупныхъ городахъ. На приговоры уѣздныхъ членовъ окружнаго суда апелляція приносится въ окружный судъ, на городскихъ судей—въ уѣздный съѣздъ. Кассаціонной инстанціей для послѣдняго является «губернское присутствіе», въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входятъ вице-губернаторъ, членъ мѣстнаго окружнаго суда и его прокуроръ и два непремѣнныхъ члена изъ мѣстнаго дворянства (по назначенію).

Земскіе начальники, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ (во измѣненіе Судебныхъ уставовъ 1864 г.) судебную и административную власть, призваны были, какъ сказано, къ надзору за крестьянскимъ самоуправленіемъ. Дѣятельный же надзоръ за городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ поручался губернаторамъ, власть которыхъ была усилена. Губернатору (съ состоящимъ при немъ губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ) принадлежитъ право утверждать постановленія земскихъ собраній и городскихъ думъ, а также утверждать въ должности членовъ управъ, земскихъ и городскихъ служащихъ, ревизовать ихъ дѣлопроизводство, возбуждать противъ нихъ судебное преслѣдованіе и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и порядокъ выбора членовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія. Для городскихъ избирателей, соединенныхъ въ одну курію, былъ установленъ цензъ, а выборы земскихъ гласныхъ съ 1890 года стали производиться въ трехъ чисто-сословныхъ куріяхъ (а не смѣшанныхъ, какъ было установлено Положеніемъ 1864 года), именно: дворянской, городской и крестьянской, при чемъ крестьяне избираютъ не самихъ гласныхъ, а лишь кандидатовъ въ нихъ, изъ числа которыхъ гласные назначаются губернаторами по рекомендаціи земскихъ начальни-

ковъ. Выборные отъ дворянъ получили въ земствахъ численное преобладаніе. Это обстоятельство, а также вліятельное значеніе земскихъ начальниковъ, назначаемыхъ изъ дворянъ и обязанныхъ заботиться о томъ, чтобы помѣщики могли спокойно жить въ своихъ имѣніяхъ, не опасаясь столкновеній съ крестьянами, возстановляли до извѣстной степени дворянскій характеръ мѣстной жизни, поколебленный реформами Александра II.

§ 113. Заботы о дворянствѣ и крестьянствѣ.

Императоръ Александръ III заботился не только о поддержаніи первенствующаго значенія дворянъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, но и объ ихъ экономическомъ благосостояніи, которое во многихъ мѣстностяхъ сильно разстроилось, такъ какъ далеко не всѣ помѣщики умѣли освоиться съ новыми условіями, созданными отмѣной крѣпостного права, далеко не всѣ расходовали деньги, полученныя за выкупленныя земли, на улучшеніе своего хозяйства. Поэтому правительство сочло нужнымъ учредить въ 1885 году Дворянскій земельный банкъ, ссужавшій помѣщиковъ деньгами на льготныхъ условіяхъ и имѣвшій своей задачей «облегчить потомственнымъ дворянамъ способы къ сохраненію принадлежащихъ имъ вотчинъ за своимъ потомствомъ».

Благосостояніе крестьянъ также составляло предметъ заботъ правительства императора Александра III: для обезпеченія ихъ землею въ 1881 году произведенъ былъ обязательный выкупъ во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ, при чемъ выкупные платежи разсрочивались и сокращались; для предотвращенія ихъ обезземеленія стѣснялось право распоряженія надѣлами (запрещалось, напр., отчуждать ихъ въ постороннія руки или закладывать), упорядочивались раздѣлы земли между членами семьи и т. д.; для расширенія крестьянскаго землевладѣнія—1) учрежденъ былъ въ 1882 г. Крестьянскій земельный банкъ, назначеніе котораго состояло въ выдачѣ крестьянамъ долгосрочныхъ ссудъ на покупку земли, 2) сдавались въ аренду казенныя земли, 3) успѣшно развивалось переселенческое дѣло. Были, напр., приняты мѣры для облегченія доступа переселенцевъ въ привольную, просторную Сибирь и Среднюю Азію. Важнѣйшей изъ нихъ являлась постройка Закаспійской жел. дороги и закладка въ 1891 г. Великаго Сибирскаго пути, который стали строить одновременно съ двухъ концовъ, отъ Челябинска и отъ Владивостока. По мѣрѣ сооруженія его росло число переселенцевъ: въ 1880-хъ годахъ ихъ было не болѣе 2 тысячъ въ годъ, въ 1890-хъ—до 200 тысячъ. Помимо этого, Сибирскій путь предназначался и для политическихъ цѣлей—упроченія и расширенія русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ, и для экономическихъ—развитія торговыхъ сношеній.

§ 114. Экономическая и финансовая политика.

Помощниками императора Александра III въ финансовыхъ дѣлахъ были министры финансовъ сперва Бунге, затѣмъ Вышнеградскій и, наконецъ, Витте. Имъ удалось достигнуть огромнаго улучшенія финансоваго положенія Россіи, которое было совершенно разстроено русско-турецкой войной. Сущность принятыхъ ими мѣръ, избавившихъ русскій бюджетъ отъ дефицита, заключалась въ чрезвычайной бережливости, увеличеніи косвенныхъ и нѣкоторыхъ прямыхъ налоговъ, падавшихъ преимущественно на состоятельные классы (напротивъ, подушная подать, взимавшаяся съ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, была отмѣнена), въ послѣдовательномъ проведеніи протекціонной системы, состоявшей въ повышеніи пошлинъ на привозные товары (такое повышеніе вызвало даже «таможенную войну» съ Германіей, заключавшуюся въ томъ, что послѣдняя въ свою очередь измѣнила къ невыгодѣ Россіи свой тарифъ), въ увеличеніи русскаго вывоза (особенно хлѣбнаго) и въ покровительствѣ русской фабрично-заводской промышленности. Развитіе послѣдней выдвигало на очередь рабочій вопросъ: между предпринимателями и рабочими неоднократно происходили недоразумѣнія, переходившія иногда въ крупные рабочіе безпорядки или стачки. Для предотвращенія этого, правительство императора Александра III положило начало фабричному законодательству, имѣвшему цѣлью опредѣлить условія труда рабочихъ и избавить ихъ отъ притѣсненій нанимателей, и учредило должность фабричныхъ инспекторовъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за исполненіемъ этихъ законовъ, защищать интересы взрослыхъ рабочихъ и опекать малолѣтнихъ; приняты были, между прочимъ, мѣры для распространенія среди послѣднихъ грамотности.

§ 115. Просвѣтительныя мѣропріятія.

Въ вопросахъ народнаго просвѣщенія императоръ Александръ III былъ убѣжденнымъ сторонникомъ церковно-приходскихъ школъ, руководительство которыми принадлежало священнослужителямъ, и главной задачей которыхъ было воспитаніе дѣтей въ духѣ православной вѣры, въ преданности престолу и отечеству. Число этихъ школъ, отданныхъ въ вѣдомство Синода и составлявшихъ предметъ особыхъ попеченій его оберъ-прокурора Побѣдоносцева, возросло съ 4.000 до 30.000. Успѣшно развивалось также техническое и профессіональное образованіе, въ курсъ земскихъ училищъ вводилось обученіе ремесламъ. Нарождалось и женское профессіональное образованіе: такъ, напр., профессіональный характеръ приданъ былъ спеціальнымъ

классамъ новаго Ксеніинскаго института; кромѣ того, учреждены были 4-хъ-классныя Маріинскія училища для приходящихъ дѣвицъ. Эти училища такъ же, какъ и женскіе институты и гимназіи Вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, находятся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Что касается высшаго образованія, то главными мѣропріятіями въ этой области были учрежденіе въ 1888 году университета въ Томскѣ и изданіе въ 1884 г. новаго университетскаго устава, уничтожавшаго автономію профессорскаго персонала: выборныя должности замѣнялись назначаемыми, усиливалась власть попечителя учебнаго округа и университетской инспекціи; воспрещались студенческія организаціи; повышена была плата за ученіе; устанавливалось обязательное ношеніе студентами форменной одежды; для прослушавшихъ университетскій курсъ вводились государственные экзамены въ особыхъ испытательныхъ комиссіяхъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу даннаго университета.

Ставя университетамъ исключительно научныя и учебныя цѣли, императоръ Александръ III оказывалъ неизмѣнную и щедрую поддержку ученымъ обществамъ. Особеннымъ его вниманіемъ пользовались общества, занимающіяся изученіемъ исторіи и археологіи Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ состояли подъ его покровительствомъ и предсѣдательствомъ.

По словамъ историка (проф. Ключевскаго), «государь, который сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ многосложныя нити управленія необъятной Имперіей, направлялъ или сдерживалъ разностороннія теченія міровой международной жизни, которому, казалось, необходимо было удвоенное число суточныхъ часовъ для рѣшенія многообразныхъ государственныхъ вопросовъ, ежеминутно на каждомъ его шагу выроставшихъ изъ земли, — этотъ государь умѣлъ находить досугъ для скромной ученой работы, особенно по изученію отечественной исторіи и древностей, и былъ глубокимъ знатокомъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ русской археологіи, напр., иконографіи».

Глубокій интересъ императора Александра III къ русскому прошлому объясняется прежде всего національнымъ складомъ его характера, стремленіемъ всюду поддерживать интересы русской народности. Такое стремленіе побуждало его правительство придерживаться обрусительной политики по отношенію къ окраинамъ.

§ 116. Отношеніе къ окраинамъ.

Правительство, признавая нежелательность рѣзкихъ мѣръ для обрусѣнія иноплеменниковъ, «насильственной ломки исторически сложившагося строя ихъ жизни» и «насильственнаго искорененія ихъ языковъ», стремилось, однако, къ сліянію ихъ съ кореннымъ

населеніемъ, стремилось къ тому, чтобы «иноплеменники сдѣлались современемъ сынами, а не оставались вѣчными пріемышами страны». Наиболѣе сильному обрусѣнію подвергся Прибалтійскій край: его нѣмецкій административный и общественный строй преобразованъ былъ по русскому образцу; оффиціальнымъ языкомъ сдѣлался русскій, ставшій обязательнымъ предметомъ преподаванія во всѣхъ школахъ; городъ Дерптъ получилъ свое древне-русское названіе «Юрьевъ», дерптскій нѣмецкій университетъ становился русскимъ. Равнымъ образомъ былъ принятъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью ограничить обособленность Финляндіи, такъ какъ императоръ признавалъ, что она состоитъ «въ собственности и державномъ обладаніи имперіи Россійской». Въ Привислинскомъ краѣ усилено было русское вліяніе и расширялось русское землевладѣніе. Права евреевъ были ограничены.

§ 117. Внѣшняя политика.

Поддерживая русскую народность внутри государства, императоръ Александръ III неуклонно стремился къ поднятію международнаго значенія Россіи. Ея военныя силы были приведены въ порядокъ, вооруженіе усовершенствовано, отстроенъ Черноморскій флотъ, значительно увеличенъ составъ Балтійскаго, на западѣ появился рядъ крѣпостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь тѣсно сблизился съ Франціей и заключилъ съ нею оборонительный союзъ въ противовѣсъ «тройственному союзу»—Германіи, Австріи и Италіи.

Однако все это дѣлалось отнюдь не для завоевательныхъ цѣлей, а напротивъ для поддержанія мира. Хорошее вооруженіе и дружба съ Франціей не только обезпечивали Россію отъ какихъ-либо покушеній или вліяній сосѣдей, но и давали ей возможность одними своими дипломатическими выступленіями обезпечивать сохраненіе мира во всей Европѣ. Установленіе общаго мира и было главною цѣлью внѣшней политики императора Александра III, и успѣшнымъ достиженіемъ ея онъ снискалъ почетное наименованіе «Миротворца», которое опредѣляетъ его обще-европейское значеніе.

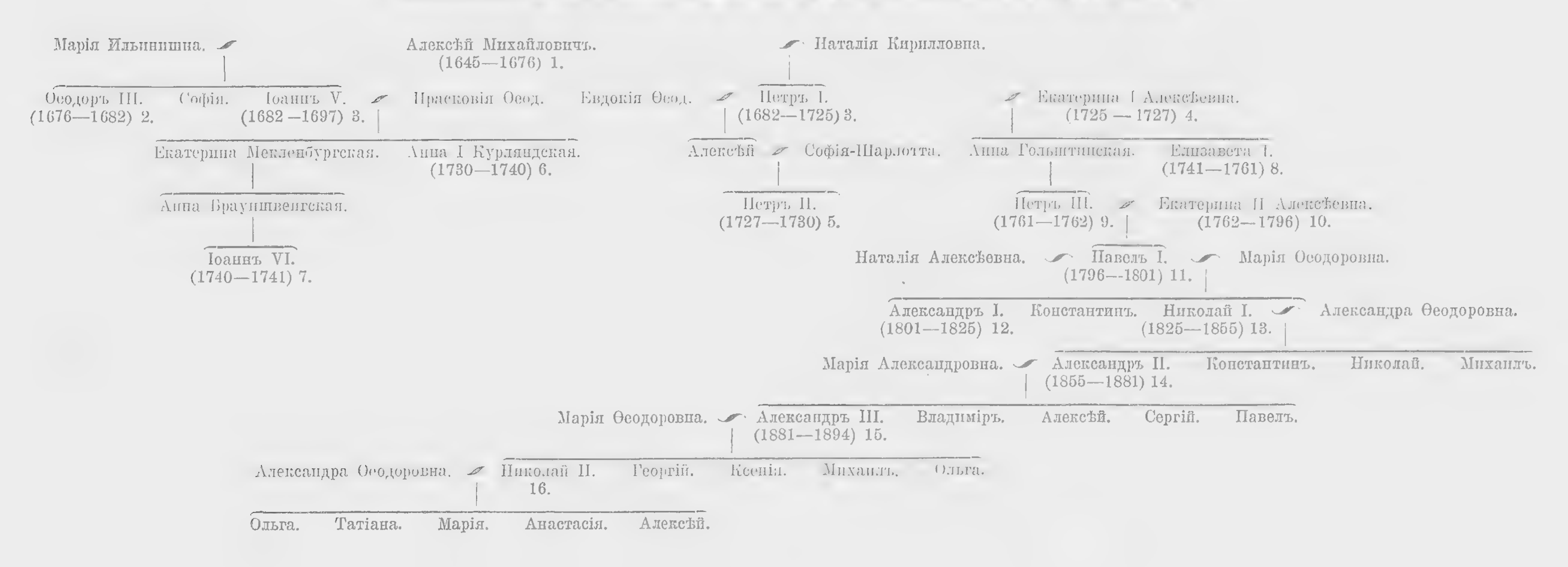
Въ мелкія дипломатическія распри и во внутреннія дѣла другихъ государствъ императоръ Александръ III никогда не вмѣшивался, не дѣлая въ этомъ отношеніи исключенія и для вновь образовавшихся балканскихъ государствъ. Такъ, напр., когда избранный въ 1879 году на болгарскій престолъ князь Александръ Баттенбергскій сталъ непріязненно относиться къ распространенію русскаго вліянія въ Болгаріи, а затѣмъ, вопреки постановленіямъ Берлинскаго конгресса, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ (въ 1885 г.) Восточную Румелію, императоръ Александръ III ограничился исключеніемъ его изъ списковъ русской арміи и заявленіемъ, что онъ ничего не сдѣлаетъ для Болгаріи, пока тамъ будетъ княжить Баттенбергъ. Дѣй-

ствительно, русское правительство отнеслось безучастно и къ вспыхнувшей въ это время болгарско-сербской войнѣ, и къ военному перевороту, лишившему Александра Баттенберга власти, и къ его отреченію отъ престола, и къ установившейся въ Болгаріи диктатурѣ жестокаго Стамбулова, и къ избранію на ея престолъ Фердинанда Саксенъ-Кобургскаго. Лишь одинъ разъ въ царствованіе императора Александра III Россіи пришлось поднять оружіе. Случилось это въ 1885 году, когда на р. Кушкѣ генералъ Комаровъ нанесъ пораженіе афганцамъ, сдѣлавшимъ набѣгъ на пограничныя русскія владѣнія. Въ связи съ этимъ афганскимъ дѣломъ стояло присоединеніе къ Россіи Мервскаго и сосѣдняго съ нимъ оазисовъ.

Императоръ Александръ III скончался 20 октября 1894 года въ Ливадіи (въ Крыму) отъ болѣзни почекъ, не достигнувъ и 50 лѣтъ. Его преждевременная кончина, которой никакъ нельзя было ожидать, такъ какъ государь отличался всегда крѣпкимъ здоровьемъ, оплакивалась не только въ Россіи, но и въ Зап. Европѣ. По словамъ историка (профессора Ключевскаго), «Европа поняла, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому опасному оборонительному складу, и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго Царя тихо и осторожно отводила его. Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго мира и порядка, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи».

Императору Александру III наслѣдовалъ его старшій сынъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай II Александровичъ.

Родословная Царствующаго Дома со времени царя Алексѣя Михайловича.



Приложеніе II.

Перечень хронологическихъ датъ, помѣщенныхъ въ I и II части [1].

---

375. (?) Нашествіе гунновъ на остготовъ (10).
839. Прибытіе представителей Руси къ Людовику Благочестивому (31).
862. (?) *Начало русскаго государства* (29, 39).
907.
911. } Договоры Олега съ Греками (38).
941.
944 (?) } Походы Игоря на Византію (39).
945. *Договоръ Игоря съ Греками* (39); Смерть Игоря (40).
957. (?) *Крещеніе Св. Ольги* (41).
968. Осада Кіева печенѣгами (42).
972. Смерть Святослава Игоревича (43).
980—1015. Княженіе Владиміра Св. (44).
988. (?) *Крещеніе Владиміра* (46, 49).
988. (?) Походъ Владиміра на Корсунь (46).
1016—1019. Борьба между Святополкомъ и Ярославомъ Владиміровичами (53).
1023. Нападеніе Мстислава Владиміровича на Кіевъ (53).
1036. Смерть Мстислава Владиміровича и послѣднее нашествіе печенѣговъ (54).
1039. (?) Возникновеніе древнѣйшаго лѣтописнаго свода (102).
1043. Послѣдній походъ Руси на Византію (54).
1051. Поставленіе Иларіона на кіевскую митрополію (55).
1054. *Кончина Ярослава Мудраго* (55, 62, 66).
1054—1132. Первый періодъ исторіи Кіевскаго княжества послѣ Ярослава Мудраго (66).
1060. Пораженіе Торковъ Ярославичами (67).
1061. Первое нашествіе половцевъ (63, 67).
1062. Устроеніе Ѳеодосіемъ Кіево-Печерскаго монастыря (99).
1068. Пораженіе Изяслава Ярославича половцами (67).
1072. (?) Кончина преп. Антонія (98).
1073. Возникновеніе перваго печерскаго свода (102).
1076. Смерть Святослава II Ярославича (68).
1078. Смерть Изяслава I Ярославича (68).

---

[1]) Важнѣйшія даты напечатаны курсивомъ; не вполнѣ установленныя исторической наукой—отмѣчены (?). Въ скобкахъ справа указаніе на страницу, на которой упоминается дата; страницы второй части обозначаются курсивомъ.

1081—1088. Составленіе Несторомъ житій свв. Бориса и Глѣба (101).
1083. Составленіе «Изборника Святослава» (100).
1093. Смерть Всеволода I Ярославича (69).
1095. Возникновеніе начальнаго кіевскаго свода (102).
1097. Любечскій съѣздъ (59, 69).
1099. Пораженіе венгровъ подъ Перемышлемъ (140); взятіе Іерусалима крестоносцами (47).
1100. Витичевскій съѣздъ (70).
1103. }
1111. } Удачные походы Владиміра Мономаха на половцевъ (63, 70).
1113. Смерть Святополка II Изяславича (70).
1113—1125. Княженіе Владиміра Мономаха въ Кіевѣ (71).
1116. Возникновеніе «Повѣсти временныхъ лѣтъ» (102).
1125—1132. Княженіе Мстислава I Владиміровича (72, 73).
1132—1169. Второй періодъ исторіи Кіевскаго княжества послѣ Ярослава Мудраго (66, 73).
1132—1139. Княженіе Ярополка II Владиміровича (74).
1136. Судъ новгородскаго вѣча надъ Мстиславомъ Всеволодовичемъ (129).
1140. Начало дробленія Польши (154).
1146. Смерть Всеволода II Ольговича (75).
1146—1154. Борьба Изяслава II Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ (76).
1147. Убіеніе Игоря Ольговича (76).
1147. Первое лѣтописное упоминаніе о Москвѣ (160).
1151. Утвержденіе Изяслава II въ Кіевѣ въ соправительствѣ съ Вячеславомъ (77).
1154. Смерть Изяслава II (77).
1157. Смерть Юрія Долгорукаго (78).
1167. Установленіе архіепископіи въ Новгородѣ (131).
1169. Разореніе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ (79, 110).
1169—1240. Третій періодъ исторіи Кіевскаго княжества послѣ Ярослава Мудраго (66, 79).
1175. Смерть Андрея Боголюбскаго (111).
1176—1212. Княженіе Всеволода III Большое Гнѣздо (111).
1181—1194. Двоевластіе Святослава III и Рюрика Ростиславича (80).
1187. Смерть Ярослава Осмомысла (142).
1189—1199. Княженіе Владиміра Ярославича въ Галиціи (142).
1199. Прекращеніе династіи Ростиславичей (142) и объединеніе Волыни и Галиціи (139).
1199—1205. Княженіе Романа Мстиславича (143).
1201. Основаніе Риги (136).
1214. Вокняженіе Даніила Романовича въ Волыни (143).
1223. Битва на р. Калкѣ (66, 80).
1224. Завоеваніе нѣмецкими рыцарями г. Юрьева (137).
1228. Смерть Мстислава Удалого (144).
1236. Вступленіе Батыя въ Уральскія степи (81).
1237—1240. Завоеваніе Батыемъ Русской земли (117).
1237. Разгромъ татарами Рязанскаго княжества (81); заключеніе союза между ливонскимъ и тевтонскимъ орденами (137).
1238. Битва на р. Сити (82, 111).
1240. Разореніе Кіева татарами (66, 82); взятіе нѣмецкими рыцарями г. Пскова (137); *невская побѣда Александра Ярославича* (137); пріобрѣтеніе Ярославомъ Всев. ярлыка на Кіевское княжество (145).
1242. Основаніе Золотой Орды (82); *ледовое побоище* (138).
1245. Битва при г. Ярославѣ и вокняженіе Даніила Романовича въ Галиціи (144).
1252. Вокняженіе Св. Александра Невскаго во Владимірѣ (138).
1255. Коронованіе Даніила Романовича королевскимъ вѣнцомъ (146).
1261. Учрежденіе православной епископіи въ г. Сараѣ (117).
1263. Кончина Св. Александра Невскаго (138) и *Миндовга Литовскаго* (149).
1264. Смерть Даніила Романовича (146).

1268. Битва при Раковорѣ (Везенбергѣ) (138).
1270. Переговоры Ярослава Ярославича съ новгородскимъ вѣчемъ (129).
1313–1391. Жизнь преп. Сергія Радонежскаго (121).
1316—1341. Княженіе Гедимина (150).
1326. *Перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву* (122, 162).
1327 [1]). Возстаніе въ Твери противъ татаръ (161).
1328. *Утвержденіе великокняжескаго ярлыка за московскими князьями* (162).
1340. Смерть Юрія II Болеслава и вокняженіе Любарта Гедиминовича въ Галицко-Волынской землѣ (147).
1341. Кончина Іоанна Калиты (162).
1341—1352. Княженіе Симеона Іоанновича (164).
1347. Обособленіе Пскова отъ Новгорода (134, 135); походъ Магнуса на новгор. землю (139).
1352—1359. Княженіе Іоанна II Іоанновича (164).
1362—1389. *Княженіе Димитрія Іоанновича Донского* (165, 167).
1363. Присоединеніе Ольгердомъ Кіевской земли (152).
1370. Прекращеніе династіи Пястовъ и вступленіе Людовика Венгерскаго на польскій престолъ (151, 154).
1372. Утвержденіе Владислава Опольскаго въ Галиціи (151).
1375. Побѣда Димитрія Іоанновича надъ Михаиломъ Тверскимъ (166); папская булла объ учрежденіи католическихъ епархій въ Галиціи и Волыни (266).
1377. Смерть Ольгерда (153); побѣда царевича Арапши надъ русскими князьями (166).
1378. Обращеніе Галиціи въ венгерскую провинцію (151); битва на р. Вожѣ (166).
1380. *Куликовская битва* (166, 167).
1381. Переходъ Галиціи подъ власть Польши (151).
1382. Гибель Кейстута (154); набѣгъ Тохтамыша на Москву (167).
1385. Переговоры польскаго правительства съ Ягайломъ объ уніи (154).
1386. *Заключеніе уніи Польши и Литовско-Русскаго государства* (155, 158, 245, 259, 260).
1387. Ограниченіе правъ православныхъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (244).
1389—1425. *Княженіе Василія I* (168).
1392—1430. Правленіе Витовта въ Литовско-Русскомъ государствѣ (156, 159).
1395. *Завоеваніе Витовтомъ Смоленска* (156); *нашествіе Тамерлана* (169).
1399. Пораженіе Витовта на р. Ворсклѣ (157).
1401. Подтвержденіе уніи 1386 г. (158).
1408. Набѣгъ Едигея на Москву (169).
1410. *Битва при Грюнвальдѣ и Танненбергѣ* (157).
1411. Разгромъ г. Владиміра татарами (169).
1413. Договоръ въ Городлѣ (158) и ограниченіе правъ православныхъ въ Литвѣ (244).
1414. Крещеніе Жмуди (155).
1425—1462. *Княженіе Василія II* (170, 172).
1432. [2]) Присоединеніе Подольской земли къ Польшѣ (186).
1434. Смерть Ягайла (159).
1435. Введеніе польскаго права въ «Русскихъ провинціяхъ Польской Короны» (243).
1439. Набѣгъ Улу-Махмета на Москву (170).
1440. Вокняженіе Казиміра Ягайловича въ Литвѣ (186).
1441. *Осужденіе московскаго митрополита Исидора* (174).
1445. Плѣненіе Василія II Улу-Махметомъ (171).
1445—1492. Правленіе Казиміра Ягайловича въ Польшѣ и Литвѣ (186, 188).
1450. Окончаніе московской усобицы (170).
1453. Завоеваніе Византіи Турками (174, 192, 227).

---

[1]) Въ текстѣ опечатка: 1337.
[2]) Въ текстѣ опечатка: 1438.

1454—1466. Польско-прусская война (188).
1458. *Обособленіе Московской Церкви отъ Западно-Русской* (174) и *учрежденіе Кіевской митрополіи* (174, 265).
1459. *Національзація Русской Церкви* (174).
1462—1505. *Княженіе Іоанна III* (176).
1471. Договоръ Новгорода съ Казиміромъ (178); первый походъ Іоанна III на Новгородъ и пораженіе новгородцевъ на р. Шелони (180).
1472. Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ (192).
1475. Посѣщеніе Іоанномъ III Новгорода (181).
1477. Ссора Іоанна III съ новгородцами (181).
1478. *Второй походъ Іоанна III на Новгородъ и присоединеніе Новгородской земли къ московскимъ владѣніямъ* (134, 182, 183).
1480. *Сверженіе татарскаго ига* (190, 191).
1481. Заговоръ приверженцевъ русской партіи противъ Казиміра (187).
1485. Присоединеніе Тверского княжества къ Московскимъ владѣніямъ (184).
1490. Смерть Іоанна Іоанновича (193).
1494. Уничтоженіе нѣмецкаго двора въ Новгородѣ (183).
1497. Принятіе Іоанномъ III византійскаго герба (192); *изданіе Судебника Іоанна III* (206, 283).
1498. Вѣнчаніе Димитрія Іоанновича на царство (193).
1500—1503. Война Іоанна III съ Литвой и Ливонскимъ орденомъ (189).
1501. Подтвержденіе уніи 1386 г. (186, 260, 261).
1502. Паденіе Золотой Орды (191).
1503. *Церковный соборъ по поводу монастырскаго землевладѣнія* (225).
1504. Преданіе проклятію жидовствующихъ (225).
1505—1533. *Княженіе Василія III* (176, 194).
1506. Смерть Александра Казиміровича (186).
1508. Перемиріе Василія III съ Сигизмундомъ I Литовскимъ (196); кончина преп. Нила Сорскаго (221).
1510. *Присоединеніе Пскова къ Московскимъ владѣніямъ* (194).
1512. Возобновленіе войны Василія III съ Сигизмундомъ I Литовскимъ (196).
1514. *Присоединеніе Смоленска къ Московскимъ владѣніямъ* (196).
1515. Кончина преп. Іосифа Санина (225).
1517. Присоединеніе Рязанскаго княжества къ московскимъ владѣніямъ (194) и начало мирныхъ переговоровъ послѣ второй войны Василія III съ Сигизмундомъ I (196).
1518. Приглашеніе въ Москву Максима Грека (221).
1523. Присоединеніе Сѣверскаго княжества къ Московскимъ владѣніямъ (194).
1529. Первая редакція Литовскаго статута (247).
1533—1584. *Правленіе Іоанна IV* (277).
1538. Смерть цар. Елены Васильевны (277).
1547. *Вѣнчаніе Іоанна IV на царство*; его женитьба (280) и московскіе пожары (281).
1547.—1549. Церковные соборы по поводу канонизаціи русск. угодниковъ (282).
1550. *Судебникъ Іоанна IV* (206, 239, 283, 290); первый (недостовѣрный) земскій соборъ (284); подготовленіе отмѣны кормленій (282); первый походъ на Казань (286).
1551. *Стоглавый соборъ* (282); ограниченіе земельныхъ вкладовъ въ монастыри (226).
1552. Начало книгопечатанія въ Москвѣ (282); *взятіе Казани* (287).
1553. Начало торговыхъ сношеній съ Англіей (285); болѣзнь Іоанна IV и недоразумѣнія изъ-за престолонаслѣдія (289, 290).
1555. Отмѣна кормленій (283); начало крымскихъ походовъ Іоанна IV (288).

---

[1]) Въ текстѣ опечатка: 1569.

1556. Указъ о службѣ съ вотчинъ и помѣстій (216); кончина Максима Грека (222); взятіе Астрахани (287).
1557. Уставъ о «волокахъ» (252).
1558. Окончаніе «Четій-Миней» (278).
1558—1582. *Ливонская война* (289, 299, 303).
1559 [1]). Удачный походъ Д. Адашева на Крымъ (288).
1560. Смерть цар. Анастасіи Романовны, распаденіе «избранной рады» (290).
1560. } Раздѣлъ владѣній Ливонскаго ордена (300) и обращеніе рыца-
1561. } рей за помощью къ Польско-Литовскому государству (258).
1562. Ограниченіе правъ наслѣдованія вотчинами (215); ходатайство литовско-русской шляхты о подтвержденіи уніи (258).
1563. Уравненіе правъ православной и католической шляхты (259); кончина митрополита Макарія (296); взятіе московскими войсками Полоцка (300).
1563—1564. Варшавскій сеймъ для подтвержденія уніи (259).
1564. Устройство въ Литовско-Русскомъ государствѣ выборныхъ шляхетскихъ судовъ (259); Парчевскій сеймъ для подтвержденія уніи (259); бѣгство Курбскаго въ Литву (291); выѣздъ Іоанна IV изъ Москвы передъ учрежденіемъ опричнины (293).
1564—1579. Переписка Іоанна IV съ Курбскимъ (291).
1565. Преобразованіе литовскаго сейма (257) и организація шляхетскихъ сеймиковъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (259); *учрежденіе опричнины* (294).
1566. Вторая редакція Литовскаго Статута (247); вторичное ходатайство литовско-русской шляхты о подтвержденіи уніи (258); *земскій соборъ по поводу Ливонской войны* (284, 300).
1568. Возстановленіе печатнаго двора въ Москвѣ (283).
1569. *Люблинская унія* (259, 262); кончина св. Филиппа (296).
1570. Разгромъ Новгорода опричниками (296).
1571. Набѣгъ крымскаго хана на Русь (299).
1572. Разрѣшеніе зем. вкладовъ въ пользу бѣдныхъ монастырей (226); смерть Сигизмунда II Августа и избраніе на польскій престолъ Генриха Валуа (262); переименованіе опричнины въ «дворъ» (294).
1575. Поставленіе Симеона Бекбулатовича во главѣ земщины (295).
1579. Успѣхи Стефана Баторія въ Ливонской войнѣ (302).
1580. Запрещеніе земельныхъ вкладовъ въ пользу монастырей (215, 226).
1581. Походъ Ермака на Сибирь (304).
1582. *Рожденіе царевича Димитрія Іоанновича и смерть Іоанна Іоанновича* (297); *перемиріе у Запольскаго яма* (299, 303); *завоеваніе Сибири* (305).
1581. Смерть Курбскаго (291); перемиріе со шведами послѣ Ливонской войны (303).
1584. *Смерть Іоанна IV* (305); земскій соборъ для утвержденія Θеодора Іоанновича (306).
1584—1598. *Царствованіе Θеодора I Іоанновича* (305, 320).
1585. Смерть Никиты Романовича Захарьина-Юрьева (307).
1586. Переговоры съ антіох. патріархомъ Іоакимомъ объ учрежденіи на Руси патріаршества (309); указъ о кабальныхъ холопахъ (239).
1587. Вступленіе Сигизмунда III на польскій престолъ (268).
1588. Переговоры съ константин. патріархомъ Іереміею объ учрежденіи на Руси патріаршества (309); третья редакція Литовскаго статута (247).
1588—1589. Посѣщеніе Московскаго государства англичаниномъ Флетчеромъ (297).
1589. *Учрежденіе патріаршества на Руси* (308); посѣщеніе патріархомъ Іереміею юго-западной Руси (268); поставленіе Гермогена Казанскимъ митрополитомъ (358).
1590. Заявленіе западно-русскихъ епископовъ о своемъ сочувствіи церковной уніи (269); отмѣна самоуправленія у малороссійскихъ козаковъ (276).

1590—1595.	Война со Швеціей въ правленіе Бориса Годунова (317).
1591.	*Кончина царевича св. Димитрія Іоанновича Углицкаго* (311, 313, 317, 332); пожаръ Москвы (315).
1592.	Предполагаемый нѣкоторыми историками указъ объ отмѣнѣ крестьянскаго «выхода» (239); переговоры епископа Терлецкаго съ Сигизмундомъ III объ уніи (269).
1592—1593.	Составленіе писцовыхъ книгъ въ правленіе Бориса Годунова (239).
1593.	Возстаніе Косинскаго (276); утвержденіе московскаго патріаршества Константинопольскимъ соборомъ (309).
1594.	Смерть царевны Θеодосіи Θеодоровны (315, 317).
1594—1595.	Выработка условій церковной уніи (269).
1595.	«Окружное посланіе» кн. Константина Острожскаго (271).
1596.	*Провозглашеніе церковной уніи на Брестскомъ соборѣ* (272, 273, 363).
1597.	Указъ о кабальныхъ холопахъ (239, 393) и *установленіе пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ* (239, 383).
1598.	*Прекращеніе династіи Рюриковичей* (39, 320); *избраніе на царство Бориса Θеодоровича Годунова* (321, 373).
1598—1605.	*Царствованіе Бориса Θеодоровича* (321, 331).
1600—1601.	Гоненія Бориса на Романовыхъ (323).
1601—1602.	Ограниченія «вывоза» крестьянъ (239).
1601—1603.	Голодъ въ царствованіе Бориса (324).
1603.	*Появленіе Лжедимитрія I* (325).
1604.	Мартъ—Аудіенція Лжедимитрія I у Сигизмунда III (326); октябрь—походъ Лжедимитрія I на Русь (330).
1605.	20 января—Пораженіе Лжедимитрія на р. Сѣвѣ (330); весна—борьба за Кромы (331); 13 апрѣля—кончина Бориса и воцареніе Θеодора II Борисовича (331); 7 мая—переходъ московской рати на сторону Лжедимитрія (331); 1 іюня — *сверженіе Θеодора II съ престола* (332); 10 іюня—убіеніе Θеодора II (332); 20 іюня — *воцареніе Лжедимитрія* (332); 30 іюня — назначеніе казни Шуйскаго (333); рожденіе Никона (422).
1606.	Переговоры московскихъ бояръ съ Сигизмундомъ III (336); пріѣздъ въ Москву Марины (336); 8 мая — бракосочетаніе Лжедимитрія I (336); 17 мая—*гибель Лжедимитрія I* (337, 347); 19 мая—*воцареніе В. И. Шуйскаго* (338); 3 іюня — перенесеніе мощей св. Димитрія (339); составленіе «Иного сказанія» (316); осень — *движеніе Болотникова* (342); походъ Θ. Шереметева для усмиренія Астрахани (349).
1607.	9 марта—Отмѣна крестьянскаго выхода и установленіе 15-тилѣтняго срока для исковъ о бѣглыхъ (344); отъ іюня до октября—*осада Тулы* (344); *появленіе Лжедимитрія II* (344).
1608.	Лѣто—*Образованіе Тушинскаго стана*; осень—*начало осады Троицко-Сергіевскаго монастыря* (346); пріѣздъ Марины въ Тушино (347); начало движенія «сѣверныхъ мужиковъ» (348).
1609.	*Вмѣшательство иноземцевъ въ Смуту:* февраль — Выборгскій договоръ съ Карломъ IX (348, 350); лѣто — выступленіе въ походъ Сигизмунда III (350); лѣто — походъ Скопина-Шуйскаго и Делагарди (349); декабрь — прибытіе въ Тушино пословъ отъ Сигизмунда III (350).
1610.	Январь—Бѣгство Вора изъ Тушина въ Калугу (351); 4 февраля—*договоръ Тушинской знати съ Сигизмундомъ III* (351, 352, 353); мартъ—*распаденіе тушинскаго стана* (350, 351); 23 апрѣля—*смерть Скопина* (352); 17 іюля—*сверженіе Василія Ивановича Шуйскаго съ престола* (353, 373); 17 августа—*заключеніе договора съ Жолкѣвскимъ и присяга Владиславу* (354, 378); *плѣненіе «великихъ пословъ»* (355, 359); 10 декабря—*убіеніе Вора (359); переломъ въ исторіи Смуты* (356); патріотическая проповѣдь Гермогена (356, 359).

1611. *Образованіе перваго земскаго ополченія* (359); мартъ—прибытіе ополченія къ Москвѣ (360), возстаніе москвичей противъ поляковъ (360); іюнь, 3—*взятіе Сигизмундомъ Смоленска* (362), 30 — приговоръ земскаго ополченія (361); іюль — *взятіе шведами Новгорода* (362); убіеніе Ляпунова (361); *лихолѣтье* (362); осень—*начало нижегородскаго патріотическаго движенія* (365).

1611—1619. Плѣненіе Филарета (379).

1612. Февраль — *Кончина Гермогена* (363), *воззванія Пожарскаго* (366), мартъ — присяга козаковъ псковскому самозванцу (366); отъ апрѣля до августа—второе земское ополченіе и соборъ въ Ярославлѣ (366); октябрь, 22—взятіе штурмомъ Китай-Города (367); 26—*сдача польскаго гарнизона* (367); ноябрь—*созывъ выборныхъ людей въ Москву* (368); походъ Сигизмунда III на Москву (368).

1613. Январь — *Открытіе засѣданій земскаго собора* (368); февраль, 7 — предварительное избраніе Михаила Θеодоровича на царство; 21—*торжественное и единогласное избраніе Михаила Θеодоровича и принесеніе присяги* (369); 14 марта—*согласіе Михаила Θеодоровича на избраніе* (370).

1613—1645. *Царствованіе Михаила Θеодоровича* (375).

1614. Казнь Заруцкаго и сына Марины (377).

1616. Смерть Минина (376).

1617. *Столбовскій миръ* (378).

1618. *Деулинское перемиріе* (378).

1619. Поставленіе Филарета Никитича на патріаршество (379); земскій соборъ (380, 381).

1619—1633. *Двоевластіе царя Михаила Θеодоровича и патріарха Филарета Никитича* (379).

1625. Куруковскій договоръ (407); смерть Хворостинина (458).

1627—1633. Пребываніе Кипріана на новгородской митрополіи (435).

1632. Смерть Сигизмунда III (383); походъ русскихъ подъ Смоленскъ (383).

1634. *Поляновскій миръ* (384).

1635. Перевезеніе праха Василія Ивановича Шуйскаго въ Москву (366).

1636. «Помѣстное уложеніе» при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ (383).

1637. Взятіе донскими козаками Азова (384).

1641. Смерть Пожарскаго (376).

1642. Ходатайство дворянъ о введеніи подворнаго обложенія (381); *земскій соборъ для обсужденія Азовскаго вопроса* (384, 396).

1645—1676. *Царствованіе Алексѣя Михайловича* (385).

1646. Подворная перепись (381, 393).

1648. Мятежъ въ Москвѣ (388, 389); созывъ боярской коммиссіи и земскаго собора для составленія Уложенія (389, 395); *возстаніе Богдана Хмельницкаго* (408); подготовленіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и Стефаномъ Вонифатьевымъ церковной реформы въ грекофильскомъ духѣ (420).

1649. *Изданіе Соборнаго Уложенія* (390, *175*); Зборовскій договоръ (410); церковный соборъ въ защиту многогласія (420).

1649—1675. Новоуказныя статьи (390).

1650. Земскій соборъ по поводу новгородскаго мятежа (397, 422).

1651. Земскій соборъ для обсужденія малороссійскаго вопроса (397); второе возстаніе Хмельницкаго и Бѣлоцерковскій договоръ (411); отмѣна многогласія (420).

1652. Перенесеніе мощей св. Филиппа, кончина патріарха Іосифа и *избраніе Никона на патріаршество* (423).

1653. *Земскій соборъ по поводу присоединенія Малороссіи* (397, 412), *прекращеніе дѣятельности земскихъ соборовъ* (412); Жванецкій договоръ (412).

1654. *Переяславльская рада и присяга малороссійскаго народа царю Алексѣю Михайловичу* (412); *церковный соборъ по поводу книжныхъ и обрядовыхъ исправленій* (426).

1654—1656. *Первая война съ Польшей за Малороссію* (413, 435).
1655. Учрежденіе Тайнаго Приказа (398); церковный соборъ по поводу книжныхъ и обрядовыхъ исправленій (426); отвѣтъ патріарха Паисія (427).
1656. *Денежная реформа* (выпускъ мѣдныхъ денегъ) (399); Виленскій миръ (413); *преданіе проклятію двоеперстниковъ* (427, 431).
1657. Смерть Хмельницкаго (413).
1658. Договоръ польскаго правительства съ Выговскимъ (414); начало ссоры Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (436); *оставленіе Никономъ патріаршества* (436).
1659. Пораженіе московскаго войска при Конотопѣ (414).
1660. Русскій церковный соборъ для обсужденія дѣла Никона (438, 439).
1660 [1])-1662. Паденіе цѣнности мѣдныхъ денегъ (400).
1661. *Кардисскій миръ со Швеціей* (413).
1662. Бунтъ въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ (401); пріѣздъ въ Москву Паисія Лигарида (438).
1663. Запрещеніе мѣднаго обращенія (401).
1664. Письменные отвѣты восточныхъ патріарховъ по дѣлу Никона (439, 444); попытка Никона вернуться на патріаршество (440); бѣгство Котошихина въ Швецію (458).
1665. Согласіе Никона на избраніе новаго патріарха (440).
1666. *Созывъ церковнаго собора для обсужденія дѣла Никона и его реформы* (441, 444). Судъ надъ Никономъ (441) и приговоръ (442).
1667. *Андрусовское перемиріе* (415); пренія на церковномъ соборѣ 1666—7 гг. объ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти (443); 13 мая — *преданіе проклятію старообрядцевъ и начало раскола* (445, 446, *93*).
1668. Набѣгъ Ст. Разина на персидскія владѣнія (402).
1669. Ожиданіе раскольниками кончины міра (*94*).
1670—1671. *Бунтъ Ст. Разина* (403, 404).
1672. Походъ Магомета IV на Польшу (415); 30 мая — *рожденіе Петра Великаго* (*2*).
1676—1682. *Царствованіе Θеодора III Алексѣевича* (463, 464).
1677—1678. Чигиринскіе походы (415).
1681. *Бахчисарайскій миръ съ Турціей* (416); Смерть Никона (442); сожженіе Аввакума (447); комиссія для «устроенія и управленія ратнаго дѣла» (464).
1682. *Отмѣна мѣстничества* (464); *кончина Θеодора Алексѣевича* (*2*); *избраніе на царство Петра I Алексѣевича* (*3*); май, 15—*стрѣлецкій бунтъ* (*5, 13, 20*); 17—гибель И. К. Нарышкина (*6*); 23—*установленіе двоецарствія* (*7*); 29—*избраніе Софіи Алексѣевны правительницей* (*7*); іюль, 5—волненіе раскольниковъ (*8*); сентябрь—казнь Хованскаго (*9*); «привилей» Славяно-Греко-Латинской академіи (*67*).
1682—1725. *Царствованіе Петра I Алексѣевича* (*1*).
1686. *«Вѣчный миръ» съ Польшей* (*10*).
1687. Первый крымскій походъ кн. Голицына (*10*); намѣреніе Софіи вѣнчаться на царство (*13*).
1689. Второй крымскій походъ кн. Голицына (*10*); *разрывъ между Петромъ и Софіей и удаленіе ея въ монастырь* (*14*); бракъ Петра съ Евд. Лопухиной (12).
1690. Рожденіе царевича Алексѣя Петровича (*83*).
1694. Смерть цар. Наталіи Кирилловны (*16*); попытка устройства летательной машины (*96*).
1695. Первый Азовскій походъ (*16*).
1695—1696. Постройка флота (*17*).
1696. Второй Азовскій походъ и *взятіе Азова* (*17*).
1697. Смерть царя Іоанна V Алексѣевича (*15*); заговоръ Цыклера (*18*).

[1]) Въ текстѣ опечатка: 1670.

1697—1698. Путешествіе Петра I за границу (*18, 20*).

1698. Волненіе стрѣльцовъ (*22, 23*); стрѣлецкій розыскъ (*23, 78*); постриженіе Софіи (*24*); указъ о брадобритіи и ношеніи одежды иноземнаго покроя (*24*); переговоры Паткуля съ Августомъ Польскимъ (*27*).

1699. Реформа календаря (*24*); организація городского самоуправленія (*25, 53*); переговоры Паткуля съ Петромъ I (*28*); присоединеніе Петра I къ союзу противъ Карла XII (*28*); введеніе гербовой бумаги (*51*); учрежденіе «Ближней канцеляріи» (*54*); ожиданіе раскольниками кончины міра (*94*).

1700. *Миръ съ Турціей* (*26*); Травендальскій миръ (*27*); *битва подъ Нарвой* (*29*); смерть патріарха Адріана (*79*).

1700—1721. *Великая Сѣверная война* (*26*).

1701. Пораженіе Августа Польскаго подъ Ригой (*31*); учрежденіе «школы математическихъ и навигацкихъ наукъ» (*68*); возстановленіе монастырскаго приказа (*79*).

1701—1702. Побѣды Шереметева при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ (*31*).

1702. Взятіе русскими Нотебурга (*31*).

1703. *Основаніе Петербурга*, взятіе русскими Яма и Копорья (*31*); основаніе первой газеты «Вѣдомости» (*75*).

1704. Взятіе русскими Дерпта—Юрьева (*31*); смуты въ Польшѣ (*33*).

1705. Пораженіе Шереметева при Гемауертгофѣ (*31*).

1705—1706. Волненія въ Астрахани (*33, 90*).

1706. Альтранштадтскій миръ (*33*).

1707. Вступленіе Карла XII въ Литву (*34*); переговоры Мазепы съ Карломъ XII (*35*); донесеніе Кочубея и Искры (*35*).

1707—1708. Булавинскій и башкирскій бунты (*33, 91, 92*).

1708. Сентябрь 28—*битва при Лѣсной* (*34*); іюль—казнь Кочубея и Искры (*35*); октябрь—анаѳематствованіе Мазепы (*36*); областная реформа (*54, 57, 59*); реформа типографскаго шрифта (*75*).

1709. Май—разореніе Меншиковымъ «Запорожской Сѣчи» (*36*); іюнь, 27—*Полтавская битва* (*37*).

1710. Взятіе русскими Выборга, Кексгольма, Риги и Ревеля; разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей (*38*).

1711. *Прутскій походъ* (*38, 39*); *учрежденіе Сената* (*54*) и должности фискаловъ (*55*).

1711—1763. Жизнь М. В. Ломоносова (*153*).

1712. Женитьба Петра на Екатеринѣ Алексѣевнѣ (85).

1713. Заключеніе мира съ Турціей (*40*).

1713—1715. Завоеваніе русскими Финляндіи (*40*).

1714. Выѣздъ Карла XII изъ Турціи (*40*); сраженіе при Гангудѣ (*40*); *законъ о единонаслѣдіи* (*46, 111*); изданіе инструкціи фискаламъ (*55*); открытіе цыфирныхъ школъ (*68*).

1715. Неудача Карла XII при Штральзундѣ (*40*); основаніе морской академіи (*68*); переписка Петра I съ Алексѣемъ Петровичемъ (*85*).

1716. Запрещеніе дворянамъ поступать въ цыфирныя школы (*69*); бѣгство цар. Алексѣя Петровича за границу (*86*).

1717. Открытіе въ Англіи Великой масонской ложи (*219*).

1718. Смерть Карла XII (*40*); *проектъ подушной подати* (*47*); *судъ надъ Алексѣемъ Петровичемъ и его смерть* (*87, 88*).

1719. «Ревизія населенія» (*47*); *открытіе коллегій* (*54*); вторая областная реформа (*54, 57*).

1719—1720. Опустошеніе русскими Швеціи (*40*).

1720. Открытіе магистратовъ (*54, 58*); освобожденіе посадскихъ отъ посѣщенія цыфирныхъ школъ (*69*).

1721. Августъ, 30—*Ништадтскій миръ и принятіе Петромъ I императорскаго титула* (*41*); закрѣпощеніе «вольно-гулящихъ людей (*48*); запрещеніе продажи крестьянъ порознь (*49*); *учрежденіе Синода* (*77, 78, 81*).

1722. *«Табель о рангахъ»* (*46*); закрѣпощеніе «церковниковъ» (*48*); учрежденіе должности генералъ-прокурора (*56*); *законъ Петра I о престолонаслѣдіи* (*106, 111, 115*).

1722—23. Война съ Персіей (*41*).

1723. | 1724. | Внесеніе холоповъ въ «ревизскія сказки (*47*).

1725. Январь, 28—*Кончина Петра Великаго* (*107*).

1725—1762. Эпоха ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго (*107*).

1725—1727. Царствованіе императрицы Екатерины I (*107, 111*).

1726. Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта (*112*) и *Академіи Наукъ* (*149*); временное уничтоженіе должности генералъ-прокурора (*114*).

1727. Май—кончина императрицы Екатерины I (*115*); сентябрь—ссылка Меншикова (*116*).

1727—1730. Царствованіе императора Петра II (*107, 115*).

1727—1762. Періодъ облегченія дворянской службы (*109*).

1728. Рожденіе принца Карла-Петра-Ульриха Гольштинскаго (будущаго императора Петра III (*107*); кончина царевны Наталіи Алексѣевны (*116*).

1729. Смерть Меншикова (*116*).

1730. Кончина императора Петра II (*117*); замыслы верховниковъ и ихъ крушеніе (*118—128*); составленіе Ив. Долгорукимъ завѣщанія Петра II (*130*).

1730—1740. Царствованіе императрицы Анны Іоанновны (*108, 129*).

1730—1741. Періодъ вліянія нѣмецкой партіи (*108*).

1731. Учрежденіе кабинета министровъ (*132*); отмѣна закона о единонаслѣдіи (*134*); первое упоминаніе о русскомъ масонствѣ (*219*).

1731—1735. Первый періодъ исторіи кабинета министровъ (*133*).

1732. Отказъ отъ персидскихъ завоеваній, сдѣланныхъ при Петрѣ I (*135*).

1733. Война съ Польшей для поддержанія кандидатуры Августа III (*136*).

1734. Кончина кн. Алексѣя Григ. Долгорукаго (*130*).

1735—1739. Война съ Турціей (*136*).

1735—1740. Второй періодъ исторіи кабинета министровъ (*133*).

1736. Разрѣшеніе помѣщикамъ наказывать бѣглыхъ крестьянъ по своему усмотрѣнію (*134*); ограниченіе службы дворянъ 25-ти лѣтнимъ срокомъ (*135*).

1737. Избраніе Бирона герцогомъ Курляндскимъ (*131*).

1738. Кончина кн. Д. М. Голицына (*130*); назначеніе А. Волынскаго кабинетъ-министромъ (*137*).

1739. Казнь Долгорукихъ (*130*); указъ, обязывающій помѣщиковъ прокармливать крестьянъ въ неурожайные годы (*134*); Бѣлградскій миръ (*136*).

1740. Рожденіе принца Іоанна Антоновича Брауншвейгскаго (будущаго императора Іоанна VI) (*107, 138*); регентство Бирона (139).

1740—1741. Царствованіе императора Іоанна VI (*108, 139*).

1741. Ноябрь, 24—25 — *Вступленіе на престолъ царевны Елизаветы Петровны* (*141*).

1741—1761. Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны (*108*).

1742. Приглашеніе принца Карла Петра Ульриха (Петра Ѳеодоровича) къ русскому двору и объявленіе его наслѣдникомъ престола (*156*).

1743. Миръ со Швеціей въ гор. Або (*154*).

1744. Соединеніе цифирныхъ школъ съ гарнизонными (*69*); указъ объ отмѣнѣ смертной казни (*142*).

1745. Бракосочетаніе Петра Ѳеодоровича съ Екатериной Алексѣевной (*157*).

1747. Смерть Остермана (*141*); преобразованіе Академіи Наукъ (*149, 150*).

1748. Высылка Шетарди за границу (*145*).

1750. Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Пруссіей (*154*).

1753. Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ (*149*).

1754. «Генеральное межеваніе» *(147)*; рожденіе вел. кн. Павла Петровича *(244)*.
1755. *Основаніе Московскаго Университета (149, 151).*
1756—1763. *Семилѣтняя война (156).*
1757. Основаніе русскаго театра *(153)*.
1758. Битва при Цорндорфѣ *(156)*.
1760. Разрѣшеніе помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ въ Сибирь *(147)*; проектъ И. И. Шувалова о повсемѣстномъ открытіи школъ *(151)*.
1761. Декабрь, 25—кончина императрицы Елизаветы Петровны *(155)*.
1761—1762. *Царствованіе императора Петра III (108, 160).*
1762. Февраль, 18—манифестъ о «вольности дворянской» *(160)*; іюнь, 28—воцареніе императрицы Екатерины II *(162)*.
1762—1796. *Царствованіе императрицы Екатерины II (163).*
1763. Реформа Сената *(166)*; уничтоженіе раскольничьей конторы *(167)*; учрежденіе Медицинской Коллегіи *(169)*.
1764. Заговоръ Мировича *(167)*; секуляризація церковныхъ земель *(167)*; составленіе «Генеральнаго Учрежденія» *(169, 213)*; основаніе Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ *(170)*.
1764—1769. Крестьянскія волненія въ Московской губерніи *(201)*.
1765. Основаніе особливаго училища при Новодѣвичьемъ монастырѣ *(170)*; разрѣшеніе помѣщикамъ ссылать крестьянъ на каторгу *(196)*; учрежденіе Вольнаго Экономическаго Общества *(211)*.
1765—1766. Проектъ о повсемѣстномъ учрежденіи гимназій *(173)*.
1766. Декабрь, 14—манифестъ о созывѣ «Комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія» *(176)*; пониженіе ввозныхъ пошлинъ *(211)*.
1767. Запрещеніе крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господъ *(196)*.
1767—1768. *Засѣданія «Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія (179; 194, 196, 209).*
1768. Учрежденіе Ассигнаціоннаго банка *(212)*; *уравненіе диссидентовъ въ правахъ съ католиками (238)*; *образованіе Барской конфедераціи (238)*; *возстаніе гайдамаковъ (238)*.
1768—1774. *Первая турецкая война (226, 227).*
1768 и 1778. Указы, запрещающіе раскольникамъ строить церкви *(167)*.
1770. Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ *(227)*.
1771. Выселеніе калмыковъ изъ пріуральскихъ степей *(202)*; возстаніе яицкихъ козаковъ *(203)*; чумной бунтъ въ Москвѣ *(206)*; экспедиція Долгорукова въ Крымъ *(228)*.
1772. Возвышеніе Потемкина *(221)*; побѣда Суворова надъ барскими конфедератами *(238)*; рожденіе М. М. Сперанскаго *(287)*.
1773. *Первый раздѣлъ Польши (225, 228, 238, 412)*; бракъ Павла Петровича съ Наталіей Алексѣевной *(246)*.
1773—1774. *Пугачевскій бунтъ (203, 204).*
1774. *Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи (228)*; кончина вел. кн. Наталіи Алексѣевны *(246)*.
1775. Полное прекращеніе дѣятельности Уложенной Комиссіи *(180)*; *«Учрежденія для управленія губерній» (191, 209, 352)*; уничтоженіе Запорожской Сѣчи *(193)*; казнь Пугачева *(206)*; смерть кн. Таракановой *(207)*.
1777. Рожденіе вел. кн. Александра Павловича *(263)*.
1779. Заключеніе союза между Россіей и Австріей противъ Турціи *(226, 230)*; Тешенскій миръ *(230)*.
1780. Конвенція для охраненія нейтральнаго кораблеплаванія *(210, 230)*; планъ введенія въ Россіи австрійской учебной системы *(213)*.
1782. Повышеніе ввозныхъ пошлинъ *(211)*; учрежденіе Комиссіи о народныхъ училищахъ *(213)*; путешествіе Павла Петровича и Маріи Θеодоровны за границу *(246)*.
1783. Открытіе перваго главнаго училища *(212)*; Присоединеніе Крыма *(226)*; переѣздъ вел. кн. Павла Петровича въ Гатчину *(246)*.
1784. Смерть Н. И. Панина *(245)*.

1785. *Жалованная грамота дворянству (194); Городовое Положеніе (209)*; назначеніе Лагарпа воспитателемъ великихъ князей (*264*).

1786. Изданіе устава о главныхъ и малыхъ училищахъ (*214*).

1786—1790. Развитіе книгоиздательства въ Россіи (*218*).

1787. Проектъ преобразованія Сената (*167*); путешествіе Екатерины II въ Крымъ (*229*); ультиматумъ турецкаго правительства русскому по поводу Крыма (*231*).

1787—1791. Вторая турецкая война (226, 232).

1788. Штурмъ Очакова (*232*).

1788—1790. Война со Швеціей (226, 231).

1789. Успѣхи Суворова во второй турецкой войнѣ (*232*).

1790. Миръ въ Верельской долинѣ (*231*); взятіе Измаила (*232*); смерть Іосифа II (*232*).

1791. Смерть Потемкина (*232*); *миръ въ Яссахъ (233); польская конституція 3-го мая (240).*

1792. Декларація Екатерины II по поводу польской конституціи (*270*).

1792—1799. Революціонныя войны (*257*).

1793. Второй раздѣлъ Польши (225, 241); гродненскій сеймъ (*241*).

1794. Польское возстаніе (*242*); сдача Варшавы (*243*).

1795. Паденіе Польши (225, 243); Базельскій миръ (*280*).

1796. Война съ Персіей (*226, 233*); кончина Екатерины II (*243*); рожденіе вел. кн. Николая Павловича (*340*).

1796—1801. Царствованіе императора Павла I (243).

1797. Изданіе «учрежденія объ Императорской Фамиліи» (250).

1798. Захватъ Наполеономъ острова Мальты и выступленіе эскадры Ушакова (*257*).

1799. Походъ Суворова въ Италію (257).

1800. Установленіе единовѣрія (*251*); кончина Суворова (*258*); сближеніе императора Павла I съ Наполеономъ Бонапартомъ (*258*).

1801. Кончина императора Павла I (*259*); *вступленіе на престолъ императора Александра I (266)*; отмѣна пытки (*267*); учрежденіе «Непремѣннаго Совѣта» (*267*); возвращеніе Лагарпа въ Россію (*268*); манифестъ о внутреннемъ управленіи Грузіи (*277*).

1801—1803. Дѣятельность Интимнаго Комитета (*268*).

1801—1805. Первый періодъ царствованія императора Александра I (*262*).

1801—1825. Царствованіе императора Александра I (261).

1802. Учрежденіе министерствъ и опредѣленіе правъ Сената (*271*); основаніе журнала «Вѣстникъ Европы» (*274*); свиданіе въ Мемелѣ императора Александра I съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III (*277*).

1802—1803. Проектъ русской конституціи Сперанскаго (*287*).

1803. Изданіе «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» (*272*); *изданіе указа «о свободныхъ хлѣбопашцахъ» (275).*

1804. Университетскій уставъ (*273*); изданіе новаго цензурнаго устава (*274*); утвержденіе правилъ, улучшающихъ бытъ лифляндскихъ крестьянъ (*275*); изданіе «положенія о евреяхъ» (*276*); разстрѣляніе Наполеономъ герцога Ангіенскаго (*278*).

1804—1813. Столкновенія съ Персіей (*286*).

1805. Преобразованіе быта эстляндскаго крестьянства (*275, 323*); битва при Трафальгарѣ (*279*); *сраженіе при Аустерлицѣ (280).*

1805—1806. Война Россіи и Австріи противъ Наполеона (278, 287).

1805—1807. Второй періодъ царствованія Александра I (*262*).

1806. Изданіе синодскихъ увѣщаній (*281, 286*); прекращеніе существованія Священной Римской Имперіи Германской націи (*280*).

1806—1807. Война Россіи и Пруссіи противъ Наполеона (280).

1806—1811. Война съ Англіей (285).

1806—1812. Война съ Турціей (286).

1807. Сраженіе при Фридландѣ (282;) Тильзитскій миръ (282, 284, 300).

1807—1809. Третій періодъ царствованія императора Александра I (*262*).

1808. Свиданіе императора Александра I съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ (*284*); основаніе въ Пруссіи Союза Добродѣтели (*328*).

1808—1809. *Война со Швеціей (285).*

1809. *Безкровная война Россіи съ Австріей (284); манифестъ о присоединеніи Финляндіи и Фридрихсгамскій миръ (286); проектъ Сперанскаго (288, 342)*; изданіе указовъ о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на чины *(292)*.

1810. *Открытіе преобразованнаго Государственнаго Совѣта (292)*; введеніе новаго таможеннаго тарифа *(293, 301)*.

1811. Указъ объ исключеніи изъ податного класса лицъ, окончившихъ университетъ *(273)*; записка Карамзина «О древней и новой Россіи» *(295)*; прошеніе Сперанскаго объ отставкѣ *(298)*.

1812. *Миръ въ Бухарестѣ (287); паденіе Сперанскаго (298); Отечественная война (287, 300)*; переходъ французской арміи черезъ Нѣманъ *(301)*; 4—5 августа — *оборона Смоленска (304)*; 26 августа — *Бородинская битва (305)*; 1 сентября — совѣтъ въ Филяхъ *(306)*; 3 сентября — вступленіе французовъ въ Москву *(306)*; 6 октября — сраженіе при Тарутинѣ *(307)*; 7 октября — оставленіе французами Москвы *(307)*; 9 октября — сраженіе при Малоярославцѣ *(307)*; начало ноября—пораженія французовъ при Красномъ и Смоленскѣ *(307)*; 26 ноября—*бѣгство Наполеона за границу (307)*; учрежденіе Библейскаго Общества *(321)*.

1812—1815. Четвертый періодъ царствованія императора Александра I *(262)*.

1813. *Вступленіе русскаго войска въ Германію (309)*; весна — перемиріе между союзниками и Наполеономъ *(310)*; 4 октября — битва при Лейпцигѣ *(310)*; Гюлистанскій миръ *(367)*.

1813—1814. *Освободительная война (309).*

1814. 31 марта—взятіе Парижа *(311)*; 1 апрѣля—низложеніе Наполеона *(311)*; 11 апрѣля—отреченіе Наполеона *(311)*; осень—*созваніе конгресса въ Вѣнѣ (312)*.

1815. Эпоха ста дней *(313)*; начало 5-го періода царствованія императора Александра I *(313)*.

1815—1825. Пятый періодъ царствованія императора Александра I *(262)*.

1816. *Устройство военныхъ поселеній (318)*; учрежденіе Союза Спасенія *(329)*.

1816—1819. Губернаторство Сперанскаго въ Пензѣ (299).

1817. *Образованіе министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (321).*

1818. Открытіе перваго сейма въ Царствѣ Польскомъ *(324, 325)*; порученіе Новосильцову составить «государственную уставную грамоту» (325); преобразованіе Союза Спасенія въ Союзъ Благоденствія (329); рожденіе вел. кн. Александра Николаевича *(375)*.

1819. Основаніе С.-Петербургскаго университета *(273)*.

1820. Отмѣна ограниченій для поступившихъ въ университетъ лицъ податного сословія *(273)*; бунтъ въ Семеновскомъ полку *(330)*; манифестъ о расторженіи перваго брака вел. кн. Константина Павловича и о послѣдствіяхъ морганатическаго брака.

1821. Фиктивное закрытіе Союза Благоденствія и образованіе Южнаго Общества *(329, 330)*.

1822. Закрытіе масонскихъ ложъ *(327)*; учрежденіе Сѣвернаго Общества *(331)*.

1824. Преданіе кн. Голицына анаѳемѣ и раздѣленіе министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія *(323)*.

1825. Путешествіе императора Александра I въ Таганрогъ *(334)*; 19 ноября — *кончина императора Александра I (334)*; 14 декабря — *декабрьская смута (335, 337)*; 25 ноября—полученіе въ Варшавѣ извѣстія о кончинѣ императора *(335)*; 27 ноября—присяга Николая Павловича Константину *(335)*; 12 декабря—извѣщеніе Дибичемъ Николая Павловича о существованіи заговора *(336)*; покровительство Англіи надъ Греціей *(368)*.

1825—1855. *Царствованіе императора Николая I (335).*

1826. Закрытіе Библейскаго Общества *(323)*.

1826—1828. *Персидская война (367).*

1826—1830. Комитетъ 6 декабря (*342*).

1827. Лондонскій договоръ трехъ державъ (*368*); битва при Наваринѣ (*369*); избраніе Каподистріи греческимъ президентомъ (*369*).

1828. Изданіе «устава гимназій и училищъ» (*356*); Туркманчайскій договоръ (*367*); начало русско-турецкой войны (*369*); 29 сентября—взятіе Варны (*369*).

1828—1829. Турецкая война (*367, 368*).

1829. Коронованіе императора Николая I въ Варшавѣ (*345*); 18 іюня—взятіе Силистріи (*369*); 30 мая—пораженіе турецкой арміи при Кулевчи (*369*); 7 августа—занятіе Адріанополя (*369*); 2 сентября—*Адріанопольскій миръ* (*369*).

1830. Нападеніе на Бельведерскій дворецъ (*346*); *изданіе «Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи* (*347*); революціонныя движенія въ Зап. Европѣ (*345, 365*).

1830—1831. Польское возстаніе (*344, 365, 412, 414*).

1831. Отправка войска для усмиренія Польши и Литвы (*346*); 25 августа—штурмъ Варшавы (346); изданіе новаго «положенія о дворянскихъ обществахъ» (*348*).

1832. Изданіе «Свода Законовъ» (*347*); образованіе сословія почетныхъ гражданъ (*348*).

1833. Ункіаръ-Скелесскій договоръ (*366, 370*).

1835. Изданіе новаго университетскаго устава (*356*).

1837. Учрежденіе Министерства государственныхъ имуществъ (*347*).

1839. Установленіе неизмѣннаго отношенія между серебрянымъ и ассигнаціоннымъ рублемъ (*354*); *отмѣна церковной уніи въ Юго-западномъ краѣ* (*363*).

1840. Лондонская конференція (*366, 370*).

1842. Изданіе указа объ обязанныхъ крестьянахъ (*351*).

1843. Выпускъ кредитныхъ билетовъ (*355*).

1845. Изданіе Уголовнаго Уложенія (*347*); манифестъ о затрудненіи доступа въ дворянство посредствомъ выслуги (*349*); рожденіе вел. кн. Александра Александровича (*417*).

1845—1846. Урегулированіе наказаній, налагаемыхъ помѣщиками на крѣпостныхъ (*349*).

1846. Введеніе въ С.-Петербургѣ «Новаго Городового Положенія» (*348, 388*); учрежденіе старообрядческой іерархіи (*363*).

1847. Эмиграція Герцена за границу (*359*).

1848. Революціонныя событія въ Европѣ (*356, 357*); германская революція (*369*).

1849. Венгерское возстаніе (*365*).

1853. Занятіе русскими войсками Молдавіи и Валахіи (*370*); 14 сент.—объявленіе Турціей войны Россіи (*370*); 18 ноября—побѣда адм. Нахимова при Синопѣ (*371*).

1853—1856. Восточная (Крымская) война (*367, 370*).

1854. Требованіе Австріи очистить Дунайскія княжества и переходъ ея въ лагерь враговъ Россіи (*371*); май—осада Силистріи (*372*); осень—очищеніе княжествъ (*372*); оборонительныя дѣйствія на европейскомъ театрѣ войны (*372*); осень—высадка союзниковъ въ Евпаторіи (*373*); 8 сентября—сраженіе при Альмѣ (*373*).

1854—1855. Севастопольская оборона—съ 27 сентября по 27 августа (*372*).

1855. Взятіе Карса (*372*); присоединеніе къ врагамъ Россіи Сардинскаго королевства (*373*); 4 августа—сраженіе при р. Черной (*374*); 27 августа—захватъ врагами Малахова кургана (*374*); 18 февраля—кончина императора Николая I (*374*); начало мирныхъ переговоровъ (*374*).

1855—1881. Царствованіе императора Александра II Николаевича (*375*).

1856. Парижскій конгрессъ и подписаніе мирнаго трактата (*374, 404*); рѣчь императора Александра II Николаевича къ московскому дворянству (*377, 378*).

1857. Январь — *учрежденіе «Негласнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ»* и призваніе въ него Ростовцева (*378*); осень—пріѣздъ въ Петербургъ Назимова (*378*); 20 ноября—рескриптъ на его имя (*379*); основаніе газеты «Колоколъ» (*409*).
1858. Январь—*переименованіе Негласнаго Комитета въ Главный* (*379*); Айгунскій договоръ (*403*).
1859. *Образованіе двухъ «редакціонныхъ комиссій»* (*381*); осень—*окончаніе выработки «Положенія о крестьянахъ»* (*383*); взятіе Барятинскимъ Гуниба и *покореніе восточнаго Кавказа* (*402*).
1860. Смерть Ростовцева (*384*); закрытіе редакціонной комиссіи (*384*); уступка Россіи Уссурійскаго края (*403*); основаніе государственнаго банка (*398*).
1861. 28 января—рѣчь императора въ Государственномъ Совѣтѣ (*384*); 17 февраля— окончаніе обсужденія крестьянской реформы (*384*); 19 февраля—*подписаніе Положенія и манифеста о волѣ* (*384*); 5 марта—обнародованіе манифеста въ столицахъ (*385*); учрежденіе въ Царствѣ Польскомъ особаго Государственнаго Совѣта (*412*).
1862. Составленіе «основныхъ положеній» судебной реформы (*391*); адресъ тверского дворянства (*410*); назначеніе вел. кн. Константина Николаевича намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ (*412*).
1862—1863. Проведеніе финансовыхъ преобразованій (*397*).
1863. Созваніе сейма въ Финляндіи (*389*); отмѣна тѣлесныхъ наказаній (*394*); *новый университетскій уставъ* (*396*); замѣна откупной системы акцизной (*398*).
1863—1864. *Польское возстаніе* (*389, 411, 412, 413, 414*); подавленіе возстанія въ Литвѣ и западно-русскихъ областяхъ (*413*); вмѣшательство западно-европейскихъ державъ (*413*).
1864. Смерть Ѳедора Кузьмича (*344*); *земская реформа* (*387, 418*); *судебная реформа* («Судебные уставы») (*387, 391, 418*); новый уставъ гимназій (*395*); *покореніе западнаго Кавказа и назначеніе кавказскимъ намѣстникомъ вел. кн. Михаила Николаевича* (*402*); начало энергичныхъ дѣйствій противъ Кокана (*402*).
1865. Изданіе «временныхъ правилъ» о печати (*414*); ходатайство Московскаго дворянскаго Собранія о созваніи представителей отъ земли русской (*416*); кончина вел. кн. Николая Александровича (*417*).
1866. Покушеніе Каракозова (*415*).
1870. *Введеніе всесословнаго городского самоуправленія* (387, 388).
1871. Установленіе въ гимназіяхъ классической системы (*396*); возстановленіе права Россіи имѣть военный флотъ и укрѣпленія на Черномъ морѣ (*401, 405*).
1873. Подчиненіе Хивы (*403*).
1874. *Установленіе всеобщей воинской повинности* (*399, 400*).
1875. Отмѣна уніи въ Холмской епархіи (*363, 414*); возстаніе сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ (*404*).
1876. Присоединеніе къ Россіи Кокана (*403*); звѣрства турокъ въ Болгаріи (*404*); перемиріе между Турціей и Сербіей и международная конференція въ Константинополѣ (*404*).
1877—1878. Русско-турецкая освободительная война (*401, 403,*); объявленіе войны (*404*); ноябрь—сдача Карса (*405*); іюнь—переходъ русской арміи на правый берегъ Дуная (*405*); 28 ноября—сдача Османъ-паши (*406*); февраль—взятіе русскими Эрзерума (*405*); январь—взятіе Адріанополя (*406*); 19 февраля—*Санъ-Стефанскій прелиминарный мирный договоръ* (*406*); іюнь—*Берлинскій конгрессъ* (*407*).
1879. Разрѣшеніе Финляндіи имѣть свое войско (*389*).
1880. Попытка революціонеровъ устроить взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ (*415*).
1881. Взятіе Скобелевымъ крѣпости Геокъ-Тепе (*403*); 1 марта —*кончина императора Александра II* (*416*); обязательный выкупъ крестьянъ (*419*).
1881—1894. *Царствованіе императора Александра III Александровича* (*417*).

1882. Учрежденіе Крестьянскаго земельнаго банка (*419*).
1883. Назначеніе гр. Д. А. Толстого на постъ министра внутреннихъ дѣлъ (*417*).
1884. Новый университетскій уставъ (*421*).
1885. Учрежденіе Дворянскаго земельнаго банка (*419*); присоединеніе Восточной Румеліи къ Болгаріи (*422*); столкновеніе на р. Кушкѣ (*423*).
1888. Учрежденіе университета въ Томскѣ (*421*).
1889. Учрежденіе должности «земскихъ участковыхъ начальниковъ» (*418*).
1890. Измѣненіе положенія о земскихъ собраніяхъ (*419*).
1894. Октябрь, 20—*кончина императора Александра III.*

Краткій списокъ важнѣйшихъ трудовъ по русской исторіи [1].

I. Общіе обзоры.

Соловьевъ. Исторія Россіи.
Ключевскій. Курсъ русской исторіи. 4 т.
Платоновъ. Лекціи по русской исторіи. 1 т.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. 3 ч.
Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. 3 т.
Довнаръ-Запольскій. Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. 2 т.
Гуревичъ и Павловичъ. Историческая хрестоматія по русской исторіи.
Князьковъ. Изъ прошлаго русской земли. 1 т. (до XVIII в.).
Покровскій. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.

II. До-русскій періодъ.

Кромѣ указаннаго въ отд. I:

М. Грушевський. Історія Украіни-Руси. Т. I.
Ефименко. Исторія украинскаго народа. В. I.
Браунъ. Разысканія въ области готско-славянскихъ отношеній. Т. I.

III. Кіевскій періодъ.

Кромѣ указаннаго въ отд. I и II:

Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I.
Д. А. Хвольсонъ. Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Ибнъ-Даста.
Kunik. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen.
Забѣлинъ. Исторія русской жизни. Ч. II.
Погодинъ. Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси.
Гедеоновъ. Варяги и Русь. 2 т.
Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси.
Томсенъ. Начало русскаго государства.

---

[1]) Здѣсь указываются только тѣ труды, основательное знакомство съ которыми необходимо, по мнѣнію автора, для каждаго преподавателя русской исторіи, и большинство которыхъ доступно для учащихся старшаго возраста. Полная и очень обстоятельная библіографія приведена въ книгѣ *Н. П. Покотило:* «Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи».

Бильбасовъ. Появленіе русскихъ на исторической сценѣ.
Тіандеръ. Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море.
Шахматовъ. Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ.
Голубинскій. Исторія русской Церкви. Т. I.
М. Грушевський. Історія Украіни-Руси, т. II и III.
М. Грушевскій. Исторія Кіевской земли.
Ляскоронскій. Русскіе походы въ степи въ удѣльно-вѣчевое время.
Сергѣевичъ. Вѣче и князь. Совѣтники князя.
Прѣсняковъ. Княжое право.

IV. Удѣльный періодъ.

а) Для характеристики Сѣверо-Восточной Руси изъ указаннаго въ отд. I особенно важно:

Ключевскій. Курсъ, т. I, стр. 330—456; кромѣ того:
Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси.
Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія, ч. II.

б) Для характеристики Новгородской Руси:

Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства во время удѣльно-вѣчевого уклада.
Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода.
Пассекъ. Новгородъ самъ въ себѣ.

в) Для характеристики Юго-Западной Руси и Литовско-Русскаго государства:

Грушевський. Історія Украіни-Руси, т. III и IV.
Антоновичъ. Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго.
Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго княжества.
Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно.
Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства.

V. Московскій періодъ.

Кромѣ указаннаго въ отд. I:

Маркевичъ. О мѣстничествѣ.
Маркевичъ. Исторія мѣстничества.
Ключевскій. Боярская дума древней Руси.
Малиновскій. Рада Великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Россіи.
Чечулинъ. Города Московскаго государства въ XVI в.
Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.
Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи.
Голубинскій. Исторія русской Церкви, т. II.
Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку.
Дьяконовъ. Власть московскихъ государей.
Савва. Московскіе цари и византійскіе василевсы.
Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. II.
Крестьянскій строй, изд. кн. Долгорукаго и гр. Толстого.
Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.
Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ.
Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ.
Грушевський. Історія Украіни-Руси, т. V.
Ефименко. Исторія украинскаго народа, в. II.
Лаппо. Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія, т. I.

Леонтовичъ. Рада великаго княжества Литовскаго и «правоспособность литовско-русской шляхты» — статьи въ Журн. М. Нар. Пр. за 1907—1909 г.г.
Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI и XVII в.
Костомаровъ. Смутное время московскаго государства.
Пирлингъ. Изъ смутнаго времени.
Люди Смутнаго времени. Сборникъ статей подъ редакц. Прѣснякова.
Тюменевъ. Пересмотръ извѣстій о смерти царевича Димитрія. Статья въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1908 г.
Pierling. Rome de Démétrius.
Платоновъ. Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Статья въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1906 г.
Книга для чтенія по исторіи новаго времени, изд. Ист. Ком. Уч. Отд. О. Р. Т. Зн. (статьи по русской исторіи).
Валишевскій. Первые Романовы.
Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси.
Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси.
Гурляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ.
Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина.
Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій.
Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ.
Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.
Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго.

VI. Восемнадцатый вѣкъ.

Кромѣ указаннаго въ отд. I:

Устряловъ. Исторія Петра Великаго.
Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Петра Великаго.
Водовозовъ. Очерки изъ исторіи Россіи XVIII в.
Князьковъ. Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени.
Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго.
Градовскій. Высшая администрація Россіи XVIII стол. и генералъ-прокуроры.
Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ, т. I.
Богословскій. Областная реформа Петра Великаго.
Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вв. Т I.
Шубинскій. Историческіе очерки и разсказы.
Благовидовъ. Оберъ-прокуроры св. Синода въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія.
Семевскій. Слово и дѣло.
Костомаровъ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ.
Костомаровъ. Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица.
Кн. Вяземскій. Верховный Тайный Совѣтъ.
Костомаровъ. Самодержавный отрокъ.
Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны.
Милюковъ. Верховники и шляхетство.
Кн. Долгоруковъ. Время Петра II и Анны Іоанновны.
Строевъ. Бироновщина и Кабинетъ Министровъ.
Парамоновъ. О законодательствѣ Анны Іоанновны.
Ешевскій. Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны.
Валишевскій. Дочь Петра Великаго.
Чечулинъ. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в.
Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. I, II.
Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Екатерины II.
Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи.

Дитятинъ. Екатерининская комиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія.
Латкинъ. Законодательныя комиссіи въ Россіи.
Абрамовъ. Сословныя нужды, желанія и стремленія въ эпоху екатерининской комиссіи. Ст. въ Сѣв. Вѣст. за 1886 г.
Лаппо-Данилевскій. Очеркъ внутренней политики Екатерины II.
Иконниковъ. Значеніе царствованія Екатерины II.
Ключевскій. Императрица Екатерина II. Статья въ Русской Мысли за 1896 г.
Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.
Ѳирсовъ. Пугачевщина.
Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества.
Кизеветтеръ. Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г.
Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.
Шильдеръ. Императоръ Павелъ I.
Шумигорскій. Императоръ Павелъ I.
Шумигорскій. Императрица Марія Ѳеодоровна.
Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ.
Брикнеръ. Смерть Павла I.

VII. Девятнадцатый вѣкъ.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Гранатъ.
Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в.
Довнаръ-Запольскій. Новѣйшая русская исторія. Т. I.
Кизеветтеръ. Историческіе очерки (часть посвящена предшествующему времени).
Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I.
Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза.
Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе.
Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I.
Великій князь Николай Михайловичъ. Гр. П. А. Строгановъ.
Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I.
Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго.
Васенко. Отечественная война.
Скабичевскій. Очерки по исторіи русской цензуры.
Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ.
Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ.
Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ.
Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ.
Великій князь Николай Михайловичъ. Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири.
Кн. Барятинскій. Царственный мистикъ.
Шильдеръ. Императоръ Николай I, ч. I.
Заблоцкій-Десятовскій. Гр. Киселевъ и его время.
Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе.
Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50-хъ гг.
Татищевъ. Внѣшняя политика императора Николая I.
Татищевъ. Императоръ Николай I и иностранные дворы.
Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.
Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.
Корниловъ. Крестьянская реформа.
Великая реформа 19 февраля. Изд. Сытина.
Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Изд. кгаузъ-Ефрона.
Гессенъ. Судебная реформа.
Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ.


Лен. Гос. Университет
НАУЧН. БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Учебная книга по русской исторіи. Ч. I. До Петра Великаго. Ученымъ Комитетомъ М. Нар. Пр. допущена, а Учебнымъ Комитетомъ Вѣд. Учр. Имп. Маріи одобрена въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Учебнымъ Комитетомъ М. Торг. и Промышл. одобрена въ качествѣ руководства для коммерч. училищъ. СПБ. 1912 г. Ц. 1 р. ч. II. Съ Петра Великаго. Учен. Комит. М. Н. Пр. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. СПБ. 1913 г. Ц. 75 к.

Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Ч. I. До Петра Великаго. Ученымъ Комитетомъ М. Нар. Пр. допущена въ качествѣ необязательнаго пособія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Учебнымъ Комитетомъ Вѣд. Учр. Имп. Маріи одобрена для ученическихъ библіотекъ старш. клас. ср. уч. зав. Учебнымъ Комитетомъ М. Торг. и Промышл. одобрена въ качествѣ пособія для коммерч. училищъ. СПБ. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

2 Кн

Цѣна 2 р. 50 к.

